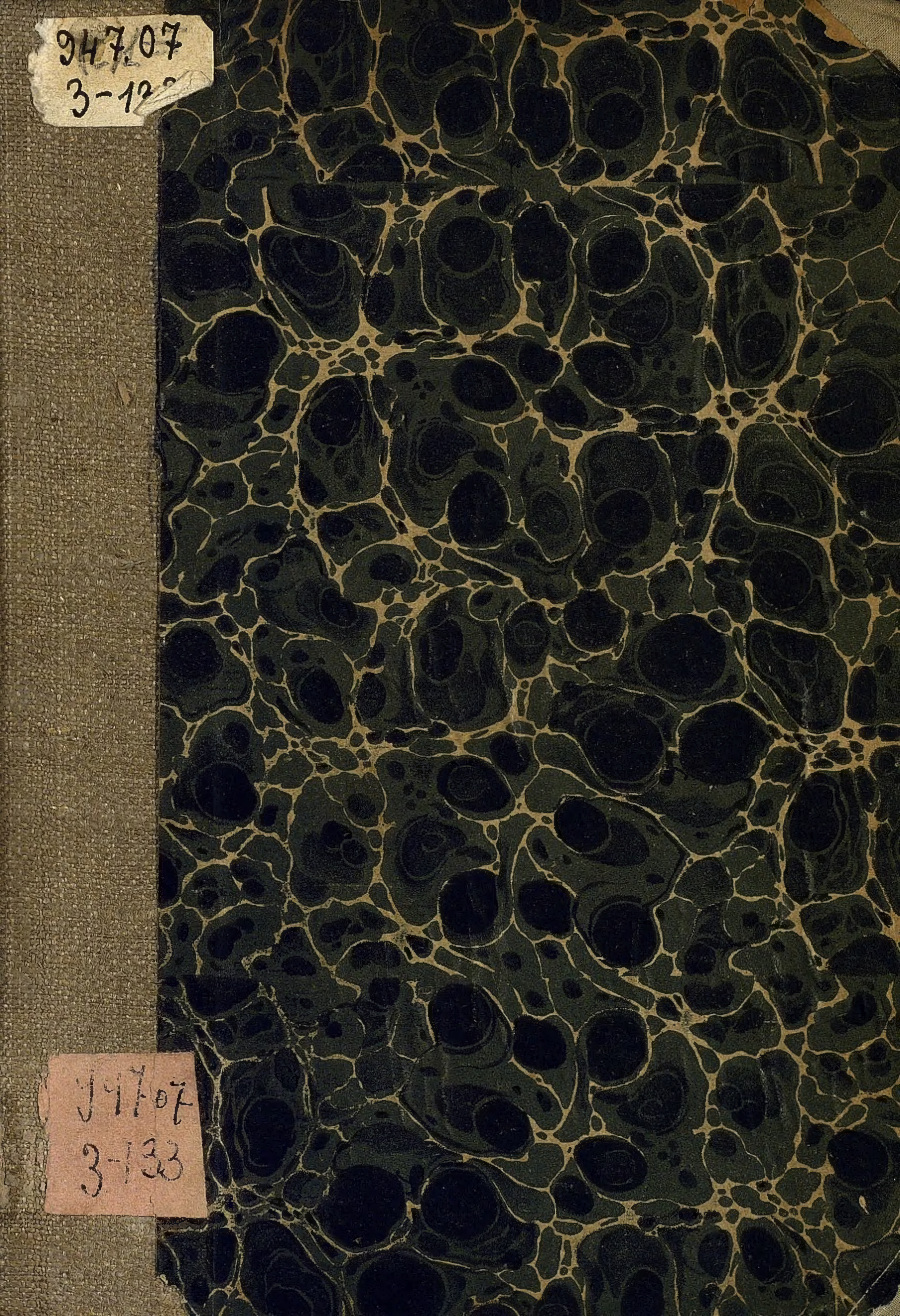

947.07
3-133
947.07
3-133

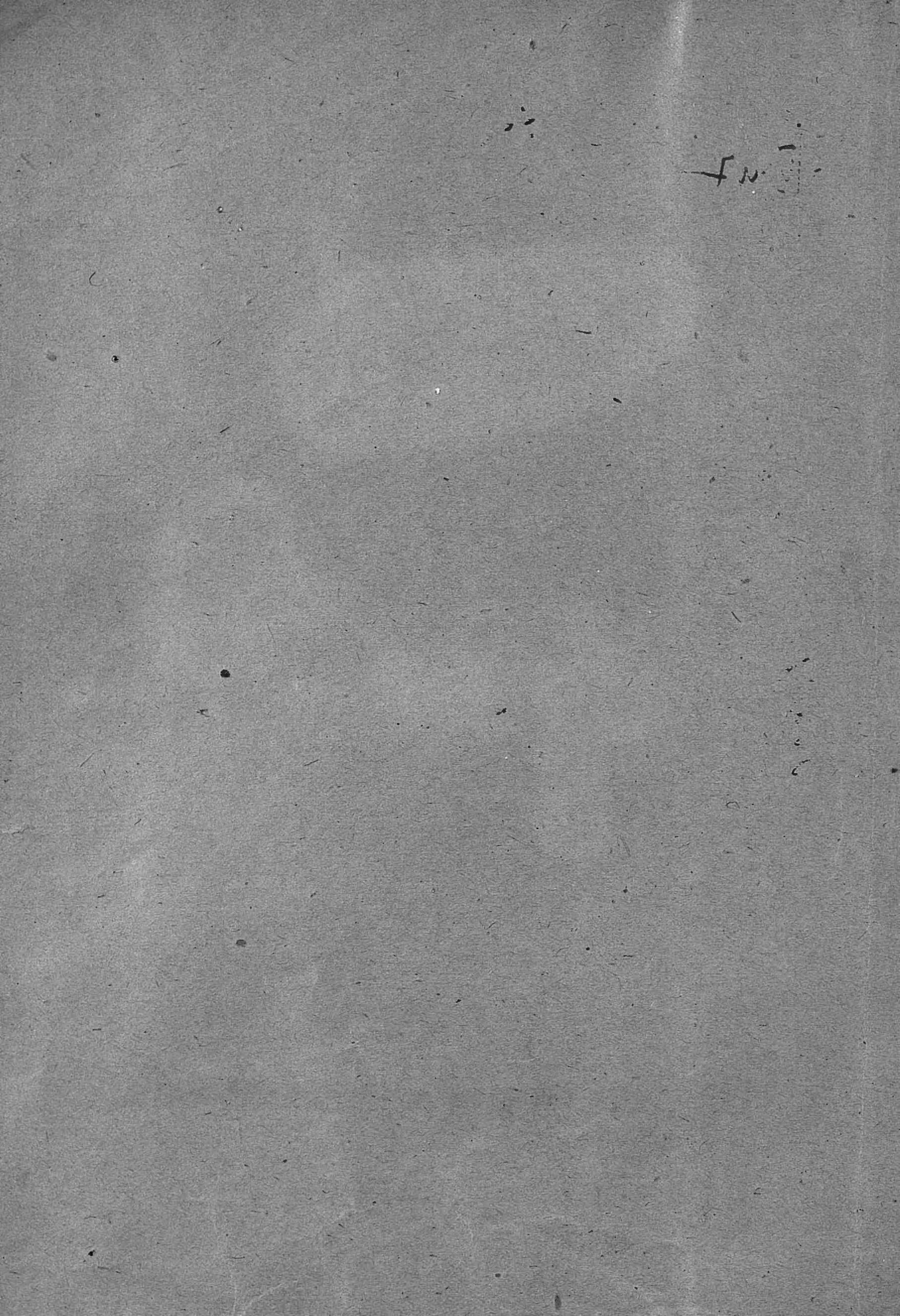
Rt

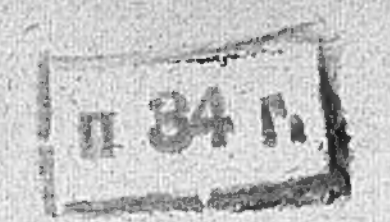
~~170 go 10/7 47~~

73 go 15/XII 50

571 go 28/VI.60

82 go 10.07.94

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТА

Д. И. ЗАВАЛИШИНА

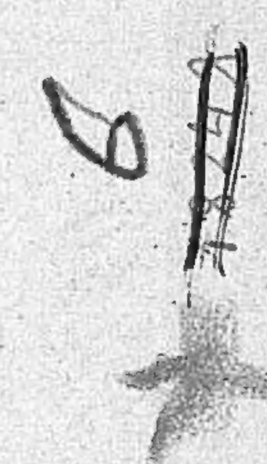
2-е РУССКОЕ ИЗДАНІЕ

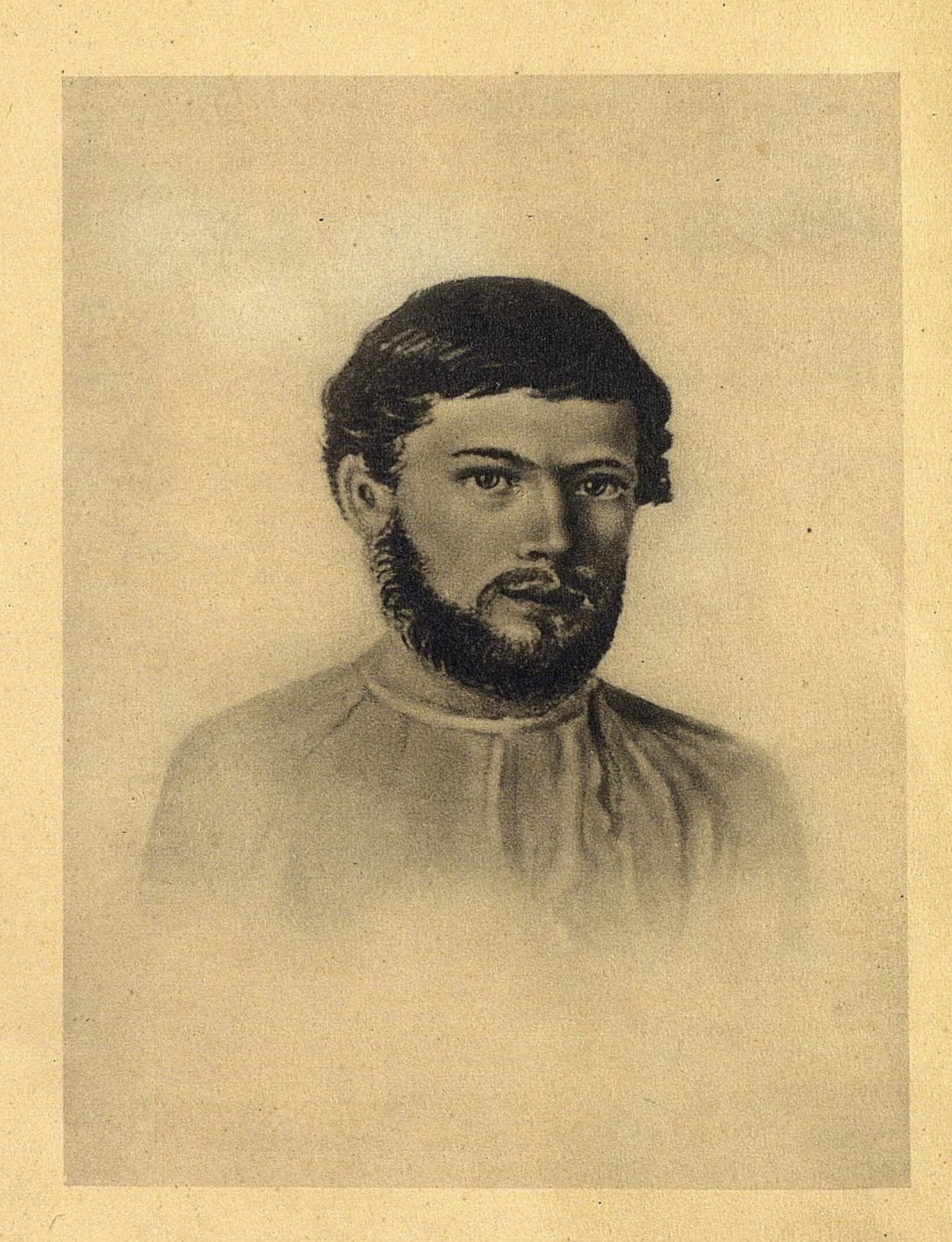
(2 ПОРТРЕТА)

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
Поставщиковъ Двора Его Императорскаго Величества
С.-Петербургъ, 1) Гостиный Дворъ, 18. » 2) Невскій пр., 13.
Москва: 1) Кузнецкій Мостъ, 12. » 2) Моховая ул., 22.

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ · Вас. Остр. 16 линія соб. домъ

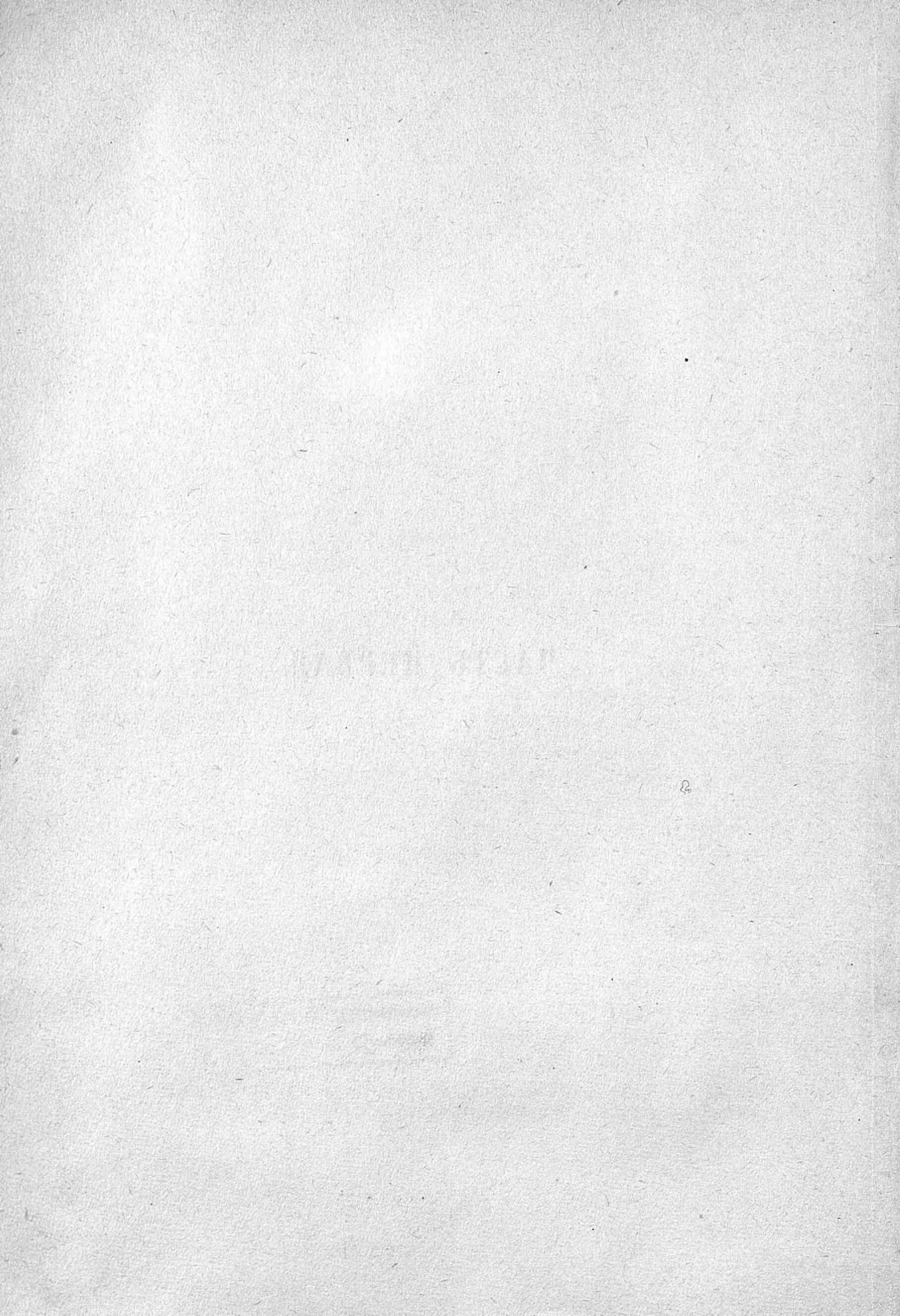

Дмитрій Завалишинъ

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

У меня были написаны записки, объяснявшія причины, которыя побудили меня принять участіе въ политическомъ движеніи, приведшемъ къ событіямъ 14 декабря 1825 г., и содержавшія правдивую исторію и тайныхъ обществъ, и «казимата» въ Сибири, гдѣ содержались главные участники ихъ, и гдѣ все происходившее такъ много способствовало въ разъясненію тѣхъ идей и побужденій, которыя привели къ образованію тайныхъ обществъ и тѣхъ дѣйствій ихъ, которыя и до сихъ поръ не имѣютъ правильнаго объясненія. Я тѣмъ болѣе считалъ себя обязаннымъ написать эти записки, что по особеннымъ обстоятельствамъ, въ запискахъ, впрочемъ, объясненнымъ, я имѣлъ возможность и лучше и полнѣе знать все. Но я вынужденъ былъ впослѣдствіи сжечь эти записки по случаю постоянныхъ покушеній противъ моей личности, окончившихся насильственнымъ перемѣщеніемъ меня въ Москву. Я сжегъ ихъ, впрочемъ, не потому, чтобы боялся отвѣтственности за содержаніе ихъ. Напротивъ, я былъ вполнѣ увѣренъ, что ничто не въ состояніи было бы принести такой несомнѣнной пользы всѣмъ сторонамъ и партіямъ, какъ полное опубликованіе ихъ, но я счелъ себя обязаннымъ сжечь ихъ потому, что не зналъ, въ какія руки онѣ попадутся. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы онѣ попались въ руки людей пристрастныхъ, которые бы сдѣлали изъ нихъ только одностороннее употребленіе, огласивъ по выбору одно и, въ го же время, скрывъ другое, что объясняло и оправдывало первое, то это могло бы и дать ложное представленіе о событіяхъ, и повредить лицамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были еще живы, — и тогда стало быть сдѣлано было бы изъ моихъ записокъ вредное употребленіе, чего, конечно, я допустить не могъ. По прибытіи же моемъ въ Москву, вслѣдствіе вопросовъ, естественно предлагавшихся мнѣ и по моему положенію, и по участію въ событіяхъ, изложенныхъ мною въ запискахъ, всѣ, кто узнавалъ объ истребленіи ихъ, а между тѣмъ слышалъ отъ меня содержавшіяся въ нихъ объясненія многихъ вещей, которыя и до

сихъ поръ остаются необъяснимыми, очень сожалѣли (въ томъ числѣ и покойный митрополитъ), что обстоятельства не дозволили мнѣ сохранить эти записки, и считали необходимымъ для правды исторіи возобновить ихъ, пока содержаніе не изгладилось изъ моей памяти. Это и понуждаетъ теперь меня начать снова писать ихъ, и именно въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ были написаны, ничего не измѣнить въ нихъ, а развѣ только дополнить ихъ кой-гдѣ новыми примѣчаніями. Но такъ какъ я, конечно, не могу знать, на сколько буду имѣть время и возможность возобновить всѣ записки въ полнотѣ, то и считаю теперь болѣе нужнымъ, начать со второй части, въ которой объясняется преимущественно ходъ вещей, приведшій къ событіямъ 14-го декабря 1825 года.

Автору удалось возобновить и первую часть. Въ предлагаемомъ изданіи она печатается въ томъ видѣ, какъ она найдена была въ бумагахъ автора. Ниже слѣдуютъ краткія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ, взятыя изъ статьи въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза, а въ приложеніи ко второму тому помѣщенъ списокъ статей автора, написанныхъ имъ послѣ освобожденія.

Завалишинъ (Дмитр. Иринарх., 1804—1892)—извѣстный декабристъ, учился въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, путемъ самообразованія пріобрѣлъ обширныя познанія по различнымъ отраслямъ науки; уже 17 лѣтъ отъ роду состоялъ въ Морскомъ корпусѣ преподавателемъ астрономіи, высшей математики, механики, высшей теоріи морского искусства, морской тактики и пр. Въ 1822 г. З. отправился съ Лазаревымъ въ кругосвѣтное плаваніе и изъ Англіи написалъ государю письмо, въ которомъ смѣло указывалъ на извращеніе въ практикѣ Веронскаго конгресса идей священнаго союза. Письмо это произвело на государя сильное впечатлѣніе, и З. повелѣно было немедленно вернуться изъ Америки черезъ Сибирь въ СПб.; но когда онъ прибылъ въ столицу, послѣдняя постигнута была наводненіемъ, вслѣдствіе чего личное свиданіе государя съ З. не состоялось, и письмо его было передано на обсужденіе особаго комитета, образованнаго подъ предсѣд. Аракчеева изъ Шишкова, гр. Мордвинова и гр. Нессельроде. Въ этотъ же комитетъ поступилъ и составленный З. проектъ для преобразованія русско-американскихъ колоній, къ которымъ, по мысли З., должна была быть присоединена и часть Калифорніи,—а также просьба З. о разрѣшеніи ему, хотя бы и негласномъ, учредить «Орденъ Возстановленія», уставъ котораго онъ представилъ. По послѣднему вопросу З. было передано, что Государь находитъ идею этого общества увлекательной, но неудобоисполнимой; въ то же время ему дано было понять, что формально ему не запрещается учреждать этотъ орденъ. «Орд. Возст.» и былъ имъ тайно учрежденъ, но съ измѣненіемъ его устава въ республиканскомъ духѣ. Это было международное общество полумистическаго характера, облеченное всѣми аттрибутами масонства и задавшееся цѣлью личнымъ примѣромъ своихъ членовъ содѣйствовать поднятію нравственности и бороться со зломъ всѣми законными средствами. Въ 1824 г. Рылѣевъ привлекъ З. къ

участію въ «Сѣв. тайномъ обществѣ», которое послало его для изслѣдованій въ Казанскую губ.; тамъ онъ, вслѣдъ за событіями 14 декабря, и былъ арестованъ.

Вмѣстѣ съ другими участниками возстанія 14-го декабря Завалишинъ былъ сосланъ въ Сибирь. Подробное описаніе жизни и дѣятельности его въ Сибири находится въ «Запискахъ Декабриста».

По возвращеніи въ Россію въ 1863 г., Завалишинъ поселился въ Москвѣ, гдѣ и продолжалъ свою литературную дѣятельность, начатую еще въ Сибири, состоя сотрудникомъ нѣскольких газетъ и журналовъ, и въ то же время много работалъ по вопросамъ воспитанія и образованія, будучи членомъ-учредителемъ общества «Воспитательницъ и Учительницъ» и принимая живое участіе въ устройствѣ и развитіи всякихъ школъ, ученыхъ обществъ и другихъ образовательныхъ учрежденій.

Завалишинъ скончался на 89-томъ году жизни, 5-го февраля 1892 года.

I.

Я родился 13 Іюня [1]) въ Астрахани, именно въ то время, когда отецъ мой былъ въ самомъ апогеѣ своего значенія и довѣрія. Онъ былъ не только главнымъ военнымъ начальникомъ въ Астрахани и инспекторомъ всей кавказской инспекціи отъ Каспійскаго моря до Чернаго и, по особому довѣрію Государя, покровителемъ всѣхъ торговыхъ людей и организаторомъ быта и управленія калмыковъ. Ему не было еще и 30 лѣтъ, когда онъ былъ уже генераломъ, шефомъ полка, называвшагося по его имени и пр., а въ эпоху моего рожденія имѣлъ уже и орденъ Анны 1-й степени, что все было тогда большою рѣдкостью. Уваженіе, которымъ пользовался покойный отецъ, не относилось впрочемъ нисколько къ его чину и мѣсту, которое онъ занималъ. Всѣмъ было извѣстно, что заслуги его всегда были выше наградъ, что всѣ чины получилъ въ боевой службѣ, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ и уваженіемъ Суворова, въ полку котораго онъ служилъ и временно даже командовалъ [2]). Мать моя, Марья Никитична, урожденная Черняева, [3]) была, по общему свидѣтельству, женщина рѣдкихъ качествъ, какъ свидѣтельствовалъ о томъ и главнокомандующій Кавказскимъ краемъ, К. Цицiановъ, который, убѣждая отца моего взять на себя устройство и управленіе Грузіи, писалъ, что при этомъ онъ возлагаетъ большія надежды и на «извѣстныя рѣдкія качества» его супруги, которую считаетъ, болѣе нежели кого-нибудь, способною ввести цивилизацію въ полудикое общество Тифлиса и направить развитіе по правильному пути.

---

[1]) Я не могъ отыскать оффиціальныхъ документовъ относительно года своего рожденія, но, основываясь на томъ, какъ всегда повторялось въ семействѣ, это было въ 1804 году. По письму матери къ бабушкѣ, я родился въ Духовъ день, 13 Іюня 1804 г.

Впослѣдствіи, послѣ написанія этихъ записокъ, въ нашихъ фамильныхъ бумагахъ я отыскалъ записку священника, что я родился въ 1804 г. Это вполнѣ согласно и съ свѣдѣніемъ, переданнымъ мнѣ бабушкою моею, матушкою отца моего, Екатериною Федоровною, при проѣздѣ моемъ въ Казани въ 1824 году, что я родился съ Троицына на Духовъ день, а Троицынъ день былъ 12 Іюня въ 1804 году.

[2]) Затѣмъ былъ шефомъ Таврическаго Гренадерскаго полка, потомъ шефомъ полка своего имени.

[3]) Родная сестра Григорія Никитича, отца извѣстнаго Михаила Григорьевича.

Мать моя воспитывалась въ Смольномъ институтѣ, считавшимся тогда лучшимъ заведеніемъ для воспитанія дѣвицъ, въ которомъ воспитывалась дочь Суворова и вообще дочери аристократовъ.

Все это, конечно, было отчасти причиною, что крестины мои сопровождались, какъ говорятъ, особенною торжественностію. Меня крестили въ знаменной залѣ, подъ знаменами, въ присутствіи архіерея, значительныхъ лицъ въ городѣ и депутацій отъ разныхъ народовъ: персіанъ, индѣйцевъ, киргизовъ, калмыковъ и пр.[1]). Воспріемниками были заодно кн. Тенишевъ съ Марьею Сергѣевною Власовой, другомъ семейства матери, и гражданскій губернаторъ Всеволожскій съ княжною Тенишевой.

Мнѣ всегда твердили въ семействѣ о какихъ-то предвѣщаніяхъ, относящихся къ какой-то блестящей будто-бы будущности. Одно изъ предсказаній было сдѣлано какимъ-то френологомъ [2]). Можетъ быть, это и имѣло впослѣдствіи нѣкоторое вліяніе на мое мистическое направленіе, только вотъ что странно: сколько помню себя, я былъ всегда вполнѣ равнодушенъ къ тому блеску и величію, въ какомъ видѣ представляли себѣ ихъ говорившіе мнѣ о всѣхъ знаменіяхъ и предсказаніяхъ, и, хотя и я вѣрилъ въ свое предназначеніе къ чему-то, но отыскивалъ его въ чемъ-то другомъ, а не во внѣшнихъ видахъ и дѣйствіяхъ. Говорятъ, что я былъ всегда серьезнымъ, никогда самъ по себѣ не игралъ и даже не имѣлъ игрушекъ, но въ то же время былъ всегда привѣтливъ и ласковъ со всѣми другими дѣтьми и всегда игралъ съ ними, когда надобно было ихъ занять. Я никогда не помню, чтобы я былъ на рукахъ кормилицы или няньки. Изъ всѣхъ дѣтей своихъ мать моя только одного меня сама кормила грудью, и еще до трехъ лѣтъ я поступилъ уже на руки дядьки. Это былъ простой, честный человѣкъ, который, по отправленіи меня въ корпусъ, поступилъ на службу и дослужился до офицерскаго чина. Говорятъ, что я съ трехлѣтняго возраста началъ уже просить, чтобы меня учили грамотѣ, но такъ какъ всѣ говорили, что еще рано, то я выучился ей самъ безъ всякой посторонней помощи, по календарю или мѣсяцеслову, спрашивая то того, то другого и разлагая самъ слова на слоги и буквы. Какъ-бы то ни было, но извѣстно, что, когда мнѣ было четыре года, я пришелъ къ отцу въ день его именинъ и сдѣлалъ ему сюрпризъ, начавъ читать ему книгу.

Изъ первыхъ моихъ воспоминаній, относящихся еще къ Астрахани, сохранилось то, что я выходилъ лѣтомъ нерѣдко на балконъ ночью и смотрѣлъ на небо, какъ-бы стараясь отгадать что-то, любилъ, говорятъ, слушать звонъ приближающагося къ городу почтоваго колокольчика, а болѣе всего любилъ смотрѣть рисунки въ книгахъ и по долгу стоялъ даже предъ географическими картами, развѣшанными по стѣнамъ въ кабинетѣ

---

[1]) Все это подтвердилъ мнѣ при свиданіи со мною генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, Броневскій, который, какъ онъ говорилъ, былъ въ тотъ день ординарцемъ у отца.

[2]) Еще въ 1863 году сестра писала мнѣ, что очевидно, что провидѣніе неисповѣдимыми судьбами ведетъ меня къ какой-то особенной цѣли.

отца. Сохранились еще въ воспоминаніи наша виноградная аллея, знаменная зала, праздники въ индѣйской пагодѣ и въ мечети кружащихся дервишей, садъ и прудъ съ лебедями на немъ, — при губернскомъ домѣ — гражданскаго губернатора, — куда мы часто ходили къ дѣтямъ его. Въ послѣднее время гражданскимъ губернаторомъ тамъ былъ Кожевниковъ, сынъ котораго, какъ участникъ 14-го декабря, сидѣлъ со мною въ крѣпости рядомъ, и это было первое свиданіе послѣ Астрахани. Помню также случай, что къ намъ въ домъ ворвался сумасшедшій, перепугавшій сидѣвшую въ гостиной за вышиваньемъ на пяльцахъ матушку и пр.

Вслѣдствіе отставки отца, мы отправились въ Могилевскую губернію въ деревню отца моей матери, бригадира Черняева. Въ Астрахани мы потеряли сестру Надежду и брата Александра. Насъ дѣтей осталось четверо: старшій братъ Николай, за нимъ сестра Екатерина, потомъ я, и самый младшій, Ипполитъ.

Въ Воронежѣ осталось въ памяти одно приключеніе, очень позабавившее насъ дѣтей. Едва только пріѣхавшій къ отцу съ визитомъ губернаторъ усѣлся въ кресло, какъ провалился. Помню еще то странное обстоятельство, что въ отведенной намъ квартирѣ мнѣ почему-то показалось, что съ боку должна быть зеленая комната. Я пошелъ туда, и оказалось, что дѣйствительно на стѣнахъ были зеленые обои.

Едва ли кому пришлось испытать столько семейныхъ несчастій разомъ, какъ нашему семейству, что не могло не усилить еще серьезности моего настроенія. Неожиданныя событія, о которыхъ разсказано въ обозрѣніи жизни моего отца, прервавшія его блестящую карьеру такимъ несправедливымъ образомъ, отозвались гибельно на семействѣ моей матери. Съ дѣдомъ, жившимъ въ своемъ имѣніи, Могилевской губерніи, въ Оршанскомъ уѣздѣ, сдѣлался ударъ, прекратившій его жизнь въ самый день нашего пріѣзда. Бабушка помѣшалась отъ горя и умерла черезъ шесть недѣль, за ней умеръ любимый братъ матери Александръ. Батюшка впалъ въ сильную болѣзнь. Матушка получила начало чахотки. Когда дѣло разъяснилось, и батюшка получилъ приглашеніе снова вступить въ службу и, по выздоровленіи, отправился въ Петербургъ, чахотка у матушки усилилась до того уже, что, по возвращеніи отца, онъ не засталъ ее въ живыхъ. Она умерла въ цвѣтѣ лѣтъ на 34 г..

Воспоминанія мои, относящіяся къ этой эпохѣ, — къ пребыванію въ Могилевской деревнѣ, къ дорогѣ въ Тверь чрезъ неразоренные еще тогда, до 1812 г., Смоленскъ и Москву, — очень живы и до сихъ поръ. Въ Москвѣ мы остановились у княгини Федосьи Петровны Волконской, крестной матери сестры. Мужъ ея, кн. Волконскій служилъ на Кавказѣ подъ начальствомъ моего отца [1]).

Болѣзнь и смерть матери, домъ Марьи Сергѣевны Власовой, куда насъ перевели жить и въ которомъ и скончалась мать, почтенная личность хозяйки и ея мужа, жидов-

---

[1]) См. письмо кн. Циціанова къ отцу о кн. Волконскомъ.

ское мѣстечко Шкловъ, католическіе кресты на перекресткахъ, осмотръ Смоленска и Москвы—все это необыкновенно ясно оживаетъ иногда и до сихъ поръ еще въ моей памяти.

Брата Николая отецъ отвезъ въ Морской корпусъ, въ находящійся при немъ пансіонъ Ульриха, когда самъ поѣхалъ въ Петербургъ, такъ что въ Тверь переѣхали только я, сестра и меньшій братъ. Съ нами воспитывался вмѣстѣ и сынъ экономки, польки, Гонорины Ивановны Симашко, немолодой, рябой, некрасивой, но доброй и честной женщины. Ко мнѣ былъ приставленъ въ качествѣ дядьки отставной чиновникъ, Гурій Ивановичъ Калининъ, также очень честный и усердный человѣкъ. У насъ были учителя, считавшіеся лучшими въ городѣ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ были: для закона Божія извѣстный проповѣдникъ и протоіерей, Петръ Ивановичъ Олимпіевъ, проповѣди котораго любили слушать Великая Княгиня Екатерина Павловна и самъ Государь, останавливавшійся въ Твери при всякомъ проѣздѣ своемъ. Русскій языкъ преподавалъ сынъ его, Александръ Петровичъ, считавшійся впослѣдствіи лучшимъ учителемъ въ Петербургѣ и умершій статскимъ совѣтникомъ и директоромъ гимназіи. Французскій языкъ и математику преподавалъ очень ученый человѣкъ, Николай Ивановичъ Бекау, рисованіе — академикъ Федоровъ. Для обученія черченію ѣздилъ я въ чертежню главнаго управленія путей сообщенія и пр.

Замѣчу здѣсь, какъ нѣкоторыя особенности моего ученія, что я не любилъ ни нѣмецкаго, ни польскаго языка, хотя слышалъ ихъ постоянно около себя, — первый въ чертежнѣ, а второй въ разговорѣ экономки съ сыномъ. Въ русскомъ языкѣ насъ занимали преимущественно риторикою и сочиненіями, задавая даже сочинять стихи и высокопарныя оды по случаю тогдашнихъ великихъ событій [1]). Я шелъ всегда далеко впереди учителей и помню, что никогда не находилъ удовлетворительными ихъ объясненія, а старался отыскивать свое. Такъ напримѣръ при объясненіяхъ по космографіи я ни никогда не хотѣлъ вѣрить, чтобы число планетъ было только то, какое сообщали мнѣ, а всегда утверждалъ, что, если справедливо объясненіе Лапласа, то все пространство должно быть наполнено безчисленнымъ множествомъ мелкихъ планетъ, какъ и училъ тому потомъ, бывши уже самъ преподавателемъ астрономіи. Конечно, болѣе всего я обязанъ былъ своимъ развитіемъ самому батюшкѣ, который постоянно занимался со мною, и его библіотекѣ, гдѣ не было для меня запрещенія ни на какую книгу. Кромѣ своихъ собственныхъ книгъ, батюшка пользовался книгами Великой Княгини, которая присылала ему всѣ замѣчательныя русскія и иностранныя сочиненія.

До второй женитьбы отца у насъ рѣдко бывали гости для обычнаго свѣтскаго препровожденія времени. Посѣщавшія батюшку лица всегда почти вели какую-нибудь

---

[1]) Въ семействѣ сохранилось преданіе объ одѣ, написанной мною на вступленіе русскихъ въ Парижъ, но сама ода не сохранилась.

замѣчательную бесѣду и, при этомъ, хотя-бы это были и иностранные принцы [1]), отецъ никогда не удалялъ меня изъ кабинета, и на меня всѣ такъ полагались, что при мнѣ говорили и разсуждали совершенно откровенно. Это и было причиною, что я зналъ русскую исторію не такъ, какъ преподавали ее въ учебникахъ, и какъ не знали и записные ученые. А такъ какъ это время совпадало съ либеральнымъ направленіемъ первой половины царствованія Александра I-го, то всѣ сужденія и о русской и о иностранной политикѣ были очень свободны. Хотя батюшка обѣдалъ почти всегда во дворцѣ, но по вечерамъ не любилъ никуда ѣздить и всегда занимался съ дѣтьми и преимущественно со мною. Онъ самъ объяснялъ мнѣ и географію, и исторію, и даже военное искусство. Онъ говорилъ мнѣ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ мое рожденіе, и видимо ожидалъ отъ меня чего-то необыкновеннаго въ будущемъ, но понятія наши объ этомъ будущемъ совершенно расходились, и я какъ-то равнодушно слушалъ его, когда онъ говорилъ мнѣ о немъ въ смыслѣ внѣшняго величія и значенія. Это особенно выразилось при слѣдующемъ случаѣ. Разъ я помню отецъ надѣлъ на меня свои ордена и сказалъ благословивъ и поцѣловавъ меня: «Я надѣюсь, что ты будешь имѣть все это и даже еще больше». — Онъ полагалъ вѣроятно, что торжественность этой сцены тронетъ меня, но я сталъ, потупивши глаза, и чувствовалъ, что мнѣ было какъ-то неловко. Отецъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «Неужели ты этого ничего не желаешь?» — Я отвѣчалъ, что не могу еще съ точностію дать себѣ отчетъ, чего я желаю, но что къ этому дѣйствительно не имѣю никакого особеннаго желанія. Вслѣдствіе подобнаго же направленія я не любилъ никогда и никакихъ украшеній, не носилъ ни колецъ, ни цѣпочекъ и пр., не любилъ даже щегольства въ одеждѣ и, когда имѣлъ и большія средства, то заботился только о томъ, чтобы у меня было достаточно бѣлья, и не любилъ, никакихъ вычуровъ въ мундирѣ, эполетахъ и пр., и самая простая изъ тѣхъ формъ, какія я имѣлъ право носить, была всегда моя любимая.

Относительно внѣшнихъ привычекъ воспитаніе мое было самое строгое. Мнѣ ни въ чемъ не прислуживали и кромѣ того, что мнѣ чистили сапоги и платье, да приносили воды, остальное все я долженъ былъ дѣлать самъ, почему и навсегда пріучился обходиться безъ прислуги. Въ положенный часъ я долженъ былъ идти гулять, какая-бы ни была погода, и никогда не зналъ галошъ. Я ничего не боялся и даже впотьмахъ ходилъ, куда ни посылали. Въ гости я не любилъ ѣздить, хотя отецъ и бралъ меня съ собою нерѣдко на обѣды къ важнымъ лицамъ. Впрочемъ, вездѣ знали, что для меня было пріятнѣе всего, если мнѣ покажутъ какія-нибудь книги или новые инструменты. Я былъ неутомимъ въ разспросахъ и мнѣ всегда все охотно объясняли. Мнѣ хотѣлось очень учиться по англійски, но въ Твери некому было учить этому языку, и вотъ я

[1]) Множество нѣмецкихъ принцевъ гостило въ Твери, а выгнанное Наполеономъ Ольденбургское семейство и постоянно тамъ жило.

воспользовался посѣщеніемъ американскаго путешественника, Левиса, и съ его словъ составилъ себѣ маленькій лексиконъ, причемъ не обошлось разумѣется безъ qui-pro-quo. Надобно сказать, что самъ батюшка, хоть и выучился было по англійски, когда находился съ войскомъ въ Англіи, но, оставя языкъ безъ употребленія, совершенно забылъ его. По своей должности генералъ-инспектора путей сообщенія, отцу часто приходилось разъѣзжать, какъ для составленія новыхъ проэктовъ, такъ и для наблюденія за движеніемъ. Въ эти поѣздки онъ нерѣдко бралъ и меня съ собою, что не мало способствовало всесторонности моего развитія, какъ и то также, что при первомъ формированіи корпуса путей сообщенія, въ него вошло множество иностранцевъ разныхъ націй, которые почти ежедневно бывали у отца и всегда охотно удовлетворяли моей любознательности. Деволанъ, Карбенье, Базенъ, Дестремъ и др. были французы. Бетанкуръ, Эспехо, Сабиръ (по происхожденію) испанцы. Трузсонъ, де-Витте и др. — нѣмцы. Были голландцы, датчане, итальянцы и др.. Изъ значительныхъ русскихъ были только генералы Саблуковъ и Леонтьевъ. Впрочемъ, служившіе собственно при батюшкѣ были почти всѣ русскіе.

Мы, собственно, росли, можно сказать, въ одиночествѣ, т. е. внѣ круга ровесниковъ. Хотя насъ и возили на праздники, устраиваемые Великою Княгинею, но, кромѣ этого, мы рѣдко выѣзжали къ какимъ-нибудь дѣтямъ, да и къ намъ привозили ихъ рѣдко, такъ какъ у насъ принимать было некому, а, чтобы намъ выѣзжать куда-либо, надобно было безпокоить Татьяну Александровну Шишкину, супругу дворянскаго предводителя, Сергѣя Александровича Шишкина.

Мы нанимали большой домъ купчихи Рыбаковой, нарочно для насъ отдѣланный. Въ немъ была огромная стеклянная галлерея или терраса, съ которой я сматривалъ ночью на небо, какъ и въ Астрахани. Въ Твери было тогда очень богатое купечество, и сама Великая Княгиня посѣщала ихъ собранія. Купечество высоко уважало и цѣнило батюшку за его справедливость и безпристрастіе. Поэтому, по неотступнымъ приглашеніямъ насъ посылали иногда къ городскому головѣ, но намъ всегда строго напоминалось, чтобы мы не смѣли ничего брать домой, даже и конфектъ.

Такъ шла наша жизнь до 1812 г..

Еще въ 1811 году случилось событіе, которое привлекло общее вниманіе и принято было всѣми за предвозвѣстника 1812 года.

Разъ я пошелъ съ дядькою въ церковь Женъ Мироносицъ ко всенощной. Это было въ августѣ, и слѣдовательно, когда шли въ церковь, то было еще очень свѣтло. Но вотъ къ концу всенощной, но ранѣе еще того времени, какъ народъ обыкновенно расходится, сдѣлалось на паперти у дверей церкви необычайное движеніе. Люди что-то выходили и опять входили, и, входя, какъ-то тяжело вздыхали и начинали усердно молиться. Пришло, наконецъ, время выходить изъ церкви, но первые выходившіе остановились и толпа сгустилась такъ, что нельзя было протискаться чрезъ нее. И вотъ стояв-

шіе позади, потерявъ терпѣніе, стали громко спрашивать: «Да что тамъ такое? Отчего нейдутъ?» Въ отвѣтъ послышалось: «Звѣзда». — Мало по-малу толпа однако разсѣялась, такъ что и мы могли выйти чуть не позади всѣхъ, и прямо противъ себя увидѣли знаменитую комету 1811 года.

На другой день еще до захожденія солнца люди стали выходить на улицу и смотрѣть на то мѣсто, гдѣ вчера видѣли восхожденіе «звѣзды». Въ сумерки наша площадь была почти вся уже запружена народомъ, такъ что не только экипажамъ проѣзжать, но и пѣшкомъ проталкиваться было очень трудно. На мѣстѣ вчерашняго появленія звѣзды было однако-же черное облако. При всемъ томъ народъ не уходилъ, а упорствовалъ въ ожиданіи. Въ другихъ частяхъ неба было ясно и появились уже небольшія звѣзды. Но вотъ едва пробило 9 часовъ, какъ облако какъ-бы осѣло подъ горизонтъ, и вчерашняя звѣзда появилась еще въ болѣе грозномъ видѣ.

Какъ бы по сигналу всѣ сняли шапки и перекрестились. Послышались тяжелые, гдѣ подавленные, гдѣ громкіе вздохи. Долго стояли въ молчаніи, но вотъ одна женщина впала въ истерику, другія зарыдали, начался говоръ, затѣмъ громкія восклицанія: «Вѣрно прогнѣвался Господь на Россію». — «Согрѣшили не путемъ, ну вотъ и дождались» и т. п.. Начались сравненія: кто говорилъ, что хвостъ кометы — это пучекъ розогъ, кто уподоблялъ метлѣ, чтобы вымести всю неправду изъ Россіи и т. п..

Съ тѣхъ поръ народъ постоянно толпился на улицахъ каждый вечеръ, а звѣзда становилась все грознѣе и грознѣе. Начались толки о преставленіи свѣта, о томъ, что Наполеонъ есть предреченный Антихристъ, указанный прямо въ Апокалипсисѣ подъ именемъ Апполіона. Съ этимъ совпадали и грозныя политическія вѣсти: туча все сильнѣй и сильнѣе надвигалась съ Запада. Все это коснулось органическихъ основъ общественныхъ. Дѣло шло не о временныхъ уже выгодахъ, а о самомъ существованіи вѣры, отечества, общества. Слухи одни — страннѣе другихъ разносились повсюду, — стали разсказывать о видѣніяхъ, знаменіяхъ, но болѣе всего наводила страхъ какая-то предполагаемая измѣна, это слово было у всѣхъ на языкѣ. Довѣріе къ высшимъ лицамъ, къ правительству, совершенно потерялось.

Все это производило необычайное впечатлѣніе на меня и возводило изъ тѣснаго круга обыденной жизни къ міровымъ событіямъ. Во все это я жадно вслушивался, разспрашивалъ у всѣхъ, даже сталъ читать газеты, усиливаясь постигнуть ходъ событій. Была, впрочемъ, и другая причина, заставлявшая меня читать газеты. Батюшка былъ часто въ отлучкѣ. Мнѣ отдавали получаемыя имъ газеты, и это было мое дѣло распечатывать ихъ и раскладывать въ порядкѣ на особенномъ столѣ. Поэтому, домашніе наши всегда обращались ко мнѣ съ вопросами, что пишутъ новаго въ газетахъ. И вотъ я разсказывалъ имъ, а иногда и читалъ вслухъ.

Наконецъ, Наполеонъ вторгся въ Россію. Батюшка хотѣлъ принять удастіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, но Государь просилъ его остаться при его настоящей должности,

требовавшей въ это время дѣйствительно самаго надежнаго и распорядительнаго и неутомимаго дѣятеля, такъ какъ отъ распоряженій правильной доставки продовольствія зависѣло самое существованіе арміи. Какъ исполнилъ это отецъ свидѣтельствуетъ особенная награда, полученная имъ, но эта дѣятельность положила и начало той болѣзни, которая свела его потомъ въ могилу. Выпровождая караванъ съ хлѣбомъ, засѣвшій было во льду, батюшка стоялъ самъ на береговой окраинѣ льда, который проломился, причемъ отецъ, упавъ въ воду, сильно простудилъ ноги, что и причинило впослѣдствіи антоновъ огонь въ ногѣ.

Между тѣмъ, чтобы спокойнѣе предаться служебной дѣятельности, батюшка пожелалъ поставить на всякій случай свое семейство въ положеніе полной безопасности и съ возможнымъ ручательствомъ за будущее. Удаленіе изъ Петербурга всѣхъ учебныхъ заведеній и драгоцѣнностей въ Финляндію и флота изъ Кронштадта въ Англію показывало, какъ мало правительство надѣялось отстоять что-либо отъ нападеній Наполеона. Когда обнаружился его планъ наступленія на Москву и Петербургъ, — тогда казалось несомнѣннымъ, что онъ захочетъ соединить раздѣленныя свои арміи установленіемъ сообщенія между ними и что та или другая пойдетъ на соединеніе чрезъ Тверь, овладѣть которою важно было и по огромному количеству съѣстныхъ припасовъ въ ней. Вспомнивъ дружбу Семена Романовича Воронцова, бывшаго нашего посланника въ Англіи, поселившагося по отставкѣ въ ней, гдѣ была и дочь его за лордомъ Пемброкомъ, батюшка вздумалъ послать насъ въ Англію чрезъ Архангельскъ, единственный путь, который былъ безопасенъ. Путь этотъ лежалъ чрезъ Вологду и Великій Устюгъ, куда, поэтому, предварительно насъ и отправили.

Поѣздъ нашъ былъ огромный. Онъ состоялъ изъ 4-хъ мѣстной кареты, гдѣ были помѣщены дѣти съ экономкою, коляски, двухъ бричекъ и телѣгъ, съ вещами. Надо было забрать весь домашній скарбъ, потому что приходилось проѣзжать такими мѣстами, что надобно было имѣть все свое. Насъ сопровождали по открытому предписанію, кромѣ постояннаго курьера, всегда еще или исправникъ или засѣдатель по своему уѣзду. Въ губернскихъ городахъ насъ привозили прямо къ губернатору, или онъ пріѣзжалъ къ намъ: подорожная дана была на мое имя. — Мы ѣхали, разумѣется, очень медленно. Кромѣ того, что останавливались два раза для обѣда, который готовили свои повара, и на ночлегъ, мы должны были еще останавливаться нерѣдко и въ деревняхъ на нѣсколько дней, для стирки бѣлья. Я очень хорошо помню еще, что я всегда настаивалъ оставаться въ каждомъ городѣ настолько, чтобы осмотрѣть все, что заслуживало быть осмотрѣннымъ, о чемъ разспрашивалъ всегда по пріѣздѣ въ городъ. Въ Угличѣ мы пробыли для осмотра два дня.

Замѣчательно, что въ самыхъ захолустьяхъ, въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ мерещились уже вездѣ французы. Разъ мы остановились для стирки бѣлья въ одной деревнѣ Вологодской уже губерніи. Едва только вымыли бѣлье и развѣсили его, какъ на коло-

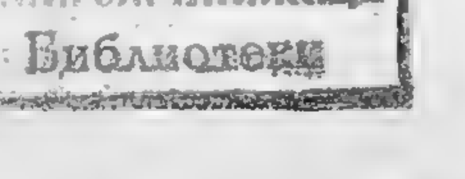
кольнѣ раздался набатъ и крикъ: «Французы.» Какъ сумасшедшій, вбѣжалъ засѣдатель, схватилъ меня на руки и, приказавъ нести и другихъ дѣтей, посадилъ въ незаложенную еще карету. Мигомъ запрягли какихъ-то лошадей, и мы поскакали. Затѣмъ скомкали кое-какъ сырое бѣльѣ, и его, и невымытую посуду, и все побросали въ повозки и также увезли, перебивъ при этомъ много посуды и переломавъ вещей. Вся суета оказалась потомъ напрасною, а что подало къ ней поводъ, — не могли никакъ дознаться.

Дорога была утомительная и трудная, особенно въ Грязовецкомъ уѣздѣ по бревенчатой мостовой, и наши люди, помню, все говорили, что, когда поймаютъ Бонопарта, то осудятъ его «проклятаго» на то, чтобы катать безпрестанно — взадъ и впередъ по этой мостовой. Вездѣ мы видѣли страшное отчаяніе. Церкви были полны народомъ, молились на колѣняхъ, плача и рыдая. Рѣдко проходило, чтобы женщины не падали въ обморокъ или въ истерику. Въ которомъ домѣ имѣлась Библія славянская, туда бѣгали справляться о предсказаніяхъ, вездѣ толковали о томъ, что будетъ съ Россіей, что сдѣлаетъ съ ней Бонапартъ.

Наконецъ, добрались мы до Вологды, гдѣ назначено было намъ остановиться для отдыха въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Въ Вологдѣ намъ наняли очень хорошую квартиру у соборнаго діакона, но мы развѣ утро проводили только дома, а то постоянно бывали или у губернатора, или у начальника инженернаго округа. Живо помню сцены у Спаса Обыденнаго [1]), какъ бывало не только церковь, но и вся площать была полна народомъ, какъ губернаторъ выходилъ и читалъ извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ, какъ вся площадь оглашалась рыданіями колѣнопреклоненнаго народа. Отдохнувъ недѣлю, мы отправились чрезъ Тотьму въ Великій Устюгъ, откуда должны были уже отправиться по зимнему пути въ Архангельскъ. Но чрезъ три дня по прибытіи въ Устюгъ курьеръ привезъ намъ приказаніе возвратиться въ Вологду вслѣдствіе выхода французовъ изъ Москвы [2]). Несмотря на краткость пребыванія, я все смотрѣлъ въ Великомъ Устюгѣ и очень помню богатство нарядовъ купчихъ. Особенно въ изобиліи выказывался вездѣ жемчугъ. Но меня особенно поражали кликуши, которыхъ было очень много въ городѣ. Когда мы возвращались, наконецъ, зимнимъ уже путемъ изъ Вологды, однажды случилось такъ, что мы пріѣхали — только два часа спустя послѣ пріѣзда отца, пересѣкшаго въ разъѣздахъ своихъ нашъ путь. Въ Тверь мы пріѣхали на прежнюю нашу квартиру, и все пошло по прежнему, только я независимо отъ учебныхъ занятій сталъ постоянно читать газеты и слѣдилъ за всѣми движеніями по географиче-

[1]) Въ память того, что первоначальная деревянная церковь была построена ex voto въ одинъ день по случаю опустошительной болѣзни.

[2]) Когда получено было это извѣстіе, то разсказы объ измѣнѣ приняли другой видъ. Пресерьезно увѣряли, что Бонапартъ то тамъ, то тутъ былъ будто-бы пойманъ казаками, что Бонапартъ подкупалъ генераловъ, обманывая ихъ боченками съ пуговицами, прикрытыми червонцами и отзываясь, поэтому, будто-бы такъ о русскихъ, что у нихъ стѣны крѣпки, да столбы слабы.

скимъ и даже топографическимъ картамъ, которыхъ особенно было много въ чертежной Главнаго управленія путей сообщенія, куда я постоянно ѣздилъ послѣ обѣда заниматься черченіемъ и рисованьемъ.

Такъ жили мы однообразно и въ домашней жизни по-прежнему, съ тою только разницею, что почти никуда не выѣзжали. Батюшка постоянно былъ въ разъѣздахъ, а двора въ Твери уже не было. Великая Княгиня Екатерина Павловна, по смерти своего мужа, Принца Ольденбургскаго, уѣхала изъ Твери, откуда удалились и приближенные его [1]). Мѣсто Принца заступилъ генералъ Деволантъ, при которомъ права нашего отца были еще болѣе расширены, и онъ облеченъ былъ еще большимъ довѣріемъ, что по представленію ему во многихъ случаяхъ самостоятельныхъ и окончательныхъ рѣшеній, еще болѣе усилило его служебную дѣятельность.

Но вотъ въ 1814 г. сталъ носиться и доходить и до насъ дѣтей (черезъ прислугу) слухи, что батюшка намѣренъ жениться во второй разъ и притомъ собственно для того, чтобы имѣть мать для своихъ дѣтей. Скоро намѣреніе отца настолько стало извѣстно, что изъ его знакомыхъ нашлось много охотниковъ пріискивать ему невѣсту. Отцу было только 44 года, онъ снова занялъ высокое положеніе, получалъ большое жалованье въ сравненіи съ другими и снова былъ на пути къ высшему званію министра.

Особенно хлопотали женить его на баронессѣ Корфъ, семейство которой очень уважало батюшку и къ которымъ по приглашенію ихъ стали часто возить и насъ дѣтей. Но кажется батюшка находилъ, что молодая, красивая дочь Корфа, едвали не слишкомъ пристрастна къ свѣтской жизни и врядъ-ли будетъ внимательно заниматься нами.

Наконецъ, мы получили отъ самаго отца свѣдѣнія, что выборъ его остановился на Надеждѣ Львовнѣ Толстой. Батюшка извѣстилъ насъ о томъ письменно, такъ какъ дѣло устроилось и свадьба была въ Казани, куда батюшка ѣздилъ по дѣламъ службы. Обстоятельства были такія, что батюшка и самъ могъ думать, и другіе должны были вѣрить, что онъ дѣйствительно женится для дѣтей. Надежда Львовна была очень уже немолода и не хороша собою, богатства особеннаго также не имѣла. Въ такомъ смыслѣ батюшка имѣлъ и со мною продолжительный разговоръ, но вскорѣ оказалось, что новые домашніе порядки до такой степени не соотвѣтствовали и моимъ, и батюшкинымъ ожиданіямъ, что я настойчиво сталъ просить его отослать меня въ Морской корпусъ, куда былъ записанъ.

---

[1]) На нихъ были сочинены слѣдующіе стихи:

«Скончался Принцъ, —
«Свалился Гинцъ.
«Что сдѣлался Бедряга?
«Опять по-прежнему бродяга.»

Началось съ того, что мало по-малу Надежда Львовна уволила почти всѣхъ учителей, взявшись сама учить насъ, но такъ какъ въ то-же время въ нашъ домашній бытъ введена была свѣтская шумная жизнь, то ученье никакъ не могло съ нею совмѣщаться. Сестра и меньшой братъ мало потерпѣли отъ этого; сестра, потому что была отвезена на воспитаніе въ Москву къ сестрѣ Надежды Львовны, а братъ потому, что былъ еще очень малъ. Но на мнѣ отразились всѣ невыгоды новыхъ порядковъ. Надежда Львовна вставала очень поздно, напишетъ бывало одну строчку по французски, которую и слѣдовало списывать, а тамъ пойдетъ на моленье, продолжавшееся часа два. За этимъ предполагалось занятіе переводомъ, но до него никогда почти не доходило, потому что гости начинали всегда съѣзжаться задолго до обѣда и до обѣда же садилися уже за карты, что и продолжалось потомъ до поздней ночи, или матушка сама уѣзжала въ гости и возвращалась домой очень поздно, что очень тяготило батюшку, какъ и поздній разъѣздъ гостей отъ насъ,—въ этомъ случаѣ, батюшка всегда уходилъ рано въ свой кабинетъ. Не мало препятствовало занятіямъ и то обстоятельство, что у насъ съ тѣхъ поръ часто гостили или братья или сестры мачихи, причемъ занималась и моя комната, а я переходилъ жить въ кабинетъ.

Матушка вовсе не дорожила русскимъ языкомъ и другими знаніями, вся ея забота была объ иностранныхъ языкахъ, особенно объ изящномъ выговорѣ и — *manière de parler* на французскомъ, и чтобы мы были *comme il faut*.

Въ 1815 году батюшка свозилъ меня въ Москву, гдѣ самъ лично показалъ и мнѣ все заслуживавшее осмотра. Мы прожили цѣлый мѣсяцъ въ домѣ отца мачихи, Льва Васильевича Толстого, у Прѣсненскихъ прудовъ, перешедшемъ потомъ чрезъ нѣсколько рукъ во владѣніе Владиміра Ивановича Даля, товарища моего по службѣ и по походу въ Швецію и Данію. Помню, что при осмотрѣ Москвы я былъ еще такъ малъ ростомъ, что могъ входить въ Царь-пушку. Такъ какъ главнокомандующій Москвы Тормасовъ былъ полонъ уваженія къ батюшкѣ, то для осмотра всего намъ были доставлены всѣ удобства.

Между тѣмъ нѣкоторыя обстоятельства сдѣлали для меня жизнь еще непріятнѣе. Надо сказать, что мачиха наша особенно заботилась о томъ, чтобы ее считали истинною матерью и ничѣмъ такъ не обижалась, какъ если кто ее называлъ мачихою. Она разсорилась съ теткою нашею, Юліею Никитичной Хитровою, именно за то, что та выразила сомнѣніе, чтобы мачиха могла замѣнить настоящую мать. Потому Надежда Львовна чрезвычайно баловала меньшого брата, который служилъ какъ-бы вывѣскою, что вотъ можно и чужихъ дѣтей любить, какъ своихъ. Это усилило его озорничество до крайней степени, и не только являлась помѣха въ занятіяхъ, но и вещи и книги постоянно приводились въ безпорядокъ, а когда я унималъ его или открыто говорилъ, что не слѣдуетъ терпѣть его дурныхъ дѣлъ, то матушка сердилась на меня и явно выказывала это. Батюшка молчалъ, но это было ему тяжело, потому что онъ видѣлъ, какъ я былъ

правъ. Домъ нашъ опять наполнился принцами, генералами, модными дамами, изъ которыхъ особенно замѣчательна была Обрѣзкова, [1]) свадьбу которой съ княз. Хилковымъ матушка и устроила. — Изъ всѣхъ посѣтителей [2]) памятнѣе всѣхъ было мнѣ посѣщеніе графа Платова, Атамана Донскихъ казацкихъ войскъ, и Принца Мекленбургскаго, который все уговаривалъ батюшку никакъ не отдавать меня въ морскую службу, основываясь на томъ, что его сильно укачало во время самаго краткаго переѣзда по Балтійскому морю.

II.

Въ 1816 году, въ первыхъ числахъ мая, меня отправили въ Петербургъ, со старшимъ дядькою моимъ, такъ какъ отцу по дѣламъ службы не было никакой возможности отлучиться. По своему обычаю, я вездѣ останавливался для осмотра всего примѣчательнаго, въ Новгородѣ же, родинѣ моихъ предковъ, пробылъ два дня, осматривая съ большою подробностію Софійскій соборъ, монастыри и пр. У меня и до сего времени сохранилось поднесенное мнѣ описаніе (рукописное) Софійскаго собора. — По прибытіи въ Петербургъ я былъ немедленно представленъ директору Морскаго корпуса, адмиралу Карцеву. Онъ очень удивился моему малому росту, малымъ лѣтамъ и исчисленію всего, что я знаю, даже огромному количеству представленныхъ мною собственныхъ моихъ чертежей, рисунковъ, плановъ, географическихъ картъ и пр., въ числѣ далеко за сотню. Моряки всѣ очень уважали батюшку, познакомившись съ нимъ, когда перевозили его войска въ Англію и обратно, и служили подъ начальствомъ его во время похода въ Персію. — Надо сказать, что въ это время экзамены для производства въ гардемарины уже кончились, и въ этотъ самый день даже началась уже баллотировка для опредѣленія старшинства. Поэтому, директоръ послалъ приказаніе остановить баллотировку и немедленно проэкзаменовать меня въ полной конференціи, собранной на баллотировку по изслѣдованію экзаменаціонныхъ отмѣтокъ. Директоръ велѣлъ сказать, что посылаетъ хоть и «маленькаго человѣка, но большое чудо» и что какъ онъ не сомнѣвается, что я буду имѣть право на производство въ гардемарины, даже вѣроятно буду достоинъ перваго

[1]) Она и въ 50 лѣтъ слыла красавицей и была гораздо старше Хилкова.

[2]) Всѣ боевые товарищи отца и бывшіе его подчиненные по военной службѣ достигшіе впослѣдствіи и до высшихъ званій, никогда не проѣзжали черезъ Тверь, чтобы не посѣтить отца. Тоже и въ Петербургѣ, послѣ перевода Главнаго Управленія Путей Сообщенія въ Петербургъ. Поэтому въ собственномъ своемъ домѣ я познакомился и съ главными дѣятелями Отечественной войны и съ другими значительными государственными людьми.

мѣста, то, если уже имѣются выбаллотированные, и такъ какъ нельзя уже нарушить старшинства, ими полученнаго, то поставить меня на первое мѣсто за выбаллотированными уже. Когда ввели меня въ конференцъ-залу, было уже выбаллотировано пять человѣкъ. Начался мой экзаменъ. Особенно удивили всѣхъ мои познанія въ математикѣ. Я зналъ гораздо болѣе, нежели требовалось, но въ производствѣ экзамена возникло нѣкоторое затрудненіе. Надо сказать, что курсы математики на русскомъ языкѣ были тогда очень недостаточны [1]), и я проходилъ ее по французскимъ руководствамъ, преимущественно по словеснымъ объявленіямъ французскихъ инженеровъ политехнической школы [2]), а потому, разрѣшая самыя трудныя письменныя задачи съ такою быстротою, что приводилъ всѣхъ въ изумленіе, я чувствовалъ затрудненіе отвѣчать по русски, такъ что надо было пріискать учителя, знавшаго французскія ученыя выраженія. Сейчасъ-же послали объявить директору, что я заслуживалъ получить первое мѣсто, но такъ какъ первыя пять мѣстъ были уже заняты, то меня поставили на шестое съ несомнѣнною однако увѣренностію, что при экзаменѣ въ мичмана я займу первое мѣсто. Дѣйствительно, уже и въ это время ни по языкамъ, ни по другимъ предметамъ не могли сравниваться со мною и тѣ, которые держали экзаменъ въ этотъ годъ въ мичмана. Особенно хорошо зналъ я исторію и географію, такъ что прямо сказали, что мнѣ нечего даже учиться у нашихъ учителей.

Я былъ назначенъ въ 3-ю роту, которою командовалъ кап.-лейтенантъ, Магнусъ Матвѣевичъ Генингъ, бывшій впослѣдствіи главнымъ командиромъ Астраханскаго порта. Это былъ очень горячій и суровый, но честный нѣмецъ, и его рота, по чистотѣ и порядку во всемъ, была образцовая. Онъ очень заботился объ опрятности помѣщенія и объ удобствѣ и доброкачественности обмундировки, въ его ротѣ не было неуклюжихъ и рваныхъ мундировъ, тѣсныхъ сапогъ, нечистаго бѣлья, грязныхъ стѣнъ и половъ, какъ въ иныхъ другихъ ротахъ.

Рота дѣлилась на четыре части, и тою, въ которой я находился [3]), начальствовалъ лейтенантъ Алексѣй Кузьмичъ Давыдовъ, бывшій впослѣдствіи, кажется, адмираломъ. Онъ былъ первый въ своемъ выпускѣ и былъ учителемъ высшихъ математическихъ наукъ, навигаціи и астрономіи въ томъ классѣ, въ который я поступилъ.— Помѣщеніе нашей роты было лучшее въ цѣломъ зданіи корпуса, а наша комната лучшая во всей ротѣ: она была просторная, свѣтлая, во второмъ этажѣ, окнами на Неву, и такимъ образомъ, когда я сдѣланъ былъ старшимъ гардемариномъ въ своей части (что послѣ называлось фельдфелемъ), то мнѣ пришлось имѣть лучшее помѣщеніе въ лучшей

---

[1]) Напр. штыкъ-юнкера Войтяховскаго и др.

[2]) Они поступили въ русскую службу, будучи присланы Наполеономъ I-мъ по просьбѣ императора Александра I-го.

[1]) Такъ называвшаяся «французская». Другія были нѣмецкая, англійская и русская — названія получили отъ того, какіе языки преимущественно изучали.

въ корпусѣ комнатѣ и быть первымъ въ лучшей части лучшей роты, а слѣдовательно первымъ и въ цѣломъ корпусѣ.

Корпусъ былъ въ то время очень многолюденъ. Кромѣ воспитанниковъ, назначавшихся собственно для морской службы и для морской артиллеріи, куда наоборотъ въ сравненіи съ арміей назначались неспособные [1]), въ корпусѣ были помѣщены два училища, въ которыя поступали не изъ столбовыхъ дворянъ, какъ требовалось то для поступленія въ морской корпусъ. Одно было училище корабельныхъ инженеровъ, другое такъ называемыхъ «гимназистовъ», приготовляющее для корпуса собственныхъ учителей, дослужившихся, впрочемъ, и до генеральскихъ чиновъ, т. е. до дѣйствительнаго статскаго совѣтника. — Съ этими обоими училищами число воспитанниковъ доходило въ корпусѣ до тысячи человѣкъ, а всѣхъ живущихъ до двухъ тысячъ. Корпусъ имѣлъ свою полицію. Содержаніе этихъ двухъ училищъ было однако гораздо хуже, и наше дѣтское чувство очень оскорблялось этимъ. Ихъ даже обѣдать приводили послѣ насъ и можно судить, каковъ былъ ихъ столъ, когда и нашъ, хотя пища была и здоровая, былъ не особенно роскошенъ, несмотря на то, что Морской корпусъ, какъ и Пажескій, пользовались высшимъ окладомъ. У насъ, впрочемъ, были хороши ржаной хлѣбъ, квасъ и булки, которыя давали поутру и вечеромъ. Чаю тогда не полагалось, кто хотѣлъ, могъ имѣть свой собственный, но въ ротѣ пить его запрещалось, чтобы не возбуждать у другихъ зависти. Пить чай ходили въ людскую. Корпусъ былъ богатъ посудою: не только ложки, но и солонки и стопы (родъ огромнаго бокала) для кваса были серебряныя и послѣднія притомъ позолоченныя. Корпусъ имѣлъ отличную музыку, первую въ Петербургѣ, потому что бальная музыка обыкновенно приглашалась изъ Морского корпуса. Она играла при парадахъ, въ танцовальныхъ классахъ и во время обѣда каждый праздникъ. Въ корпусѣ была огромная зала, первая въ Петербургѣ, нѣчто вродѣ манежа. Батальонъ маневрировалъ въ ней свободно. Всѣ внутренніе караулы занимали кадеты. Мнѣ досталось стоять на часахъ въ первый разъ ночью, въ глухомъ и ночью пустомъ корридорѣ третьяго этажа у корпусной церкви; я вызвался на эти часы добровольно.

Зимою устраивался катокъ, гдѣ заставляли кататься на конькахъ въ одникхъ мундирахъ. Галошъ мы не знали, шинели были холодныя, суконныя безъ подкладки, галстуки суконные. Зимою каждая недѣля — баня, лѣтомъ каждый день — купанье. Танцовать и фехтовать обязаны были обучаться всѣ, музыкѣ только желающіе, которые, впрочемъ, за это ничего не платили. Лѣтомъ кадеты выходили въ лагерь на такъ называемомъ лагерномъ дворѣ (мѣсто, занимаемое корпусомъ, огромное, цѣлый кварталъ,

---

[1]) Причина была та, что во время сраженія артиллеріею командовали тоже — морскіе офицеры, которые и проходили поэтому полный курсъ артиллеріи. Собственно же артиллерійскіе офицеры завѣдывали матеріальною частью.

но сада нѣтъ), а гардемарины въ двѣ смѣны въ походъ. Это время употреблялось обыкновенно на поправку комнатъ, въ которыхъ каждый годъ стѣны бѣлились, а полы красились. Только парадныя комнаты, и въ ротѣ у насъ стѣны красились цвѣтною краскою и разрисовывались.

За исключеніемъ математическихъ наукъ, по всѣмъ другимъ предметамъ учителя были у насъ крайне неудовлетворительны, не потому, чтобы не было знатоковъ своего дѣла, но по необъяснимой слабости надзора надъ ними. Устройство, повидимому, было правильнѣе нынѣшняго. Такъ, напр., у насъ было — два инспектора, для иностранныхъ языковъ особливый. Этимъ инспекторомъ былъ у насъ графъ Лаваль, одинъ изъ первыхъ чиновъ двора. Онъ бывалъ очень рѣдко въ классахъ, а надѣялся, что достаточно поощряетъ ученье уже тѣмъ, что раздаетъ книги въ красивомъ переплетѣ и приглашаетъ къ себѣ обѣдать. Ученики его немилосердно надували, — такъ какъ онъ былъ до крайности близорукъ, то одинъ отвѣчалъ вмѣсто другого и прямо читали по книгѣ, а учителя не смѣли обнаруживать обмана и были заодно съ учениками, потому что и сами пользовались недостатками инспектора. Многіе совсѣмъ не ходили въ классы, считаясь въ корпусѣ только для службы: особенно грѣшили этимъ учителя англійскаго языка, какъ напр. Руммель, никогда не бывавшій въ раннюю перемѣну. Чтобы учиться по англійски, надо было платить имъ особо, и тогда они занимались внѣ класснаго времени.

Французскимъ учителемъ былъ у насъ въ старшемъ классѣ итальянецъ Триполи [1], который состоялъ уже въ генеральномъ чинѣ и былъ сверхъ того однимъ изъ значительныхъ масоновъ. Французскимъ языкомъ онъ вовсе не занимался, потому что предполагалось, что мы и безъ того его знаемъ. Мы обязаны были только писать сочиненія для представленія графу Лавалю, но и это изъ цѣлаго класса, кажется, только насъ всего двое или трое дѣлали добросовѣстно, остальные же просто выписывали изъ книгъ. Въ замѣну французскаго языка Триполи читалъ намъ лекціи политической экономіи, сообщалъ политическія новости, училъ тѣхъ, кто хотѣлъ по латыни и итальянски и декламировалъ латинскія рѣчи, для чего мы устраивали ему изъ табуретокъ и скамеекъ кафедру, которая быстро разрушалась при сигналѣ, что идетъ инспекторъ или дежурный офицеръ. Одно изъ любимыхъ занятій Триполи — это было перебраниваться съ сосѣднимъ учителемъ нѣмецкаго языка, Бѣлоусовымъ. Пріотворивъ дверь къ нему, онъ начинаетъ причитать: «Бѣлоусъ, синеусъ, красноусъ, черноусъ и пр.». Тотъ закричитъ: «Пудель ты итальянскій, французская собака ты проклятая и пр.», и, вскочивъ, бросится къ двери, тогда Триполи ее захлопнетъ и повернетъ ключъ, такъ какъ дверь затворялась изъ нашего класса.

---

[1]) Въ классахъ иностранныхъ языковъ воспитанники распредѣлялись не соотвѣтственно другимъ предметамъ, а по знанію языка, такъ что были смѣшаны кадеты и гардемарины разныхъ классовъ.

Учитель русскаго языка, тоже статскій уже совѣтникъ, Груздевъ, занимался языкомъ не болѣе и также требовалъ однихъ сочиненій, но только очень большихъ. Впрочемъ, бывали иногда у него попытки повѣрить и грамматическое знаніе своихъ учениковъ, но онѣ всегда кончались жалкимъ образомъ. Велитъ, бывало, написать ученику басню, а тотъ начинаетъ писать на черной доскѣ: «Скачетъ груздочекъ по ельничку, не груздочекъ скачетъ — поповскій сынъ (Груздевъ былъ изъ духовнаго званія) и пр.» За этимъ начинается крикъ и шумъ: «Да развѣ это басня? Развѣ ты не училъ басенъ?»—«Да развѣ я малолѣтокъ какой, чтобы учить басни, а что читалъ прежде, то позабылъ». — «Ну такъ пиши прозу». — И вотъ тотъ начинаетъ писать: «Проѣзжалъ я по поповскому полю и видѣлъ множество скверныхъ груздей»... и пр. Тутъ уже Груздевъ не выдержитъ, начинаетъ браниться, говоритъ о неуваженіи къ учительскому и духовному званію, а на томъ время и пройдетъ.

Учитель географіи вздумалъ было пожаловаться на меня, что я у него не занимаюсь, а читаю въ классѣ все какія-то французскія книги. Это удивило всѣхъ, потому что у меня обыкновенно была во всѣхъ классахъ какъ-бы стереотипная отмѣтка «отлично хорошо», а въ поведеніи «ни въ чемъ незамѣченный», что составляло величайшую рѣдкость, такъ что не во всякомъ даже выпускѣ находился и одинъ воспитанникъ съ подобною отмѣткою. — Дѣло кончилось однако же очень жалко для учителя. Меня позвали къ инспектору въ библіотеку. Учитель не зналъ по французски, а я принесъ книгу, которую читалъ, и спросилъ у инспектора, чтобы тотъ спросилъ у учителя, та-ли это самая книга, которую читалъ. На утвердительный его отвѣтъ я показалъ, что эта была географія Мальтбреня, считавшаяся тогда самою лучшею и полною, а что, слѣдовательно, я занимался именно тѣмъ, что слѣдуетъ въ классѣ. Что же касается до того, что я не слушаю его объясненій и не отвѣчаю на его вопросы, то я сказалъ, что мнѣ стыдно отвѣчать на такіе вопросы и что мнѣ нечего слушать его объясненія, когда я лучше его знаю географію, для доказательства чего и просилъ, что пусть онъ предложитъ мнѣ, какіе хочетъ вопросы, а тамъ я предложу ему. Учитель уклонился отъ этого, и тогда инспекторъ сказалъ мнѣ, что въ этотъ классъ я могу не ходить, а могу заниматься въ это время въ библіотекѣ, учителю же велѣлъ идти въ свое мѣсто.

Относительно состава корпусныхъ офицеровъ можно сказать, что трудно было придумать болѣе противорѣчія въ условіяхъ ихъ выбора, до такой степени одни разнились отъ другихъ, но въ общемъ преобладала однако справедливость, особенно въ оцѣнкѣ ученія и поведенія воспитанниковъ и въ опредѣленіи старшинства. Были удивительные оригиналы, какъ напр. одинъ полковникъ «изъ гатчинскихъ», у котораго главная заслуга кадетъ состояла въ томъ, чтобы они носили собственное платье, а особенно сапоги. Придетъ бывало учитель пожаловаться ему на какого-нибудь кадета изъ его роты, что тотъ худо учится. Призовутъ кадета: «Ну вотъ слышишь, что о тебѣ говорятъ? — «Помилуйте, Василій Ивановичъ, я, кажется, во всемъ исправенъ, какъ и сами изволите

знать. Вотъ и свои сапоги ношу (выдвигая ногу). Просто не выучилъ сегодня урока отъ того, что головка болитъ». — «Ну что же вы въ самомъ дѣлѣ притѣсняете ребенка. Ну вотъ заболѣла сегодня головенка, завтра выучитъ».

Только одного онъ пропускать не могъ, если услышитъ, что говорили «мятелица» (его фамилія была Метельскій), — «Не говори, братецъ, мэтэлыца, говори вьюга». Онъ едва зналъ грамотѣ и забавнѣе всего, что при переименованіи прежнихъ корпусныхъ чиновъ военно-сухопутныхъ въ морскіе переименовали и его въ морской чинъ.

Но были люди и высокой добродѣтели, какъ напр. кн. Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шпхматовъ, умершій на Аѳонской горѣ схимомонахомъ. Хотя и фанатикъ по религіи, онъ, какъ и братъ его, Павелъ Александровичъ, служилъ образцомъ высокой нравственности. — По учености замѣчательны были Давыдовъ и Подчерковъ, — всѣ эти люди принадлежали къ той плеядѣ офицеровъ (къ которой впослѣдствіи и я имѣлъ честь принадлежать, когда былъ самъ кадетскимъ офицеромъ и преподавателемъ), надъ которыми самые дерзкіе изъ кадетъ никогда не позволяли себѣ смѣяться и къ которымъ всегда относились съ уваженіемъ.

Нравственный надзоръ былъ однако же очень слабъ. Такъ какъ не было особыхъ надзирателей, то и трудно было, чтобы даже дежурные, а не только всѣ частные офицеры, находились постоянно при воспитанникахъ. Поэтому, не только отдѣльнымъ шалостямъ, но и цѣлымъ заговорамъ легко было развиваться, какъ это происходило при такъ называемыхъ корпусныхъ бунтахъ или сраженіяхъ одного выпуска съ другимъ. Бунты происходили всегда за дурную пищу и состояли въ общемъ мычаньи, стучаньи ногами и ножами и, наконецъ, въ бомбардированіи эконома бомбами, состоявшими изъ жидкой каши, завернутой въ тонкое тѣсто изъ мякиша, такъ, чтобы, ударяясь обо что-нибудь, тѣсто разрывалось и опачкивало бы человѣка кашею. Поводомъ же къ сраженію бывало всегда то обстоятельство, когда какой-нибудь младшій выпускъ не хотѣлъ признавать власти старшаго.

Въ морскомъ корпусѣ было чрезвычайно развито то, что называется въ англійскихъ школахъ и университетахъ „*fagging*“, т. е. прислуживанье младшихъ старшимъ, хотя и далеко не въ такомъ видѣ, какъ въ Англіи, потому что, если и были злоупотребленія силы, то это въ томъ же смыслѣ, какъ и между равными, какъ вообще мальчикъ, который посильнѣе, прибьетъ слабѣйшаго. Идти въ другую роту за книгою, съ запискою, съ порученіемъ, считалось обязанностію, но чистить сапоги, платье, пуговицы и пр. исполнялось болѣе тѣми, кто самъ брался за то, за нѣкоторыя представляемыя ему льготы. Впрочемъ, право требовать это предоставлялось только старшему выпуску и то относительно кадетъ только, а отнюдь не гардемаринъ. Вѣчные же спорные пункты права состояли въ томъ: имѣютъ-ли право старшіе гардемарины подчинять младшихъ тому же порядку, что и кадетъ? (напр. вставать вмѣстѣ съ кадетами) и второе, имѣютъ-ли младшіе гардемарины такое же право требовать отъ кадетъ услугъ, какъ и старшіе?

Впрочемъ, надо сказать, что изслѣдованіе этихъ правъ являлось большею частію, какъ благовидный предлогъ, между тѣмъ какъ истинная сущность побужденій состояла почти всегда въ тайномъ желаніи помѣряться силами и прославиться подвигами въ корпусной исторіи, вслѣдствіе чего вопросы о правѣ возбуждались, очевидно, умышленнымъ задираньемъ съ той или другой стороны. Честь требовала не относиться на судъ къ начальству, а рѣшать дѣло рукопашнымъ боемъ на заднемъ дворѣ, что, равно какъ и приготовленіе къ бунту, было бы разумѣется не мыслимо, если бы надзиратели постоянно находились при воспитанникахъ.

Розги были въ общемъ употребленіи, и не по жестокости личностей начальниковъ, а по несчастной системѣ, хотя иные начальники за хладнокровное приложеніе слишкомъ сильныхъ наказаній и заслуживали строгое порицаніе, какъ напр., племянникъ директора Овсовъ, дававшій по 300 ударовъ. Извѣстно, что я одинъ только составилъ исключеніе, когда былъ корпуснымъ офицеромъ и преподавателемъ. Я не наказывалъ никогда тѣлесно, даже не ставилъ и на колѣни, а между тѣмъ меня всегда слушались, тогда какъ офицерамъ, щедрымъ на наказаніе, не только не повиновались, но часто умышленно грубили. Привычка къ тѣлесному наказанію ожесточала, и считалось молодечествомъ выносить и самое ожесточенное наказаніе, молча, и не только не попросить прощенія, но еще вновь грубить. Наказаніе розгами раздѣлялось на три степени: келейное (большей частію въ дежурной комнатѣ), при ротѣ (только съ разрѣшенія уже директора) и при цѣломъ корпусѣ, что сопровождалось всегда и выключеніемъ изъ корпуса.

Впрочемъ, порядокъ въ ротѣ всегда болѣе зависѣлъ отъ старшихъ гардемаринъ, нежели отъ офицеровъ. Когда я потомъ былъ старшимъ гардемариномъ, у меня вставали всѣ въ одно время, потому что я самъ вставалъ прежде всѣхъ; услугъ, кромѣ добровольныхъ, никто не имѣлъ права требовать, потому что я самъ никакихъ не только не требовалъ, но и не принималъ, — наконецъ, новичковъ никто не смѣлъ обижать, потому что они находились подъ особымъ моимъ покровительствомъ. У меня въ ротѣ никто не смѣлъ держать тайкомъ ни трубки, ни вина, ни картъ. Но, несмотря на всю строгость, меня очень любили и моя рота и мой классъ, потому что, бывши и старшимъ гардемариномъ, и кадетскимъ офицеромъ, я былъ всегда дѣятельнымъ помощникомъ во всемъ справедливомъ и полезномъ, помогалъ всѣмъ въ занятіяхъ, слѣдилъ за ученьемъ въ классахъ, открыто вступался въ случаѣ несправедливости, велъ переписку съ родными и пр. [1]). Общее расположеніе выказывалось особенно въ деликатномъ уваженіи къ моимъ занятіямъ. Каково бы ни было увлеченіе шалостью, какой-бы ни былъ шумъ, но едва

---

[1]) Когда я возвратился уже снова въ Москву, то однажды у Преосвященнаго Леонида одинъ изъ посѣтителей, Озеровъ узнавши, кто я, напомнилъ мнѣ, что былъ моимъ ученикомъ и кадетомъ моей роты, и засвидѣтельствовалъ передъ всѣми собравшимися, что я никогда не наказывалъ тѣлесно, не бранился, но что не менѣе того меня больше всѣхъ боялись отъ того, что больше всѣхъ уважали.

я садился за занятія, какъ со всѣхъ сторонъ раздавались слова: «Тише, господа»! или: «Пойдемте отсюда, нашъ зейманъ [2]) сѣлъ заниматься».—Моя рота и мой выпускъ гордились мною.

Неблагородные поступки были впрочемъ рѣдки въ корпусѣ. Высшими проступками были: куренье табаку въ закоулкахъ, уходъ изъ корпуса безъ спросу и нѣкоторые пороки, оскорбляющіе нравственность. Случаи пьянства были очень рѣдки, и во все время двукратнаго моего пребыванія въ корпусѣ былъ только одинъ случай воровства изъ кондитерской конфектъ, и то, впрочемъ, недоказанный слѣдствіемъ. Похищеніе огурцовъ въ огородахъ составляло болѣе проказы, нежели воровство, потому что главная цѣль была всегда посмѣятъся надъ огородниками и одурачить ихъ. Тутъ въ заговорѣ были всегда кадеты разныхъ корпусовъ, которые переодѣвались въ чужіе мундиры и поэтому какъ бы хорошо огородники не замѣтили лицо, но разумѣется въ томъ корпусѣ никогда не могли найти виновнаго, въ которомъ искали его, основываясь на мундирѣ, и поэтому нерѣдко еще сами попадали въ полицію за напраслину, взведенную на корпусъ. Разумѣется, здѣсь не включаются непослушаніе, дерзость, лѣность, буйство, составляющіе проступки особаго разряда. При мнѣ выключеніе изъ корпуса, какъ и наказаніе при корпусѣ, случилось только одинъ разъ за бунтъ, при которомъ, кромѣ эконома, были оскорблены неприличными криками и нѣкоторые офицеры.

Съ поварами расправлялись своеручно. Странно, что старшіе повара были въ офицерскихъ чинахъ, одинъ даже 12-го класса, что не мѣшало однако дежурнымъ гардемаринамъ бить ихъ, когда ловили ихъ въ воровствѣ провизіи. Разумѣется, что при подобномъ случаѣ тѣ не смѣли жаловаться. По корпусу назначалось въ дежурство два гардемарина, старшій и младшій, которые въ тотъ день приглашались къ офицерскому столу.

III.

Почти немедленно послѣ вступленія моего въ корпусъ и производства въ гардемирины, я отправился въ первый свой морской походъ на корпусныхъ фрегатахъ. Я быстро усвоилъ себѣ всѣ морскіе термины и такъ хорошо изучилъ всѣ маневры, что, хотя былъ еще и младшимъ гардемариномъ, однако меня начали пріучать къ управленію кораблемъ наравнѣ со старшими. По обычаю, въ этомъ походѣ осматриваютъ всегда въ подробности Кронштадтъ, какъ главную морскую, военную и торговую гавань, посѣщаютъ Стрѣльну, Лисій носъ, Ораніенбаумъ, Петергофъ (гдѣ участвуютъ въ іюльскихъ праздникахъ) и пр.

---

[2]) Зейманъ — названіе ученаго моряка, ведущее свое начало еще отъ Петра I-го.

По возвращеніи изъ похода, я началъ теоретическое изученіе морскихъ наукъ и всегда далеко опережалъ ходъ обученія въ классѣ. Вообще, метода у меня была слѣдующая: я старался самъ изучить и понять все, до чего еще не доходило преподаваніе въ классѣ. Такимъ образомъ, если что оставалось непонятное, то во всякомъ случаѣ мое вниманіе именно поэтому-то и было обращено на это преимущественно, и, когда оно доходило по очереди до толкованія учителя, я слѣдилъ за объяененіемъ съ особеннымъ вниманіемъ и старался дать себѣ отчетъ, отчего я самъ не могъ себѣ разъяснить того. Такимъ образомъ при моей памяти я никогда не записывалъ, а немедленно самъ передавалъ ихъ другимъ у себя и въ классѣ и въ ротѣ, и у меня не было тетрадей, да и доску свою всегда отдавалъ другимъ, кто не могъ удержать всего въ памяти, и вынужденъ былъ записывать все. Исполняя давнишнее свое желаніе, я началъ учиться по англійски, нанимая для частныхъ уроковъ Бруинката, учителя вел. кн. Анны Павловны, а для репетиціи по вечерамъ, полковника Де-Ливрона, командира первой роты, котораго одинъ изъ сыновей былъ моимъ товарищемъ. Де-Ливронъ, жившій въ корпусѣ, давалъ уроки на дому, и поэтому мнѣ пришлось познакомиться и съ его семействомъ, чрезъ что поддерживалась и практика французскаго и нѣмецкаго языка, для которой кадеты собственно не имѣли случая въ корпусѣ.

Въ 1817 г., по Высочайшему повелѣнію, опредѣлено было выбрать изъ всего корпуса двѣнадцать отличнѣйшихъ гардемариновъ изъ всѣхъ выпусковъ и отправить для посѣщенія всѣхъ портовъ Балтійскаго моря и ко дворамъ Шведскому и Датскому. Я, разумѣется, былъ назначенъ въ числѣ этихъ 12-ти, но въ это самое время заболѣлъ корью, бывшею на этотъ разъ повальною въ корпусѣ. Поэтому отложено было на десять дней отправленіе наше въ Кронштадтъ, чтобы дать мнѣ оправиться. Подробности этого могутъ составить особое описаніе и заключаются въ журналахъ, которые мы всѣ обязаны были вести для представленія министру. Я здѣсь упомяну только о томъ, что особенно до меня касалось.

Въ Роченсальмѣ главнымъ начальникомъ порта былъ Ѳедоръ Васильевичъ Веселаго, который служилъ на Каспійскомъ морѣ подъ командою у отца моего. Онъ настоялъ, что пока мы будемъ въ портѣ, я гостилъ бы у него, и я былъ, дѣйствительно, въ его семьѣ, какъ родной, такъ какъ онъ твердилъ безпрестанно, что не знаетъ, какъ и выразить признательность къ моему отцу за все, чѣмъ онъ въ свою очередь пользовался отъ него.

Въ Свеаборгѣ мы были приняты, какъ свои, у адмирала графа Гейдена, и я особенно подружился съ его дочерью, Маріею, моей ровесницею, вышедшею потомъ замужъ за барона Шлиппенбаха, а во второй разъ за Ивкова. Здѣсь явилась опять практика въ языкахъ въ семьѣ графа, и кромѣ того я воспользовался случаемъ, чтобы у адъютанта графа Гейдена, лейтенанта Туксена, выучиться произношенію шведскаго и датскаго языковъ, которые я до того изучалъ только теоретически. Впрочемъ, и на

самомъ кораблѣ, на которомъ мы совершили этотъ походъ, не было недостатка въ практикѣ иностранныхъ языковъ для тѣхъ, кто хотѣлъ этимъ пользоваться. Надо сказать, что при насъ былъ назначенъ гувернеромъ кн. С. А. Шихматовъ, о которомъ я упомянулъ выше. Онъ заставлялъ насъ заниматься переводами. Командиръ корабля, П. А. Дохтуровъ, и старшій офицеръ, Мардарій Васильевичъ Милюковъ, были воспитаны на англійскомъ флотѣ и говорили по англійски въ совершенствѣ. Одинъ изъ офицеровъ былъ нѣмецъ, сынъ адмирала Моллера, военнаго губернатора Кронштадта.

Здѣсь кстати описать намъ бытъ и всѣ порядки во время этого памятнаго похода. Корабль, на которомъ совершали мы плаваніе, былъ бригъ «Фениксъ». Это былъ лучшій ходокъ въ цѣломъ флотѣ, такъ что, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, ходъ его доходилъ до 20 верстъ въ часъ. Командиръ брига, хотя и не могъ не знать своего дѣла, но болѣе занимался не имъ, а щегольствомъ. Это былъ пустой человѣкъ, носившій бѣлую кавалерійскую фуражку и саблю на отлетѣ на серебряной портупеѣ. Совсѣмъ иного свойства былъ старшій офицеръ. Ему я обязанъ не только своими основательными морскими познаніями, но и привычкою къ самостоятельности въ дѣйствіи и безстрашію въ принятіи на себя самой опасной отвѣтственности, когда обстоятельства того требовали, чѣмъ особенно и прославился я въ послѣдствіи. (Какъ напр. при срубкѣ крановъ въ Кронштадтѣ, при отважномъ маневрѣ, спасшемъ фрегатъ, и пр., о чемъ всемъ будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ).

Милюковъ вздумалъ довѣрять мнѣ командованіе вахтою вмѣсто себя и оставлялъ меня одного, а самъ уходилъ внизъ въ каюту. Капитану это ужасно не понравилось, и онъ говорилъ ему, какъ онъ можетъ довѣрять столько чистому еще ребенку, но онъ былъ какъ говорится, совершенно въ рукахъ Милюкова, который, кромѣ того, что считался первымъ во флотѣ знатокомъ морскаго дѣла (выше даже Мих. Петр, Лазарева), но еще и дѣлалъ все за капитана, который больше думалъ объ удовольствіи. Къ тому же они были и товарищи. На опасенія капитана Милюковъ обыкновенно отвѣчалъ, что этому ребенку онъ болѣе довѣряетъ, чѣмъ иному старому лейтенанту, и мнѣ говаривалъ; «Помните, что на васъ лежитъ отвѣтственность не только за сохраненіе корабля, но и за мою честь».

Милюковъ былъ самый пылкій и отважный человѣкъ, направлявшій насъ на отвагу всякаго рода — и военную, и въ маневрахъ, и въ гимнастикѣ, и это до того, что всѣ наши продѣлки въ послѣдней внушали даже серьезныя опасенія князю. Такъ напр. у насъ одно изъ любимыхъ упражненій было спускаться съ марса и даже съ салинга по веревкамъ внизъ головою. Сначала мы платили молодому «чухнѣ Іоганкѣ» по гривеннику за показаніе этого фокуса, а тамъ и сами выучились ему. Все это очень не нравилось князю, и мы старались скрывать это отъ него. Разъ я совсѣмъ готовился уже спускаться и опрокинулся уже внизъ головою, какъ закричали, что князь выходитъ наверхъ. Нечего было дѣлать, — надо было, задержавшись руками, на лету перепро-

кинуться быстро опять внизъ ногами и спуститься какъ можно быстрѣе. Все это я сдѣлалъ очень ловко, но отъ силы и быстроты тренія веревка врѣзалась въ икру ноги. Князь этого ничего не видалъ, но подойдя ко мнѣ, чтобы сказать о чемъ-то, вдругъ воскликнулъ: «Боже мой, что это»? Возлѣ меня была лужа крови. Нечего было дѣлать, надо было все разсказать.

Другая наша забава состояла въ томъ, чтобы бѣгать кругомъ корабля по борту и по койкамъ, которыя на немъ укладывались, рискуя, конечно, упасть въ воду или на палубу и расшибиться, какъ это и случилось съ Нахимовымъ. При крикѣ: «князь идетъ», онъ хотѣлъ соскочить на палубу, но, зацѣпившись ногой за веревку, упалъ, разсѣкши подбородокъ о желѣзное кольцо, вбитое въ палубу и закричавши: «Братцы, не сказывайте князю», когда тотъ стоялъ уже за нимъ и все видѣлъ. — Наконецъ была еще одна забава — это ходить съ одной мачты на другую по натянутой наискось веревкѣ. Въ этомъ попался князю Рыкачовъ. Оступившись, онъ повисъ на рукѣ, которая сжалась спазматитески до такой степени, что надо было подвести подъ него бесѣдку и долго оттирать руку спиртомъ, чтобы имѣть возможность разжать ее.

Мы не были довольны сухимъ пріемомъ въ Ригѣ, гдѣ хотя и показывали намъ все, исполняя предписанія правительства, но не выказывали ни малѣйшаго радушія. Вообще въ Ригѣ, въ своей землѣ, явно выказывали недоброжелательство къ русскимъ, тогда такъ напротивъ въ чужихъ государствахъ, въ Швеціи и Даніи, насъ принимали, начиная отъ двора до каждаго частнаго лица, куда приходилось намъ заходить, не только какъ своихъ, но даже какъ будто родныхъ, особенно въ Даніи. Въ Стокгольмѣ особенно полюбилъ меня нашъ посланникъ, графъ Сухтеленъ, у котораго я, бывало, оставался не разъ и ночевать, когда, для удовлетворенія моей любознательности, надобно было начинать осмотръ или уѣзжать на другой день рано поутру. Съ корабля же свозили гардемаринъ обыкновенно послѣ завтрака около полудня.

Король Шведскій, Карлъ XIII, былъ уже очень старъ, а еще болѣе слабъ умомъ. Онъ почти впалъ въ дѣтство, а государствомъ правилъ наслѣдный принцъ, кронъ-принцъ, какъ тамъ зовутъ, извѣстный французскій маршалъ Бернадотъ, вскорѣ вступившій на престолъ подъ именемъ Карла XIV. Онъ поручилъ сыну своему, Оскару, впослѣдствіи также королю, принимать насъ. Мы всѣ замѣтили, что Оскаръ не привыкъ еще разыгрывать роль принца. Въ первое наше представленіе Бернадоту, запросто, въ его загородномъ дворцѣ Розенталѣ, куда насъ привезли къ нему послѣ обѣда, какъ гостей, случилось забавное происшествіе. Бернадотъ относился съ чрезвычайнымъ уваженіемъ къ князю Шихматову и потому обо всемъ, что касалось насъ, спрашивалъ его напередъ. Полагая, что мы, какъ моряки, должны съизмала пріучаться къ пуншу, онъ однакоже напередъ спросилъ князя, можно-ли насъ поподчивать пуншемъ, «разумѣется, слабенькимъ», прибавилъ онъ. Князь не смѣлъ отказать. Бернадотъ приказалъ Оскару самому распорядиться о пуншѣ, а тотъ, вѣроятно, думая угодить намъ, сдѣлалъ его

прекрѣпкимъ. Съ ужасомъ замѣтилъ это князь, отвѣдавъ понемногу и потому, сказавъ намъ по французски, что мы можемъ пить, прибавилъ по русски: «Не пейте, друзья мои, очень крѣпко». Поэтому нѣкоторые подносили стаканы только къ губамъ и разставили ихъ по столамъ и окнамъ, какъ-бы намѣриваясь пить по немногу, чтобы не замѣтно было, что не пьютъ, но нашлись и такіе, которые считали дозволеніе на французскомъ языкѣ важнѣе совѣта на русскомъ и опорожнили стаканы залпомъ.

Бернадотъ очень полюбилъ меня и усаживалъ бывало возлѣ себя, когда игралъ съ нашимъ посломъ въ шахматы и у себя, и приходя къ нему иногда запросто послѣ обѣда. При посѣщеніи корабля шведскимъ дворомъ мнѣ сдѣлали честь назначить меня для командованія не только маневрами, но и примѣрнымъ сраженіемъ съ абордажемъ, причемъ люди такъ увлеклись, что вступили было и въ дѣйствительную свалку и одному ранили руку интрепилемъ (топоръ на длинной рукояткѣ), а другому штыкомъ въ ногу, такъ что я насилу могъ разнять ихъ, бросаясь между ними. По этому поводу, кромѣ похвалы и привѣтствій и отъ своихъ, и отъ чужихъ на кораблѣ по окончаніи маневровъ, когда я съѣхалъ вечеромъ къ посланнику (мнѣ предоставлена была въ распоряженіе его библіотека съ рѣдкими книгами и картинами), то онъ сказалъ, что поздравляетъ меня съ орденомъ. «Съ какимъ?» спросилъ я съ изумленіемъ. «Кронпринцъ назначаетъ вамъ за маневры орденъ Меча». — Мнѣ стало какъ-то совѣстно и неловко, и я сказалъ графу, что я очень хорошо знаю, что я маневрами не оказалъ никакой услуги Швеціи, что мнѣ даже стыдно будетъ предъ товарищами и что поэтому я ордена не приму. Сухтеленъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, но, поговоривъ съ княземъ, похвалилъ меня. Между тѣмъ командиръ корабля получилъ тоже орденъ Меча, но урокъ, данный мною, подѣйствовалъ, и онъ никогда его не носилъ, и только я могъ объяснить настоящую причину этого его сыну въ Читѣ, который, представляясь мнѣ, разсказывалъ, что только по смерти отца, разбирая его бумаги, онъ увидѣлъ, что отецъ его имѣлъ орденъ Меча.

Въ Копенгагенѣ я особенно подружился съ маленькимъ наслѣднымъ принцемъ, бывшимъ впослѣдствіи королемъ Даніи подъ именемъ Фридриха VII. Мы сдѣлались неразлучными и безцеремонными товарищами. Особенно тѣсно соединило насъ общее негодованіе противъ англичанъ, которые незадолго передъ тѣмъ бомбордировали Копенгагенъ, а у насъ сожгли въ Балтійскомъ морѣ военный корабль «Всеволодъ». Поэтому мы вмѣстѣ строили планы объ отмщеніи, о которыхъ разговоры начинались обыкновенно такъ: «Когда я буду королемъ, а ты адмираломъ (и я ему также говорилъ — ты), тогда то-то и то-то и пр.». Но и въ этихъ дѣтскихъ соображеніяхъ, мы не лишены были однако нѣкоторой предусмотрительности. Я помню, что однажды, толкуя, какъ-бы захватить англичанъ врасплохъ, мы додумались до необходимости имѣть и мнѣ болѣе полномочія. «Да вотъ постой», сказалъ онъ мнѣ, «это устроить очень просто. Я напишу къ вашему Государю, чтобы онъ назначилъ тебя вмѣстѣ и посланникомъ. Да чего тутъ

писать, если нужно будетъ и самъ съѣзжу за этимъ» и пр.. Онъ уговаривалъ меня, что, когда я выйду изъ корпуса, то пріѣзжалъ-бы въ отпускъ къ нему въ Копенгагенъ, и тогда онъ будетъ учить меня по датски, а я его по русски.

Однажды устроена была большая прогулка по озеру близь дворца Санъ-Суси. Отправилась цѣлая флотилія, потому что въ загородномъ дворцѣ былъ въ этотъ день большой обѣдъ, а вечеромъ всѣ приглашенные на обѣдъ должны были быть и на балѣ. Вдругъ разразилась гроза съ проливнымъ дождемъ. Сдѣлалось такъ темно, что лодки расходились въ разныя стороны. Я былъ по обыкновенію на одной лодкѣ съ принцемъ. За темнотою наши люди не могли найти никакой пристани и мы пристали гдѣ-то въ такомъ мѣстѣ, гдѣ было очень мелко, и лодка не могла подойти близко къ берегу. Принца и меня перенесли на рукахъ безъ затрудненія, но не такъ легко было перенести толстаго гувернера или гофмейстера наслѣднаго принца. Пока съ этимъ возились, а мы стояли на берегу, принцъ шепнулъ мнѣ, что нечего дожидаться, что онъ знаетъ дорогу и намъ лучше бѣжать домой. Сказано — сдѣлано. И вотъ мы пустилися въ темнотѣ подъ сильнымъ дождемъ. Когда мы бѣжали мимо одной дачи, онъ сказалъ мнѣ: «Забѣжимъ на кухню погрѣться». Дача эта принадлежала статсъ-дамѣ, графинѣ Браге. Мы прибѣжали на кухню, какъ бы сосѣдніе или дворовые мальчики, но забыли, что на мнѣ былъ мундиръ. Насъ узнали и увели къ графинѣ, которая по нездоровью была дома. Она всхлопоталась, чтобы заложить карету и напоить насъ чаемъ, но едва только она вышла изъ комнаты, чтобы распорядиться, какъ мы по сигналу, данному моимъ товарищемъ, бросились чрезъ террассу изъ гостиной въ садъ и чрезъ какую-то боковую калитку побѣжали во дворецъ. Прибѣжавъ въ комнаты принца, бывшія въ особенномъ флигелѣ, мы тотчасъ переодѣлись, я надѣлъ его бѣлье и платье, и мы усѣлись разсматривать картины. Между тѣмъ во дворцѣ сильно встревожились, не видя насъ, и разослали вездѣ искать. Наконецъ сталъ извѣстенъ нашъ побѣгъ отъ гофмейстера, который, не смѣя показаться, оставался на мѣстѣ и въ свою очередь разсылалъ во всѣ стороны узнать, не видѣли-ли гдѣ насъ. Затѣмъ узнали, что мы были у графини Браге и еще болѣе обезпокоились объ уходѣ нашемъ оттуда. Наконецъ нашли насъ, преспокойно занимающихся дѣломъ.

Трудно представить свободу больше той, какою мы пользовались въ Копенгагенѣ и которая была особенно привлекательна для насъ послѣ корпусной и корабельной дисциплины. Насъ свозили обыкновенно поутру или прямо во дворецъ или въ морской корпусъ, гдѣ отведены были для насъ комнаты. Всему датскому морскому корпусу была дана вакація во все время пребыванія нашего въ Даніи. Датскіе кадеты должны были вездѣ сопровождать насъ. Мы ходили, куда хотѣли, и нерѣдко бывало съ вечера или бала при дворѣ вздумаемъ и побѣжимъ въ театръ въ королевскую ложу, отданную въ наше распоряженіе на все время.

Мы до такой степени привыкли къ непринужденному обращенію со всѣми, что это

нерѣдко приводило къ очень забавнымъ сценамъ. Разъ молодая королева (супруга бывшаго норвежскаго, а впослѣдствіи датскаго короля Христіана, мать наслѣднаго принца) сказала одному гардемарину Лихонину, отчего онъ не попробуетъ варенья? — и, взявъ тарелку съ вареньемъ, подала ему. Тотъ же вмѣсто того, чтобы принять тарелку, взялъ ложку и преспокойно расположился кушать и бесѣдовать, заставляя королеву держать предъ нимъ тарелку. Раздался кругомъ хохотъ, а онъ, не замѣчая, что это относится къ нему, продолжалъ свое дѣло. Наконецъ королева сама расхохоталась, поцѣловала его въ голову и, поставивъ тарелку на столъ, усадила гардемарина къ столу.

Подъ предлогомъ доставить удовольствіе намъ, веселился и весь городъ. Каждый день придумывали что-нибудь новое. Распорядителемъ былъ всегда принцъ Фердинандъ, братъ норвежскаго короля. Безпрестанно предпринимались поѣздки въ загородные дворцы и замки, и тогда праздникъ начинался съ ранняго утра. Огромный поѣздъ отправлялся въ разнородныхъ открытыхъ экипажахъ. Особенно любили длинныя фуры, въ которыхъ на рессорахъ были утверждены поперекъ въ нѣсколько рядовъ двойныя сидѣнья. На дорогѣ нѣсколько разъ останавливались завтракать, причемъ почти всегда затѣвались и танцы. По прибытіи во дворецъ или замокъ давалось до обѣда время на смотръ и прогулку, послѣ обѣда опять прогулка, а затѣмъ балъ и возвращеніе съ факелами въ столицу. Въ одномъ замкѣ впрочемъ мы ночевали и провели два дня.

Когда мы были въ Фридрихсбергѣ и ѣздили оттуда осматривать Гельсиноръ, то останавливались пить чай на мѣстѣ, гдѣ являлась Гамлету тѣнь отца его и разыгрывали эту сцену. Замѣчательно, что мы по приглашенію голландскаго консула въ Гельсинорѣ заходили и къ нему, а много лѣтъ спустя, я встрѣтилъ его дочь за Байкаломъ въ Хоринской бурятской миссіи, женою англійскаго миссіонера Сталлифорса. Къ сожалѣнію, не всѣ умѣли правильнымъ образомъ пользоваться данною свободою. Двое изъ нашихъ гардемариновъ, Колычевъ и Бутеневъ, не соразмѣрили количества напитковъ со своими силами, и датскій адмиралъ посмѣялся надъ русскими моряками. На другой же день они споили четырехъ датскихъ гардемариновъ и расположили по разнымъ бесѣдкамъ въ саду. Потомъ, лукаво пригласивъ старика-адмирала Спидорфа, директора морскаго училища, прогуляться съ ними, стали подводить къ бесѣдкамъ и притворяться удивленными, что кто-то тамъ лежитъ пьяный. — «Что, вѣрно опять кто нибудь изъ вашихъ нализался»? спросилъ старикъ, не подозрѣвая предательства. «А вотъ зайдемъ, посмотримъ», отвѣчали они. Затѣмъ вводили его въ бесѣдку, и сказавши: «нѣтъ, это не нашъ, а вашъ», переходили къ другой. Адмиралъ ужасно хохоталъ и разсказалъ королю о такомъ оригинальномъ и замысловатомъ мщеніи «изобрѣтательныхъ русскихъ плутишекъ».

Я забылъ еще сказать, что въ Швецію мы заходили до осмотра въ Карлскрону, главный военный портъ. Изъ Копенгагена же мы отправились обратно въ Кронштадтъ, осмотрѣвъ прусскій берегъ и островъ Борнгольмъ и зайдя въ Ревель. Когда мы пришли въ Копенгагенъ, нашъ посланникъ, баронъ Николаи, былъ въ отсутствіи. Онъ возвратился

въ концѣ уже нашего пребыванія и выказалъ себя совершенною противоположностью графу Сухтелену. Онъ видимо тяготился нашимъ присутствіемъ, которое должно было повлечь и для него расходы, какъ на доставленіе удовольствія намъ, такъ и для того, чтобы отблагодарить при такомъ случаѣ и дворъ, и городъ за радушный пріемъ сдѣланный намъ. Поэтому онъ торопилъ капитана подъ предлогомъ опасности плаванія въ позднюю осень, и мы очень смѣялись, когда при разговорѣ объ этомъ, во время представленія насъ, онъ на замѣчаніе капитана, что противный вѣтеръ не допускаетъ выхода изъ порта, сказалъ, что нельзя-ли какъ-нибудь выйти бочкомъ. «Вѣдь вы какъ-то умѣете ходить бокомъ», сказалъ онъ, не зная морского выраженія лавировать, — онъ не пригласилъ даже никого къ обѣду.

По возвращеніи въ корпусъ мы представили свои журналы. Мой журналъ найденъ былъ образцовымъ, самымъ подробнымъ и обстоятельнымъ, и въ немъ замѣчена была та особенность, что нигдѣ не было лести начальству, ни описаній оффиціальныхъ торжествъ.

Походъ въ Швецію и Данію далъ мнѣ особенное значеніе по той репутаціи, которую я пріобрѣлъ тѣмъ, что командовалъ уже вахтою. Поэтому въ походѣ на слѣдующій годъ на корпусныхъ фрегатахъ я занималъ уже должность не гардемарина, а офицера и съ тѣхъ поръ никогда уже во время всей остальной службы не былъ подчиненъ на вахтѣ другому.

IV.

Время отъ возвращенія изъ этого похода до выпуска ознаменовано было для меня двумя важными событіями: назначеніемъ меня преподавателемъ вмѣсто больного учителя и изученіемъ богословія у іеромонаха Іова, увлекшаго было насъ въ мистическое направленіе.

Преподаватель въ нашемъ классѣ высшей математики и астрономіи Алексѣй Кузьмичъ Давыдовъ, сильно заболѣлъ такою болѣзнію, которая не подавала надежды на скорое выздоровленіе. Если-бы назначили новаго учителя, то кромѣ того, что это намъ было бы непріятно, Давыдовъ лишился бы учительскаго жалованья, а всѣ мы знали, что онъ человѣкъ бѣдный, да еще и помогающій семейству своего брата. Поэтому весь классъ единогласно сказалъ мнѣ: «Возьмись ты учить насъ, а мы даемъ тебѣ честное слово, что будемъ учиться хорошо». Я согласился, и тогда два выборныхъ изъ класса объявили объ общемъ нашемъ рѣшеніи инспектору и самому Давыдову. Оба были очень этимъ тронуты, мнѣ передали преподаваніе, а я, если встрѣчалъ какое нибудь затрудненіе въ лекціи, которую долженъ былъ читать на слѣдующій день, то ходилъ свечера спра-

шивать поясненіе или къ самому Давыдову или къ инспектору, а иногда и къ другимъ старшимъ учителямъ, которые всѣ охотно содѣйствовали мнѣ въ добромъ дѣлѣ. Классъ мой учился не достаточно сказать, что хорошо, а отлично. Такимъ образомъ задолго до прямого назначенія меня на штатное мѣсто, самостоятельнымъ преподавателемъ высшихъ наукъ, я занималъ въ теченіи семи мѣсяцевъ мѣсто преподавателя за другого.

Что же касается до изученія богословія, то это случилось такъ. По тайному вліянію масоновъ старались въ то время назначить преподавателями Закона Божія въ учебныя заведенія людей, причастныхъ масонству. Начали съ Морскаго корпуса, гдѣ, какъ полагали, менѣе обратятъ на это вниманіе. Назначенъ былъ къ намъ іеромонахъ Іовъ, очень ученый человѣкъ, находившійся прежде при нашемъ посольствѣ, кажется, въ Испаніи. Мы изучали, какъ водится, пространный катехизисъ Петра Могилы, церковную исторію Иннокентія и пр. Но онъ замѣтилъ, что это сухое преподаваніе мало занимаетъ насъ, и предложилъ нашему выпуску проходить съ нами пространно Догматическое Богословіе. Мы были очень рады и полюбили его преподаваніе. Онъ говорилъ хорошо, и увлекалъ насъ въ высшія сферы мышленія, что составляло совершенный контрастъ съ преподаваніемъ другихъ наукъ и очень намъ нравилось. Скоро это отразилось въ серьезности направленія даже у очень рѣзвыхъ и шаловливыхъ. Нѣсколько человѣкъ перестало ходить въ танцъ-классъ. [1]) Особенно привлекательно было для насъ то ученіе и толкованіе откровенія, которое открывало источники его въ каждомъ человѣкѣ. Мы не могли, конечно, замѣтить, что это увлекало прямо въ мистицизмъ, въ ученіе тѣхъ сектъ, которыя въ каждомъ созданіи своего собственнаго воображенія думаютъ видѣть откровеніе. Только впослѣдствіи, сознавши, куда могутъ завести одностороннія внушенія непосредственнаго чувства, я позаботился возстановить поколебленное равновѣсіе, противоставивъ имъ трезвую глубокую и строгую науку.

Надо сказать, что начальство обращало мало вниманія на преподаваніе Іова, но нечаянное событіе обнаружило все дѣло. Вдругъ разнесся до крайности встревожившій всѣхъ слухъ, что іеромонахъ въ припадкѣ сумашествія исполосовалъ въ корпусной церкви всѣ образа, которые были написаны на холстѣ, и хотѣлъ броситься изъ окна четвертаго этажа, такъ что силою только былъ удержанъ за платье дьячкомъ. Поднялась страшная суматоха [2]). Іова схватили и отвезли въ Невскій монастырь, а къ намъ нагрянулъ весь Святѣйшій Синодъ. Отъ насъ потребовали тетради. Я дѣйствительно по обычаю своему не имѣлъ никакихъ тетрадей, но другіе записывали лекціи со словъ Іова, однако никто тетрадей не отдалъ, ихъ спрятали и отозвались неимѣніемъ. — Тогда насъ привели въ

---

[1]) Я впрочемъ танцовалъ, какъ говорятъ, очень хорошо, и собственно не учился въ корпусѣ танцовать, но въ танцъ-классъ всѣ были обязаны ходить, какъ-бы для моціона.

[2]) Говорили, что найдена была его исповѣдь, обличавшая страшныя душевныя муки человѣка, колеблющагося между вѣрою и сомнѣніемъ, и содержавшая призваніе въ участіи въ масонствѣ.

конференцъ-залу, гдѣ насъ ожидали члены синода. Стали насъ экзаменовать. Мы отвѣчали по катехизису отлично и правильно. Стали предлагать другіе разные вопросы, — мы отвѣчали «съ необычнымъ для дѣтей разумѣніемъ», какъ выразились члены синода, однако и въ этихъ отвѣтахъ не нашли ничего правильнаго. Совсѣмъ тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что мистическое направленіе глубоко въ насъ проникло, и, если впослѣдствіи и изгладилось, то у немногихъ вслѣдствіе лучшаго разумѣнія источниковъ и основъ человѣческаго знанія, а у большей части по причинѣ господствовавшаго въ обществѣ равнодушія къ вѣрѣ и утраты среди житейской суеты возбужденной было Іовомъ привычки заниматься высшими проблемами жизни.

Наконецъ, наступило время нашего выпуска и предшествующаго ему экзамена. Испытанія у насъ были очень продолжительныя и строгія. Надлежало пройти через нѣсколько коммиссій: свою домашнюю, флотскую, артиллерійскую, астрономическую, духовную и главную. Первая, состоявшая изъ всего состава кадетскихъ офицеровъ (учителя изъ гимназическаго состава не участвовали въ коммиссіи и даже не могли присутствовать при экзаменѣ), подъ предсѣдательствомъ помощника директора, экзаменовала изъ всѣхъ предметовъ очень долго и подробно, какъ называлось «отъ доски до доски». Для второй назначались отъ министра именные адмиралы, капитаны и кораблестроители. Для третьей— артиллеристы вѣдомства военно-сухопутнаго и морскаго, подъ предсѣдательствомъ морскаго генералъ-цехмейстера, для четвертой астрономы изъ академіи и обсерваторіи, для пятой члены синода и законоучители по ихъ выбору, — наконецъ въ главной присутствовали министры и другіе высшіе сановники, и допускалась публика.

Я оказался съ лучшими отмѣтками по всѣмъ предметамъ, только въ математикѣ былъ равенъ со мною по отмѣткамъ Новосильскій, стоявшій первымъ при производствѣ въ гардемарины, но оттого только какъ объяснилъ выше, что на первыхъ пяти мѣстахъ были утверждены уже проэкзаменованные прежде, чѣмъ меня представили къ экзамену, и я не могъ слѣдовательно состязаться съ ними. По артиллеріи и фортификаціи я получилъ даже право вступить въ артирллерію и инженеры безъ экзамена поручикомъ. Флотская коммиссія объявила, что я могу быть произведенъ не только въ мичмана, но даже въ лейтенанты, такъ какъ по моимъ отвѣтамъ мнѣ смѣло можно поручить командованіе вахтою. Что же касается до астрономической коммиссіи, то главный астрономъ, извѣстный по европейской репутаціи, Шубертъ, цѣлыхъ три дня только одного меня и экзаменовалъ, едва удостоивъ другихъ пять, шесть человѣкъ по одному только вопросу. Это и обусловило впослѣдствіи мое назначеніе, по его рекомендаціи и настоянію, преподавателемъ астрономіи и высшихъ математическихъ наукъ. При духовномъ экзаменѣ синодъ вспомнилъ дѣло Іова и снова подвергъ насъ самому тщательному испытанію, такъ что, вопреки обычаю, духовный экзаменъ продолжался два дня. Наконецъ, на главномъ экзаменѣ морской министръ, маркизъ Де-Траверзе, пожелалъ видѣть меня и много говорилъ мнѣ о своемъ знакомствѣ съ моимъ отцомъ и о высокомъ уваженіи къ нему. Онъ

припомнилъ, что былъ очень доволенъ моимъ журналомъ, гдѣ нашелъ и наблюдательность, и литературное достоинство, и благородство характера, сказалъ, что графъ Сухтеленъ писалъ не одинъ разъ къ нему обо мнѣ, что онъ очень доволенъ моимъ отличіемъ на экзаменахъ и непремѣнно напишетъ о томъ отцу, а, когда батюшка пріѣдетъ въ Петербургъ, то и самолично ему о томъ объявитъ. Затѣмъ онъ представилъ меня многимъ важнымъ лицамъ, присутствовавшимъ на главномъ экзаменѣ.

Ни для кого не было уже никакого сомнѣнія, что на другой день, при производствѣ насъ въ унтеръ-офицеры отъ гардемаринъ (т. е. унтеръ-офицеры между гардемаринами, что по арміи составляло чинъ подпоручика), что дѣлалось обыкновенно предъ производствомъ въ мичмана, я буду первымъ. Новосильскій цѣлый день былъ въ смущеніи и плакалъ, теряя первое мѣсто. Но вотъ въ самый день главнаго экзамена, вечеромъ часу въ седьмомъ меня позвали къ директору. Прихожу и нахожу тамъ помощника его, инспектора наукъ, ротнаго и частнаго своихъ командировъ, такъ что тутъ собрались слѣдовательно всѣ, и старшіе и младшіе мои начальники. Директоръ поздравилъ меня съ блестящимъ экзаменомъ и, сказавъ, что я заслужилъ безспорно первое мѣсто, обратился ко мнѣ затѣмъ со слѣдующими словами: «Другъ мой, я столько увѣренъ въ благородствѣ твоего характера, что ни минуты не усомнился отдать на твой собственный судъ дѣло, которое близко касается тебя самого. Мы вотъ, видишь-ли, въ крайнемъ затрудненіи. Мы не имѣемъ, конечно, права поставить тебя на второе мѣсто, а Новосильскаго оставить на первомъ, но ты разсуди вотъ что: для тебя и второе мѣсто будетъ большимъ возвышеніемъ съ шестого, а для него стать съ перваго на второе только, и то уже будетъ пониженіемъ. Къ тому и самолюбіе твое не можетъ страдать: тебѣ 14 лѣтъ, а ему 18. На счетъ же старшинства, если вы оба останетесь на службѣ, то я нисколько не сомнѣваюсь, что ты обгонишь его, получая чины за отличія». — Всѣ остальные хоромъ расположились было меня о томъ упрашивать, но я не допустилъ ихъ до этого. Не безъ грусти, но спокойно отвѣчалъ я директору, что тутъ дѣло идетъ вовсе не о самолюбіи, не о старшинствѣ, но что я обязанъ дать отцу свидѣтельство о томъ, чего былъ достоинъ, что я охотно уступаю мѣсто Новосильскому, своему товарищу и пріятелю, но что требую, чтобъ данъ былъ мнѣ какой-нибудь видимый знакъ, что я заслужилъ первое мѣсто. Директоръ очень обрадовался моему согласію и сказалъ, что самъ напишетъ о томъ къ отцу моему, и, посовѣтовавшись съ прочими присутствовавшими, рѣшилъ, что мнѣ дана будетъ такая награда, которая дается только первому. Это была морская тактика въ богатомъ красномъ сафьяномъ переплетѣ съ золотомъ и съ оттиснутымъ именемъ, тогда какъ другимъ давалась книга въ простомъ переплетѣ.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о Новосильскомъ. Странное дѣло. Этому человѣку суждено было впослѣдствіи и въ другой разъ послужить помѣхою мнѣ, но не только безъ пользы къ себѣ, а еще ко вреду службы. — Когда приготовлялась экспедиція къ Южному полюсу, Михаилу Петровичу Лазареву, какъ и другимъ командирамъ,

чрезвычайно хотѣлось взять меня, но онъ, бывши въ отпуску въ Твери, въ то время, когда послѣдовало и собственное его назначеніе, далъ по знакомству неосторожное слово отцу Новосильскаго, бывшему прокурору въ Твери, взять въ походъ съ собою его сына. Между тѣмъ Новосильскій оказался въ практической службѣ вялымъ и неспособнымъ, будучи притомъ крайне близорукъ, и едва не разбилъ корабля во льдахъ. Только для отца его и чтобы не обнаружить свою ошибку, Лазаревъ не рѣшился отдать его подъ судъ, однако же, объявивъ его совершенно неспособнымъ къ практической службѣ, взялъ съ него слово выйти изъ флота. Новосильскій по протекціи перешелъ было въ Морской корпусъ кадетскимъ офицеромъ, но тамъ остался недолго, и перейдя въ гражданскую службу, хотя и дошелъ до званія директора департамента Св. Синода, но, по свидѣтельству общаго нашего товарища и пріятеля, В. И. Даля, пристрастившись къ картамъ, проигрывалъ все, даже и казенныя деньги, въ то самое время, какъ размѣщалъ дѣтей своихъ по казеннымъ заведеніямъ на ваканціи, предоставленныя сиротамъ и бѣднякамъ, и кончилъ карьеру свою въ полномъ презрѣніи у всѣхъ и неоплатныхъ долгахъ, проклинаемый тѣми, у кого успѣлъ выманить деньги, зная и самъ напередъ, что уплатить ихъ не будетъ въ состояніи.

Передъ выпускомъ моимъ изъ корпуса отецъ мой пріѣхалъ въ Петербургъ, но пока одинъ, безъ семьи. По смерти генерала Деволана, преемника принца Ольденбургскаго, отецъ принялъ главное управленіе вѣдомствомъ путей сообщенія, и Государь желалъ утвердить его на этомъ мѣстѣ, потому что былъ чрезвычайно доволенъ его докладами, но это сопряжено было съ однимъ условіемъ, на принятіе котораго нечего было и надѣяться по духу отца моего. При постройкѣ шоссе между Петербургомъ и Москвою, особенно въ той части, которая шла черезъ Аракчеевскія поселенія, стали обнаруживаться страшныя злоупотребленія. Отецъ требовалъ строгаго изслѣдованія и настаивалъ на отдачѣ подъ судъ двухъ генераловъ, завѣдывавшихъ этой постройкой, но генералы эти были изъ числа фаворитовъ Аракчеева, и Государь требовалъ отъ отца уступки по этому дѣлу. Отецъ не соглашался. Государь медлилъ назначеніемъ другого, предлагая отцу утвержденіе и производство въ чинъ съ условіемъ, чтобы онъ только не возбуждалъ противъ себя Аракчеева. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда я былъ произведенъ въ мичмана по флоту, т. е. поручики арміи, 2-го Марта 1819 года.

Между тѣмъ директоръ Морского корпуса сообщилъ о моемъ поступкѣ относительно Новосильскаго отцу. Батюшка былъ очень доволенъ. Онъ пріѣхавши домой, поцѣловалъ меня, и, положа обѣ руки крестообразно мнѣ на голову, какъ бы для благословенія, сказалъ, что хотя я и не старшій въ семействѣ, но что онъ признаетъ меня главою нашего рода, такъ какъ видитъ, что именно я оказался настоящимъ и полнымъ преемникомъ его духа.

Такъ какъ мнѣ хотѣлось какъ можно скорѣе вступить на дѣятельную службу, то я немедленно по обмундированіи отправился въ Кронштадтъ, гдѣ и записался въ первый

экипажъ, бывшій учебнымъ по фрунтовой службѣ, такъ какъ и эту отрасль я желалъ изучить вполнѣ, занимаясь уже давно изученіемъ и военныхъ наукъ. Но въ то же время я помогалъ по вооруженію кораблей въ кругосвѣтное плаваніе, въ экспедиціи къ обоимъ полюсамъ. Тутъ познакомился я, у самаго дѣла, съ М. П. Лазаревымъ, и какъ онъ, такъ и другіе командиры очень желали взять меня въ походъ съ собою, но всѣ мѣста были уже заняты, а увеличить комплектъ министръ не соглашался. Къ тому же, хотя и расположенный ко мнѣ, онъ думалъ, что я слишкомъ еще молодъ для такого похода и не вынесу его тягости. Въ замѣнъ того я былъ назначенъ на лучшій ходокъ послѣ брига «Феникса», тендеръ «Янусъ», прямо командиромъ вахты и притомъ съ объясненіемъ, что имѣется въ виду прямая цѣль постепенно пріучить меня къ командованію на разныхъ судахъ. Мы плавали въ Балтійскомъ морѣ съ разными порученіями, осматривали маяки, перевозили персидскаго посланника и пр.

Между тѣмъ прибыла въ Петербургъ и мачиха наша съ братомъ и сестрою моею и жившею также у насъ двоюродною сестрою нашею Екатериною Александровною Львовой, и я былъ волею и неволею вовлеченъ въ великосвѣтскую жизнь. Матушка требовала, чтобы я часто пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ Кронштадта, и такъ какъ генералъ-цейхмейстеръ Назимовъ (тотъ самый, который такъ отличилъ меня при экзаменѣ изъ артиллеріи) былъ въ то же время и дежурнымъ генераломъ, отъ котораго зависѣли отсрочки, то онъ и давалъ ихъ мнѣ по нѣскольку, требуя только, чтобы я за каждую пріѣзжалъ къ нему къ обѣду, такъ что разъ случилось, что я чуть не мѣсяцъ выжилъ въ Петербургѣ, когда былъ отпущенъ только на недѣлю. Впрочемъ, чтобъ не было обидно товарищамъ по службѣ, я бывало или впередъ или послѣ отведу всѣ чередныя достающіяся мнѣ дежурства, караулы, ученье и пр., и всегда принималъ кромѣ того бывшее непріятнымъ для другихъ порученіе,—осмотръ госпиталей въ Кронштадтѣ и Ораніенбаумѣ.

При выпускѣ моемъ батюшка свозилъ меня ко всѣмъ своимъ знакомымъ, которыхъ въ Петербургѣ было множество. Меня вездѣ полюбили, а, когда пріѣхала матушка, то я необходимо долженъ былъ провожать ее и сестеръ вездѣ — и на обѣды, и въ театръ и въ концерты, и на балы, и кружиться постоянно въ вихрѣ двора и большого свѣта. Это время было одно изъ самыхъ тяжелыхъ для меня въ жизни. Въ Кронштадтѣ все возмущало меня, такъ какъ все было пропитано невыразимыми злоупотребленіями. На каждомъ шагу я приходилъ, по повиду ихъ, къ непріятнымъ столкновеніямъ. Было нѣсколько и крупныхъ фактовъ, за которые не взлюбили меня всѣ участники въ злоупотребленіяхъ, какъ напр. въ одномъ случаѣ, гдѣ я не пустилъ изъ Адмиралтейства на частныя работы людей, приведенныхъ туда на казенную работу, на что обыкновенно другіе смотрѣли сквозь пальцы и пр. Мѣста старшихъ начальниковъ были заняты тогда людьми ничтожными (особенно изъ англичанъ) или нечестными, что особенно рѣзко выказывалось при сравненіи съ даровитостью, образованіемъ и безусловною честностью нашего поколѣнія. Флотъ былъ въ упадкѣ, и кто только могъ, старался перейти въ

армію, что особенно было выгодно въ чинѣ лейтенанта, такъ какъ тогда переводили капитаномъ. Въ Кронштадтѣ не было даже библіотеки, и я находилъ свойственное себѣ занятіе только въ бесѣдѣ съ иностранцами. Если же я пріѣзжалъ въ Петербургъ, то и тамъ я тяготился не менѣе тѣмъ образомъ жизни, отъ котораго не могъ уклониться. Опять вѣчные гости, вѣчныя карты и суета свѣтской жизни. Матушка особенно дорожила свѣтскимъ своимъ кругомъ и постоянно предупреждала меня противъ «несвойственныхъ знакомствъ», въ какомъ бы то ни было другомъ кругу, хотя лично не имѣла барскаго чванства и по природной добротѣ была даже снисходительна къ такъ называемымъ *„mésalliances"*, не отказывалась принимать у себя провинившихся въ этомъ. Она одна только снисходительно отнеслась къ браку княжны Гагариной съ безвѣстнымъ литераторомъ Ротчевымъ, къ браку и своей племянницы Толстой съ учителемъ Михайловымъ и пр. Я обязанъ былъ не только присутствовать въ театрѣ, на балахъ и пр., но сверхъ того иногда и цѣлое утро разъѣзжать по порученіямъ матушки къ разнымъ знатнымъ барынямъ, ея пріятельницамъ, или къ важнымъ лицамъ по ея ходатайствамъ, такъ что, бывало, не имѣю ни минуты свободной для своихъ дѣльныхъ и любимыхъ ученыхъ занятій.

Наконецъ, батюшка рѣшительно отказался отъ всякой уступки Аракчееву, несогласной съ его убѣжденіями, и такъ какъ при разстроенномъ его здоровьи одна только обязанность удерживала его на службѣ, то пожелалъ вмѣстѣ съ тѣмъ выйдти въ отставку, чтобы имѣть возможность ѣхать для продолжительнаго лѣченья на Кавказскія воды. Назначили управлять вѣдомствомъ путей сообщенія полу-испанца, полу-француза Бетанкура, не знавшаго ни слова по русски, для котораго всѣ бумаги переводили на французскій языкъ и который прямо сказалъ, что не знаетъ русскихъ законовъ и что не согласенъ ни за что отвѣчать. При такомъ ненормальномъ положеніи батюшку упросили по крайней мѣрѣ погодить отставкою и сохранить званіе генералъ-инспектора, пока не наладится дѣло управленія при Бетанкурѣ.

Въ 1820 году я былъ назначенъ на фрегатъ «Свеаборгъ», который долженъ былъ перевозить Великаго Князя Николая Павловича для осмотра приморскихъ крѣпостей въ качествѣ главнаго начальника инженеровъ. Но въ это самое время, когда слѣдовало намъ выступить въ море, я получилъ назначеніе кадетскимъ офицеромъ въ морской кадетскій корпусъ, что было сдѣлано съ цѣлію поручить мнѣ и преподаваніе астрономіи и высшихъ математическихъ наукъ. Меня поразило это чрезвычайно непріятно. Я стремился къ дѣятельной, морской и боевой службѣ и вовсе не чувствовалъ желанія, запрятавъ себя въ учителя въ корпусѣ, пропустить случай къ походу. Къ тому же мнѣ казалось, что мнѣ будетъ затруднительно, едва вышедши изъ корпуса, сдѣлаться съ одной стороны товарищемъ бывшихъ начальниковъ, а съ другой—начальникомъ бывшихъ товарищей, изъ которыхъ иные были старше даже меня лѣтами. Но отецъ мой не позволилъ мнѣ и заикнуться даже объ отказѣ. «Походы отъ тебя не уйдутъ», писалъ онъ мнѣ: «а это небывалая честь, чтобы въ твои лѣта и въ твоемъ чинѣ отечество

довѣрило-бы кому воспитаніе своихъ согражданъ. Я запрещаю тебѣ отказываться, потому что надѣюсь, что ты съ честію исполнишь и эту обязанность, какъ исполнялъ все до сихъ поръ».

Когда я былъ еще въ корпусѣ воспитанникомъ, то я не только наблюдалъ внимательно всѣ недостатки, беспорядки и злоупотребленія, но и предлагалъ ихъ всегда на обсужденіе дѣльнымъ изъ моихъ товарищей, чтобы соединенными силами разъяснить причины ихъ и обдумывать средства къ устраненію ихъ. Все это было въ слишкомъ свѣжей памяти у меня, и слишкомъ живо еще чувствовалось, когда я вступилъ въ корпусъ кадетскимъ офицеромъ и преподавателемъ, и поэтому, вступая въ корпусъ, я положилъ себѣ твердымъ правиломъ — неослабно стараться объ исправленіи всѣхъ извѣстныхъ мнѣ недостатковъ и безпорядковъ и истребленіи злоупотребленія, по которому ученики съ недостаточными знаніями производились не менѣе того въ офицеры, единственно потому, что для укомплектованія флота надобно было выпускать каждый годъ извѣстное число офицеровъ. Что я достигъ во всемъ замѣчательнаго успѣха, на это имѣется слишкомъ много свидѣтелей и свидѣтельствъ. Здѣсь я хочу обратить вниманіе на то обстоятельство, имѣвшее вліяніе на принятіе мною участія въ политическомъ движеніи, что я задолго до этого участія былъ уже, что называется, реформаторомъ во всѣхъ сферахъ и служебной дѣятельности, въ которыхъ приходилось мнѣ дѣйствовать [1]).

Прежде всего разумѣется пришлось приложить на практикѣ обращеніе съ кадетами. Можно сказать, что до меня господствовали преимущественно солдатскія отношенія, чему не мало способствовало, разумѣется, и право унизительнаго наказанія розгами, хотя это истекало не отъ личностей, а отъ тогдашнихъ условій. Но я по собственному опыту зналъ, что вовсе не нужно важничать, чтобы пріобрѣсти уваженіе, потому, конечно, немногіе и офицеры были такъ уважаемы, какъ я, бывши еще гардемариномъ. Поэтому, явясь въ первый разъ въ роту, я сказалъ всѣмъ, что не только вовсе не забылъ, что былъ недавно ихъ товарищемъ, но что желаю и впредь имъ быть и только по этому самому надѣюсь, что и они могутъ понять, что для того, чтобы мнѣ была возможность быть имъ товарищемъ, необходимо, чтобы это не могло навлечь на меня упреки, что такія отношенія ослабляютъ дисциплину и службу. Установивъ подобное правило, я всегда былъ въ ротѣ не только въ дни своего дежурства, но и во всякую свободную минуту, дозволяя приходить къ себѣ и на квартиру. Я постоянно бесѣдовалъ съ воспитанниками, стараясь всегда вывести ихъ мышленіе изъ тѣснаго круга сухихъ школьныхъ учебниковъ, и особенно старался показать тѣмъ, которые считались (и, вѣроятно, и сами себя считали) звѣздами первой величины, до какой степени недоста-

---

[1]) Лазаревъ: «Голова его всегда была полна реформъ». См. свидѣтельство ген. М. Арбузова объ этихъ словахъ Лазарева.

точно школьное ученіе. Я началъ давать имъ путешествія и историческія книги и разсуждать съ ними о предметахъ, лежавшихъ внѣ школьнаго обученія, стараясь брать точкою отправленія извѣстныя имъ практическіе случаи и показывая имъ необходимость для правильнаго рѣшенія возводить все къ общимъ началамъ. Бесѣды наши привлекали воспитанниковъ и изъ другихъ ротъ, и могу безъ преувеличенія сказать, что всякое появленіе мое считалось какъ бы праздникомъ. Едва я только появлялся въ ротѣ и объявлялъ, что пришелъ бесѣдовать съ воспитанниками, какъ шалости сами собою прекращались, летѣли гонцы въ другія роты, и не проходило и четверти часа, какъ я уже былъ окруженъ густою толпою [1]). Я позволилъ приходить и къ себѣ и пользоваться моими книгами въ мое отсутствіе, для чего, уходя съ квартиры своей, никогда не запиралъ пріемную свою комнату, гдѣ у меня помѣщалась и моя библіотека. Тѣ же дружескія отношенія сохранилъ я и въ походѣ на корпусныхъ фрегатахъ. Бесѣды и тамъ не прекращались.

Нечего и говорить, что я былъ вполнѣ заботливъ о тѣхъ воспитанникахъ, которые находились въ моей непосредственной отвѣтственности, въ моей части въ ротѣ и въ моемъ классѣ. Я слѣдилъ за ихъ ученьемъ и помогалъ имъ во всѣхъ другихъ классахъ. Всякій могъ приходить ко мнѣ и спрашивать меня по какому-нибудь предмету. Я велъ переписку съ родными воспитанниковъ и помогалъ въ случайныхъ нуждахъ, на сколько мои средства позволяли это, потому что и тогда уже я не любилъ расточать свои средства на удовольствія. Я посѣщалъ каждый день въ больницѣ больныхъ своей роты и класса, а когда бывали трудные больные, то навѣщалъ ихъ и не одинъ разъ въ день. Сначала и товарищи мои, офицеры, и начальники смотрѣли на то очень косо, что я, хотя и младше всѣхъ по лѣтамъ, вздумалъ такъ мудрить и умничать, но когда начальникъ экспедиціи въ походѣ на корпусныхъ фрегатахъ засвидѣтельствовалъ директору, какую пользу принесли мои бесѣды къ походѣ, развивши замѣчательно разумѣніе всякаго дѣла у воспитанниковъ и отвлекши ихъ отъ обычныхъ прежде шалостей, и директоръ отдалъ мнѣ за это публично благодарность, то и другіе офицеры вздумали было подражать мнѣ и искать популярности только другимъ путемъ, — разными заискиваніями, приглашеніемъ на чай и пр. Но къ удивленію ихъ это ни къ чему не повело. Воспитанники не видѣли въ этомъ никакой существенной пользы для себя, а одну только натяжку и эгоистическій разсчетъ, и потому остались совершенно холодными и сухими къ дѣлавшимъ подобную попытку. Я тогда еще по опыту убѣдился, что популярность не дается тѣмъ, кто ищетъ ее по своимъ личнымъ видамъ, и потому такъ тогда, такъ и впослѣдствіи, никогда не гнался за нею, и какъ никогда не льстилъ и

[1]) Подобныя бесѣды повторялись и на корпусныхъ фрегатахъ, и было извѣстно о пользѣ ихъ въ оффиціальномъ донесеніи командира корпусной эскадры Харламова директору.

не поддакивалъ высшимъ, такъ не дѣлалъ того относительно низшихъ. Стараясь о развитіи и образованіи воспитанниковъ, я и самъ показывалъ имъ примѣръ постояннаго усилія обогатить себя познаніями. Такъ какъ я былъ удержанъ поневолѣ въ Петербургѣ службою въ корпусѣ, то старался извлечь по крайней мѣрѣ всю умственную пользу изъ пребыванія въ немъ. Я слушалъ постоянно лекціи въ Петербургскомъ университетѣ, въ медико-хирургической академіи, въ Горномъ корпусѣ, физическія у Росспини, посѣщалъ обсерваторію, академію художествъ, библіотеки, даже заводы и мастерскія, изучая производство разныхъ ремеслъ и искусствъ.

Такъ какъ между тѣмъ батюшка вышелъ въ отставку и уѣхалъ съ семействомъ въ деревню, и, слѣдовательно, съ отъѣздомъ матушки некому меня было понуждать къ постоянному посѣщенію высшаго свѣтскаго круга, то, хотя она и напоминала мнѣ постоянно въ письмахъ о необходимости поддерживать все знакомство, я напротивъ ограничивался почти одними церемоніальными посѣщеніями, и только, если и бывалъ чаще у кого, такъ это у Архаровой и Васильчиковыхъ, которые меня особенно любили, да у Остермана, куда привлекало меня, кромѣ расположенія его, еще то обстоятельство, что тамъ я практиковался по гречески, въ предположеніи возможности похода съ нимъ для освобожденія Греціи. Я и прежде занимался уже греческимъ языкомъ, когда изучалъ и латинскій, но тутъ сталъ систематически заниматься имъ съ Влангали и Мано, а отчасти и съ другими греками, наполнявшими тогда домъ Остермана. Надо сказать, что, когда имѣлось въ виду назначить его начальникомъ войскъ для освобожденія Греціи, то онъ, хотя и въ старыхъ лѣтахъ, но вздумалъ учиться по гречески и взялъ для этого себѣ адъютанта изъ Грековъ, а домъ его наполнялся эмигрантами-греками. Всѣ эти Ипсиланти, Маврокордато, Негри и другіе бывали у него часто до возстанія грековъ.

Уменьшивъ посѣщенія свои въ высшемъ свѣтскомъ кругу, я въ замѣну того усилилъ сношенія свои съ кругомъ иностранцевъ, не только дипломатовъ, но и негоціантовъ. Я сошелся близко съ Кальдерономъ-де-ла-Барка, совѣтникомъ испанскаго посольства, и испанскимъ же негоціантомъ Моласъ, бывалъ часто у французскаго генерала Бойе, женившагося на крѣпостной дѣвушкѣ Льва Васильевича Толстого, но отлично ее образовавшаго, — у банкира Северина и пр. Только съ Альфіери, а особенно съ Шварценбергомъ никакъ не могъ сдружиться, и, бывало, Остерманъ говаривалъ: «Гдѣ крикъ и шумъ — это вѣрно Дмитрій схватился съ Шварценбергомъ». Ему слишкомъ много дозволяли въ дамскомъ кругу, зато ему и доставалось отъ молодежи вообще [1]).

Что же касается до методы обученія, то нечего и говорить, что она не только гораздо болѣе, чѣмъ нынѣ, но почти исключительно состояла въ «долбленіи и зубреніи», противъ чего я возсталъ всѣми силами, а чрезъ то и пришелъ въ рѣшительное стол-

---

[1]) Альфіери былъ при сардинскомъ посольствѣ, а Шварценбергъ (кажется, бывшій впослѣдствіи первымъ министромъ) при австрійскомъ.

кновеніе съ инспекторомъ наукъ. Онъ былъ человѣкъ недурной, хотя и весьма грубый въ обращеніи съ кадетами, но съ ограниченными способностями, и, такъ какъ онъ самъ былъ обязанъ всѣми своими знаніями неутомимому прилежанію къ долбленію и зубренію, то и не допускалъ возможности другихъ методъ. Онъ не позволялъ даже перемѣнять буквъ въ чертежахъ и ни одного выраженія въ книгахъ, изданныхъ подъ его руководствомъ, гдѣ красовались еще «понеже», «дондеже» и пр. Замѣчательно, что такія руководства были изданы много позже курса Гамалея, котораго исторія астрономіи написана такимъ языкомъ, отъ котораго не отреклись бы гораздо позднѣйшіе литераторы.

Я требовалъ отъ учениковъ прежде всего уразумѣнія сущности дѣла, чему явнымъ свидѣтельствомъ всегда было умѣнье рѣшить правильно задачу. Тогда онъ долженъ былъ у большой доски объяснить и производство и доказательство, а если кто либо въ классѣ не понималъ его объясненія, долженъ былъ его останавливать, а онъ обязанъ быкъ выразить непонятное опредѣленнѣе и яснѣе. Если онъ не былъ въ состояніи этого сдѣлать, помогалъ другой, третій и т. д. пока не были пріисканы точныя выраженія, понятныя средства и объясненія, — все это чрезвычайно занимало весь классъ, поддерживало общее вниманіе, и подъ конецъ весь классъ не только зналъ сущность дѣла, но и умѣлъ выразить ее разнообразно, такъ что мысль никогда не была скована безусловно, мертвою формою какого-нибудь односторонняго, относительнаго, условнаго способа выраженія.

Все это до крайности не нравилось инспектору, такъ какъ составляло рѣзкую противоположность съ его требованіями и отличало всю нелѣпость его методы. Впрочемъ, я не увлекался въ крайность и отдавалъ должную долю и памяти во всемъ, что дѣйствительно не могло быть, по своей условности и случайности произведенія, подведено подъ раціональное объясненіе. Инспекторъ не выдержалъ и сказалъ директору, что въ моемъ классѣ «не умѣютъ отвѣчать, какъ слѣдуетъ». (Тутъ крылось двусмысліе: онъ не могъ сказать «не знаютъ», а сказалъ что не отвѣчаютъ, какъ слѣдуетъ, — чтобы имѣть возможность объяснить, что разсказываютъ не тѣми выраженіями, какъ въ книгѣ). Директоръ пригласилъ меня, и я, объяснивъ ему сущность и преимущество моей методы, оправдываемый притомъ опытомъ, сказалъ въ заключеніе, что вовсе не дорожу лично для себя мѣстомъ преподавателя, такъ какъ ему извѣстно, что и въ корпусъ я вступилъ не по волѣ и принялъ преподаваніе только по настоянію Шуберта. Но если уже сочли меня достойнымъ такого довѣрія, то я и хочу имѣть самостоятельный голосъ, а для оправданія моей методы предлагаю сдѣлать сравненіе своихъ учениковъ съ учениками другихъ параллельныхъ классовъ, въ присутствіи безпристрасгной коммиссіи. Директоръ нашелъ это справедливымъ, и оказалось, что даже послѣдніе ученики въ моемъ классѣ разрѣшали всякую задачу правильнѣе и быстрѣе (что также весьма важно на морѣ), нежели даже старшіе и лучшіе въ другихъ классахъ. Вслѣдствіе этого, мой классъ «въ видѣ опыта» изъятъ былъ совершенно изъ завѣдыванія инспектора, а при

послѣднемъ выпускномъ экзаменѣ отличился самымъ блестящимъ образомъ. Изъ 15 унтеръ-офицеровъ отъ гардемариnъ, производимыхъ изъ цѣлаго выпуска въ моемъ одномъ классѣ было девять, и послѣдній изъ моего класса сталъ 34-мъ изъ цѣлаго выпуска въ сто человѣкъ. Съ перваго же гардемаринскаго экзамена по вступленіи моемъ въ корпусъ кадетскимъ офицеромъ, я пріобрѣлъ репутацію строгаго, но безпристрастнаго экзаменатора. Поэтому, помня еще и собственный мой экзаменъ, генералъ-цейхмейстеръ флота, Назимовъ, вошелъ съ представленіемъ о назначеніи меня главнымъ экзаменаторомъ артиллерійскихъ учениковъ, а вслѣдъ за нимъ и инженеръ-генералъ, главный кораблестроитель Брюнъ, потребовалъ назначенія меня экзаменаторомъ математическихъ наукъ въ кораблестроительномъ училищѣ, гдѣ высшія вычисленія требовались еще строже, чѣмъ отъ морскихъ офицеровъ. Я забылъ сказать, что когда назначенъ былъ преподавателемъ, то нисколько не обольщалъ себя на счетъ своихъ познаній. Несмотря на всѣ самыя блестящія свидѣтельства [1]), я отправился къ Шуберту и сказалъ ему: «Что это вы надѣлали? Неужели вы думаете, что я по самолюбію способенъ сколько-нибудь обольщать себя? Неужели вы думаете, что я не понимаю, что можно быть первымъ ученикомъ, даже первымъ изъ первыхъ, и въ то же время посредственнымъ учителемъ, поэтому я чувствую, что мнѣ самому необходимо еще подвигаться далѣе въ изученіи дифференціальныхъ и интегральныхъ вычисленій и пріѣхалъ просить васъ давать мнѣ уроки». — «Ну ужъ извините, это для меня совершенно невозможно, хотя я вполнѣ цѣню вашу скромность и одобряю ваше намѣреніе». — «Ну такъ нельзя ли попросить Карла Федоровича?» (Вишневскаго, товарища Шуберта).

«Не думаю, чтобы и ему былъ досугъ на это, но такъ какъ нахожу ваше желаніе вполнѣ справедливымъ, то могу указать вамъ человѣка, который будетъ вамъ полезенъ, но только именно можетъ быть полезенъ вамъ, и никому другому. Вамъ объяснять ничего не нужно, довольно одного намека, а онъ будетъ для васъ, что справочная книга подъ рукою. Только не забудьте, надобно, чтобы всегда былъ для него пуншъ», прибавилъ онъ, смѣясь, «иначе ничего отъ него не добьетесь».

Къ величайшему моему изумленію, онъ указалъ мнѣ на одного изъ гимназическихъ учителей въ нашемъ корпусѣ, полковника Шуленова, котораго съ одной стороны держали въ черномъ тѣлѣ за пьянство, а съ другой не выгоняли изъ службы ради его бѣдности и семейства. Дѣйствительно, это былъ странный учитель, но вполнѣ соотвѣтствовалъ тому, что мнѣ было необходимо.

---

[1]) Я пропустилъ упомянуть, что при выпускѣ меня возили на сравнительный экзаменъ, гдѣ были собраны всѣ первые ученики разныхъ учебныхъ заведеній, и я одержалъ верхъ надъ всѣми. Дольше всѣхъ оспаривалъ у меня первенство Девятовъ изъ института путей сообщенія. Новосильскій не рѣшился ѣхать и тѣмъ еще болѣе выказалъ неоспоримое первенство мое надъ нимъ по морскому корпусу.

Шубертъ не ошибся. Шулеповъ приходилъ, бывало, всегда вечеромъ, часовъ въ 8 или 9. Мы усядемся за столомъ. Я начинаю дѣлать вычисленія, онъ куритъ трубку и запиваетъ пуншемъ, — никакого разговора между нами, но онъ слѣдитъ внимательно за тѣмъ, что я пишу. Если я встрѣчу затрудненіе въ переходныхъ формулахъ, то подвигаю къ нему доску, молча, и онъ также, молча, пишетъ, что нужно, въ объясненіе. Если же замѣтимъ, что я сдѣлалъ ошибку, то самъ потянетъ къ себѣ доску и также, молча, исправитъ. Когда надо наконецъ идти ему домой, онъ всегда проситъ, бывало, приказать проводить его, прибавляя всегда стереотипное свое объясненіе: «Что то зарябило въ глазахъ, смотря на вашу работу. Экъ вы валяете. Четыре, пять досокъ испишете кругомъ — поневолѣ глаза устанутъ». — Онъ сидѣлъ у меня обыкновенно часа два, а иногда и три. Такимъ образомъ, я, бывши преподавателемъ, въ то же время продолжалъ и самъ учиться. Въ это же время я бралъ уроки англійскаго языка у Руммеля, о которомъ упоминалъ выше, а, впослѣдствіи, у Варендта.

Преобразовать систему выпусковъ изъ корпуса или устранить по крайней мѣрѣ самое вредное условіе было еще труднѣе, нежели измѣнить методу обученія. Въ послѣднемъ случаѣ представлялось столкновеніе съ однимъ только инспекторомъ, а тутъ приходилось нравственно задѣть самолюбіе всѣхъ товарищей своихъ офицеровъ, какъ непремѣнныхъ членовъ экзаменаціонной коммиссіи. Между тѣмъ по моему убѣжденію нельзя было долѣе терпѣть уродливаго явленія, приводившаго къ явной несправедливости и производившаго самое вредное вліяніе на учениковъ. Дѣло было въ томъ, что вслѣдствіе упомянутой выше причины, по установившемуся обычаю, коль скоро кто произведенъ былъ въ гардемарины, тотъ могъ уже не заботиться слишкомъ объ ученьи: онъ зналъ, что хоть на самомъ хвостѣ, а все-таки онъ будетъ черезъ три года произведенъ въ мичмана, а такъ какъ во флотѣ строго тогда соблюдалось старшинство, то это значило, что самый негодный предшествующаго выпуска будетъ тѣмъ не менѣе старше перваго воспитанника послѣдующаго и выиграетъ передъ нимъ еще годъ службы. Между тѣмъ отъ лучшихъ воспитанниковъ требовалось въ то же время необыкновенно много, такъ что, не считая иностранныхъ языковъ, приходилось 22 предмета, въ которыхъ во всѣхъ надо было быть отличнымъ и для чего же? — чтобы и по линіи производства и по годамъ службы быть все-таки моложе неспособнаго и лѣнтяя. Несправедливость была очевидная. Она вызывала и другія невыгодныя явленія. Нѣкоторые, кто способнѣе, торопились сами собою покончить курсъ, чтобы приписаться въ старшій выпускъ, что иногда допускалось по особенной протекціи министра — и тогда вмѣсто основательно обучившихся офицеровъ являлись скороспѣлки, не получившіе прочныхъ основаній и не полюбившіе науки, а потому почти безъ исключенія обращавшіеся въ простыхъ людей. Противъ всего этого я рѣшился выступить при первомъ же бывшемъ при мнѣ экзаменѣ для выпуска изъ корпуса. Вмѣсто употребительныхъ, смягчающихъ обстоятельство, отмѣтокъ, я двумъ изъ числа экзаменовавшихся у меня положилъ просто такую отмѣтку:

«не имѣетъ познаній, необходимыхъ для морского офицера». — Это нововведеніе поразило всѣхъ тѣмъ болѣе, что какъ нарочно изъ двухъ гардемариновъ, подпавшихъ такому моему приговору, одинъ былъ сынъ, а другой племянникъ самыхъ значительныхъ людей. Все возстало противъ меня. Раздались обвиненія, что я одинъ хочу быть умнѣе всѣхъ, что я хочу все вверхъ дномъ перевернуть и пр. Сначала приступили ко мнѣ съ просьбою перемѣнить отмѣтку, я наотрѣзъ отказался и объявилъ, что я скорѣе выйду изъ корпуса.

Наконецъ подвинули самого директора къ формальному изслѣдованію дѣла. Меня пригласили къ нему. Я засталъ у него адмирала Голянкина. Директоръ очень любилъ и уважалъ меня, и встрѣтилъ шуточными словами: «Что это, братъ Дм. Ир., ты затѣваешь? Ты что-то больно много ужъ требуешь отъ ребятъ, а вотъ въ наше время Голянкинъ былъ лейтенантомъ, да не зналъ вычисленій», сказалъ онъ съ хохотомъ, указывая на старика адмирала.

«Что ты тамъ врешь на меня»? — отвѣчалъ тотъ сердито, «больше моего что-ли ты зналъ»?

Я сказалъ директору, что иное время, иное и требованіе, что было время, когда и князья не знали грамотѣ, затѣмъ объявилъ ему всѣ причины, почему такъ поступилъ и всю необходимость положить конецъ злу. Директоръ согласился со мною въ справедливости всего сказаннаго относительно общихъ основаній, но сказалъ, что въ приложеніи къ спеціальному случаю товарищи мои и офицеры дѣлаютъ такого рода возраженіе: почему именно только у меня нашлись незаслуживающіе производства въ мичмана, а у другихъ нѣтъ? Не доказываетъ ли это излишекъ требованія съ моей стороны? Я отвѣчалъ, что берусь доказать, что у другихъ были еще менѣе достойны производства, но что экзаменаторы слѣдовали обычной, вредной системѣ отмѣтокъ, которыя признавались достаточными, хотя въ сущности не выражали главнаго, что требовалось, что поэтому я и прошу для опытнаго разрѣшенія, кто правъ изъ насъ, приказать собраться въ присутствіи самого директора всей экзаменаціонной коммиссіи, и пусть, кому будетъ угодно, тотъ предлагаетъ вопросы экзаменовавшимся у меня, а я буду предлагать экзаменовавшимся у другихъ, и тогда я не сомнѣваюсь, что докажу двѣ вещи: первое, что есть ученики, еще менѣе знающіе, чѣмъ тѣ, которыхъ я забраковалъ, а второе, что ни тѣ, ни другіе дѣйствительно не имѣютъ необходимыхъ для офицера познаній. Такъ было и сдѣлано, и къ двумъ забракованнымъ мною, коммиссія вынуждена была присоединить еще двухъ изъ числа экзаменовавшихся у другихъ. Конечно, можно было бы найти и больше, но сочли, что и этого было достаточно для примѣра.

Невозможно и вообразить себѣ, какое впечатлѣніе произвелъ подобный переворотъ. Сначала все было надѣялись еще, что я отступлюся въ послѣднюю минуту. Но когда вышелъ высочайшій приказъ, и увидѣли, что четверо были дѣйствительно оставлены въ корпусѣ и что дѣло, стало быть, было не въ шутку, то не только оставленные, но и

всѣ лѣнтяи послѣдняго выпуска принялись серьезно учиться, и я имѣлъ удовольствіе слышать неоднократно изъявленія благодарности отъ одного изъ оставленныхъ, вышедшихъ на слѣдующій годъ однимъ изъ первыхъ. При всякомъ свиданіи онъ не пропускалъ благодарить меня, что я своею строгостью заставилъ его быть дѣльнымъ офицеромъ, тогда какъ безъ этого онъ такъ бы и остался и неучемъ и сдѣлался бы, можетъ быть, негодяемъ.

Не менѣе возбудилъ я противъ себя своихъ товарищей офицеровъ, особенно начальниковъ, своимъ безпристрастіемъ въ другомъ случаѣ, но зато тѣмъ болѣе пріобрѣлъ довѣрія со стороны воспитанниковъ. Предсѣдателю коммиссіи хотѣлось угодить одному адмиралу и поставить сына его, не учившагося въ корпусѣ, а воспитавшагося дома, на второе мѣсто. А такъ какъ въ унтеръ-офицеры отъ гардемаринъ производились только 15 человѣкъ, то включеніемъ въ число ихъ адмиральскаго сынка другой гардемаринъ, бывшій 15-мъ по счету и признанный достойнымъ унтеръ-офицерскаго званія, лишился-бы его незаслуженно. Поэтому я и воспротивился помѣщенію адмиральскаго сынка на второе мѣсто тѣмъ болѣе, что и отмѣтки по наукамъ не давали ему на это права. Точно также я не допустилъ по той же причинѣ и на третье, четвертое мѣсто и т. д. Наконецъ по отмѣткамъ онъ могъ занять одиннадцатое. Но я и этому воспротивился. «Какъ, вы и теперь не соглашаетесь»? — спросилъ съ горячностью полковникъ Сульменевъ, которому сильнѣе всѣхъ хотѣлось подслужиться адмиралу: «да это явная несправедливость».

«Напротивъ», отвѣчалъ я, «сущая справедливость. Господа, — сказалъ я, обращаясь къ коммиссіи, — у насъ въ числѣ отмѣтокъ считается самою важною отмѣтка по поведенію. Поведеніе воспитанника, невоспитавшагося въ корпусѣ, намъ неизвѣстно, стало быть, мы и не имѣемъ права равнять неизвѣстнаго съ извѣстнымъ вполнѣ. Кромѣ того, гардемарины, служившіе въ корпусѣ, исполняли уже обязанности, и это уже составляетъ для нихъ заслугу, тогда какъ не жившій въ корпусѣ этой заслуги не имѣетъ, да ничѣмъ не доказалъ еще и вообще своей служебной способности. Поэтому я стою твердо на томъ, что наша нравственная обязанность относительно воспитанниковъ — доказать имъ наше безпристрастіе и справедливость, не лишивъ никого изъ признанныхъ нами достойными заслуженнаго имъ унтеръ-офицерскаго званія, а если директору угодно оказать уваженіе къ заслугамъ адмирала, то отъ его воли зависитъ сдѣлать сына его шестнадцатымъ унтеръ-офицеромъ». Мало помалу всѣ согласились со мною, хотя и послѣ бурныхъ споровъ, и директоръ утвердилъ общее рѣшеніе. Веселаго, въ своей исторіи Морскаго корпуса, показавъ, что въ одномъ выпускѣ было шестнадцать унтеръ-офицеровъ, не объяснилъ однако же причины этого страннаго факта, хотя это ему было очень хорошо извѣстно, но онъ, вѣроятно, не осмѣлился тогда (1852 г.) разсказывать о моихъ дѣйствіяхъ.

Между тѣмъ слухи о моей неумолимой строгости привели и къ забавному случаю. Однажды докладываютъ мнѣ, что пріѣхалъ ко мнѣ сенаторъ Корниловъ. Хотя я и пользовался высокимъ уваженіемъ и у знакомыхъ своихъ, и у своихъ начальниковъ, и посѣщенія важныхъ особъ въ оплату за мои посѣщенія были для меня не рѣдкость, однако-же первый визитъ со стороны такого значительнаго лица такому молодому офицеру, какъ я, не могъ не показаться мнѣ страннымъ. Но вотъ входитъ ко мнѣ въ кабинетъ человѣкъ съ двумя звѣздами и рекомендуется, что вотъ онъ — сенаторъ такой-то, и былъ прежде губернаторомъ въ Сибири, что очень желалъ со мною познакомиться и пр., затѣмъ переходитъ къ предмету своего посѣщенія. Онъ сказалъ мнѣ, что у него есть сынъ въ корпусѣ и что по росписанію ему досталось экзаменоваться у меня въ гардемарины.

«Что-же вамъ угодно?» спросилъ я.

«А вотъ видите-ли», отвѣчалъ онъ, «сынъ у меня мальчикъ способный, но немножко рѣзовъ, поэтому я и рѣшаюсь попросить васъ быть къ нему поснисходительнѣе, если онъ по разсѣянности что нибудь не такъ будетъ отвѣчать».

«Плохую же услугу», сказалъ я ему на это, «оказали вы вашему сыну, я и оказалъ бы ему самъ по себѣ снисхожденіе, но теперь послѣ вашей просьбы обязанъ буду быть еще особенно строгимъ, чтобы не допустить ни у него, ни у другихъ мысли о возможности вліянія какой-нибудь протекціи и просьбы».

«Ахъ, Боже мой», сказалъ онъ, вскочивъ съ кресла, «такъ сдѣлайте одолженіе, забудьте, что я вамъ говорилъ что-нибудь».

«Вы знаете», отвѣчалъ я, «что это невозможно, и поэтому самое лучшее, что вы можете сдѣлать, это разсказать все сыну вашему, чтобы и онъ понялъ, что ему не только нечего надѣяться на снисхожденіе, но онъ еще навѣрное долженъ ожидать большей строгости. Посовѣтуйте ему лучше приготовиться».

Старикъ ушелъ отъ меня въ большомъ смущеніи, но это послужило въ пользу сыну. Онъ, какъ говорится, засѣлъ въ плотную, день и ночь, и выдержалъ экзаменъ хорошо. Это и былъ впослѣдствіи прославившійся подъ Севастополемъ адмиралъ Корниловъ.

Между тѣмъ по случаю назначенія помощника директора, генерала Баратынскаго, сенаторомъ, поступилъ на мѣсто его въ корпусъ адмиралъ Головнинъ, извѣстный по своему плѣну въ Японіи и кромѣ того, какъ хорошій морякъ и литераторъ. Я тогда не зналъ о его участіи въ тайномъ обществѣ и даже о существованіи какихъ-нибудь тайныхъ обществъ, стремившихся къ государственному преобразованію, но насъ, меня и Головнина, сблизило общее негодованіе противъ вопіющихъ злоупотребленій и общее стремленіе къ отысканію мѣръ противъ нихъ и для правильнаго развитія общественнаго и государственнаго быта. Онъ скоро узналъ все, что было сдѣлано мною для исправленія и улучшенія корпусныхъ порядковъ и не могъ не замѣтить, какое нравственное вліяніе пріобрѣлъ я въ кругу офицеровъ и учителей и даже надъ самимъ директоромъ.

Поэтому Головнинъ всячески старался сблизиться со мною, и мы наконецъ сдѣлались друзьями, насколько допускало это огромное различіе въ лѣтахъ. Я часто проводилъ у него вечера, гдѣ и познакомился съ бывшимъ Иркутскимъ губернаторомъ, Трескинымъ, отъ котораго, какъ и отъ Корнилова, нерѣдко посѣщавшаго также Головнина, я получилъ пригодившіяся мнѣ впослѣдствіи многія свѣдѣнія о Сибири, о которой тогда въ публикѣ не имѣлось ни малѣйшаго правильнаго понятія, а въ литературѣ никакихъ указаній на счетъ общественнаго положенія и условій быта, а все ограничивалось нѣсколькими учеными путешествіями или историческими изысканіями. Надо сказать, что въ то же время и другія обстоятельства увлекали мои мысли къ изслѣдованію государственнаго и общественнаго устройства. Я бывалъ часто у Васильчиковыхъ, гдѣ всегда былъ принятъ, какъ свой. Такъ какъ сынъ ихъ, Ларіонъ Васильевичъ (впослѣдствіи князь и предсѣдатель Государственнаго совѣта), былъ въ то же время командиромъ гвардейскаго корпуса, то домъ ихъ и былъ наполненъ высшимъ обществомъ и придворнымъ кругомъ. Но въ немъ было то рѣзкое отличіе отъ другихъ аристократическихъ домовъ, что вмѣсто исключительныхъ толковъ о пустыхъ дѣлахъ при дворѣ, допускались рѣзкія сужденія объ Аракчеевѣ, а слѣдовательно и о внутренней политикѣ государства, такъ какъ Ларіонъ Васильевичъ былъ не только однимъ изъ числа немногихъ, не раболѣпствовавшихъ предъ Аракчеевымъ, но былъ явно ему враждебенъ. У Остермана, также человѣка независимаго, собирались всѣ знаменитости, особенно военныя, и посланники и кромѣ того греки, какъ разсказано выше, и разговоры были преимущественно политическіе, къ чему впослѣдствіи возстаніе грековъ давало постоянную пищу, причемъ осуждалась и наша внѣшняя политика, оскорблявшая народное чувство униженіемъ Россіи на степень безсознательнаго орудія Метерниха. Наконецъ, я имѣлъ много знакомыхъ и пріятелей въ гвардейскихъ полкахъ, особенно въ артиллеріи пѣшей и конной, въ конной гвардіи, въ полкахъ Преображенскомъ и Семеновскомъ, котораго исторія возстанія мнѣ была вполнѣ извѣстна. У Остермана получалися всѣ извѣстные иностранные журналы, а въ полкахъ Преображенскомъ и Семеновскомъ были богатыя политическія библіотеки. Борьба общественнаго мнѣнія съ Бурбонами во Франціи, возстаніе въ Испаніи, Португаліи, Италіи, вредное вмѣшательство Россіи въ дѣла Германіи, смерть Коцебу и пр. затронули всѣ политическіе вопросы, толки о нихъ шли вездѣ, и даже легкая сатирическая литература сдѣлалась орудіемъ выраженія мнѣній и осмѣянія правительственныхъ лицъ и ихъ орудій. Стали появляться стихи въ родѣ слѣдующихъ и на самого Государя:

«Царь нашъ нѣмецъ-русскій
Носитъ мундиръ прусскій»,

или:

«Познай, народъ россійскій,
А съ нимъ весь міръ,
Что прусскій и австрійскій
Я сшилъ себѣ мундиръ».

А Стурдза, посланный къ Коцебу для того, какъ увѣряли, чтобы распространеніемъ мистическихъ идей поддержать деспотизмъ правительствъ противъ народовъ осмѣянъ былъ въ шуточныхъ пѣсняхъ:

«Ахъ, скучно мнѣ
На чужой сторонѣ,
Все не мило, все постыло,
Коцебу со мною нѣтъ».

или:

«Здѣсь я голоденъ и битъ,
Тамъ-же въ почестяхъ и сытъ,
Хоть не воленъ, да доволенъ,
Не глядѣлъ бы я на свѣтъ» и пр.

или:

«Вокругъ Стурдзы хожу
Я мистическаго,
Германическаго,
Я на Стурдзу гляжу
Монархическаго
Деспотическаго».

Однимъ словомъ все возбуждало и направляло мысли и толки на предметы политическіе. Время было богато событіями, вызывающими неудовольствія: и вмѣшательство въ чужія дѣла для подавленія свободы, и военныя поселенія, и библейское общество и пр. — все подавало къ этому поводъ. Но если у однихъ это вызывало только насмѣшку и сатиру, то очевидно уже было, что у многихъ чувство недовольства настоя-

щимъ положеніемъ и негодованіе противъ зла направляли умъ на болѣе серьезную сторону, на заботы о будущемъ и на изслѣдованіе причинъ зла съ цѣлью и надеждою отъискать противъ него средства и надежныя условія для правильнаго развитія общества и для достиженія благосостоянія его. Между тѣмъ ясно также было, что узломъ и сосредоточіемъ всего, около чего вращалась тогда современная политика, былъ несомнѣнно Священный союзъ. Одни отъ него только и ожидали спасеніе, другіе напротивъ видѣли въ немъ именно главную причину зла. Я, по положенію своему, объясненному выше, имѣлъ доступъ во всѣ круги, и слышалъ поэтому всестороннія обсужденія. По самому складу своего ума, какъ и по направленію образованія своего, я былъ чуждъ всякой односторонности, и меня сильнѣе всего поражало противорѣчіе людей, одинаково искреннихъ повидимому. Поэтому и не мудрено, что всѣ силы моего мышленія и были направлены на разрѣшеніе причинъ этого противорѣчія, и мнѣ казалось, что я отыскалъ ихъ. Оно по-моему заключалось въ томъ, что при правильности основаній была неправильность въ приложеніи.

Нѣтъ сомнѣнія, что какъ искаженіе правительствъ, повлекши ихъ паденіе, такъ и насилія, исказившія стремленія къ свободѣ, истекали изъ одного источника — изъ упадка нравственности, давшаго преобладаніе эгоистическимъ стремленіямъ, и изъ неясности понятій о возможныхъ условіяхъ человѣческаго быта. Нѣтъ сомнѣнія, что безусловнаго нельзя достигнуть условнымъ, и никакія сочетанія формы не въ состояніи породить духа,—слѣдовательно, очень справедливо было одно изъ основаній Священнаго союза, что только одинъ духъ Христіанства можетъ выполнить недостатки человѣческихъ учрежденій, недостатки, нераздѣльные со всѣмъ относительнымъ, формальнымъ. Слѣдовательно, возстановить нравственныя начала по духу Христіанства было дѣйствительно единственнымъ средствомъ врачеванія общественныхъ недуговъ, а за этимъ улучшеніе внѣшнихъ условій будетъ слѣдовать неизбѣжно само собою. Но Священный Союзъ, вмѣсто того, чтобы заботиться о возстановленіи нравственныхъ началъ, устремилъ всѣ свои усилія на то, чтобы возстановить прежнія, разрушенныя революціей, формы, которыя и были отъ того такъ легко разрушены, что въ нихъ не было уже духа жизни, не было живого нравственнаго начала. Кромѣ того, союзъ былъ лишенъ условій нравственной крѣпости потому, что соединялъ православіе Россіи съ римскимъ католицизмомъ Австріи и протестантизмомъ Пруссіи, которые, какъ радикально противоположные Православію, по закону необходимости вели къ инымъ нравственнымъ выводамъ, а если оставляли ихъ въ сторонѣ, то могли дѣйствовать только надъ бездушною формою, и, что хуже всего, дѣлать религію орудіемъ цѣлей относительныхъ, внѣшнихъ, и чрезъ то подкапывали именно то самое нравственное начало, которое сами же признавали и выставляли, какъ единственное средство спасенія. — Но на которой же изъ двухъ сторонъ было болѣе искренности? Къ которой лучше можно было отнестись съ надеждою, что она услышитъ голосъ правды и откажется скорѣй

отъ своей односторонности? Или необходимо было стать между ними, основать общество, которое поставило бы цѣлію возстановленіе началъ, осуществляя ихъ прежде всего въ своихъ собственныхъ личностяхъ и распространяя ихъ главное примѣромъ, — первое же можно было можно рѣшить только опытомъ, отнесясь добросовѣстно и къ представителямъ власти, и къ борцамъ за свободу.

Кромѣ того, Священный Союзъ почувствовалъ, что высшая цѣль должна была состоять въ братскомъ соединеніи народовъ, но средства, принятыя имъ, вели напротивъ къ раздѣленію ихъ. Съ другой стороны для меня ясно было, что національность, во имя которой велась борьба противъ Наполеона, должна имѣть значеніе только, какъ одинъ изъ относительныхъ элементовъ, и, въ односторонности своей, также поведетъ къ раздѣленію народовъ, что поэтому для соединенія народовъ должны быть взяты общія основанія справедливости и понятія общей солидарности въ благосостояніи, и что поэтому если общество для возстановленія нравственныхъ началъ можетъ состояться, то оно должно быть вселенское, т. е. обнимать всѣ народы или быть доступно людямъ всѣхъ націй, ставши выше національностей, но это по чувству любви, связывающей людей, а отнюдь не по эгоистическому равнодушію космополитизма къ національности, къ самопожертвованію, и не по личному интересу.

Учрежденіе всякаго рода обществъ не было въ то время дѣломъ несбыточнымъ, а у меня не было недостатка рѣшимости на что-бы то ни было, въ чемъ я былъ убѣжденъ. Съ другой стороны и мысль о препятствіяхъ, о томъ, возможна ли удача, не могли также меня остановить. Я всегда вѣрилъ въ силу нравственныхъ началъ и былъ всегда увѣренъ, что лишь бы удалось только отыскать правильную идею, возбудить живую силу, то онѣ совершатъ свое дѣло, разовьются сами собой по собственной силѣ, присущей всякой не формальной, а живой истинѣ. Таковы были мои мысли, мои стремленія, таково было мое рѣшеніе, и я готовился было приступить уже къ дѣлу, я пошелъ было уже разъ во дворецъ, чтобы потребовать прямо свиданія съ Государемъ, но онъ уѣхалъ въ Царское село, а я вдругъ получилъ въ это именно время отъ М. П. Лазарева приглашеніе идти съ нимъ въ походъ вокругъ свѣта, въ знаменитую экспедицію фрегата «Крейсера».

VI.

Я былъ въ большомъ затрудненіи, на что рѣшиться. Идти въ походъ, значило отложить исполненіе идеи, овладѣвшей уже всѣми моими мыслями. Но съ другой стороны несомнѣнно было и то, что личное знакомство съ заграничными странами, большая возмужалась и опытность, самое развитіе характера въ борьбѣ съ опасностями, могутъ представить впослѣдствіи лучшія условія для успѣха задуманнаго дѣла. Послѣднія соображенія взяли перевѣсъ, и я далъ Лазареву свое согласіе.

Изъ другихъ офицеровъ, назначенныхъ также въ этотъ походъ, почти всѣ еще были въ отпуску, а между тѣмъ дѣло было громадное. Мы отправлялись для ученой и военной цѣли, что усложняло всѣ приготовленія и затрудняло несовмѣстимостью иныхъ условій для такихъ различныхъ цѣлей. Въ первый разъ еще посылался изъ Россіи въ кругосвѣтное путешествіе большой военный корабль. Къ тому же фрегатъ «Крейсеръ», назначенный въ экспедицію, былъ еще новый онъ еще не былъ обитъ мѣдью и не имѣлъ мачтъ, все надо было устраивать вновь и принаровить не только къ дальнему, но и продолжительному трехлѣтнему плаванію, что все прибавляло страшно дѣла и требовало буквально неутомимой и кипучей дѣятельности. Я немедленно отправился въ Кронштадтъ, и мы приступили къ работамъ только вдвоемъ со старшимъ лейтенантомъ. Зато порученія налагались на меня Лазаревымъ одно за другимъ. Мнѣ были поручены всѣ работы по адмиралтейству, тогда какъ старшій лейтенантъ зналъ только работы на фрегатѣ, да и въ тѣхъ я же помогалъ ему. На меня возложено было преобразованіе артиллеріи по новому устройству, которое послужило потомъ образцомъ для всего флота, и мнѣ же поручена была постройка гребныхъ судовъ. Наконецъ, какъ бы и этого было мало, Лазаревъ, не спросивши даже меня, сдѣлалъ представленіе о назначеніи меня главнымъ ревизоромъ экспедиціи, тогда какъ по обычаю, на эту должность, вмѣщавшую въ себѣ нѣсколько должностей, назначался всегда один изъ старшихъ офицеровъ [1]). Это такъ всѣхъ поразило, что Лазареву былъ сдѣланъ формальный запросъ о причинѣ такого необыкновеннаго назначенія. Лазаревъ въ отвѣтѣ своемъ, превознося всѣ мои качества которыя я по его убѣжденію имѣлъ, и которыя обусловливали мое назначеніе по разнымъ отношеніямъ, закончилъ тѣмъ, что сверхъ того, такъ какъ я по общему отзыву составляю одну изъ свѣтлыхъ надеждъ флота и на меня уже теперь привыкли смотрѣть, какъ на будущаго начальника, то онъ и счелъ обязанностью своею для пользы службы познакомить меня со всѣми отраслями управленія, для чего упомянутая должность представляла наилучшее средство. Вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ назначенъ и членомъ всѣхъ коммиссій для надзора за изготовленіемъ провизіи. Пользуясь подобнымъ положеніемъ, грозно и энергически сталъ я противъ всѣхъ злоупотребленій, неумолимо обличая и преслѣдуя ихъ и въ высшихъ и въ низшихъ, и это до того, что сложилась формальная поговорка между мошенниками. «Избави, Боже, отъ огня и меча, а пуще всего отъ фрегата «Крейсера».

Въ Кронштадтѣ я принялъ къ себѣ на квартиру Павла Степановича Нахимова, впослѣдствіи адмирала, прославившагося побѣдою при Синопѣ. Меня о томъ просили товарищи мои по службѣ въ корпусѣ, братья его, Николай Степановичъ и Платонъ Степановичъ, очень извѣстный впослѣдствіи, какъ инспекторъ студентовъ Московскаго

[1]) Должность эта заключала должности: начальника канцеляріи, полкового адъютанта, казначея и постояннаго ревизора всѣхъ хозяйственныхъ частей,—провіантской, коммиссаріатской, шкиперской, артиллерійской и штурманской. Впослѣдствіи, на меня же возложены были и дипломатическія сношенія и мѣна съ дикими.

Университета. Впрочемъ, я сдѣлалъ бы это и для самого Павла Степановича по его просьбѣ, такъ какъ онъ былъ товарищемъ моимъ въ походѣ въ Швецію и Данію. Мы условились жить и на фрегатѣ вмѣстѣ и для того соединили двѣ свои небольшія каюты въ одну, что дало намъ возможность лучше размѣститься, и наша каюта сдѣлалась какъ бы малою гостинною, куда обыкновенно собирались наши товарищи для искренней бесѣды. Нахимовъ сталъ неразлучнымъ моимъ товарищемъ, сопровождавшимъ меня повсюду. Такъ какъ онъ не зналъ иностранныхъ языковъ, то всегда старался участвовать въ моихъ поѣздкахъ. Я бралъ его съ собою и въ Лондонъ, и въ разъѣздахъ моихъ на островѣ Тенерифѣ, въ Бразиліи, въ Австраліи, въ Отаити, въ Калифорніи и пр., такъ что его прозвали наконецъ моею тѣнью.

Здѣсь кстати будетъ сказать вообще о составѣ офицеровъ на фрегатѣ и привести характеристику каждаго.—Начнемъ съ того, что почти всѣ офицеры, служившіе на фрегатѣ въ этомъ походѣ, которымъ поприще не было насильственно прервано смертью или другими обстоятельствами, дошли до высокаго положенія по службѣ. Лазаревъ былъ впослѣдствіи адмираломъ, генералъ-адъютантомъ, главнымъ начальникомъ Черноморскаго флота. Купріановъ былъ главнымъ правителемъ нашихъ Американскихъ колоній и адмираломъ, Нахимовъ — адмираломъ, Путятинъ — адмираломъ, графомъ, генералъ-адъютантомъ, посланникомъ въ Японіи и Китаѣ и министромъ просвѣщенія. Муравьевъ — начальникомъ училища торговаго мореплаванія. Бутеневъ, потерявшій руку подъ Навариномъ, былъ уже флигель-адъютантомъ, но умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Домашенко умеръ геройскою смертью, спасая утопающаго матроса. Вишневскій (гвардейскаго экипажа), былъ участникомъ событія 14-го декабря. Наконецъ докторъ Алиманъ былъ впослѣдствіи генералъ-штабъ-докторомъ Черноморскаго флота.

Я пользовался такимъ уваженіемъ и такимъ расположеніемъ со стороны Лазарева, что для того, чтобы произнесть тотъ справедливый приговоръ, котораго онъ заслуживалъ, надо было глубоко проникнуться полнымъ сознаніемъ обязанности безпристрастія въ историкѣ. Лазаревъ былъ человѣкъ съ неоспоримыми способностями и характеромъ, но имѣлъ несчастіе съ одной стороны вынести изъ службы на англійскомъ флотѣ всѣ его недостатки въ утрированномъ еще почти до безобразія видѣ, а съ другой стороны воспитаться подъ вліяніемъ Екатерининскихъ нравовъ. Онъ былъ человѣкъ положительно безнравственный, и мы увидимъ ниже, что даже честность его была условная, все человѣческое достоинство, по его понятіямъ, заключалось въ томъ только, чтобы быть отличнымъ морякомъ. Невѣжество его по предметамъ общаго образованія было даже изумительное, онъ ничему не придавалъ значенія, внѣ своей спеціальности, да и въ ней былъ знатокъ только практической части. Поэтому его гордость сильно возмущалась моимъ теорическомъ превосходствомъ, и онъ, нерѣшаясь отрицать его, старался для уменьшенія значенія его доказывать всегда преимущество будто-бы практическаго знанія надъ теоретическимъ, и ничего не было забавнѣе тѣхъ уловокъ и маневровъ, которые

онъ употреблялъ, чтобы не спросить меня прямо, когда бывали случаи, что дѣло могло быть рѣшено только высокимъ теоретическимъ образованіемъ, а практическіе способы вычисленій не давали ни скорыхъ, ни точныхъ результатовъ. Особенно не могъ онъ скрывать явной своей досады на необычайную быстроту моихъ вычисленій, хотя я никогда не позволялъ себѣ хвалиться этимъ и унижать его передъ другими.

Религія, по понятіямъ Лазарева, была только необходимое политическое орудіе для невѣжественнаго народа, и онъ даже доказывалъ, что, кто хочетъ быть хорошимъ морскимъ офицеромъ и даже вообще военнымъ человѣкомъ, тотъ не долженъ быть христіаниномъ, и что, наоборотъ, христіанинъ не можетъ быть хорошимъ офицеромъ, оговариваясь, впрочемъ, всегда, что я составляю исключеніе. Онъ предавался разврату всякаго рода, былъ жестокъ по системѣ и съ деспотическими привычками, поэтому любилъ льстецовъ, имѣлъ наушниковъ и фаворитовъ, но былъ нетерпѣливъ къ открытымъ заявленіямъ. Мнѣ пришлось видѣть его въ большомъ униженіи, когда выказалось все безсиліе такъ называемыхъ желѣзныхъ характеровъ, если они прилагаются къ несправедливому дѣлу. Послѣ бунта команды, который онъ безсиленъ былъ укротить, и который былъ укрощенъ мною, ему долго какъ-то совѣстно было смотрѣть мнѣ въ глаза.

Я сказалъ, что честность его была условная, а онъ самъ засвидѣтельствовалъ обо мнѣ, что я былъ «безукоризненно честенъ и охранялъ каждую казенную и матроскую копѣйку». Поэтому намъ и неизбѣжно было придти въ столкновеніе. Это случилось два раза. Первый разъ Лазаревъ требовалъ, чтобы записать цѣну рома выше той, по которой онъ былъ купленъ, для того, чтобы излишекъ обратить на украшеніе фрегата, «на то, чтобы выкрасить его лишній разъ противъ положенія». — Я отвѣчалъ, что одно изъ двухъ: или это нужно для дѣйствительной пользы корабля, тогда Лазаревъ имѣетъ въ распоряженіи своемъ экстраординарную сумму и можетъ составить коммиссію для утвержденія необходимости такого расхода, или это будетъ дѣлаться для личнаго удовольствія и похвалы Лазарева, тогда справедливость требуетъ, чтобы это было сдѣлано на его собственный счетъ. Второй разъ я отказалъ въ выдачѣ экстраординарныхъ денегъ фавориту Лазарева, Купріанову, которому Лазаревъ хотѣлъ доставить случай побывать въ Лондонѣ на казенный счетъ.

Купріановъ былъ не безъ способностей, но съ дурными наклонностями и недостаточнымъ образованіемъ. Онъ былъ воспитанникъ и фаворитъ Лазарева, выучившаго его и по англійски. Онъ игралъ при немъ роль наушника и еще коего-кого похуже, и вздумалъ было, что это даетъ ему право на значеніе, которое ни по мѣсту его, ни по знанію дѣла отнюдь ему не принадлежало. Мнѣ пришлось осадить его публично, и какъ потомъ нечаянный случай открылъ мнѣ настоящую его роль при Лазаревѣ, то у него была всегда затаенная вражда противъ меня, и онъ никогда не смѣлъ смотрѣть мнѣ въ глаза.

Вообще надо сказать, что младшіе офицеры были гораздо нравственнѣе старшихъ.

Что же касается до Нахимова, то ужъ конечно никто его не зналъ такъ, какъ я, и справедливость требуетъ сказать, что онъ былъ вовсе не то, что изъ него хотѣли сдѣлать какъ апологисты, такъ и порицатели его послѣ Синопскаго сраженія, безъ котораго онъ такъ бы покончилъ свою карьеру безвѣстнымъ адмираломъ. У него вовсе не было того прямого характера, о которомъ послѣ протрубили. На фрегатѣ ему постоянно доставалось отъ Бутенева именно за старанія его выказываться передъ Лазаревымъ и подслуживаться къ нему, для чего онъ нерѣдко употреблялъ такіе извороты, что слишкомъ даже пересаливалъ, и все дѣло было шито, какъ говорится, бѣлыми нитками.

Разъ у него была сильная ссора съ Бутеневымъ, которая безъ меня дошла бы до дуэли, за то, что этотъ сталъ его упрекать при всѣхъ въ «малороссійской хитрости», что онъ прикидывается простачкомъ и даже назвалъ его рыжимъ лукавцемъ. Это недостатокъ многихъ знаменитыхъ людей (Сикстъ V, Суворовъ и др.), пока они прокладываютъ себѣ карьеру. Впослѣдствіи онъ могъ, конечно, исправиться и въ Нахимовѣ, когда онъ пріобрѣлъ уже извѣстное положеніе. Въ другихъ отношеніяхъ онъ заслуживалъ похвалу и не поколебался ни минуту, когда я разъ послалъ его почти на явную смерть спасать матроса, и заслуга его тѣмъ явнѣе, что онъ повиновался мнѣ, хотя былъ и старше меня и не былъ на вахтѣ. Нелюдимость его въ женскомъ обществѣ объясняется его физическими недостатками (онъ былъ рыжій и горбатъ) и отсутствіемъ свѣтскаго образованія.

Путятинъ и Домашенко почти постоянно были на вахтѣ у меня, потому что если очереди иногда и измѣнялись отъ случайныхъ обстоятельствъ, то это не надолго. Путятинъ былъ образованный офицеръ и, хотя и былъ дѣйствительно нѣсколько вялъ, но все-таки Лазаревъ простиралъ свое нерасположеніе къ нему до несправедливости, и мнѣ постоянно приходилось защищать передъ нимъ Путятина. Впрочемъ, причины несправедливости Лазарева истекали не столько изъ дѣйствительной нѣкоторой вялости Путятина, сколько изъ посторонних обстоятельствъ, изъ того, что онъ былъ выбранъ въ походъ самимъ Лазаревымъ, а назначенъ по протекціи Аракчеева, и во-вторыхъ, изъ неправильнаго понятія самого Лазарева объ образѣ дѣйствія, приличнаго русскому мичману, къ которому Лазаревъ относился постоянно съ такими требованіями къ какимъ онъ привыкъ на англійскомъ флотѣ, гдѣ мичманъ и не офицеръ, и не всегда дворянинъ. Какъ на бѣду совершенный контрастъ съ Путятинымъ былъ Домашенко, который къ крайнему удовольствію Лазарева совершенно соотвѣтствовалъ его понятію о мичманѣ, но зато не разъ подвергался открытому моему порицанію, даже и въ присутствіи Лазарева, къ великой его досадѣ. Разумѣется, я возставалъ только противъ пустой суеты, а не въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ офицеръ можетъ схватиться и за матросскую работу, чтобы показать примѣръ искусства или неустрашимости, что я и самъ всегда дѣлалъ. А то бывало станутъ

матросы укладывать свои койки, Лазареву покажется, что дѣло идетъ медленно, или койки укладываются неровно, и вотъ онъ закричитъ: «Да что вы тамъ копаетесь», или: «Что вы такіе вавилоны строите». — При этихъ словахъ Домашенко и бросится самъ укладывать койки, но если это случится, когда я командую вахтою, то вслѣдъ же за тѣмъ я бывало всегда скажу ему: «Александръ Александровичъ, не ваше дѣло: вы не англійскій мичманъ, а русскій офицеръ. Извольте идти на свое мѣсто». — Лазаревъ насупится и отвернется назадъ, а Домашенко, сконфуженный, спрыгнетъ съ сѣтокъ.

Замѣчательно, что при спорахъ объ этомъ, я всегда напоминалъ Лазареву, что вѣдь и я мичманъ, но онъ всегда оговаривался, что я составляю исключеніе и что онъ, довѣривъ мнѣ ревизорство и вахту, обязанъ относиться ко мнѣ по этимъ уже званіямъ, а не по моему чину. Поэтому и на парадные обѣды, на которые Лазаревъ по англійскому обычаю не приглашалъ мичмановъ, исключеніе дѣлалось только для меня одного, но я всегда отказывался, чтобы не оскорбить другихъ товарищей.

Вишневскій былъ офицеръ гвардейскаго экипажа, очень не жалуемаго Лазаревымъ, какъ исключительно фронтовиковъ, и также былъ назначенъ помимо Лазарева по протекціи. По обѣимъ этимъ причинамъ Лазаревъ и не хотѣлъ давать ему вахты, хотя Вишневскій былъ уже лейтенантомъ. Я представилъ Лазареву, что это будетъ чувствительная обида для Вишневскаго и что этакъ онъ никогда и не пріобрѣтетъ практики. «Да вѣдь онъ и пыля пылящаго не смыслитъ», сказалъ мнѣ Лазаревъ. Я просилъ его, чтобы онъ назначилъ его въ одну вахту со мною и чтобы онъ считался хоть номинально командиромъ, а что я буду дѣйствительно заправлять вахтою и принимаю на себя отвѣтственность, такъ какъ я вовсе не гонюсь никогда изъ пустаго самолюбія за наружностью, а смотрю на сущность дѣла. Лазаревъ долго не соглашался на это, и я насилу могъ уломать его.

Наконецъ онъ устроилъ дѣло такъ: призвалъ меня и Вишневскаго и сказалъ ему: «Федоръ Гавриловичъ, не обижайтесь, — вы сами знаете, что вы не имѣете практическихъ свѣдѣній и не можете еще командовать вахтою. Но чтобы не выказать этого, я назначаю васъ на одну вахту съ Дмит. Ирин., такъ что по росписанію вы будете считаться командующимъ. Но помните, что сущность распоряженій принадлежитъ Дм. Ир. — Учитесь у него, лучшаго учителя я вамъ дать не могу. Когда же пріобрѣтете достаточно практики, то будете командовать вахтою самостоятельно». — Это случилось только тогда уже, когда снимали съ фрегата старшаго офицера, и второй офицеръ занялъ его мѣсто и вмѣсто его надобно было имѣть новаго вахтеннаго офицера.

Одинъ изъ самыхъ жалкихъ офицеровъ на фрегатѣ былъ Муравьевъ, хотя сынъ очень умнаго адмирала. Впослѣдствіи онъ достигъ уже положенія директора училища торговаго мореплаванія, но на фрегатѣ отличался ребяческимъ легкомысліемъ во всемъ. Онъ былъ отчасти порученъ отцемъ его мнѣ, а жилъ въ каютѣ съ Бутеневымъ, поступавшимъ съ нимъ очень безцеремонно. Такъ Бутеневъ открылъ, что онъ пишетъ до того глупыя письма домой о своемъ мнимомъ значеніи на фрегатѣ, что Лазаревъ объявилъ

ему, что онъ не будетъ посылать его писемъ, если они не будутъ напередъ прочитаны мною и мною переданы Лазареву. Онъ вздумалъ было сочинять простонародныя пѣсни, чтобы увѣковѣчить память нашего похода, и не задумался прочитать въ каютъ-компаніи и просить приказать матросамъ выучить слѣдующую чепуху:

«Наша матушка Россія
Посылала насъ насильно
Городъ Ситху защищать,
Отъ колошей сберегать,
Мы туда пошли съ фрегатомъ,
Съ тремя сотнями солдатовъ.
А къ горѣ хоть Тенерифской
Путь лежалъ не очень близкій
Однакъ мы пошли туда
И купили тамъ вина.
Мы въ Бразиліи ромъ пили
И тамъ долго прогостили» и т. д.

Въ Портсмутскомъ рейдѣ съ нами случилось забавное происшествіе.—Надо сказать, что когда фрегатъ находился въ портѣ, то командиры вахты дежурили посуточно, и только дежурные мичмана находились одни наверху по часамъ вахты. Во время стоянки на якорѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ приливы и отливы, всегда на кораблѣ находился береговой лоцманъ, обязанный указывать дежурному мичману время нѣкоторыхъ распоряженій для предупрежденія, чтобы не запутались якорные канаты. Разъ въ мои сутки, когда я сидѣлъ въ канцеляріи, а Муравьевъ былъ дежурный наверху, я услышалъ страшный шумъ, крикъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и хохотъ на палубѣ. Выбѣгаю наверхъ и вижу, что англійскій лоцманъ держитъ одною рукою за руку Муравьева, а другой бьетъ его концомъ веревки. Я остановилъ его, закричавъ, на него, какъ онъ смѣетъ это дѣлать, но тотъ съ азартомъ отвѣчаетъ мнѣ: «Еще бы не проучить этого дряннаго мичманишку. Вообразите, надо разводить крыжъ, [1]) ищу дежурнаго мичмана а онъ улегся спать между компасами, да чтобы его не нашли, голову закрылъ брезентомъ (смоленная парусинная покрышка), а на ноги положилъ большую нью-фаундлендскую собаку».— Я расхохотался и насилу могъ объяснить лоцману, что съ русскимъ мичманомъ нельзя такъ обращаться, какъ съ англійскимъ. Разумѣется, Муравьевъ, какъ самъ виноватый, не смѣлъ изъ-за этого заводить дѣла.

---

[1]) Крестъ, образуемый двумя канатами, когда при перемѣнѣ теченія, корабль сдѣлаетъ оборотъ, и канаты отъ двухъ якорей скрестятся.

Бутеневъ былъ очень преданный мнѣ человѣкъ. Еще кадетомъ былъ онъ въ моей части и участвовалъ со мною въ походѣ въ Швецію и Данію. Онъ такъ настойчиво требовалъ позволенія сопровождать меня, когда я отправился укрощать бунтъ отряда въ Австраліи, что я не могъ отказать ему, но справедливость требуетъ сказать, что въ немъ не столько было дѣйствительной энергіи, сколько желанія выказывать ее, оттого и прилагалась она нерѣдко и къ такимъ случаямъ, гдѣ проявлялось только желаніе, показать, что законъ не для него писанъ, какъ и замѣчено было уже потомъ въ «Морскомъ Сборникѣ». Онъ со всѣми ссорился кромѣ меня и не всегда справедливо. Такъ напр., нападая на Нахимова за его стараніе выказываться передъ Лазаревымъ, онъ и самъ былъ не прочь отъ этого и притомъ въ такихъ видахъ, гдѣ это выказывалось наиболѣе къ его выгодѣ. Я выше упомянулъ, что никто быстрѣе меня не дѣлалъ астрономическихъ вычисленій, но я дѣлалъ это для себя и потому не списывалъ на бумагу и не бѣгалъ заявлять это Лазареву, а дожидался всегда времени общей свѣрки. Поэтому, окончивъ вычисленіе, я оставлялъ доску на столѣ въ каютъ-компаніи, и тогда случалось, что Бутеневъ, такъ же какъ и другіе, сдѣлавъ ошибку, списываетъ прямо результатъ съ моей доски и торопится представить Лазареву доказательство мнимой скорости и правильности своихъ будто бы вычисленій.

Объ остальныхъ офицерахъ, Анненковѣ и Кадьянѣ, можно сказать, что Анненковъ былъ человѣкъ добрый, безъ дальняго образованія, но зато вовсе не притязательный и не честолюбивый. Ему въ упрекъ ставили только то, что, не намѣреваясь продолжать службу во флотѣ, онъ безплодно для будущности флота совершилъ два похода вокругъ свѣта, отбивая такимъ образомъ мѣсто у другихъ, которые были расположены всегда служить и сохранили бы поэтому для службы пріобрѣтенную въ кругосвѣтныхъ плаваніяхъ опытность. Другой упрекъ относился къ тому, что онъ, какъ старый сослуживецъ Лазарева и Купріанова, сохранилъ дружескія отношенія къ послѣднему, хотя ему не могла не быть извѣстна роль Купріанова при Лазаревѣ тѣмъ болѣе, что это было уже поводомъ, какъ послѣ открылось, къ непріятной исторіи на кораблѣ и въ плаваніи ихъ къ южному полюсу. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что Анненковъ предупреждалъ Лазарева по крайней мѣрѣ насчетъ Кадьяна.

Что касается до этого лица, бывшаго старшимъ лейтенантомъ у насъ на кораблѣ, то, конечно, никто не сдѣлалъ столько зла въ походѣ и никто такъ сильно не компрометировалъ Лазарева, какъ онъ. Надо сказать, что онъ воспользовался неосторожно какъ-то сказаннымъ давно въ веселой компаніи словомъ Лазарева, который сказалъ, что если онъ пойдетъ еще разъ въ походъ кругомъ свѣта, то возьметъ и Кадьяна съ собою. Лазаревъ исполнилъ свое слово неохотно, но потомъ Кадьянъ, потакая слабостямъ Лазарева, такъ вкрался въ его довѣренность, что безъ бунта въ Австраліи, Лазаревъ не хотѣлъ видѣть очевиднаго зла, несмотря на всѣ дѣлаемыя ему предостереженія. Этотъ Кадьянъ не только усиливалъ и безъ того излишнюю строгость Лазарева относительно

нижнихъ чиновъ, но всячески оскорблялъ ихъ, и главное старался извлечь себѣ всякую выгоду изъ ихъ труда. Онъ былъ сильно раздраженъ, что не ему досталось ревизорство, гдѣ онъ надѣялся было глубоко запустить лапу, и потому старался навести, какъ говорится, не мытьемъ, такъ катаньемъ, и извлекалъ выгоду изъ мелочей, заставляя даромъ дѣлать себѣ разныя подѣлки столяровъ, токарей, слесарей, шить на себя портныхъ и пр., такъ какъ онъ, по званію старшаго лейтенанта, завѣдывалъ работами команды. Все это тѣмъ сильнѣе раздражало людей, что остальные офицеры представляли не только образецъ безусловной честности относительно нижнихъ чиновъ, но еще за всякую услугу платили щедро, гораздо дороже, чѣмъ она стоила.

Нельзя не упомянуть наконецъ о бывшемъ съ нами въ походѣ іеромонахѣ, хотя это и очень не желательно, такъ какъ кромѣ дурного и смѣшного ничего о немъ нельзя сказать, но это необходимо для того, чтобы показать, каково было черное духовенство, которымъ снабжали флотъ вообще, если даже для такой экспедиціи, какова была наша, нельзя было отыскать человѣка получше. По поводу назначенія на фрегатъ нашъ іеромонаха, Лазаревъ написалъ письмо къ митрополиту Серафиму и просилъ меня, какъ лично знакомаго человѣка митрополиту, отвезти письмо къ нему. И въ письмѣ изложено, и на словахъ поручено было мнѣ разъяснить необходимость назначить въ походъ такого человѣка, который бы могъ быть достойнымъ представителемъ нашего духовенства за границею, тѣмъ болѣе, что намъ придется посѣтить такія мѣста, въ которыхъ до этого времени русскія суда и не бывали еще, и гдѣ могутъ судить о цѣлыхъ сословіяхъ по тѣмъ личностямъ, которыя будутъ служить ихъ представителями. Митрополитъ принялъ меня очень любезно, вполнѣ согласился со справедливостью нашихъ доводовъ, но откровенно сказалъ, что тѣ немногія и единственныя лица, которыя соотвѣтствовали нашимъ требованіямъ, всѣ необходимы ему самому, такъ какъ они занимаютъ такія должности въ Лаврѣ (казначея, ризничнаго и пр.), для которыхъ требуются надежныя лица. «Все, что я могу сдѣлать для васъ», сказалъ онъ въ заключеніе, «это дать вамъ такого человѣка, въ которомъ кромѣ пьянства, нѣтъ по крайней мѣрѣ ничего другого дурного, а отъ васъ будетъ зависѣть принять мѣры, чтобы онъ не пьянствовалъ».

Говорили впослѣдствіи, что митрополитъ открыто сказалъ, что онъ и самъ былъ связанъ извѣстными условіями въ выборѣ монаховъ въ Лавру, что онъ не могъ выбирать людей по добродѣтельному житію, а обязанъ былъ выбирать такихъ, которые имѣли бы видную наружность, большую черную окладистую бороду и громкій и густой басъ. И дѣйствительно, когда бывало они съ обоихъ клиросовъ сойдутъ на средину и, снявъ клобуки и поддерживая ихъ на рукѣ, грянутъ басомъ общимъ хоромъ: «Отъ юности моея мнози борютъ мя страсти», (причемъ задрожатъ всѣ стекла), то и картина и эффектъ были удивительные. Какъ-бы то ни было, но къ намъ назначили іеромонаха Иларія изъ эсауловъ донскихъ казаковъ, который, конечно, могъ быть хорошимъ наѣздникомъ, но отнюдь уже не могъ быть выгоднымъ представителемъ русскаго духовенства.—

Онъ скоро сдѣлался посмѣшищемъ всего фрегата, и хотя обижался тѣмъ, что падъ нимъ «глумятся, тогда какъ онъ носитъ англійскій (ангельскій) чинъ», но дѣйствія его были до того возмутительны, что онъ самъ же постоянно подавалъ поводъ и къ заявленію презрѣнія и къ насмѣшкамъ. Не говоря уже о плутовскихъ уловкахъ его, чтобы напиться пьяну, его скаредность, нечистота и невѣжество были невообразимы. Поэтому офицеры никакъ не хотѣли въ походѣ исповѣдываться у него, а говѣли уже по прибытіи въ Ситху и исповѣдывались у священника Іоанна Веніаминова, впослѣдствіи митрополита Иннокентія. — Чтобы предупредить пьянство, іеромонаху было запрещено имѣть въ каютѣ вино, и всѣ покупки его съ берега строго осматривались. Въ положенное время ему выдавалась извѣстная винная порція, но онъ нашелъ было средство пользоваться лишними порціями матросовъ, которые подъ видомъ благочестія отдавали ему свои порціи. Вслѣдствіе этого строго было запрещено отливать выдаваемую порцію вина въ какую нибудь посуду, а велѣно пить тутъ же въ присутствіи офицера. Потомъ іеромонаха отпускали за-границею на берегъ не иначе, какъ съ провожатымъ, который отвѣчалъ за то, чтобы Иларій не заходилъ въ кабаки. Скупость его была такъ велика (хотя онъ и получалъ большое жалованье), что офицеры сшили ему даже платье на свой счетъ. Каюта его поражала зловоніемъ, и это кончалось тѣмъ, что по приказу начальника всякую недѣлю разъ іеромонаха выводили силою изъ нея, вычищали каюту и провѣтривали его вещи, а когда отпускали его на берегъ, то вахтенный офицеръ долженъ былъ предварительно осмотрѣть его, вымыты-ли у него лицо и руки и вычесаны-ли волосы на головѣ и борода.

Мнѣ остается упомянуть еще о докторѣ Алиманѣ. Это былъ человѣкъ очень образованный, и наши отношенія были всегда самыя пріятныя. Онъ условился со мною, въ ночныя мои вахты, когда мнѣ съ маневрами было немного дѣла, стоять со мною на вахтѣ, и мы всегда проводили время въ полезной бесѣдѣ. Человѣку не моряку очень тяжело быть на кораблѣ, когда онъ нисколько самъ не понимаетъ того, что совершается вокругъ него, а долженъ всегда спрашивать о томъ другихъ, не всегда впрочемъ при дѣловыхъ заботахъ отвѣчающихъ на вопросы. Поэтому онъ старался въ бесѣдѣ со мною познакомиться съ главными условіями морской службы. Я со своей стороны знакомился съ естественными науками съ большею подробностію, нежели это было возможно въ корпусѣ и академіи. Кромѣ того, по его просьбѣ, я помогалъ ему своими знаніями медицины при опросѣ больныхъ, такъ какъ онъ плохо зналъ простонародныя выраженія. Общее наше присутствіе было въ этомъ случаѣ тѣмъ полезнѣе, что мы всегда лично лучше могли рѣшить насчетъ діэты, такъ какъ я завѣдывалъ хозяйственною частью, и всегда могъ указать, чѣмъ можно замѣнить недостающіе предметы. Къ сожалѣнію, впослѣдствіи возникли непріятности по недоразумѣнію между докторомъ и офицерами. Вообще надо сказать, что, когда я оставилъ фрегатъ, отправясь по призыву Государя изъ Калифорніи, то общій голосъ отозвался о моемъ отъѣздѣ, что «нашъ мирный ангелъ

улетѣлъ». — Дѣйствительно, ни къ кому такъ охотно не обращались за посредничествомъ какъ ко мнѣ, никто не предупреждалъ столько непріятностей и недоразумѣній, какъ я. Когда же меня не стало, то всѣ поссорились, не объяснившись во время. Лазаревъ поссорился съ офицерами, которые перестали ходить къ нему. Докторъ взялъ сторону капитана, за что офицеры поссорилися и съ нимъ, и онъ долженъ былъ выйти изъ каютъ-компаніи. Даже офицеры раздѣлились и пили чай порознь. Только обѣдъ остался общій и то по необходимости.

VII.

Положеніе мое по завѣдыванію работами въ адмиралтействѣ и по артиллеріи, надзоръ за хозяйственными приготовленіями и пр. и поѣздки по этому поводу къ министру и въ адмиралтействъ-коллегію поставили меня въ непосредственное столкновеніе съ администраціей по всѣмъ отраслямъ управленія. Кромѣ того, на меня же взложенъ былъ выборъ людей изъ экипажа, для составленія фрегатской команды. Чрезъ это мнѣ открылась вся глубина зла, разъѣдавшаго всѣ органическія основы Россіи, такъ что уму было даже непостижимо, какъ все это еще держится, и въ то же время ясно было что административное разстройство далѣе идти не можетъ, но что такъ, или иначе, но непремѣнно долженъ быть положенъ конецъ этому. Всякій день открывались мнѣ явленія, одно возмутительнѣе другого. О людяхъ не имѣли ни малѣйшаго попеченія, все воровало,— начиная отъ военнаго губернатора до ничтожнѣйшаго лица въ управленіи (напр. угольный коммиссаръ, получавшій въ жалованье сотни рублей, держалъ сына въ гвардіи и давалъ ему нѣсколько тысячъ на содержаніе; мачтовой подмастерье принималъ ванны, которыя стоили каждая болѣе, нежели его жалованье за цѣлый мѣсяцъ), а потому люди, имѣвшіе съ нимъ дѣло, признавали за собою право дѣлать отпоръ тѣмъ-же и такимъ образомъ совокупными усиліями грабили казну, т. е. государство.

Негодованіе мое достигло крайнихъ предѣловъ и приводило меня въ раздумье: не бросить-ли походъ и не выступить-ли немедленно съ предложеніями своими Государю, такъ какъ я все болѣе и болѣе убѣждался, что только органическія измѣненія могутъ придать новую жизнь государству и общественный бытъ. Но въ это время носились слухи, что будто-бы и самъ Государь сознал ошибку и будто-бы на предстоявшемъ Веронскомъ конгрессѣ онъ намѣренъ защищать новый порядокъ вещей и разумныя требованія народовъ, а для меня важно было только то, чтобы дѣло было сдѣлано, а вовсе не то, чтобы оно непремѣнно было сдѣлано мною,—я къ этому, какъ и во всякомъ общественномъ дѣлѣ, не примѣшивалъ никогда своего самолюбія, всегда охотно уступалъ и честь совершенія дѣла, и свои идеи, и свои труды, и свои надежды, на которыя имѣлъ право, другому, если думалъ, что онъ имѣетъ болѣе меня средствъ или скорѣе

случай сдѣлать дѣло. Поэтому я рѣшился выждать, какое положеніе приметъ Государь на Веронскомъ конгрессѣ и тѣмъ болѣе, что съ другой стороны отказъ мой идти въ походъ могъ разстроить и самый походъ, до такой степени успѣшныя приготовленія къ походу связаны были съ личною моею дѣятельностью. Имѣю полное право сказать, что она была, какъ и выразился самъ Лазаревъ, дѣйствительно «безпримѣрна». Въ теченіе всего приготовленія я буквально не зналъ отдыха, не зналъ правильнаго сна, ни обѣда. Первый являлся и вездѣ, чтобы возбуждать къ работамъ, послѣдній отправлялся домой, да и тамъ просиживалъ ночи за бумагами, а праздники за планами, принявшись даже, по неумѣнію у насъ живописца, за рисовку масляными красками разныхъ эмблемъ, для украшенія фрегата. Кромѣ того, я былъ незамѣнимъ и потому уже, что множество распоряженій, объясненій, фактовъ не было нигдѣ изложено письменно, а держалось въ одной только моей головѣ.

Я выше уже сказалъ, какъ велика была вражда противъ нашего фрегата, и нечего пояснять, что она относилась особенно ко мнѣ, какъ къ человѣку, прямо и чаще другихъ обличавшему зло. И вотъ случилось происшествіе, которое ясно выразило эту вражду, но кончилось полнымъ торжествомъ нашимъ, тогда какъ противники наши ожидали несомнѣннаго торжества себѣ.

Разъ поздно вечеромъ, когда Лазаревъ уѣхалъ уже съ работы, прекращенной по случаю грозы, и стали расходиться и другіе офицеры, потому что оставалось только перевозить рабочихъ со стѣнки гавани, у которой стоялъ фрегатъ, я увидѣлъ что молнія ударила въ стрѣлу крана, служащаго для подъема мачтъ. Кранъ этотъ былъ только что вновь устроенъ и стоилъ очень дорого. Но если бы допустить ему загорѣться, то, можетъ быть, гибель гавани и всего флота была неотвратима. Надо было мгновенно рѣшаться, и я приказалъ рубить кранъ. Всѣ посмотрѣли на меня въ недоумѣніи; урядникъ, т. е. унтеръ-офицеръ, которому я велѣлъ рубить канаты, поддерживавшіе кранъ, сказалъ мнѣ: «Наложите руку, Ваше Высокоблагородіе». Я взялъ топоръ и ударилъ по канату, а такъ какъ рабочіе были почти всѣ плотники съ топорами, то мигомъ перерубили канаты, веревки и ставки, и кранъ рухнулъ въ воду.

Приказавъ рубить, я въ то же время послалъ дать знать Лазареву, который прискакалъ немедленно, но кранъ былъ уже въ водѣ, а между тѣмъ никакого доказательства, что молнія ударила въ стрѣлу, не было. Лазаревъ страшно испугался за меня, и, вообразивъ, что, если онъ приметъ дѣло на себя, то во всякомъ случаѣ подвергнется меньшей отвѣтственности, чѣмъ я, написалъ въ рапортѣ, что кранъ срубленъ по его приказанію. Между тѣмъ мгновенно распространился по Кронштадту слухъ о дерзкомъ своеволіи «крейсерскихъ». Всѣ наши противники возликовали и проявили такую небывалую дѣятельность вмѣсто обычной имъ медленности, что ночью уже составлена была коммиссія, которая и явилась въ пятомъ часу утра, для освидѣтельствованія крана въ нашемъ присутствіи. Къ стыду ихъ оказалось однако-же, что молнія прожгла всю

сердцевину стрѣлы, и было несомнѣнно, что только глубокое погруженіе въ воду воспрепятствовало огню выдти наружи и произвести пожаръ, который остановить было-бы тѣмъ труднѣе, что весь кранъ состоялъ изъ осмоленныхъ веревокъ и дерева и загорѣлся бы, конечно, наверху, тогда какъ на пристани не было даже и ручного брантспойта. Въ восемь часовъ отправлено было на пароходѣ донесеніе къ Государю, а въ три часа пополудни съ тѣмъ же возвратившимся пароходомъ Лазаревъ получилъ крестъ Владиміра 4-ой степени «за совершенный имъ подвигъ». Лазаревъ былъ страшно сконфуженъ. Конечно, онъ дѣйствовалъ по хорошему побужденію, желая прикрыть мою отвѣтственность своею, хотя если-бъ я зналъ его намѣреніе, то никакъ бы этого не допустилъ, разумѣется, не въ виду награды, которой никто и не ожидалъ, а потому что я самъ привыкъ во всемъ дѣйствовать съ полной отвѣтственностью. Вотъ почему Лазаревъ никогда и не надѣвалъ этого креста, исключая только при посѣщеніи Государя, и радъ былъ, когда получилъ Владиміра 3-ей степени на шею и могъ не носить 4-ой степени, полученной за чужой подвигъ.

Когда все было готово къ отплытію, Государь захотѣлъ самъ проводить насъ и вмѣстѣ съ тѣмъ посмотрѣть фрегатъ, о которомъ ему разсказывали чудеса, да кстати похвалиться такимъ чудомъ передъ иностранцами, почему и взялъ съ собою вел. князя Николая Павловича, всѣхъ посланниковъ и огромную свиту, къ великой досадѣ Лазарева, пришедшаго въ крайнее негодованіе «отъ этихъ людей, которые въ морскомъ дѣлѣ ни бельмеса не разумѣютъ, а только мѣшали все, вездѣ лазили и шалили». — Государь былъ очень доволенъ, и я, въ качествѣ лица, завѣдывающаго хозяйственною частью, предаставилъ ему пробу матросскаго кушанья и водилъ его въ такъ называемую «шхиперную» каюту, гдѣ хранились всѣ матеріалы, расположенные въ такомъ порядкѣ, что, въ каждую минуту безъ малѣйшаго замѣшательства и задержки можно было достать все — отъ толстаго каната и паруса до мелкаго гвоздя и веревочки. Каюта была освѣщена фонаремъ съ гранеными стеклами, и Государю такъ понравился порядокъ, расположеніе и освѣщеніе, что онъ сказалъ французскому послу: «Неправда-ли, это настоящій косметическій магазинъ»? и забавлялся, приказывая подавать ему то и то, что исполнялось немедленно и безошибочно. Крюйтъ-камера или пороховой магазинъ представляла еще болѣе значенія, хотя по обычной предосторожности даже замки, пружины и ключи были тамъ мѣдные, и входили въ нее или разуваясь, или въ мягкихъ галошахъ, и свѣтъ шелъ изъ фонаря, зажигаемаго снаружи, но въ нашемъ пороховомъ погребѣ можно было ходить пожалуй и съ огнемъ, до такой степени была предупреждена всякая опасность, такъ какъ весь порохъ находился вмѣсто боченковъ въ мѣдныхъ ящикахъ со втулками, замазанными мастикой, вставленныхъ сверхъ того въ деревянные ящики, закупориваемые крышками съ мѣдными винтами. Особенное же вниманіе государя обратило новое устройство артиллеріи.

Окончивъ вооруженіе фрегата и нагрузку провизіи и другихъ вещей, я отправился во главѣ спеціально наряженной коммиссіи въ Петербургъ, въ Петропавловскую крѣпость, для пріема золотой и серебряной монеты, осмотрѣвъ при этомъ случаѣ и монетный дворъ. Не мало было потомъ хлопотъ отъ разнородности отпущенной монеты, такъ какъ внѣ Европы преимущественно вездѣ въ ходу: изъ золотой монеты — одни голландскіе червонцы, а изъ серебряной — одни испанскіе піастры. По привозѣ монеты на пароходѣ на Фрегатъ, мы отправились въ походъ, въ сопровожденіи шлюпа «Ладоги», состоявшаго подъ командою брата Лазарева (Андрея Петровича), который былъ старше его лѣтами, но младше чиномъ. Шлюпъ этотъ причинялъ намъ много досады своимъ дурнымъ ходомъ, постоянно задерживавшимъ насъ, тогда какъ нашъ фрегатъ «Крейсеръ» былъ отличный ходокъ. Это вынуждало насъ нѣсколько разъ бросать шлюпъ, назначая ему «рандеву» въ извѣстныхъ мѣстахъ, ускоряя прибытіе свое въ портъ, чтобы выиграть время для приготовленія необходимыхъ вещей, такъ что когда приходилъ шлюпъ, то находилъ уже все готовымъ, и мы могли оставаться въ портѣ столько лишь времени, сколько необходимо было для исправленія судовъ.

Въ Копенгагенѣ, несмотря на дружескій пріемъ наслѣднаго принца, напомнившій наше дѣтство, и на убѣдительныя его просьбы бывать почаще у него, я могъ всего только два раза посѣтить его, до такой степени былъ я подавленъ занятіями. Кромѣ исправленія многихъ недостатковъ, обнаруженныхъ во время перваго нашего перехода въ морѣ, надлежало закупить много провизіи и вещей для команды (почти вся теплая одежда, фуфайки, теплые колпаки, шерстяныя рубашки и чулки и пр. въ Даніи были гораздо прочнѣе и дешевле, нежели въ Англіи, хотя и были ручной работы), и сдѣлать дополнительный выборъ людей съ эскадры нашей, шедшей изъ Архангельска, въ замѣну оказавшихся неблагонадежными, потому что при выборѣ людей въ Кронштадтѣ начальники экипажей всячески старались скрыть лучшихъ людей.

На фрегатѣ на офицерскій счетъ была заведена очень хорошая и многочисленная музыка, доставлявшая въ походѣ не однимъ намъ развлеченіе и удовольствіе. У насъ была также очень хорошая библіотека, даже многіе офицеры имѣли значительное число книгъ, но игра въ карты была запрещена по общему постановленію, и кромѣ шахматовъ, никакой другой игры не дозволялось.

Бурная погода заставила насъ въ Англіи укрыться снова въ портѣ Дилѣ, а при переходѣ оттуда въ Портсмутъ, захватилъ насъ еще болѣе жестокій штормъ. Фрегатъ прижимало къ французскому берегу, и мы могли уже вычислить, сколько остается времени до кораблекрушенія, какъ перемѣна вѣтра дозволила намъ избавиться отъ опасности. Пятьдесятъ два часа никто не сходилъ сверху, и когда вошли въ гавань, и фрегатъ поступилъ на попеченіе лоцмана, то офицеры проспали слишкомъ сутки. Это былъ единственный разъ въ жизни со мной, что я спалъ послѣ обѣда.—Изъ Портсмута Лазаревъ отправился въ Лондонъ, почему мнѣ и необходимо было оставаться на фре-

гатѣ до его возвращенія. Однако же онъ, желая лично мнѣ сдать всѣ дѣла въ Лондонѣ просилъ пріѣхать туда, пока и онъ тамъ, чтобы избѣжать остановки въ заказахъ и надзорѣ за исполненіемъ ихъ. Со мною отправился неразлучный мой спутникъ Нахимовъ и кромѣ того Бутеневъ и докторъ Алиманъ.

Между тѣмъ, пока я былъ еще въ Портсмутѣ, пріѣзжалъ туда нашъ священникъ Смирновъ съ порученіемъ ко мнѣ отъ графа Воронцова. Увидя въ газетахъ списокъ офицеровъ и въ немъ мою фамилію, онъ просилъ своего пріятеля Смирнова узнать, не сынъ-ли я Иринарха Ивановича, и въ такомъ случаѣ просить меня посѣтить его. Я съ большимъ удовольствіемъ исполнилъ его желаніе, и тутъ-то и произошло то *qui-pro-quo*, что онъ назвалъ меня «*Monsieur le Compte*», до такой степени онъ былъ увѣренъ, что батюшка получилъ титулъ графа, зная навѣрное что этотъ титулъ былъ ему предложенъ [1]). Я былъ тоже очень любезно принятъ и дочерью его, которая была замужемъ въ Англіи за лордомъ Пемброкомъ.

Я оставался въ Лондонѣ слишкомъ мѣсяцъ и не только осмотрѣлъ все достойное замѣчанія, но и посѣтилъ Оксфордъ, Гриничъ, Виндзоръ и другія замѣчательныя въ разныхъ отношеніяхъ мѣста. Вообще, какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ, я поставилъ себѣ за правило осматривать все, на что только буду въ состояніи удѣлить время, не щадя никакихъ расходовъ, и вовсе не заботясь, подобно другимъ, ни составлять экономію изъ большого нашего жавованья, ни расточать его на пустыя удовольствія. Въ Лондонѣ я былъ только два раза на балѣ: у герцога Нортумберландскаго и у графини Пемброкъ.

Между тѣмъ свободное обсужденіе дѣлъ въ печати свободной страны открыло мнѣ несомнѣнно, что Государь опять склонился на сторону ошибочной политики, поэтому я рѣшился не медлить болѣе, хотя бы и пришлось пожертвовать всѣми выгодами похода, и написалъ къ нему на Веронскій конгресъ, требуя личнаго свиданія и желая объяснить, что онъ не туда идетъ и не туда ведетъ Россію, куда слѣдуетъ. Я зналъ, что этотъ поступокъ могъ стоить мнѣ потери всей карьеры, можетъ быть, и вѣчнаго заточенія, если-бы меня сочли за сумасшедшаго, но въ моемъ убѣжденіи это была послѣдняя минута, когда еще можно было остановить Государя.

Къ сожалѣнію, письмо мое не застало уже Государя на конгрессѣ, и мнѣ пришлось отправиться изъ Англіи въ походъ далѣе. Тогда я рѣшился воспользоваться по крайней мѣрѣ этимъ случаемъ, чтобы устроить дѣло о присоединеніи Калифорніи. Мысль о томъ давно уже занимала меня, но вполнѣ уяснилъ я себѣ это дѣло только въ Англіи, и

---

[1]) Государъ по рекомендаціи кн. Циціанова желалъ назначить батюшку гражданскимъ губернаторомъ въ Грузіи, но какъ батюшка не хотѣлъ пока отказаться отъ военнаго чина, то ему предложено сначала переименованіе въ тайные совѣтники, а потомъ пожалованъ титулъ графа.

именно по поводу возраженій, которыя возбудила наша экспедиція въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ.

На островѣ Тенерифѣ я входилъ на пикъ и посѣтилъ лагуну, гдѣ ботаническій садъ, и знаменитую долину Оритаву. — Съ особеннымъ великолѣпіемъ совершалось на фрегатѣ празднество перехода чрезъ экваторъ, доказавшимъ большую изобрѣтательность людей нашей команды, съумѣвшей создать пресмѣшныя фигуры Нептуна, Нептуньи и Нептуненка и разныхъ морскихъ животныхъ, и устроить колесницу изъ пушечнаго станка и бочки. Приготовленіе къ этому празднику, отданное вполнѣ на ихъ волю и совершившееся по секрету отъ офицеровъ, занимало ихъ около мѣсяца, и столько же занимали потомъ разсказы и воспоминанія, а такимъ образомъ незамѣтно прошелъ монотонный двухмѣсячный переходъ до Бразиліи.

Въ Бразиліи мнѣ предстояло тоже очень много дѣла, однако я непремѣнно хотѣлъ познакомиться поближе съ тропическою природою, поражавшею даже и простыхъ людей. Я углублялся въ дѣвственные лѣса, часто ѣздилъ къ императору Донъ-Педро въ его загородный дворецъ Санъ-Кристоваль, въ Бото-фого, на Сахарную голову, на Карковадо и Сіэрру д'Эстрелья и, наконецъ, въ новую плантацію нашего генеральнаго консула Ламсдорфа, гдѣ я одинъ только изъ всѣхъ офицеровъ могъ ходить съ нимъ на ботаническія экскурсіи по бывшей у меня способности одинаково хорошо переносить и сильный холодъ и сильный жаръ.

Во время пребыванія нашего въ Бразиліи случилось одно происшествіе, сильно напугавшее моихъ родныхъ пустыми слухами. Надо сказать, что, придя въ Бразилію, мы нашли въ ней вмѣсто Португальской колоніи новосозданную Имперію. Однако новый императоръ не былъ еще признанъ никакимъ правительствомъ, и, слѣдовательно, мы не могли имѣть съ нимъ оффиціальныхъ сношеній. Это впрочемъ не мѣшало взаимнымъ услугамъ, и такъ какъ мы производили нѣкоторыя работы въ бразильскомъ адмиралтействѣ, то въ свою очередь и сами должны были давать своихъ мастеровыхъ, Донъ-Педро торопился въ это время вооруженіемъ флота для отраженія предполагаемаго нападенія португальцевъ и всякій день встрѣчался и бесѣдовалъ со мной въ адмиралтействѣ. У него былъ недостатокъ въ хорошихъ морскихъ офицерахъ и незадолго передъ тѣмъ лейтенантъ англійскаго флота Тайлоръ перешелъ къ нему на службу командиромъ корвета. Видя отличіе, которымъ я пользовался на фрегатѣ, Донъ-Педро вздумалъ предложить и мнѣ поступить тѣмъ-же чиномъ, что и Тайлоръ, въ бразильскую службу. Разумѣется, я отказался, но дѣло огласилось, и, дойдя до Россіи въ превратномъ видѣ, встревожило моихъ родныхъ, пока полученныя отъ меня письма не разъяснили имъ, что именно подало поводъ къ слуху, какъ будто бы я оставилъ русскую службу. Пребываніе наше въ Бразиліи представляло живой интересъ не только по знакомству съ совершенно новою для насъ природою, но и въ политическомъ отношеніи. Всѣ вопросы, какъ международные, и внутренніе политическіе такъ и соціальные были возбуждены, и

положеніе Бразиліи представляло много наглядныхъ фактовъ для поясненія этихъ вопросовъ, а пребываніе огромнаго числа иностранцевъ, и даже военныхъ судовъ разныхъ націй, дозволяло слышать многостороннее обсужденіе всякаго явленія. Какъ ни занятъ я былъ дѣятельностью по служебной обязанности,—не только разгрузкою и оснащеніемъ фрегата, но и разъѣздами по плантаціямъ для закупокъ, однако я не упускалъ случая знакомиться подробно съ природою и различными производствами, особенно свойственными Бразиліи, и слѣдить за политическимъ и соціальнымъ движеніемъ. И если знакомство съ генеральнымъ консуломъ и экскурсіи съ нимъ были полезны мнѣ въ научномъ отношеніи для изслѣдованія тропической (страны) природы, то посѣщеніе вице-консула нашего, женатаго на бразиліанкѣ и жившаго очень открыто, представляли превосходный случай наблюдать политическіе и соціальные вопросы въ живомъ ихъ движеніи. Каждый день во время сильнаго жара отъ 10 до 4-хъ часовъ, когда всякая дѣятельность останавливается, и всѣ дѣла прекращаются, всѣ предаются сну, я удалялся въ лимонныя и апельсинныя рощи на Карководо и занимался тамъ чтеніемъ газетъ всякаго рода,—и по правдѣ сказать, трудно было другимъ и понять, когда я спалъ, потому что часовъ въ шесть или у насъ былъ парадный обѣдъ, или мы сами были приглашаемы на обѣды, которые намъ давали или въ городѣ, или на иностранныхъ судахъ, а за обѣдомъ далеко за полночь слѣдовалъ гдѣ-нибудь балъ или прогулка, несмотря на то, что поутру въ семь часовъ я принималъ уже на берегу или въ конторѣ консула или въ адмиралтействѣ всѣхъ, имѣющихъ до экспедиціи какое-нибудь дѣло.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности по описанію того, что я имѣлъ случай осмотрѣть въ Бразиліи, ни о празднествахъ, какія давались въ нашу честь, ни о дѣловыхъ и увеселительныхъ разъѣздахъ, но нельзя не замѣтить, что въ сношеніяхъ съ иностранцами всѣхъ поражалъ недостатокъ общаго образованія у Лазарева, и что даже тѣ люди, которые по званію своему должны были бы ближе сойтись съ Лазаревымъ, чѣмъ со мною, гораздо охотнѣе вступали въ разсужденія со мною, чѣмъ съ нимъ. Особенно сдружился со мною французскій адмиралъ Гривель.

Переходъ нашъ изъ Бразиліи въ Австралію былъ очень продолжительный и очень бурный въ началѣ и въ концѣ. Впрочемъ, бури въ началѣ не возбуждали нашего неудовольствія, такъ какъ могли дать намъ случай невольно побывать въ мысѣ Доброй Надежды, куда по инструкціи запрещено было намъ заходить, вслѣдствіе непріятнаго будто-бы воспоминанія, сохранившагося тамъ о русскихъ съ тѣхъ поръ, какъ бѣжалъ оттуда бывшій тамъ на паролѣ капитанъ Головнинъ во время разрыва Англіи съ Россіею въ 1808 г. Впрочемъ, опасенія нашего правительства были неосновательны, потому что и въ самой Англіи сознавали уже, что Головнинъ былъ захваченъ вѣроломно, такъ какъ ученыя экспедиціи составляютъ всегда изъятіе изъ военнаго права.

Слишкомъ три мѣсяца длился переходъ (дурной ходъ шлюпа «Ладоги» постоянно

насъ задерживалъ), и мы не имѣли другого развлеченія, какъ ѣздить по очереди всякій праздникъ въ гости къ обѣду съ одного корабля на другой, несмотря ни на какую даже бурю и не разъ рискуя жизнью въ переѣздахъ на небольшой лодочкѣ съ корабля на корабль и поднимаясь и спускаясь по штормовому трапу.

Въ Австраліи мы зашли въ Ванъ-Дименову землю, гдѣ до того времени русскія суда еще не бывали, и остановились у Гобартъ-Тоуна. И здѣсь также я не буду вдаваться въ описаніе необычной для европейца природы, ни тѣхъ празднествъ, которыя давались въ честь перваго русскаго корабля, посѣтившаго эти страны, ни поѣздокъ моихъ внутрь страны для изслѣдованія природы и колоніальнаго устройства англичанъ въ Австраліи, игравшей тогда роль русской Сибири, но необходимо долженъ разсказать объ одномъ случаѣ, близко коснувшемся до меня и обнаружившемъ все мое нравственное значеніе въ экспедиціи и вліяніе на команду. — Въ каждомъ портѣ для насъ обыкновенно отводили мѣсто, гдѣ мы устраивали временныя мастерскія, чтобы не стѣснять и не грязнить фрегата разными черными работами. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ нельзя было достать покупкою дровъ и угля, а необходимо было самимъ заготовлять ихъ, разумѣется, подобныя отводимыя мѣста не могли быть по близости отъ якорной стоянки. Такъ было въ Ванъ-Дименовой землѣ, въ Калифорніи и др. Въ Ванъ-Дименовой землѣ мѣсто, удобное для производства всѣхъ работъ и заготовленій нашлось не близко, верстъ за 40 отъ фрегата, вверхъ по рѣкѣ Дервенту. Туда и была отряжена безсмѣнная команда въ пятьдесятъ человѣкъ, съ двумя офицерами, Путятинымъ и Домашенко. Обыкновенно дня въ четыре разъ я ѣзжалъ туда, чтобъ осмотрѣть ходъ работъ и для того, чтобы отвезти нужную провизію. Но вотъ разъ ночью, часу въ третьемъ, меня будятъ и просятъ пожаловать, какъ можно скорѣе, къ Лазареву. Я прихожу и нахожу его полуодѣтаго, расхаживающаго въ сильномъ волненіи по комнатѣ,— на столѣ лежала какая то бумага. Молча, указалъ онъ мнѣ на нее. Я взялъ и вижу, что это было сообщеніе отъ губернатора Ванъ-Дименовой земли, что нашъ отрядъ взбунтовался и что, если онъ соединится съ бѣглыми англійскими ссыльными, то можетъ произойти большая опасность для колоніи, для охраненія которой онъ имѣетъ не болѣе 60 человѣкъ солдатъ, почему и проситъ капитана принять скорѣйшія мѣры для прекращенія бунта. Прочитавъ бумагу и видя въ событіи этомъ полное оправданіе того что я предвидѣлъ и предсказывалъ не разъ Лазареву, какъ неизбѣжное слѣдствіе его, ошибочной системы, я не хотѣлъ однако же пользоваться настоящимъ случаемъ для упрековъ ему, но съ грустью спросилъ: «Что-же вамъ угодно»?—Лазаревъ распространился въ панегирикѣ мнѣ, говорилъ мнѣ о моей энергіи и вмѣстѣ съ тѣмъ о хладнокровіи и благоразуміи и пр. и кончилъ тѣмъ, что онъ только на одного меня надѣется, чтобы поправить дѣло.

«Возьмите», сказалъ онъ въ заключеніе, «человѣкъ пятьдесятъ вооруженныхъ сто, — однимъ словомъ, сколько нужно, но подавите бунтъ во что бы то ни стало».

Я спросилъ его, позволитъ-ли онъ высказать мнѣ свое мнѣніе.

«Сдѣлайте одолженіе, говорите».

Тогда я напомнилъ ему общее нерасположеніе команды, и спросилъ: «А что, если и эти присоединятся къ возмутившимся»?

«Такъ какъ же быть»?

«Позвольте испытать нравственное мое вліяніе».

Лазаревъ помолчавъ немного и затѣмъ сказалъ: «Ну, съ Богомъ. Дѣлайте, какъ хотите». — При этомъ онъ обнялъ меня со слезами на глазахъ, поцѣловался со мною и перекрестилъ. Это былъ тотъ человѣкъ, который говорилъ, что морской офицеръ не долженъ быть христіаниномъ.

«Дмитрій Иринарховичъ», сказалъ онъ, «я довѣряю вамъ судьбу фрегата. И мою честь и честь Россіи», прибавилъ онъ.

Между тѣмъ извѣстіе, что пріѣхалъ нарочный отъ губернатора, что меня потребовали къ Лазареву, подняло на ноги всю каютъ-компанію. Причина всего этого была, разумѣется, скрыта отъ команды, но офицерамъ нельзя было не сообщить о томъ на всякій случай. Кадьянъ страшно перетрусилъ и хотѣлъ было, чтобы я свезъ его на берегъ. Но мы не могли допустить этого, чтобы не обнаружить дѣла предъ командою. Я велѣлъ приготовить гичку и не хотѣлъ никого брать съ собою, но Бутеневъ изъ преданности ко мнѣ такъ настойчиво упрашивалъ меня позволить ему провожать меня, что я не рѣшился ему отказать, и тѣмъ болѣе, что обыкновенно прежде бралъ кого нибудь съ собою изъ офицеровъ, пользовавшихся моими поѣздками, какъ случаями себѣ для прогулки, а чрезъ это и въ глазахъ команды моя поѣздка имѣла обычный видъ.

Хотя приглашенія къ моему отправленію дѣлались безъ всякаго шума и я велѣлъ разбудить только именныхъ гребцовъ, но, разумѣется, при смѣнѣ съ вахты, въ 4 часа, вся команда узнала уже о моемъ отправленіи. Впрочемъ, имъ объяснили экстренное мое отправленіе тѣмъ, что будто бы въ отрядѣ заболѣлъ одинъ офицеръ, и я повезъ на смѣну ему Бутенева. Чтобы не имѣть въ этотъ день сообщенія съ берегомъ, гдѣ люди могли случайно узнать о возмущеніи отряда, команду заняли работами на фрегатѣ. Нечего и говорить, въ какомъ волненіи остался Лазаревъ. Съ самаго обѣда онъ не покидалъ уже зрительной трубы, но смотрѣлъ не съ палубы, а изъ своей каюты. Наконецъ видитъ, что я возвращаюсь, и у меня въ гичкѣ сверхъ гребцовъ еще четыре человѣка. Офицеры всѣ вышли на верхъ. Вахтенный офицеръ стоялъ у входа параднаго трапа, къ которому я и присталъ. Я поднялся первый, за мною четыре привезенныхъ матроса, за ними Бутеневъ. «Возьмите арестантовъ», сказалъ я вахтенному, указывая на привезенныхъ, и затѣмъ, подойдя къ капитану, стоявшему у шпиля, донесъ ему, что отрядъ вошелъ въ послушаніе, главные зачинщики выданы, привезены мною и сданы вахтенному офицеру. Лазаревъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и, велѣвъ заковать привезенныхъ зачинщиковъ, приказалъ написать приказъ о немедленномъ составленіи воен-

наго суда. Затѣмъ, спускаясь въ свою каюту, Лазаревъ просилъ меня слѣдовать за нимъ, и, когда мы остались одни, сталъ разспрашивать меня, какъ удалось мнѣ кончить все такъ благополучно. — Дѣло происходило такъ: прибывъ къ отряду, я не подалъ и виду, что мнѣ что-нибудь извѣстно, а началъ обычный свой осмотръ работъ. Оказалось, что уже другой день не работаютъ. Я сталъ требовать у каждаго порознь отчета въ неисполненіи положеннаго урока. Они начали жаловаться на обращеніе съ ними вообще и на Кадьяна въ особенности. Тогда я велѣлъ всѣмъ собраться и сдѣлалъ перекличку, пятерыхъ уже не оказалось, сказали, что они ушли съ англичанами, чему я однако не повѣрилъ, замѣтивъ близко въ кустахъ прятавшіяся человѣческія фигуры.

«И мною стало быть вы тоже недовольны»? спросилъ я.

«Какъ можно, Ваше Высокородіе. Вами мы всѣмъ много довольны. Вы намъ все равно, что отецъ были».

«Такъ послушайте», сказалъ я, «вы мнѣ стало быть вѣрите?»

«Во всемъ вѣримъ, Ваше Высокородіе».

«Ну такъ вотъ что я вамъ скажу: не въ добрый часъ вы затѣяли дѣло, и дурныхъ людей послушали. Я вотъ не могу уже теперь обѣщать вамъ, чтобы ваше непослушаніе осталось безъ наказанія, но если вѣрите мнѣ, то повѣрьте, что какъ бы строго ни было наказаніе, которое вы заслужили, это будетъ ничто противъ того, что васъ ожидаетъ, если вы свяжетесь съ ссыльными англичанами. Они васъ же первыхъ обокрадутъ и убьютъ».

«Это правда», сказалъ какой-то голосъ въ заднихъ рядахъ, «сегодня хватился сапогъ, а ихъ ужъ нѣтъ, должно быть стащилъ рыжій, что почевалъ у насъ въ палаткѣ».

Люди, видимо, заколебались. Я продолжалъ разъяснять имъ ихъ положеніе, и напомнилъ имъ, что ихъ собратьямъ въ Кронштадтѣ не легче приходится, а и тѣхъ наградъ нѣтъ, которыя имъ обѣщаны и которыя они потеряютъ».

«Покажите раскаяніе», сказалъ я, «выдайте мнѣ зачинщиковъ, чтобы я могъ ходатайствовать за васъ предъ капитаномъ».

«Да ихъ ужъ нѣтъ, Ваше Высокородіе», сказалъ кто-то, «они ужъ бѣжали».

«Неправда», сказалъ я, «я увѣренъ, что они близко и что даже слышатъ меня». Затѣмъ, возвысивъ еще голосъ, я сказалъ: «Подлецы они, ввели васъ въ бѣду, а сами прячутся. Слыхалъ я, что люди, хоть и виноватые, гибли за свою братью, чтобы снять съ нихъ отвѣтъ, а эти что? И вы такихъ людей послушали».

«Что-жъ, и вправду, братцы», сказалъ какой-то голосъ: «Ихъ Высокородіе говорятъ правду, они всегда за насъ стояли, а эти что? Сами же подущали насъ, а какъ дѣло къ отвѣту пошло, такъ и попрятались. Они не бѣжали, Ваше Высокородіе, это лгутъ,—вонъ они въ кустахъ».

«И вамъ не стыдно», закричалъ я, идя къ кустамъ, «выходите вольно, чтобы хоть уменьшить вину, хуже будетъ, когда велю взять силою».

Четверо вышли.

«А гдѣ пятый, Станкевичъ?»

«Онъ дѣйствительно бѣжалъ, Ваше Высокородіе, сегодня утромъ ушелъ съ тремя англичанами», отвѣчалъ одинъ изъ четырехъ. Это былъ полякъ и католикъ.

«Виноваты, Ваше Высокородіе», сказали четверо прятавшихся, подойдя и кланяясь въ ноги, «заступитесь за насъ: насъ самихъ смутилъ Станкевичъ, обѣщалъ Богъ вѣсть что, а мы было и повѣрили. А теперь, какъ вы все растолковали, и сами видимъ, что глупы были».

Все это продолжалось около часа. Затѣмъ, приказавъ, чтобы люди немедленно принялись за работу и отработали бы и тѣ уроки, которые не выработали по положенію, я не дозволилъ связать зачинщиковъ, какъ то хотѣла было команда, а велѣлъ имъ просто сѣсть со мною, и отправился въ обратный путь на фрегатъ.

Военный судъ, сформированный черезъ часъ послѣ моего возвращенія, присудилъ зачинщиковъ къ смертной казни. Тогда я выступилъ съ моимъ ходатайствомъ, и въ уваженіе проявленнаго раскаянія и добровольной сдачи, они были помилованы и только смѣщены въ нижній разрядъ. Когда все было кончено, меня позвали къ Лазареву. Я вижу, что Лазаревъ и хочетъ что-то сказать и вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняется, потому что общій разговоръ, который онъ ведетъ, вовсе не оправдывалъ того, чтобы призывать меня нарочно, зная хорошо, что мнѣ нуженъ отдыхъ. Наконецъ, съ очевиднымъ замѣшательствомъ, онъ приступилъ къ дѣлу: «Вотъ видите-ли, Дмитрій Иринарховичъ, нечего и говорить, какъ я вамъ обязанъ и благодаренъ, и, конечно, если бы это прямо отъ меня зависѣло, то нѣтъ награды, къ которой бы я васъ съ радостью не представилъ, но вы понимаете...» тутъ онъ замялся.

«Понимаю», сказалъ я, «вамъ нельзя представить меня къ наградѣ, не открывъ тѣмъ самымъ происшествія. Но, конечно, вы меня должны достаточно знать, что я всегда заботился только о томъ, чтобы дѣло было сдѣлано и даже не о томъ чтобы знали, что я его сдѣлалъ».

«Да», сказалъ Лазаревъ, «надѣюсь, что и вы не подумаете, что я дѣлаю это изъ личныхъ видовъ, изъ боязни потерять награду за походъ. Дѣло въ томъ, что вся экспедиція, вся команда можетъ потерять награду и пр.»

Въ этомъ случаѣ Лазаревъ обманывалъ самъ себя насчетъ своихъ побужденій и былъ сознательно или безсознательно неискрененъ. Онъ, конечно, не подорожилъ бы наградою, но его самолюбіе не могло допустить публичнаго обнаруженія всей ложности его системы. А что это такъ, доказалъ до очевидности послѣдующій его образъ дѣйствія.

Все было полно радости при видѣ благополучнаго исхода дѣла, волею неволею суровость обращенія ослабла и все бы, конечно, пошло хорошо, если бы оскорбленное самолюбіе Лазарева не возбуждало его постоянно. Онъ не могъ вынести мысли, что подвергся такому униженію, и поэтому, подстрекаемый особенно Кадьяномъ, онъ сталъ мало по малу наводить на прежнее и даже пожалуй еще худшее въ отношеніи къ командѣ. Извѣстно, что это кончилось бунтомъ всей команды въ Ситхѣ и худшимъ еще униженіемъ для Лазарева, вынужденнаго вступить въ переговоры съ командою и списать съ фрегата Кадьяна. Лазаревъ опять было обратился и при этомъ случаѣ ко мнѣ, но на этотъ разъ я уже отказался, какъ это будетъ объяснено въ своемъ мѣстѣ.

VIII.

Такъ какъ общія событія нашего путешествія кругомъ свѣта могутъ составить предметъ особливаго описанія и отчасти уже упомянуты въ нѣкоторыхъ моихъ статьяхъ, то я и буду касаться здѣсь только такихъ вещей, которыя непосредственно относились ко мнѣ или къ цѣлямъ, меня занимавшимъ. Во время плаванія нашего по Великому Океану изъ Австраліи въ наши колоніи, меня и Лазарева чуть было не убилъ одинъ дикій у новооткрытаго нами острова Райвовая. Я стоялъ съ Лазаревымъ въ галлереѣ у окна и наблюдалъ за производимою мѣною, какъ вдругъ одинъ дикій вздумалъ выхватить силой у урядника большой кухонный полированный ножъ, но, ухватясь за лезвее, порѣзалъ, разумѣется, себѣ руку. Раздраженный своей неудачею и болью, онъсхватилъ лежавшее въ его лодкѣ копье изъ желѣзнаго дерева бросилъ его въ насъ, но оно пролетѣвъ какимъ-то чудомъ между нашими головами, ударилось въ перегородку и пробило ее насквозь.

На островѣ Отаити наша команда буквально отдыхала, потому что отаитяне нанимались работать за самую ничтожную плату и производили работы съ изумительною ловкостью. Мы имѣли случай наблюдать на Отаити, гдѣ мы пробыли двѣ недѣли, не только нравы и обычаи островитянъ Великаго Океана, не совсѣмъ еще измѣнившіеся, но и дѣйствія миссіонеровъ. Насъ, русскихъ, отаитяне очень любили, и, начиная отъ дворца до самой бѣдной хижины, не было больше праздника, какъ если кто изъ насъ посѣщалъ ихъ. Во всякое время дня и ночи мы были самые желанные гости, и не разъ случалось, что запоздавъ на берегу, мы заходили куда-нибудь ночевать. Мигомъ поднималось все на ноги, приготовлялось угощеніе, и вмѣсто сна шелъ всю ночь пиръ, на который сбѣгались всѣ, до кого только могло дойти извѣстіе.

Прибытіе наше въ Ситху навело было большой страхъ на колоніи, гдѣ приняли было насъ за англійскій или американскій фрегатъ, прибывшій съ военною цѣлію, какъ протестъ противъ несправедливыхъ притязаній Россіи, запретившей плаваніе иностраннымъ судамъ, за чертою, произвольно проведенною по Океану. По медленности тогдашнихъ сообщеній назначеніе нашей экспедиціи для защиты колоній не было еще въ нихъ извѣстно. Поэтому, когда фрегатъ, подойдя ко входу въ Ново-архангельскую гавань, былъ усмотрѣнъ уже съ обсерваторіи и вдругъ затѣмъ снова поворотилъ въ море, то это навело большое сомнѣніе, и главный правитель рѣшился выслать для осмотра байдарку. Посланный не рѣшился взойти на палубу, а опрашивалъ, подойдя къ борту, и возвратясь, донесъ главному правителю, что, должно быть, пришли люди съ недобрымъ намѣреніемъ, что корабль не похожъ на русскія суда (до тѣхъ поръ настоящихъ военныхъ кораблей въ колоніи не посылали) и что на опросъ его какой-то должно быть переводчикъ отвѣчалъ насмѣшкою, что корабль зовутъ «Клестеръ» и прибылъ онъ изъ Демьяновой земли. Эта чепуха навела еще болѣе сомнѣнія, и, чтобы не оставаться въ неизвѣстности, главный правитель, приказавъ приготовиться въ крѣпости къ отраженію нападенія, рѣшился снова уже послать большую уже байдару подъ флагомъ парламентара и съ болѣе толковымъ уже человѣкомъ. Этотъ привезъ ему наконецъ записку отъ Лазарева, извѣщавшаго о назначеніи экспедиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснившаго причину, почему фрегатъ поворотилъ обратно въ море. Это было сдѣлано просто изъ предосторожности. Такъ какъ мы подошли къ гавани уже поздно вечеромъ, то и не рѣшились входить ночью въ неизвѣстный намъ рейдъ.

Кромѣ исправленій, обыкновенно производимыхъ и во всякомъ портѣ, необходимость заставляла насъ въ Ситхѣ разгрузить совершенно фрегатъ и выкурить его каменнымъ углемъ и морскою капустою для истребленія крысъ, которыя развелись въ невѣроятномъ количествѣ и портили провизію, паруса, канаты, кожаныя вещи и пр. и даже перегрызли и выпустили цѣлую бочку рома. Выгрузка и обратная нагрузка прибавили мнѣ страшно много дѣла, тѣмъ болѣе что помѣщенія и нашихъ вещей и нашихъ людей были раскиданы въ разныхъ магазинахъ и домахъ. И вотъ при этомъ то случаѣ, когда вся наша команда жила на берегу, и произошелъ общій уже ея бунтъ. Она очень хорошо знала, что усмирить ее некому, такъ какъ она то сама и составляла главную силу въ колоніяхъ и могла бы, еслибы дѣло довели до крайности, даже овладѣть колоніями, такъ какъ и наемные въ Россійско-Американской компаніи промышленники охотно бы присоединились къ возмутившимся, состоя большею частію изъ людей отчаянныхъ, которымъ нечего было терять. Команда потребовала отъ Лазарева непремѣнно удалить Кадьяна, и, пославъ къ нему депутацію, въ тоже время другую отрядила ко мнѣ: «Мы знаемъ, Ваше Высокородіе», сказали они мнѣ, «что Вы честно думали и вѣрили сами, что начальники образумятся. Но вотъ изволите видѣть: они и Васъ обманули. Мы и просимъ Васъ теперь больше не вступаться за нихъ, а то намъ больно будетъ не

послушаться васъ». — Лазаревъ хотѣлъ было опять употребить мое посредничество и сказалъ депутаціи, что отвѣтъ пришлетъ черезъ меня. Но я сказалъ ему, что послѣ того, что уже случилось, я по совѣсти не могу дать снова ручательство командѣ, и совѣтую ему не доводить дѣла до крайности, такъ какъ мнѣ извѣстно, что и между служащими въ компаніи промышленниками началось уже волненіе. Поэтому опасность грозитъ уже не одной нашей экспедиціи, но и всѣмъ колоніямъ. Нечего было дѣлать,— Лазаревъ долженъ былъ уступить. Кадьяна переписали на шлюпъ «Аполлонъ», который, придя за годъ въ колоніи, теперь готовился къ возвращенію въ Россію. Мы со своей стороны должны были идти какъ на зимовку, такъ и для закупа провизіи въ Санъ-Франциско, въ Калифорнію, и совсѣмъ уже готовы были къ походу, какъ прибылъ изъ Камчатки отдѣлившійся отъ насъ шлюпъ «Ладога», отвозившій грузъ въ Камчатку, и задержалъ насъ еще на нѣсколько дней; а пришедшій передъ тѣмъ изъ Охотска корабль Россійско-Американской компаніи привезъ почту изъ Россіи, а въ ней высочайшее повелѣніе мнѣ прибыть въ Петербургъ и явиться къ Государю. На этомъ же кораблѣ прибылъ въ колоніи и назначенный на островъ Уналашку священникъ о. Іоаннъ Веніаминовъ, впослѣдствіи митрополитъ московскій Иннокентій.

Наша экспедиція отнеслась очень внимательно и заботливо къ положенію о. Іоанна. Духовенство въ Ситхѣ было очень дурное, и если бы онъ вошелъ въ ихъ кругъ, то можетъ быть и трудно было бы ему, какъ человѣку безъ всякой самостоятельности, не подчиниться нѣкоторымъ невыгоднымъ условіямъ, тѣмъ болѣе, что содержаніе въ Ситхѣ было очень дорого, а Веніаминовъ прибылъ не съ малымъ уже семействомъ. Кромѣ жены, у него было уже двое дѣтей, шуринъ и свояченица, что могло ставить его въ матеріальную зависимость отъ дурныхъ людей и вовлечь въ дурную компанію. Если же бы его тотчасъ же отправили на Уналашку, то ему, не оглядѣвшись и ни съ чѣмъ предварительно не познакомившись, еще труднѣе было бы выбраться на правильный путь. Для устраненія всѣхъ этихъ неудобствъ, бывшихъ предметомъ формальнаго обсужденія въ кругу нашихъ офицеровъ, положено было слѣдующее: принять его въ свое общество, гдѣ онъ пользовался всѣми бывшими въ нашемъ распоряженіи учебными средствами и гдѣ, конечно, онъ во многомъ разъяснилъ себѣ предстоящія ему обязанности миссіонера, слыша постоянно сужденія о дѣйствіяхъ англійскихъ миссіонеровъ, которыхъ мы были свидѣтелями на островахъ Великаго Океана, о необходимости преподавать истины религіи на туземномъ языкѣ, переводить на этотъ языкъ священныя книги, о нравственномъ вліяніи беззазорной жизни и пр. Во-вторыхъ, мы упросили главнаго правителя, нашего пріятеля, не торопиться отсылать его на Уналашку, а дать ему приличное занятіе, такое, которое дозволило бы ему предварительно познакомиться съ тою сферою, въ которой ему придется дѣйствовать, вслѣдствіе чего ему была поручена школа съ прибавкою жалованья. Наконецъ, чтобы увеличить его матеріальныя средства, всѣ офицеры положили при говѣньи въ слѣдующій великій постъ исповѣдываться у него. На нашемъ фрегатѣ

именно Веніаминовъ близко познакомился съ будущими правителями колоній: Купріановымъ и Этолинымъ [1]), что ему много облегчило впослѣдствіи сношенія съ ними, и съ Путятинымъ, съ которымъ суждено ему было потомъ встрѣчаться въ тѣхъ краяхъ во время двухкратнаго посольства Путятина въ Японію и Китай. Все это съ большой благодарностью вспоминалъ всегда Веніаминовъ, когда потомъ въ санѣ архіепископа видѣлся не разъ со мною въ Читѣ.

Во время стоянки нашей въ Ситхѣ оба корабля наши едва не погибли и спасены были, какъ говорили, моею внимательностью и распорядительностью. Однажды офицеры съ обоихъ кораблей отправились обѣдать къ главному правителю. Я остался вахтеннымъ на кораблѣ и обращалъ вниманіе не только на свой фрегатъ, но и на шлюпъ. Смотря въ подзорную трубу, я замѣтилъ, что капитанскій мальчикъ безпрестанно бѣгаетъ съ кувшиномъ за водою. Я догадался, что въ капитанской каютѣ, должно быть, произошелъ пожаръ, и, сдѣлавъ распоряженіе, чтобы, обрубя канатъ, отвести фрегатъ далѣе отъ шлюпа, поѣхалъ самъ туда и нашелъ, что горитъ палуба у самой пороховой камеры, а мѣсто такъ тѣсно, что дѣйствовать нельзя. Я велѣлъ немедленно прорубить палубу, и чрезъ это получилась возможность залить огонь. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы я не замѣтилъ дѣйствія мальчика, который съ испугу не смѣлъ сказать о пожарѣ, то черезъ какихъ-нибудь полчаса шлюпъ взорвало бы, а съ тѣмъ вмѣстѣ могло потопить и фрегатъ.

Для меня, конечно, и выгоднѣе, и спокойнѣе было бы возвратиться въ Россію на одномъ изъ возвращавшихся шлюповъ «Аполлонѣ» или «Ладогѣ», но такъ какъ и тогда уже и Сибирь и Амуръ входили у меня въ тѣ общія соображенія, въ которыя входили и колоніи и Калифорнія, то я и предпочелъ возвратиться чрезъ Сибирь, чтобы познакомиться съ нею и въ надеждѣ, что можетъ быть мнѣ удастся подняться и по Амуру. Я не буду описывать здѣсь пребыванія моего и дѣйствій моихъ въ Калифорніи, такъ какъ они разсказаны уже отчасти въ статьяхъ моихъ: «Калифорнія въ 1824 г.» и «Дѣло о колоніи Россъ», а ограничусь тѣмъ, что дѣйствія мои безспорно подтвердили ту истину и то правило, которыми я всегда руководствовался, что лучшая политика есть справедливая идея въ основаніи и прямодушіе въ образѣ дѣйствія. Именно такимъ образомъ я привлекъ Калифорнію къ соглашенію со мною на счетъ ея присоединенія къ Россіи [2]).

Здѣсь я долженъ еще упомянуть, что во время перехода нашего изъ Сихти въ Калифорнію насъ застигла жестокая буря, приведшая корабль въ крайнюю опасность [3]).

---

[1]) Этолинъ, командиръ корабля Р.-Американской компаніи, желалъ вступить въ военный флотъ. Чтобы облегчить ему это, я упросилъ Лазарева взять его на фрегатъ на мою ваканцію, по отбытіи моемъ въ Россію.

[2]) Доказано въ ст.: «О золотыхъ пріискахъ въ калифорніи».

[3]) Поворотъ на скалу, когда прижало къ ней фрегатъ, вслѣдствіе чего корму отъ нея отбросило.

Буря началась на моей вахтѣ, и распоряженія требовали такой непрерывности, что хотя и капитанъ и всѣ офицеры вышли, какъ и вся команда, наверхъ, но всѣ подчинялись моимъ распоряженіямъ, и хотя потомъ давно уже наступила смѣна вахты, но я продолжалъ командовать до тѣхъ поръ, пока однимъ отважнымъ маневромъ не вывелъ фрегата изъ опасности. Все это продолжалось отъ 9 часовъ вечера до 8 часовъ слѣдующаго утра. Я былъ такъ истощенъ, что когда миновала необходимость нравственнаго напряженія, то и физическія силы меня вдругъ оставили, и я упалъ безъ чувствъ, такъ что Лазаревъ, стоявшій возлѣ меня, едва успѣлъ меня подхватить и на своихъ рукахъ снесъ въ каюту, и я выдержалъ жестокую горячку.

По возвращеніи въ Ситху въ слѣдующемъ Мартѣ мѣсяцѣ 1824 г., случились два событія, гдѣ мнѣ привелось принять особое участіе. Первое относилось къ нападенію колошъ, во время такъ называемой «картофельной войны». Фрегатъ съ большимъ трудомъ, и съ большими издержками обработалъ себѣ огородъ и засадилъ его картофелемъ. Колоши ночью выкопали картофель. Вслѣдствіе этого потребовали выдачи виновныхъ и задержали нѣсколько колошей, какъ атамановъ. Въ числѣ болѣе 2-хъ тысячъ человѣкъ съ отличными ружьями они осадили крѣпость и приготовлялись ворваться въ нее, опрокинувъ палисады. Я былъ посланъ парламентеромъ съ послѣдними условіями,—и когда я ѣхалъ, они осыпали меня такимъ градомъ пуль, что никто не могъ понять, какъ это всѣ мы не погибли, а только раненъ былъ одинъ матросъ и перешиблено одно весло. Между тѣмъ фрегатъ умѣлъ занять такое положеніе, что достаточно было одного залпа картечью, чтобы уничтожить всѣхъ осаждающихъ. Увидя это, колоши смирились.— Другой случай относился къ покушенію колошъ противъ Озернаго редута, которое я успѣлъ разстроить быстрымъ своимъ прибытіемъ по такому пути, по которому они и не предполагали возможнось проѣзда.

Я отправился въ Охотскъ на кораблѣ Р.-Американской компаніи, «Волгѣ», который главный правитель и поручилъ въ мое командованіе. Шхиперъ со стороны компаніи былъ человѣкъ негодный, онъ не только не могъ быть мнѣ помощникомъ, но напротивъ служилъ мнѣ постояннымъ источникомъ непріятностей по своему пьянству и безпрерывнымъ ссорамъ съ командою и людьми, возвращавшимися со службы компаніи, которыхъ съ женами и дѣтьми было слишкомъ восемьдесятъ человѣкъ. Онъ искалъ всякаго случая, употреблялъ всѣ придирки, чтобы чѣмъ-нибудь поживиться, и даже у меня кралъ вино и сахаръ. Впрочемъ, хотя мнѣ и приходилось и одному дѣлать астрономическія наблюденія, однако я совершилъ переходъ благополучно, и вѣрность наблюденій была такая, что корабль подъ моимъ руководствомъ показалъ первый примѣръ хода прямо въ Охотскъ, не отыскивая его, какъ бывало прежде съ другими кораблями по нѣскольку дней. Я тотъ же часъ съѣхалъ на берегъ, гдѣ мнѣ отведены были комнаты въ зданіи Р.-Американской компаніи. Дѣло было уже къ вечеру, и я, просмотрѣвъ газеты и потолковавъ съ правителемъ конторы, легъ уже спать, какъ онъ вбѣжалъ съ ужасомъ

ко мнѣ, умоляя о моемъ содѣйствіи, такъ какъ команда «Волги» хочетъ убить шхипера. Я сейчасъ одѣлся и бросился на корабль, гдѣ нашелъ дѣло уже въ такомъ положеніи, что по русскому обычаю, шхиперу приказали уже люди, хоть и пьяные, стать на колѣни, каяться и молиться передъ смертію Богу. Мое неожиданное появленіе отрезвило ихъ, и я выхватилъ шхипера буквально изъ подъ ножей, помня въ немъ одно человѣчество, хотя онъ былъ большой негодяй. Онъ самъ послѣ просилъ замять дѣло, зная, что оглашеніе его будетъ и для него невыгодно.

Что касается до моего намѣренія подняться по Амуру, то оно къ сожалѣнію не могло осуществиться. Хотя я и нашелъ въ Охотскѣ байдарки и людей, которые готовы были подняться со мной по рѣкѣ, но въ портѣ не нашлось ни одного годнаго судна, которое могло бы отвезти меня къ устью Амура или хоть къ Удскому острогу. Этотъ годъ былъ особенно несчастливъ для Охотска, и всѣ три новые транспорта были разбиты. Не могъ я также по позднему времени привести въ исполненіе и сухопутное путешествіе въ Забайкальскій край, для котораго были уже наняты, и проводники — Тунгусы. Лошадей нельзя было и привести въ Охотскъ. Разливъ былъ такой, что первыя двѣ станціи по дорогѣ въ Якутскъ я долженъ былъ сдѣлать на лодкѣ, а на станціи «Мета» останавливался на крышѣ станціоннаго дома. Между тѣмъ я получилъ свѣдѣнія, что Иркутскій губернаторъ Цейдлеръ дожидается меня въ Якутскѣ, чтобы ѣхать вмѣстѣ. Нечего было дѣлать: пришлось пуститься по одной изъ самыхъ трудныхъ и скверныхъ дорогъ на свѣтѣ — по старой Охотской дорогѣ.

Необычный проѣздъ мой по Сибири, о которомъ вездѣ дано было знать предварительно для оказанія мнѣ содѣйствія, возбудилъ общее вниманіе и стремленіе воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы найти себѣ защиту отъ угнетавшихъ Сибирь злоупотребленій. Она издавна стонала подъ тягостью всякихъ золъ, но не всегда имѣла даже возможность жаловаться, такъ какъ обычай перехватывать письма былъ очень обыкновенный у начальниковъ. Къ тому же Сибирь потеряла довѣріе по множеству кляузъ и ложныхъ доносовъ, къ которымъ возбуждали ссылаемые приказные чиновники, находившіе въ этомъ занятіи средства къ пропитанію. Если и велась борьба, то это между чиновниками и купечествомъ, одинаково причастными злоупотребленіямъ и заодно угнетавшими народъ, а за послѣдній прямо никто не заступался и о его трудахъ никто не заботился, такъ что если въ доносахъ и говорилось о злоупотребленіяхъ относительно собственно народа, то это единственно, какъ средство повредить противнику, а вовсе не изъ желанія облегчить народъ. Преобразованія Сперанскаго не привели къ желаемой цѣли, да притомъ ревизоры-начальники не всегда доступны и не пользуются довѣріемъ народа, которому опытъ доказалъ, что и ревизоры имѣютъ въ виду только личныя цѣли. Но вотъ разнесся слухъ, что ѣдетъ прямо къ Государю молодой человѣкъ, не причастный интересамъ ни мѣстныхъ купцовъ, ни наѣзжихъ чиновниковъ, человѣкъ притомъ, котораго репутація, по особенному обстоятельству, давно уже проникла въ Сибирь и восхваляла въ немъ

такія качества, которыя указывали на возможность найти въ немъ и безпристрастнаго изслѣдователя и не уклончиваго защитника Сибири, какъ бы предзнаменуя то положеніе, которое онъ займетъ въ будущемъ въ обстоятельствахъ еще болѣе странныхъ.

Чтобы объяснить, почему имя мое могло быть и тогда уже извѣстно въ Сибири, надо сказать, что въ Иркутскѣ были казенныя адмиралтейства и суда, и слѣдовательно, моряки, а главное начальство въ Якутскѣ и Охотскѣ составляло также принадлежность моряковъ. Поэтому всѣ дѣйствія мои и въ корпусѣ, и въ Кронштадтѣ, при вооруженіи кругосвѣтной экспедиціи, были, хорошо извѣстны и въ Сибири. Вотъ почему, если подчиненные и угнетенные ожидали моего проѣзда съ полнымъ довѣріемъ и надеждою, то на начальниковъ онъ наводилъ большой страхъ, чѣмъ и объясняется ихъ льстивое отношеніе ко мнѣ, и тѣ почести, которыя мнѣ оказывали несоотвѣтственно ни моимъ лѣтамъ, ни чину. Вотъ почему съ самого Охотска по всей Сибири съ одной стороны всѣ терпѣвшіе отъ злоупотребленій искали случая (часто выѣзжая на дальнія станціи и даже просто на дорогу) принести мнѣ словесныя и письменныя жалобы, а съ другой—губернаторы, генералъ-губернаторы, военные генералы и др. пріѣзжали ко мнѣ съ визитомъ и старались безотлучно держать меня въ своемъ кругу, что-бы не допускать до меня жалобъ.

Для меня приготовленъ былъ огромный караванъ вьючныхъ лошадей въ Охотскѣ. Со мною былъ маленькій креолъ, котораго я взялъ на воспитаніе и впослѣдствіи опредѣлилъ въ штурманское училище, откуда онъ вышелъ хорошимъ мореходомъ. Для сопровожденія моего даны были казачій урядникъ и рядовой, да при лошадяхъ, которыхъ было 52, находились три якута и тунгусъ. Надо было все взять съ собой, начиная отъ палатки до провизіи на цѣлый мѣсяцъ на всякій случай. Одна станція была около 300 верстъ. Впрочемъ, я совершилъ эту мучительную дорогу благополучно и сравнительно съ другими скоро, въ 18 дней. Въ Якутскѣ ожидалъ меня губернаторъ Цейдлеръ. Мы поплыли вмѣстѣ на огромномъ «павозкѣ», на которомъ былъ выстроенъ цѣлый домъ съ четырьмя комнатами и кухнею, но какъ это плаваніе совершалось медленно, а я, получивъ извѣстіе о путешествіи Государя по Россіи, надѣялся захватить его въ Екатеринбургѣ, то и отдѣлился въ Олекминскѣ отъ Цейдлера и поѣхалъ на прекладныхъ почтовыхъ лодкахъ, а въ Киренскѣ купилъ по случаю дождливой осени «павозокъ» съ съ одною комнатою и такимъ образомъ далеко опередилъ губернатора.

Въ Иркутскѣ надо было и отдохнуть и приготовить себѣ экипажъ. Я остановился въ адмиралтействѣ у начальника его, Петра Степановича Лутковскаго, брата моего пріятеля Ѳеопемпта. Впрочемъ, генералъ-губернаторъ Лавинскій старался держать меня постоянно въ своемъ обществѣ и, желая оправдать себя въ моихъ глазахъ на счетъ всѣхъ сообщенныхъ мною ему злоупотребленій, въ которыхъ я удостовѣрился, при мнѣ же сдѣлалъ соотвѣтствующія тому распоряженія.

Изъ Иркутска я поскакалъ на курьерскихъ. Въ то время ѣзда въ Сибири была

необыкновенно быстра, и случалось, что, получивъ мое позволеніе, ямщики проѣзжали безъ перепряжки двѣ станціи во весь духъ. Поэтому я пріѣхалъ въ Красноярскъ такъ скоро, что губернаторъ Степановъ не хотѣлъ и вѣрить, если бы его не удостовѣрило письмо Лавинскаго. Степановъ уговаривалъ меня отдохнуть, я не соглашался, желая застать Государя въ Екатеринбургѣ. Тогда онъ мнѣ сказалъ, что всѣ мои усилія будутъ уже напрасны, такъ какъ Государь перемѣнилъ маршрутъ, а что мнѣ необходимо отдохнуть. «Если бы я не зналъ васъ по репутаціи», сказалъ онъ, «то принялъ бы васъ, какъ моряка притомъ, за горчайшаго пьяницу. Ну послушайте же. Вы вѣрно не видали себя въ зеркалѣ: что съ вами сдѣлалось?» — продолжалъ онъ, подведя меня къ зеркалу. На бѣду мою я не могу спать дорогою, и отъ безсонницы, вѣтра, ненастья и ѣзды безъ отдыха лицо мое страшно раскраснѣлось, а, разумѣется, мнѣ и въ голову не приходило смотрѣться гдѣ нибудь въ зеркало. Впрочемъ, я остался только переночевать.

По выѣздѣ изъ Красноярска на первыхъ же станціяхъ у меня разбило рессорную мою бричку, и я пустился на перекладныхъ. Въ Томскѣ губернаторъ посовѣтовалъ мнѣ купить тарантасъ, — экипажъ, о которомъ я до тѣхъ поръ не имѣлъ и понятія, но и этотъ экипажъ разбили лошади въ Тобольскѣ на казачьемъ спускѣ, гдѣ мы уцѣлѣли только какимъ то чудомъ, потому что, когда колеса всѣ сбились, то лошади тащили насъ въ одномъ кузовѣ по цѣлому спуску, по плотинѣ, на которой тогда не было перилъ, и цѣлую почти версту по улицѣ.

Въ Тобольскѣ я остановился у губернатора Александра Михайловича Тургенева и пробылъ двое сутокъ. Затѣмъ я купилъ опять бричку и уже не такъ скоро поѣхалъ, останавливаясь хоть и не надолго въ городахъ для осмотра. Не доѣзжая Казани, я заѣхалъ въ деревню къ своему крестному отцу, князю Тенишеву, но не засталъ его уже въ деревнѣ. Въ Казани нашелъ я матушку и сестру и заѣхалъ на два дня въ деревню. Въ Москвѣ остановился у Тютчевыхъ, гдѣ были собраны уже всѣ родные, предувѣдомленные о моемъ пріѣздѣ. Сестра И. Н. Тютчева, Н. Н. Надаржинская, навязала мнѣ письмо къ Аракчееву, обязанному ея семейству и особенно ее уважавшему, но я и не думалъ воспользоваться подобнымъ случаемъ, чтобы сдѣлаться лично знакомымъ Аракчееву.

IX.

Этотъ годъ распутица была страшная, но я, какъ курьеръ, могъ ѣхать уже по шоссе и прибылъ въ Петербургъ, вечеромъ 6-го ноября, наканунѣ наводненія. Я пріѣхалъ прямо къ морскому министру, и тотъ немедленно поѣхалъ съ докладомъ о томъ Государю, Государь сказалъ, что онъ приметъ меня на другой день въ 11 или 12 часовъ и пришлетъ повѣстить меня фельдъ-егеря.

Квартиру отвели мнѣ въ домѣ морского министра, пока очистятъ комнаты въ запасныхъ казармахъ тутъ же въ Галерной улицѣ, напротивъ дома министра. Я не поѣхалъ ни къ кому изъ своихъ родныхъ и знакомыхъ и никого не хотѣлъ извѣщать, чтобы мнѣ не мѣшали, только послалъ за Ѳеопемптомъ Лутковскимъ, который немедлено и явился. Онъ жилъ тутъ близко у зятя своего, адмирала Головнина. Я просилъ его придти на другой день пораньше, чтобы пособить мнѣ еще разъ просмотрѣтъ бумаги прежде представленія ихъ Государю. Въ 9 часу утра я былъ уже совершенно одѣтъ, и когда явился Лутковскій, то мы сѣли за чтеніе моего доклада. Чтобы намъ не помѣшали, я приказалъ своему ординарцу и вѣстовому, присланнымъ ко мнѣ вмѣсто деньщиковъ, чтобы никого не принимали, кромѣ фельдъ-егеря отъ Государя и развѣ кого пришлетъ министръ, а они для того, чтобы угоднѣе было выполнить приказаніе или просто для облегченія себѣ дѣла, заложили дверь на крючекъ. Слушая, какъ Лутковскій читалъ бумаги, я сидѣлъ спиною, а онъ лицомъ къ окну; на дворѣ въ это время былъ сильный вѣтеръ, но мы продолжали внимательно заниматься, не обращая вниманія на погоду, а торопясь только окончить чтеніе до пріѣзда посланнаго за мною, такъ какъ пробило уже 11 часовъ.

Вдругъ Лутковскій вскочилъ со словами: «Что это такое»? Я оборотился къ окну и увидѣлъ, что изъ нижней части окна брызжетъ струйка воды, какъ будто изъ шприцовки. Мы подбѣжали къ окну и увидѣли, что вода подступила подъ окна и отъ напора на раму, найдя гдѣ-то мелкую скважину, образовала родъ фонтана. Мигомъ захватя главное — бумаги, мы бросились въ переднюю, чтобы подняться во второй этажъ, но вода, войдя въ сѣни, такъ нажала запертую на крючекъ дверь, что не было уже возможности отворить ее. Между тѣмъ сестра Лутковскаго, жена адмирала Головнина, спохватившись брата и узнавъ, что онъ ушелъ, послала верхового, который, подъѣхавъ къ окну, сталъ кричать намъ, чтобы мы выбили окна, а намъ спустятъ простыни, такъ какъ лодки не было еще ни у кого подъ рукою. Такъ и сдѣлали, и мы отдѣлались только тѣмъ, что замочили ноги, пока стояли на подоконникѣ, черезъ который вода вливалась уже въ горницу. Вещи ординарцы успѣли кое-какъ сложить на верхъ голландскихъ печей.

Перейдя во второй этажъ, я пошелъ сейчасъ къ морскому министру, который уже по ступицу въ водѣ только что возвратился совершенно растерянный изъ дворца, гдѣ получилъ суровый выговоръ, будучи впрочемъ «безъ вины виноватъ». Говорили, что Государь, видя, что относительно наводненія не было сдѣлано никакого распоряженія, гнѣвно будто-бы спросилъ его: «Чтобы сдѣлалъ съ нами Петръ Великій, если бы это случилось въ его время»? и что Моллеръ будто бы отвѣчалъ, совершенно растерявшись, что «повѣсилъ бы», на что Государь сказалъ ему: «Хорошо, что вы сознаете вашу вину». Въ сущности Моллеръ нисколько не былъ виноватъ или былъ настолько же, какъ и всѣ. Вода пришла рѣшительно валомъ, а возвѣщавшіе о возвышеніи воды вы-

стрѣлы съ Галерной гавани за сильнымъ вѣтромъ не были нигдѣ слышны. Потомъ, если послѣ всякаго большого наводненія, какъ напр. бывшихъ при Петрѣ I или Екатеринѣ II, и возобновлялись распоряженія на подобные случаи, то всегда мало по малу забывались и даже считались лишнею предосторожностью и напраснымъ расходомъ, напр. держать въ запасѣ лодки при каждомъ запасномъ домѣ. Но какъ бы то ни было, Моллеръ былъ въ отчаяніи, когда я пришелъ къ нему, и онъ тѣмъ болѣе обрадовался моему приходу, что никто другой изъ обязанныхъ быть при немъ къ нему не явился, отъ того ли, что онъ сказалъ, что въ это утро никто не будетъ ему нуженъ, или наводненіе уже помѣшало придти, только адъютантъ его Торсенъ, жившій вплоть возлѣ дома министра, пришелъ немного спустя послѣ меня. По совѣщаніи съ нимъ, мы дѣло распредѣлили такъ: я взялъ на себя внѣшнюю дѣятельность спасенія людей на улицахъ, а на него возложили, чтобы ему не отлучаться отъ семьи, приготовленія для пріема людей, которыхъ я буду доставлять, для помѣщенія которыхъ назначены были запасныя палаты въ морскихъ артиллерійскихъ казармахъ въ Галерной улицѣ, служившія всегда временнымъ госпиталемъ, когда прекращается сообщеніе чрезъ Неву съ Выборгской стороны, гдѣ находился постоянный госпиталь.

Я послалъ сейчасъ верховаго въ гвардейскій экипажъ за людьми и за лодками, если есть, и взялъ нѣсколько лодокъ у перевозчиковъ, да двѣ лодки (одна изъ нихъ была министерскій большой катеръ), бывшія въ домѣ министра и которыя насилу выручили изъ сарая. Первый явился ко мнѣ Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеръ, пришедшій уже по поясъ въ водѣ, который хотя и старше меня, отдалъ себя въ мое распоряженіе, вслѣдъ за тѣмъ стали постепенно присылать мнѣ морскихъ артиллеристовъ, матросовъ гвардейскаго экипажа и солдатъ конной гвардіи. Мы разъѣзжали по улицамъ, и каждый разъ, что въ лодкѣ набиралось достаточно людей, принятыхъ изъ вторыхъ этажей, снятыхъ съ крышъ или заборовъ и пр., ихъ отвозили въ пріемныя палаты, куда многіе изъ богатыхъ людей, въ томъ числѣ особенно жена адмирала Головнина, поспѣшили прислать и провизію и разную одежду. Всѣхъ набралось къ ночи около 700 человѣкъ, особенно много дѣтей, не знавшихъ даже, что сдѣлалось съ родителями. Только въ семь часовъ, когда вода сбыла и нельзя было уже ѣздить на лодкахъ, мы зашли на квартиру Торсена напиться чаю и сейчасъ же снова отправились по улицамъ. Если ѣзда въ лодкахъ была опасна, потому что тогда буря была такъ жестока, что срывала фонари и, отдирая желѣзные листы, которые свертывала въ трубки, какъ листъ бумаги, носила по всѣмъ направленіямъ, переранивъ множество людей, то ходьба ночью была несравненно труднѣе такъ какъ всѣ улицы и набережныя были загромождены бревнами и досками съ разрушенныхъ строеній и заборовъ, а на Англійской набережной противъ дома морского министра осѣли на сушѣ цѣлыя барки съ бочками вина. Въ то же время вода, забравшись во время прилива въ подвальные этажи, при отливѣ вытекала еща на улицу, вынося разныя вещи, а изъ мелочныхъ лавочекъ и изъ зеленыхъ рядовъ, гдѣ были перебиты

поднятыя съ полокъ банки, текла поверху какъ-бы подливка изъ прованскаго масла, каперцовъ и пр. Не только проѣздъ былъ невозможенъ, но и ходить было трудно. Къ довершенію безпорядка, народъ и солдаты бросились сверлить бочки съ виномъ и пить, а когда поставили караулъ изъ первыхъ попавшихся подъ руку людей, то тѣ зная, что нельзя будетъ доискаться, кто стоялъ въ караулѣ, начали торговать виномъ вмѣсто охраненія его и продавали по гривеннику ведро. Впрочемъ, намъ всетаки удалось и ночью спасти много людей, особенно женщинъ и дѣтей, потерявшихъ уже и чувство отъ страха, голода и холода.

На другой день Государь пожелалъ видѣть насъ и поблагодарить. Онъ былъ въ самомъ тревожномъ расположеніи духа. Онъ ломалъ себѣ руки, видя свое безсиліе и подъ впечатлѣніемъ мрачной примѣты или воображаемаго предзнаменованія. Предшествовавшее большое же наводненіе было въ годъ его рожденія и говорили, что такое же будетъ въ годъ его смерти. Государь сказалъ намъ, что онъ не рѣшается говорить намъ о наградахъ, такъ какъ,конечно, лучшую награду мы найдемъ въ своемъ сердцѣ и совѣсти. Затѣмъ спросилъ, гдѣ больше всего бѣдствій. Мы отвѣчали, что въ Галерной гавани «Ѣдемте туда, господа», сказалъ онъ. Мы сѣли въ первые попавшіеся экипажи и поѣхали за нимъ, но когда доѣхали до Смоленскаго поля, то оказалось, что дальше невозможно было и ѣхать. Все поле было загромождено разрушенными строеніями Галерной гавани, гдѣ торчали только кое-гдѣ размытыя трубы. Государь пригласилъ насъ воротиться во дворецъ напиться чаю. Вслѣдъ за нимъ поѣхала къ Смоленскому полю и Императрица Марья Ѳеодоровна, и, возвратясь, сказала: «Какая печальная картина»!— Во дворцѣ одинъ случай обнаружилъ мнѣ, какимъ полновластіемъ облеченъ былъ Аракчеевъ. На вопросъ его морскому министру, какъ сдѣлать, чтобы выстрѣлы, возвѣщающіе о возвышеніи воды, были слышнѣе, Моллеръ сказалъ, что одно средство — поставить пушки въ главномъ адмиралтействѣ, но что никогда не смѣли дѣлать этого, чтобы не обезпокоить выстрѣлами дворца. «Объявляю вамъ», сказалъ на это Аракчеевъ, «Высочайшее повелѣніе поставить немедленно орудія въ адмиралтействѣ».—И такъ онъ отдавалъ приказанія отъ имени Государя, не имѣя нужды и спрашивать его.

Вещественныя потери, причиненныя наводненіемъ, простирались на десятки, а можетъ быть, и на сотни милліоновъ и болѣе. Потери людей объявили въ 500 человѣкъ, но нѣтъ сомнѣнія, что она была гораздо значительнѣе, особенно если взять въ разсчетъ тѣхъ, которые погибли, хотя и послѣ, но вслѣдствіе простуды, ушибовъ и пр. при наводненіи. Впрочемъ, бѣдствіе могло быть и еще гораздо значительнѣе, если-бы наводненіе случилось ночью. Съ другой стороны дурнымъ распредѣленіемъ пособій причинено много зла, которое легко было бы предупредить или устранить. Мы имѣли удовольствіе видѣть, что, по крайней мѣрѣ, то, что совершилось подъ нашимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, вполнѣ достигало цѣли. Люди, нами собранные, были помѣщены въ сухихъ и здоровыхъ палатахъ, имѣли здоровую пищу и медицинское пособіе. По мѣрѣ

того, какъ дѣлалось возможно сообщеніе, больные, какъ для собственной ихъ пользы' такъ и для того, чтобы не безпокоить остальныхъ, отправлялись въ больницы, а остальнымъ, лишившимся помѣщенія, пріискивались квартиры въ тѣхъ частяхъ города, которыя не были захвачены наводненіемъ. Не такъ, къ сожалѣнію, дѣйствовали въ другихъ мѣстахъ. Надо сказать, что въ части города, подвергшіяся наводненію, были назначены для раздачи пособій генералъ-адъютанты. Эти господа, вообще люди мало мыслящіе, имѣли особенный даръ выискивать такихъ людей себѣ въ помощники, которые брались за дѣло явно съ корыстными цѣлями, разсчитывая на невѣжество и невнимательность главныхъ распорядителей, наблюдавшихъ за всѣми поверхностно. Такимъ образомъ, на Васильевскомъ островѣ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ взялъ въ правители дѣлъ себѣ отъявленнаго плута, который довелъ раздачу пособій до такихъ вопіющихъ несправедливостей, что нѣсколько человѣкъ почетныхъ обывателей рѣшились обличить и остановить зло, указавъ Бенкендорфу, что дѣлается его именемъ. Бенкендорфъ по обычнымъ у подобныхъ людей, какъ онъ, замашкамъ, вздумалъ было принять съ угрозами пришедшую къ нему депутацію. «Что это? Бунтъ»? закричалъ онъ. «Не думайте насъ застращать», отвѣчали пришедшіе: «мы всетаки по крайней мѣрѣ самихъ васъ считали за человѣка благомыслящаго и надѣялись, что вы будете намъ благодарны, что мы открыли вамъ глаза, какъ негодяй употребляетъ во зло данное ему вами полномочіе. Если же вы хотите прикрывать его, то подадите поводъ думать, что вы съ нимъ заодно, а стало быть сами въ свою очередь употребляете во зло данное вамъ Государемъ полномочіе. Поэтому мы объявляемъ вамъ, что если вы не смѣните негодяя, то мы сей же часъ отсюда идемъ къ Государю прямо, а доказательства у насъ въ рукахъ».—Бенкендорфъ испугался и видя, что дѣлать было нечего, смѣнилъ мошенника. Въ числѣ депутатовъ былъ и товарищъ мой Н. А. Бестужевъ, котораго мать имѣла домъ на Васильевскомъ островѣ. На взморьѣ и въ Кронштадтѣ бѣдствіе было, разумѣется, еще больше. Весь почти флотъ былъ уничтоженъ, стопушечные корабли сорвало съ канатовъ и, унеся при возвышеніи воды на мелкія мѣста, оставило по сбытіи воды почти на сушѣ, гдѣ должны были впослѣдствіи уже ихъ разломать. Къ сожалѣнію, наводненіе помогло многимъ плутамъ спрятать концы своихъ воровскихъ дѣлъ. Долго спустя послѣ наводненія на него складывали потерю и порчу матеріаловъ, которыхъ не было и на лицо, и уничтоженія документовъ, дѣлъ и отчетныхъ книгъ, которыя, можетъ быть, и не велись даже вовсе. (Стереотипная фраза: по случаю бывшаго наводненія въ 1824 г.). Очень много нашлось и такихъ, которые требовали пособія, ничего не потерявши, а умѣя только добывать себѣ фальшивыя свидѣтельства о небывалыхъ потеряхъ. Тутъ въ требованіяхъ проявлялись иногда невѣроятныя дерзость и глупость.

При тѣхъ безпорядкѣ и разстройствѣ, которые произвело наводненіе во всѣхъ занятіяхъ, нечего было, разумѣется, мнѣ и думать, чтобы напомнить о моемъ пріѣздѣ и дѣлѣ. Однако, черезъ нѣсколько дней Государь самъ вспомнилъ и назначилъ для раз-

смотрѣнія моихъ предложеній коммиссію изъ графа Мордвинова и министровъ просвѣщенія и иностранныхъ дѣлъ подъ предсѣдательствомъ Аракчеева. Впрочемъ, непосредственныя мои сношенія и личныя объясненія происходили только съ Мордвиновымъ и министромъ просвѣщенія. Оба они стояли за принятіе моихъ предложеній и выразили желаніе, чтобы я вступилъ съ ними въ отношеніе личнаго знакомства. Что Нессельроде, министръ иностранныхъ дѣлъ, былъ противъ, въ этомъ я не сомнѣвался и имѣлъ впослѣдствіи доказательства на то, но какую роль игралъ Аракчеевъ, рѣшить не могу, хотя и думаю, что былъ враждебенъ дѣлу, сдѣлавшись враждебнымъ лицу моему по оскорбленному самолюбію. Дѣло было въ томъ, что, какъ я сказалъ выше, Надаржинская навязала мнѣ письмо къ нему. Значеніе Аракчеева было тогда такъ велико, что всякій бы министръ даже былъ радъ имѣть случай явиться къ нему. Каково же было изумленіе Аракчеева, что какой-то юноша, молодой офицеръ, не заблаго-разсудилъ воспользоваться тѣмъ, что самыя важныя лица почли бы за особенное счастіе. Впослѣдствіи, когда мы съ Ѳеопемитомъ Лутковскимъ осматривали новопостроенный Михайловскій дворецъ, мы встрѣтились тамъ съ Аракчеевымъ, который шелъ съ товарищемъ моимъ Батеньковымъ, съ которымъ мы и раскланялись дружески. Это подало поводъ Аракчееву спросить у Батенькова, кто эти молодые офицеры? И когда тотъ назвалъ меня, то Аракчеевъ сказалъ ему: «Такъ это-то Завалишинъ. Ну послушай же, Гаврило Степанычъ, что я тебѣ скажу: онъ долженъ быть или величайшій гордецъ, весь въ своего батюшку, или либералъ».—Батеньковъ не понялъ причины этого отзыва, не зная вышеизложеннаго обстоятельства, которое подало къ нему поводъ, но забавнѣе всего то, что Аракчеевъ также не подозрѣвалъ, что Батеньковъ, которому онъ выразилъ такое мнѣніе о вредѣ либерализма, былъ въ то время уже и самъ «либералъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что наводненіе, помѣшавъ личному моему свиданію и объясненію съ Государемъ, было главною причиною, помѣшавшею успѣху дѣла. Я могъ надѣяться, что смѣлая и откровенная моя рѣчь объ извращеніи цѣли Священнаго Союза, объ ошибкахъ во внѣшней и внутренней политикѣ, о средствахъ къ органическому возрожденію государства, произвели бы неминуемо на Государя впечатлѣніе самымъ языкомъ, неслыханнымъ для Государей, потому что я рѣшился высказать все, хотя бы слѣдствіемъ, этого было заточеніе мое въ крѣпость, а пожалуй даже и въ сумасшедшій домъ. Теперь же, когда дѣло шло чрезъ посредниковъ, то хотя они и удивлялись важности моихъ идей и смѣлости выраженій, но нѣтъ сомнѣнія, что они не представляли Государю моихъ бумагъ въ подлинникѣ, а передавали словесно или письменно въ извлеченіяхъ и въ смягченномъ видѣ. Какъ бы то ни было, но передъ Рождествомъ мнѣ оффиціально (чрезъ министра просвѣщенія) объявлено, что Государь находитъ мои идеи неприложимыми въ настоящее время. Въ то же время меня произвели за отличіе въ лейтенанты со старшинствомъ съ марта мѣсяца, а графъ Мордвиновъ, пораженный, какъ онъ самъ выразился, необычнымъ моимъ знаніемъ дѣла и дальновидною предусмотрительностью относительно колоній, по-

совѣтовалъ Россійско-Американской компаніи, которой онъ былъ однимъ изъ попечителей, не только воспользоваться моими идеями для устройства и развитія колоній, но постараться убѣдить меня принять меня на себя и исполненіе этого въ качествѣ главнаго правителя колоній [1]).

Между тѣмъ главное управленіе Р.-А. компаніи давно уже съ нетерпѣніемъ ожидало возможности войти въ непосредственныя отношенія со мною и тѣмъ болѣе, что находило неудовлетворительными донесенія ревизора, посланнаго для обревизованія конторъ ея въ Сибири, а отъ меня, какъ отъ человѣка безпристрастнаго и непричастнаго никакимъ интересамъ, ожидала вполнѣ безпристныхъ отзывовъ, узнавъ изъ донесеній главнаго правителя колоній, что онъ отнесся ко мнѣ съ просьбою обратить при моемъ проѣздѣ свое вниманіе и на конторы компаніи въ Охотскѣ, Якутскѣ и Иркутскѣ. Но, разумѣется, пока я занятъ былъ изслѣдованіемъ моихъ предложеній назначенною отъ правительства коммиссіею, я не могъ удѣлять времени на занятія дѣлами Россійско-Американской компаніи, и только по полученіи отрицательнаго отвѣта со стороны правительства и уступая просьбамъ Мордвинова, я посѣтилъ главное управленіе. Бывшіе тогда директоры Прокофьевъ, Кусовъ и Северинъ были, какъ говорили они, до того поражены и восхищены точнымъ знаніемъ моимъ всѣхъ дѣлъ и нуждъ компаніи и яснымъ указаніемъ истинной пользы ея, что просили меня, чтобы я смотрѣлъ на себя, какъ на четвертаго директора и чтобы засѣдалъ въ присутствіи управленія, принимая участіе въ обсужденіи всѣхъ дѣлъ. Моя главная точка зрѣнія была та, чтобы они съумѣли согласить свои выгоды съ общею пользою государства и въ этомъ отношеніи и начались переговоры между директорами и мною, какая часть изъ моихъ проэктовъ и предложеній могла быть осуществлена средствами компаніи къ обоюдной выгодѣ, какъ ея, такъ и государства. Рѣшено было развить земледѣліе въ Калифорніи посредтвомъ свободной канализаціи русскихъ коренныхъ хлѣбопашцевъ и преобразовать управленіе колоній. Вслѣдъ затѣмъ директоры, получивъ убѣжденіе, что успѣхъ приведенія всѣхъ этихъ плановъ въ исполненіе вполнѣ зависитъ отъ того, чтобы исполнителемъ былъ именно тотъ человѣкъ, которому принадлежатъ и идеи и планы, который съумѣлъ, какъ сказано было въ докладѣ ихъ, и выяснить потребности колоній, и указать на органическія средства удовлетворить ихъ въ непосредственной связи ихъ съ пользою общею, обратились ко мнѣ съ просьбою, чтобы я принялъ на себя и исполненіе всего этого предпріятія, посвятивъ себя по меньшей мѣрѣ на семь лѣтъ на службу въ колоніяхъ, два года на устройство земледѣльческихъ колоній въ Калифорніи, и потомъ пять лѣтъ, какъ главнаго правителя колоній. Въ этомъ смыслѣ главное управленіе Р.-Американской компаніи и вошло съ докладомъ къ Государю чрезъ морского министра.

---

[1]) Я тогда еще выразилъ свое убѣжденіе, что если мы не займемъ Калифорніи но сумѣемъ развить свои силы на устьѣ Амура и на Татарскомъ берегу, то, такъ и иначе, а непремѣнно не удержимъ и колоніи.

Между тѣмъ къ общему изумленію обнародованы были конвенціи, заключенныя между нашимъ правительствомъ, Соединенными Штатами и Англіею. Конвенціи эти предоставляли всѣ выгоды иностранцамъ, всю же тяжесть содержанія колоній оставляли на Р.-А. компаніи. Я написалъ рѣзкую критику на эти конвенціи, разбирая ихъ пунктъ за пунктомъ и доказывая невыгоду для Россіи такими аргументами, которыхъ никто не пытался и опровергать. И такъ какъ первая конвенція, т. е. съ Соединенными Штатами, была заключена при содѣйствіи бывшимъ нашимъ посломъ, тайнаго совѣтника Полетики, то я и началъ свою критику такъ: «На дняхъ появилось самое уродливое произведеніе русской политики» и пр..

Нечего и говорить, что статья моя не могла быть напечатана, потому что не только цензура пропустить, но и ни одинъ журналистъ даже принять ее не рѣшался. Зато она распространилась во множествѣ писанныхъ копій, и произвела сильное впечатлѣніе. Статья эта по языку и неопровержимости доказательствъ была какъ-бы образцомъ и предвѣстникомъ тѣхъ статей, которымъ было суждено произвести еще большее впечатлѣніе много времени спустя по поводу Амурскаго дѣла.

Очень понятно, что Р.-А. компанія встревожилась вышеупомянутыми конвенціями. Съ согласія своего совѣта и своихъ покровителей, она обратилась ко мнѣ съ просьбою написать по этому поводу докладную записку для поданія Государю чрезъ министра финансовъ. Я написалъ меморію, въ которой, не смотря на все смягченіе (по просьбѣ директоровъ) употребленныхъ выраженій, сохранилъ всю суровою сущность дѣла, какъ оно было изложено мною въ вышеупомянутой критикѣ или разговорѣ заключенныхъ конвенцій. Государь сильно разсердился, что «купцы» вздумали учить дипломатовъ, и велѣлъ дать выговоръ правителю дѣлъ, сказавъ, что купцы ничего не разумѣютъ, и, конечно, не они писали меморію, и такимъ образомъ выговоръ былъ данъ Рылѣеву, который въ то время былъ правителемъ дѣлъ главнаго управленія Р.-А, компаніи. Но съ другой стороны Государь былъ пораженъ справедливостью сдѣланныхъ въ меморіи возраженій и рузсужденій и не могъ не признать всей правильности окончательнаго заключенія, что для насъ выгоднѣе было бы бросить вовсе колоніи, чѣмъ держать ихъ на такихъ условіяхъ. Поэтому онъ приказалъ министру иностранныхъ дѣлъ, заключавшему конвенціи, устроить отъ министерства конференціею съ директорами Р.-А. компаніи въ присутствіи совѣта и покровителей компаніи. Нессельроде назначилъ для конференціи Полетику, какъ участника въ заключеніи одной изъ конвенцій.

Конференція собралась у Северина, одного изъ директоровъ. Когда Полетика предъявилъ свое полномочіе, онъ ожидалъ, что компанія со своей стороны дастъ полномочіе какому нибудь важному и пожилому лицу. Каково же было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ, что противъ него выступилъ и предъявилъ полномочіе компаніи безбородый еще юноша. Онъ буквально взглянулъ на меня, какъ Голіаѳъ на Давида, и началъ конференцію явно раздраженнымъ тономъ. Но когда я спокойно, шагъ за шагомъ,

началъ разрушать аргументы его въ оправданіе конвенцій и развивать еще подробнѣе, чѣмъ въ докладной запискѣ Государю, мои возраженія противъ нихъ, когда обнаружилъ «изумительное» (по его собственному отзыву впослѣдствіи) знаніе дѣла въ томъ, что относится къ компаніи, «и правильность соображеній, относящихся къ общей политикѣ» (какъ выразился онъ въ письмѣ своемъ къ Мордвинову), то, смягчаясь все болѣе, Полетика вдругъ посреди конференціи всталъ и, подойдя ко мнѣ, протянулъ мнѣ руку и сказалъ, что какъ въ началѣ ему конференція была непріятна, такъ теперь онъ радъ ей, потому что она доставила ему случай такого знакомства. Въ заключеніе, онъ вполнѣ согласился съ моими доводами и оправдывалъ ошибку министерства только тѣмъ, что сама компанія не доставила нужныхъ свѣдѣній во время. — «Да развѣ ее спрашивали», сказалъ, «развѣ ее предувѣдомляли, что дѣло идетъ о заключеніи конвенцій о ней? Да наконецъ, если бы она что и сказала, развѣ ее послушали бы? Развѣ не сказали бы, что они «купцы и ничего не разумѣваютъ?»—Этотъ намекъ на слова Государя заставилъ улыбнуться всѣхъ, кому они были извѣстны.

Послѣ конференціи Полетика написалъ Мордвинову письмо, въ которомъ просилъ его посредство, чтобы поближе познакомиться со мною, не считая достаточнымъ то общее знакомство, къ которому подала поводъ конференція. Онъ былъ послѣ у меня, и мы нерѣдко видѣлись, причемъ онъ много пояснилъ мнѣ на счетъ образа дѣйствій русской политики.

«Мы, правду сказать«, говорилъ мнѣ Дашковъ, «немного выпустили изъ виду наши колоніи».

«Не мудрено», отвѣчалъ я ему, «наши дипломаты такъ намазолили себѣ глаза надъ задачами даже самыхъ мельчайшихъ нѣмецкихъ государствъ, что уже не могутъ замѣчать и крупныхъ потребностей Россіи».

X.

Такое торжество мое на конференціи еще болѣе утвердило довѣріе ко мнѣ главнаго управленія Р.-А. компаніи, — и оно обратилось ко мнѣ съ просьбою составить проэктъ преобразованія колоній и принять на себя проведеніе всѣхъ соотвѣтствующихъ мѣръ въ общемъ собраніи всѣхъ акціонеровъ Р.-А. компаніи. Общія собранія по этому поводу представили Петербургу невиданное до тѣхъ поръ зрѣлище. Рядомъ съ высшими сановниками и съ одинаковымъ правомъ голоса засѣдалъ какой нибудь мѣщанинъ, имѣющій на то право по числу своихъ акцій. Требуемыя преобразованія защищались пуб-

лично, а не обсуждались въ канцелярской тайнѣ, и дѣломъ руководилъ не какой-нибудь сановникъ, почти всегда только поверхностно знающій дѣло, а какъ въ иныхъ государствахъ, по парламентскимъ обычаямъ, человѣкъ вполнѣ знакомый съ дѣломъ и даже назначенный приводить его въ исполненіе. Успѣхъ мой въ общихъ собраніяхъ былъ не меньше того, какъ и въ конференціи. Всѣ предложенныя мною мѣры для преобразованія управленія и устройства колоній были приняты огромнымъ большинствомъ.

Между тѣмъ на сдѣланное представленіе Государю о назначеніи меня въ колоніи не было никакого отвѣта. Это до крайности встревожило Р.-А. компанію по убѣжденію ея, что всѣ преобразованія и всѣ планы на счетъ будущаго будутъ совершенно безполезны, если не будетъ человѣка, котораго одного считали способнымъ привести все въ исполненіе. Но какъ съ этимъ исполненіемъ связаны были огромныя выгоды, то она, опасаясь, что задержка моего назначенія происходитъ отъ какихъ нибудь продѣлокъ въ морскомъ министерствѣ, рѣшилась предложить огромную для того времени сумму, 10 тысячъ рублей, директору департамента Харитоновскому за ускореніе доклада Харитоновскій отвѣчалъ, что докладъ давно уже сдѣланъ Государю, а что повторить докладъ министръ, по крайней его робости, едва-ли рѣшится, однако-же прельщаемый такою выгодою, какая представлялась ему отъ моего назначенія, онъ уговорилъ повторить докладъ. Но прошло полтора мѣсяца послѣ вторичнаго доклада, а рѣшеніе Государя все еще не получалось. Между тѣмъ, знать это рѣшеніе дѣлалось необходимымъ для компаніи, потому что въ случаѣ утвердительнаго отвѣта нельзя было уже медлить приготовленіями. Тогда Харитоновскій рѣшился на крайнее средство. Онъ убѣдилъ министра спросить Государя при первомъ личномъ докладѣ, подъ предлогомъ поясненія нѣкоторыхъ подробностей о причинахъ желанія компаніи, чтобы я былъ назначенъ въ колоніи. Тогда то послѣдовалъ отъ Государя тотъ знаменитый отвѣтъ, который, положивъ конецъ желаніямъ компаніи, въ тоже время еще болѣе возвысилъ мое значеніе. Государь отвѣчалъ, что онъ очень радъ, что въ его службѣ находятся офицеры съ такими достоинствами, какъ я, и что готовъ открыть мнѣ всѣ карьеры въ Россіи, но что отпустить меня въ колоніи не можетъ изъ опасенія, чтобы я какими нибудь попытками привести въ исполненіе обширные свои замыслы не вовлекъ Россію въ столкновеніе съ Англіею или Соодиненными Штатами. Надо сказать, что проэктъ мой, кромѣ занятія Калифорніи, заключалъ въ себѣ занятіе Амура и острова Сахалина, а если бы обстоятельства дозволили, то и Сандвичевыхъ островов, что отчасти и было уже достигнуто правителемъ колоній Барановымъ, устроившимъ было и заведеніе на этихъ островахъ, гдѣ русскіе не могли удержаться только по неспособности начальника. Только въ такомъ случаѣ можно было надѣяться на сохраненіе и развитіе колоній и на прочное утвержденіе морской силы Россіи. Извѣстно, до какой степени послѣдующія событія оправдали все, предусмотрѣнное мною.

Любопытно дополнить къ этому еще и слѣдующее: когда во время борьбы моей

по Амурскому дѣлу я потребовалъ отъ Р.-А. компанiи напечатать все, относившееся къ тогдашнимъ требованiямъ, чтобы доказать, что критика моя того способа, какъ велось это дѣло, не была случайная и не относилась къ какой нибудь личности, а основывалась на тѣхъ началахъ, которыя составлены были мною еще въ 1824 г., то директоръ компанiи, адмиралъ Этолинъ, увѣдомилъ меня, что бывшiй въ 1825 г. директоромъ Прокофьевъ со страху послѣ 14 декабря сжегъ всѣ бумаги, гдѣ даже только упоминалось мое имя, а не только тѣ, которыя шли лично отъ меня. Впрочемъ, писалъ ко мнѣ Этолинъ, такъ какъ ему извѣстно, что по рукамъ ходило много копiй, то, можетъ быть, ему удастся собрать кое-что въ частныхъ рукахъ. Несмотря на разрушенiе нашихъ предположенiй, Р.-А. Компанiя просила меня продолжать заниматься ея дѣлами. Я согласился, но только по отношенiю къ общимъ государственнымъ требованiямъ и потому отклонилъ всякое вознагражденiе. Хотя въ это время я посвятилъ уже себя преимущественно политической дѣятельности, однакоже находилъ время засѣдать и въ собранiи директоровъ Р.-А. Компанiи и исполнять аккуратно требованiя службы, а не сидѣть, сложа руки въ ожиданiи большей возможности дѣйствовать послѣ преобразованiя, чѣмъ многiе прикрываютъ свое бездѣйствiе, но дѣлать все, что возможно, и при настоящихъ условiяхъ для удовлетворенiя общественныхъ и общечеловѣческихъ требованiй. Поэтому, и тогда уже во всѣхъ кругахъ общества, всякiй разъ, если дѣло касалось благотворенiя, исправленiя несправедливости, защиты чьихъ правъ, и необходимъ былъ дѣятельный и энергичный заступникъ, то обращались ко мнѣ. Были даже случаи, что даже самыя важныя лица обращались съ подобными просьбами ко мнѣ. Такъ однажды и Остерманъ сказалъ одной бѣдной матери, хлопотавшей о сынѣ, попавшемъ въ несчастiе, чтобы просить меня похлопотать о томъ у адмирала Грейга, такъ какъ я скорѣе его могу помочь дѣлу.

Относительно родныхъ своихъ, я смѣю сказать, что дѣлалъ больше, нежели они могли требовать и ожидать, хотя самъ не получилъ изъ наслѣдства отъ отца ничего, что мнѣ слѣдовало. Я уплатилъ казенный начетъ на старшаго брата, заплатилъ много за младшаго, чтобы выручить его изъ бѣды, выхлопоталъ чрезъ Мордвинова пенсiю для сестры, которою ей, съ явнымъ нарушенiемъ справедливости, не хотѣли назначить, и исполнялъ всѣ порученiя домашнихъ, не думавшихъ, изъ какихъ средствъ я могу это дѣлать, между тѣмъ какъ они издерживали свои средства на воспитанницъ и приживалокъ, имѣвшихъ свои значительныя средства.

Строгое исполненiе службы произвело однажды большое волненiе въ морскомъ министерствѣ, обнаруживъ всю глубину зла, доведшаго морское вѣдомство до крайняго разстройства. За недостаткомъ штабъ-офицеровъ, назначавшихся временными комендантами въ новомъ адмиралтействѣ, велѣно было избрать трехъ офицеровъ со всѣми возможными отличными качествами, какъ обыкновенно расписывается въ подобныхъ случаяхъ. И вотъ первый выборъ палъ на меня. Временные коменданты дежурили по недѣлямъ и смѣнялись въ субботу въ 12 часовъ. Когда наступила моя очередь, я явился въ 8 часовъ утра.

Старикъ полковникъ, котораго мнѣ пришлось смѣнять, ужасно обрадовался: «Ну вотъ, слава Богу», сказалъ онъ, «а то Н. никогда раньше двухъ часовъ не смѣнялъ меня. Надо-де дома сначала позавтракать».

Хоть и жалко мнѣ было выводить старика изъ заблужденія, но я сказалъ ему, что я пріѣхалъ такъ рано вовсе не для того, чтобы смѣнить его ранѣе положеннаго срока, а чтобы познакомиться съ предстоящею мнѣ обязанностью и поэтому попросилъ у него для прочтенія предварительно «инструкцію».

Онъ вытаращилъ на меня глаза: «Какая это, батюшка, инструкція? Вотъ дежурю здѣсь много ужъ лѣтъ, а ни о какой инструкціи и не слыхалъ». Тутъ писарь, стоявшій въ это время въ комнатѣ съ готовымъ для подписанія намъ рапортомъ о смѣнѣ, подошелъ къ нему и сказалъ на ухо, что точно есть запертая въ шкафу какая-то «инструкція» въ красномъ сафьяномъ переплетѣ. И вотъ отыскали въ шкафу «невѣдомую» дежурному инструкцію. Старый полковникъ съ растеряннымъ видомъ смотрѣлъ то на нее, то на меня. Я сѣлъ читать ее и увидѣлъ, какая страшная отвѣтственность лежитъ на временныхъ комендантахъ. Новое адмиралтейство, простирающееся отъ Галерной улицы до Бердовскаго завода, имѣло, можетъ быть, болѣе трехъ верстъ въ окружности, такъ что для охраненія его требовалось очень бдительное наблюденіе. Кромѣ морскихъ учрежденій и большого числа живущихъ, тамъ было много магазиновъ. Наконецъ въ случаѣ пожара на корабляхъ на Невѣ, оно должно было немедленно подавать помощь, для чего и имѣлась въ немъ огромная пожарная команда съ большимъ числомъ гребныхъ судовъ, что все строжайше предписывалось держать въ исправности и пр. и пр.. Прочитавъ все къ 9 часамъ, я сказалъ предмѣстнику моему, что хотя еще далеко до смѣны, но чтобъ его не задерживать, я готовъ приступить къ смѣнѣ. Онъ опять было обрадовался, но опять пришлось разочаровать его, когда я объяснилъ ему, что подъ приступомъ къ смѣнѣ я разумѣю совокупный осмотръ всего подлежащаго къ сдачѣ и поэтому приглашаю его къ осмотру напередъ всего пожарныхъ инструментовъ и гребныхъ судовъ.

«А что, батюшка, мнѣ тамъ смотрѣть? Смотрите, коли есть охота, а я уже не пойду».

Однако, когда я пошелъ и ему прибѣжали сказать, что оказывается при моемъ осмотрѣ, то онъ поспѣшно прибѣжалъ и сталъ меня умолять, чтобы я не выводилъ изъ этого никакого дѣла. Но это было ни въ какомъ случаѣ невозможно. При испытаніи пожарныхъ инструментовъ оказывалось, что вода не шла въ пипки, а брызгала по всему протяженію кожаныхъ рукавовъ изъ разсохшихся и разсѣвшихся швовъ. Весла на катерахъ или были переломаны, или вовсе ихъ не доставало и пр.. Тогда только я могъ понять, какъ могли допустить сгорѣть незадолго передъ тѣмъ «камелямъ» (такъ называются огромные пустые ящики, подводимые подъ корабль, чтобы приподнять его для провода по мелководью въ устьѣ Невы), нанеся огромный, милліонный убытокъ казнѣ. Я немедленно написалъ рапорты къ морскому генералъ-интенданту, которымъ былъ

тогда адмиралъ Головнинъ, и къ министру. Все это произвело страшную суматоху, и оба они сію же минуту прибѣжали пѣшкомъ, такъ какъ жили недалеко отъ новаго адмиралтейства. Моллеръ, увидавъ меня, сказалъ, запыхавшись: «Вы прекрасный офицеръ, но только не приведи Богъ имѣть съ вами дѣло. Вездѣ, гдѣ появитесь, надѣлаете страшныхъ хлопотъ».

Я улыбнулся и спросилъ его, что развѣ лучше было-бы, если бы весь этотъ безпорядокъ обнаружился при пожарѣ, и, пожалуй, дали бы сгорѣть судамъ или баркамъ съ грузомъ, какъ сгорѣли камели. Моллеръ понялъ намекъ, такъ какъ говорили, что онъ замялъ это дѣло, чтобы прикрыть вину Берда, пароходъ котораго былъ причиною пожара, какъ общая молва обвиняла его въ томъ. Совсѣмъ иначе отнесся къ моимъ дѣйствіямъ адмиралъ Головнинъ. Онъ при министрѣ, протянувъ мнѣ руку, сказалъ: «Благодарю васъ, Дмитрій Иринарховичъ, я иного и не ожидалъ, остановивъ на васъ на первомъ выборѣ при назначеніи». Затѣмъ, обратясь къ министру, сказалъ: «Дѣйствительно, мы должны быть благодарны Д. И., что онъ своимъ точнымъ исполненіемъ службы открылъ намъ глаза во время».

Разумѣется, сію же минуту нагнали пропасть мастеровыхъ и принялись за исправленіе всего, найденнаго въ безпорядкѣ.

Но кромѣ этого случая это мое комендантство замѣчательно еще тѣмъ, что я не пустилъ въ адмиралтейство Великаго Князя Николая Павловича по званію его дивизіоннаго командира. Ему хотѣлось «распечь», говоря техническимъ языкомъ, поручика Зейфорта, стоявшаго въ караулѣ. Но я объяснилъ ему, что, безъ разрѣшенія извѣстныхъ лицъ, никого для формальнаго какого-либо дѣйствія въ адмиралтейство не пускаютъ. И вотъ ему показалось, что будто-бы Зейфортъ, чувствуя себя огражденнымъ, усмѣхнулся. Онъ припомнилъ ему это впослѣдствіи и, вступивъ на престолъ, перевелъ его въ гарнизонный батальонъ.

Мое положеніе было чрезвычайно выгодно въ Петербургѣ для наблюденія надъ идеями, свойствами и желаніями во всѣхъ слояхъ общества. По пріѣздѣ моемъ я сначала жилъ съ Николаемъ Ивановичемъ Тютчевымъ вмѣстѣ, нанимая квартиру въ домѣ княгини Волконской, но потомъ, уступая настойчивому желанію Остермана, переѣхалъ къ нему, гдѣ, по отъѣздѣ графини, и занялъ ея комнаты. Кромѣ того, въ домахъ Архаровой и Васильчиковыхъ я былъ, какъ родной, и потому постоянно обращался въ высшемъ и придворномъ кругу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезъ директоровъ Р.-А. компаніи и у нихъ мнѣ сталъ знакомъ высшій служебный и коммерческій кругъ. Чрезъ французскаго генерала Бойе, который былъ у насъ въ Россіи въ плѣну и жилъ въ это время у Льва Васильевича Толстого, я вошелъ въ сношенія съ среднимъ кругомъ иностранцевъ и пр.. — И такъ какъ я мало любилъ участвовать въ удовольствіяхъ, а старался, пользуясь такимъ случаемъ, вести со всѣми дѣльные разговоры, и какъ меня вообще любили во всѣхъ кругахъ общества, гдѣ я бывалъ, и разсуждали со мною безъ всякаго опасенія, то, могу,

сказать, я и слышалъ обсужденіе всякаго вопроса со всѣхъ возможныхъ сторонъ и соединялъ такія свѣдѣнія, которыя недоступны людямъ, живущимъ въ исключительныхъ кругахъ.

Правда, мачихѣ моей было очень непріятно, что я «связываюсь Богъ знаетъ съ кѣмъ», какъ говорили нѣкоторыя скучныя важныя барыни, у которыхъ я рѣдко бывалъ и которыя жаловались на меня мачихѣ и оказывали мнѣ услугу, сплетничая на меня. Но я не обращалъ вниманія ни на претензіи ихъ, ни на сплетничанье, хотя иногда дѣйствительно любопытно становилось узнать, откуда онѣ добывали свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ кругахъ, наиболѣе имъ чуждыхъ, свѣдѣнія, конечно, большею частію искаженныя, но всетаки показывающія, что существуютъ же какіе то проводники непрямаго сообщенія. Особенно встревожили они и мачиху и всю нашу «Толстовскую» родню извѣстіемъ, что я будто-бы хочу жениться на испанкѣ, на католичкѣ, тогда какъ я по своимъ убѣжденіямъ, принявъ участіе въ политическомъ предпріятіи, влекущемъ за собою такую грозную отвѣтственность, считалъ противнымъ чести связать съ моей судьбою чужую судьбу и тѣмъ заставить жену или принести невольную жертву или измѣнить другой обязанности. Если же предположить, что по чувству какая-либо дѣвушка и готова была на вольную жертву, то это могло быть очевидно только подъ условіемъ открытія политической тайны, чему противилась также честь. Вотъ почему, несмотря на то, что дѣйствительно въ одномъ испанскомъ семействѣ меня очень любили, и одна изъ дочерей, рѣдкая красавица, явно высказывала свое расположеніе ко мнѣ, а родители ничего лучшаго не желали, какъ отдать ее за меня, несмотря даже на старанія моихъ родныхъ (мачиха особенно желала женить меня на княжнѣ Баратаевой, дочери ея друга), я держалъ себя чрезвычайно сдержанно и не позволялъ себѣ говорить женщинамъ даже обычныхъ свѣтскихъ любезностей и комплиментовъ, независимо даже отъ того, что не любилъ подобныхъ вещей уже по самой пошлости ихъ.

Здѣсь не лишнее замѣтить, что тогда иностранный кругъ и по тогдашнимъ понятіямъ народнаго соперничества и по тому, что извлекалъ выгоды изъ дурного устройства Россіи, мало сочувствовалъ желаніямъ русскихъ улучшить свой государственный и общественный бытъ, хотя невольно и вносилъ многія либеральныя идеи въ Россію.

Въ теченіе лѣта 1825 г. я часто ѣздилъ въ Царское Село къ Леониду Голицыну, съ которымъ мы жили вмѣстѣ на квартирѣ въ Петербургѣ у Остермана, но который долженъ былъ имѣть квартиру въ Царскомъ Селѣ, гдѣ стоялъ лейбъ-гусарскій полкъ, въ которомъ онъ служилъ. Нерѣдко бывалъ я и въ Павловскѣ у Архаровой, въ домѣ которой постоянно бывала Императрица Марія Өеодоровна и Великія Княгини Александра Өеодоровна и Елена Павловна. Два раза ѣздилъ я и въ Кронштадтъ: первый разъ по дѣламъ тайнаго общества (съ Ал. Бестужевымъ, Одоевскимъ, Рылѣевымъ, В. Кюхельбекеромъ и Оржинскимъ), другой разъ при возвращеніи фрегата «Крейсера» изъ кругосвѣтнаго плаванія, причемъ мнѣ удалось еще разъ сослужить службу экспедиціи, примиривъ команду и офицеровъ съ Лазаревымъ, тогда какъ и та, и другая сторона готовилась къ

жалобамъ другъ на друга, что конечно, имѣло бы самыя невыгодныя послѣдствія для обѣихъ сторонъ. Лишь только фрегатъ бросилъ якорь въ Кронштадтѣ, какъ Лазаревъ съ первымъ же пароходомъ написалъ мнѣ лаконическую записку: «Жду отъ вашей дружбы, что вы намъ поможете. Пріѣзжайте, не теряя времени, вы всѣмъ намъ нужны». Съ утреннимъ же пароходомъ я поѣхалъ въ Кронштадтъ и, не выходя даже на пристань, прямо съ парохода сѣлъ на лодку и отправился на фрегатъ. Я нашелъ всѣхъ въ чрезвычайно пасмурномъ настроеніи духа, но мнѣ всѣ очень обрадовались, и, какъ послѣ сказали мнѣ, это было единственное послѣ моего отбытія радостное чувство, въ которомъ всѣ соединились: до такой степени дурны были уже всѣ отношенія на фрегатѣ, какъ между различными служебными положеніями, такъ и между лицами. Лазаревъ сейчасъ же увелъ меня въ каюту и тамъ открылъ мнѣ, что до него дошелъ слухъ, что вся команда хочетъ жаловаться на него на инспекторскомъ смотрѣ, но что онъ рѣшился предупредить ее, и донести, что она не заслужила никакихъ наградъ. Немудрено было доказать всѣ дурныя послѣдствія этого, но какъ онъ боялся, что если онъ со своей стороны удержится отъ обвиненій противъ команды, она всетаки будетъ жаловаться, то я и принялъ на себя посредничество и пошелъ къ командѣ.—Съ этой стороны я нашелъ дѣло точно въ такомъ же положеніи. Команда, пожалуй, и не прочь была оставить жалобу, но боялась враждебнаго дѣйствія со стороны капитана. Ясно было, что обѣ стороны удерживались отъ примиренія, отъ того, что не довѣряли другъ другу. Я далъ и той и другой сторонѣ мое поручительство, и тогда команда дала мнѣ честное слово отказаться отъ жалобы, а капитанъ разорвалъ при мнѣ рапортъ. Такимъ образомъ миръ и спокойствіе были возстановлены. Всѣ меня благодарили и убѣдительно просили погостить у нихъ нѣсколько дней. При этомъ командѣ пришла странная фантазія просить меня, чтобы я съ обѣими очередями ихъ отстоялъ на вахтѣ, какъ бы я служилъ еще на фрегатѣ, и чтобы какъ-бы кончить и походъ со мною.

«Позвольте», говорили они, «вспомнить старое счастливое время».

Я исполнилъ ихъ желаніе, прогостилъ у нихъ три дня и въ это время отстоялъ два раза на вахтѣ съ обѣими половинами команды. Къ этому надо прибавить, что мной заведенъ былъ такой порядокъ, что все должное командѣ немедленно уплачивалось, такъ что наша экспедиція была единственной, у которой не было претензій на казну, уплата по которымъ обыкновенно длилась много лѣтъ.

Около этого-же времени случилось въ Петербургѣ происшествіе, подавшее поводъ къ сильной демонстраціи противъ барской спѣси и чужеземнаго воспитанія. Я говорю о дуэли между Новосильцевымъ и Черновымъ, похороны котораго и составили эту демонстрацію, а мнѣ привелось быть въ ней не только участникомъ, но и распорядителемъ.

Новосильцовъ, единственный сынъ у матери и наслѣдникъ имѣнія графини Орловой-Чесменской, молодой человѣкъ и флигель-адъютантъ, влюбился въ дочь генерала

Чернова, сдѣлалъ ей предложеніе и получилъ согласіе и ея, и ея отца. Мать Новосильцова, надутая барской спѣсью, не желала этой женитьбы и, боясь открыто противиться желанію сына, дала притворно согласіе, но въ то же время употребила всѣ возможныя интриги, чтобы разстроить дѣло. Она вызвала поспѣшно сына къ себѣ подъ предлогомъ опасной будто бы болѣзни отца его и употребила всѣ свои убѣжденія, чтобы отговорить сына отъ предложенной женитьбы. Новосильцовъ, человѣкъ характера слабодушнаго, подчинился не только вліянію матери, но и насмѣшкамъ товарищей, смѣявшихся надъ нимъ, что у него жена будетъ «Пахомовна». Между тѣмъ онъ однако же продолжалъ писать письма къ невѣстѣ и вынудилъ брата Черновой, офицера Семеновскаго полка, напомнить ему о его обязательствѣ. Новосильцовъ отвѣчалъ, что онъ непремѣнно его исполнитъ. Но такъ какъ онъ все еще медлилъ, то ни отецъ, ни братья невѣсты не желали уже и сами этого какъ-бы вынужденнаго брака и требовали отъ Новосильцова только того, чтобы онъ явился какъ-бы для свадьбы въ Могилевъ, гдѣ жило семейство Черновыхъ, и тамъ получить отказъ. Такъ и было условлено для огражденія репутаціи дѣвицы. Новосильцовъ взялъ отпускъ, но вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Могилевъ, поѣхалъ въ Москву къ матери. Тогда мать прибѣгла еще къ болѣе дурному средству. Она упросила Остенъ-Сакена, главнокомандующаго І-й арміей, у котораго служилъ отецъ Черновой, принудить его написать отказъ Новосильцову, чтобы не заставить его ѣздить въ Могилевъ и не подвергать его «аффронту» публичнаго отказа отъ какого-то Чернова. Новосильцовъ поспѣшилъ прислать это письмо брату Чернова, но такъ какъ тотъ въ то же самое время получилъ и отъ отца объясненіе всего дѣла, то дуэль стала неизбѣжною, и Черновъ потребовалъ отпуска прямо съ этою цѣлью, не скрывая того отъ начальниковъ. Причина была такъ законна, что ни Великій Князь Михаилъ Павловичъ, ни Государь не рѣшились отказать Чернову. Черновъ поѣхалъ въ Москву, и тамъ Новосильцовъ снова далъ слово ѣхать въ Могилевъ, и кончить дѣло такъ, какъ прежде было условлено, но снова обманулъ и пріѣхалъ въ Петербургъ, и потому дуэль должна была состояться. Оба противника ранили другъ друга смертельно, но Новосильцовъ умеръ на другой день, а Черновъ жилъ еще 11 дней. Даже принадлежавшіе къ партіи Новосильцовой не смѣли выказать ей сочувствія, и самъ Александръ Өеодоровичъ Орловъ сказалъ ей извѣщая ее объ исходѣ дуэли: «Вотъ къ чему привела ваша барская спѣсь». — Напротивъ, къ Чернову сочувствіе было всеобщее. В. К. Михаилъ Павловичъ навѣщалъ его каждый день, и все возстало противъ гнусныхъ интригъ, въ которыхъ запутали и служебныя отношенія, и противъ того барства въ Россіи, которое корчитъ аристократію, не имѣя ни одного изъ условій дѣйствительной аристократіи въ ея относительно полезномъ историческомъ значеніи, и навлекая напротивъ еще на себя упреки за свою готовность съ одной стороны къ придворному лакейству, а съ другой и дружиться, а пожалуй, и родниться и съ мошенниками, но лишь-бы они были милліонеры.

За гробомъ Чернова первыми шли секунданты Новосильцова (флигель-адъютантъ Германъ и Плаутинъ), что особенно усиливало протестъ противъ его поведенія, особенно когда извѣстно стало, что они и ему самому сказали, что, не имѣя права, какъ товарищи его, отказываться отъ секундантства, они однако же прямо объявляютъ ему, что желанія ихъ и одобреніе на противной сторонѣ. Одно тайное общество наняло сто каретъ, кромѣ тѣхъ собственныхъ экипажей, которые отдали члены общества въ общее пользованіе.

Хотя многіе и прославляли мой ораторскій талантъ, мое краснорѣчіе и особенно, какъ многіе говорили, мою непобѣдимую логику и діалектику, но я вообще не очень любилъ тѣ многочисленныя и шумныя собранія, куда многіе шли только для того, чтобы «послушать З.........а» [1]). Я предпочиталъ небольшія собранія или, какъ называли ихъ «комитеты», гдѣ обсуждались спеціальные вопросы. Въ общихъ собраніяхъ больше занимались сообщеніемъ и обсужденіемъ разныхъ новостей, да преніями преимущественно политическаго свойства, въ комитетахъ же разрабатывались такіе вопросы, какъ на примѣръ освобожденіе крестьянъ, судебное и военное устройство государства и пр. Труднѣе, но и важнѣе всего было правильное разрѣшеніе всѣхъ юридическихъ, экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ,—а отъ этихъ и всего, относящагося къ народному образованію и судебному устройству, или какъ тогда выражались, самосуду народному. Вотъ почему я и посвящалъ изслѣдованіямъ по этому вопросу наибольшую часть времени. Были два различныя воззрѣнія на этотъ вопросъ: одни думали, что освобожденіе крестьянъ должно предшествовать политическому преобразованію, другіе напротивъ, что самое лучшее упроченіе новаго порядка именно въ томъ и должно состостоять, чтобы крестьяне получили свободу черезъ него. Примѣръ Англіи и Венгріи доказывалъ, что конституціонное устройство можетъ предшествовать освобожденію крестьянъ, — побудить же тогдашнее правительство къ скорому освобожденію крестьянъ тѣмъ менѣе представлялось надежды, что замедленіе освобожденія было у него уже дѣломъ не недостатка сознанія въ справедливости освобожденія, а, какъ утверждали, нехотѣнія и даже положительнаго умысла остановить дѣло. Извѣстно было, что Государь вначалѣ поощрялъ освобожденіе, хотя по нашимъ привычкамъ въ Россіи, и тутъ не обошлось безъ странныхъ противорѣчій и несообразностей,—такъ какъ гораздо послѣ уже того, какъ началось освобожденіе въ однихъ мѣстахъ (въ прибалтійскихъ губерніяхъ), закрѣпощеніе продолжалось въ другихъ, какъ напр. въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи, гдѣ даже до 1821 года обращали въ крѣпостныхъ пришлое и бѣглое населеніе. Гово-

[1]) Больше всѣхъ кричалъ о томъ Ѳ. И. Глинка, какъ человѣкъ независтливый, не боявшійся моего возвышенія.

рили, что даже банкъ, гдѣ закладывали свои имѣнія помѣщики на 37 лѣтъ, съ тою цѣлію и былъ учрежденъ, чтобы постепенно выкупать просроченныя имѣнія, предоставляя выкупъ или самимъ крестьянамъ или казнѣ, а отнюдь не въ новыя помѣщичьи руки. Но извѣстно также, что впослѣдствіи Государь, напуганный тѣмъ, что если крестьяне будутъ освобождены, то это значило снять узду, державшую въ страхѣ крестьянъ, и тогда ничто уже не удержитъ отъ политическаго переворота, сталъ неблагопріятно смотрѣть на освобожденіе, и губернаторы стали получать словесныя инструкціи въ смыслѣ, противномъ прежнему, вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и взглядъ на образованіе народа. Кромѣ того, военныя поселенія представляли, какъ всѣ думали тогда, наглядный образецъ, чего желало и къ чему стремилось правительство.

Главныя основанія освобожденія, принятыя въ комитетѣ, заключались въ выкупѣ государствомъ крестьянъ и съ землею. Финансовая операція не представлялась затруднительною, такъ какъ расходъ на это, какъ ни огроменъ казался, былъ въ дѣйствительности фиктивный. Кромѣ того, съ прекращеніемъ раздачи земли фаворитамъ и пр., государство имѣло огромный капиталъ въ государственной землѣ, представлявшій богатый источникъ для дохода отъ продажи, и средство для вознагражденія малоземельныхъ помѣщиковъ или перевода крестьянъ, что давало возможность сохранять въ этихъ случаяхъ часть земли помѣщику и избавляло отъ тѣсноты населенія. Дѣлаясь собственниками земли и платя за нее государству то, что прежде платили помѣщику, крестьяне были бы вполнѣ удовлетворены, а получаемая отъ нихъ плата давала государству средства уплачивать помѣщикамъ проценты за отошедшій отъ нихъ капиталъ въ землѣ.

Относительно военнаго устройства главныя основанія, принятыя въ военномъ комитетѣ, были слѣдующія: военной повинности должны были подлежать одинаково всѣ русскіе граждане. Родъ и степень повинности опредѣлялись не сословіемъ, а качественными условіями, измѣнявшимися отъ степени пользы, которую человѣкъ можетъ приносить въ томъ или другомъ званіи и занятіи. Дворянство сохраняло только историческое значеніе, купечество объявлялось занятіемъ, а не сословіемъ, колонисты обязаны были также нести службу. Отъ предварительнаго служенія въ нижнихъ чинахъ никто не освобождался, различіе состояло только въ болѣе или менѣе продолжительномъ времени.

Второе условіе состояло въ томъ, чтобы сблизить по возможности устройство постояннаго войска съ народнымъ, т. е. съ ополченіемъ. Поэтому всякая служба должна была начинаться и оканчиваться въ мѣстныхъ войскахъ. Казачество, представляющее крѣпостное состояніе еще въ худшемъ видѣ, чѣмъ помѣщичьи крестьяне, должно было быть уничтожено тѣмъ болѣе, что оно впало притомъ въ противорѣчіе со своимъ историческимъ происхожденіемъ.

Войска въ мирное время могли быть употребляемы на государственныя работы, а особенно на дорожную повинность, что казалось естественнѣе, нежели отпускать солдатъ въ отпускъ для земледѣльческихъ работъ, а въ то же время отрывать отъ нихъ кре-

стьянина для отработки натуральныхъ повинностей. Распредѣленіе войскъ и вся военная организація должны были соотвѣтствовать органическимъ условіямъ и не жертвовать ничѣмъ для одной внѣшней симметріи, для которой создаютъ безполезныя управленія, штаты и пр.

Мачиха давно уже звала меня въ отпускъ. Ей хотѣлось женить меня и уговорить оставить службу для того, чтобы управлять ея имѣніемъ, но меня удерживала въ Петербургѣ непрерывная политическая дѣятельность, бывшая тогда въ полномъ разгарѣ. Можно сказать, что все что могло способствовать успѣху переворота, было сдѣлано именно въ этотъ 1825-й годъ, какъ по пріему огромнаго числа членовъ въ тайное общество, такъ и по болѣе практическому изслѣдованію тѣхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ въ случаѣ переворота являлось безотлагательно необходимымъ. Между тѣмъ не менѣе представлялося необходимымъ провѣрить на мѣстахъ, до какой степени можно ожидать сочувствія перевороту и извѣдать мнѣнія объ освобожденіи крестьянъ вообще и о лучшихъ средствахъ для разрѣшенія этого труднаго вопроса, безъ нарушенія справедливости къ помѣщикамъ и съ условіемъ, чтобы освобожденіе крестьянъ было не мнимое, а дѣйствительное, допускающее положительную возможность улучшенія ихъ быта и существеннаго огражденія ихъ правъ измѣненіемъ самаго характера власти, а не однимъ только ея перемѣщеніемъ, какъ часто случается при нововведеніяхъ. Обо всемъ этомъ, разумѣется, нельзя было составить вполнѣ правильно заключенія въ Петербургѣ, гдѣ дѣятельность членовъ отвлекалася притомъ приготовленіемъ къ возстанію гвардейскихъ полковъ, — что считалось самымъ важнымъ дѣломъ для переворота. Но какъ число членовъ значительно уже умножилось, и приготовленіе полковъ шло, повидиму, успѣшно, то я предложилъ воспользоваться наступающимъ временемъ отпусковъ, чтобы не возбуждая подозрѣнія, разослать коммиссаровъ во всѣ губерніи съ двоякой цѣлью — и изслѣдованія общаго положенія и распространенія либеральныхъ идей. Въ общемъ собраніи предложеніе это было найдено очень обстоятельнымъ, но къ сожалѣнію директоры особенно Рылѣевъ, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы удалить изъ Петербурга «опозиціонныхъ членовъ», особенно въ виду предстоявшаго выбора новаго директора на мѣсто Никиты Муравьева, уѣзжавшаго въ деревню «по болѣзни, чувствуя приближенія новаго кризиса. Рылѣевъ тѣмъ болѣе опасался этого выбора, что дѣло шло не о томъ только, чтобы выбрать меня третьимъ директоромъ, но, можетъ быть, выбрать поголовно всѣхъ трехъ новыхъ, какъ хотѣли того требовать нѣкоторые новые члены, вообще недовольные веденіемъ дѣла директорами, такъ какъ все, что шло успѣшно, дѣлалось помимо директоровъ и преимущественно новыми членами. Но какъ ни разумна была посылка членовъ по губерніямъ, ясно было, что ни подъ какимъ видомъ не слѣдовало

удалять изъ Петербурга тѣхъ членовъ, которые, какъ руководители частей войскъ, были конечно, еще полезнѣе и необходимѣе въ Петербургѣ, чѣмъ въ губерніяхъ, какъ бы ни были они признаваемы полезными для исполненія и послѣдняго порученія. Поэтому всѣ очень ясно видѣли, что всѣ льстивыя выраженія, которыми сопровождалось мое назначеніе въ командировку въ Приволжскія губерніи, служили только прикрытіемъ совсѣмъ другихъ цѣлей, и многія уговаривали меня не принимать порученія, а остаться въ Петербургѣ. Но я не хотѣлъ показать примѣръ неповиновенія, что могло имѣть вредныя послѣдствія въ другихъ отношеніяхъ, хотя я и оставилъ Петербургъ съ грустію, видя, какъ интрига начала и въ обществѣ ставить личныя цѣли выше общей пользы. *)

Съ другой стороны литературныя дѣятели захотѣли воспользоваться предстоящими отпусками офицеровъ для распространенія въ рукописи комедіи Грибоѣдова: «Горе отъ ума», не надѣясь никакимъ образомъ на дозволеніе напечатать ее. Нѣсколько дней сряду собирались у Одоевскаго, у котораго жилъ Грибоѣдовъ, чтобъ въ нѣсколько рукъ списывать комедію подъ диктовку. Впрочемъ, о политическомъ значеніи ея судили разно, потому что и либеральная партія и противная ей одинаково черпали въ ней аргументы, одни для осмѣянія старыхъ порядковъ, другіе, чтобы выказать всю пустоту стремленій, безплодной критики и насмѣшекъ людей, которые безсильны создать лучшее или устремляютъ свое дѣйствіе противъ вещей нравственно безразличныхъ, и тѣмъ сами компрометируютъ патріотизмъ, нравственность и пр., заставляя ихъ гнаться за странными цѣлями и выставляя чрезъ то въ смѣшномъ видѣ ихъ стремленія. Какъ-бы то ни было, только на мою долю досталось первому привезти эту комедію въ Москву и въ Казань. Но страннѣе вышло еще то обстоятельство, что эта комедія была въ первый разъ прочитана мною въ Москвѣ, въ домѣ и именно у сыновей той самой Марьи Алексѣевны, грознымъ призракомъ которой и кончается комедія.

---

*) Желаніе изслѣдовать вопросъ на мѣстахъ было также одною изъ причинъ, почему я согласился принять командировку отъ общества въ восточныя губерніи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ слѣдственномъ комитетѣ, учрежденномъ по случаю событія 14-го декабря 1825 г., почти всѣмъ лицамъ, соприкосновеннымъ къ этому событію, предлагался (хотя болѣе или менѣе въ различныхъ видахъ или выраженіяхъ, но въ сущности однообразный) вопросъ: «Въ какой книгѣ или изъ какихъ сочиненій почерпнуты были революціонныя идеи?»

Мы давно уже стали на историческую точку зрѣнія въ сужденіяхъ и о самихъ себѣ и о собственныхъ нашихъ дѣйствіяхъ, не принимая даже тѣхъ оправданій, которыми искали возвеличить насъ, не извлекая ихъ изъ послѣдующихъ событій, и не пользуясь виною противниковъ для оправданія себя, а поэтому и можемъ говорить обо всемъ съ полною откровенностью, искренностью и безпристрастіемъ. Мы вполнѣ ознакомились съ необходимыми взглядами и неизбѣжными ошибками всѣхъ партій, но всегда стояли выше ихъ, не ставя никогда партіи выше отечества и ничего выше справедливости, и потому глубоко убѣждены, что наше изложеніе будетъ вполнѣ правдивое,— одно, изъ котораго всѣ партіи могутъ извлечь дѣйствительно справедливое разъясненіе началъ и событій и полезное наставленіе.

Вотъ почему на предложенный выше вопросъ мы съ полнымъ убѣжденіемъ и по совѣсти, на основаніи всестороннихъ изслѣдованій, можемъ положительно отвѣчать, что какъ побужденіе къ преобразованію государства, такъ и допущеніе тѣхъ или другихъ средствъ для достиженія цѣли, истекали вполнѣ изъ даннаго положенія государства и общества, изъ даннаго самимъ государствомъ воспитанія и изъ собственныхъ историческихъ примѣровъ, — подраженіе же внѣшнимъ примѣрамъ и образцамъ было только уже послѣдующимъ и второстепеннымъ явленіемъ. Все это имѣло не болѣе значенія, какъ обычный пріемъ и во всякомъ дѣлѣ, когда, пріискивая своеобразныя средства для удовлетворенія и достиженія извѣстныхъ желаній и цѣлей, стараются въ то же время узнать, какъ поступаютъ въ подобныхъ обстоятельствахъ и въ другихъ мѣстахъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что трудно извлекать изъ подражанія обвиненіе тамъ, гдѣ

очевидно всѣ правительственныя дѣйствія, особенно начиная съ Петра I-го, грѣшили избыткомъ подражанія. Гдѣ принято, введено или положено такое начало, тамъ невозможно связать совѣсть другихъ и воспрепятствовать, чтобы не извлекли изъ него логическихъ послѣдствій, тамъ невозможно отрекаться отъ нихъ и отрицать у другихъ право на то, что дѣлаютъ всегда сами.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что въ стремленіяхъ къ преобразованію государственнаго и общественнаго устройства для улучшенія своего быта и возвышенія народнаго достоинства, — стремленіяхъ, присущихъ всякому обществу, сохраняющему еще жизненную силу, и возбужденныхъ въ Россіи до такой степени реформою Петра I-го, — самый сильный толчекъ въ послѣднее время дала война 1812-го и послѣдующихъ годовъ. Она пробудила и высоко подняла сознаніе народнаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ другой стороны допущенное по необходимости и неизбѣжное свободное обсужденіе обстоятельствъ, которыя привели и сопровождали эту войну, раскрыло цѣлый рядъ ошибочныхъ дѣйствій правительства, отъ гибельныхъ послѣдствій которыхъ, по тогдашнимъ сужденіямъ и убѣжденіямъ, Россія избавилась только самостоятельнымъ дѣйствіемъ и доблестью народа, независимо отъ правительства и даже какъ-бы вопреки ему. Вотъ почему въ довѣренныхъ разговорахъ и сужденіяхъ тогдашняго общества, люди, нисколько не враждебные правительству, нисколько даже не знакомые съ результатами иностраннаго мышленія и примѣровъ,—мало того, даже возставшіе противъ подражанія чужому и обвинявшіе напротивъ въ томъ само правительство, приходили однако почти всегда къ слѣдующимъ выводамъ: 1-ое, что хотя Россія и избавилась отъ опасности, въ которую вовлекли ее ошибки правительства, но это сопряжено было съ такими пожертвованіями и съ такою задержкою внутренняго развитія, что необходимо пріискать ручательства противъ возобновленія чего-либо подобнаго въ будущемъ. 2-е, что русскій народъ доказалъ, что онъ способенъ къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ, и, слѣдовательно, и къ самоуправленію, причемъ указывали на устройство ополченій и пожертвованій, на истребленіе своей собственности, на партизанскія и другія чисто народныя дѣйствія, гдѣ народъ дѣльно распоряжался безъ вѣдома и помимо распоряженій и указаній правительства. 3-е, что дружное дѣйствіе и безкорыстное содѣйствіе одного другому всѣхъ сословій, даже и при существованіи крѣпостного положенія, показало, что въ дѣлахъ дѣйствительной государственной потребности и пользы, лишь бы она была ясно представляема и сознаваема, нечего опасаться антагонизма сословій, и слѣдовательно не существуетъ и главнаго препятствія для устройства самоуправленія, — наконецъ 4-е (и это будетъ имѣть важное вліяніе на послѣдующія идеи и объяснитъ ихъ), — что Россія изъ всѣхъ государствъ — страна наименѣе аристократическая, что аристократія не имѣетъ въ ней самобытной силы, ни историческихъ правъ, и потому раздѣленіе сословій и крѣпостное право въ ней — дѣло чисто искусственное и не можетъ препятствовать установленію равноправности.

Съ другой стороны, если уже внѣшняя политика правительства возбуждала такое неудовольствіе, заставлявшее признавать необходимость гарантіи противъ его ошибокъ, то это неудовольствіе еще болѣе усиливалось образомъ дѣйствія правительства по внутреннимъ дѣламъ. Послѣ того, какъ неудачная попытка Сперанскаго устроить государство по отвлеченнымъ идеямъ оказалась несостоятельною, и правительство, принявшееся было съ такимъ жаромъ за переустройство, ослабло, видимо, въ своей дѣятельности внутреннихъ преобразованій, улучшеній и ограниченія злоупотребленій, эти послѣднія возрасли до невѣроятной степени и въ свою очередь побуждали также пріискивать средства для врачеванія и этого зла.

А что, впрочемъ, какъ недовольство, такъ и порицаніе правительственныхъ дѣйствій по внѣшней и внутренней политикѣ, выходило — повторяемъ это — не изъ подражанія и вліянія чуждыхъ идей, а было дѣломъ самостоятельнаго взгляда чисто-русскихъ людей на русскую жизнь, лучшимъ доказательствомъ тому служитъ чрезвычайное распространеніе въ то время въ публикѣ такихъ рукописныхъ сочиненій, какъ напр. «Трумфъ» и «Русскій Жилблазъ». Первое съ увѣренностью приписывалось Крылову, а если иные и называли другое имя, то и это имя было имя всетаки чисто-русскаго человѣка (Державина), о сочинителѣ же второго хотя тогда и спорили, но и тутъ всѣ имена, которыя называли, были также имена чисто-русскихъ людей (между прочимъ опять также и Крылова), или незнакомыхъ ни съ чѣмъ иностраннымъ, или не любившихъ его.

Что касается до «Трумфа», то конечно ни одинъ революціонѐръ не придумывалъ никогда злѣе и язвительнѣе сатиры на правительство. Все и всѣ были безпощадно осмѣяны, начиная отъ главы государства до государственныхъ учрежденій и негласныхъ совѣтниковъ (Крюднеръ). Можно судить по слѣдующему:

«Премудрый твой отецъ, Вакула свѣтлый царь
Въ сенатѣ сидючи, спускалъ тогда кубарь;
Когда о близкой толь бѣдѣ ему сказали,
Всѣ мѣры приняты.....
По лавкамъ тотъ же часъ за тактикой послали»...

Государственный совѣтъ, отъ котораго требовалось мнѣніе, какъ поступить въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ, представленъ состоящимъ изъ людей, ни къ чему неспособныхъ. Когда царь лично спрашиваетъ мнѣніе каждаго, то получаетъ слѣдующее объясненіе, почему никто не отвѣчаетъ: «Онъ глухъ, о государь». — «Онъ нѣмъ, онъ ничего не слышитъ, отъ старости едва онъ дышитъ». А потомъ, когда царь «заказалъ», «чтобы думать» — «ни гу-гу», онъ спрашиваетъ:

Ну что-жъ придумалъ тутъ премудрый мой совѣтъ? и въ отвѣтъ получаетъ:

«Штофъ роспилъ вейновой, разъѣлъ салакушъ банку,
А присовѣтовалъ во всемъ спросить цыганку».

(Намекъ на казенный завтракъ въ государственномъ совѣтѣ и на вліяніе, приписываемое г-жѣ Крюднеръ).

Приведемъ еще нѣкоторыя мѣста.

Царь жалуется, что его постигло величайшее несчастіе. Всѣ стараются отгадать, какого рода это несчастіе. Одинъ спрашиватъ: «Не голодъ-ли постигъ государство?» — На это царь отвѣчаетъ:

«Я развѣ даромъ царь? Слышь, лежа на печи,
«Я и въ голодный годъ ѣсть буду калачи».

— «Такъ не война-ль грозитъ?» спрашиваетъ другой.
Вакула отвѣчаетъ:

«На это есть солдаты.
«Пускай себѣ дерутся изъ за платы».

Когда всѣ догадки были истощены, Вакула объявляетъ, что страшное бѣдствіе состоитъ въ томъ, что —

«Проклятый пажъ сломалъ, слышь, мой кубарь,
«Которымъ я вседневно забавлялся».....

Не менѣе рѣзко осмѣяна солдатчина въ объясненіяхъ Трумфа:

«Я сдѣлалъ, что на насъ никто не смѣлъ глядитъ [1])
И въ спальню нашъ никто не смѣлъ кодитъ,
Ни сама министеръ, ни сама кенерала,
Одна фельдфебель мой, ундъ два иль три капрала.» [2])
«Симфонья на обѣдъ намъ будетъ съ барабана»...

«Я будитъ балъ давалъ
И будитъ билъ того, кто не былъ танцовалъ.
Мой Саръ любитъ и самъ скакать, плясать, рѣзвиться,
И палкой на дворца сгоняетъ веселиться» [3]).

Вотъ какимъ образомъ осмѣивалось финансовое разстройство государства: получая приказаніе о снабженіи войска, дурдуранъ (гофмаршалъ) говоритъ:

---

[1]) Намекъ на то, что гвардейскіе офицеры заглядывали подъ шляпку государыни.

[2]) Намекъ на то, что будто бы высшія лица принимали въ спальнѣ жены, лежа на постели, рапорты отъ полковъ, въ которыхъ были шефами.

[3]) Указаніе на обычай собирать на балъ не по приглашенію, а по полковому наряду.

«Да денегъ у насъ нѣтъ».

Вакула:

«Скажи, что именинникъ,
Авось съ подарками перепадетъ съ полтинникъ».

Кто помнитъ состояніе и настроеніе тогдашняго общества, конечно, не станетъ отрицать, что около 1812 г. судили чрезвычайно смѣло и открыто, какъ о недостаткахъ правительства, такъ и о средствахъ помочь тому. Со всѣмъ тѣмъ, какъ ни сильно и настойчиво кружили въ головахъ подобныя мысли, онѣ всетаки не могли найти ни необходимаго сосредоточія, ни правильнаго исхода въ ясно созданную форму, какъ по недостатку серьезнаго, истинно научнаго образованія, такъ и по отсутствію средствъ къ правильному совѣщанію въ какомъ-нибудь законно признанномъ общемъ собраніи, хотя въ родѣ коммиссіи составленія законовъ, бывшей при Екатеринѣ II-й. Объ этой коммиссіи хотя и толковали, но надеждамъ на составленіе ея ни суждено было сбыться. Мудрено-ли поэтому, что, поддаваясь тѣмъ вліяніямъ, которыми было тогда наполнено общество, и которыя поддерживались и господствовали въ разныхъ и даже въ правительственныхъ сферахъ, какъ напр. масонство, іезуитство, мистицизмъ, и пр. — всѣ партіи вмѣсто трезваго изслѣдованія и положительныхъ соображеній, основанныхъ на изученіи живыхъ силъ общества и законовъ его, и на соглашеніи между представителями всѣхъ мнѣній и интересовъ, давали волю одному только воображенію безъ всякой опоры въ дѣйствительности. Поэтому, въ то время, какъ одни мечтали о слишкомъ утопическихъ средствахъ государственнаго устройства, даже въ родѣ фенелоновыхъ порядковъ, всеобщаго братства, или церковной дисциплины на манеръ католицизма де-Местра, другіе видѣли все спасеніе въ замыславатомъ устройствѣ администраціи, мечтая тѣмъ смѣлѣе о построеніяхъ на основаніи отвлеченныхъ идей и тѣмъ менѣе задумываясь надъ всеобщей ломкою, нисколько не уступающею революціоннымъ преобразаваніямъ, что возможность подобныхъ примѣровъ и такихъ опытовъ надъ народомъ видѣли не только въ отдаленномъ примѣрѣ Петра I-го, но и въ ближайшихъ попыткахъ, олицетворенныхъ въ имени Сперанскаго, какъ понимали тогда его дѣйствія, на которыя и ссылались въ подкрѣпленіе своихъ замысловъ. Иные, наконецъ, думая, что опираются за какую-нибудь дѣйствительность, откидывались назадъ въ старину, но какъ по недостатку изученія и правильнаго взгляда и самая старина не была имъ извѣстна въ ея сущности, а только въ нѣкоторыхъ плохо понятыхъ формахъ, то хватались за нихъ, надѣясь въ нихъ отыскать удовлетвореніе сознанной и несостоятельной потребности преобразованія, никѣмъ уже не оспариваемой. Были даже люди изъ числа послѣднихъ, которые тѣмъ болѣе увлекались стариннымъ бытомъ, что только, идя этимъ путемъ чествованія и возстановленія старины, надѣялись найти дѣйствительныя средства къ

уничтоженію причины и раскола, который многіе выводили изъ противодѣйствія живой силы народа, оскорбленной несвойственнымъ нововведеніемъ, бездушными формами, не имѣвшими корня въ народной жизни и наложенными единственно на основаніи отвлеченныхъ идей и соображеній, хотя, по правдѣ сказать, и тутъ выказался недостатокъ историческаго изученія и правильнаго понятія о дѣйствительной причинѣ раскола, предшествовавшаго реформѣ Петра. Причина эта безспорно заключалась преимущественно въ византизмѣ (т. е. въ привязанности къ буквѣ и формѣ, но безъ смысла, ими выражаемаго, и безъ духа, который ихъ произвелъ вслѣдствіе принятія Россіею христіанства отъ Византіи въ то время, когда въ этой послѣдней изсякъ уже живой духъ вѣры).

Вотъ почему изъ подобныхъ приверженцевъ старины одни говорили напр. о возстановленіи древне-церковнаго устройства со введеніемъ мірянъ въ участіе въ дѣлахъ церкви и слитіи церкви и государства, — другіе мечтали напротивъ о возстановленіи вѣча, находя подобіе его сохранившимся отчасти въ мірскихъ сходкахъ и потому знакомой народу формѣ, а на Дону въ тайныхъ обществахъ, оставшихся однако же неизвѣстными правительству [1]), мечтали о возобновленіи казачьяго самоуправленія и вольности, посредствомъ возстановленія войсковыхъ круговъ. Однимъ словомъ, такъ или иначе, но только всѣ, хотя и на разные лады, искали осуществить преобразованіе государства, признавая уже одинаково безусловную необходимость измѣнить неудовлетворяющее уже болѣе никого настоящее. Можно даже утверждать безошибочно, что именно-то приверженцы старины и отличались сильнѣйшими нападками на правительство.

Теперь, чтобы понять, почему несмотря на частныя противорѣчія и уклоненія, однако-же въ общемъ движеніи общественнаго мнѣнія въ Россіи, приверженцы новыхъ формъ одержали окончательно верхъ надъ партизанами старины, надобно обратиться къ тѣмъ событіямъ, которыя имѣли на это рѣшительное вліяніе.

Нельзя скрывать, что въ обществѣ, растревоженномъ попытками Сперанскаго, приверженцы старины имѣли сначала тѣмъ болѣе перевѣсъ, что почерпали сверхъ того главную свою силу изъ общаго негодованія на правительство за его внѣшнюю политику и изъ народнаго чувства, оскорбленнаго униженіемъ передъ Наполеономъ. Но чувство это было вполнѣ удовлетворено славнымъ исходомъ войны 1812 г. и, потерявъ раздражающее и подстрекающее свойство, лишило приверженцевъ старины главной поддержки. Между тѣмъ войска наши прошли до Парижа, и не только образованное офицерство, но и простые солдаты не могли уже избѣгнуть вліянія тѣхъ новыхъ условій, въ которыхъ находились они въ теченіе войны 1813, 1814 и 1815 годовъ, равно какъ и во время долгаго (до 1817 г.) пребыванія нашего войска во Франціи. Надо также припомнить, что происходило тогда во всей Европѣ. Вѣдь сами правительства возбуждали тогда народы къ свободѣ и, какъ средства къ достиженію цѣли, допускали и поощряли

---

[1]) Показаніе Корниловича.

даже тайныя общества, и заговоры, и насильственныя средства. Вездѣ давались обѣщанія лучшаго устройства и допускалось обсужденіе и пріискиваніе наиболѣе соотвѣтственныхъ для того формъ. Сверхъ того, и торжество Англіи и ея парламентскаго правленія надъ единоличною властію геніальнѣйшаго и могущественнѣйшаго человѣка, высказавшее слабость абсолютизма для блага народа даже и при управленіи генія и признаніе необходимости конституціонной формы правленія даже для побѣжденной Франціи, какъ единственнаго средства замирить націю удовлетвореніемъ законныхъ ея стремленій и примирить ее съ династіею, — все это не могло не усиливать убѣжденія въ этой формѣ правленія. Наконецъ всѣ пренія и сужденія по этому поводу, происходившія въ осязательномъ такъ сказать видѣ и живыхъ приложеніяхъ передъ глазами русскихъ, посѣщавшихъ и палаты въ Парижѣ и отчасти даже и парламентъ въ Лондонѣ, — ознакомили наше военное сословіе (заключавшее въ себѣ почти все дворянство) близко и практически съ тѣмъ, что прежде, если и было кому извѣстно, то развѣ изъ книгъ и въ отвлеченной формѣ.

Все это повліяло и на отношеніе начальниковъ къ нижнимъ чинамъ, и тѣмъ болѣе, что и сами солдаты не только ознакомились между тѣмъ съ новыми условіями, но и сами вступили уже отчасти въ нихъ. Напр. тѣлесное наказаніе было фактически уничтожено въ корпусѣ, стоявшемъ во Франціи. Значеніе воина, кромѣ сознанія блестящаго подвига, совершеннаго русскими войсками, тѣмъ болѣе возвысилось въ собственномъ понятіи солдата, что уже самое формированіе ополченія и множество охотниковъ въ отечественную войну совершенно измѣнили прежнее понятіе, что въ солдаты сдаютъ только худшихъ и за наказаніе. Въ солдатѣ признаны были достоинства и требованія человѣка; обращеніе съ ними начальниковъ перемѣнилось радикально, новыя отношенія начальниковъ къ нижнимъ чинамъ, — честность, справедливость, заботливость, гуманность, даже учтивость въ отношеніи къ нимъ появились на практикѣ и, сдѣлавшись общими въ корпусѣ Воронцова [1]), оставшагося во Франціи долгое время, достигли своего идеала въ старомъ Семеновскомъ полку. Вотъ почему и слѣдуетъ замѣтить, что въ сужденіяхъ о 14-омъ декабря, для объясненія вліянія членовъ тайнаго общества на войско, всѣ упускаютъ совершенно изъ виду, что люди, дѣйствовавшіе на солдатъ, стояли вполнѣ на практической почвѣ, знакомой уже солдатамъ, не какъ мечта, а какъ дѣло очень возможное, и уже проявившееся было отчасти въ дѣйствительности, и что изъ всѣхъ сословій въ тогдашнее время именно военному были и наиболѣе понятны новыя идеи, и наиболѣе сочувственны послѣдствія замышляемаго преобразованія государственнаго устройства. Истину говорю, что даже послѣ 14-го декабря солдаты тѣхъ полковъ или отрядовъ,

---

[1]) Корпусъ этотъ, какъ зараженный будто бы либерализмомъ, былъ въ цѣломъ составѣ посланъ на Кавказъ, гдѣ почти весь истребленъ въ безпрерывной войнѣ и отъ болѣзней. Дивизіонные генералы: Грековъ и Лисаневичъ убиты фанатикомъ горцемъ.

гдѣ не было членовъ общества, и не было, слѣдовательно, имъ объяснено цѣли переворота, вступали охотно съ нами въ разговоры, когда находились въ караулѣ въ коридорахъ крѣпости, во время содержанія нашего тамъ, и, разсуждая о двойной присягѣ Константину и Николаю, постоянно говорили намъ одно и то же: «Намъ все равно было, что тотъ, что другой. Вотъ если бы, господа, вы намъ тогда сказали, что будетъ сбавка службы, да не будутъ загонять въ гробъ палками, да по отставкѣ не будешь ходить съ сумой, да дѣтей не будутъ безповоротно брать въ солдаты, ну за это бы и мы пошли».

Но однако и этого еще не довольно для объясненія силы либеральнаго движенія въ ту эпоху въ Россіи. Неоспоримо, что вначалѣ усиленію убѣжденій и движенія въ либеральномъ смыслѣ много способствовало и само правительство. Казалось, что оно и само раздѣляло общее настроеніе и стремленіе. По крайней мѣрѣ неизбѣжно и естественно было выводить подобныя заключенія, какъ изъ поддержки, оказываемой конституціонному правленію во Франціи, такъ и изъ дарованія конституціи Польшѣ, и наконецъ, и болѣе всего, изъ прямыхъ заявленій и собственныхъ выраженій самого государя, открывшихъ его мнѣніе на этотъ счетъ. Всѣ твердили извѣстную фразу: *„L'autocrate, qui fait le bonheur de ses sujets, n'est qu'un heureux hasard“*, и дѣлали комментаріи, какъ на нее, такъ и на рѣчь при открытіи перваго сейма въ царствѣ Польскомъ, въ которой говорилось, что подобныя конституціонныя учрежденія приготовляются и для Россіи.

Въ доказательство, что таковы были прежде мнѣнія самого государя, здѣсь кстати привести показаніе вдовы фельдмаршала и министра двора, первой штатсъ-дамы и кавалера Екатеринскаго ордена, свѣтлѣйшей княгини Софьи Григорьевны Волконской, показаніе, лично мнѣ сдѣланное въ то время, когда она гостила у насъ въ Читѣ. Софья Григорьевна была другъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, поэтому по полученіи извѣстія о кончинѣ Александра Павловича въ Таганрогѣ, императрица Марія Θеодоровна просила Софью Григорьевну съѣздить въ Таганрогъ и поддержать Елисавету Алексѣевну. Отправляя ее, она поручила ей передать Елизаветѣ Алексѣевнѣ, какъ по ея мнѣнію, было тяжело для умирающаго императора узнать, что въ Россіи нашлись люди, которые рѣшились дѣйствовать противъ него. Когда Софья Григорьевна исполнила порученіе, то Елизавета Алексѣевна съ необычною живостью сказала въ отвѣтъ: «Матушка совершенно ошибается. Его напротивъ мучило болѣе всего то, что онъ вынужденъ будетъ наказывать тѣхъ людей [1]), мысли и стремленія которыхъ онъ вполнѣ раздѣлялъ въ своей молодости».

Мудрено-ли же послѣ этого, что всѣми подобными словами и дѣйствіями самого правителя государства и притомъ государя даже самодержавнаго, — распространялось и

---

[1]) Въ это время уже были получены доносы Шервуда, Майбороды, Бошняка и графа Витта.

поддерживалось убѣжденіе, что только въ извѣстныхъ конституціонныхъ формахъ, что только въ подобномъ государственномъ устройствѣ заключается достаточная гарантія противъ злоупотребленій власти и ручательство за благотворное дѣйствіе ея какъ для внутренняго развитія государства, такъ и для охраненія его достоинства и народной пользы раціональнымъ направленіемъ его внѣшней политики. Въ то время и въ тѣхъ обстоятельствахъ, о которыхъ говоримъ, для всѣхъ ясно было, что стремленіе къ конституціи дѣлалось вдвойнѣ законнымъ и по признанію превосходства этой формы самимъ правительствомъ, и потому, что вѣдь нельзя же было отказывать Россіи въ томъ, что было даровано Польшѣ. Вотъ почему люди, стремившіеся къ конституціи и считали за собою неотъемлемое право, котораго уже никакое послѣдующее измѣнчивое дѣйствіе правительства не могло нравственно-законно ни уничтожить, ни измѣнить по своимъ прихоти и произволу. Поэтому они имѣли полное право особенно вначалѣ думать, что они вовсе не идутъ противъ правительства, и это доказывалось не только постоянными сужденіями въ этомъ смыслѣ, но и положительными дѣйствіями, а именно тѣмъ, что изъ первыхъ попытокъ организовать общество для достиженія преобразованія вовсе и не думали дѣлать тайнъ отъ правительства. Совершенно напротивъ, даже вполнѣ расчитывали при этомъ на его одобреніе, хотя бы неявное, и содѣйствіе, хотя бы негласное, въ уваженіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ и препятствій, которыя иногда встрѣчаетъ само правительство при рѣшительныхъ преобразованіяхъ, будучи большею частію связано со старинными партіями, наполняющими государственныя должности, вслѣдствіе чего для него бываетъ нерѣдко выгоднѣе предоставить новымъ идеямъ одержать верхъ борьбою частныхъ партій, оставаясь самому въ сторонѣ въ качествѣ безпристрастнаго судьи, нежели принимать непосредственное участіе въ борьбѣ, что оно не всегда считаетъ даже согласнымъ съ своимъ достоинствомъ. При этомъ ссылались на извѣстное участіе императора въ масонствѣ, напримѣръ другихъ государей, и даже Петра I-го и пр.

Но какъ ни благопріятны, повидимому, казались подобныя отношенія къ власти и для людей, стремившихся къ преобразованію, и для государя — нельзя скрывать, что въ характерѣ самыхъ обстоятельствъ, которыя породили ихъ, и таился зародышъ разумному ходу преобразованія, а съ другой разъединившихъ преобразователей съ государемъ и приведшихъ ихъ къ враждебному положенію и дѣйствію противъ него.

Неоспоримо, что и въ томъ, и въ другомъ виновато было само правительство болѣе, нежели люди, стремившіеся къ преобразованію. Оно само во всѣхъ перемѣнахъ пріучало къ излишнему довѣрію силѣ отвлеченныхъ формъ, а превознесеніемъ и чествованіемъ конституціонныхъ формъ поддерживало обычную ошибку смѣшенія сущности свободы съ одною только изъ извѣстныхъ формъ ея историческаго проявленія, съ другой же стороны дарованіемъ конституціи, почитаемой за непримиримаго врага Россіи, побѣжденной и завоеванной Польшѣ, прежде, нежели она была дана побѣдительницѣ ея, самой Россіи,—правительство неизбѣжно положило первый зародышъ сомнѣнія въ искренности

его и недовѣрія къ нему, которыя постепенно все болѣе и болѣе усиливались по мѣрѣ того, какъ начали носиться слухи о еще большихъ выгодахъ, обѣщанныхъ Польшѣ, и въ то же время замѣчали совершенное отсутствіе въ Россіи всякихъ подготовительныхъ мѣръ, которыя служили бы по крайней мѣрѣ ручательствомъ за намѣреніе правительства въ будущемъ. Особенно озадачили всѣхъ колебаніе въ крестьянскомъ вопросѣ и учрежденіе военныхъ поселеній. Стали припоминать о слухахъ, носившихся при началѣ царствованія о положительныхъ обѣщаніяхъ, будто-бы данныхъ при восшествіи на престолъ, но не исполненныхъ и повлекшихъ будто-бы необнаруженный однако же заговоръ [1]) въ гвардіи для понужденія къ исполненію. Даже цѣль самого дарованія конституціи Польшѣ подверглась сомнѣнію, и ее стали толковать, какъ дѣло одного только тщеславія или тонкаго разсчета для пріобрѣтенія популярности и вліянія въ Европѣ мнимымъ либерализмомъ, чтобы потомъ обратить однако-же все въ пользу абсолютизма же. Говорили, что при такомъ разсчетѣ самое дарованіе конституціи Польшѣ тѣмъ легче могло входить въ общій планъ, и тѣмъ безопаснѣе было допустить это, что, какъ очевидно было, пока абсолютизмъ существовалъ въ такой державѣ, какъ Россія, всѣ права въ Польшѣ были только мнимыми, какъ, неимѣющія никакой существенной гарантіи.

Къ несчастію, само правительство многими дальнѣйшими своими дѣйствіями какъ бы поспѣшило подтвердить всѣ подобныя подозрѣнія, такъ что дѣйствительно вскорѣ, то что было въ предположеніи и притомъ у нѣкоторыхъ только, стало представляться явнымъ и несомнѣннымъ и для всѣхъ и начало возбуждать не только уже недовѣріе къ правительству, но и раздраженіе противъ него. Особенно же волновало и оскорбляло общественное мнѣніе, сдѣлавшееся извѣстнымъ, намѣреніе правительства присоединить Литву къ Польшѣ и все, что сопровождало учрежденіе военныхъ поселеній. Не думаемъ, чтобы и теперь еще, послѣ всего того, что раскрыла уже современная исторія, послѣ сознанія всѣхъ горькихъ ошибокъ тогдашняго правительства, есть какая-нибудь надобность подробно объяснять и доказывать, почему нравственное настроеніе общества должно было неминуемо дѣлаться все хуже и хуже.—Теперь, когда и само правительство отреклось отъ антинаціональной политики и отъ уступокъ Польшѣ, когда военныя поселенія уничтожены, и всѣ реформы, указанныя тайными обществами, вводятся въ жизнь одна за другою самимъ правительствомъ,—теперь нельзя перенести себя въ положеніе тѣхъ людей, которые ко всему этому стремились искренно, а видѣли въ то же время полную безнадежность достигнуть этого чрезъ тогдашнее правительство, которое не только остановилось въ прогрессивномъ своемъ движеніи, но еще силилось рѣшительно обратить народъ вспять.

Но если и нельзя вполнѣ перенести себя, какъ сказали мы, въ положеніе людей,

---

[1]) О дѣйствительномъ существованіи этого заговора подробныя свѣдѣнія сообщилъ мнѣ Владиміръ Львовичъ Толстой.

которые обязаны были дѣйствовать въ тогдашнее время, то думаемъ, что всетаки всякій справедливый, не равнодушный къ благу отчизны, человѣкъ легко пойметъ, до какой степени либеральное и патріотическое чувство должно было оскорбляться тѣмъ, что называли прямо измѣною народу въ пользу поляковъ и нѣмцевъ. Оно должно было оскорбляться униженіемъ народнаго достоинства, такъ какъ внѣшняя политика была сдѣлана слѣпымъ орудіемъ чуждыхъ намъ цѣлей и особенно подавленія свободы народовъ съ явнымъ извращеніемъ провозглашенной торжественно христіанской цѣли священнаго союза. Всѣ говорили о противорѣчіяхъ, въ которыхъ запуталось правительство въ дѣлѣ грековъ, когда, дозволивъ было вначалѣ даже выставить кружки при церквахъ для сбора подаяній въ помощь имъ, оно оставило, однако, по вліянію, какъ говорили, Меттерниха, безъ поддержки этихъ самыхъ грековъ, къ которымъ обращалось тогда сочувствіе Россіи за одно со всѣмъ, что только было либеральнаго въ Европѣ. Наконецъ, какая безнадежность для внутренняго развитія являлась въ будущемъ, когда видѣли его воплощаемымъ въ Аракчеевщинѣ и военныхъ поселеніяхъ, въ Магницкомъ и Руничѣ. Честью свидѣтельствуемъ, что самыя порицанія выходили сначала вовсе не отъ революціонеровъ. Всѣ уже, даже самые преданные государю люди, возмущались и не таили своего негодованія, видя униженіе и раболѣпство передъ временщикомъ, доходившее до крайности, и слыша, какъ важныя даже лица не только пресмыкались передъ самимъ Аракчеевымъ, но и льстили грубой его наложницѣ. Сами духовные въ лицѣ Фотія (архимандрита Новгородскаго-Юрьевскаго монастыря) унижали значеніе религіи своими отношеніями къ Аракчееву. И если молодые люди выражали свое негодованіе относительно Аракчеева косвенными намеками, [1]) напр. переводомъ оды о Сеянѣ [2]), то люди самые приверженные къ государю еще болѣе раздражались и открыто толковали (какъ я былъ постоянно тому свидѣтелемъ относительно Ларіона Васильевича Васильчикова) о необходимости положить тому конецъ такъ или иначе. Въ изъявленіи своего негодованія они увлекались даже до того (чему я также былъ свидѣтелемъ), что, забывъ свойственную своему сану важность, пускались въ передразниваніе и представленіе домашнихъ сценъ Аракчеева. Можно себѣ представить, какъ это дѣйствовало на молодыхъ людей.

Къ этому надобно добавить, что вмѣстѣ съ потерею политическаго довѣрія къ правительству, терялось и прежнее расположеніе и уваженіе къ личности государя, но и въ этомъ виноваты были, однакоже, отнюдь не революціонеры, а люди ближайшіе къ нему.

Не знаю, изъ какого источника истекали ихъ дѣйствія,—изъ притупленія ли чувства—дѣла обычнаго при близкомъ обращеніи,—или изъ тщеславнаго желанія вы-

---

[1]) Подтвержденіе этого явилось въ недавно изданномъ «Новгородскомъ Сборникѣ», гдѣ напечатаны письма нѣкоторыхъ лицъ къ Аракчееву.

[2]) Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Губитель дерзостный родной страны своей и пр.

казать, что они тутъ люди «свои», и что для нихъ нѣтъ тайны, только то неоспоримо, что всѣ разсказы и скандальные анекдоты, подкопавшіе окончательно прежнюю популярность Александра I-го, выходили отъ лицъ, нисколько не принадлежавшихъ къ разряду тѣхъ, которыхъ называли либералами, а между тѣмъ эти «свои», эти мнимые преданные не могутъ себѣ и представить, до какой степени воспламеняли они этими разсказами именно самые чистые и искренніе молодые умы и сердца, до какой степени возбуждали негодованіе и способствовали къ превращенію общелиберальныхъ стремленій въ революціонное движеніе.

Чтобы вполнѣ понять это, надобно обратиться къ господствующему въ учебныхъ заведеніяхъ и въ воспитаніи вообще ученію объ основаніи нравственности, и въ особенности объ отношеніи къ власти. Извѣстно, что личной преданности всегда давался перевѣсъ надъ сознаніемъ долга, вслѣдствіе чего обязанности поставлялись въ прямую зависимость отъ личнаго чувства, и начало власти, котораго лицо было только представителемъ, и обязанности, относительно котораго никогда не должны быть зависимы отъ личности, его представляющей, сливались въ одно понятіе. Поэтому, когда личныя дѣйствія представителя власти лишали его расположенія и уваженія, когда они (по мнѣнію вѣрному или ошибочному) доходили до того, что противорѣчили даже христіанской совѣсти, то чувство, законно возмущавшееся противъ дѣйствій лица, возмущалось и противъ власти, нераздѣльно слитой съ нимъ въ понятіи, въ которой видѣли только орудіе обмана и насилія для личныхъ дѣйствій человѣка, а не учрежденіе, всегда необходимое для общества вообще, и въ извѣстной даже формѣ неизбѣжное въ извѣстномъ данномъ положеніи общества. (Легче прощаютъ насиліе силы, чѣмъ обманъ).

При такихъ понятіяхъ о власти, порожденныхъ несомнѣнно вліяніемъ восточныхъ понятій о ней, люди, ищущіе обыкновенно улучшенія не отъ своей личной дѣятельности, а отъ перемѣны обстоятельствъ, обыкновенно возлагаютъ свои надежды на перемѣну лица, но къ несчастію въ то время, о которомъ мы говоримъ, и не ожидали никакого добра ни отъ одного изъ возможныхъ наслѣдниковъ Александра I-го. Ни Константинъ, ни Николай не были любимы, можно даже сказать, что Николай былъ болѣе нелюбимъ, нежели Константинъ. Отъ перваго ничего добраго не надѣялись, припоминая прежнія его дѣйствія. Разсказывали о такихъ неистовыхъ его дѣлахъ, что государь, какъ говорили, хотѣлъ было даже отдать его формально подъ судъ. Со всѣмъ тѣмъ время естественно ослабляло прежнее впечатлѣніе, особенно съ удаленіемъ цесаревича въ Варшаву. Стали даже возвышаться голоса въ пользу его, разсказывали, что онъ вполнѣ перемѣнился послѣ второй женитьбы. Но Николай былъ ненавидимъ, особенно войскомъ, по разсказамъ о настоящихъ его дѣйствіяхъ, по званію его — командира гвардейской дивизіи. И если и были нѣкоторые, которые робко относили его дѣйствія къ умышленному будто бы желанію непопулярности, изъ угодливости государю, не любившему популярныхъ начальниковъ, а хотѣвшему, чтобы всѣ искали единственно его одоб-

репія, то большая часть, напротивъ, относили порицаемыя дѣйствія Николая прямо къ его характеру, и надо сказать, что самые худшіе разсказы въ подтвержденіе этого шли изъ круга людей, самыхъ приближенныхъ къ Константину, и какъ слышанные отъ него самого. Кромѣ того, въ Николаѣ отрицали и образованіе, особенно въ сравненіи съ Александромъ, и потому никто не ожидалъ отъ него возможности искуснаго управленія государствомъ, Должно сказать и то, что супруга Николая, Александра Θеодоровна, вполнѣ раздѣляла его непопулярность. Общая молва въ то время была наполнена разсказами объ ея расточительности для себя и скупости для бѣдныхъ и для служащихъ во дворцѣ, объ ея суровости, доходившей будто бы до поощренія тѣлесныхъ наказаній солдатскихъ женъ и дочерей. Подобные разсказы сдѣлались наконецъ даже ходячими анекдотами между солдатами гвардіи.

Здѣсь будетъ мѣсто сказать нѣсколько словъ въ поясненіе одного обстоятельства, о которомъ и до сихъ поръ существуетъ ошибочное мнѣніе, доказывающее какъ при отсутствіи гласности легко забываются вещи, въ свое время очень извѣстныя. Изъ предшествующаго разсказа видно, что въ числѣ предполагавшихся наслѣдниковъ Александру I-му мы прямо называли и Николая. Между тѣмъ и до сихъ поръ увѣряютъ, что обстоятельство назначенія Николая преемникомъ никому не было извѣстно за исключеніемъ двухъ-трехъ лицъ, упоминаемыхъ въ извѣстныхъ печатныхъ разсказахъ. Можемъ увѣрить совершенно въ противномъ. Я не говорю уже объ общихъ слухахъ, носившихся еще при самой свадьбѣ Николая, и особенно усилившихся при рожденіи у него сына. Положительно еще тогда уже утверждали, что прусскій король не иначе выдалъ свою дочь, какъ при формальномъ обязательствѣ императора, что мужъ ея будетъ его наслѣдникомъ. Когда же дѣло шло о разводѣ Константина, то общіе неопредѣленные слухи перешли въ точную положительную извѣстность о самой даже формѣ назначенія Николая наслѣдникомъ. Было ли прямо узнано или только отгадано содержаніе завѣщанія, сказать не можемъ, но знали, что завѣщаніе существуетъ, и даже мѣсто его храненія было опредѣленно извѣстно. Я даже могу привести именно случай, когда я самъ слышалъ о томъ въ первый разъ, и могу назвать мѣсто, гдѣ, и лицо, отъ кого я это слышалъ.

Въ поясненіе этого, хотя бы лично мнѣ и нежелательно, но необходимо сказать здѣсь для уразумѣнія обстоятельствъ, что въ самой юности моей, можно почти сказать въ дѣтствѣ, старшіе имѣли ко мнѣ необычайное довѣріе. Въ сужденіяхъ обо мнѣ не боялись даже въ моемъ присутствіи приписывать мнѣ не только умъ, но и серьозность не по лѣтамъ. Скромность мою считали испытанною и находили совершенное отсутствіе тщеславія высказывать то, что я знаю [1]).

---

[1]) Я былъ еще почти ребенкомъ, какъ однажды тверской дворянскій предводитель Сергѣй Александровичъ Шишкинъ началъ разсказывать покойному моему отцу въ его

Вотъ почему самыя высшія лица и самыя осторожныя говорили при мнѣ откровенно, и если случалось, что кто нибудь изъ бесѣдующихъ не зналъ меня, то его обыкновенно успокаивали, говоря: «При немъ можно говорить», или: «Это у насъ такой, что при немъ нечего опасаться», или «на него можно во всемъ положиться» и т. п. Къ числу лицъ, особенно любившихъ меня и довѣрявшихъ мнѣ, принадлежала и статсъ-дама двора Екатерины II-ой, кавалерственная дама, вдова извѣстнаго Архарова, императрицы Маріи Ѳеодоровны, Екатерина Александровна, у которой особенно старые вельможи любили говорить обо всемъ, не стѣсняясь, и у которой поэтому всѣ мнѣнія и намѣренія были всегда хорошо извѣстны. Случилось именно такъ, что въ день, когда Сенатъ былъ собранъ не въ обычное время для выслушанія указа о разводѣ великаго князя Константина, причемъ въ этомъ же указѣ содержалось и новое постановленіе, что дѣти даже государя, но отъ жены не изъ царствующихъ родовъ, не могутъ наслѣдовать престола въ Россіи,—сенаторъ Нелединскій-Мелецкій пріѣхалъ изъ Сената. При разсужденіяхъ объ этомъ въ моемъ присутствіи не только ясно было доказано, что это постановленіе равносильно назначенію Николая наслѣдникомъ (такъ какъ неестественно было предполагать, что разъ, что Константинъ вступилъ бы на престолъ, онъ не отмѣнилъ бы акта, лишающаго его дѣтей наслѣдства, и, слѣдовательно, очевидно было, что безъ его отреченія не было никакой гарантіи исполненію постановленія), но прямо говорилось о завѣщаніи въ этомъ смыслѣ и о передачѣ завѣщанія въ Успенскій соборъ для храненія.

II.

Теперь мы приступимъ къ разъясненію самаго важнаго обстоятельства,—а именно какимъ образомъ люди, самые искренніе, самые чистые отъ всякихъ эгоистическихъ цѣлей, люди вполнѣ преданные законности, такъ что строгое исполненіе во всемъ закона было у нихъ какъ бы свойствомъ отъ природы, какимъ образомъ, говоримъ мы, такіе даже люди могли быть увлечены къ насильственному перевороту [1]).

кабинетѣ, гдѣ я постоянно находился,—о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя сопровождали смерть Павла I-го. Батюшка хотѣлъ меня удалить. «Нѣтъ, пусть останется, пусть сохранитъ все это въ памяти. Я увѣренъ, что онъ никому этого не разскажетъ, прежде, нежели это будетъ необходимо», сказалъ Сергѣй Александровичъ.—И дѣйствительно я оправдалъ его увѣренность, и никакое увлеченіе разговоромъ, никакое возбужденіе самолюбія, когда другіе высказывали, что они больше всѣхъ знаютъ, не заставляли меня проговориться о томъ, о чемъ я разскажу ниже и говорю еще въ первый разъ.

[1]) Вотъ свидѣтельство, которое далъ мнѣ уже во время моего нахожденія въ казематѣ второй изъ бывшихъ при насъ комендантовъ, Григорій Максимовичъ Ребиндеръ. Вотъ буквально его собственныя слова: «Или тутъ есть какая нибудь глубокая тайна, или для меня непостижимо, Дмитрій Иринарховичъ, какъ могли принять вы участіе въ насиль-

Нечего обольщать себя только потому, что мы насилуемъ логику. Вѣдь только употребляя этотъ пріемъ логическихъ выводовъ, мы и можемъ заблуждаться до такой степени, что и въ самомъ дѣлѣ можемъ думать, что и внѣ христіанскаго ученія возможно найти какое нибудь доказательство, способное удержать людей отъ всеобщаго поползновенія прилагать въ мірскихъ дѣлахъ правило, что цѣль освящаетъ средства. Нѣтъ. Только одна истинная вѣра можетъ дать убѣжденіе въ необходимости и возможности безусловно побѣждать зло добромъ, уму же это будетъ всегда непостижимо. Всякому доказательству, основанному на какомъ либо относительномъ началѣ, всегда можно противопоставить равносильное доказательство, опирающееся съ равнымъ правомъ на то же самоа начало, по самой двойственности отношеній и взглядовъ, присущихъ всему относительному. На чемъ бы ни захотѣло опереться наше мышленіе, на дѣйствительности ли или на отвлеченіи, оно будетъ неизбѣжно приходить къ одинаковому выводу. Приметъ ли оно за основаніе дѣйствительность, оно встрѣтитъ соблазнъ постояннаго примѣра во всякой изучаемой исторіи. Захочетъ ли основываться на отвлеченныхъ понятіяхъ, оно найдетъ, что все человѣческое — справедливость, польза, право — все относительно и можетъ обсуждаться съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, все стало быть подлежитъ спору *(controverse)*, все заключаетъ взаимныя требованія, вездѣ ставитъ человѣка самого судьею, и, по отсутствію высшаго авторитета, ничѣмъ не связываетъ совѣсть. Только одна истинная религія можетъ установить безусловныя обязанности, — всѣ же человѣческія доказательства не могутъ ничего измыслить, кромѣ относительнаго права, и тѣмъ давая ему власть противопоставлять и самое зло, какъ право, злу, причиняемому противникомъ, противъ всего, что по его мнѣнію можетъ казаться насиліемъ и хитростью, или обманомъ, употреблять точно такіе же насиліе, хитрость и обманъ.

Истинная христіанская вѣра всегда учила, что мы должны вести борьбу не съ плотію и кровію, а съ духовными злыми началами, и потому не ставила никакой земной цѣли, и побѣду надъ зломъ учила одерживать безусловнымъ пожертвованіемъ всего мір-

---

ственномъ переворотѣ. Я хорошо знаю теперь вашихъ товарищей, знаю и понятія ихъ о свободѣ, и поэтому ясно отдаю себѣ отчетъ, какимъ образомъ они могли смѣшиваться съ личными стремленіями, которыя были причиною и незаконныхъ дѣйствій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неуспѣха въ дѣлѣ, но относительно васъ совсѣмъ другое дѣло. Я не говорю о томъ, что всѣ признаютъ въ васъ, и други и недруги, что въ васъ напр. «палата ума», какъ выражаются, что рѣдко у кого найдется такая громада знаній и т. п., — не это дѣлаетъ для меня непостижимымъ ваше участіе въ революціонномъ предпріятіи, а то, что я въ жизнь свою не видалъ такого полнаго олицетворенія законности и справедливости, такого, какъ бы сказать живого воплощенія ихъ, какъ вы. То, что нашему брату при всей искренности желанія не всегда достается при головоломныхъ соображеніяхъ, т. е. какъ слѣдуетъ поступить законно и по справедливости въ такомъ-то трудномъ случаѣ, вы всегда мнѣ разрѣшали такъ легко и естественно, что, право, всегда это казалось простымъ, обыкновеннымъ дѣйствіемъ какой-то врожденной у васъ способности.

скаго, почему и можетъ предписывать безусловныя обязанности и безусловное повиновеніе своимъ предписаніямъ по вѣрѣ въ несомнѣнную законность своего высшаго авторитета. Совсѣмъ иное дѣло во всякомъ человѣческомъ правѣ, гдѣ нельзя доказать никогда безусловной законности, гдѣ для всѣхъ человѣческихъ учрежденій существуетъ только историческая, относительная законность, воплотившаяся даже въ осязательной формѣ въ положительномъ законодательствѣ подъ именемъ права давности, а именно въ приложеніи къ собственности и къ разрѣшенію вступить въ новый бракъ при безвѣстной отлучкѣ одной изъ сторонъ въ теченіи извѣстнаго числа лѣтъ.

Вотъ почему одно только христіанство въ первобытной чистотѣ начальнаго своего развитія не употребляло внѣшней силы, во всѣхъ же другихъ историческихъ явленіяхъ рѣшеніями какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ вопросовъ были сила и обманъ, будь то въ видѣ войны и дипломатики или переворота и происковъ партій. Конечно, всякая сторона воспрещала противной приложеніе правила, что цѣль оправдываетъ средства, но тѣмъ не менѣе сама постоянно прилагала его на дѣлѣ. Вотъ почему иные мыслители дошли даже до того, что представляли человѣческое общество въ состояніи постоянной войны, такъ что войну всѣхъ противъ всѣхъ возводили даже въ общій принципъ. Вотъ почему люди и раздвоили и самую нравственность и установили иную для частнаго человѣка, иную для политика, — и когда напр. дѣлатели фальшивой монеты наказывались смертной казнью, иное правительство само дѣлало фальшивую монету.

Разумѣется, что если одна сторона въ политикѣ дозволяла себѣ то, что осуждала въ другой, то это не могло уже связать ничью совѣсть, — и если признавалось право войны, то, на основаніи человѣческихъ только сужденій, нельзя было отрицать и права переворотовъ. Отъ того мы и видимъ, что они параллельно проходили одни и тѣ же фазисы, оттого въ нихъ являются постоянно тѣ же самыя и до сихъ поръ неразрѣшимыя противорѣчія. Начиная съ библейскихъ сказаній до примѣровъ новѣйшаго времени, мы видимъ, какими иногда жестокостями сопровождается война: военноплѣнныхъ убивали, мучили до членовредительства, ослѣпленія, отрубанія рукъ, обращали въ рабство, въ тяжкія работы, содержали въ тюрьмѣ. Такъ же поступали побѣдившія партіи со своими противниками и во внутреннихъ дѣлахъ. То и другое постепенно смягчилось и междоусобная война, почти вездѣ начинаясь разстрѣливаніемъ противниковъ, кончается признаніемъ ихъ военноплѣнными, и казнь за политическое возстаніе вездѣ почти вышла изъ обычая. Наконецъ, и сами правительства, смотря по обстоятельствамъ, то осуждаютъ, то одобряютъ возстанія противъ другихъ правительствъ.

Покажемъ примѣры и неразрѣшенныхъ противорѣчій въ правѣ войны: одно государство завоевываетъ у другого часть или всю территорію, и, не получивъ права отъ договора съ прежнимъ правительствомъ, требуетъ однако же себѣ присяги и повиновенія отъ жителей. Въ случаѣ исполненія ими требованія, прежнее правительство называетъ ихъ измѣнниками, — въ случаѣ неисполненія, завоеватель поступаетъ съ ними,

какъ съ возмутителями, и не рѣдко одно и то же правительство называетъ возмущеніемъ противъ себя то самое, что въ другомъ мѣстѣ, относительно другого правительства, называетъ геройскимъ сопротивленіемъ. Въ борьбѣ внутреннихъ партій мы видимъ тоже самое явленіе, и жители при всей искренности желанія, не могутъ распутать, слѣдуетъ ли оставаться вѣрными прежнему государству или повиноваться новому. — Такая же аналогія между войною и внутренними переворотами представляется и относительно собственности, и тутъ является одинаковое же неразрѣшимое противорѣчіе. Непріятеля упрекаютъ, что онъ разоряетъ беззащитныхъ жителей, онъ отвѣчаетъ, что всякое превительство хвалится солидарностью съ нимъ всѣхъ подданныхъ своихъ и требуетъ отъ нихъ сверхъ обычныхъ повинностей еще особенныхъ пожертвованій, партизанскихъ дѣйствій и пр. и что, поэтому, онъ имѣетъ полное право уничтожить тотъ источнимъ, изъ котораго враждебное правительство почерпаетъ свою силу, и тѣмъ болѣе, что и само оно при случаѣ не щадитъ своихъ подданныхъ и истребляетъ ихъ собственность, чтобы только лишить непріятеля средствъ въ занятой имъ странѣ. Точно также побѣдившая внутри партія конфискуетъ имущество противной. Ее упрекаютъ, что она наказываетъ невинныхъ наслѣдниковъ, — она отвѣчаетъ, что необходимо отнять силу у противной партіи, и что, и въ частныхъ дѣлахъ всякій платитъ за причиненный имъ убытокъ, хотя бы этою уплатою и разорялись наслѣдники, невинные въ его дѣйствіи и пр. и пр. И такъ внѣ безусловныхъ ясныхъ предписаній чистаго христіанскаго ученія вездѣ являются безъисходныя противорѣчія, вездѣ спорное право, вездѣ человѣкъ самъ судья на основаніи относительныхъ фактовъ и опредѣлеій подлежащихъ противоположнымъ толкованіямъ.

Теперь посмотримъ же, въ какомъ положеніи было, какимъ авторитетомъ пользовалось даже въ воспитаніи то единственное, какъ мы сказали, ученіе, которое могло дѣйствительно обуздать обычное поползновеніе людей прилагать къ дѣлу правило, что цѣль оправдываетъ средства. Было ли православіе живою силою и изучалось ли въ своей сущности, чтобы искать въ немъ приложенія и разрѣшенія для всѣхъ сферъ жизни, или передавалось только, и то не очень усердно, какъ отвлеченное, неприложимое схоластическое ученіе? Было ли оно подтверждаемо живыми примѣрами и логическими выводами изъ тѣхъ знаній и правилъ жизни, на усвоеніе которыхъ воспитанниками наиболѣе настаивали, и которыя находили наибольшее одобреніе въ общихъ понятіяхъ, или было напротивъ опровергаемо всѣмъ этимъ?

Бесѣды тогдашняго времени были очень живы и занимательны, потому что были искренни. Тогда вѣрили еще въ то, что говорили, и вѣрили, что обсужденіе можетъ дѣйствительно привести къ отыскиванію справедливаго разрѣшенія обсуждаемыхъ вопросовъ. Тогда и не думали говорить для того только, чтобы болтать попустому или высказать себя. Напротивъ, всѣми было замѣчено особенное явленіе тогдашняго времени, что молодые люди исчезли изъ всѣхъ круговъ, гдѣ происходила пустая свѣтская бол-

товня или какое либо другое, праздное препровожденіе времени, карты и пр., даже уклонились отъ удовольствій и развлеченій, свойственныхъ вездѣ молодымъ людямъ. Все предалось ученію и серьезнымъ разговорамп не только съ охотою, но, можно сказать, съ жадностью. Впервые начали безпристрастно изучать факты, относящіеся къ отечеству, къ его настоящему состоянію и исторіи не въ томъ видѣ, какъ писали оффиціально историки,—впервые начали изучать результаты и чужаго опыта и мышленія не для удовлетворенія знанія изъ любопытства, или тщеславнаго желанія блистать имъ, какъ было до тѣхъ поръ въ модномъ воспитаніи, но чтобы отыскать въ нихъ приложеніе къ настоящимъ требованіямъ, разрѣшеніе насущныхъ вопросовъ. И что же однако? и основанія, и доводы отыскивались во всемъ, рѣшительно во всемъ, кромѣ... православія.

Да,—дѣйствительно было такъ. Всѣ виды религіи, всѣ философскія системы, внѣ явленія исторіи и законы міра вещественнаго,—все служило основаніемъ для сужденій, изъ всего почерпались доказательства и заимствовались сравненія, въ одномъ лишь православіи не только ничего не искали, но всякая попытка ссылаться въ чемъ нибудь на него до такой степени изумляла, что разговоръ сейчасъ прерывался: «Да, ну ужъ это другое дѣло,—говорили,—тутъ нечего ужъ и разсуждать».

Какъ ни странно можетъ показаться теперь это явленіе, но оно неизбѣжно вытекало изъ того способа, посредствомъ котораго изучалось тогда православіе и изъ тѣхъ основаній, которыя въ дѣлѣ самой религіи принимали люди, считавшіеся самыми религіозными—какъ бы представителями значенія и дѣйствій религіознаго начала.

Нельзя отвергать, что въ Россіи, гдѣ не было открытой, упорной борьбы между христіанствомъ и язычествомъ, гдѣ христіанство входило не путемъ индивидуальнаго обращенія по убѣжденію, а вслѣдствіе принятія массою по распоряженію власти,—оно принято было скорѣе по внѣшней формѣ, нежели въ его сущности, и этотъ характеръ не совершенно изгладился и до сихъ поръ. Стоитъ прочесть хоть обличеніе св. Димитрія Ростовскаго о состояніи духовенства даже въ его время, чтобы понять, могло ли быть истинное разумѣніе христіанства. Оттого вся исторія наша представляетъ непрерывный рядъ противорѣчій съ чистымъ началомъ православія, не въ видѣ частныхъ отступленій по грѣховности личной, а въ видѣ распоряженій и учрежденій, въ видѣ дѣйствій самой власти, имѣющихъ основанія чуждыя или враждебныя православію—начала язычества или отступленія.

Вездѣ у другихъ мы видѣли начала ошибочныя, одностороннія, но они были тамъ въ убѣжденіи, являлись живой дѣйствующей силою, опредѣляющею явленія жизни и поэтому логически связанныя для ума съ нею. Мы же, имѣя начало истинное, чистое, проявившееся поэтому въ правильной формѣ, держались только этой формы, а самое начало держали въ состояніи отвлеченнаго понятія, не только не прилагая его ни къ чему, но даже прилагая ко всему начала ему враждебныя. Разсмотрите всѣ основанія,

по которымъ дѣйствовали тогда такъ называемые религіозные и нравственные люди, и вы увидите, что ихъ основы религіи и нравственныя были заимствованы изъ идей и началъ католицизма, протестантизма, мистицизма, масонства и пр. Разсмотрите доводы, которыми боролись они противъ матеріализма, и вы найдете тѣ же самые источники. Наконецъ, само православное духовенство опроверженіе ложныхъ ученій заимствовало изъ противоположныхъ, одинаково ложныхъ же ученій. Такъ противъ католицизма употребляли аргументы протестантизма и наоборотъ.

Разсмотримъ же теперь не только нѣкоторыя дѣйствія, гдѣ противорѣчіе можетъ явиться безсознательно, но открыто провозглашаемыя ученія, гдѣ то или другое начало принимается и предписывается уже вполнѣ сознательно.

Мы не будемъ уже говорить, что всѣ религіозныя гоненія, сожженія еретиковъ, и у насъ бывшія въ ходу, совершались чисто въ духѣ католицизма т. е. мірскихъ средствъ для духовной цѣли, и совершенно противорѣчатъ православію. Не станемъ распространяться и о Петрѣ I-мъ, который въ религіи былъ протестантъ, а въ политикѣ истый революціонеръ, который изъ религіи дѣлалъ орудіе политики, подчиняя ее послѣдней въ всемъ, и который, заключивъ съ Турціей клятвенный договоръ объ уступкѣ Азова, въ то же время писалъ тайно, чтобы обманомъ медлили при исполненіи, который и въ частныхъ отношеніяхъ людей къ религіи насиловалъ совѣсть въ таинствахъ покаянія и брака, возьмемъ времена ближайшія, въ которыхъ дѣйствія служили примѣромъ, а ученія опредѣляли убѣжденія и понятія нынѣ живущихъ и дѣйствующихъ поколѣній. Мы видимъ напр., что даже въ книгѣ, изданной для дѣтей (сто четыре св. исторіи для дѣтей — Гюбнера) учатъ прямо, что ложь позволительна для доброй цѣли. Мы сами знали начальниковъ, считавшихся образцовыми, удостоившихся даже памятниковъ (покойный адмиралъ Лазаревъ), которые открыто проповѣдывали молодымъ офицерамъ, что христіанинъ не можетъ быть хорошимъ военнымъ офицеромъ и обратно — настоящій военный не можетъ быть христіаниномъ. Мы указали наконецъ въ письмѣ нашемъ отъ 8-го іюля 1862 г. къ московскому митрополиту Филарету, что проповѣдуется и въ настоящее еще время военнымъ людямъ, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ и особенную важность этого потому, что у насъ начальники отдѣловъ правительства и всѣ почти правительства и всѣ почти правители частей государства всегда военные, а ихъ непосредственное вліяніе на народъ и на служащихъ, на возбуждаемыя въ нихъ какъ дѣйствіями, такъ и примѣромъ всѣ понятія, чувства, правила, несравненно сильнѣе, нежели вліяніе религіознаго ученія и торжественно провозглашаемыхъ время отъ времени заявленій отвлеченныхъ началъ.

Въ вышеупомянутомъ письмѣ къ митрополиту Филарету я привелъ ему слѣдующее мѣсто изъ Военнаго Сборника (смотр. 1859 годъ, № 4 за апрѣль мѣсяцъ, библіографія—разборъ статьи Соковича. стр. 590). Дѣло идетъ о Румянцевѣ: «Нельзя не удивляться глубокому уму этого государственнаго человѣка. Румянцевъ опутывалъ своими

сѣтями Крымъ, какъ паукъ опутываетъ вѣрную свою добычу. Хитрость, лукавство, подкупы разнаго рода, систематическое ослабленіе Крымскаго ханства, въ родѣ кровопусканій, подобныхъ выселенію изъ полуострова болѣе 31 тысячи лучшаго христіанскаго населенія, составлявшаго наиболѣе промышленную часть жителей ханства, постоянное возбужденіе Шагинъ-Гирея къ такимъ мѣрамъ, которыя все болѣе и болѣе раздражали противъ него его подданныхъ—все это были въ высшей степени вѣрныя мѣры для доведенія Крыма до того положенія, чтобы онъ безотчетно отдался Россіи.»

Приведя эту выписку изъ Военнаго Сборника, я, обращаясь къ митрополиту, спрашивалъ его:

«Теперь спрошу васъ, можно-ли найти въ тайныхъ инструкціяхъ іезуитовъ, или въ правилахъ «красныхъ» революціонеровъ, или въ наставленіяхъ австрійской политики, считающейся типомъ вѣроломства, можно-ли найти, говорю, что-нибудь безнравственнѣе этого, что-нибудь, гдѣ правило—зло для пользы и цѣль освящаетъ средства—было бы доведено до такихъ крайнихъ ужасающихъ послѣдствій? А между тѣмъ это невозбранно, съ одобренія высшаго начальства печатается въ наставленіе еще военнымъ правителямъ, прилагающимъ эти правила и къ внутреннему управленію.

Вѣдь все, что восхваляется, тѣмъ самымъ одобряется и предлагается къ подражанію.

«Но на комъ же, какъ не на служителяхъ церкви, лежитъ обязанность опровергать и осуждать ложныя начала, подобныя вышеприведеннымъ, публично восхваляемымъ военному сословію? И однако же много и внимательно читая все, что говорится къ проповѣди служителями церкви, я не нашелъ нигдѣ, чтобы они возвысили голосъ противъ этого приложенія тѣхъ же революціонныхъ теорій, что и у всѣхъ революціонеровъ.»

«Но въ то время, когда служители церкви безмолвствуетъ тамъ, гдѣ должны и управомочены *(compétents)* судить, т. е. въ сферѣ нравственныхъ началъ,—они даютъ иногда одобреніе событіямъ въ сферѣ дѣйствій относительныхъ, прилагая печать безусловной истины къ тому, что, будучи внѣ круга общихъ нравственныхъ началъ, можетъ быть, не только не безусловно истинно, но еще ошибочно, и даже — по побужденіямъ и качеству употребленныхъ средствъ, — нравственно-преступно».

«Можетъ ли служитель церкви быть судьею въ дѣлахъ относительныхъ, гдѣ изслѣдованіе ему недоступно и безусловное заключеніе ему невозможно? Что положитъ онъ въ основаніе своего приговора? Объявленіе правительствъ? Но они сами постоянно объявляютъ впослѣдствіи, что въ томъ-то и томъ-то они «ошибались» и пр.

Такимъ образомъ, безпристрастное изслѣдованіе показываетъ, что правительства сами проповѣдывали тѣ же ученія, въ которыхъ упрекали революціонеровъ, и поступали по тѣмъ же правиламъ, которыя осуждали въ противникахъ.

Но подобный образъ дѣйствій «революціонеровъ сверху», какъ объяснялъ я въ томъ же письмѣ, тѣмъ болѣе представлялъ соблазна, что они разрушали ту самую

законность, которой были представителями и которую слѣдовательно признавали хорошею и справедливою, тогда какъ «революціонеры снизу» возставали противъ такого порядка вещей, который, хетя и ошибочно, положимъ, но признавали незаконнымъ и несправедливымъ,—они могли заблуждаться, но ихъ требованія могли быть и чисты уже потому, что требовалось пожертвованіе собою, тогда какъ у «революціонеровъ сверху» не могло быть при нарушеніи ими самими признаваемой законности другихъ побужденій, кромѣ эгоистическихъ и тѣмъ вѣроятнѣе, что они при этихъ случаяхъ не только не жертвовали собою, но еще извлекали себѣ выгоды. Теперь отъ ученій перейдемъ къ дѣйствіямъ и посмотримъ, какіе примѣры подавало само правительство молодымъ испытующимъ умамъ, если бы они захотѣли въ этихъ примѣрахъ искать себѣ наставленія, — что справедливо, и что дозволяется въ сферѣ политическихъ дѣйствій.

Извѣстно, что хотя правило «цѣль освящаетъ средства», искони прилагалось во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, со всѣмъ тѣмъ крайнее развитіе его и всеобщее приложеніе приписывается преимущественно іезуитамъ.

Мы сказали выше, что одно только чистое христіанское ученіе, одно православіе безусловно отвергаетъ вышеупомянутое правило, приписываемое по преимуществу іезуитамъ. Послѣ этого казалось-бы, что среди народа православнаго іезуиты менѣе, нежели гдѣ нибудь могли бы быть терпимы. И что же однако? Именно въ то время, когда они были изгнаны даже изъ самыхъ строго-католическихъ странъ, когда уничтожены были даже папской буллою, они не только удержались въ Россіи, не только сохранили свои имущества, но имъ еще ввѣрено было даже самое воспитаніе. Даже въ отдаленныхъ городахъ, какъ напр. въ Астрахани, у нихъ были училища. Екатерина II, Павелъ и Александръ I покровительствовали іезуитамъ, и если они и были впослѣдствіи высланы, то не ради опасенія тайнаго внушенія ихъ правилъ, а изъ за явнаго обращенія въ католизмъ племянника одного вельможи.

Далѣе—переходило ли, напримѣръ, изслѣдованіе къ самому происхожденію разныхъ правительствъ въ Россіи, оно видѣло цѣлый рядъ революцій, и при томъ при полномъ безучастіи народа, и совершаемыхъ большею частію военною силою, какъ было при возведеніи на престолъ Екатерины I-й, при сверженіи Бирона, регентши и Петра III. Всѣ эти примѣры показывали, что вся Россія повиновалась тому, что совершала военная сила въ Петербургѣ и признавала это законнымъ—и потому несправедливо во первыхъ, чтобы военныя революціи въ Испаніи, Португаліи и Италіи опредѣляли характеръ тѣхъ средствъ, которыми тайныя общества въ Россіи намѣрены были совершить переворотъ,—во вторыхъ, чтобы крайнія средства были заимствованы изъ европейскихъ революціонныхъ идей, а не изъ своей собственной исторіи.

Совершенно напротивъ: чѣмъ образованнѣе были люди въ смыслѣ европейскомъ, тѣмъ болѣе противились они подражанію примѣрамъ, которые представляла собственная россійская исторіи—и если и вынуждены были уступить, то все-таки, усиливаясь при-

дать совершенно иной характеръ тѣмъ дѣйствіямъ, въ которыхъ видѣли прямо вліяніе азіатскихъ, а отнюдь не европейскихъ понятій и привычекъ.

Я долго занимался изслѣдованіемъ вопроса, какой главный аргументъ склонялъ окончательно каждаго члена тайнаго общества къ принятію насильственнаго переворота, какъ дозволеннаго средства для преобразованія государства, и, не только давая самому себѣ ясный отчетъ въ собственномъ рѣшеніи, но и при всѣхъ изслѣдованіяхъ относительно другихъ, получалъ всегда одинъ и тотъ же опредѣленный отвѣтъ: примѣръ Екатерины II. Въ самомъ дѣлѣ, внѣ истиннаго христіанскаго ученія этотъ примѣръ представлялъ непреодолимый соблазнъ уму. Тутъ представлялась неопровержимая дилемма: если Екатерина II, которой всѣ права истекали изъ того только, что она была жена Петра III, имѣла право для блага государства возстать противъ своего мужа и Государя, не отступая и отъ крайнихъ средствъ, то какъ же можетъ быть воспрещаемо подобное дѣйствіе кореннымъ русскимъ, для которыхъ благо отечества составляетъ даже обязанность. Поэтому то, на основаніи этого главнаго примѣра, всѣ разсужденія въ тайныхъ обществахъ сводились къ слѣдующей аргументаціи: или Екатерина II имѣла право такъ дѣйствовать для блага отечества, тогда тѣмъ болѣе имѣетъ право и всякій русскій, или она не имѣла права, и тогда весь порядокъ, ею основанный, есть незаконный, а потому всякій русскій и имѣетъ право не признавать его.

Въ томъ-то и дѣло, что одна только чистая вѣра можетъ предотвращать опасность двойственныхъ сужденій въ сферѣ нравственныхъ обязанностей. Всякій же разъ, что будутъ искать основать законность дѣйствій на чемъ-либо относительномъ, всегда рискуютъ, повторяемъ, встрѣтить противоположную законность, извлекаемую съ одинаковою логикою и правомъ изъ того же относительнаго, и тогда—какъ это всегда бываетъ въ исторіи—одинъ только успѣхъ рѣшаетъ, на той или другой сторонѣ было болѣе соотвѣтствующихъ обстоятельствамъ условій для утвержденія того или другого порядка, который только поэтому и становится въ свою очередь исторически-законнымъ.

Но извѣстно, что авторитетъ религіи только тогда и можетъ дѣйствовать на общія убѣжденія, когда даетъ общія предписанія, когда относится ко всѣмъ сторонамъ и положеніямъ одинаково безпристрастно. Если же употребляютъ его односторонне, то онъ не только не подчиняетъ себѣ и не связываетъ совѣсть, но еще напротивъ производитъ дѣйствіе противоположное, худшее, потому что тогда и въ самой религіи видятъ худшее орудіе обмана. А извѣстно, что люди гораздо легче сносятъ грубую силу, какъ сносятъ дѣйствіе безсознательныхъ силъ природы, нежели обманъ, который для нихъ кажется вдвойнѣ оскорбителенъ, потому что предполагаетъ въ нихъ способность быть обманутыми, т. е. глупость, а такое предположеніе для человѣческаго самолюбія всегда особенно чувствительно.

Здѣсь приходится говорить намъ о многихъ вещахъ, которыя мы упоминали уже въ первой части нашихъ записокъ, но это необходимо потому, что онѣ будутъ разсматриваться

здѣсь съ другой точки зрѣнія. Тамъ мы говорили о нихъ по отношенію ихъ только къ нашему личному развитію и нашей личной судьбѣ, а здѣсь приходится упоминать по отношенію къ общимъ политическимъ событіямъ.

Въ первой части нашихъ записокъ мы показали уже, какъ развитіе нашихъ личныхъ политическихъ понятій шло нераздѣльно съ понятіями религіозными и какъ вносили мы понятіе о необходимости единства закона и началъ во всѣ сферы. Поэтому то, если въ сферѣ міра вещественнаго, мы, помимо тогдашней науки и даже вопреки ей, такъ рано усмотрѣли то, что только теперь сдѣлалось научною истиною [1]), то и въ мірѣ нравственномъ для насъ всегда являлось необходимымъ единство закона какъ для частнаго лица, такъ и для общества и государства, и потому въ нашихъ убѣжденіяхъ законы личные, общественные и политическіе должны были имѣть основной одинъ общій, высшій законъ, а поэтому и могли истекать только изъ религіозныхъ предписаній одной истинной вѣры.

Для насъ по самой силѣ понятія о единствѣ закона человѣческое общество должно было быть подобіемъ совершеннаго человѣка, [2]) въ которомъ основами дѣйствій, истинными двигателями и дѣятелями могли быть только живыя силы духовныя, умственныя, вещественныя, тѣло же только орудіемъ проявленія ихъ. Поэтому для насъ и устройство общественное или порядокъ и свобода, нераздѣльные и немыслимые одно безъ другого, какъ истекающіе изъ того же закона, могли быть, какъ и самый законъ [3]), проявленіемъ только живой силы, органическимъ дѣйствіемъ или явленіемъ, а не чѣмъ либо наложеннымъ или дарованнымъ извнѣ. Оттого же мы всегда и питали въ себѣ и изъявили другимъ убѣжденіе, что ни порядокъ нельзя установить насильственно, ни свободу дать только какъ внѣшнее право, ни законъ почерпнуть изъ отвлеченныхъ соображеній, ни освятить его безъ авторитета высшей силы.

Мы показали также въ своемъ мѣстѣ, по какимъ причинамъ всѣ эти идеи, будучи совершенно правильны, не были однако же достаточно уяснены и подтверждены надлежащими доказательствами по неполнотѣ научнаго у насъ образованія, потому что

---

[1]) Ученики наши, вѣроятно, помнятъ, а нѣкоторые, можетъ быть, сохранили и въ запискахъ своихъ, какъ при нашемъ преподаваніи астрономіи, мы по поводу теоріи Лапласа, доказывали невозможность вполнѣ безвоздушнаго пространства, наполненіе его веществомъ, тождество аэролитовъ съ планетами и пр., а въ физикѣ смотрѣли на разныя силы, какъ на виды и отдѣльныя проявленія одной общей силы и пр.

[2]) Поэтому и исторія, т. е. изложеніе развитія всего человѣчества, должна быть тождественна съ законами развитія человѣка, взятаго въ общемъ смыслѣ, полнаго или, какъ говорятъ, «средняго», вмѣщающаго въ себѣ выводы всѣхъ частныхъ проявленій и въ которомъ уравновѣшиваются всѣ уклоненія.

[3]) По аналогіи и съ міромъ вещественнымъ, гдѣ законъ не есть что-либо отдѣльное, находящееся внѣ условій и средствъ его проявленія.

хоть мы и искали усвоить себѣ все, что наука могла дать и получили даже самыя блестящія свидѣтельства, что будто бы мы усвоили себѣ все вполнѣ, но сама наука была тогда въ Россіи очень недостаточна.

Съ другой стороны уясненію идей и изысканію строго научныхъ доказательствъ мѣшало вліяніе мистицизма, господствовавшаго тогда со всею силою въ обществѣ въ высшихъ сферахъ, вліяніе, которому мы особенно подпали по образу преподаванія намъ высшаго религіознаго обученія. Когда, изучая современныя политическія событія, я ознакомился съ учрежденіемъ Священнаго Союза, то я нашелъ совершенно правильною и мнѣ сочувственною основную идею его, что несовершенства человѣческихъ учрежденій, при неизбѣжной условности и относительности ихъ, могутъ быть смягчаемы и исправляемы только духомъ истиннаго христіанства. Но въ характерѣ моемъ и правилахъ была одна неизмѣнная черта, которая служитъ объясненіемъ всѣхъ моихъ дѣйствій отъ начала и до послѣдняго времени. По искренности ума и сердца, которую во мнѣ всегда признавали и за излишекъ которой даже упрекали всегда мои противники, дорожа больше всего истиною, и потому не упорствуя никогда по самолюбію въ заблужденіяхъ, не допуская въ себѣ никогда развитія страсти и чуждый всякаго интереса, до обвиненія въ беззаботности и нерасчетливости, я никому и ничему не предавался слѣпо, не допускалъ себя ни до пристрастія, ни до предубѣжденія. Поэтому, какъ бы ни былъ я расположенъ къ какому дѣлу или лицу, я всегда зорко наблюдалъ за ихъ дѣйствіями и не закрывалъ добровольно глаза на ихъ ошибки, предостерегая ихъ по самому уже расположенію моему, и какъ бы ни были мнѣ враждебны партіи или лица, старался судить о нихъ безпристрастно.

Съ такими правилами и съ такимъ расположеніемъ, наблюдая поэтому дѣйствія Священнаго Союза, я не могъ не замѣтить радикальной ошибки, въ которую онъ вдался. А для меня убѣдиться въ чемъ нибудь и дѣйствовать согласно убѣжденію, не отступая ни предъ какимъ препятствіемъ, всегда было одно и тоже. Поэтому я и рѣшился указать Священному Союзу ошибку его и предостеречь отъ послѣдствій въ лицѣ главы его—императора Александра I. Я рѣшился написать къ нему о томъ, именно въ то время, когда Священный Союзъ находился въ апогеѣ своего могущества и увлеченія. Я написалъ изъ Лондона императору Александру, когда онъ находился на конгресѣ въ Веронѣ. Въ чемъ же состояла капитальная ошибка Священнаго Союза?

Французскую революцію не въ смыслѣ общественныхъ преобразованій, а въ смыслѣ худшихъ ея явленій, справедливо приписывали безвѣрію, исказившему правильныя понятія о власти и свободѣ, двухъ основныхъ элементовъ устройства всякаго человѣческаго общества. Поэтому, чтобы прочно умиротворить взволнованныя народы и прочно устроить снова разрушенное ихъ устройство необходимо было возстановить истинныя начала власти и свободы, а для этого возстановить истинную вѣру, изъ которой одной они могутъ быть почерпнуты. Но чрезъ кого же и какъ можно было это совершить? Первая

ошибка состояла въ томъ, что обвиняли въ безвѣріи односторонніе народы, забывая, что сами правительства шли въ главѣ безвѣрія. Вторая—что за возстановленіе вѣры взялись тѣ, которые сами ея не имѣли, забывъ, что „*Nemo dat, quod non habit.*“ Третья—что подъ именемъ вѣры разумѣли тѣ ученія, которыя сами уклонились отъ чистой вѣры и потому сами содержали сѣмена невѣрія.

Послѣдняя ошибка особенно ярко бросалась въ глаза, потому что олицетворилась въ видимомъ образѣ—въ тройственномъ союзѣ православія, католичества и протестантства.

Но люди, принимающіе начала чистой, истинной вѣры, могутъ соединяться съ людьми, принимающими искаженное ученіе, только въ дѣлахъ безразличныхъ нравственно-качественныхъ, какъ могутъ дѣйствовать они сообща съ такими людьми, которыхъ ученіе несогласно съ тѣми началами, которыя одни служатъ основаніемъ нравственности? Какъ православіе можетъ дѣйствовать заодно въ дѣлѣ возстановленія вѣры съ католицизмомъ и протестантизмомъ, которые логически приводятъ къ отрицанію истинной вѣры?

Въ другомъ отношеніи очевидно было, что правительства ни коимъ образомъ не могли быть руководителями въ дѣлѣ возстановленія вѣры и истинныхъ началъ власти и свободы по двумъ причинамъ: во первыхъ они сами еще болѣе заражены безвѣріемъ, нежели народы, которыхъ въ томъ упрекали, во вторыхъ правительства, какъ одна только сторона, какъ власть, неизбѣжно могли дѣйствовать только односторонне и тѣмъ самимъ искажать только дѣло, а, слѣдовательно, и уничтожить возможность достиженія цѣли.

Все это и выразилось въ томъ главномъ видѣ, что вмѣсто возстановленія истинной вѣры и истекающихъ изъ нея только одной истинныхъ началъ власти и свободы, принялись за возстановленіе тѣхъ разрушенныхъ формъ ихъ, которыя потому и были разрушены, что происходили отъ искаженныхъ началъ, но которыя, по мнѣнію власти, были выгодны, но только для нея одной.

Все это привело меня къ слѣдующимъ выводамъ и рѣшеніямъ: возрожденіе и благоустройство человѣческихъ обществъ можетъ быть совершено только возрожденіемъ или пробужденіемъ живыхъ силъ въ нихъ, а отнюдь не созданіемъ какихъ нибудь внѣшнихъ формъ. Все дѣло въ томъ, чтобы эти силы были чисты и истинны, и тогда онѣ создадутъ и соотвѣтственныя себѣ, правильныя формы, и, дѣйствуя по живому духу и смыслу, будутъ смягчать и восполнять все, что не включено въ извѣстную форму, такъ какъ никакія человѣческія учрежденія не могутъ вполнѣ обнять всѣхъ проявленій и требованій жизни.

Но всякое живое начало, духъ, можетъ возродиться первоначально только въ живой личности. Тутъ все дѣло въ томъ, лишь бы зародилось живое начало въ одномъ человѣкѣ, и тогда оно можетъ наполнить собою и цѣлые народы и цѣлыя эпохи. Поэтому въ подобныхъ случаяхъ является всегда вначалѣ личный подвигъ.

Всякое истинное живое начало есть всеобщее достояніе, и потому не можетъ огра-

ничиваться въ приложеніи одною народностью. Въ механизмѣ дѣйствія, конечно, и партіи и народъ могутъ быть служебными орудіями, въ которыхъ можетъ начинаться инипіатива дѣла, но никогда партіи не должны ставить себя выше отечества, а самое даже отечество нельзя ставить выше справедливости, что будетъ всегда неизбѣжно, если общее захотятъ присвоить одному только какому нибудь частному.

Нѣтъ надобности дѣйствовать тайно отъ правительства, тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ также и объ упроченіи истинныхъ основаній власти, какъ и о свободѣ, но правительство, какъ одна изъ сторонъ, не можетъ быть общимъ дѣятелемъ. Поэтому тутъ могутъ дѣйствовать только частные люди, вполнѣ посвятившіе себя дѣлу возрожденія и возстановленія истинныхъ началъ. Масонство, предъявляющее подобную же цѣль, потому не можетъ быть признано удовлетворяющимъ своему назначенію, что вышло изъ отрицательнаго односторонняго побужденія и не проявляло самопожертвованія, необходимаго для поддержанія въ чистотѣ всякаго живого начала и запечатлѣнія истины — чѣмъ и свидѣтельствовало, что не имѣло въ себѣ живого начала или духа, а было бездушнымъ механическимъ устройствомъ, основаннымъ на отвлеченномъ только понятіи.

Но участіе государя въ масонствѣ подавало, однако же, примѣръ, что это была вещь возможная, чтобы какое нибудь общество дѣйствовало не тайно отъ правительства, но не какъ его орудіе.

Такъ какъ можно передавать другимъ только то, что самъ имѣешь, то ясно, что всякій, стремящійся къ преобразованію общества, долженъ напередъ совершить это преобразованіе въ самомъ себѣ, хотя бы то требовало совершеннаго перевоспитанія, а такъ какъ сила дѣйствія и успѣхъ зависятъ отъ чистоты дѣйствія, а это отъ нравственной качественности орудій, то и должно ставить всегда качественность выше количественности и не пріобщать къ дѣйствію, не принимать въ союзъ иначе, какъ людей нравственно-надежныхъ, имѣющихъ правильныя понятія и готовыхъ на крайнее самопожертвованіе.

На такихъ то основаніяхъ и должно было быть устроено общество подъ названіемъ Чина или Ордена Вселенскаго Возстановленія.

III.

Я отправился въ походъ вокругъ свѣта подъ вліяніемъ еще впечатлѣній скорѣе благопріятныхъ, чѣмъ враждебныхъ императору Александру I-му. Мнѣніе о немъ далеко еще не высказалось рѣшительно и окончательно въ дурную сторону, какъ было то впослѣдствіи, когда его антинаціональное и антилиберальное направленіе принимали за несомнѣнный и неисправимый фактъ и только спорили о томъ, какъ объяснить либеральное направленіе начала его царствованія. Въ то время, какъ одни думали, что въ на-

чалѣ онъ былъ искренно либераленъ, а измѣнился потомъ подъ вліяніемъ дурныхъ совѣтниковъ и мистицизма, который овладѣлъ имъ, другіе утверждали, что въ характерѣ его всегда было притворство и что начальныя дѣйствія его царствованія легко объясняются необходимостью скрывать истинное свое мнѣніе и расположеніе, какъ вслѣдствіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ вступленіе его на престолъ, такъ и страхомъ, который наводили Наполеонъ и Франція, страхомъ, заставлявшимъ и всѣхъ государей искать опоры и противодѣйствія въ привязанности народовъ и возвышеніи ихъ духа.

Правда, обстоятельства раскрыли мнѣ послѣ, что уже и въ 1822 году раздраженіе и національнаго и либеральнаго чувства противъ Александра I-го было значительно, и тайныя общества работали уже сильно и прямо противъ него, но я за этимъ не могъ уже слѣдить потому, что еще съ исхода 1821 г. занялся приготовленіемъ къ походу вокругъ свѣта, а отправясь въ началѣ 1822 г. въ Кронштадтъ, удалился изъ тѣхъ круговъ, гдѣ имѣлъ возможность наблюдать всесторонне за ходомъ и мнѣній и дѣйствій. Была еще и другая причина, которая заставила меня обратиться сначала къ государю. Какъ по характеру моему, такъ и по правиламъ, я никогда не предполагаю въ человѣкѣ дурного прежде, нежели опытъ докажетъ противное, и самое испытаніе человѣка всегда произвожу, предлагая ему случай къ добру и пользѣ, а не искушаю зломъ, не представляю ему соблазна ни къ чему либо дурному. Поэтому всегда и во всемъ, когда человѣкъ предъявляетъ притязаніе, что стремится къ чему нибудь высокому или полезному, я сейчасъ ищу доставить ему, если могу, случай, доказать искренность своихъ стремленій на дѣлѣ,—и тогда истина неминуемо раскроется, не давая въ то же время предлога и не допуская поползновеній къ чему либо дурному, не допуская прикрывать благовидною наружностью свое безсиліе или свои эгоистическіе виды, какъ часто бываетъ, когда отговариваются неимѣніемъ случая дѣлать добро или ищутъ участія въ дѣлѣ, какъ средства достиженія личной цѣли.

Императоръ Александръ I-й, торжественно провозгласивъ необходимость дѣйствія въ христіанскомъ духѣ для блага народовъ и либеральныхъ учрежденій, какъ гарантіи противъ случайности личностей, заявилъ тѣ же цѣли, къ которымъ и я стремился. Поэтому, и казалось не справедливымъ обойти его, и какъ правителя, и какъ человѣка, не только въ дѣйствіи, но и въ обсужденіи средствъ, изыскиваемыхъ для осуществленія тэй же цѣли, хотя и инымъ путемъ, нежели онъ, можетъ быть, предполагалъ. Къ тому же обращеніе къ нему было съ моей стороны дѣломъ самопожертвованія, и я полагалъ, что не могло быть лучшаго начала предпріятію,—тѣмъ болѣе, что это давало и мнѣ самому необходимое свидѣтельство въ искренности моихъ стремленій. Всякій пойметъ, что дѣйствительно въ этомъ случаѣ необходимо было имѣть больше рѣшимости, нежели даже для участія въ политическихъ событіяхъ 1825 года. Въ послѣднемъ случаѣ я дѣйствовалъ съ тысячами другихъ и рисковалъ только жизнью, которою уже и безъ того рисковалъ не разъ гораздо въ менѣе важныхъ случаяхъ, какъ по роду своей службы,

такъ и по той свойственной мнѣ пылкости, о которой свидѣтельствовали всѣ мои начальники,—въ первомъ же случаѣ я выступалъ одинъ и въ дѣлѣ, которое могло показаться до того страннымъ, что меня могли принять за помѣшаннаго и безъ дальнѣйшихъ справокъ прямо заточить на вѣчное время, какъ и поступали тогда (что и мнѣ было не безъизвѣстно) съ такъ называемыми «пророками», изъ которыхъ нѣкоторые были однако же только въ томъ виноваты, что допускали толкованіе откровеній на основаніи тѣхъ же мистическихъ ученій, которымъ преданъ былъ и самъ глава государства.

Въ первой части нашихъ записокъ разсказали мы, какъ вслѣдствіе письма нашего къ государю изъ Лондона въ Верону, мы были вызваны изъ похода кругомъ свѣта, какъ присоединилось тутъ дѣло о Калифорніи, какъ наводненіе помѣшало назначенному въ тотъ самый день личному объясненію нашему съ государемъ, какъ вслѣдствіе потрясенія его, произведеннаго страшными сценами наводненія, онъ уклонился отъ прямого личнаго изслѣдованія и передалъ дѣло Аракчееву, графу Мордвинову и министрамъ народнаго просвѣщенія и иностранныхъ дѣлъ. Мы разсказали также, чѣмъ кончилось дѣло, какъ министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ и гр. Мордвиновъ (членъ государственнаго совѣта, бывшій нѣкогда и морскимъ министромъ) горячо поддерживали меня, особенно послѣдній, и сохранили и впослѣдствіи ко мнѣ самыя пріязненныя отношенія, но какъ однако мнѣ объявлено было отъ государя, что хотя мои идеи совершенно вѣрны, но неудобоисполнимы въ настоящихъ обстоятельствахъ въ томъ видѣ какъ я предлагалъ ихъ.

Извѣстно, что вслѣдъ затѣмъ Россійско-Американская Компанія вызвалась принять на свой страхъ и отвѣтственность то мое предложеніе, которое относилось къ присоединенію Калифорніи. Извѣстно также, что, сдѣлавъ представленіе о назначеніи меня въ колоніи, чтобы привести въ исполненіе преобразованіе управленія и планъ относительно Калифорніи, давая даже за это огромную сумму денегъ тѣмъ людямъ, отъ которыхъ, какъ думали, зависѣло ускорить дѣло, она получила отъ государя чрезъ морского министра отвѣтъ, что «Государь, будучи доволенъ, что въ службѣ его находятся офицеры съ такими достоинствами, открываетъ мнѣ всѣ пути къ отличію въ Россіи, но отпустить меня въ колоніи не рѣшается изъ опасенія, чтобы я какою-нибудь попыткою привести въ исполненіе обширные мои замыслы не вовлекъ Россію въ столкновеніе съ Англіею или Соединенными Штатами.» Такимъ образомъ, съ одной стороны я былъ введенъ въ непосредственныя сношенія съ государственными людьми и правительственными лицами и сдѣлался невольнымъ наблюдателемъ ихъ дѣйствій, будучи насильственно удержанъ въ Россіи, а съ другой стороны увидѣлъ неодолимое препятствіе своимъ стремленіямъ въ то самое время, когда они выдержали такую рисковую провѣрку и признаны были вѣрными, такъ какъ оспаривалась только ихъ удобоприложимость къ современнымъ обстоятельствамъ и форма или видъ приложенія.

Между тѣмъ и перваго взгляда на все окружающее достаточно мнѣ было, чтобы

показать, до какой степени общественное мнѣніе и либеральныя стремленія измѣнились въ промежутокъ времени отъ отправленія моего въ походъ до возвращенія. Общественное мнѣніе пережило уже тотъ ребяческій періодъ воззрѣнія, когда все слагается на дурныхъ совѣтниковъ, не подвергая отвѣтственности то лицо, которое ихъ выбираетъ, и по личнымъ причинамъ щадитъ и даже возвышаетъ людей завѣдомо вредныхъ и предъ нимъ самимъ даже обличенныхъ въ злоупотребленіяхъ. Что же касается до либеральныхъ стремленій, то изъ общности и филантропической неопредѣленности, они стали переходить въ ясно опредѣляемыя цѣли и потомъ и съ революціоннымъ уже характеромъ.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда Мордвиновъ свелъ меня съ Рылѣевымъ.

Надобно сказать, что адмиралъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, особенно извѣстный въ то время по своимъ рѣзкимъ мнѣніямъ въ Государственномъ Совѣтѣ, считавшійся русскимъ Аристидомъ, былъ попечителемъ Россійско-Американской компаніи и особенно любилъ ее за то, за что и многіе другіе любили ее и дорожили ею. Это было единственное учрежденіе (тогда не существовало еще никакихъ другихъ акціонерныхъ компаній), которое въ общихъ собраніяхъ представляло нѣкоторый образецъ формъ свободы и равенства,—свободы въ обсужденіяхъ дѣлъ, не относившихся къ тѣсной и односторонней сферѣ какой нибудь узкой спеціальности, а обнимавшихъ управленіе цѣлымъ краемъ, и, слѣдовательно, неизбѣжно политическихъ въ нѣкоторомъ отношеніи, равенства—потому, что тутъ не званіе и не положеніе въ обществѣ давало право голоса, а число акцій, и мѣщанинъ былъ равенъ и важному сановнику и знатному вельможѣ.

Поэтому то Мордвиновъ зналъ и Рылѣева, который былъ секретаремъ въ правленіи Россійско-Американской компаніи,—но то обстоятельство, какъ Мордвиновъ познакомилъ меня съ нимъ, показываетъ, что онъ зналъ его и по другимъ отношеніямъ. Когда я бывалъ въ правленіи компаніи, я также видалъ тамъ Рылѣева, но я не замѣчалъ его особенно и не входилъ съ нимъ ни въ какія сношенія, такъ какъ имѣлъ дѣло исключительно съ директорами, и особенно съ Прокофьевымъ, который велъ все дѣло о предположеніяхъ относительно колоній и Калифорніи самъ лично и не довѣрялъ его секретарямъ.

Между тѣмъ, какъ разсказывалъ мнѣ послѣ самъ Рылѣевъ, и онъ, и товарищи его по тайному обществу обратили на меня полное вниманіе съ самаго перваго-же дня моего прибытія. Не говоря уже объ особенныхъ обстоятельствахъ, обратившихъ на меня и общее вниманіе, меня тогда особенно выдвинули на видъ чрезвычайная репутація, которую я имѣлъ во флотѣ и знаніе дѣла,—которое было обнаружено мною на составленной по Высочайшему повелѣнію конференціи по дѣламъ Россійско-Американской компаніи, гдѣ я въ присутствіи многихъ важныхъ лицъ не только одержалъ верхъ надъ уполномоченнымъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ и бывшимъ посланникомъ нашимъ въ Соединенныхъ Штатахъ, сенаторомъ Полетикою, но и превратилъ его изъ отъявлен-

наго противника въ ревностнаго почитателя, тутъ же въ конференціи просившаго меня о личномъ знакомствѣ.

Однажды (это было въ Январѣ 1825 г.) Мордвиновъ прислалъ просить меня къ себѣ въ 7 часовъ вечера. Я нашелъ тамъ уже Рылѣева. Мордвиновъ сказалъ мнѣ, что желаетъ, чтобы я ближе познакомился съ Рылѣевымъ и прибавилъ при этомъ: «Вы достойны быть друзьями».

Съ тѣхъ поръ начались мои политическія сношенія съ Рылѣевымъ и знакомство съ дѣйствіями тайныхъ обществъ, особенно Сѣвернаго. Желая скорѣе заручиться моимъ содѣйствіемъ, они мнѣ сразу все открыли, и тѣмъ поставили нѣкоторымъ образомъ въ безвыходное положеніе. И продолжать независимое дѣйствіе и соблюдать нейтралитетъ между правительствомъ и тайными обществами казалось равно невозможнымъ. Оставалось изслѣдовать, на которой сторонѣ, по крайней мѣрѣ, была относительная справедливость и который путь представлялъ болѣе вѣроятности для улучшенія положенія народа.

Рылѣевъ передалъ мнѣ, что Мордвиновъ, говоря ему обо мнѣ и о необходимости сблизиться со мною, сказалъ ему: «Въ его идеяхъ заключается великая будущность, а, можетъ быть, и вся будущность.»

Но какъ ни живо поражали меня истины, содержавшіяся въ этихъ идеяхъ, оказавшихся вполнѣ вѣрными и послѣ тщательнаго испытанія впослѣдствіи, онѣ не могли однако въ то время, о которомъ я говорю, быть доказаны такими строгонаучными пріемами, какъ теперь. Постоянная примѣсь мистицизма и скептицизма, неизбѣжный результатъ обычнаго образованія и неточнаго разграниченія областей вѣры и науки, искажали и препятствовали дѣлать правильные выводы изъ чистой вѣры и трезвой науки, а между тѣмъ изъ такого моего умственнаго состоянія въ то время истекали для меня два значительныя затрудненія.

Неодолимая сила влекла меня къ дѣйствію по самой живости впечатлѣнія, которое производили на меня истины, представлявшіяся моему уму. Рѣшимость ума и воли была безграничная. Ничто не въ состояніи было остановить мое стремленіе ни къ окончательнымъ выводамъ въ умственной сферѣ, ни къ непосредственному приложенію убѣжденій моихъ на дѣлѣ, никакой страхъ, никакіе расчеты выгоды не удержали меня. Но то, что было такъ живо для меня, не могло быть представлено и доказано другимъ съ такою ясностью, чтобы породить равносильное моему убѣжденіе, а я всегда самъ добросовѣстно искалъ породить въ другихъ убѣжденіе на правильномъ основаніи, а не подчинить себѣ только убѣжденія другихъ какою-нибудь уловкою [1]). Это неизбѣжно должно было породить колебанія и парализовать твердость дѣйствія. Правда, я и тогда

[1]) Орестъ и Вильгельмъ Кюхельбекеръ говорили мнѣ, что я дѣйствительно ищу истинной свободы и люблю ее, потому что свято уважаю ее въ другихъ, въ то время какъ многіе ищутъ свободы только для себя, основывая ее на господствѣ надъ другими.

уже видѣлъ, хотя еще и смутно, что именно служитъ помѣхою правильности человѣческихъ сужденій и, вслѣдствіе того, правильности и твердости дѣйствій, и тогда я уже угадывалъ, что и мистицизмъ и скептицизмъ коренятся въ общей причинѣ, и почти чувствовалъ, что по настоящему слѣдовало бы остановиться въ дѣйствіи; пока не разрѣшу естественнаго требованія, чтобы истины, являющіяся ясными уму, были логически соединены съ опредѣленными, понятными и другимъ, дѣйствіями въ приложеніи, но жизнь политическая кипѣла вокругъ меня и увлекала къ дѣйствію, и кромѣ того люди, добивавшіеся моего участія, подѣйствовали на самую чувствительную струну мою, на всегдашнюю мою боязнь, чтобы въ дѣйствія мои не вкралось даже и безсознательно какое нибудь эгоистическое побужденіе.

Убѣжденный въ правильности и законности своихъ стремленій, я еще до похода вокругъ свѣта пріискивалъ людей, способныхъ усвоить и прилагать къ дѣйствію мои идеи, и какъ отказъ Государя въ содѣйствіи не основывался на осужденіи этихъ идей и моихъ стремленій, а напротивъ онѣ признавались вполнѣ правильными, то я и считалъ себя въ правѣ не видѣть въ отказѣ по крайней мѣрѣ запрещенія дѣйствовать на свой страхъ и отвѣтственность. Конечно, лучше было-бы, какъ я убѣдился впослѣдствіи, ограничиться распространеніемъ чистыхъ идей и вліяніемъ нравственнаго примѣра, устранивъ устройство Символическаго общества, но тогда мнѣ казалось необходимымъ оно какъ для сосредоточенія силы дѣйствія, такъ и для предохраненія людей, принявшихъ мои идеи, отъ вступленія въ другія общества, основы которыхъ должны были быть односторонними. Къ тому же правильность истолкованія символизма вообще еще ослѣпляла меня въ то время и не допустила меня замѣтить, что именно самая вѣрность раскрытія мною истиннаго смысла древняго символизма и была лучшимъ свидѣтельствомъ, что время символизма вообще миновало уже невозвратно.

А между тѣмъ эта ошибка и была причиною, что для того, чтобы сдѣлать общее дѣйствіе возможнымъ, я долженъ былъ сдѣлать уступки людямъ, которые—не потому отвергали символизмъ, смѣшивая его съ мистицизмомъ, что видѣли въ немъ ошибочное приложеніе вѣры, а потому, что вообще вовсе не заботились о высшихъ началахъ и о послѣдовательности, а дѣлали всѣ свои построенія на началахъ второстепенныхъ, не разбирая, къ правильнымъ или неправильнымъ выводамъ они могутъ привести и логичны ихъ дѣйствія или нѣтъ.

Оттого и вышло, что многіе изъ тѣхъ, которые меня же убѣждали пожертвовать моими основаніями, чтобы не ослаблять общаго дѣйствія, и принять обычныя основанія, выработанныя соотвѣтственно тогдашнему образованію, сами отступили однако же передъ требованіями послѣдовательности. Я по свойству своего ума и характера, не отступавшихъ предъ правильностью выводовъ и дѣйствуя на началахъ, предложенныхъ другими, зашелъ дальше и сдѣлалъ больше, нежели сами тѣ, которые мнѣ ихъ предложили, и, пожертвовавъ собою, пріостановилъ развитіе собственнаго своего дѣла. Думаю

однако же, что искренность моя, доведшая меня до такого пожертвованія собою, была вознаграждена именно тѣмъ, что это пожертвованіе и было причиною, что первоначальныя мои идеи, выдержавъ всестороннее испытаніе, могли явиться уже вооруженныя твердо сознанными доказательствами.

Опасность относительныхъ началъ въ томъ и состоитъ, что не существуетъ никакого неизмѣннаго признака, гдѣ выводы ихъ переходятъ за черту справедливости, а обычныя побужденія, которыя обыкновенно удерживаютъ людей отъ логическаго развитія и приложенія относительныхъ началъ, это такія побужденія, которыя, истекая изъ эгоизма, сами вводятъ, хотя и въ другихъ видахъ, то же самое зло, отъ котораго, повидимому, предохраняютъ тѣмъ, что побуждаютъ людей быть непослѣдовательными принятымъ ими началамъ. Оттого-то всегда и вездѣ, времена общественныхъ переломовъ, совершающихся во имя относительныхъ началъ, такъ и опасны для людей искреннихъ, мужественныхъ и безкорыстныхъ, принимающихъ начала со всѣми ихъ послѣдствіями, тогда какъ люди, готовые всегда остановиться изъ страха опасности или по расчету выгоды, переносятъ общественные кризисы гораздо безопаснѣе въ смыслѣ эгоистическомъ, и, отступивъ предъ логическими выводами своихъ началъ, не менѣе того снова хвалятся при случаѣ этими началами, и свое отступленіе прикрываютъ именами умѣренности и искусства. Но какъ эти люди узнаются по совершеніи уже дѣйствія, то вводя вначалѣ въ заблужденіе на счетъ своей искренности, вводятъ въ заблужденіе и на счетъ справедливости, какъ-бы ни старались люди искренніе отыскать, на которой она сторонѣ и въ какой мѣрѣ, что составляетъ однако самый важный вопросъ для людей, рѣшающихся дѣйствовать на основаніи справедливости относительной.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, казалось несомнѣннымъ, что справедливость относительная находилась на сторонѣ противной правительству и называвшейся либеральною. Но къ несчастію слова «либералъ» и «революціонеръ» были тогда уже синонимы, что происходило отъ ошибочнаго понятія о сущности либерализма. Либерализмъ противоположенъ эгоизму, а не какому-либо виду общественнаго устройства, и эгоистъ въ какой-бы партіи ни былъ, какой-бы формы ни являлся партизаномъ, внесетъ неправду во всякую форму—анархическія дѣйствія подъ покровомъ власти и деспотизмъ подъ покровомъ свободы. Оттого-то такъ и легокъ у иныхъ людей переходъ отъ участія въ революціи къ деспотизму и обратно—переходъ, изумляющій только тѣхъ, кто не восходитъ къ высшимъ началамъ, и, поражаясь противоположностью видовъ, не замѣчаетъ, что это только различные виды одной и той-же сущности. Стало быть, одно стремленіе къ насильственному измѣненію внѣшней формы не есть еще ручательство ни за либерализмъ дѣйствующаго лица, ни за улучшеніе быта отъ переворота. Но въ то время, о которомъ я говорю, все это было еще мало разъяснено, и всѣ люди, высказывавшіеся противъ правительственнаго деспотизма и за насильственное ниспроверженіе его, считались за либераловъ. Такимъ-то образомъ въ тайныя общества и вкралось много

людей, не имѣвшихъ ни истиннаго понятія о свободѣ, ни истинно-либеральнаго духа. Они-то и внесли тѣ безплодные толки о средствахъ переворота, изъ которыхъ обвиненіе преимущественно извлекало себѣ пищу, и тѣ споры о формѣ государственнаго устройства, которые раздѣлили тайныя общества и парализировали силу дѣйствія и непосредственную пользу либеральныхъ стремленій.

Съ такими-то по большей части людьми мнѣ пришлось вступить внезапно въ сношенія, когда Мордвиновъ открылъ имъ мое дѣло, а они поспѣшили открыть мнѣ вполнѣ свое. Кто изъ нихъ былъ чистъ и искрененъ въ своихъ побужденіяхъ и кто нѣтъ, могло оказаться только впослѣдствіи, а между тѣмъ необходимо было немедленно рѣшаться, такъ какъ самая ихъ непрошенная, а, можетъ быть, умышленно расчитанная откровенность поставила меня въ безвыходное положеніе, какъ сказалъ я выше.

Другихъ привлекали обыкновенно къ соучастію въ тайныхъ обществахъ сначала намеками или общими выраженіями, и имъ легко было всегда уклониться, отдѣлываясь такими же общими выраженіями или показавъ видъ, что не хотятъ понять намековъ,— но меня, которому все сразу открыли, одно ужъ это знаніе дѣлало прямымъ соучастникомъ, если не открою сейчасъ же всего узнаннаго правительству, а это уже потому являлось немыслимымъ, что, ознакомясь близко съ побужденіями и дѣйствіями правительственной стороны, я убѣдился уже, что въ ней нѣтъ ни искренности, ни правоты, и дѣйствовать противъ противной ей стороны, значило бы допускать усиливаться еще болѣе признанному злу. Къ тому же дурныя свойства многихъ правительственныхъ лицъ были уже несомнѣнно обнаружены, и искренность противниковъ ихъ не опровергалась еще никакимъ фактомъ, и самый рискъ дѣйствія, требовавшаго самопожертвованія, говорилъ скорѣе въ ихъ пользу.

И такъ, оставалось или преклонить ихъ къ своему образу дѣйствій, или соединиться съ ними, или вступить въ борьбу не только въ сферѣ идей, но и какъ обществу съ обществомъ. Но тутъ и оказалось, что устройство собственнаго общества и символизмъ его организаціи возбудили большія затрудненія противъ возможности перваго и третьяго рѣшенія, оставалось только принять второе.

Символизмъ и теперь существуетъ вездѣ не только въ религіозной, но и въ гражданской обрядности, но его легко смѣшиваютъ въ незнакомыхъ предметахъ съ мистицизмомъ, а мистицизмъ былъ тогда въ дурной славѣ по злоупотребленію, которое дѣлала изъ него правительственная партія, и многимъ казалось, что вліяніе мистицизма легко можетъ привести и либеральнаго человѣка въ ту партію. Другое затрудненіе, истекавшее изъ существованія двухъ отдѣльныхъ обществъ, заключалось въ томъ, что въ пріискиваніи членовъ выборъ обоихъ обществъ по необходимости могъ падать на однѣ и тѣ-же личности, а какъ люди, поражаясь тягостью настоящаго положенія, ищутъ прежде всего скорѣйшаго облегченія, то и естественно склоняются въ сторону тѣхъ, кто обѣщаетъ скорѣйшее удовлетвореніе. Къ тому же принятіе моихъ идей требовало глубо-

каго размышленія не подъ силу поверхностному образованію и поэтому отысканіе людей, способныхъ быть принятыми въ мое общество, представлялось дѣломъ крайне затруднительнымъ. Другіе ищутъ союзниковъ, не заботясь о томъ, по какимъ побужденіямъ къ нимъ присоединяются, ищутъ получить согласіе, хотя бы по минутному увлеченію. Я же, который, убѣждая въ чемъ-нибудь другихъ, всегда искалъ сознательнаго убѣжденія и болѣе всего боялся подчиненія своимъ идеямъ по увлеченію или на основаніи недоразумѣнія, я совѣстливо изслѣдовалъ всякое возраженіе, и если не могъ опровергнуть его яснымъ для меня самого доказательствомъ, то это естественно производило во мнѣ колебаніе и ослабляло твердость дѣйствія особенно, когда возраженія соединялись съ обвиненіемъ, что, упорствуя въ своихъ идеяхъ, я, можетъ быть, хоть и безсознательно, дѣйствую по внушенію самолюбія и властолюбія. Впослѣдствіи, когда я, собственнымъ новымъ изслѣдованіемъ всего, нашелъ правильныя доказательства своимъ идеямъ, я не только въ умственной сферѣ, но и на дѣлѣ доказалъ, что существуетъ всегда законный выходъ изъ такъ называемыхъ безвыходныхъ положеній и руководящая нить среди всѣхъ противорѣчій, но въ то время, когда я вступалъ въ совѣщанія съ членами сѣвернаго тайнаго общества, я не могъ ясно доказать другимъ, что исходъ изъ безнадежнаго и изъ безвыходнаго, повидимому, положенія государства могъ быть иной, нежели тотъ, который они предлагали. Вся бѣда въ томъ, что при малѣйшей неясности въ сознаніи высшихъ началъ и непреложности ихъ послѣдствій, всегда будетъ являться неизбѣжная дилемма выбирать не между несомнѣннымъ зломъ и добромъ, а между двумя такими вещами, которыя условно могутъ представляться и зломъ и добромъ. Въ такомъ положеніи представлялись тогда вещи и въ Россіи. Казалось, не было другого выбора, какъ, или раболѣпно подчиняться существующему порядку вещей и сдѣлаться сознательнымъ орудіемъ его деспотизма, стараясь извлечь изъ этого выгоду только для своихъ личныхъ эгоистическихъ цѣлей, или геройски жертвовать собою для насильственнаго ниспроверженія существующаго и установленія лучшаго устройства, что было, конечно, болѣе сочувственно великодушнымъ сердцамъ. Казалось, что или надобно какъ можно скорѣе произвести переворотъ, или допустить, что онъ въ будущемъ сдѣлается еще необходимѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и гораздо затруднительнѣе, и произведетъ еще сильнѣйшее потрясеніе, а не то приведетъ, пожалуй, еще и къ полному разложенію государства. Съ такими то аргументами и выступили противъ меня со всѣхъ сторонъ совѣщавшіеся со мною члены сѣвернаго тайнаго общества.

«Мы смѣло можемъ дѣйствовать противъ васъ», говорилъ мнѣ Рылѣевъ, «не боясь содѣйствовать противной сторонѣ, такъ какъ ваши дѣйствія не ослабляютъ въ ближайшее время правительства, а имѣютъ въ виду улучшеніе его въ отдаленномъ будущемъ, а вы не можете дѣйствовать противъ насъ, потому что, ослабляя насъ, вы будете тѣмъ самымъ усиливать зло деспотизма, а мы убѣждены, что этого ужъ, конечно, вы и не хотите и не сдѣлаете».

«Нейтралитета мы вамъ никакъ не допустимъ, мы говоримъ вамъ это прямо. Вы можете быть намъ полезнымъ союзникомъ, и мы охотно примемъ васъ въ число главныхъ дѣятелей, но, если вы не будете дѣйствовать съ нами, мы будемъ дѣйствовать противъ васъ и вынудимъ васъ или отказаться отъ вашего дѣйствія, или выдать насъ правительству,—а на это, нечего и говорить, вы никогда не рѣшитесь».

«Я не отвергаю», говорилъ онъ далѣе, «что ваши идеи могутъ быть очень возвышенны и принесутъ пользу въ будущемъ, но намъ нужна немедленная помощь, вы сами видите, какія усилія дѣлаютъ, чтобы обратить Россію назадъ. Готова-ли Россія или нѣтъ къ новому порядку вещей—теперь объ этомъ можно, конечно, спорить, но ужъ никакъ за то нельзя сомнѣваться, что при теперешнемъ направленіи, чѣмъ дольше это продолжится, тѣмъ менѣе она будетъ готова».

«Я мало размышлялъ о религіозныхъ вопросахъ», продолжалъ Рылѣевъ, «и мало ученъ, можетъ быть поэтому и не понимаю, какъ можно приложить ваши идеи къ настоящимъ обстоятельствамъ, и на какихъ основаніяхъ могутъ быть примирены противныя стороны. Но я боюсь, что если мы допустимъ ваши идеи, то наши противники воспользуются ими только, какъ орудіемъ противъ насъ, а на нихъ онѣ нисколько не подѣйствуютъ, и они останутся при своемъ и не измѣнятъ своего образа дѣйствій».

«Мы начали дѣйствовать прежде васъ, и за насъ всѣ историческіе примѣры (тогда не существовали еще грустные примѣры Испанско-Американскихъ республикъ), и не будетъ ли самолюбіемъ съ вашей стороны, что вы справедливѣе думаете и будете лучше дѣйствовать, нежели какъ думали и дѣйствовали всегда и вездѣ всѣ другіе въ подобныхъ обстоятельствахъ».

«Мы мало того, что не признаемъ законнымъ настоящее правительство, мы считаемъ его измѣнившимъ и враждебнымъ своему народу, а потому дѣйствія противъ него не только не считаемъ незаконными, но глядимъ на нихъ, какъ на обязательныя для каждаго русскаго, какъ если бы пришлось дѣйствовать противъ непріятеля, силою или хитростью вторгнувшагося въ страну и захватившаго ее и пр. и пр.».

Подобными аргументами искали склонить меня къ общему дѣйствію. Я уступилъ, но коренныя основы наши были слишкомъ различны, и я былъ слишкомъ искрененъ, чтобы слѣпо дѣйствовать, закрывая добровольно глаза на все. По этому дѣйствуя, но въ то же время и наблюдая, я почти съ первыхъ же шаговъ сталъ замѣчать противорѣчія съ самими собою у моихъ новыхъ союзниковъ, и до какой степени отсутствіе высшихъ началъ и односторонность стремленій и направленія парализовали собственныя ихъ дѣйствія, а предпочтеніе внѣшнихъ формъ живымъ органическимъ силамъ дѣлало ихъ болѣе способными къ разрушенію стараго, нежели къ созиданію новаго, и давало возможность втираться въ общество людямъ съ эгоистическими побужденіями, готовымъ принимать всякую внѣшнюю форму, такъ что она у нихъ была не проявленіемъ или выводомъ внутренняго убѣжденія, а только какъ средство для личныхъ цѣлей. Для меня порядокъ

и свобода были проявленіемъ одной и той же силы, не выходящей нигдѣ за предѣлъ должнаго и справедливаго (порядокъ, какъ свободное дѣйствіе) не потому, что ей ставятъ высшія преграды, но по своему собственному свойству самоограниченія и самообладанія, по свойству внутренней гармоніи между всѣми элементами, необходимо выражающейся въ такихъ правильныхъ формахъ, которыя могутъ служить лучшими орудіями для живой духовной силы. Поэтому-то я и не признавалъ возможности устройства общественнаго и государственнаго безъ этой живой силы и считалъ возбужденіе ея главнымъ и начальнымъ дѣйствіемъ, оттого-то и думалъ, что совершеннѣйшая форма можетъ быть созданіемъ не отвлеченныхъ идей и фикцій, а доброкачественной силы и духа, и что поэтому всѣ усилія наши должны быть направлены и словомъ и собственнымъ примѣромъ къ возвышенію нравственности въ народѣ, что въ свою очередь немыслимо безъ чистой религіи, которой ханжество и суевѣріе на столько же чуждо и враждебно, какъ и невѣріе!

Точно также и для истинной нравственности, какъ истекающей изъ одной и той же силы, я не допускалъ никакого раздвоенія, никакого различія, ни смотря по сферамъ, ни смотря по дѣйствіямъ. Для меня единство закона было главнымъ признакомъ истинности во всемъ. Только изъ него и могла истекать твердость нравственныхъ убѣжденій, основанная на убѣжденіи въ такой же непреложности нравственныхъ законовъ, какъ и законовъ міра вещественнаго. Я и тогда уже признавалъ напр. одну только честность, какъ объяснялъ это впослѣдствіи генералъ-губернатору Восточной Сибири Муравьеву, а до того еще Михаилу Петровичу Лазареву по поводу разсказаннаго въ первой части записокъ столкновенія моего съ нимъ за несогласіе мое выставлять цѣны выше заплаченныхъ, хотя онъ и оправдывалъ это требованіе тѣмъ, что этотъ излишекъ онъ хочетъ употреблять не на себя, а на украшеніе фрегата. Я считалъ нечестнымъ дѣломъ не одно только присвоеніе денегъ, но и всякую несправедливость для личной цѣли. Еще менѣе я понималъ, что можно быть честнымъ въ одномъ дѣлѣ и нечестнымъ въ другомъ, платить карточный долгъ равному себѣ и не платить мастеровому, говорить объ улучшеніи быта народа и въ то же время распутствовать, развращая народъ и соблазняя его собственнымъ примѣромъ и тѣмъ отравляя нравственность въ самомъ жизненномъ источникѣ ея, упрекать народъ въ пьянствѣ и самому участвовать въ оргіяхъ. Притомъ для меня всѣ виды зла солидарны между собою и поддерживаютъ одинъ другого, и кто допускаетъ или оправдываетъ одинъ видъ, не представляетъ поруки, что не перейдетъ и въ другой. Опытъ постоянно доказываетъ, что, разгадавъ одну, какъ называютъ, «слабость» у людей, увлекаютъ ихъ въ другія.

Далѣе: свобода, какъ выраженіе силы, должна была, по моему, проявляться преимущественно, какъ начало зиждущее, въ творческихъ дѣйствіяхъ. Отсюда стремленіе и усилія мои и въ совѣщаніяхъ общества направлять обсужденіе на изслѣдованіе и выработку органическихъ положеній и отысканіе основныхъ и справедливыхъ началъ для

нихъ въ живыхъ силахъ и правильномъ сознанiи народа. Наконецъ, въ моихъ понятiяхъ и убѣжденiяхъ, въ полнотѣ совершеннаго организма являлись равно необходимыми всѣ извѣстныя начала или элементы, которые только тогда оказываются несовмѣстимыми и становятся во враждебныя отношенiя одни къ другимъ, когда берутся въ отдѣльности и выражаются въ исключительной односторонней формѣ. Для меня всякая власть, если была не фикцiя, а дѣйствительная сила, была самодержавна, не подлежа другому ограниченiю, кромѣ нравственнаго самоограниченiя или противодѣйствiя такой же силы, и историческiй опытъ доказалъ, что коль скоро эти препятствiя уничтожались, то всякая власть проявлялась и въ формѣ абсолютизма и даже возводила его въ право. Тогда какъ при условiи нравственныхъ силъ въ обществѣ и самодержавная по формѣ и писанному праву власть на дѣлѣ ограничена необходимостью согласоваться со справедливостью, съ нравственнымъ закономъ, съ общественнымъ мнѣнiемъ, особенно въ христiанскихъ народахъ, гдѣ и для имущихъ власть и для подчиненныхъ ей есть равный высшiй законъ, что Богу слѣдуетъ повиноваться паче, нежели человѣку. Для меня и въ каждой республикѣ существуетъ неизбѣжно монархическое и аристократическое начала и въ каждой монархiи начало демократическое, вездѣ есть требованiе равенства, какъ напр. предъ нравственнымъ закономъ, и требованiе безусловнаго подчиненiя вещамъ безразличнымъ нравственно, условнымъ, такъ какъ безъ этихъ взаимныхъ уступокъ общественная жизнь была бы немыслима. Отъ того мы и видимъ, что это подчиненiе нигдѣ такъ строго не выполняется, какъ тамъ, гдѣ допускается наибольшая политическая свобода, вездѣ есть общее требованiе подчиненiя закону, и вездѣ, по невозможности внѣшне выраженному закону (будь то писанный или устный по преданiю) обнять всѣ проявленiя жизни, допускаются исключенiя, подлежащiя суду совѣсти, котораго право помилованiя высшею властiю, а также и право снятiя отвѣтственности *(bill d'indemnité)* и судъ присяжныхъ составляютъ только разные виды. Все дѣло только въ томъ, чтобы всѣмъ этимъ требованiямъ дать соотвѣтственное и законное удовлетворенiе, вмѣстивъ ихъ въ ихъ началахъ, или силахъ въ органическомъ единствѣ, а не въ преобладающей формѣ, исключающей или стѣсняющей другiя, или въ механическомъ смѣшенiи формъ. Во всякомъ общественномъ организмѣ существуютъ вмѣстѣ требованiя и федерализма и унитаризма, всякiй общественный живой организмъ имѣетъ свою конституцiю и пр. и пр.

Но какъ между различными организмами человѣческiй организмъ есть самый совершенный, какъ орудiе, предназначенное для проявленiя высшей силы духовной, то и для организма общественнаго должна существовать лучшая конституцiя—«конституцiя по преимуществу» *(constitution par excellence)*, которую и должно стремиться создать не подражанiемъ внѣшней формѣ, а, возбудивъ въ обществѣ полноту духа и силъ совершеннѣйшаго человѣка,—и тогда и форма устройства общественнаго создастся по человѣческимъ началамъ и требованiямъ, и будетъ живымъ человѣческимъ организмомъ для сознательныхъ и нравственныхъ цѣлей, а не животнымъ организмомъ или бездуш-

ною формою, не соотвѣтствующею характеру живыхъ силъ, которымъ она должна служить орудіемъ.

Всѣ эти вещи, ясныя для меня, не совсѣмъ были понятны для людей, съ которыми мнѣ пришлось теперь дѣйствовать, или, вѣрнѣе сказать, они и не заботились объ отысканіи коренныхъ началъ во всемъ, согласованіи съ ними своихъ дѣйствій, уничтоженіи противорѣчій—и поэтому поводы къ разногласію стали являться на каждомъ шагу.

IV.

Я всегда отдавалъ и отдамъ справедливостъ моимъ товарищамъ и всегда скажу, что у людей дѣйствовавшихъ въ 1825 г. есть одно, чего никакъ нельзя у нихъ отнять и цѣну чего никакъ нельзя уменьшить,—это готовность жертвовать всѣмъ тѣмъ, чѣмъ, люди болѣе всего дорожатъ и чего болѣе всего добиваются въ жизни. Они жертвовали не только жизнью, которою рискуютъ иногда изъ-за пустяковъ, изъ тщеславія, не имѣя притомъ въ виду отвѣтственности въ послѣдствіяхъ, но и состояніемъ и положеніемъ въ обществѣ, и тѣмъ, что имѣли уже, и тѣмъ, что навѣрное имѣли-бы при томъ порядкѣ вещей, который искали измѣнить вопреки своей выгодѣ. Но тѣмъ менѣе-то я понималъ, какъ люди, жертвующіе и подобными вещами, не умѣли жертвовать своими страстями и могли примѣшивать какія-нибудь личныя побужденія. Какъ ни раздражали и ни возбуждали меня противъ иныхъ лицъ извѣстные разсказы о самыхъ возмутительныхъ ихъ дѣйствіяхъ, и раздраженіе и возбужденіе было за такія дѣйствія, которыя относились къ нарушенію общаго блага, а отнюдь не лично ко мнѣ,—и потому у меня дошло почти до формальнаго разрыва съ Рылѣевымъ, когда онъ объявилъ мнѣ, что «хочетъ принять въ члены Якубовича, какъ надежнаго человѣка, потому что онъ одушевленъ личнымъ мщеніемъ противъ Государя». Я такъ энергически и запальчиво возсталъ противъ этого, что Рылѣевъ испугался и вынужденъ былъ сознаться, что онъ утаилъ отъ меня правду, что они уже приняли Якубовича, но что впередъ этого не будетъ, и мое мнѣніе всегда будетъ спрошено прежде принятія кого нибудь въ члены. Я упрекалъ и въ общихъ сужденіяхъ и лично многихъ, что, жертвуя большимъ, они не жертвуютъ прихотями и удовольствіями, отвлекающими отъ серьезныхъ дѣлъ, и не соблюдаютъ чистоты жизни, трезвости и воздержанности, первыхъ условій, чтобы быть свободнымъ и достойнымъ свободы. Я упрекалъ ихъ за отрицательныя большею частію понятія о свободѣ, за предпочтеніе изысканія средствъ къ разрушенію и ниспроверженію существующаго,—изслѣдованіямъ и приложенію къ дѣлу, гдѣ возможно, новыхъ и плодотворныхъ началъ (напр. личнаго дѣйствія въ распространеніи образованія, освобожденіи своихъ крестьянъ, въ службѣ мѣстной и пр.), за преимущество, которое они отдавали разсужденіямъ о

формѣ государственнаго устройства, монархіи или демократіи и пр., изученію понятій и потребностей народа чрезъ непосредственное знакомство съ нимъ, вмѣсто того, чтобы жить для удобства въ столицахъ. И все это тѣмъ сильнѣе осуждалось съ моей стороны, что во всемъ этомъ я видѣлъ неизбѣжные зародыши причинъ неуспѣха дѣла свободы,—и вмѣстѣ съ тѣмъ показывалъ имъ своимъ примѣромъ на дѣлѣ, что можно и должно иначе дѣйствовать,—какъ тѣмъ, что направлялъ всегда, когда лично присутствовалъ, разсужденія къ разсмотрѣнію существенныхъ вопросовъ, такъ и образомъ дѣйствія моего въ Гвардейскомъ экипажѣ.

Что въ донесеніи слѣдственной коммиссіи не могло быть правды, это очевидно уже изъ того, что ни съ той, ни съ другой стороны не было искренности ни въ изслѣдованіяхъ, ни въ отвѣтахъ, и тѣмъ болѣе, что самое положеніе каждой стороны направляло къ искаженію вещей, независимо даже отъ прямого умысла. Были или нѣтъ пытки въ прямомъ смыслѣ, какъ утверждали то нѣкоторые изъ моихъ товарищей, сказать не могу, такъ какъ не могъ имѣть прямыхъ показаній отъ тѣхъ, которые были, какъ говорятъ, имъ подвергнуты,—но то несомнѣнно, что многія вещи были такого рода, что дѣйствіе ими производимое, было равносильно пыткамъ, какъ несомнѣнно и то, что употреблялись постоянно угрозы, вымышленныя показанія, ложныя обѣщанія и подобныя тому уловки негласнаго суда. Поэтому, и другая сторона искала оградить себя и обороняться выдумками, стараніемъ запутать дѣло, и нѣкоторые увлекались до того, что по системѣ искали впутать большее число, особенно такихъ, которые спаслись, уклонившись отъ общества изъ трусости или по расчету.

Кромѣ того, очень понятно, что слѣдственная коммиссія искала представить все, хотя и въ ужасномъ, но въ смѣшномъ видѣ и въ ничтожной силѣ. Вслѣдствіе всего этого и вышло, что серьезныя работы общества, существенныя вещи и дѣйствительное значеніе лицъ ускользало отъ обнаруженія, а явилось несмѣтное количество сплетней и искаженіе представленія о дѣлахъ и лицахъ. Пустые разговоры въ родѣ и нынѣ часто слышимой непочтительной болтовни, принимались за правильныя совѣщанія, а обычныя и нынѣ выраженія, нерѣдко вырывающіяся при взрывѣ досады у людей, которые между тѣмъ въ отвлеченныхъ сужденіяхъ считаются партизанами настоящаго порядка вещей, принимались за обдуманныя намѣренія. Принимали за важныя лица въ обществѣ людей, такъ сказать, наружно выдававшихся, а не разгадали тѣхъ, кто имѣлъ дѣйствительное значеніе, но не выказывалъ его и не облекалъ въ видимую форму.

Въ докладѣ слѣдственной коммиссіи сказано было, что я первенствовалъ въ кругу офицеровъ Гвардейскаго экипажа и другихъ моряковъ, но я первенствовалъ и въ общихъ собраніяхъ, если принять въ соображенія, что, не принимая ни званія директора вообще, ни предсѣдателя совѣщаній, я оканчивалъ всегда тѣмъ, что направлялъ совѣщанія на предметы, которые считалъ существенными, и руководилъ совѣщаніями, какъ

въ особенности это было при обсужденіи объ уничтоженіи крѣпостнаго права [1]), о судѣ, о народномъ войскѣ и пр. И при этомъ вліяніе мое росло и въ общихъ совѣщаніяхъ до того быстро, что возбудило наконецъ зависть въ самомъ Рылѣевѣ, особенно при видѣ и внѣшнихъ успѣховъ моихъ.

Хотя я и считалъ полезнымъ знакомство и съ различными формами государственнаго устройства и общественнаго быта, но требовалъ прежде знакомства съ понятіями, желаніями и условіями быта народнаго, и всякія пренія о формѣ считалъ тѣмъ болѣе преждевременными и вредными даже, что они вносили раздѣленіе, когда предстояло еще столько предварительныхъ общихъ дѣйствій, и давали удобный предлогъ для зависти, ищущей власти. Стоило только во имя какой нибудь формы объявить себя противникомъ людей, защищавшихъ другую, чтобы формировать свою партію, съ тѣмъ, разумѣется, чтобы стать во главѣ ея. А раздѣленіе неизбѣжно, когда идутъ отъ внѣшняго ко внутреннему, когда споръ зайдетъ о преимуществѣ одной формы передъ другою. Монархія и республика, аристократія и демократія, федерація и унитаризмъ, личность и община и пр. являются въ отвлеченной сферѣ съ равными правами для умственныхъ рѣшеній. Эти вопросы успѣли уже раздѣлить общество на Сѣверное и Южное еще до того времени, когда я вступилъ съ нимъ въ сношенія, а раздѣленіе это парализовало и дѣйствія общества вообще и всѣ предначертанія и распоряженія 14-го декабря. Сѣверное общество склонялось къ монархическому правленію и къ необходимости созвать земскій соборъ для освященія переворота общимъ народнымъ согласіемъ, Южное требовало республики и десятилѣтней диктатуры, чтобы приготовить народъ къ свободнымъ учрежденіямъ. Одни говорили, что для народа титулъ Царя необходимъ, другіе возражали, что русскіе самый демократическій народъ, что доказывалось господствомъ вѣча надъ княземъ въ древности, и непринятіемъ майората въ новѣйшее время, не смотря на всѣ усилія даже такого насильственнаго реформатора, каковъ былъ Петръ I. Коренные русскіе стояли за форму унитаризма, полнаго государственнаго единства, говоря, что нечего будетъ желать меньшаго и худшаго, когда будетъ всѣмъ даровано большее и лучшее. Люди же не русскаго происхожденія и нѣкоторые члены общества Соединенныхъ Славянъ, примкнувшаго къ Южному обществу, требовали федеральнаго устройства и по меньшей мѣрѣ мѣстнаго партикуляризма (обособленности учрежденій, а члены польскаго общества—независимости Польши и даже границъ 1772 г.).

Всѣ эти преждевременные споры чрезвычайно огорчали и раздражали меня, такъ какъ я видѣлъ ясно, что не въ преобладаніи той или другой формы, не въ механическомъ смѣшеніи и внѣшней рединѣ должно искать общаго соглашенія, а въ общемъ

---

[1]) Дѣйствіями моими при этомъ совѣщаніи Θеодоръ Николаевичъ Глинка былъ до того доволенъ, что хлопалъ въ ладоши и постоянно вскрикивалъ: «Мала птичка, а когти остреньки».

духѣ и высшей органической силѣ, способной вмѣстить всѣ начала или элементы и доставить каждому возможность дѣйствовать въ соотвѣтственной ему сферѣ къ общей пользѣ, содѣйствуя другъ другу, а не противодѣйствуя, не исключая одно другое, какъ неизбѣжно въ стремленіи къ созданію отдѣльныхъ формъ или видовъ. Я даже устройство экономическихъ видовъ дѣятельности, земледѣлія, промышленности и торговли понималъ не иначе, какъ въ органической связи соревнованія и взаимнаго возбужденія и содѣйствія, а не соперничества и развитія одной отрасли только на счетъ другой и одного народа на счетъ другого.

Вотъ почему, пока другіе истощались въ безплодныхъ преніяхъ, я одинъ набралъ больше членовъ, чѣмъ они всѣ вмѣстѣ, да и приготовилъ ихъ иначе.

Всѣмъ извѣстно, что Гвардейскій экипажъ былъ приготовленъ лучше всѣхъ другихъ полковъ и былъ единственнымъ войскомъ, вышедшимъ на дѣйствіе 14-го Декабря въ совершенномъ порядкѣ и полномъ составѣ, со всѣми своими офицерами. Кромѣ того мои дѣйствія отличались еще и тѣмъ, что, за исключеніемъ дѣйствующихъ на площади и взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, никто изъ другихъ членовъ общества, которые имѣли непосредственныя сношенія только со мною, не былъ арестованъ, за мною не вошелъ въ крѣпость ни одинъ человѣкъ, и только Ѳеопемитъ Лутковскій былъ сосланъ на Черное море, и то за «дружбу» со мною, такъ какъ участія въ обществѣ ему не могли доказать, а отъ меня не могли исторгнуть показанія. Даже и офицеры Гвардейскаго экипажа спаслись-бы, если бы одинъ изъ нихъ (Арбузовъ) по самолюбію не захотѣлъ вступить въ прямыя сношенія съ Николаемъ Бестужевымъ и Рылѣевымъ, помимо моего вѣдома и вопреки моимъ распоряженіямъ,—а другой не сообщилъ о сущности дѣла тому изъ своихъ товарищей, относительно котораго я даже предостерегалъ его.

Надо сказать, что чѣмъ больше толковали о формахъ и о средствахъ къ перевороту, тѣмъ сильнѣе становилось разногласіе и тѣмъ очевиднѣе было колебаніе. Въ такомъ положеніи многіе начали подумывать, не лучше-ли опять возвратиться къ дѣйствію чрезъ само правительство, возбудя въ Государѣ или прежнія либеральныя чувства или опасенія. Для послѣдняго былъ даже составленъ такой планъ: открыть ему существованіе тайныхъ обществъ и неминуемость переворота и доказать, что единственное средство предупредить это состоитъ въ добровольномъ дарованіи конституціи, или по крайней мѣрѣ въ немедленномъ приступленіи къ реформамъ въ самомъ обширномъ размѣрѣ, обѣщая ему въ такомъ случаѣ полную преданность и ревностнѣйшее содѣйствіе членовъ общества. Для исполненія этого плана дѣло состояло единственно въ томъ, чтобы найти человѣка, способнаго на хладнокровное пожертвованіе собою и на столько твердаго, чтобы, открывъ существованіе заговора, не выдать однако его соучастниковъ. Были и такіе, которые думали, что можно достигнуть цѣли косвенно, или анонимными письмами, или подвинувъ на то одного изъ тѣхъ любопытныхъ, которые изъ тщеславія хотѣли знать все, а изъ расчета не хотѣли быть членами общества, но желали бы

извлечь себѣ выгоду изъ своего знанія, не слишкомъ компрометируя себя слишкомъ нѐ благовиднымъ поступкомъ и предъ другою стороною. Такъ объясняли нѣкоторыя дѣйствія Оболенскаго относительно Ростовцева. Сообщая послѣднему все дѣло отъ себя, Оболенскій зналъ, говорятъ, что Ростовцевъ способенъ составить себѣ выслугу изъ доноса, но что его, Оболенскаго, онъ не рѣшится выдать, а объяснитъ, что узналъ все какъ нибудь стороною, а между тѣмъ вліяніе на Государя можетъ быть произведено. Безплодные преждевременные разговоры, которые по самой сущности своей должны были по неволѣ ограничиваться одними словами, и, не имѣя практическаго приложенія, потому и могли быть безконечными, что не сдерживались никакими предѣлами дѣйствительности, и имѣли еще и то прискорбное послѣдствіе, что большая часть старыхъ членовъ «выболтались», какъ говорили. Вся энергичная дѣятельность послѣдняго времени принадлежала преимущественно новымъ членамъ, старые же не только ослабѣли въ дѣятельности, но искали еще уклониться и даже вовсе отстать отъ общества. Иные дѣлали это просто и незамѣтно, но другіе старались оправдать свое уклоненіе разными предлогами, которые, по ихъ мнѣнію, были болѣе или менѣе благовидны и могли оправдать перемѣну ихъ образа дѣйствій. Здѣсь необходимо разсмотрѣть эти предлоги, потому что они составляютъ существенный вопросъ въ развитіи всякаго политическаго и общественнаго дѣла.

Мы глубоко чтили всегда всякое добросовѣстное свободное убѣжденіе, но никогда не допускали и не оставляли безъ обличенія никакихъ недобросовѣстныхъ предлоговъ, какія-бы ни были послѣдствія, которыя это обличеніе намъ могло навлечь.

Добросовѣстное обсужденіе показывало между тѣмъ, что единственный законный поводъ къ уклоненію изъ общества могъ быть измѣненіе мнѣнія на счетъ законности употребленія силы, какъ средства для достиженія либеральныхъ цѣлей.

Но кто, не отрицая этого въ принципѣ, выставлялъ другіе предлоги, чтобы уклониться даже отъ либеральныхъ мнѣній вполнѣ законныхъ, особенно, если употреблялъ эти предлоги для того, чтобы снова перейти на сторону деспотизма, тотъ обличалъ въ себѣ или прямо расчетъ выгоды или безсиліе ума, который не въ состояніи былъ совладать съ противорѣчіями и найти другой вполнѣ законный выходъ кромѣ возвращенія къ старому порядку вещей, осужденному уже его совѣстію. Если человѣкъ отклонялся отъ участія въ обществѣ потому, что сознаалъ ошибочность принципа допущенія насильственныхъ средствъ, то онъ все же не могъ дѣйствовать отрицательно, однимъ уклоненіемъ отъ общества, онъ долженъ былъ только перейти къ другому образу дѣйствій и противодѣйствовать энергически революціи, обличая ошибочность принципа, но не только не извлекая себѣ изъ этого никакой выгоды отъ противной стороны, отъ деспотизма, но преслѣдуя и въ немъ (хоть также и жертвуя въ иномъ видѣ собою) тотъ же принципъ зла для добра, проявляющійся въ произволѣ, въ насильственномъ дѣйствіи власти вопреки закону.

Такъ-ли однако поступали уклонившіеся члены общества? Правда, нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Александръ Муравьевъ, ссылались на измѣненіе мнѣнія о самомъ принципѣ, но заявляли о томъ единственно бездѣйствіемъ, а не какою либо новаго рода дѣятельностью. Другіе ссылались на встрѣченныя препятствія или измѣненія мнѣнія относительно нѣкоторыхъ обстоятельствъ, и тутъ проявилось въ чрезвычайномъ обиліи разнообразіе предлоговъ, причемъ иные увлекались до отрицанія самыхъ очевидныхъ и самыхъ общеизвѣстныхъ явленій, свидѣтельствуя тѣмъ только о явной своей недобросовѣстности.

Были такіе, которые вдругъ начали говорить, что, разсмотря дѣло обстоятельно, они убѣдились, что нашъ народъ такъ невѣжественъ и испорченъ, что и не стоитъ лучшаго правительства, что «по Сенькѣ и шапка». Другіе пугались препятствій, неготовности Россіи къ лучшему порядку вещей, малаго еще числа дѣятелей и пр., какъ будто не въ томъ состояла задача и заслуга, чтобъ именно, жертвуя собою, приготовить неготовое, безпрестанно расширять размѣры малаго,—какъ будто измѣненіе всякаго порядка вещей во всѣхъ сферахъ не начиналось всегда съ единичной даже силы, съ извѣстной личности, вносившей новую идею или начинавшей новое дѣло. Наконецъ, были и такіе, которые притворялись, что будто-бы они убѣдились въ ошибкѣ своей на счетъ чувствъ народа, тогда какъ не было очевиднѣе факта, до какой степени Государь потерялъ въ послѣднее время уваженіе и расположеніе народа, до какой степени великіе князья были нелюбимы, особенно въ гвардіи,—такъ что даже солдаты смотрѣли положительно неблагопріятно на тѣхъ офицеровъ, которые искали у нихъ пособія, и называли ихъ «княжескими лакеями». Между тѣмъ подобная неискренность, подобный образъ дѣйствій многихъ старыхъ членовъ общества, заставлялъ искренно-либеральныхъ изъ новыхъ членовъ общества очень сожалѣть о томъ, что они не могутъ дѣйствовать за одно съ Государемъ, какъ могли дѣйствовать либеральные люди, пока онъ не измѣнялъ своего либеральнаго образа мыслей. Они были бы, конечно, ему самыми ревностными сподвижниками, и, какъ бы ни были велики препятствія, идущія отъ народа, какъ бы медленно ни шелъ прогрессъ, но если бы было только какое нибудь ручательство въ конечной цѣли стремленія къ тому правительства, то они готовы были ждать терпѣливо. Къ несчастію, въ концѣ царствованія Александра I-го все направлялось въ Россіи такъ, что способно было привести въ отчаяніе самыхъ преданныхъ людей и тѣмъ болѣе усиливало соблазнъ ухватиться за насильственный переворотъ, какъ за единственное остающееся средство къ спасенію народа.

Искренніе члены общества также уже мало надѣялись на общій успѣхъ, особенно при видѣ дѣйствій старыхъ членовъ. Но въ виду той страшной дилемы, которая имъ предстояла, или допускать расти злу, оставаясь въ бездѣйствіи, въ виду систематическаго подавленія въ народѣ всякихъ началъ истины и справедливости и неизбѣжнаго отъ того худшаго еще его развращенія, или сдѣлать попытку къ перевороту безъ на-

дежды на успѣхъ и съ несомнѣнностью пожертвовать собою, они великодушно избрали послѣднее на томъ основаніи, что во всякому случаѣ они провозгласятъ народу самою уже попыткою новыя начала, какъ цѣль стремленій, и тѣмъ рѣзко разграничатъ будущее отъ всего прошедшаго, предотвратятъ дальнѣйшее развращеніе народа и самодовольное упоеніе успѣхомъ деспотизма и его безпечность. Они были увѣрены, что какъ бы ни судили объ ихъ предпріятіи, оно неизбѣжно въ нѣдрахъ не только народа, но и самого правительства возбудить движеніе, которое уже не остановится, въ какомъ бы видѣ послѣ не выражалось, что, внеся идею свободы со всѣми ея неизбѣжными послѣдствіями—освобожденіемъ крестьянъ, самоуправленіемъ, судомъ присяжныхъ, преобразованіемъ войска, отмѣною тѣлесныхъ наказаній, народною политикою, покровительствомъ одноплеменнымъ и одновѣрнымъ народамъ и даже соединеніемъ съ ними и пр., они, заставя думать о всѣхъ этихъ вопросахъ, изучать ихъ, заставятъ само правительство осуществлять постепенно эти вещи и тѣмъ скорѣе, что раскрытіе во всей полнотѣ всѣхъ злоупотребленій, угрожающихъ естественно и неизбѣжно попытками къ перевороту, чтобъ избавиться отъ нихъ, покажетъ правительству необходимость реформъ, какъ единственнаго средства предупредить опасность, А было также несомнѣнно, что одна реформа всегда влечетъ за собою другую, что во всякомъ случаѣ пагубный застой прекратится, и было бы только движеніе, а тогда дѣйствительныя потребности найдутъ себѣ удовлетвореніе и правильное выраженіе, когда указанныя самимъ предпріятіемъ правильныя идеи завоюютъ себѣ законное мѣсто въ понятіяхъ народа.

Правда, не разъ слышалось потомъ неправильное мнѣніе, что будто бы либеральное движеніе, кончившееся 14-мъ Декабря, не привело ни къ какимъ результатамъ и даже будто бы дало результатъ отрицательный, напугавъ правительство. Какъ будто это было возможно! Уже одна необходимость, въ которую было поставлено правительство, доказать, что оно хочетъ и можетъ сдѣлать больше и лучше [1]), заставляло его думать серьезно объ улучшеніяхъ и о мѣрахъ къ прекращенію злоупотребленій, и если оно не всегда придумывало удачныя мѣры, то тѣмъ не менѣе не могло уже отрицать обязательной для себя цѣли ихъ, и, дѣйствуя уступками, хотя и по своему расчету и для своихъ видовъ, всякою перемѣною само должно было возбудить движеніе и вызывать на размышленіе. Все это подтвердилось и первымъ манифестомъ и послѣдующими дѣйствіями—паденіемъ Аракчеева и военныхъ поселеній, ссылкою Магницкаго и преобразованіемъ ученья, участіемъ въ судьбѣ грековъ и принятіемъ мѣръ противъ злоупотребленій, учрежденіемъ жандармовъ и пр. и пр., т. е. стараніемъ рѣшить хоть на свой ладъ, но тѣ же самые вопросы, которые были подняты и обществомъ. А какъ этимъ путемъ они никакъ не могли быть рѣшены, то и пришлось волею или неволею обра-

---

[1]) «Зачѣмъ вамъ революція?»—сказалъ мнѣ Николай Павловичъ,—«я самъ вамъ революція: я самъ сдѣлаю все, чего вы стремитесь достигнуть революціею»,

титься къ либеральнымъ идеямъ и необходимости преобразованія въ либеральномъ смыслѣ, что было еще тѣмъ неизбѣжнѣе, что многіе изъ уцѣлѣвшихъ членовъ общества достигли высшихъ положеній и не могли не внести въ правительственную сферу своихъ прежнихъ либеральныхъ понятій.

Дѣло въ томъ, что при поверхностномъ наблюденіи не всякій въ состояніи уловить переходы движенія и разнообразные виды, въ которые оно переходитъ. Мы знаемъ однако же подобное явленіе и въ вещественномъ мірѣ. Движеніе, прерванное непреодолимою преградою, повидимому, вполнѣ его прекращающею, не исчезаетъ, однако, безслѣдно и переходитъ въ возвышеніе теплоты и пр.

Всѣ лица, которыя чрезъ меня приняли участіе въ политическомъ предпріятіи, согласно засвидѣтельствовали, что я не только не обольщалъ ихъ вѣрнымъ успѣхомъ, но напротивъ постоянно поставлялъ имъ на видъ, что они должны готовиться быть вѣрными жертвами. Оттого-то они и дѣйствовали лучше, чѣмъ другіе. Осуждать участіе въ безнадежномъ предпріятіи съ точки зрѣнія мірского благоразумія значитъ не знать исторіи ни одного изъ великихъ движеній, преобразующихъ человѣчество. Ошибка не въ томъ, что участвовали въ предпріятіи, когда оно не представляло еще случайностей успѣха, а въ томъ, что допустили въ дѣйствіе тѣ же неправильныя средства, которыя, хотя и въ другомъ видѣ, но были ими же осуждены, когда ихъ постоянно употребляли ихъ противники. Что же касается до вѣроятности успѣха, то всякое великое предпріятіе всегда для начала и нуждалось именно-то въ такихъ людяхъ, которые, дѣйствуя по убѣжденію въ истинѣ, не могли расчитывать на близкій успѣхъ, и были готовы жертвовать собою, такъ какъ это одно представляетъ ручательство за чистоту побужденій, тамъ же, гдѣ предстоитъ вѣрность успѣха, всегда явится много людей, которые присоединяются къ дѣлу по эгоистическому расчету пожать плоды чужихъ трудовъ, не рискуя даже ничѣмъ. Эти-то люди и вносятъ порчу потомъ во всякое благое дѣло, какъ были и въ самомъ даже христіанствѣ втершіеся учители, которые извлекали себѣ выгоду, проповѣдуя нечисто даже Христа—высшую истину и святость.

Мы должны были распространиться обо всемъ этомъ потому, что нашлись потомъ люди, которые искали составить себѣ репутацію изъ самаго уклоненія отъ общества, репутацію людей умныхъ и дальновидныхъ въ томъ, что предвидѣли неуспѣхъ и усмотрѣли тщету стремленій. Но повторяемъ, что можно было законно отбросить революціонныя средства, но никакъ не измѣнить либеральный образъ дѣйствій и либеральныя стремленія,—и кто былъ искрененъ въ нихъ, никогда уже не примирится съ деспотизмомъ, хотя бы и сдѣлался противникомъ революціонныхъ теорій. И самый деспотизмъ смотритъ на нихъ, какъ на такихъ враговъ, которые для него хуже революціонеровъ, потому что съ ними сдѣлка невозможна, тогда какъ при неискренности либеральныхъ идей, революціонеры легко переходятъ на сторону деспотизма, а партизаны деспотизма дѣлаются революціонерами.

Вообще всѣ тѣ, которые возстаютъ противъ революцій не во имя христіанскаго начала, одинаково осуждающаго [1]) и противную сторону, противонравственное, раболѣпное повиновеніе деспотизму, забываютъ, что всякому органическому тѣлу угрожаетъ не одна опасность болѣзни воспалительнаго только свойства, а что существуютъ и другія болѣзни свойства еще болѣе гибельнаго. Горячку сильный организмъ переноситъ еще и возстановляетъ свои силы, но болѣзни худосочія, чахотка, антоновъ огонь и пр. вѣрнѣе ведутъ органическое тѣло къ разложенію. И, конечно, изъ двухъ сторонъ, поступающихъ не по христіанскимъ началамъ, а по обычной мірской мудрости, наиболѣе виноватою является та, которая, будучи представительницею и блюстительницею закона, сама нарушаетъ его произволомъ, сама истребляетъ всякое понятіе о законности, и, разрушая нравственность, подкапываетъ главное основаніе и жизненную силу уваженія къ закону.

Есть еще одинъ родъ революціонеровъ, которые для правительства гораздо опаснѣе, нежели тѣ, которыхъ обыкновенно называютъ этимъ именемъ,—это его собственные агенты, люди, облеченные властію, но которые ради ложной популярности или для прикрытія своего деспотизма, сами проповѣдуютъ молодымъ служащимъ при нихъ оправданіе насильственныхъ дѣйствій или чисто революціонныя теоріи, увѣряя въ то же время правительство въ безусловной своей ему преданности. Разумѣется, дѣйствуютъ они такъ въ полной увѣренности, что ихъ обличить никто не рѣшится и что прикроютъ постыдныя свои эгоистическія цѣли облагороженнымъ видомъ дѣйствій по принципамъ. Между тѣмъ изъ подчиненныхъ такимъ начальникамъ, которыхъ я называлъ всегда деспотами-революціонерами, одни, смекнувъ въ чемъ дѣло, несмотря на проповѣдуемыя ими въ угоду начальнику революціонныя теоріи для либеральныхъ будто бы цѣлей, становятся самыми гнусными орудіями начальническаго произвола. Этихъ я называлъ холопами-революціонерами. Другіе, болѣе простодушные, принимаютъ и впрямь проповѣдуемыя имъ теоріи, а когда выкажутъ это въ какомъ нибудь дѣйствіи, то само собою разумѣется, что начальники не только отъ нихъ отступятся, но нерѣдко случается, что въ качествѣ судей сами же еще осудятъ ихъ во имя того самаго закона, который нарушать и презирать учили ихъ и въ отвлеченныхъ сужденіяхъ и на дѣлѣ, собственнымъ примѣромъ и прямыми приказаніями.

V.

Но независимо отъ вопроса о будущей формѣ правленія, раздѣлившаго общество, былъ еще важный вопросъ о національностяхъ, возбуждаемый польскимъ тайнымъ обществомъ.

---

[1]) Христіанское ученіе говоритъ, что Богу надлежитъ повиноваться паче, нежели людямъ, и безбоязненно возвѣщать истину царямъ и народамъ.

И въ этомъ отношеніи, мои понятія о государственномъ единствѣ и національности во многомъ отличались отъ понятій какъ членовъ общества, такъ и позднѣшихъ мыслителей, и я всегда указывалъ какъ прежде, такъ и до послѣдняго времени, что причина безъисходныхъ, повидимому, противорѣчій какъ у тѣхъ, такъ и другихъ, заключалась единственно въ томъ, что не додумывались до коренныхъ причинъ или началъ и что элементамъ, которые имѣли значеніе только въ связи съ другими, искали придавать всеобщее значеніе. Отсюда истекали тѣ ошибки и во внѣшней политикѣ, на которыя я указывалъ постоянно еще съ того времени, особенно въ такъ называемомъ Восточномъ вопросѣ. Кромѣ того, для меня и всегда было ясно, какъ тогда, такъ и теперь, что когда возникаетъ слишкомъ много вопросовъ, то это вѣрный признакъ, что существуетъ какой нибудь коренной вопросъ, который или вовсе не разрѣшенъ или разрѣшенъ неправильно.

Сколько запомню себя, съ самой ранней поры моихъ размышленій, понятія мои обо всемъ, относящемся къ человѣчеству и подлежащемъ человѣческимъ условіямъ (былъ-ли то отдѣльный человѣкъ, или народъ и другое какое соединеніе людей для общественной цѣли, или наконецъ все человѣчество) всегда соединялись съ представленіемъ живой органической силы. Изъ этого истекали два необходимыхъ слѣдствія: первое, что крѣпость государственнаго единства должна заключаться въ качествѣ и крѣпости его внутренней органической силы и правильнаго устройства для лучшаго ея дѣйствія,—второе, что внѣшнія, такъ сказать, механическія дѣйствія, могутъ имѣть только отрицательное значеніе. Поэтому, усвоеніе своей народности, своей вѣрѣ, своему ученію можетъ быть только дѣйствіемъ превосходства одной внутренней силы надъ другою, а не насильственнаго принужденія внѣшнею силою, которой единственное правильное дѣйствіе и значеніе можетъ состоять только въ устраненіи препятствій для свободнаго, открытаго проявленія внутренней силы.

Народъ, въ истинномъ смыслѣ слова, не можетъ быть образованъ искусственно, онъ есть органическое порожденіе и всегда зачинается исторически отъ соединенія разныхъ элементовъ. Вѣра, языкъ, племенность, общность выгоды, вслѣдствіе занятія одной мѣстности, характеръ, привычки, самыя физическія условія, какъ породы, такъ и страны, опредѣляющія наиболѣе свойственныя занятія, все это входитъ въ составъ народа, какъ жизненныя функціи, какъ различныя системы (нервная, мускуловъ и пр.) въ органическомъ тѣлѣ, гдѣ всѣ онѣ производятъ общее дѣйствіе, но ни одна не можетъ быть выдѣлена, ни взята отдѣльно, ни почитаема исключительно необходимою, ни даже получить преобладаніе безъ вреда общей гармоніи, составляющей потребность для всякаго здороваго организма.

Вотъ по этимъ то понятіямъ я никогда не былъ согласенъ ни съ тѣми, которые, признавая право національности безусловнымъ, думали, что завоеванная Польша имѣетъ право на отдѣленіе отъ Россіи, на самобытное существованіе, ни съ тѣми, кто хотѣлъ

сдѣлать поляковъ русскими посредствомъ насилія или какихъ-нибудь уловокъ. «Разрѣшите русскій вопросъ,» говорилъ я, «тогда всѣ вопросы разрѣшатся сами собою отъ превосходства органической силы русскаго народа.»—«Но само правительство,» возражали мнѣ, «потворствуетъ полякамъ и нѣмцамъ».

«А что же это значитъ?» отвѣчалъ я, «это значитъ только то, что внутренняя сила русскаго народа такъ еще слаба, такъ мало еще развита, что не можетъ даже заставить собственное правительство дѣйствовать въ національномъ духѣ, соотвѣтственно народнымъ потребностямъ. Стало быть, во всемъ и для всего слѣдуетъ всетаки начать съ того, чтобы развивать свою внутреннюю органическую силу, а какъ качественность силы не зависитъ отъ ея объема, то начните съ самихъ себя. Тутъ нѣтъ оговорокъ и препятствій, а вполнѣ открытое поприще для личнаго подвига, такъ какъ величайшая сила духа, способная воодушевить и цѣлый народъ и цѣлую эпоху, можетъ зародиться и въ единичной живой личности. Сдѣлаемся сами тѣмъ, чѣмъ хотимъ сдѣлать другихъ, и только тогда, когда въ состояніи будемъ предлагать большее и лучшее, можемъ надѣяться на успѣхъ, всегда несомнѣнный тамъ только, гдѣ дѣйствуетъ нравственная сила, а не внѣшнее насиліе. Мы имѣемъ уже и собственныя историческія доказательства и того и другого. Россія, даже при всѣхъ ошибкахъ ея правительства (поощрявшаго магометанство и поддержавшаго распадающееся ламайство), усвоила себѣ племена финскія и татарскія, единственно вліяніемъ превосходства надъ ними своей внутренней силы, а въ то же время, дѣйствуя насиліемъ противъ раскола, не только не ослабила его, но усилила и распространила. Но относительно европейцевъ, что могли бы мы предложить имъ? Одно только подражаніе ихъ же внѣшности, но безъ сущности, составляющей главное, безъ которой все внѣшнее бываетъ смѣшно или безсильно. Поэтому-то поляку, который будетъ прикидываться русскимъ, я никогда не повѣрю, пока Россія не представитъ сама такого устройства и обезпеченія, которыя могутъ для всякаго сдѣлать желательнымъ быть русскимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что могла представить тогда Россія для человѣка, уважающаго въ себѣ человѣческое достоинство, если и до послѣдняго времени она была въ такомъ плачевномъ состояніи, какое, вопреки всѣмъ прежнимъ отрицаніямъ, обнаружила Крымская компанія? Не одни революціонеры, о которыхъ можно было еще думать, что они говорили такъ для оправданія своей попытки, но, какъ извѣстно, и люди самые преданные правительству, и наконецъ само правительство, осудили весь бывшій порядокъ вещей собственными признаніями и такими юридическими даже доказательствами, какими не могли располагать тогдашніе революціонеры, какъ ни были нравственно увѣрены въ достовѣрности прискорбныхъ фактовъ.

Не говоря уже о крѣпостномъ правѣ, развитіе котораго даже вопреки уже сознанію и провозглашаемымъ правиламъ фактически продолжалось до конца царствованія Александра I, не говоря о безправіи всего низшаго сословія, относительно котораго го-

сударственная администрація являлась въ видѣ еще худшемъ самой помѣщичьей власти; даже люди привилегированныхъ сословій лишены были всякаго обезпеченія ихъ личности и собственности. Произволъ самый дикій, насиліе и взяточничество, протекція и подкупы, развратъ и обманъ заражали всѣ сферы государственной и общественной жизни и были господствующими средствами для достиженія житейскихъ цѣлей, какъ у высшихъ, такъ и у низшихъ. Само правительство открыло теперь, что такое былъ судъ, составляющій однако коренную опору для человѣка въ государственной и общественной жизни. Теперь вдоволь было высказано, какъ сдѣлали изъ религіи государственное и общественное лицемѣріе, изъ воспитанія—растлѣвающую среду. Даже относительно того учрежденія, которымъ мы болѣе всего хвалились—относительно войска, теперь обнаружено, что оно имѣло только внѣшній видъ и лоскъ европейскихъ армій, а по устройству и обращенію съ солдатами скорѣе всего походило на азіатскія полчища, или безсознательную силу машины, неспособную бороться съ разумно организованною силою.

Вотъ почему и относительно внѣшнихъ успѣховъ нашихъ со стороны Европы мы должны, отстраня народное самолюбіе и говоря безпристрастно—мы должны сознаться, что обязаны не столько своей собственной нравственной силѣ, сколько раздѣленію европейскихъ державъ, употреблявшихъ Россію, какъ орудіе, что и давало ей случай и возможность извлекать себѣ внѣшнюю выгоду, платя однако же почти всегда за это внутреннимъ ослабленіемъ.

Но иное дѣло было не обольщаться возможностью примириться поляку съ Россіею, пока она сама не представила ничего привлекательнаго, иное дѣло признавать національныя притязанія поляковъ на независимость царства Польскаго, а тѣмъ менѣе на границы 1772 года. Чѣмъ выше восходимъ мы отъ отдѣльнаго человѣка до всего человѣчества, тѣмъ болѣе уравниваются или сглаживаются случайности и тѣмъ непреложнѣе выступаетъ дѣйствіе общихъ законовъ. Если частное лицо можетъ быть иногда подавлено и погублено при всей его правотѣ и внутренней нравственной силѣ, то гораздо уже труднѣе погубить племя, секту, въ смыслѣ ихъ самостоятельной связи, а народъ, религію, ученіе и вовсе невозможно уничтожить безъ ихъ собственной вины; и потому-то уничтоженіе всѣхъ историческихъ народовъ всегда было слѣдствіемъ ослабленія или искаженія внутренней силы. Племя черногорцевъ въ теченіе пяти столѣтій устояло противъ несоразмѣрнаго могущества турокъ, а Польша, самая сильная нѣкогда держава на востокѣ Европы, которой Пруссія была вассаломъ, которая спасла Австрію и чуть не покорила Россію своей династіи,—Польша погибла.

Жизнь такъ переплетаетъ всѣ эти элементы, изъ которыхъ образуется народъ, что нѣтъ никакой возможности образовать какой-нибудь народъ на выдѣленіи исключительно одного элемента, хоть-бы напр. національности, въ чемъ бы ее не заключали, въ одноплеменности-ли, или въ языкѣ. Да притомъ такой однородный составъ народа едва-ли можетъ быть и желателенъ, если вглядимся въ примѣръ Китая, разительно до-

казывающій, что ни одно изъ преимущественно вещественныхъ условій, въ какомъ бы обширномъ размѣрѣ оно ни было, не опредѣляетъ еще достоинства народа. Китай обладалъ самой обширной территоріей, имѣющей еще то преимущество, что даже самыя худшія ея части были способны къ обитанію, не такъ, какъ тундры Сибири, номинально только увеличивающія территорію Россіи; число жителей Китая равнялось двойному числу жителей всѣхъ государствъ въ Европѣ; племенной составъ Китая былъ самый однородный. Одна вѣра и одинъ языкъ господствовали во всемъ государствѣ. Это былъ безспорно самый древнѣйшій народъ. Существованіе Китая, какъ историческаго, одного и того же народа, измѣрялось тысячами лѣтъ. И что же? Война сороковыхъ годовъ съ Англіею показала, что онъ не могъ устоять даже противъ одной европейской державы.

Поэтому-то я, отвергая на этомъ основаніи притязанія поляковъ, не понималъ съ другой стороны и тѣхъ русскихъ, которые, вопреки свидѣтельству исторіи, поставляли какое-то народное самолюбіе въ томъ, чтобы выдавать Россію за державу исключительно славянскую. Если русскій народъ совершилъ какіе подвиги, которыми имѣетъ право хвалиться, то совершилъ ихъ, какъ русскій народъ, какъ результатъ соединенія всѣхъ условій, образовавшихъ его, а не какъ славянское племя исключительно, тѣмъ болѣе, что въ другихъ мѣстахъ, гдѣ оно въ большей чистотѣ еще, оно всетаки было порабощено другими племенами и, слѣдовательно, не показало особенной доблести. Между тѣмъ такого рода притязанія раздражали въ свою очередь поляковъ, и что еще хуже,—давали имъ благовидный аргументъ. «Если вы, русскіе,» говорили они намъ, «считаете себя исключительно славянами, и на этомъ основаніи хотите усвоить себѣ всѣ остальные славянскіе народы, то зачѣмъ же вы ищите захватить въ то же время финскія и татарскія племена, даже и тамъ, гдѣ, какъ напримѣръ, въ Финляндіи и средней Азіи или на Кавказѣ, вы не имѣете отговорки, что они расположены внутри вашей территоріи и потому по необходимости должны войти въ ваше государственное устройство? Вы столько захватили съ самаго начала вашей исторіи, или пожалуй включили въ вашъ составъ финскихъ и татарскихъ племенъ, что мы имѣемъ право почитать васъ скорѣе азіатскою, чѣмъ европейскою державою, и весь вашъ внутренній бытъ, ваши обычаи легко могутъ быть приведены въ подтвержденіе этого. Если же вы не исключительно славянская держава, то почему хотите удерживать Польшу, которою, что бы вы тамъ ни говорили, вы овладѣли вовсе не какъ славяне, а вопреки славянскимъ симпатіямъ, потому что овладѣли въ союзѣ съ нѣмцами, и предавъ нѣмцамъ и еще значительную часть славянъ, вмѣсто того, чтобы освободить отъ нихъ тѣхъ, которые прежде всего были имъ порабощены, вы отдали Галицію Австріи, Познань Пруссіи».

Само собою разумѣется, что подобные народные вопросы будутъ всегда представляться неразрѣшимыми на основаніи національной исключительности.

Единственное правильное понятіе о народѣ состоитъ въ томъ, чтобы смотрѣть на народъ, какъ на произведеніе всей совокупности исторически вошедшихъ въ него эле-

ментовъ, а не одного какого либо изъ нихъ. При этомъ не надо забывать, что по каждому изъ этихъ элементовъ люди разной національности считаютъ иногда себя ближе связанными, нежели съ людьми своей національности. Конечно, ничто не можетъ освободить отъ обязанности къ отечеству, но люди одной вѣры считаютъ себя болѣе братьями, люди, участвующіе въ общемъ предпріятіи, болѣе солидарными другъ съ другомъ и пр. нежели съ людьми своего народа, различествующими съ ними по вѣрѣ или не имѣющими съ ними ближайшихъ общихъ интересовъ.

Равно неправильными считалъ я и тѣ понятія, которыя хотѣли сдѣлать какую либо религію исключительнымъ достояніемъ какой либо національности. Тутъ впадали опять въ безъисходные и неразрѣшимые споры и посягали на самое достоинство религіи, стараясь втиснуть элементъ по преимуществу общій въ исключительность и односторонность національности и связавъ съ нею неразрывно, тѣмъ самымъ произвести безусловное и вѣчное на степень несовершеннаго и преходящаго, съ опасностью оттолкнуть отъ вѣчной истины необходимостью подчиненія тому, что по временнымъ условіямъ можетъ быть чуждо и даже враждебно;, или оттолкнуть отъ своего народа требованіемъ пожертвовать убѣжденіемъ совѣсти.

Если поляки говорили, что всякій полякъ долженъ быть католикъ, а всякій католикъ, хотя бы и русскаго племени, долженъ уже считать себя полякомъ, то къ сожалѣнію были и русскіе, не сознававшіе чистыхъ требованій истинной вѣры, а или движимые фанатизмомъ суевѣрія, или и не вѣря ничему, а употребляя религію, какъ орудіе политики,—были русскіе, которые говорили, что неправославный не можетъ быть русскимъ, а если кто православный, то долженъ принадлежать прямо или косвенно Россіи, хотя былъ бы не русскаго племени—и на этомъ основывали право вмѣшательства.

Мы высоко чтимъ православіе, но это потому, что почитаемъ его истиннымъ выраженіемъ истинной религіи—христіанства, а не потому, что Россія его исповѣдуетъ.—Россія должна признавать православіе потому, что оно есть—истина, и только на этомъ основаніи надо желать и стремиться, чтобы признавали его и всѣ народы и всякій человѣкъ. Отношеніе людей къ истинѣ одинаково для всѣхъ. Каждый долженъ относиться къ ней самостоятельно и свободно, не будучи связанъ никакимъ одностороннимъ посредничествомъ, ни поставленъ въ зависимость отъ измѣнчивыхъ условій времени, мѣста и народности.

Но отвергая исключительность въ національности, не надо однако же впадать въ противоположную крайность, въ равнодушіе космополитизма, какъ то дѣлаютъ нерѣдко тѣ, которые не могутъ себѣ разъяснить истинныхъ основаній, на которыхъ однихъ національность можетъ совмѣститься съ общими требованіями человѣчества. Мы говоримъ, конечно, о тѣхъ только, которые искренни въ противопоставленіи космополитизма вопросу о національностяхъ, неразрѣшимому для нихъ по узкости и исключительности воз-

зрѣній, а не о тѣхъ, для которыхъ космополитизмъ желанный и удобный только предлогъ, чтобы избавиться отъ обязанности къ отечеству. Мы поневолѣ должны входить въ разсмотрѣніе всѣхъ этихъ вопросовъ, потому что это необходимо для разъясненія всѣхъ причинъ неуспѣха политическихъ и общественныхъ преобразованій, неуспѣха, зависящаго не отъ одной какой либо причины, какъ обыкновенно опредѣляютъ по большей части, а отъ неправильнаго и неяснаго постановленія и разрѣшенія вопросовъ во всѣхъ сферахъ. Мы желаемъ поэтому окончательно разъяснить здѣсь причины неудачъ не только прошедшихъ, въ тогдашнее время, но и всѣхъ послѣдующихъ до настоящаго времени. Мы сказали уже выше, что мы никогда не считали дозволеннымъ ставить какіе нибудь узкіе интересы личности, семьи, партіи, сословные, выше блага отечества, но въ то же время мы считали недозволеннымъ нарушать справедливость даже и для отечества, и всегда возставали противъ того лже-патріотизма, который, прикрывая свои личные виды мнимыми выгодами отечества, дѣйствуетъ такъ, что дѣлаетъ имя своего отечества синонимомъ насилія и обмана. Какъ благо частнаго человѣка не дозволяется созидать на гибели другого, такъ и народное благо, которое будетъ основано на несправедливости и на раззореніи другого народа, будетъ всегда только обманчивое и потребуетъ, рано или поздно, расплаты цѣною несравненно большею, чѣмъ полученная мнимая выгода.

Но если мы должны соблюдать справедливость относительно всѣхъ народовъ и по возможности содѣйствовать благу и всего человѣчества, то все-таки обязанности наши прежде всего относятся къ нашему отечеству, и настоящій смыслъ имъ и силу можетъ дать опять таки одно христіанство, а не какое-либо другое начало, напр. утилитарное и пр. Если дѣла идутъ худо въ отечествѣ, то это не даетъ еще мнѣ право уходить изъ него и тѣмъ допускать его приходить еще въ худшее положеніе, отнимая у него съ удаленіемъ моимъ силу, сознающую дурное положеніе и ужъ чрезъ это самое сознаніе, способную стало быть противодѣйствовать злу по самой меньшей мѣрѣ обличеніемъ его. Только оставаясь въ отечествѣ, дѣйствуя въ немъ, страдая съ нимъ, жертвуя собою для него, давая дѣломъ авторитетъ своему слову, можно дѣйствительно принести ему пользу и добиться улучшенія его быта. Что таковы были всегда мои убѣжденія, я доказалъ это на дѣлѣ, оставшись въ Россіи, когда имѣлъ средство къ побѣгу. А что не недастатокъ рѣшимости на побѣгъ удержалъ меня, я доказалъ тѣмъ, что, будучи уже арестованъ, ушелъ изъ заключенія, прошелся по Петербургу, встрѣтившись съ П. И. Игнатьевымъ, и, имѣя всѣ средства укрыться, возвратился, никѣмъ незамѣченный, снова въ заключеніе на этотъ разъ вполнѣ уже добровольно, повидавшись съ тѣми, которые сочли бы себѣ за счастье спасти меня и предлагали это.

Извѣстно, что обязанности наши не всегда согласуются съ выгодами, и даже часто требуютъ пожертвованія ими, а космополитизмъ всегда имѣетъ въ основѣ личную выгоду, хотя и прикрывается иногда лицемѣрно возможностью будто бы принести большую пользу въ другомъ мѣстѣ или желаніемъ имѣть болѣе обширный кругъ дѣйствія. При

этомъ доходятъ иногда въ самообольщеніи до того, что, сами того не замѣчая, отрекаясь отъ отечества, ищутъ въ то же время сохранить всѣ полученныя отъ него выгоды. Приведу въ образецъ нерѣдкій примѣръ разговора моего съ людьми, которые ставятъ себѣ въ похвалу, что они космополиты. Допустивъ человѣка доболтаться до того, что онъ называлъ себя всесвѣтнымъ гражданиномъ, не признавая обязанности къ отечеству и необходимости жить въ немъ, когда ему лучше въ другомъ мѣстѣ, я, перемѣняя разговоръ, спрашивалъ его, чѣмъ онъ занимается, чѣмъ живетъ и пр. Одинъ отвѣчаетъ напр., что у него имѣніе, которое думаетъ только продать и «удрать» за границу, другой, что у него домъ и пр.

«Все это вы сами пріобрѣли?»—спрашивалъ я.

«Нѣтъ, досталось по наслѣдству.»

«А гдѣ получили воспитаніе?»

«Тамъ то и тамъ то.»

«Такъ какъ же,» спрашивалъ я, «вѣдь, стало быть, и правами вашими и образованіемъ и средствами вы обязаны отечеству. Но если не существуетъ обязанностей относительно его, то зачѣмъ же вы пользовались и пользуетесь отъ него? Безъ него не сохранилось бы для васъ наслѣдства, не позаботились-бы о вашемъ образованіи и не было бы средства къ тому, не сохранялось бы ваше преимущество надъ другими въ правахъ. А вѣдь единственное средство вамъ заплатить долгъ—это стараться объ улучшеніи всего въ немъ, и для этого дѣйствовать въ немъ и для него.»

Разумѣется, возражать на это никто не могъ, но многіе питали злобу, что съ нихъ снимали маску. Естественно, что при такихъ понятіяхъ моихъ, я всѣми силами возставалъ противъ тѣхъ членовъ тайныхъ обществъ, которые подъ предлогомъ, что для Россіи не стоитъ трудиться, что тутъ «ничего не подѣлаешь,» что лучше быть полезнымъ въ другомъ мѣстѣ, искали «улизнуть» за границу, боясь оставаться въ Россіи, хотя бы и въ бездѣйствіи, потому что уже компрометтировали себя. Возставалъ я также и противъ тѣхъ, которые, хоть и не были членами тайнаго общества, но изъявляли либеральный образъ мыслей, сознавали существующее зло, но, не желая дѣйствовать противъ зла, изъ боязни компрометтировать себя, хотѣли также бѣжать или удалиться заграницу и тѣмъ уменьшали силу противодѣйствующую злу, а усиливали то, что осуждали.

Одно только можетъ заставить покинуть отечество—это высшее служеніе Богу, побуждавшее верховныхъ апостоловъ и первобытныхъ христіанъ на проповѣдь Евангелія въ чужихъ странахъ, но тутъ требуется уже полное отреченіе отъ всего личнаго, и всякій знаетъ, что такое служеніе всегда будетъ исключеніемъ для избранныхъ, и что такъ называемый космополитизмъ и лже-гуманность, ведущіе только къ распущенности, непохожи на вѣру и любовь, которыя только однѣ могутъ быть дѣйствительнымъ основаніемъ истинныхъ свободы и равенства.

Опасность отъ космополитизма, дѣлающаго людей равнодушными къ улучшенію внутренняго быта своего государства, тѣмъ болѣе велика нынче и требуетъ тѣмъ сильнѣйшаго противодѣйствія, что почва для развитія его дѣлается все болѣе и болѣе благопріятною, какъ вслѣдствіе удобства перемѣщенія даже въ отдаленныя страны, такъ и вслѣдствіе не только допущенія, но и поощренія многими правительствами эмиграціи. При такой легкости и удобствѣ сдѣлаться даже законно гражданиномъ другой страны, представляющей больше выгодъ человѣку, чувство патріотизма естественно подвергается сильнѣйшему искушенію. Отъ того-то оно и не можетъ быть прочно, если не основано на нравственномъ чувствѣ долга и сознанія обязанностей къ отечеству, отъ которыхъ ничто не можетъ избавить человѣка, ни даже самая вопіющая несправедливость къ нему отечества.

Развитіе ни одного государства не обходилось безъ соединенія разныхъ народностей, но никогда почти это соединеніе не разрѣшалось правильно, потому что трудный вопросъ объ органическомъ сліяніи національностей и не можетъ быть правильно разрѣшенъ безъ знанія народныхъ началъ. Обыкновенно же поступаютъ такъ, что при столкновеніи двухъ развитыхъ уже народностей, или одна поглощаетъ другую, или смѣшиваютъ ихъ механически, слѣдуя исконной политикѣ Навуходоносора. Вотъ почему я имѣлъ полное право сказать въ одной статьѣ (которая хоть и была отпечатана, но задержана цензурою) и новѣйшимъ публицистамъ, когда они толковали о сліяніи Польши съ Россіею и подавали видъ, что хотятъ сдѣлать это безъ нарушенія справедливости, что они не въ состояніи придумать надлежащаго къ тому средства, пока не узнаютъ въ чемъ именно состоятъ народныя начала, какъ Россіи, такъ и Польши: а они до сихъ поръ для опредѣленія народности установляли только внѣшніе, неопредѣленные признаки изъ положительныхъ, а для различенія народностей употребляли признаки отрицательные, толкуя всегда больше о томъ, чѣмъ не есть народъ, нежели въ чемъ состоитъ его сущность. По этой-же причинѣ не были они въ состояніи разгадывать и смыслъ разныхъ явленій, превознося иногда ихъ, какъ слѣдствіе извѣстныхъ добрыхъ качествъ народа, и, не замѣчая, что они просто истекали изъ того же относительнаго начала, изъ котораго истекали и другія дурныя уже явленія, которыхъ они отрицать не могли, какъ не могли и не осуждать, хотя и относили ихъ къ случайнымъ явленіямъ, тогда какъ они были такимъ же необходимымъ проявленіемъ того же начала, какъ и первыя.

«Если вы спросите,» говорилъ я нашимъ публицистамъ, «у естествоиспытателей, какъ соединить два разнородныя тѣла, то они непремѣнно въ свою очередь спросятъ васъ: скажите, какія это тѣла? И только тогда, когда вы объясните имъ, что это напр. масло и вода, они укажутъ вамъ на ту среднюю соль, которая можетъ служить средствомъ соединенія и при посредствѣ которой два разнородныя тѣла могутъ образовать новое, однородное. Странно было бы вѣдь вамъ, если бы они посовѣтывали вамъ слить ихъ вмѣстѣ и смѣшивать механически, крѣпко только взбалтывая, потому что вы очень

хорошо знаете, что едва только вы перестанете взбалтывать, то эти вещества тотчасъ опять раздѣлятся.

Былъ и еще вопросъ, который не мало раздѣлялъ мнѣнія въ тайномъ обществѣ, какъ продолжаетъ раздѣлять и до сихъ поръ, и также все по одной и той же причинѣ, которая порождала раздѣленія и по другимъ вопросамъ, а именно, что не искали разрѣшенія въ разъясненіи коренныхъ началъ, а препирались о достоинствѣ видовъ или внѣшнихъ проявленій этихъ началъ въ извѣстныя эпохи и у извѣстныхъ народностей. Вопросъ этотъ, весьма важный и едва ли не капитальный въ политическомъ отношеніи, есть вопросъ о народномъ образованіи. Обыкновенно представляется слѣдующая неразрѣшимая, повидимому, диллема при всякой попыткѣ къ преобразованію. Говорятъ, что для того, чтобы улучшеніе политическихъ учрежденій было прочно, необходимо, чтобы народъ былъ подготовленъ къ нимъ; а для того, чтобы можно было подготовлять народъ, нужны уже нѣкоторыя улучшенныя политическія учрежденія. При такомъ безвыходномъ кругѣ, гдѣ одно обусловливается тѣмъ самымъ, что въ свою очередь имъ же обусловливается, представлялась бы повидимому радикальная невозможность къ какому либо движенію, а, слѣдовательно, и къ улучшенію. Къ счастію человѣчества сами обладающіе властію и имѣютъ нужду въ искусныхъ орудіяхъ, и, слѣдовательно, сами нуждаются въ образованіи въ томъ или другомъ видѣ. А свойство человѣческаго ума таково, что по какому бы поводу не возбуждали его дѣятельность, къ какому бы предмету односторонне ни направляли, разъ возбужденный, онъ устремляется по всѣмъ направленіямъ и ищетъ полноты и цѣлости свѣдѣній, какъ бы ни силились его направить на односторонній путь. Вотъ почему всѣ партіи, каждая въ своихъ видахъ, искала опредѣлить будущность народа, посредствомъ извѣстнаго рода образованія; но лишь только предпринимали разъяснить, какое образованіе лучше, какъ сей же часъ являлись ожесточенные споры между классицизмомъ и реализмомъ, въ какихъ бы видахъ и подъ какими бы другими именами они ни скрывались.

Если мы снимемъ съ нихъ разныя оболочки, не составляющія ихъ сущности, или выведемъ наружу то, что находится иногда скрытымъ въ предметахъ спора и только подразумѣвается, то очевидно, что классицизмъ и реализмъ есть не что иное, какъ познаніе человѣка и природы, разумѣя однако человѣка, какъ духовное существо. Природа, въ ея одинаковыхъ, постоянно-пребывающихъ явленіяхъ, всегда подлежитъ наблюденію, но изученіе духовнаго человѣка, въ возможности всѣхъ его свойствъ, возможно только чрезъ изученіе всего человѣчества; человѣчество же въ духовномъ развитіи проявляетъ извѣстныя свойства свои въ высшей силѣ, и въ наилучшихъ сочетаніяхъ только однажды и потому они, какъ не повторяющіяся явленія, могутъ быть изучаемы только исторически. А какъ для точнаго знанія этихъ явленій необходимо знать съ точностью смыслъ словъ, выражающихъ понятія, опредѣляющія смыслъ явленій, то изученіе языковъ тѣхъ народовъ, которые служили орудіями этихъ явленій, и представлялось всегда

необходимостью. И такъ классицизмъ всегда будетъ необходимъ, какъ основаніе историческаго изученія, и не однихъ только внѣшнихъ явленій, но и проявленій духа человѣческаго во всѣхъ сферахъ—умственной, нравственной, эстетической. И какъ неоспоримо то, что въ Греціи философское мышленіе и разнаго рода искусства, а въ Римѣ гражданскія и политическія отношенія, достигли высшей точки развитія, какой достигало когда либо человѣчество, то и не мудрено, что и языкъ ихъ по этимъ предметамъ достигъ высшей точности и выразительности, и поэтому и служитъ по преимуществу основаніемъ классическому изученію, нуждающемуся однако для полноты въ изученіи и позднѣйшей исторіи, которую онъ, правда, освѣщаетъ, но которою и самъ неоспоримо освѣщается. Что изученіе природы, включая тутъ и тѣлесный организмъ человѣка, необходимо, объ этомъ никто никогда добросовѣстно и не спорилъ. Удовлетвореніе всѣхъ нашихъ общественныхъ потребностей основано на знаніи и искусномъ приложеніи законовъ вещественной природы. Но чтобы человѣкъ могъ удовлетвориться однимъ этимъ знаніемъ, тому противорѣчатъ всѣ уроки исторіи. Какой бы степени реальныхъ познаній ни достигъ человѣкъ, но если ему останутся невѣдомы законы духа человѣческаго, безъ чего невозможно устройство общественнаго и политическаго быта, то никакое реальное знаніе не спасетъ человѣка, и мы почти вездѣ видѣли общества и государства разлагающимися именно въ то время, когда этого рода знаніе и приложеніе его къ удовлетворенію вещественныхъ потребностей доходили до крайнихъ предѣловъ въ разрушающемся обществѣ.

Но классицизмъ и реализмъ, взятые и въ совокупности, не только не исчерпываютъ всего знанія, но и сами не могутъ имѣть ни полноты, ни прочнаго основанія, ни правильнаго истолкованія безъ третьей отрасли знаній, необходимыхъ человѣку безъ знанія высшаго существа, Бога, которое можетъ быть дано человѣку самимъ только Богомъ о себѣ чрезъ откровеніе.

Странно, что и люди, которые вели и ведутъ споръ между классицизмомъ и реализмомъ, какъ будто бы не замѣчаютъ, что эти оба рода знанія имѣютъ одно и то же основаніе, а именно наблюденіе надъ явленіями духа и вещества безъ возможности проникнуть въ ихъ сущность. Другое обстоятельство, на которое также мало обращаютъ вниманія, есть то, что для общихъ безусловныхъ выводовъ ни тому, ни другому знанію не достаетъ полноты, которая требуетъ знанія явленій въ полнотѣ ихъ возможности, т. е. не только настоящихъ и бывшихъ, но и могущихъ быть; а всѣмъ извѣстно, что такое знаніе человѣку недоступно; и не только въ прошедшемъ, но и въ настоящемъ найдется бездна явленій, ускользнувшихъ или скрытыхъ отъ его наблюденія, оставя между тѣмъ неизбѣжно результаты, которые онъ потому и можетъ отнести ошибочно не къ тѣмъ причинамъ, отъ которыхъ они произошли, и чрезъ то неминуемо исказить выводъ. Наконецъ, при внимательномъ наблюденіи оказывается, что историческое изученіе безъ знанія законовъ вещества, ни послѣднее безъ историческаго изученія обойтись не

можетъ, и что вездѣ одно сплетено съ другимъ. Основаніе историческаго знанія есть свидѣтельство другихъ, основаніе вещественнаго—возможность собственнаго наблюденія и повторительнаго опыта. Но въ историческое знаніе входитъ и наблюденіе надъ вещественными признаками, памятниками, условіями, которыя и безъ историческаго свидѣтельства помогаютъ намъ отгадывать причину историческихъ явленій и проникнуть въ смыслъ ихъ. Съ другой стороны самое названіе естественной исторіи показываетъ, что изученіе и самаго вещества не можетъ обойтись безъ историческаго свидѣтельства, такъ какъ существуютъ явленія не повторяющіяся, изъ которыхъ одни извѣстны намъ только по свидѣтельству другихъ, а другія остались всегда неизвѣстными, именно по недостатку этого свидѣтельства и невозможности возсоздать исчезнувшія условія, единственно на знаніи настоящихъ явленій, какъ напр. многое въ первобытномъ мірѣ.

Достаточно, кажется, этихъ указаній, чтобы понять всю пустоту спора между классицизмомъ и реализмомъ, происходящаго единственно отъ неуясненія себѣ основаній ихъ и невниманія къ такой необходимой связи ихъ между собою, что никакъ нельзя одному обойтись безъ другого, и, слѣдовательно, одному вытѣснить другое и господствовать исключительно. Но если достаточно приведенныхъ выше объясненій, чтобъ понять причину недоразумѣній, то ихъ недостаточно еще, чтобы понять, почему съ политической точки зрѣнія къ этому спору примѣшиваются такъ сильно страсти и доводятъ его до такого ожесточенія.

Дѣло въ томъ, что всѣ партіи, смотря по обстоятельствамъ, обвиняютъ попеременно какъ классицизмъ, такъ и реализмъ въ томъ, что они ведутъ то къ деспотизму, то къ революціи и анархіи.

Классицизмъ и реализмъ, какъ и всякое относительное знаніе, сами по себѣ безкачественны. Только при свѣтѣ откровенія, въ живой органической связи съ высшими началами (одними, которыя служатъ непоколебимымъ основаніемъ нравственности), и дѣйствующіе каждый въ свойственной ему сферѣ, какъ классицизмъ, такъ и реализмъ могутъ давать правильные выводы и быть полезными, служа разумными средствами для достиженія нравственныхъ цѣлей, пригоднымъ механизмомъ, для большаго и лучшаго дѣйствія нравственной силы. Отрѣшенные же отъ высшихъ началъ, предоставленные сами себѣ, они, по неизмѣнному свойству всего неполнаго, не могутъ дать положительныхъ правильныхъ выводовъ, не только каждые отдѣльно, но и оба вмѣстѣ, потому что никакое даже соединеніе или смѣшеніе ихъ въ обученіи и въ знаніи человѣка, не можетъ уничтожить неполноты, а потому и неправильности выводовъ, исходящей изъ самаго свойства ихъ, которые уже по одному этому направляютъ на ошибочный путь и легко могутъ дѣлаться удобными средствами для вредной цѣли. Вотъ почему исторія и представляетъ намъ и классическое и реальное образованіе, каждое въ свою очередь, то принимаемое и превозносимое разными партіями, когда считаютъ ихъ нужными орудіями для ихъ цѣлей, то преслѣдуемое, какъ враждебное ихъ цѣлямъ. Поэтому-то, если въ

послѣднее время упрекали естественныя науки въ томъ, что будто бы онѣ ведутъ къ невѣрію, анархіи и безнравственности, то не надо забывать, что было время, когда преслѣдовали и классическое образованіе, утверждая, что революція во Франціи вышла именно изъ подражанія грекамъ и римлянамъ, подражанія, о которомъ думали, что оно было результатомъ классическаго образованія. Но лучшимъ опроверженіемъ подобныхъ измѣнчивыхъ взглядовъ служитъ примѣръ Англіи, гдѣ умѣютъ извлекать пользу и изъ классическаго и изъ реальнаго образованія, и гдѣ ни то, ни другое не ведутъ ни къ безнравственности, ни къ революціи, ни къ раболѣпству, по той причинѣ, что религіозныя убѣжденія сохранились въ Англіи еще пока сравнительно больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Такъ какъ мнѣ равно было доступно и классическое и реальное образованіе, то я поэтому и не имѣлъ никакого повода относиться ни пристрастно, ни враждебно, какъ къ одному, такъ и къ другому. Окончивъ самымъ блестящимъ образомъ курсъ въ спеціальномъ высшемъ заведеніи, я почти вслѣдъ за тѣмъ же, въ самомъ раннемъ возрастѣ, былъ назначенъ преподавателемъ высшей математики, астрономіи, механики и высшей теоріи морского искусства и кромѣ того экзаменаторомъ по всѣмъ отраслямъ преподаваемыхъ наукъ въ высшемъ заведеніи. Но однако же я этимъ не удовольствовался, и, какъ показано было въ первой части записокъ, будучи уже кадетскимъ офицеромъ и преподавателемъ, слушалъ еще курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ съ товарищами моими, Синицынымъ (умершимъ въ званіи директора Ришельевскаго лицея) и Новосильскимъ (бывшимъ впослѣдствіи директоромъ департамента министерства народнаго просвѣщенія), а съ первымъ кромѣ того и въ медико-хирургической академіи, независимо притомъ отъ посѣщенія спеціальныхъ лекцій въ горномъ корпусѣ, физическихъ у Роспини и пр. И однако же при всемъ этомъ, я всетаки, вслѣдствіе изученія богословія, которое хоть и неожиданно и случайно выпало на нашу долю (какъ разсказано о томъ подробнѣе въ первой части записокъ), не могъ уже съ тѣхъ поръ считать достаточнымъ и самое совершенное классическое образованіе и реальное, и это вовсе не по тогдашней только наклонности къ мистицизму. Нѣтъ. Съ твердымъ уже сознаніемъ для меня представлялось немыслимымъ достаточность знанія безъ существеннаго главнаго источника его, безъ откровенія, точно такъ же, какъ я не понималъ, какъ можно было безъ возможной полноты знанія управлять даже собою, а не только что государствомъ, а тѣмъ болѣе преобразовывать его.

Но для человѣка, искренно желающаго отыскать всему непоколебимыя основанія въ высшей, нравственной и безусловной сферѣ, нѣтъ ничего труднѣе, какъ заставить правильно понимать себя людямъ, привыкшимъ по страстямъ и выгодѣ служить пристрастнымъ, одностороннимъ партіямъ, или по равнодушію, величаемому благоразуміемъ, и расчету держаться механической средины. Тутъ какъ разъ подпадаешь подъ противоположныя обвиненія. Возстаете вы противъ прискорбной привычки заключать вѣру въ

суевѣріе или въ механизмъ обрядности, о васъ говорятъ, что вы возстаете противъ вѣры. Доказываете вы неразумность невѣрія, васъ сейчасъ называютъ партизаномъ предразсудковъ, ведущихъ къ деспотизму. Такимъ противоположнымъ обвиненіемъ подвергался и я, какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, когда настаивалъ у обѣихъ партій, у каждой въ свою очередь, какъ у правительственной, такъ и у либеральной, на необходимости прочнаго образованія и искренняго принятія въ основу всего нравственныхъ началъ съ полною искренностью, какъ единственнаго средства примиренія и соглашенія всѣхъ относительныхъ требованій, въ томъ, что они имѣютъ справедливаго, такъ какъ по моему убѣжденію, которое я старался передать и другимъ, противоположность требованій и враждебность ихъ истекали изъ несправедливаго притязанія на исключительность. Я говорилъ, что какъ повиновеніе закону, такъ и свобода могутъ быть достояніемъ только просвѣщеннаго ума и нравственной воли. Отчего, спрашивалъ я ихъ, при всей суетѣ стремленія къ свободѣ, идутъ часто къ деспотизму, и при всѣхъ усиліяхъ, вести къ порядку, ведутъ часто къ анархіи? Отъ того, что ни тѣ, ни другіе не заботятся начинать дѣло съ развитія нравственной силы, способной стремиться къ чистому добру, и правильнаго знанія, способнаго указывать надлежащія средства къ тому. Но къ несчастію большая часть смотрѣла и на повиновеніе закону, и на свободу, какъ на нѣчто формальное или вещественное, которое можно наложить или дать извнѣ. Въ правительственной сферѣ уже утвердилось въ это время мнѣніе, что всякое высшее образованіе вредно, ведетъ къ умствованіямъ и чрезъ то къ революціямъ; что такъ какъ полнаго образованія всѣмъ дать нельзя, то знакомство съ высшими науками составитъ поверхностное образованіе т. е. самое вредное, что народу нужно только реальное образованіе, понимая подъ этимъ то, что можетъ сдѣлать изъ человѣка только искусное механическое орудіе; а въ нравственной сферѣ для народа нужно, какъ говорили, одно— учить безусловному повиновенію и пріучать къ нему, не подозрѣвая повидимому, что такое образованіе и будетъ именно также поверхностнымъ, т. е. внѣшнимъ, такъ какъ поверхность или глубина образованія не зависятъ отъ объема знанія, а отъ того, изъ чего оно истекаетъ: изъ живого-ли разумѣнія, живой зародившейся силы, способной къ самостоятельному развитію, или отъ принятія внѣшней, готовой, но зато бездушной формы, относящейся къ той цѣли, которой хотятъ достигнуть образованіемъ, какъ великолѣпная декорація, изображающая дерево, относится къ сѣмени, заключающему живую силу развитія его. Вначалѣ декорація можетъ поразить и ослѣпить, показывая будто бы готовые разомъ и плоды, а сѣмя передъ нею показаться ничтожнымъ, но декорація, не имѣющая обновляющаго источника жизни, неминуемо обветшаетъ, а сѣмя способно разростись въ величественное, крѣпкое и плодотворное дерево.

Къ сожалѣнію, и въ либеральной партіи образованіе и изученіе относили болѣе къ той сторонѣ, которая представлялась, какъ средство къ ближайшему приложенію, нежели къ необходимости отъ исканія для всего коренныхъ основаній въ живыхъ силахъ

и нравственныхъ началахъ. Отсюда неуваженіе къ народному чувству и стремленіе къ сочиненію отвлеченныхъ конституцій, и потому изученіе только того, что, по тогдашнимъ понятіямъ, преимущественно могло служить для внѣшнихъ искусныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и искусственныхъ сочетаній; напр. увлеченіе изученіемъ политической экономіи, какъ тогда ее понимали, а пренебреженіе самостоятельнымъ изученіемъ своей исторіи и народнаго быта въ ихъ сущности. Отсюда и забота только о такомъ же, стало быть, образованіи, какъ понимало его и правительство, т. е. болѣе въ смыслѣ механическаго искусства; а въ приложеніи къ другимъ предметамъ, о такомъ, которое, какъ бы ни былъ великъ объемъ его, въ дѣйствительности всегда будетъ однако поверхностнымъ, т. е. безъ углубленія до коренныхъ основаній, дающихъ жизнь и силу всякому знанію, независимо отъ его количественнаго объема.

VI.

Вопросъ о дѣйствительномъ, существенномъ образованіи на тѣхъ началахъ, какъ я понималъ его, былъ именно тотъ вопросъ, которымъ, какъ говорили, я больше всего «надоѣдалъ» членамъ общества. Особенно же я требовалъ въ приложеніи и къ нему того пожертвованія личными интересами и удовольствіями, которое проявлялось у нѣкоторыхъ членовъ общества въ отношеніи введенія новаго образа дѣйствій по другимъ сферамъ. Извѣстно, что нѣкоторые члены общества пожертвовали личными интересами и удовольствіями столичной жизни, пожертвовали блестящею службою въ гвардіи и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, что считалось тогда единственною приличную службою для высшаго сословія, и пошли на такія должности (напр. судебныя и разныя административныя), которыя были тогда въ дурной славѣ; пошли именно для того, чтобы личными достоинствами и дѣйствіями въ иномъ духѣ исправить и возвысить ихъ. Я требовалъ поэтому, чтобы сдѣлали то же и для учебной части; чтобы вмѣсто празднаго пребыванія безъ всякаго дѣла въ столицѣ, единственно для удовольствія, жили въ де ревняхъ, изучая народъ и научая его, заводя школы, и даже заняли бы учительскія мѣста въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, возвыся это званіе всею независимостью своего положенія.

Я со своей стороны всячески старался, чтобы люди, принимаемые мною въ общество, понимали и убѣдились, что въ стремленіи къ общественному преобразованію и улучшенію надо начинать съ самого себя, возвышеніемъ въ самомъ себѣ нравственной силы и расширеніемъ круга образованія на истинныхъ основахъ его. Этому безспорно и обязаны были всѣ лица, приготовленныя мною, что въ ихъ дѣйствіяхъ 14 декабря явилось болѣе единства и сознательности, чѣмъ въ дѣйствіяхъ другихъ членовъ.

Не такъ смотрѣли, къ прискорбію, на дѣло люди, руководившіе въ то время движеніемъ, и въ рукахъ которыхъ находилась распорядительная власть общества, чѣмъ и объяснилась слабость дѣйствія его въ рѣшительную минуту. Когда я спрашивалъ Рылѣева, неужели онъ вѣритъ, что дѣйствительная свобода можетъ быть инымъ чѣмъ, какъ

не проявленіемъ нравственной силы, а эта можетъ быть прочна безъ религіи, и неужели онъ думаетъ, что народъ приметъ руководителей, которые могутъ быть предметомъ соблазна въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи, то онъ отвѣчалъ мнѣ, что относительно высшаго существа онъ мало размышлялъ, хотя и думаетъ, что есть «что-то такое»; что относительно нравственности ему мало дѣла, лишь-бы были умны и способны, что относительно народа будетъ сначала сила, которая заставитъ его повиноваться, а тамъ онъ и самъ пойметъ свою пользу; т. е. Рылѣевъ и мыслившіе одинаково съ нимъ, какъ я не разъ имъ замѣчалъ, впадали въ тѣ же ошибки, принимали тѣ же правила, что и противная сторона. Послѣдствіемъ этого неминуемо было нравственное послабленіе въ выборѣ членовъ общества, что дозволяло втираться въ него людямъ неискреннимъ, но достаточно умнымъ, чтобы усвоить себѣ языкъ либерализма, и достаточно способнымъ, чтобъ отсутствіе солиднаго образованія замѣнить шарлатанствомъ. Видя это, я началъ сомнѣваться въ успѣхъ дѣла, такъ какъ имѣлъ уже право усомниться въ искренности побужденій и многихъ дѣятелей и въ дѣйствительности той цѣли, которую провозглашали. «Я приготовлю своихъ», сказалъ я Рылѣеву, «къ полному пожертвованію собою именно за свободу, безъ всякаго обольщенія мечтою, что предпріятіе съ перваго раза удастся и увѣренъ, что именно поэтому они и будутъ дѣйствовать хорошо, такъ какъ у нихъ не можетъ быть никакой эгоистической цѣли; но что касается до васъ и до вашихъ, то мнѣ кажется, что у васъ дѣло идетъ о борьбѣ съ правительствомъ вовсе не за свободу, а за власть. Въ такомъ случаѣ я напередъ вамъ скажу, что ничего добраго не предвижу, не только для послѣдствій, если бы предпріятіе и удалось, но и для возможности создать условія успѣха самаго предпріятія. Помяните мое слово, что борьба за власть въ самомъ обществѣ уничтожитъ всѣ условія успѣха борьбы за нее съ правительствомъ».

Слова мои сбылись; но гораздо прежде того еще мнѣ неожиданно суждено было и самому подвергнуться враждѣ властолюбія по одному только опасенію людей, имѣвшихъ власть въ обществѣ, что эта власть можетъ перейти ко мнѣ отъ нихъ, хотя я не только не искалъ ея, но всячески уклонялся отъ всего, что только могло привести къ тому, и принесъ даже въ этомъ отношеніи многія жертвы.

Говорятъ, что покойный Ермоловъ сказалъ, что всѣ страсти съ лѣтами могутъ угаснуть, но что кто разъ прикоснулся устами къ чашѣ власти, не оторвется уже отъ нея, если не отнимутъ у него ея насильно. Конечно, бывали исключенія, но въ общемъ это справедливо. Властолюбіе держится въ человѣкѣ и дольше и упорнѣе страсти, и неохотнѣе всего онъ изъ начальствующаго дѣлается подчиненнымъ. Властолюбіе раздѣлило уже общество отъ того, что разные люди добивались власти и искали удержать ее за собою, не соглашаясь подчиниться одни другимъ; несогласіе же насчетъ будущей формы правленія не было ни существеннымъ дѣломъ, ни неодолимымъ препятствіемъ, такъ какъ ни та, ни другая сторона, сколько я ихъ ни испытывалъ, не были сознательно убѣж-

дены въ своемъ взглядѣ на дѣло и даже сами смотрѣли на отстаиваемыя ими формы, какъ на переходныя. Но различіе формы давало всегда желанный и удобный предлогъ къ отдѣленію и къ поставленію себя во главѣ отдѣлившихся. Властолюбіе, требовательное для себя, требующее, чтобъ безусловно вѣрили его намѣреніямъ, и подчинялись его дѣйствіямъ, какъ бы оно ни злоупотребляло властію, особенно всегда подозрительно относительно людей способныхъ и съ характеромъ. Оно показываетъ, что если удерживаетъ власть даже неправильными средствами, то это не для себя, и даже пожалуй, вопреки своему желанію, но единственно для того будто-бы, чтобы не передать власть въ руки, могущія употребить ее во зло. Поэтому, оно само всячески разжигаетъ и преувеличиваетъ опасеніе злоупотребленія власти другими; поэтому, если когда по необходимости, оно хоть для виду должно ограничить свою власть, или въ какомъ либо дѣлѣ дать хоть наружное первенство другому, то старается всячески, чтобы выборъ не палъ на людей способныхъ, изъ боязни, чтобъ власть и въ дѣйствительности не перешла къ нимъ.

Такъ бываетъ и вездѣ, такъ было и въ тайныхъ обществахъ, и въ этомъ заключается основная причина и ослабленія общества и неудачи 14-го декабря. Здѣсь я разумѣю неуспѣхъ въ военномъ отношеніи, а не то безсмысліе, что вмѣсто провозглашенія новаго порядка увлекли солдатъ въ защиту существенной основы стараго, разрушивъ основы всего предпріятія.

Я позволю себѣ здѣсь привести свой отзывъ о томъ и о другомъ тотчасъ послѣ событія въ томъ видѣ, какъ онъ произнесенъ, т. е. по-французски: «La société a péri à cause d'avoir outré le motif qui fut le principe de son existence et déterminait son but, c'est-à-dire la crainte de l'abus du pouvoir. A force de chercher en tout et pour tout quelqu'un, qui ne soit pas capable d'abuser du pouvoir, on a fini par tomber sur un homme *(Трубецкой)*, qui n'était pas capable d'en bien user».

И Пестель, и Рылѣевъ, стоявшіе во главѣ обществъ Южнаго и Сѣвернаго, были слишкомъ властолюбивы, чтобъ не только согласиться подчиниться одинъ другому, но и сносить соперничество каждый въ своемъ обществѣ. Поэтому, и тотъ и другой старались на мѣста другихъ директоровъ посадить людей себѣ сподручныхъ, уступавшихъ имъ по способностямъ или по характеру и никакъ не допустить людей, въ которыхъ боялись найти опасныхъ себѣ соперниковъ. И если Пестель, не имѣя возможности не допустить выбора Сергѣя Муравьева-Апостола, согласился на выборъ его въ директоры потому только, что тотъ, не находясь въ центрѣ дѣйствія, поневолѣ былъ номинальнымъ только директоромъ, то Рылѣевъ всячески искалъ подавить возрастающее мое вліяніе, какъ удаленіемъ меня, хотя подъ почетнымъ предлогомъ, изъ центра дѣйствія, такъ и захватомъ въ свое распоряженіе во время моего отсутствія тѣхъ членовъ общества, которые были приготовлены мною.

Принявъ либеральное и революціонное начало (тогда ихъ считали нераздѣльными), я былъ искрененъ вполнѣ въ приложеніи его, и ни страхъ, ни эгоистическіе результаты

не удерживали меня. Я былъ неутомимъ и отваженъ, дѣйствовалъ всесторонне по всѣмъ направленіямъ, во всѣхъ сферахъ, дѣйствовалъ настойчиво, дѣйствовалъ для самаго дѣла, мало заботясь о себѣ ни со стороны опасности, ни со стороны похвалъ. Но какъ ни мало искалъ я выказывать свои дѣйствія и добиваться, подобно инымъ, сознательнаго засвидѣтельствованія моихъ дѣйствій членами общества, вліяніе мое быстро возрастало. Но не однѣ дѣятельность и энергія мои, которыя называли безпримѣрными, и которыя грозили людямъ, имѣвшимъ въ рукахъ своихъ власть, что она перейдетъ ко мнѣ, возбуждали зависть,—было нѣчто такое, что внушало еще большій страхъ имъ. Явилось у многихъ какъ бы предчувствіе, что именно во мнѣ зарождались и готовы были проявиться тѣ начала, которыя способны уничтожить противорѣчіе и борьбу не только между отдѣльными тайными обществами, но и вообще между властію и свободою—а тогда люди, завидовавшіе мнѣ, должны были лишиться не только распорядительной власти дѣлами общества, но и нравственной, какъ представители извѣстнаго рода идей, изъ которыхъ они хотѣли сдѣлать монополію себѣ, а такая потеря была неминуемо сопряжена съ лишеніемъ значенія самихъ идей, по ихъ односторонности и ошибочности ихъ основаній, въ случаѣ проявленія идеи высшей и всесторонней. Грустно сказать, до чего увлекало людей желаніе «сбить меня съ поля» какъ выражались они. Вѣрные люди, изъ числа членовъ, негодующихъ на подобный образъ дѣйствій, сообщили мнѣ, что Рылѣевъ предлагалъ даже донести на меня Милорадовичу, съ тѣмъ, чтобъ меня куда-нибудь «запрятали», а донесшій пріобрѣлъ бы въ глазахъ правительства болѣе довѣрія. Они разсчитывали прямо на благородство мое, что я ничего не открою; а если бы даже и открылъ что, то согласились утверждать, что они, видя мою пылкость и увлеченіе, просто мистифицировали меня, что никакихъ обществъ, кромѣ того, которое я самъ учреждалъ, не существуетъ и пр. Думали также (что считали и еще для себя безопаснѣе), сдѣлать доносъ анонимный, или наконецъ просто заставить меня удалиться изъ общества, возбуждая противъ меня непріятности. И можетъ быть они и покусились бы на это, если бы всю ихъ интригу не разрушилъ Каховскій, который мнѣ и открылъ ее. «Я сказалъ имъ,» говорилъ онъ мнѣ, «что они изъ-за властолюбія готовы погубить дѣло, что всѣ ихъ интриги и замыслы противъ васъ только изъ зависти къ вашимъ способностямъ и дѣятельности, которыя несомнѣнно даютъ вамъ первенство, не смотря на то, что власть не въ вашихъ рукахъ, а въ ихъ. Но если они эту власть употребятъ до такой степени во зло, какъ они хотятъ это сдѣлать—противъ васъ, то я сумѣю обратить противъ виновнаго тотъ самый кинжалъ, который они направляютъ противъ другихъ.—Вы знаете, на что иные меня подстрекаютъ».

Этимъ Каховскій намекалъ на то, что Рылѣевъ твердилъ ему, пользуясь его восторженностью, что величайшую честь, которую можетъ оказать общество своему члену—это поручить ему нанести ударъ.

Видя интриги свои разрушенными, завидовавшіе мнѣ люди однако не успокоились,

а старались только прикрыть свои замыслы объ удаленіи меня подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ. Вскорѣ представился имъ къ этому случай, тѣмъ болѣе благопріятный, что онъ основывался на собственныхъ моихъ замѣчаніяхъ о неизвѣстности намъ, что дѣйствительно дѣлается въ провинціяхъ, и давалъ имъ возможность прикрыть свое желаніе предлогомъ особеннаго довѣрія ко мнѣ и особаго почетнаго мнѣ порученія.

Однажды при разсужденіи о силѣ и распространеніи тайныхъ обществъ и о развитіи въ Россіи либеральныхъ идей, я замѣтилъ, что едва-ли нѣтъ тутъ преувеличенія и самообольщенія. Что безспорно есть нѣсколько пунктовъ, гдѣ общество сильно и гдѣ либеральныя идеи сдѣлались общими, но что касается до большинства провинцій, то я крѣпко въ томъ сомнѣваюсь. Изъ разсказовъ пріѣзжающихъ изъ провинціи членовъ, я убѣдился, что въ этомъ отношеніи вводятъ насъ въ заблужденіе старые члены, желающіе прикрыть свою недѣятельность въ принятіи новыхъ членовъ преувеличенными разсказами о томъ, какъ удалось будто-бы имъ дать провинціальному ихъ обществу либеральное направленіе, между тѣмъ какъ ни въ образованіи народа, ни въ обращеніи съ крестьянами и пр. это нисколько не выказывается. Но какъ мы предположили въ случаѣ удачнаго переворота собрать великій земскій соборъ, на которомъ выборные изъ провинцій должны неминуемо составить большинство, то существенно важнымъ для будущности государства будетъ то, какія понятія и желанія принесутъ на соборъ эти выборные. Поэтому намъ никакъ нельзя оставлять въ неопредѣленности ни наши свѣдѣнія о настоящемъ настроеніи умовъ въ провинціи, ни о мѣрахъ, которыя принимаются для подготовленія ихъ къ новому государственному устройству. Слѣдовательно, необходимо провѣрить безъ замедленія дѣйствительное состояніе мнѣній въ провинціяхъ, и для этого лучше, если бы отправлены были въ разныя мѣста новые члены, не состоящіе въ сношеніяхъ и знакомствѣ со старыми, для того, чтобы они свѣдѣнія свои почерпали не изъ разсказовъ старыхъ членовъ, а изъ собственныхъ наблюденій.

Всѣ присутствующіе согласились съ справедливостью моего замѣчанія, но Рылѣевъ и державшіеся его стороны постарались воспользоваться именно этимъ самымъ, какъ удобнымъ предлогомъ, чтобы удалить изъ Петербурга меня и тѣхъ, которые видимо уже склонялись на мою сторону. Въ слѣдующее же собраніе онъ сказалъ мнѣ, что «всѣ» убѣдились, что никто лучше меня не въ состояніи будетъ исполнить подобное порученіе со стороны общества. Не говоря уже о томъ, что я, какъ предложившій дѣло, самъ лучше другихъ понимаю его важность, многія и другія обстоятельства обезпечиваютъ за мною успѣшность дѣйствія—что, по рожденію и связямъ моимъ, принадлежа къ высшему кругу, я не только буду находиться среди самыхъ вліятельныхъ лицъ, но чрезъ это имѣть легкій доступъ и во всѣ другіе круги; что, какъ человѣкъ, возвратившійся изъ кругосвѣтнаго путешествія, я буду вездѣ интересный и желанный гость, а самое это продолжительное путешествіе даетъ мнѣ право на продолжительный отпускъ, какъ бы для дѣлъ и для свиданія съ родственниками, и на посѣщеніе разныхъ губерній,

не возбуждая особеннаго подозрѣнія; что, наконецъ, отправленіе въ дальнюю губернію и возвращеніе оттуда даетъ случай посѣтить проѣздомъ и другія мѣста, не перечисляя ихъ въ просьбѣ объ отпускѣ. Почти съ одинаковыми соображеніями назначены были отправиться и другіе члены, которыхъ считали моими сторонниками. Такимъ образомъ мнѣ предложено было взять отпускъ въ Казань, Симбирскъ и Саратовъ съ тѣмъ, чтобы оттуда возвратиться чрезъ Тамбовъ и Рязань; Оржицкаго послали въ Бессарабію и пр.

Теперь надобно объяснить и другую причину, по которой Рылѣевъ больше другихъ желалъ удаленія моего изъ Петербурга. Мною было принято очень много членовъ, какъ въ устраиваемое сначала мое собственное общество, такъ и въ Сѣверное послѣ того, какъ я присоединился къ этому послѣднему. И если бы я имѣлъ какое нибудь желаніе быть директоромъ, то мнѣ стоило бы только объявить этихъ членовъ и ввести ихъ въ собранія, и тогда, съ помощью другихъ членовъ Сѣвернаго общества, принявшихъ уже явно или тайно мою сторону, я могъ быть увѣренъ въ большинствѣ. Но я имѣлъ много причинъ не вполнѣ довѣрять Рылѣеву, и потому, несмотря на его просьбы и настояніе, не хотѣлъ до времени открывать ему именъ своихъ членовъ, а помимо меня онъ никакъ не могъ добиться этого во время личнаго моего присутствія въ Петербургѣ, до такой степени я умѣлъ внушить моимъ членамъ, при устраненіи всякаго тщеславія, большую скромность и осторожность.

Послѣдствія оправдали мое недовѣріе къ Рылѣеву. При той жалкой роли, которую онъ принялъ на себя въ комитетѣ, не только открывать комитету все, что зналъ, но и содѣйствовать ему всячески въ изысканіяхъ и указывать средства къ раскрытію всего, только тѣ члены и уцѣлѣли, которые не были ему извѣстны и не подпали его соображеніямъ, что они могли быть членами. Рылѣевъ надѣялся, что въ отсутствіе мое имъ легче удастся вступить какъ нибудь въ прямыя сношенія съ принятыми мною членами, и, польстя ихъ тщеславію, отвлечь ихъ отъ меня въ продолженіе долгаго моего отсутствія.

Впрочемъ, и этотъ планъ удался имъ, какъ увидимъ, отъ случайнаго только обстоятельства.

Между тѣмъ, Рылѣевъ, не подозрѣвая, что Каховскій открылъ мнѣ всѣ ихъ интриги противъ меня, искалъ всячески сблизиться со мною и пріобрѣсть мое довѣріе. Онъ часто бывалъ у меня, но всегда одинъ, совѣтовался со мною даже насчетъ своихъ литературныхъ произведеній, и, конечно, никому неизвѣстно, что вся его тема для исповѣди Наливайки дана была мною, а Рылѣевъ только переложилъ ее въ стихи въ моемъ присутствіи и съ моими поправками.

Рылѣевъ предложилъ мнѣ праздновать вмѣстѣ день нашихъ именинъ (память св. Дмитрія Ростовскаго и Ап. Кодрата чествуется церковію въ одинъ день 21-го сентября); я не отказался отъ этого, но несмотря на его просьбы пригласить и «моихъ» гостей, на это не согласился, а на его убѣжденія имѣть къ нему полное довѣріе, по-

стоянно отвѣчалъ: «Я пока съ вами, но не вашъ еще. Мнѣ нужны гарантіи посильнѣе».

При составленіи инструкцій для отправляющихся въ разныя губерніи возникли важные вопросы объ отношеніи либерализма къ народу, которые тѣмъ умѣстнѣе будетъ разсмотрѣть здѣсь въ подробности, что относительная справедливость различныхъ и даже противорѣчащихъ взглядовъ по этому предмету недостаточно выяснена и до сихъ поръ. Корень разногласія и противорѣчія, очевидно, заключается въ различіи понятій о тѣхъ побужденіяхъ, которыя даютъ человѣку право искать свободу, и о томъ, что въ дѣйствительности составляетъ народъ. Для людей, которые смотрятъ на свободу, какъ на нравственную обязанность, какъ на условіе достиженія цѣли высшихъ стремленій, для такихъ людей даже и тѣ, кто лишаетъ ихъ самихъ свободы, не составляетъ предметъ вражды, потому что они и на нихъ смотрятъ, какъ на самихъ несвободныхъ, и жертвуютъ собою, чтобы ихъ освободить отъ узъ неправды, заблужденій, страстей, ложнопонятыхъ интересовъ, ведя борьбу не съ людьми собственно, а съ ложными понятіями и злыми началами. Но есть и другая точка зрѣнія, не лишенная относительной справедливости, и которая сверхъ того преобладаетъ въ стремленіяхъ людей къ свободѣ,— это точка зрѣнія личнаго права всякаго человѣчка на свободу, разумѣя ее, какъ внѣшнія условія и права. Если я имѣю право, говорятъ, лишать внѣшняго непріятеля средствъ, вредить моей личности и собственности, то я имѣю точно такое же право и противъ внутренняго непріятеля. А какъ народъ (разумѣй: простонародье) всегда бываетъ въ рукахъ правительства орудіемъ деспотизма и угнетенія образованныхъ классовъ общества, то я имѣю право ограждать и защищать свободу того класса, въ которомъ всегда заключается сущность національности, противъ всякаго, кто на нее посягаетъ, противъ правительства, какъ и противъ мужичья (разумѣя тутъ всѣ необразованные классы общества). Этотъ взглядъ въ особенности бываетъ распространенъ между тѣми, кто считаетъ возможнымъ производить перевороты помощію военной силы, и гдѣ (какъ напр. во многихъ окраинахъ Россіи, въ Прибалтійскихъ и западныхъ губерніяхъ) образованный принадлежитъ къ другому племени, нежели масса народа.

Разумѣется, главная причина недоразумѣнія и противорѣчія при этомъ заключается въ двусмысліи терминовъ: народъ и образованность.

Сущность народа, какъ живого организма, заключается во всей совокупности его силъ, свойствъ и способностей; поэтому, ни простонародье, ни образованный классъ, взятые въ отдѣльности, не могутъ быть почитаемы исключительными представителями народа. Относительно же такъ называемой образованности не надо забывать и того, что она часто принимаетъ направленіе худшее еще, нежели необразованность простолюдина, въ которомъ тогда и сохраняется поэтому болѣе общей истины и силы, нежели въ образованномъ классѣ.

Наконецъ, историческій опытъ доказалъ, что свобода нигдѣ не прочна, гдѣ имѣетъ

узкое основаніе одного только класса въ народѣ, и что одно изъ самыхъ жизненныхъ ея условій состоитъ въ томъ, чтобы основаніе это постепенно расширялось, такъ чтобъ несомнѣнная надежда на вѣрное полученіе правъ въ отдаленномъ будущемъ (само собою, по естественному ходу дѣла),—обуздывало нетерпѣніе классовъ общества, не пріобщенныхъ еще въ полнотѣ гражданскихъ и политическихъ правъ.

Разногласіе по различію взглядовъ, какъ должны мы были дѣйствовать при исполненіи порученія общества, рѣзко выразилось вполнѣ въ слѣдующихъ рѣчахъ, съ которыми обращались къ намъ: «Вамъ нечего заботиться о помѣщикахъ и чиновникахъ», говорили одни, «а старайтесь между крестьянствомъ, мѣщанами и купцами, а отчасти и между духовенствомъ распространять убѣжденіе о законности добиваться свободныхъ установленій, и какія выгоды они извлекутъ изъ того. Вѣдь духовенство у насъ слито съ народомъ и не менѣе его порабощено».—«Нѣтъ, ужъ пожалуйста не пугайте помѣщиковъ,—говорили другіе;—втолкуйте имъ о справедливости требовать правъ для себя, оставя другія сословія дѣйствовать, какъ хотятъ,—это они поймутъ, потому что всетаки на столько образованы, что могутъ понять. Другія же сословія поймутъ это только тогда, когда будутъ пообразованнѣе и всегда увидятъ у другихъ на дѣлѣ всѣ выгоды имѣть обезпеченное право. Пусть пріобрѣтетъ сначала неотъемлемыя права дворянство, права другихъ сословій придутъ сами собою. Народу можно обѣщать только такія льготы, которыхъ выгоды онъ сейчасъ пойметъ, напр. уменьшеніе казенныхъ повинностей, лѣтъ службы, лучшее управленіе и т. п. О выкупѣ же крестьянъ надо разъяснить помѣщикамъ, что это неизбѣжно и безъ переворота, стало быть лучше же сдѣлать это на тѣхъ справедливыхъ для всѣхъ основаніяхъ, какъ выработано обществомъ, нежели рисковать, что это неминуемо совершится при худшихъ, пожалуй, еще условіяхъ», и пр.

Много было еще подобныхъ же толковъ, но все кончилось тѣмъ, какъ и часто кончается въ такихъ случаяхъ, что намъ сказали: «Впрочемъ, общество довѣряетъ вамъ вполнѣ, и вы сами тамъ на мѣстахъ лучше увидите, какъ надобно будетъ поступать. Письменныхъ сообщеній не дѣлайте, а извѣщайте только, гдѣ будете находиться, чтобы мы могли это узнать на случай какой-нибудь особенной надобности».

Видя, какъ все не клеилось въ обществѣ, мнѣ предстояло два пути: или продолжать развивать свое общество на основаніяхъ болѣе прочныхъ, нежели другія тайныя общества, или согласно тому, какъ толковали о томъ не разъ и въ Сѣверномъ и въ Южномъ обществахъ, попробовать еще разъ подѣйствовать на самого Государя и добиться отъ него измѣненія системы, обратясь съ одной стороны къ прежнимъ его либеральнымъ стремленіямъ, а съ другой показавъ ему неизбѣжность революціи, если онъ не предупредитъ ее искренне-либеральными реформами. Быстро послѣдовавшія неожиданныя событія не допустили развитія ни того, ни другого плана.

Хотя я и готовился исполнить порученіе общества съ полною добросовѣстностью, но въ меня начало уже проникать убѣжденіе, что при тѣхъ понятіяхъ о власти, какія

были у правительственной партіи, а о свободѣ, какія были у революціонной, общество и государство будутъ вѣчно вращаться въ безвыходномъ кругу; и что потому людямъ, искренне ищущимъ чистаго добра, надобно найти такое основаніе, на которомъ было бы возможнымъ соглашеніе всего, что было справедливаго съ обѣихъ сторонъ, или лучше сказать, изъ котораго оно естественно истекало бы въ органическомъ соединеніи и исключало бы всякую возможность злоупотребленія, неизбѣжнаго при односторонности стремленій. Я чувствовалъ уже и тогда, что власть и свобода должны имѣть одно основаніе или, вѣрнѣе сказать, быть проявленіемъ одного и того же начала, и хотя тогда еще я не могъ такъ отчетливо доказать это другимъ, какъ впослѣдствіи однако захотѣлъ попытаться обратить къ своимъ идеямъ и ту, и другую партію. А какъ начало отпуска (на четыре мѣсяца) и отъѣздъ были разсчитаны такъ, чтобы воспользоваться съѣздомъ на зиму въ города дворянства и, слѣдовательно, не могли быть ранѣе ноября, то я и рѣшился воспользоваться остающимся до отъѣзда промежуткомъ времени, чтобъ еще разъ испытать, возможно ли надѣяться найти въ той или другой партіи полную искренность, которая заставила бы ее отступиться отъ ложныхъ понятій и вступить на единственный вѣрный путь. Та сторона, въ которой нашлась бы подобная искренность, и которая, поэтому, начала бы съ того, что въ самой себѣ побѣдила бы добромъ зло и представила бы тѣмъ самымъ необходимый залогъ, что именно въ ея дѣйствіяхъ можетъ быть найдено ручательство за надежный успѣхъ на пути общественнаго улучшенія. Если же бы обѣ партіи согласились перейти на новое основаніе, то, разумѣется, тѣмъ было бы лучше, и успѣхъ былъ бы вѣрнѣе и быстрѣе. И такъ я обратился въ одно и то же время къ Государю и къ тайному обществу.

Сущность того, что я писалъ къ Государю, заключалась въ томъ, что я изобразилъ невыгодное состояніе государства, возмущающее совѣсть искреннихъ людей и наталкивающее ихъ неизбѣжно на революціонный путь вслѣдствіе безнадежности, что правительство сознаетъ когда нибудь ошибочность своей внутренней и внѣшней политики и измѣнитъ ихъ. Но если правительство вступитъ искренно на путь либеральныхъ реформъ, то всѣ эти люди будутъ самыми преданными ему дѣятелями; въ противномъ же случаѣ невозможно избѣжать или революціи или полнѣйшаго нравственнаго маразма, и общимъ-ли потрясеніемъ Европы въ случаѣ революціи въ Россіи, безсиліемъ-ли ея при паралитическомъ состояніи, Государь лишится славы умиротворителя Европы. По необъяснимому и до сихъ поръ обстоятельству письмо это не дошло до Государя. Оно было возвращено мнѣ чрезъ графа Дибича, чѣмъ однимъ уже опровергалась нелѣпая клевета, распущенная моими противниками о доносѣ, потому что явно, что въ подобномъ случаѣ письмо было бы слишкомъ желаннымъ для людей, руководившихъ правительствомъ, и участь и письма и моя была бы совсѣмъ иная, какъ и доказано было въ отношеніи тѣхъ, кто дѣлалъ дѣйствительно доносы. Насчетъ же того, что я волею или неволею вынужденъ былъ-бы открыть многое, я былъ слишкомъ увѣренъ въ своей

рѣшимости на всякое самопожертвованіе, даже и самолюбіемъ, какъ и доказалъ потомъ въ крѣпости въ несравненно опаснѣйшемъ положеніи; за мною ни одинъ человѣкъ не вошелъ въ крѣпость, и все, что я долженъ былъ говорить для спасенія другихъ, жертвуя даже своимъ самолюбіемъ, не могло уже прибавить ничего къ тому, какъ они сами себя компрометтировали.

Я написалъ другое письмо, которымъ хотѣлъ уже только заставить Государя призвать меня въ свое личное присутствіе. Надежда моя на возможность этого основывалась на словахъ министра просвѣщенія Шишкова, что личность моя очень заинтересовала Государя во время первыхъ моихъ предложеній. Но письмо это осталось неотправленнымъ, такъ какъ получено было извѣстіе объ отправленіи Государя изъ Царскаго Села въ Таганрогъ; тогда я написалъ третье письмо уже въ Таганрогъ, но болѣзнь и смерть Государь не допустили этому письму произвести тѣхъ послѣдствій, которыхъ я могъ ожидать отъ него.

Въ то же время я обратился и къ Рылѣеву и къ другимъ вліятельнымъ членамъ въ Сѣверномъ тайномъ обществѣ и поставилъ имъ на видъ, что если нельзя отрицать того, что въ обществѣ есть много людей, дѣйствующихъ съ искренностью и самопожертвованіемъ, то нельзя уже отрицать и того, что много втерлось и такихъ, для которыхъ свобода только предлогъ для прикрытія честолюбивыхъ видовъ, и что чѣмъ болѣе будетъ расширяться кругъ дѣйствія общества и умножаться число членовъ его, тѣмъ менѣе вѣроятности на разборчивость въ пріемѣ новыхъ членовъ и тѣмъ болѣе вѣроятности, что будутъ вступать люди по эгоистическимъ расчетамъ. Но въ такомъ случаѣ, если-бы даже переворотъ и совершился удачно, то нѣтъ уже гарантіи, что онъ приведетъ къ свободѣ, а не къ деспотизму же людей честолюбивыхъ. Что, поэтому, не лучше-ли будетъ, устраня революціонныя средства и распустивъ тайныя общества, сохранить нравственный союзъ и дѣйствовать словомъ и дѣломъ открыто за свободу и всякое улучшеніе, что требуетъ еще большаго самопожертвованія, такъ какъ требуетъ борьбы не съ однимъ правительствомъ, но и съ обществомъ, а между тѣмъ даетъ тѣмъ больше нравственной силы, что правительство будетъ лишено возможности обвинять въ незаконности дѣйствій.

Слова мои нашли однако мало сочувствія у членовъ Сѣвернаго общества, и мои идеи нашли мало доступа къ ихъ понятіямъ. Хоть они и признавали справедливость моихъ доводовъ и не могли противопоставить имъ никакого рѣшительнаго аргумента со своей стороны, но очевидно было, что нежеланіе утратить свое положеніе въ обществѣ и ту роль, какую они могли играть въ переворотѣ и послѣ него, болѣе всего содѣйствовало тому, чтобы сдѣлать ихъ глухими къ моимъ убѣжденіямъ. Оставалось только предохранить членовъ, принятыхъ мною, отъ ошибочныхъ дѣйствій и оградить ихъ отъ безполезнаго пожертвованія собой, въ случаѣ открытія общества прежде, нежели они выступятъ въ какомъ нибудь рѣшительномъ дѣйствіи.

Здѣсь необходимо обратить вниманіе на то измѣненіе, которое происходило въ характерѣ самыхъ обществъ по мѣрѣ приближенія къ открытому проявленію ихъ стремленій, когда тайныя общества, бывшія сначала распространителями преимущественно идей, стали переходить въ заговоръ, имѣющій цѣлію непосредственное осуществленіе ихъ на дѣлѣ, что требовало совершенно иного устройства и иныхъ людей и ставило ихъ совсѣмъ въ иныя отношенія однихъ къ другимъ, нежели въ какихъ они могли состоять въ тайномъ обществѣ. При такомъ дѣйствіи, которое имѣетъ главною цѣлью распространеніе идей, нѣтъ никакой надобности вновь принимаемому члену знать другихъ; и поэтому обычна организація тайныхъ обществъ, что изъ высшихъ или прежнихъ членовъ новопринимаемый знаетъ только одного того, кто его принялъ, такая организація и пригодна для дѣла и наиболѣе свойственна для безопасности. Въ случаѣ открытія какого либо члена и даже признанія, исторгнутаго у него по его слабости, онъ можетъ указать только на члена, принявшаго его самого, и на тѣхъ, кого онъ самъ принялъ, такъ что во всякомъ случаѣ отсѣкается у общества одна только вѣтвь. Совсѣмъ иное происходитъ, когда приближается время открытаго дѣйствія, и тайное общество принимаетъ, какъ мы сказали выше, характеръ заговора, гдѣ каждому необходимо знать кто, гдѣ, и какимъ образомъ будетъ ему содѣйствовать. Притомъ и свойства людей для того или другого дѣла требуются неодинаковыя, а рѣдко кто совмѣщаетъ и тѣ и другія свойства въ одномъ себѣ. Мы видѣли на опытѣ, что люди и очень умные, какъ Пестель, и очень усердные, какъ Оболенскій, дѣятельно работавшіе въ распространеніи идей и въ умноженіи членовъ, оказались вовсе неспособными направлять дѣломъ въ рѣшительную минуту открытаго дѣйствія.

Пестель не умѣлъ привязать къ себѣ солдатъ своего полка, и, располагая цѣлою арміею, допустилъ арестовать себя самымъ постыднымъ образомъ. Оболенскій, вмѣсто того чтобы принять немедленно мѣры о замѣнѣ скрывшагося Трубецкого, заботился о томъ, чтобы успокоить графиню Коновницыну насчетъ ареста ея сына, и не съумѣлъ освободить конно-артиллерійскихъ солдатъ изъ подъ ареста, когда тѣ только и ждали, чтобъ онъ подалъ къ тому сигналъ.

Между тѣмъ въ послѣднее время передъ отъѣздомъ моимъ собранія дѣлались чаще и становились многолюднѣе, такъ что большее и большее число членовъ узнавали другъ друга, хотя въ этихъ собраніяхъ всегда появлялись и такіе члены, о которыхъ навѣрное напередъ можно было сказать, что они не примутъ участія въ открытомъ дѣйствіи, и, слѣдовательно, появленіе ихъ въ собраніяхъ понапрасну компрометтировало и ихъ самихъ, и людей, приготовлявшихся къ дѣлу, умножая число людей, знающихъ ихъ, какъ дѣятельныхъ членовъ для совершенія самого переворота и, слѣдовательно, умножая случайности открытія приготовляемаго дѣла, не черезъ одного, такъ черезъ другого какого-нибудь неосторожнаго члена. Кромѣ того, нельзя было видѣть безъ крайняго неудовольствія, какъ иные члены, у которыхъ бывали собранія, допускали по слабости или

по пристрастію присутствіе въ собраніи людей сомнительныхъ, которые, какъ напр. Ростовцевъ въ собраніяхъ у Оболенскаго, искалъ всегда присутствовать и все знать, а между тѣмъ не хотѣлъ принять прямого участія въ обществѣ. Все это тѣмъ сильнѣе побуждало меня принять мѣры для охраненія принятыхъ мною членовъ до рѣшительной минуты отъ опасности быть открытыми вслѣдствіе неблагоразумныхъ дѣйствій руководителей Сѣвернаго общества. Поэтому, я и просилъ своихъ членовъ не компрометтировать себя изъ тщеславія или любопытства прежде времени безъ надобности, не вступать, не снесясь со мною [1]), въ прямыя сношенія съ директорами или другими, незнающими ихъ, членами общества, но дѣйствовать хорошо и съ полнымъ самопожертвованіемъ, ни въ чемъ не сберегая себя, въ случаѣ, если ужъ придется дѣйствовать. Затѣмъ я повторилъ имъ, особенно въ Гвардейскомъ экипажѣ, представляющемъ болѣе цѣлостный отдѣлъ моихъ членовъ, всѣ свои распоряженія на случай дѣйствія. Ниже увидимъ мы, какимъ образомъ вслѣдствіе моего отсутствія, забвеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ распоряженій имѣло гибельное вліяніе на самый ходъ дѣла 14-го декабря.

Наканунѣ моего отъѣзда вдругъ неожиданно собралось у меня проводить меня довольно значительное число принятыхъ мною членовъ, особенно изъ Гвардейскаго экипажа. Но въ то же время и такъ же неожиданно, и также, чтобы проводить меня, явился и Рылѣевъ съ нѣкоторыми изъ своихъ членовъ. Я тогда же замѣтилъ, что одинъ изъ офицерковъ Гвардейскаго экипажа, а именно Арбузовъ, сталъ особенно увиваться около Рылѣева, такъ что и тотъ даже замѣтилъ это. Хотя подобное дѣйствіе и могло относиться къ Рылѣеву, какъ къ литератору, однако я сейчасъ увидѣлъ, какая опасность можетъ грозить тутъ, и счелъ обязанностію предостеречь Арбузова. Но было уже поздно. По моемъ отъѣздѣ, Рылѣевъ именно чрезъ Арбузова вошелъ въ сношеніе съ Гвардейскимъ экипажемъ, употребя для этого Николая Бестужева, моряка, хотя и выбраннаго въ это время третьимъ директоромъ (за отъѣздомъ Никиты Муравьева въ деревню), но бывшаго въ сущности не дѣйствительнымъ директоромъ, а только номинальнымъ.

VII.

По пріѣздѣ моемъ въ Москву, я еще больше убѣдился въ справедливости замѣчаній, сдѣланныхъ въ Петербургѣ. Въ Москвѣ старые члены еще больше истратили энергіи въ пустой болтовнѣ и еще менѣе оказывали готовности и рѣшимости приступить къ дѣлу. Самое пониманіе дѣла какъ бы утратило ясность для нихъ, и только новые члены, пріѣхавшіе изъ Петербурга, вносили нѣкоторое оживленіе въ кружки, гдѣ собирались члены тайнаго общества. Но въ замѣну того, либеральныя мнѣнія въ общемъ

[1]) Для безопаснаго сношенія я далъ имъ для переписки со мною тайный надежный ключъ.

были очень распространены даже въ начальственныхъ сферахъ, гдѣ даже не боялись приблизить къ себѣ людей, завѣдомо слывшихъ за либераловъ.

Хотя графъ Остерманъ-Толстой, у котораго въ домѣ я жилъ въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Леонидомъ Голицынымъ и другими племянниками его, и который особенно любилъ меня, и находился въ то время въ Москвѣ, однако я не остановился у него, чтобы не быть стѣснену въ пріемѣ пріѣзжавшихъ ко мнѣ, и помѣстился въ домѣ Тютчевыхъ въ Армянскомъ переулкѣ, гдѣ теперь Горихвостовское заведеніе. Я занималъ тамъ почти весь верхній этажъ, и ко мнѣ былъ особый ходъ, такъ что члены общества могли безпрепятственно посѣщать меня.

Ноября 22-го, когда я былъ на балѣ у Остермана и проходилъ чрезъ маленькую полуосвѣщенную гостинную, князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, сидѣвшей въ ней съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ, поэтомъ и бывшимъ министромъ юстиціи и Евгеніемъ Ивановичемъ Марковымъ, бывшимъ посланникомъ нашимъ въ Парижѣ, сказалъ мнѣ: «Садись-ка съ нами, молодой человѣкъ. Послушай насъ, стариковъ; поучись-ка уму разуму».

Остерманъ, который шелъ за мною, услыхавъ эти слова, сказалъ Голицыну, шутя: «Вотъ ужъ нашли кого учить. Да у него въ одномъ мизинцѣ больше ума, чѣмъ во всѣхъ нашихъ головахъ. Послушаю однако же и я, чему вы будете его учить».

Я сѣлъ на диванъ между Голицынымъ и Дмитріевымъ, а Остерманъ сталъ противъ меня, но въ ту минуту вошли князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, бывшій тогда главнокомандующимъ въ Москвѣ, и графъ Петръ Александровичъ Толстой, командовавшій 5-мъ корпусомъ, разговаривая о чемъ-то съ озабоченнымъ видомъ. Остерманъ готовился было имъ сообщить предшествующій шуточный разговоръ и началъ было словами: «А вотъ послушайте, о чемъ мы здѣсь говорили...» какъ, замѣтивъ новопришедшихъ, остановился и, прервавъ свой разсказъ, сказалъ имъ: «Да что съ вами? Что вы такъ невеселы, да еще на балѣ у меня»?

Тогда Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, остановясь противъ дивана, гдѣ мы сидѣли, сказалъ вполголоса, чтобъ не слыхали безпрестанно проходившіе черезъ гостиную: «Есть извѣстіе, что Государь простудился. Впрочемъ, ему кажется лучше.» Потомъ прибавилъ: «Однако объ этомъ не надо никому говорить.»

Мы вышли въ бальную залу. Я стоялъ въ амбразурѣ окна и началъ говорить съ членами общества, то съ тѣмъ, то съ другимъ, подходившими ко мнѣ, а Протасовъ сердился, что я не танцую, и то и дѣло подбѣгалъ ко мнѣ, говоря: «Что ты все толкуешь о политикѣ, а не танцуешь. Да перестань же и ступай танцовать... Да скоро-ли ты бросишь, вонъ Ольга велѣла силою тебя тащить» и пр.

Екатерининъ день 24-го ноября былъ для меня день чрезвычайно утомительный. Въ родствѣ и знакомствѣ моемъ было очень много именинницъ. Все утро проѣздилъ я съ визитами, затѣмъ былъ у насъ парадный обѣдъ, по случаю именинъ тетки Екате-

рины Львовны,—а на вечеръ я получилъ множество приглашеній на балъ къ разнымъ именинницамъ, и хотя почти отъ всѣхъ отказался, но всетаки осталось три дома, куда необходимо было ѣхать: къ Апраксину, съ сыномъ котораго мы были очень близки, къ княгинѣ Екатеринѣ Александровнѣ Трубецкой, первому другу моей мачихи, и къ княгинѣ Натальѣ Ивановнѣ Голицыной, сестрѣ Остермана, у которой была именинница дочь (Коко), совоспитанница моей сестры, вышедшая потомъ за гр. Салтыкова. Впрочемъ, эти разъѣзды были потому не совсѣмъ невыгодны, что давали мнѣ возможность повидаться со многими членами, не возбуждая вниманія особыми намѣренными посѣщеніями.

Ноября 26-го я былъ на балѣ у главнокомандующаго, но какъ я хотѣлъ на другой день или на третій выѣхать въ Казань, и мнѣ приходилось написать передъ выѣздомъ много писемъ въ Петербургъ, то я и уѣхалъ съ бала рано, какъ и вообще, впрочемъ, не оставался на балахъ даже до ужина. Воротясь домой, я отослалъ прислугу, а самъ сѣлъ писать. Было уже три часа утра, когда я услышалъ подъѣзжающіе экипажи, и сначала ни на это, ни на раздававшіеся голоса въ передней не обратилъ особеннаго вниманія.

Я думалъ, что это воротились съ бала кузина и ея братья и хотятъ мнѣ что-нибудь разсказать о балѣ. Но скоро по бряцанію нѣсколькихъ сабель и звуку шаговъ я увидѣлъ, что идетъ цѣлая толпа.

Чтобъ дойти до моего кабинета, надобно было пройти цѣлый рядъ комнатъ. Я былъ въ совершенномъ недоумѣніи, что бы это значило. Быстро мелькнула мысль, уже не идутъ-ли арестовать меня? Рука инстинктивно схватила только что написанное важное письмо; я зажегъ его, и бросилъ въ каминъ, а самъ бросился навстрѣчу идущимъ, чтобъ не дать имъ войти въ кабинетъ и увидать горящее письмо; но едва только я приподнялъ портьеру, какъ Алексѣй Шереметевъ, шедшій впереди, увидавъ меня, закричалъ: «Государь умеръ; скажи, что должны мы дѣлать?» Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхали дѣти гр. Толстого, Бахметьевъ и Ладыженскій, адъютанты его, Раичъ и др. Они узнали о смерти Государя отъ графа Толстого, которому сообщилъ о томъ Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ уже при разъѣздѣ, не желая произвести замѣшательства на балѣ, и они, не отыскавъ меня въ числѣ разъѣзжавшихся, рѣшились ѣхать немедленно ко мнѣ и сообщить полученную секретно важную новость.

На другой день я увидался съ вліятельными членами общества, и на общемъ совѣщаніи рѣшили отправить Одоевскаго и Вяземскаго (старшаго) въ Петербургъ, чтобъ узнать, что намѣрены тамъ дѣлать. Мы получили въ отвѣтъ, что всѣ должны ѣхать по прежнему назначенію, что общество рѣшилось ничего не предпринимать, такъ какъ вся Россія присягнула уже Константину,—а что будутъ выжидать первыхъ дѣйствій новаго царствованія.

Я всякій день бывалъ у Остермана, хоть и не надолго; но разъ поздно уже ве-

черомъ онъ прислалъ верхового съ запискою, чтобъ на другой день я пріѣхалъ къ нему поутру пораньше. Я отправился въ 10 часовъ.

«Вотъ матушка твоя,» сказалъ онъ, какъ только я вошелъ къ нему, «пишетъ ко мнѣ и бранитъ меня, будто-бы я тебя держу въ Москвѣ. Ты знаешь, какъ я люблю тебя, но что-жъ въ самомъ дѣлѣ ты не ѣдешь, когда тамъ тебя такъ ждутъ?»

Я отвѣчалъ, что можетъ быть придется возвратиться въ Петербургъ. Онъ посмотрѣлъ на меня внимательно и сказалъ: «А позвольте спросить, зачѣмъ-бы это?»— Я отвѣчалъ, что съ перемѣною царствованія не мудрено, что перемѣнится внѣшняя политика и скорѣе всего относительно грековъ. Тогда флотъ будетъ необходимъ, а извѣстно, въ какомъ разстройствѣ онъ находился послѣ наводненія прошлаго (1824) года, что поэтому надобно очень заблаговременно позаботиться о его вооруженіи, и въ такомъ случаѣ, думаю, всякій офицеръ, находящійся на мѣстѣ, будетъ не лишній.

Остерманъ улыбнулся: «Ну, все это хорошо,» сказалъ онъ, «только вотъ что я тебѣ скажу: въ Петербургъ отпущу я одного Федора (Тютчева), онъ не опасенъ; да и тому, впрочемъ, велѣлъ я скорѣе убираться къ своему мѣсту въ Мюнхенъ; Валеріана возьму съ собой (Голицына), а вы, господинъ будущій министръ, извольте-ка у меня отправляться въ Казань, если не хотите, чтобъ я самъ васъ туда выпроводилъ. Теперь никому изъ васъ въ Петербургѣ нечего дѣлать; въ Петербургѣ ваше мѣсто будетъ тогда, когда будете министромъ. Теперь извольте-же мнѣ сказать, когда выѣзжаете, потому что я сейчасъ напишу вашей матушкѣ.»

«Въ такомъ случаѣ», сказалъ я, «я думаю, что могу выѣхать дня черезъ два или три» [1]).

«А есть-ли у тебя экипажъ?» спросилъ Остерманъ. Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ въ Москву въ дилижансѣ, и какъ дорога плохо еще установилась, то и не знаю, стоитъ-ли покупать зимнюю повозку, чтобъ не пришлось бросить ее гдѣ-нибудь, и потому думаю поѣхать на перекладныхъ.

«Ну, хорошо, мой управляющій довезетъ тебя во всякомъ случаѣ до Владиміра, а, можетъ быть, и дальше, да это будетъ и для меня вѣрнѣе, и я буду спокоенъ на твой счетъ. Стало быть, чрезъ три дня ты будешь готовъ, а до тѣхъ поръ прошу покорно всякій день показываться мнѣ».

Разумѣется, я ему не противорѣчилъ, хотя и сталъ придумывать, какъ бы отдѣлаться отъ провожатаго, въ случаѣ, если это понадобится. Между тѣмъ, какъ мы такимъ образомъ разговаривали, полушутя, полусерьезно, пріѣхалъ главнокомандующій Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ и только что вошелъ въ кабинетъ, какъ, не поздоровавшись даже, сказалъ Остерману: «Вообрази себѣ, что всѣ прапорщики взбѣленились

---

[1]) Этотъ разговоръ происходилъ до полученія еще нами изъ Петербурга отвѣта, котораго однако мы ждали ужъ съ часу на часъ.

и задумали скакать въ Петербургъ. Что бы это значило? Я велѣлъ не выдавать безъ меня никому подорожной. Жаль только, что мнѣ поздно сказали, а то кое-кто успѣлъ уже улизнуть въ Петербургъ».

«Это значитъ,» отвѣчалъ Остерманъ, не щадившій никого, «что прапорщикамъ поневолѣ приходится заниматься государственными дѣлами, когда государственные люди занимаются прапорщичьими [1]). Вотъ и мои племяннички бросились было туда же, только я позволилъ себѣ вмѣшаться въ ихъ дѣла, и сейчасъ о томъ и хлопоталъ, чтобъ вотъ этого будущаго адмирала и министра отправить понадежнѣе въ Казань, а то и кузина Надежда жалуется, что мы его здѣсь совсѣмъ заквестровали».

Голицынъ улыбнулся и посмотрѣлъ на меня внимательно.

«А знаешь-ли, Остерманъ», сказалъ онъ, «право мнѣ какъ-то сдается, что будущій министръ лучше всѣхъ могъ бы, если бы захотѣлъ, объяснить намъ, отчего прапорщики хотятъ скакать въ Петербургъ. Право, я очень боюсь за такія горячія головы, но какъ ты взялся уже отправить его въ Казань, то больше и говорить нечего.— «Кланяйтесь Надеждѣ Львовнѣ,» сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, «скажите, что намъ очень пріятно видѣть васъ здѣсь, и въ этомъ наше извиненіе передъ нею, что васъ здѣсь задержали».

Въ то время сообщенія съ Петербургомъ были очень медленно; даже и въ дилижансѣ ѣхали иногда трое сутокъ. Вотъ почему мы и не могли получить отвѣта ранѣе 7-го декабря, и то поздно вечеромъ. Въ Москвѣ между тѣмъ не было особеннаго смущенія ни при слухахъ о болѣзни Государя, ни при извѣстіи о его смерти. Въ частныхъ домахъ продолжали веселиться, и только изъ приличія закрывали окна и приказывали экипажамъ не стоять на улицѣ, а въѣзжать во дворъ. Я и самъ долженъ былъ 4-го декабря быть на именинномъ балѣ у кузины Варвавы Толстой; и когда собрался выѣхать 10-го числа поутру, то былъ задержанъ своимъ двсюроднымъ братомъ Львовымъ, который просилъ меня взять его съ собою въ Казань, но подождать до вечера этого дня, такъ какъ у него шло сватовство, и онъ надѣялся, что въ этотъ вечеръ, не помню ужъ, у кого на балѣ, должна была «рѣшиться его участь», какъ онъ говорилъ. Ровно въ полночь на 11-е число, когда почтовыя лошади были уже заложены въ мой экипажъ, прискакалъ отъ Львова верховой съ запискою, содержащею лаконическое «остаюсь», и я немедленно отправился. Хотя я и ѣхалъ вмѣстѣ съ управляющимъ Остермана, но только въ томъ отношеніи, что мы ѣхали по пути. Я долженъ былъ взять отдѣльный экипажъ потому, что со мною было два моихъ деньщика. Одному, который былъ изъ Нижегородской губерніи я обѣщалъ дать случай пожить у родныхъ, пока буду въ отпуску, а другой изъ подмосковской волости, котораго я отпускалъ до-

[1]) Этимъ намекалъ онъ и на Голицына, который проводилъ больше времени за кулисами, чѣмъ за дѣлами.

мой, пока жилъ въ Москвѣ, долженъ былъ ѣхать со мною въ Казань. Съ третьей-же станціи я уѣхалъ, впрочемъ, впередъ отъ управляющаго, такъ какъ у меня была подорожная, и сверхъ того я щедро платилъ «на водку» и, остановясь не надолго въ Нижнемъ Новгородѣ, я въ самый день 14-го деркабря выѣзжалъ въ Казань.

Сообщенія были тогда такъ медленны, что, отправясь за два дня до Рождества въ свою деревню, мы не имѣли никакого еще извѣстія о событіяхъ въ Петербургѣ. Я, впрочемъ, всетаки первый получилъ о томъ положительныя свѣдѣнія 28-го декабря въ деревнѣ, тогда какъ въ городѣ были только одни неопредѣленные слухи. Мы собирались въ это время навѣстить нашу Симбирскую деревню, принадлежавшую покойному отцу, и для этого отправились въ Симбирскъ проселочною дорогою. Мы выѣхали 2-го января 1826 года; а посланный за мной фельдъегерь прискакалъ за мною въ деревню, изъ которой мы выѣхали на другой день, и какъ по проселочной дорогѣ онъ не надѣялся догнать насъ, то и обратился въ Симбирскъ черезъ Казань. Посланный же въ то время прямо въ Симбирскъ за мною артиллерійскій офицеръ упредилъ меня въ Симбирскѣ, и когда я въѣзжалъ въ этотъ городъ, то члены общества, ожидавшіе меня уже у въѣзда въ городъ, собщили мнѣ о его прибытіи. Мы въѣзжали не по почтовому тракту, а по проселочному, вслѣдствіе того, какъ сказано выше, что изъ деревни Казанской заѣзжали въ симбирское имѣніе отца.

Матушка ѣхала въ каретѣ съ сестрою, а я, который никогда не любилъ даже въ городѣ ѣзды въ закрытомъ экипажѣ, ѣхалъ въ кибиткѣ. Аржевитиновъ (одинъ изъ встрѣтившихъ меня) сѣлъ ко мнѣ, и, пока матушка съ другими экипажами, гдѣ была прислуга и кухня, ѣхала въ домъ Ивашевыхъ по прямому пути, мы поѣхали не чрезъ заставу, а какимъ-то объѣздомъ и по городу все переулками, такъ что если и были наблюдавшіе за моимъ пріѣздомъ, то они не видали меня ни у заставы, ни при выходѣ изъ экипажей въ домѣ Ивашевыхъ. Между тѣмъ мы пробрались, никѣмъ незамѣченные, черезъ садъ въ кабинетъ сына Ивашева, а экипажъ мой ввезли чрезъ задній дворъ; и какъ другіе члены общества, изъ встрѣтившихъ насъ за заставою, распустили слухъ, что я не пріѣхалъ, то повѣрилъ-ли тому губернаторъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ онъ не принялъ никакихъ мѣръ, чтобъ удостовѣриться въ томъ, и такимъ образомъ мы выиграли цѣлую ночь на приготовленіе.

Ивашевы, у которыхъ въ домѣ мы остановились, были тѣсно связаны съ нами и родствомъ и дружбою; самъ Ивашевъ, отставной генералъ, былъ съ дѣтства пріятель покойнаго моего отца и сослуживецъ его при Суворовѣ; жена была двоюродная сестра моей мачихи; а сынъ, ротмистръ кавалергардскаго полка и адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміею, графа Витгенштейна, былъ по семейному соглашенію женихъ моей сестры. Ждали только ожидаемаго съ часу на часъ производства его въ полковники, чтобъ сыграть свадьбу, и тогда онъ долженъ былъ выйти въ отставку генераломъ и жить съ родителями. Молодой Ивашевъ былъ членъ тайнаго Южнаго общества, чего

разумѣется родители его и не знали; но понятно, что кромѣ другихъ причинъ, это болѣе всего однако заставляло его, какъ и другихъ членовъ тайныхъ обществъ, содѣйствовать мнѣ. Они предлагали мнѣ бѣжать, и скрыть меня гдѣ-нибудь въ дальнихъ деревняхъ, но подобныя вещи никогда не входили въ мою голову, [1]) и потому мы занялись приготовленіями совсѣмъ иного рода. Я пересмотрѣлъ свои бумаги и сжегъ всѣ, которыя могли навести на слѣдъ къ открытію участія въ обществѣ разныхъ лицъ, [2]) другія бумаги и вещи роздалъ разнымъ лицамъ, чтобъ они скрыли ихъ въ безопасныхъ мѣстахъ, и, наконецъ, написалъ нѣсколько распоряженій и писемъ, которыя должны были предупредить нѣкоторыхъ членовъ и указать имъ, какъ они должны дѣйствовать и что отвѣчать въ случаѣ, если подвергнутся аресту. Между тѣмъ многіе знакомые, тайно извѣщенные о моемъ пріѣздѣ, со всѣми предосторожностями незамѣтно пробрались къ намъ въ домъ. Я вышелъ къ ужину совершенно спокойный и веселый, и старался не только успокоить, но и развеселить всѣхъ, что, наконецъ, и удалось мнѣ совершенно. Я увѣрилъ всѣхъ относительно присылки офицера за мною, что это вѣрно по какому-нибудь недоразумѣнію, а скорѣе всего, вслѣдствіе знакомства моего со многими участниками въ событіи 14-го декабря.

«Но кто же не былъ знакомъ съ ними?» спрашивалъ я.

Молодой Ивашевъ изъ всѣхъ силъ поддерживалъ меня, не только для того, чтобы успокоить на мой счетъ, но чтобы приготовить родныхъ и относительно его самого.

«Вотъ пожалуй и меня эдакъ возьмутъ, какъ и Дмитрія», говорилъ онъ.

«Ну что ты, Богъ съ тобой», возражала его мать.

«Да отчего же нѣтъ, маменька», продолжалъ онъ, «вѣдь и я былъ со всѣми знакомъ?» и пр.

Всѣ собравшіеся провели всю ночь въ живой бесѣдѣ. Когда разсвѣтало уже (это было 5-го января) я одѣлся въ мундиръ, сдѣлалъ окончательныя распоряженія, простился со всѣми и поѣхалъ къ губернатору, какъ бы являться, не давая вида, что мнѣ что-нибудь извѣстно и желая предупредить всякое дѣйствіе съ его стороны.

Наше семейство и семейство Ивашевыхъ считались первыми въ городѣ и были глубоко уважаемы. Поэтому понятно, какъ тяжело было губернатору дѣйствовать противъ меня. Онъ былъ въ большомъ замѣшательствѣ, и, принявъ меня очень любезно, не зналъ, какъ приступить къ дѣлу. Я счелъ обязанностью облегчить это ему.

---

[1]) Я всегда былъ убѣжденъ, какъ и выразилъ то впослѣдствіи въ печати, что наибольшую пользу отечеству можно принести, только въ немъ дѣйствуя. Что же касается до возможности гибели въ такомъ случаѣ, то я всегда вѣрилъ, что если сохраненіе мое нужно, Провидѣніе съумѣетъ сохранить меня, если же нѣтъ, то вѣрно смерть была нужнѣе жизни внѣ отечества, такъ какъ часто мужественная смерть производитъ несравненно болѣе вліянія для защищаемаго дѣла, нежели долгая и повидимому даже полезная жизнь.

[2]) Прямыхъ указаній не было, но была обширная переписка, и понятно этой достаточно было, чтобъ возбудить подозрѣніе противъ тѣхъ, которые чаще сносились со мною.

«Вотъ,» сказалъ я, «пріѣхалъ было къ вамъ въ Симбирскъ пожить подольше и повеселиться, да къ сожалѣнію едва-ли и придется.»

«А отчего-же нѣтъ?» возразилъ онъ съ любопытствомъ и недоумѣніемъ.

«Да кромѣ того,» продолжалъ я, «что теперь не такое время вообще, чтобы веселиться, вотъ я получилъ письмо изъ Петербурга; тамъ арестуютъ всѣхъ, кто былъ въ какихъ либо сношеніяхъ, даже въ простомъ знакомствѣ съ участниками въ событіяхъ 14-го декабря. Конечно, тутъ не обойдется безъ многихъ недоразумѣній и неосновательныхъ подозрѣній; и поэтому всякому человѣку, кто только былъ знакомъ съ людьми, дѣйствовавшими въ этотъ день, надобно быть готову на все. Я тоже былъ знакомъ съ ними, и хоть увѣренъ, что окончательно все разъяснится благополучно, но думаю, что трудно избѣжать, чтобы не быть запутану по крайней мѣрѣ въ слѣдствіе.»

Губернаторъ слушалъ меня съ удивленіемъ. Потомъ всталъ и крѣпко пожалъ мнѣ руку.

«Я много слышалъ», сказалъ онъ, «о вашемъ умѣ и благородствѣ и отъ души вамъ благодаренъ за теперешнее ваше дѣйствіе. Вы не знаете, какую тяжесть вы сняли у меня теперь съ плечъ. Я радъ видѣть, что вы такъ спокойны и разсудительны. Поэтому я могу сказать вамъ теперь, что есть предписаніе отправить васъ въ Петербургъ, и присланный за вами офицеръ ждетъ уже васъ. Вы знаете, какъ всѣ мы здѣсь любимъ и уважаемъ вашихъ родныхъ, и можете себѣ представить, какъ меня мучила мысль, что я долженъ буду ѣхать арестовать васъ у нихъ въ домѣ и въ присутствіи всѣхъ. Конечно, они знаютъ, что я тутъ являюсь страдальнымъ орудіемъ, но мнѣ было бы крайне тяжело, что всякое наше свиданіе потомъ напоминало-бы имъ непріятную сцену, тогда какъ я желалъ-бы дѣлать имъ только одно угодное и напоминать пріятное. Вы знаете, что вамъ до отправленія надобно быть на гауптвахтѣ, но я прикажу, чтобы всѣмъ былъ къ вамъ свободный доступъ, а чтобы къ обѣду, въ сопровожденіи дежурнаго по карауламъ штабъ-офицера, отпустили насъ въ домъ Ивашевыхъ».

Такимъ-то образомъ закончился тотъ періодъ политической и нравственной моей дѣятельности, который совершался въ послѣднее время подъ вліяніемъ революціонныхъ теорій.

VIII.

До сихъ поръ задача моя была сравнительно легка. Я разсказывалъ о томъ, гдѣ самъ дѣйствовалъ или чего былъ самъ свидѣтелемъ. Теперь же приходится говорить о вещахъ, совершавшихся въ мое отсутствіе, и вѣрный разсказъ о томъ едва-ли и былъ-бы возможенъ, если бы по счастію не было двухъ обстоятельствъ, которыя чрезвычайно облегчили мнѣ затрудненіе. Первое было то, что по недостатку рѣшительныхъ доказательствъ, я немедленно былъ освобожденъ по прибытіи въ Петербургъ, какъ о томъ

будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ, и до второго ареста находился шесть недѣль на свободѣ, что дало мнѣ возможность узнать многое отъ незахваченныхъ еще членовъ тайныхъ обществъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прислушаться къ разсказамъ и сужденіямъ, когда событіе было у всѣхъ въ свѣжей памяти; второе выгодное нежданное обстоятельство состояло въ томъ, что въ Сибири мы содержались въ общемъ заключеніи, и, поэтому, для меня была возможность слышать всѣ разсказы большей части лицъ, участвовавшихъ въ событіяхъ 14-го декабря. Такимъ образомъ, я имѣлъ то преимущественно надъ обѣими сторонами, что зналъ все, что могло быть извѣстно каждой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то, чего они не могли знать.

Нечего, кажется, распространяться для объясненій причинъ, почему какъ донесеніе слѣдственной коммиссіи, такъ и все, что было печатано партизанами правительственной стороны, представляло дѣло въ искаженномъ видѣ. Не говоря уже о томъ, что осужденная сторона была лишена и средствъ защиты, и свободы гласнаго выраженія, уже самый образъ дѣйствій въ слѣдственной коммиссіи неизбѣжно велъ къ искаженію всего. Насилію, хитростямъ, обману и разнымъ другимъ уловкамъ комитета подпавшіе слѣдствію противопоставляли всевозможныя усилія скрыть правду. Одни дѣйствовали или упорнымъ отрицаніемъ или умышленнымъ искаженіемъ, другіе позволяли себѣ систематически запутывать другихъ, особенно тѣхъ членовъ, которые, бывши сначала сильнѣйшими подстрекателями новыхъ членовъ, уклонились потомъ отъ дѣйствія по эгоистическимъ расчетамъ. Поступать такъ относительно ихъ многіе считали дозволеннымъ и справедливымъ наказаніемъ за ихъ бездѣйствіе.

Въ казематѣ была написана исторія событій, ключемъ которыхъ былъ день 14-го декабря. Хотя и старались, конечно, все изслѣдовать въ точности, но разумѣется, что по незнанію въ то время многихъ дѣйствій, какъ тѣхъ членовъ общества, которые не были въ казематѣ, такъ и правительственной стороны, разсказъ, написанный въ казематѣ, всетаки былъ неполонъ, да еще къ сожалѣнію какъ рукопись, такъ и копія и до сихъ поръ не отысканы. Еще менѣе можно положиться на свѣдѣнія, которыя потомъ печатали за границею наши политическіе эмигранты. Какъ ни восхваляли они насъ, очевидно, что ни фактическая, ни нравственная сторона событій не могла быть имъ извѣстна. Вотъ почему мы и думаемъ, что, находясь сравнительно въ положеніи, болѣе выгодномъ противъ всѣхъ, мы будемъ въ состояніи представить дѣло въ правдивомъ, дѣйствительномъ его видѣ во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ виду возрастающей реакціи, какъ Сѣверное, такъ и Южное общество признавали необходимымъ поспѣшить переворотомъ, чтобы воспользоваться либеральнымъ и патріотическимъ настроеніемъ того поколѣнія, которое образовалось вслѣдствіе либеральнаго воспитанія въ началѣ царствованія Александра I и получило сознаніе народнаго достоинства вслѣдствіе побѣды надъ Наполеономъ. Но всетаки для совершенія переворота нуженъ былъ удобный случай. Въ этомъ отношеніи Южное общество имѣло

преимущество надъ Сѣвернымъ потому, что такой случай для него существовалъ, а для Сѣвернаго общества нѣтъ. Заранѣе извѣстно было, что въ 1826 г. приготовлялись большіе военные маневры у Бѣлой Церкви, мѣстечка, лежащаго къ Кіевской губерніи. Тамъ должны были сойтись для маневровъ (такъ по крайней мѣрѣ предполагали) войска 2-ой дѣйствующей арміи, 3-й пѣхотный корпусъ отъ 1-ой арміи и кавалерія изъ южныхъ военныхъ поселеній. Всѣ эти войска надѣялись легко преклонитъ на сторону переворота. Во второй арміи всѣ вліятельные люди были уже членами общества: всѣ полковые командиры, большая часть бригадныхъ, офицеры Генеральнаго штаба, семь адъютантовъ главнокомандующаго князя Витгенштейна и два изъ его сыновей. Самъ начальникъ штаба Киселевъ допускалъ въ своемъ кабинетѣ чтеніе и обсужденіе проэктовъ предположенныхъ реформъ. Въ 3-мъ пѣхотномъ корпусѣ было много членовъ Общества соединенныхъ славянъ, присоединившихся къ Южному; къ числу ихъ принадлежали почти всѣ артиллерійскіе офицеры и множество кавалерійскихъ, и кромѣ того въ этомъ же корпусѣ былъ и Черниговскій пѣхотный полкъ, въ которомъ служилъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ. Опытъ доказалъ, что не напрасно можно было вполнѣ разсчитывать на этотъ полкъ; притомъ и весь корпусъ былъ озлобленъ, особенно солдаты, противъ своего корпуснаго командира, француза генерала Рота. Что же касается до южныхъ военныхъ поселеній, то всѣ ужасы, которые совершались тамъ при обращеніи крестьянъ въ военныхъ поселянъ, оставили тамъ глубокую ненависть къ Аракчееву и затаенную вражду къ правительству, а главный начальникъ поселеній, графъ Виттъ, считался даже въ числѣ членовъ общества. Итакъ, на югѣ были всѣ вѣроятности на успѣхъ переворота, но это-то и ставило Сѣверное общество въ немалое затрудненіе не только по той зависимости, въ которую оно было поставлено, не предвидя для себя подобнаго случая для дѣйствія, какой предстоялъ въ ближайшемъ будущемъ для Южнаго общества, но и по несогласіи съ нимъ во мнѣніи на счетъ будущей формы правленія. Преобладающее мнѣніе въ Сѣверномъ обществѣ было сохраненіе монархическаго правленія въ лицѣ малолѣтняго племянника государя съ регентствомъ до его совершеннолѣтія и съ представительнымъ образомъ правленія, такъ какъ это находили единственнымъ средствомъ согласить либеральныя требованія времени съ чувствами и понятіями народа. Южное же общество хотѣло прямо провозгласить республику, что значило-бы въ сущности диктатуру Пестеля, о чемъ даже говорили уже открыто. Поэтому-то, если бы переворотъ начался на сѣверѣ, то надѣялись, что вся Россія приметъ его. Совсѣмъ иного должно было ожидать въ случаѣ переворота на югѣ.

Не было сомнѣнія, что если бы Сѣверное общество и уступило во взглядѣ своемъ Южному относительно будущей формы правленія и даже бы согласилось поддержать движеніе, начатое на югѣ, то неприготовленная Россія едва-ли бы поняла республиканское правленіе иначе, какъ дворянское или боярщину. Все это имѣло вліяніе на принятое издавна въ Петербургѣ рѣшеніе стараться всячески предупредить югъ и восполь-

зоваться даже и малѣйшимъ случаемъ для совершенія переворота, не слишкомъ уже разбирая, въ какой мѣрѣ будутъ выгодны для этого обстоятельства. Можно судить поэтому, какимъ благопріятнымъ случаемъ должно было показаться колебаніе въ самомъ нѣдрѣ правительственной стороны, послѣдовавшее за принятіемъ престола Константиномъ, послѣ того, какъ всѣ правительственные акты совершались уже его именемъ, и даже было возвѣщено о немедленномъ его прибытіи. Ничто не могло быть желаннѣе и выгоднѣе для Сѣвернаго общества, и оно рѣшилось воспользоваться такъ внезапно представившимся случаемъ, что не могло уже медлить и созывать даже самыхъ полезныхъ членовъ изъ отдаленныхъ мѣстъ, особенно при тѣхъ средствахъ сообщенія, которыя были въ то время.

Три обстоятельства должны были быть приняты въ соображеніе: 1) возможность совершить переворотъ въ Петербургѣ; 2) найти надежную опору для поддержанія движенія; 3) освятить произведенныя перемѣны въ государственномъ устройствѣ признаніемъ ихъ всею Россіею. Первое, при общемъ недовольствѣ и духѣ гвардіи, казалось несомнѣннымъ, и успѣхъ зависѣлъ уже отъ искусства и мужества распорядителей движенія; второе представляли военныя поселенія; что же касается до третьяго, то можно было разсчитывать на согласіе у образованнаго класса по самой справедливости руководившей идеи, а у народа и войска вообще вслѣдствіе тѣхъ льготъ и выгодъ, которыя будутъ объявлены имъ въ томъ самомъ манифестѣ, который возвѣститъ ихъ о совершившемся переворотѣ; а именно освобожденіе крестьянъ выкупомъ ихъ съ землею государствомъ, уменьшеніе лѣтъ службы солдатамъ не менѣе, какъ на половину, уничтоженіе военныхъ поселеній и кантонистовъ; облегченіе сверхъ того военной повинности распространеніемъ ея на иностранныхъ колонистовъ, а впослѣдствіи и на всѣ привилегированныя сословія, введеніе новаго судопроизводства съ присяжными, уничтоженіе тѣлеснаго наказанія, земское самоуправленіе и пр. и пр.

Планъ движенія въ Петербургѣ составленъ былъ очень основательно. Въ слѣдственномъ комитетѣ всѣми средствами доискивались, кто составилъ этотъ планъ. Имъ все мерещилось, что это должно быть дѣло какого-нибудь извѣстнаго опытнаго генерала. Но эта была самая грубая ошибка съ ихъ стороны, потому что это былъ скорѣе политическій, нежели военный планъ. Яснѣйшимъ доказательствомъ тому служитъ то обстоятельство, что вся сущность плана заключалась въ рѣшеніи начинать возстаніе съ тѣхъ частей гвардіи, на которыхъ можно было разсчитывать навѣрное и немедленно вести ихъ на полки, представлявшіе затѣмъ наиболѣе вѣроятности на принятіе участія въ возстаніи и такъ далѣе, и такимъ образомъ представя такую массу войскъ, что сопротивленіе было-бы и немыслимо, тѣмъ самымъ предупредить его и избѣжать всякаго кровопролитнаго столкновенія.

Въ послѣднее время передъ отъѣздомъ моимъ значительно уже выяснилось, что части войска, на которыя вполнѣ можно было разсчитывать, были Гвардейскій эки-

пажъ [1]) и Московскій и Лейбъ-гренадерскій полки. Изъ нихъ Гвардейскій экипажъ представлялъ еще ту особенную выгоду, что имѣлъ свои собственныя орудія, а это могло дать огромный перевѣсъ въ началѣ и даже рѣшить все дѣло. Вотъ почему въ наставленіяхъ и распоряженіяхъ моихъ я всегда пріучалъ офицеровъ Гвардейскаго экипажа помнить, что орудія имѣли преобладающую важность, и въ общихъ приготовленіяхъ необходимо было бы заранѣе опредѣлять, кто именно въ случаѣ требованія долженъ былъ отправляться за орудіями; и каждый день они должны были-бы возобновлять это распоряженіе, существенное для успѣха, чтобъ въ случаѣ болѣзни и отсутствія назначеннаго прежде къ тому лица, или необходимости назначить другого по какой либо другой причинѣ, не произошло замѣшательства отъ незнанія всѣми предварительнаго распоряженія. Ниже увидимъ, какую существенную важность имѣло это въ ходѣ событій 14-го декабря.

Но разумѣется составить планъ не значило еще сдѣлать все. Весьма важно было найти людей способныхъ привести его въ исполненіе. При выборѣ людей представлялась возможность впасть въ ошибку по двумъ причинамъ. Не легко было найти опытныхъ и искуссныхъ людей, способныхъ руководить и одними военными дѣйствіями. При быстротѣ тогдашняго производства большая часть самыхъ дѣятельныхъ членовъ въ тайныхъ обществахъ были очень молоды еще, не смотря даже на значительность ихъ званій и занимаемыхъ ими должностей. Рѣдкій изъ полковниковъ даже въ гвардіи участвовалъ въ войнѣ 1812—15 года. Поэтому необходимо было обращаться къ старымъ членамъ, а на нихъ вслѣдствіе видимаго ослабленіяхъ энергіи и дѣятельности, была плохая надежда, что и подтвердилось потомъ вполнѣ на опытѣ. Другая причина, на которую я еще сначала указывалъ, была та, что недостаточно различали военную храбрость отъ политическаго мужества, рѣдко совмѣщаемыхъ даже въ одномъ лицѣ. Не говоря уже о томъ, что на войнѣ рискуютъ только жизнью, которую и безъ того подвергаютъ опасности нерѣдко попустому и для ничтожныхъ цѣлей; тогда какъ въ политическомъ предпріятіи всѣ послѣдствія въ случаѣ неудачи могутъ быть гораздо хуже смерти; на войнѣ опасность временная, между тѣмъ какъ въ политическомъ предпріятіи постоянно грозитъ опасность, что требуетъ хладнокровнаго, обдуманнаго и постояннаго мужества; для людей совѣстливыхъ представляется въ послѣднемъ случаѣ еще одно затрудненіе, которое для нихъ несравненно важнѣе смерти, ссылки и гоненій. Военному человѣку нѣтъ дѣла до справедливости и несправедливости войны. Не только право его, но и обязанность дѣйствовать ясны для него и для всѣхъ и одинаково признаны всѣми, даже и непріятелемъ. Совсѣмъ иное дѣло во внутренней борьбѣ партій въ государствѣ. Тутъ право и обя-

---

[1]) Хотя кромѣ меня никто не зналъ, кто именно изъ офицеровъ въ немъ члены тайнаго общества, но я всегда за него ручался, и сверхъ того извѣстно было, что нижніе чины въ немъ очень развитые люди. Всѣ бывали въ заграничныхъ походахъ и требовались въ Петербургѣ вездѣ, гдѣ нужны были люди ловкіе и смышленные, какъ напр. въ театрѣ, при переносахъ цѣнныхъ вещей и пр.

занность дѣйствовать требуетъ не только одного политическаго разумѣнія, но и глубокаго убѣжденія въ правотѣ дѣла, особенно въ виду базусловнаго отрицанія и осужденія со стороны тѣхъ, которые защищаютъ прежній порядокъ. Малѣйшее сомнѣніе въ этомъ случаѣ можетъ парализиравать энергію и самаго мужественнаго человѣка.

И вотъ именно въ этомъ-то отношеніи, какъ я убѣдился въ томъ, менѣе всего можно было полагаться на старыхъ членовъ. Долгое препровожденіе времени въ одномъ почти словопреніи не только утомило ихъ, но и породило колебаніе по крайней мѣрѣ на счетъ своевременности предпріятія, если не на счетъ правоты его. Почти всѣ, съ которыми удолось мнѣ бесѣдовать, только и толковали о томъ, что Россія еще не готова, а между тѣмъ и не дѣлали уже ничего, чтобы приготовлять ее. Можно-ли же было ожидать энергическаго дѣйствія отъ такихъ людей? Вотъ почему, когда было предложено двумъ членамъ общества, Михайлѣ Орлову и Фонъ-Визину, жившимъ въ Москвѣ, прибыть въ Петербургъ для принятія начальства надъ войсками, со стороны возстанія они не поѣхали, и въ Петербургѣ вынуждены были въ день 14-го декабря поручить начальство отъ общества Трубецкому, Булатову и Якубовичу, какъ единственнымъ изъ бывшихъ на лицо членовъ, которые знали войну по практикѣ.

Что сѣверныя, т. е. преимущественно новгородскія военныя поселенія готовы были присоединиться къ движенію и поддержать возстаніе высылкою даже войска въ Петербургъ, въ томъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Кромѣ положительнаго обѣщанія ихъ выставить по первому призыву до сорока тысячъ войска, послѣдующая готовность ихъ къ возмущенію противъ Аракчеева показала расположеніе ихъ принять участіе во всякомъ предпріятіи, которое могло бы избавить ихъ отъ невыносимаго положенія.

Особенно же послѣ жестокостей, совершенныхъ въ отмщеніи за убійства дворовыми людьми Аракчеева наложницы его Настасьи, раздраженіе военныхъ поселеній дошло до крайней степени напряженія. Это, вмѣстѣ съ готовностью ихъ поддержать движеніе, приготовлявшееся къ 14-му декабря (какъ догадывались при слѣдствіи) и было истинною причиною скорой смѣны Аракчеева новымъ Государемъ и отмѣны самыхъ тягостныхъ постановленій для военныхъ поселянъ, а наконецъ и полнаго уничтоженія поселеній. Нѣтъ, кажется, надобности доказывать, что одобреніе и принятіе Россіею послѣдствій переворота въ Петербургѣ, въ случаѣ удачнаго совершенія самого переворота, во многомъ зависѣло еще отъ первыхъ дѣйствій новаго управленія. Поэтому-то у всѣхъ, кто дорожилъ спокойнымъ установленіемъ новаго порядка, двѣ вещи были предметомъ особеннаго тщательнаго обсужденія, это — составъ регентства и новыя права, дарованныя народу.

Необходимость ввести въ регенство лица, имена которыхъ были извѣстны народу, и которыя пользовались общимъ довѣріемъ, привела задолго почти къ общему соглашенію, что въ число членовъ регенства должны были быть назначены Николай Семеновичъ Мордвиновъ, который пріобрѣлъ общую репутацію русскаго Аристида, и Сперан-

скій. На счетъ остальныхъ членовъ было разногласіе даже насчетъ числа, не только насчетъ выбора лицъ. Одни полагали ограничиться пятью, и чтобъ всѣ были русскіе, другіе хотѣли, чтобъ было семь членовъ, и въ такомъ случаѣ по одному должно было быть изъ нѣмцевъ и изъ поляковъ, чтобы внушить довѣріе и тѣмъ мѣстностямъ въ Россіи, гдѣ въ образованномъ сословіи преобладали нѣмцы и поляки.

Этотъ пунктъ былъ впрочемъ самый спорный. Мы и прежде уже показали, какъ большинство въ тайномъ обществѣ стояло за ту точку зрѣнія, что коль скоро Россія пріобрѣтетъ всѣ права свободнаго народа, то для другихъ національностей, включенныхъ въ составъ Россіи, не можетъ уже ничего быть желаннѣе и выгоднѣе, какъ имѣть честь считаться и сдѣлаться вполнѣ русскимъ. Но именно поэтому-то, возражали другіе, и намъ надобно показать, что и мы со своей стороны считаемъ ихъ вполнѣ русскими, и чѣмъ же лучше можемъ имъ доказать это, какъ не тѣмъ, что допускаемъ ихъ въ самыя нѣдра правительственной власти.

Конечно, были и такіе, которые до того увлекались въ исключительность, что требовали, чтобъ въ самомъ манифестѣ о переворотѣ выразиться рѣзко и грозно противъ нѣмцевъ и даже требовать отъ нихъ перемѣны фамиліи на русскую. Замѣчательно, что изъ числа самыхъ горячихъ защитниковъ подобнаго мнѣнія были именно обрусѣвшіе нѣмцы. Впрочемъ, если у большинства членовъ и было разногласіе на счетъ допущенія нѣмца или поляка въ регентство, то это большинство не раздѣляло однако увлеченій противъ иноплеменныхъ русскихъ подданныхъ и не желало усложнять затрудненія, и безъ того неразлучныя съ каждымъ переворотомъ, раздувая національные предразсудки и вражду. Я самъ былъ всегда противъ подобныхъ увлеченій и раздѣлялъ людей преимущественно на добрыхъ и злыхъ, на способныхъ и неспособныхъ; и русскаго, если онъ дуренъ и неспособенъ, не предпочиталъ потому только, что онъ русскій, честному и способному иностранцу, а особенно иноплеменному русскому. Къ тому же я издавна замѣтилъ, что подобная нетерпимость особенно часто проявляется у лже-патріотовъ, прикрывающихъ лже-патріотическою исключительностію совершенно эгоистическіе виды. Во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ численный составъ регентства, положено было, что одинъ или два изъ его членовъ непремѣнно должны быть изъ числа лицъ, принадлежавшихъ къ тайнымъ обществамъ и принимавшихъ участіе въ переворотѣ. Вопросъ о назначеніи въ число регентовъ митрополита рѣшенъ былъ отрицательно по нежеланію смѣшивать религію съ политикою. Впрочемъ, на это рѣшеніе имѣло вліяніе и то соображеніе, что считали лучше обойти митрополита, чѣмъ рисковать получить отказъ, который неизбѣжно былъ бы истолкованъ, какъ порицаніе самого переворота. Нечего и говорить, что въ дѣлопроизводители регентства, въ министры и на другія важныя должности постановлено было выбирать людей надежныхъ, самымъ дѣломъ связавшихъ полною солидарностью свою участь съ удачею переворота.

Относительно манифеста къ народу предметъ обсужденія и разногласія состоялъ

въ слѣдующемъ: одни думали, что въ немъ сразу должны быть дарованы и провозглашены всѣ права народу не только для того, чтобъ преклонить его на свою сторону, но чтобъ сдѣлать также невозможнымъ всякое возвращеніе къ старому порядку, при невозможности даже при самой сильной реакціи возвратить напр. въ крѣпостное состояніе, отнять отпущенныхъ дѣтей изъ кантонистовъ, заставить снова служить уволенныхъ отъ службы солдатъ, снова увеличить терминъ службы и пр. и пр. Другіе говорили, что во всемъ этомъ нѣтъ никакой нужды, что историческіе примѣры доказываютъ безпрекословное подчиненіе провинцій всему, что совершалось въ Петербургѣ; что лучше ограничиться общими обѣщаніями, какъ обыкновенно бываетъ въ манифестахъ и тѣмъ болѣе, что гораздо легче обуздывать партіи ожиданіемъ себѣ выгодъ и льготъ, чѣмъ давать имъ поводъ къ раздраженію и законному требованію въ случаѣ, если слишкомъ широко дарованныя права окажутся въ какомъ нибудь случаѣ невозможными для немедленнаго приложенія; что, впрочемъ, право коренныхъ постановленій никакое временное правительство не можетъ взять на себя, такъ какъ оно принадлежитъ одному только будущему Земскому Собору, и что поэтому всякое предрѣшеніе въ дѣлѣ коренного законодательства было бы такимъ же злоупотребленіемъ власти, противъ какого мы сами возставали и пр.

Тѣмъ, которые возражали на это, что революція въ начальномъ ходѣ своемъ должна быть направлена по опредѣленному плану, чтобъ не впасть иначе въ анархію, отвѣчали, что историческій повсемѣстный опытъ доказалъ, что никто не имѣетъ силы направлять ходъ событій послѣ революцій по опредѣленному плану; что все наше право на разрушеніе существующаго порядка вещей истекаетъ именно изъ того, что мы признаемъ его насильственнымъ и считаемъ себя обязанными разрушеніемъ его возвратить народу свободу дѣйствій и прежде всего устроиться по его народнымъ началамъ и разумнымъ идеямъ, что если въ народѣ не признаютъ живыхъ и разумныхъ силъ, то ихъ не создашь никакими внѣшними формами, никакимъ внѣшнимъ руководствомъ, что было бы, впрочемъ, такимъ же насиліемъ надъ народомъ, какъ и то, которое мы стремимся разрушать; если же живыя начала и разумныя силы существуютъ, то нечего малодушно бояться анархіи, что, конечно, кризисъ и временное разстройство неизбѣжны во всякомъ переходномъ состояніи, но возбудивъ силы духа и направивъ умъ къ отысканію лучшаго рѣшенія, они чрезъ это самое состояніе и обновляютъ всегда націи, что притомъ мы имѣемъ уже и собственный историческій примѣръ въ событіяхъ 1612 года, когда Россія, оставшись вовсе безъ правленія въ теченіе многихъ лѣтъ, не погибла, однако, даже и при двойной опасности, при внѣшнихъ и при внутреннихъ врагахъ, и пр.

Одинъ изъ затруднительнѣйшихъ и едва-ли не самый затруднительный вопросъ былъ о составѣ Великаго Земскаго Собора, потому что этотъ вопросъ относился не къ одной правительственной сферѣ, какъ относились всѣ рѣшенія, принимаемыя въ пред-

шествовавшихъ революціяхъ въ Россіи, но долженъ былъ отозваться во всей Россіи и возбудить всѣ мѣстные интересы, страсти, взгляды, во всемъ разнообразіи не только мѣстностей, но и сословій, перенеся всю борьбу и теоретическихъ воззрѣній и практическихъ требованій на мѣстную почву, гдѣ она чувствуется несравненно живѣе уже по одному тому, что почти всегда воплощается въ живыхъ личностяхъ, Тутъ предстояло два рѣшенія: назначить выборы по сословіямъ или общіе по числу жителей, и кромѣ того можно было назначить выборныхъ или отъ цѣлой губерніи или отъ каждаго уѣзда. Каждое изъ этихъ рѣшеній имѣло свои выгоды и невыгоды.

Нельзя сказать, чтобы вообще мысль о Земскомъ Соборѣ была незаконна или чужда Россіи. Не говоря уже о соборахъ, созывающихся при Царяхъ по земскимъ дѣламъ, понятіе объ общемъ земскомъ собраніи для составленія уложенія обновлено было въ народной памяти созваніемъ депутатовъ въ Москву при Екатеринѣ II-ой. Въ 1825 году многіе изъ депутатовъ, участвовавшихъ въ этомъ собраніи, были еще живы. Всѣ эти соборы и собранія посылали выборныхъ и депутатовъ преимущественно по сословіямъ, и, стало быть, эта форма была болѣе знакома народу. Къ тому же для обоихъ непривиллегированныхъ сословій, крестьянства и мѣщанства, имѣть своихъ собственныхъ выборныхъ могло казаться надежнѣе, и понятіе о защитѣ однородныхъ сословныхъ правъ представлялось несравненно яснѣе, нежели вопросы о запутанныхъ мѣстныхъ интересахъ, гдѣ сословные и личные интересы весьма часто были даже несогласимы. Но съ другой стороны выборъ по сословіямъ представлялъ и немалыя затрудненія и даже опасности. Въ прежнее время рѣшенія земскихъ соборовъ, не имѣя обязательной силы, а подаваемыя въ видѣ совѣта или мнѣнія, не опредѣлялись численно большинствомъ голосовъ, и потому количество выборныхъ отъ сословій не имѣло никакого значенія. Теперь же этотъ вопросъ сдѣлался бы самымъ щекотливымъ, самымъ спорнымъ и потому самымъ способнымъ возбудить страсти и раздоръ. Кромѣ того, не только крестьяне, но и духовенство лишены были всякой самостоятельности, и не мудрено было, что выборы были бы сдѣланы по указанію тѣхъ, отъ кого люди въ этихъ сословіяхъ были въ зависимости.

Относительно того, по губерніямъ или по уѣздамъ назначать выборы, защитники перваго мнѣнія говорили, что первый способъ будетъ практичнѣе и менѣе стѣснитъ выборъ, потому что въ иномъ уѣздѣ, пожалуй, и вовсе не найдешь людей способныхъ; но защищавшіе выборы по уѣздамъ основывали свое предпочтеніе на томъ, что тутъ будетъ больше знакомства съ мѣстными потребностями и больше довѣрія, когда будутъ лично знать тѣхъ, кому вручаютъ свои интересы.

Всѣ эти обсужденія не были излишними; они знакомили со всѣми сторонами тѣхъ вопросовъ, которые неизбѣжно должны были представиться. Можно даже пожалѣть, что все это осталось неизвѣстнымъ публикѣ, иначе бы оно много содѣйствовало къ разрѣшенію многихъ вопросовъ, не легко разрѣшаемыхъ и въ настоящее еще время.

IX.

Когда наступило время дѣйствовать, рѣшились поступать по плану, обдуманному съ давняго времени; но, къ сожалѣнію, исполненіе далеко не соотвѣтствовало его практическому достоинству. Самый влiятельный въ Сѣверномъ обществѣ членъ, Рылѣевъ, не имѣлъ ни достаточно сознанія въ отсутствіи въ себѣ самомъ честолюбія, чтобъ открыто потребовать диктатуры для пользы дѣла, ни достаточно самоотверженія, чтобы передать власть способному человѣку. Онъ хотѣлъ скрыть свое честолюбіе за другими лицами, и, оставаясь, какъ говорится, душою дѣла, облечь наружными знаками власти послушныя себѣ орудія. Вотъ почему, когда Никита Муравьевъ, бывшій третьимъ директоромъ, и по собственной безхарактерности и по вліянію жены [1]) искавшій уклониться отъ дѣла, уѣхалъ въ деревню подъ предлогомъ болѣзни, на его мѣсто выбрали по вліянію Рылѣева, Николая Бестужева, человѣка искуснаго въ разныхъ механическихъ занятіяхъ и живописи, но безхарактернаго и радикально лишеннаго высшаго политическаго разумѣнія, которое одно даетъ самостоятельность идеямъ и дѣйствіямъ. Поэтому на его мнѣнія никто не обращалъ вниманія, и онъ былъ, что называется, подставнымъ. Еще менѣе былъ на своемъ мѣстѣ Трубецкой, назначенный диктаторомъ для распоряженій въ день 14-го декабря. Если бы даже и признать въ немъ (что впрочемъ многими оспаривалось) личную храбрость и знаніе военнаго дѣла, чѣмъ оправдывали его назначеніе, то, конечно, нельзя было найти человѣка ничтожнѣе по характеру. Правда, что въ извиненіе приводили, какъ и сказали мы выше, что это могло быть сдѣлано только въ крайности, по неприбытію [2]) Михайлы Орлова и Фонъ-Визина, которымъ было сначала предложено начальство, но для всякаго человѣка, знающаго и дѣло и тогдашнихъ дѣятелей, ясно было, что это было натянутое оправданіе, и что, если и можно было предоставить Трубецкому распоряженіе военными дѣйствіями, то ничто не оправдывало ему врученіе политической диктатуры,—такъ что это очевидно была одна только уловка Рылѣева удер-

---

[1]) Жена Муравьева (Никиты), урожденная графиня Чернышева, совершенно управляла мужемъ. При расположенномъ честолюбіи она искала всячески возвеличить своего ничтожнаго мужа, но такъ, чтобы не компрометировать своей безопасности и своихъ интересовъ; и поэтому, какъ до 14-го декабря, такъ и послѣ въ Сибири, всѣ ея интриги направлены были къ тому, чтобъ загребать жаръ чужими руками. Относительно же удаленія «директора» въ самое политическое время въ деревню «по болѣзни» говорили, что это похоже на того человѣка, который, когда его вели на казнь, просилъ хлопчатой бумаги заткнуть себѣ уши, чтобы не надуло вѣтромъ.

[2]) Неизлишне будетъ замѣтить, что Михайло Орловъ, безспорно человѣкъ храбрый и показавшій военныя способности, не показалъ однако характера еще и въ управленіи дивизіею, и въ послѣднее время находясь подъ вліяніемъ жены, видимо ослабѣлъ и, хотя и былъ способнѣе Трубецкаго, но также былъ бы скорѣе орудіемъ въ рукахъ Рылѣева, нежели самостоятельнымъ дѣятелемъ.

жать власть и послѣ переворота, имѣя въ рукахъ послушное орудіе, которому передавалась власть по наружности отъ того только, что могли или направлять ее по произволу или взять себѣ назадъ, когда захотятъ и сочтутъ это нужнымъ. Мы не намѣрены повторять здѣсь то, что можетъ быть извѣстнымъ изъ другихъ описаній, особенно о фактической части событій. Мы будемъ стараться преимущественно исправить и дополнить то, что умышленно или отъ незнанія неумышленно было искажено и умолчано или осталось въ неизвѣстности, а могло быть узнано или разъяснено только впослѣдствіи при бесѣдахъ или разъясненіяхъ во время нашего пребыванія въ Сибири.

Здѣсь разсматривается дѣло 14-го декабря исключительно со стороны его исполненія и преимущественно въ военномъ отношеніи. Разсмотрѣніе же обмана, что вмѣсто провозглашенія новыхъ идей и правъ народа, увлекли солдатъ къ возстанію въ защиту правъ Константина, т. е. въ защиту законности престолонаслѣдія, составляющаго коренное основаніе порядка, который хотѣли ниспровергнуть,—подлежитъ особому изслѣдованію.

В. К. Михаилъ Павловичъ самъ подсказалъ, что должно было бы объявить солдатамъ при двойной присягѣ, а не то, что вести за Константина.

Однимъ изъ препятствій при соображеніи военныхъ дѣйствій 14-го декабря было нерасположеніе членовъ Южнаго общества, очень многочисленныхъ въ Петербургѣ, оказать содѣйствіе Сѣверному обществу, хотя надѣялись увлечь и ихъ, если въ началѣ возстанія дѣло пойдетъ успѣшно. Въ одномъ Кавалергардскомъ полку, главномъ изъ конныхъ полковъ, было два полковника и 14 человѣкъ офицеровъ членовъ Южнаго общества, не смотря на это онъ считался на противной сторонѣ. На общихъ совѣщаніяхъ, бывшихъ преимущественно у Оболенскаго и Рылѣева, какъ тогдашнихъ директоровъ Сѣвернаго тайнаго общества, по соображеніи данныхъ обстоятельствъ въ тогдашнее время, предназначено было привести въ исполненіе общій планъ слѣдующимъ образомъ:

Начать возстаніе съ Гвардейскаго экипажа, Московскаго и Лейбъ-Гренадерскаго полковъ. Этимъ войскамъ, какъ вполнѣ надежнымъ, открыть и настоящую цѣль переворота.

Гвардейскій экипажъ, взявъ свои орудія, долженъ былъ отправиться въ казармы Измайловскаго полка, съ которымъ состоялъ въ одной бригадѣ и былъ друженъ. Своимъ появленіемъ онъ долженъ былъ заставить Измайловскій полкъ объявить себя также на сторонѣ возстанія, чего тѣмъ легче было ожидать, что этотъ полкъ особенно не любилъ Великаго Князя Николая Павловича, и что изъ числа офицеровъ очень многіе были членами тайныхъ обществъ.

Московскій полкъ по произведеніи возстанія долженъ былъ явиться предъ полки Семеновскій и Лейбъ-Егерскій, которыхъ казармы находились вблизи Московскаго полка, и заставить ихъ перейти на сторону возстанія.

Финляндскій полкъ надѣялись побудить къ возстанію самостоятельно, такъ какъ въ этомъ полку было достаточно между офицерами членовъ общества и, притомъ, очень энергическихъ.

Всѣ эти войска должны были идти къ Сенату, въ которомъ были бы собраны тогда сенаторы для принесенія новой присяги. Окруживъ Сенатъ, они должны были заставить сенаторовъ издать манифестъ, объявляющій о перемѣнѣ правленія и назначеніи регентства. Во всякомъ случаѣ согласился-ли бы Сенатъ или нѣтъ, положено было издать манифестъ отъ его имени. Между тѣмъ Лейбъ-Гренадерскій полкъ долженъ былъ по возстаніи отрядить одинъ баталіонъ для занятія крѣпости, гдѣ находился и монетный дворъ и гдѣ хранился только что полученный отъ займа запасъ монеты. Въ занятіи крѣпости не предвидѣлось никакого препятствія, потому что и караулъ тамъ былъ отъ того-же полка, а черезъ это занятіе тайное общество не только имѣло въ своемъ распоряженіи казну, но и господствовало крѣпостными орудіями надъ дворцомъ и всѣмъ городомъ. Два другіе баталіона должны были по пути забрать съ собою и пѣшую и конную артиллерію и также явиться на сборное мѣсто предъ Сенатомъ, заставя, если можно, присоединиться къ себѣ и Кавалергардскій полкъ.

Не находящіеся въ строю члены общества, какъ военные, такъ и гражданскіе изъ служащихъ равно какъ и всѣ неслужащіе, должны были поддерживать связь между движеніемъ, развозя приказанія и доставляя свѣдѣнія однимъ о другихъ.

Во всѣхъ оффиціальныхъ донесеніяхъ и разсказахъ партизановъ правительственной стороны старались представить движеніе 14-го декабря и участіе въ немъ войскъ ничтожнымъ. Это была положительная ошибка съ ихъ стороны, годная развѣ на то только, чтобы уменьшить вину распорядителей возстанія. Къ несчастію ихъ, безпристрастіе исторіи заставляетъ сказать, что силы, находившіяся въ ихъ распоряженіи, были огромныя, дѣйствія солдатъ и второстепенныхъ дѣятелей за малыми исключеніями не оставляли желать ничего лучшаго, но дѣйствія главныхъ распорядителей, Трубецкаго, Рылѣева и Оболенскаго, были до того дурны и слабы, что они проиграли дѣло, несмотря на то, что и съ правительственной стороны были сдѣланы всевозможныя ошибки, такъ, что я всегда говорилъ, что 14-го декабря обѣ стороны играли какъ бы въ «поддавки». Кромѣ того, уменьшать число участниковъ возстанія въ гвардіи уже потому не имѣло смысла, что всѣ перевороты, совершавшіеся въ Петербургѣ, всегда производимы были ничтожнымъ числомъ, а при томъ настроеніи, какое было 14-го декабря, удачное дѣйствіе и небольшаго числа сначала непремѣнно дало бы рѣшительный оборотъ дѣлу. Къ несчастію вышло такъ, что рѣшимость была въ войскѣ и второстепенныхъ дѣятеляхъ, а неувѣренность и колебаніе сообщились отъ главныхъ распорядителей, между тѣмъ какъ при разумномъ и энергическомъ образѣ дѣйствія успѣхъ былъ несомнѣннымъ. Положительно можно сказать, что противная сторона могла разсчитывать только на два баталіона, на первый баталіонъ Преображенскаго полка, да на Саперный, и то на отрица-

тельное только ихъ дѣйствіе, какъ опытъ и доказалъ относительно Сапернаго баталіона, который, если не перешелъ на сторону возстанія, то и не осмѣлился сопротивляться ему. Если возстаніе не могло разсчитывать на эти два баталіона, то потому, что не хотѣло заниматься ими, такъ какъ и офицеры и солдаты въ нихъ пользовалися очень дурною нравственною репутаціею, которая составляла предметъ неприличныхъ шутокъ со стороны великихъ князей, но глубоко возмущала нравственное чувство. Притомъ большая часть офицеровъ въ этихъ баталіонахъ были на жалованіи у великихъ князей, что въ высшей степени оскорбляло гвардію, гдѣ служило тогда лучшее дворянство, и потому никто изъ порядочныхъ офицеровъ ни за что не хотѣлъ идти въ эти баталіоны.

Относительно условій успѣха не надобно забывать, что огромное вліяніе на рѣшеніе солдатъ могъ имѣть Оболенскій, какъ по довѣрію къ нему солдатъ, такъ и по мѣсту, которое онъ занималъ. Онъ былъ старшимъ адъютантомъ въ пѣхотѣ гвардіи, и подъ его вліяніемъ командиръ пѣхоты ввелъ строгую отчетность въ наказаніяхъ нижнихъ чиновъ, обуздывавшую излишнюю щедрость начальниковъ на наказанія. Солдаты знали, что это было дѣло Оболенскаго. Притомъ черезъ него именно сообщались всѣ приказанія и распоряженія начальника пѣхоты, такъ что ему ничего не было легче, какъ направить эти распоряженія къ цѣли возстанія. Мы увидимъ ниже, какъ всѣ эти выгодныя условія были уничтожены безхарактерностью человѣка, безспорно добраго до слабости, но занявшаго мѣсто не по силамъ и не по способностямъ.

Выше было уже упомянуто, что Рылѣевъ старался войти въ сношеніе съ Гвардейскимъ экипажемъ чрезъ посредство Н. Бестужева со стороны Сѣвернаго общества и Арбузова со стороны Гвардейскаго экипажа. Увлекаемый самолюбіемъ, Арбузовъ захотѣлъ играть первенствующую роль и быть единственнымъ посредникомъ, такъ что онъ одинъ присутствовалъ на общихъ совѣщаніяхъ у Оболенскаго и Рылѣева, а остальные офицеры Гвардейскаго экипажа получали всѣ свѣдѣнія только чрезъ него, и не вполнѣ были знакомы ни съ подробностями военнаго плана, ни съ ходомъ дѣла, до самой минуты возстанія, такъ какъ все это сообщалось одному Арбузову. Между тѣмъ, когда Гвардейскій экипажъ отказался приносить вторичную присягу, Арбузовъ допустилъ бригадному командиру арестовать себя и запереть въ свою комнату, чтобы имѣть, какъ упрекали его послѣ, отговорку, почему не принялъ участія въ дѣлѣ. Но разумѣется болѣе энергическіе офицеры, которыхъ дѣйствія не ослаблялись сознаніемъ нечистоты самолюбивыхъ побужденій, не могли допустить ни бездѣйствія Гвардейскаго экипажа, ни уклоненія отъ участія въ возстаніи Арбузова. Помня мое приказаніе, что если уже придется принять участіе въ дѣйствіи, то дѣйствовать хорошо и съ самоотверженіемъ, они увлекли Гвардейскій экипажъ, освободили Арбузова и трехъ другихъ арестованныхъ же ротныхъ командировъ, не бывшихъ впрочемъ членами тайнаго общества и заставили всѣхъ идти на Сенатскую площадь. Такимъ образомъ Гвардейскій экипажъ принялъ участіе въ возстаніи въ полномъ своемъ составѣ всѣхъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ и

отправился по назначенію къ Сенату въ совершенномъ порядкѣ, но въ замѣшательствѣ и остановкѣ, произведенныхъ Арбузовымъ въ допущеніи арестовать себя вмѣсто того, чтобы арестовать самого бригаднаго командира и дѣлать хладнокровно распоряженія къ выступленію на назначенный сборный пунктъ, и понуждаемые прискакавшимъ однимъ изъ членовъ общества съ приказаніемъ поспѣшить скорѣе къ Сенату, офицеры Гвардейскаго экипажа не позаботились взять съ собою орудія и забыли первое, вполнѣ разумное распоряженія—отправиться сначала къ Измайловскому полку, чтобы заставить и его присоединиться къ возстанію. Чрезъ это лица, руководившія движеніемъ, лишили себя огромной не только вещественной, но и нравственной силы, потому что если орудія и численное увеличеніе возставшей стороны цѣлымъ полкомъ и сами по себѣ могли дать огромный перевѣсъ возстанію, то не менѣе того было важно и нравственное вліяніе отъ принятія прямого участія въ немъ одного изъ двухъ старѣйшихъ гвардейскихъ полковъ; и это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что несомнѣнное расположеніе къ возстанію въ этомъ полку высказалось впослѣдствіи всѣми возможными способами. Такимъ образомъ дѣло съ этой стороны было сильно испорчено уже съ самаго начала.

Между тѣмъ ясно, что главная причина какъ этого замѣшательства, такъ и другихъ, о которыхъ сейчасъ разскажемъ, произошла отъ недѣятельности главныхъ распорядителей возстанія. Если бы Трубецкой и Оболенскій рано поутру 14-го декабря лично явились въ казармы Гвардейскаго экипажа и Московскаго полка, а Булатовъ въ казармы полка Лейбъ-Гренадерскаго, въ которомъ прежде служилъ и имѣя въ рукахъ доказательство о новой присягѣ, которое легко могли достать, такъ какъ манифестъ о замѣнѣ Константина Николаемъ печатался еще ночью, начали возстаніе до пріѣзда начальниковъ, то всѣ распоряженія, сдѣланныя накапунѣ, могли быть съ точностью исполнены. Теперь же всѣ дѣйствія по неволѣ были разрознены, а самыя ничтожныя обстоятельства могли имѣть вредное вліяніе на исполненіе самыхъ разумныхъ распоряженій, какъ сейчасъ увидимъ изъ того, что произошло и въ Московскомъ полку.

И тутъ замѣшательство вышло отъ того, что не было главныхъ распорядителей, которые однимъ своимъ присутствіемъ предупредили бы всякое недоразумѣніе. Положено было выйдти въ боковыя ворота, какъ для того, чтобы избѣжать всякаго столкновенія съ начальниками, стоявшими у главныхъ воротъ, такъ и въ соотвѣтствіе плану, по которому слѣдовало идти въ Семеновскій и Егерскій полки. Между тѣмъ первая рота, сопровождавшая знамена и бывшая на сторонѣ возстанія, не знала объ участіи въ возстаніи и всего полка: и потому когда князь Щепинъ-Ростовскій, выйдя на встрѣчу ей, захотѣлъ самъ взять знамя своего баталіона, то она знамени не отдавала, не зная, участвуетъ-ли онъ въ возстаніи. Солдаты баталіона Щепина бросились помогать ему чтобы отнять у первой роты свое знамя, и въ этой суматохѣ, наступая на роту и надвигаясь на нее, миновали боковыя ворота, такъ что когда недоразумѣніе разъяснилось, то подошли уже къ главнымъ воротамъ, гдѣ стояли дивизіонный и полковой командиры,

которые, разумѣется, старались остановить полкъ. И какъ они не слушались увѣщаній идти прочь и не мѣшать движенію, то Щепинъ нанесъ имъ раны, и полкъ прорвался чрезъ главныя ворота, не думая, что уже много потерялъ времени и получивъ извѣстіе (отъ кого, съ точностію послѣ доискаться не могли), что будто бы другіе полки находятся уже на Сенатской площади, устремился туда, вмѣсто того, чтобы идти въ Семеновскій и Егерскій полки и присоединить и ихъ къ себѣ.

Въ это же время и въ Лейбъ-Гренадерскомъ полку, по нерѣшительности дѣйствій вслѣдствіе неявки главныхъ распорядителей возстанія, начальники уже успѣли привести полкъ къ присягѣ Николаю и распустить по ротамъ, черезъ что возбудить полкъ къ возстанію стало уже несравненно труднѣе, нежели какъ, когда онъ былъ въ общемъ сборѣ. И если офицерамъ и удалось это, то только ужъ по частямъ, такъ что разрозненное дѣйствіе неизбѣжно потеряло и единство цѣли и силу. Тамъ тоже произошло столкновеніе съ начальствомъ, старавшимся удержать полкъ, отдѣльныя части котораго, вмѣсто исполненія начальныхъ распоряженій, поспѣшили также прямо на площадь изъ опасенія, что ужъ опоздали.

Несмотря на все это, отъ дѣйствій этого полка могъ бы всетаки быть большой успѣхъ, если бы хоть въ эту минуту явились разумныя распоряженія главныхъ распорядителей возстанія, чтобы воспользоваться движеніемъ. Сутгофъ со своей ротой вошелъ безпрепятственно въ крѣпость, но вмѣсто того, чтобы остаться въ ней и дождаться по крайней мѣрѣ хоть одного баталіона для прочнаго занятія крѣпости и тѣмъ пріобрѣсти важную опорную точку не только для успѣха дѣла, но даже и на случай неудачи въ началѣ, такъ какъ это давало возможность держаться въ крѣпости до прибытія подкрѣпленія изъ военныхъ поселеній, Сутгофъ, не получивъ соотвѣтственнаго этому приказанія, прошелъ только чрезъ крѣпость и поспѣшилъ на Сенатскую площадь; а когда явился вслѣдъ за нимъ Ивановъ съ остальными солдатами полка, то комендантъ догадался уже запереть ворота, и полкъ не могъ проникнуть въ крѣпость.

Но, несмотря однако же на то, и это движеніе всетаки могло сдѣлаться очень важнымъ, если бы главные распорядители были на лицо и съумѣли имъ воспользоваться, потому что Ивановъ, обойдя крѣпость, перешелъ Неву и вступилъ безпрепятственно во дворецъ. Ни Саперный баталіонъ, расположенный внутри на дворѣ, ни стоявшій въ тотъ день караулъ на главной гауптвахтѣ не оказали ни малѣйшаго сопротивленія. Лейбъ-гренадеры, не встрѣчая никакого препятствія, могли свободно подняться въ жилыя и парадныя комнаты, гдѣ были тогда и Сенатъ, успѣвшій перейти изъ своего зданія во дворецъ, и Государственный Совѣтъ и почти всѣ члены правительства, и, слѣдовательно, могли захватить всѣхъ; но получивъ приказаніе спѣшить на Сенатскую площадь, вышли въ другія ворота. Толпа, стоявшая передъ дворцомъ, около новаго Государя, разступилась, и лейбъ-гренадеры безъ всякой помѣхи соединились со своими товарищами, съ Московскимъ полкомъ и Гвардейскимъ экипажемъ, стоявшими на площади.

Здѣсь слѣдуетъ исправить два ошибочныхъ показанія противниковъ возстанія. Говорили, что будто бы это была искусная уловка дворцоваго коменданта, Башуцкаго, который будто бы взялся указать лейбъ-гренадерамъ дорогу, и, обманувъ ихъ, вывелъ изъ дворца въ другія ворота. Ничто не можетъ быть нелѣпѣе подобнаго разсказа. Не только офицеры лейбъ-гренадерскаго полка, но и солдаты очень хорошо знали внутреннее расположеніе дворца, такъ какъ часто занимали караулы и на главной гауптвахтѣ и во внутреннихъ покояхъ. Называли также удачною мыслью безпрепятственный пропускъ лейбъ-гренадеровъ на соединеніе со стоявшими на Сенатской площади другими участниками возстанія, съ цѣлью будто бы сосредоточить его въ одномъ мѣстѣ. Не говоря уже о томъ, что допускать соединеніе непріятеля противорѣчитъ всѣмъ понятіямъ военнаго искусства, не осмѣлились остановить лейбъ-гренадеровъ просто потому, что, видя ихъ рѣшимость, боялись возбудить свалку въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ новый Государь, и не были увѣрены даже въ тѣхъ войскахъ, которыя стояли тутъ и были повидимому на его сторонѣ.

Между тѣмъ гвардейская конная артиллерія, прождавши напрасно появленія какого нибудь себѣ прикрытія и не получая никакого поясненія о причинахъ замедленія, сдѣлала самостоятельную попытку къ возстанію, но офицеровъ арестовали, а солдатъ заперли въ казармы. Въ то же время и одинъ баталіонъ Финляндскаго полка вышелъ было изъ казармъ, но также, не получая дальнѣйшихъ приказаній, воротился въ казармы.

Что же дѣлали въ это время люди, принявшіе на себя или присвоившіе себѣ главное руководство возстаніемъ? Къ прискорбію надо сказать, что одни вели себя недостойнымъ образомъ, другіе поступали чисто по ребячески. Трубецкой спрятался въ домѣ своего зятя, австрійскаго посланника; Рылѣевъ поѣхалъ его отыскивать, вмѣсто того, чтобы немедленно сдѣлать назначеніе другого распорядителя военными дѣйствіями; гдѣ былъ Якубовичъ—никто не зналъ, а Оболенскій, чтобы успокоить графиню Коновницыну, уѣхалъ узнавать, что сдѣлалось съ ея сыномъ, однимъ изъ арестованныхъ конно-артиллерійскихъ офицеровъ. Пріѣхавъ въ конно-артиллерійскія казармы, Оболенскій нашелъ всѣхъ солдатъ безоружными и загнанными въ одну казарму, а полковника, стоящаго съ обнаженною саблею у дверей. Полагая, что Оболенскій привезъ приказаніе отъ корпуснаго командира, полковникъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ навстрѣчу Оболенскому, а солдаты между тѣмъ, увидя его, стали подвигаться къ дверямъ и знаками спрашивали его, что дѣлать? Полковникъ, замѣтивъ, что вниманіе Оболенскаго обращено вовсе не на него, и что онъ ему ничего не говоритъ, а, можетъ быть, и услыша шумъ позади себя, быстро обернулся и, увидя солдатъ, почти уже подступившихъ къ дверямъ, бросился на нихъ съ саблей. Оболенскій же въ это время сѣлъ въ экипажъ и ускакалъ.

Такимъ образомъ, главные распорядители возстанія не съумѣли присоединить къ

нему ни одну изъ частей войска, даже изъ наилучше расположенныхъ, принять въ немъ участіе, и оно ограничилось поэтому Гвардейскимъ экипажемъ, Московскимъ и Лейбъ-Гренадерскимъ полками. Со всѣмъ тѣмъ истинное расположеніе гвардіи всетаки чрезвычайно сильно выразилось въ отрицательныхъ такъ сказать дѣйствіяхъ. Ни одного изъ пѣхотныхъ полковъ, ни артиллерію гвардіи не могли двинуть противъ возсташихъ войскъ. Измайловскій полкъ съ большими усиліями довели до выхода на площадь, гдѣ онъ и остановился и не двигался съ мѣста; Финляндскій полкъ былъ остановленъ подпоручикомъ Розеномъ у Исакіевскаго моста. Аттака конно-гвардейскаго полка была сдѣлана вяло, какъ бы по молчаливому условію съ той и другой стороны не вредить другъ другу. На сторонѣ правительства не было артиллеріи. Нерѣшительность была видна у руководителей какъ возстанія, такъ и правительства; начались и тянулись безплодныя попытки переговоровъ и увѣщаній. Въ это время войска съ обѣихъ сторонъ стояли въ бездѣйствіи и крѣпко зябли. Народъ толпою въ нѣсколько десятковъ тысячъ видимо принималъ сторону возстанія, смѣялся и ругался надъ противною стороною и просилъ, чтобы вели его на арсеналъ и дали ему ружья. Во многихъ разсказахъ утверждали, что солдаты были пьяны, но это чистая клевета. Большая часть еще не успѣли и пообѣдать, и скорѣе можно было упрекнуть руководителей возстанія именно въ томъ, что, держа солдатъ столько времени на ногахъ, не позаботились подкрѣпить ихъ пищею и водкою.

Указывали въ оправданіе этой клеветѣ на то, что нѣкоторые солдаты было безпорядочно одѣты, но во первыхъ это могло относиться только къ лейбъ-гренадерамъ, и то вовсе не потому, чтобъ они были нетрезвы, а отъ того, что они были послѣ присяги уже распущены по ротамъ и раздѣлись; а когда приняли участіе въ возстаніи, то имъ пришлось одѣваться наскоро и выбѣгать безъ замедленія, такъ что многіе уже подъ ружьемъ и на ходу застегивали мундиры.

Теперь остается разсмотрѣть дѣйствія, происходившія на Сенатской площади.—

Причину долгаго выжиданія дѣйствовавшіе въ этотъ день члены объясняли такъ: видя, что на правительственной сторонѣ нѣтъ артиллеріи, что пѣхоту не могутъ двинуть въ аттаку, а кавалерія дѣйствуетъ неохотно, хотѣли дождаться вечера, потому что нестроевыя члены всѣхъ полковъ то и дѣло прибѣгали къ возставшимъ полкамъ и говорили: «Подержитесь, господа, до вечера, а когда смеркнется, то всѣ солдаты по одиночкѣ станутъ переходить на вашу сторону.» Рѣшительныхъ же мѣръ, какъ напр. собственной аттаки или вооруженія и содѣйствія народа не хотѣли принять, первой потому, чтобъ не начать столкновенія и вслѣдствіе недоразумѣнія не вынудить внезапнымъ нападеніемъ какой нибудь благопріятно расположенный полкъ къ дѣйствію противъ себя въ видахъ собственной обороны; второго потому, чтобъ вмѣсто содѣйствія возстанію отъ народа, не дать ему скорѣе только случай къ грабежу и насилію, тѣмъ болѣе, что подобныя опасенія вполнѣ оправдывались тѣмъ, что, требуя оружія, кри-

чавшіе прибавляли: «Мы вамъ весь Петербургъ въ полчаса вверхъ дномъ перевернемъ.»— Съ этимъ нельзя однако вполнѣ согласиться. Неподвижность явно была принимаема всѣми за знакъ нерѣшительности, что парализовало рѣшимость всѣхъ полковъ, готовыхъ и ждавшихъ случая принять также участіе въ возстаніи. Во вторыхъ, черезъ тѣхъ же нестроевыхъ, которые приходили отъ полковъ, легко можно было предупредить ихъ, что предпринятое движеніе будетъ вовсе не съ враждебною цѣлью противъ нихъ, а чтобъ дать имъ возможность и удобный случай объявить себя на сторонѣ возстанія, хотя бы бросившись навстрѣчу и смѣшавшись въ рядахъ. Наконецъ, что если и можно еще объяснить ожиданіе до привоза артиллеріи на противную сторону, то ничто уже не оправдывало бездѣйствія, когда увидѣли что привезли ее, и въ то же время замѣтили, что она безъ снарядовъ; тутъ ужъ необходимо было броситься на нее и овладѣть ею, что дало бы сразу перевѣсъ возстанію и заставило бы другіе полки рѣшиться присоединиться къ нему; стоять же въ бездѣйствіи и ожидать, пока привезутъ снаряды и станутъ стрѣлять, значило прямо уже согласиться на разстрѣливаніе себя безъ сопротивленія.

Справедливость требуетъ, впрочемъ, сказать, что нѣкоторые второстепенные дѣятели давали правильные совѣты и пробовали было увлечь въ дѣйствіе и главныя лица. Слышались даже команды: «Въ карре противъ кавалеріи, стройся.»—«Стройся въ колонны къ аттакѣ.»и пр. Но какъ скоро главные распорядители упустили изъ рукъ распоряженіе, и чрезъ то потеряно было всякое единство въ дѣйствіи, какъ политическомъ, такъ и военномъ, и дисциплина подчиненія одному распорядителю, то трудно уже было ожидать, чтобъ благоразумные совѣты были услышаны и оцѣнены, и чтобъ имъ послѣдовали, а особенно начальствующія лица.

Отдѣльные эпизоды 14-го декабря вообще расказаны также большею частію невѣрно во всемъ, что до сихъ поръ печаталось о событіяхъ этого дня. Возьмемъ въ примѣръ разсказъ о попыткѣ митрополита Серафима, посланнаго для увѣщанія войскъ, принявшихъ участіе въ возстаніи.

Ему высланъ былъ очень далеко навстрѣчу Михайло Кюхельбекеръ, офицеръ Гвардейскаго экипажа. М. Кюхельбекеръ былъ человѣкъ крайне скромный и правдивый, и потому вполнѣ можно вѣрить его разсказу всегда повторявшемуся въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Вотъ что произошло по его словамъ: хотя и лютеранинъ, Кюхельбекеръ сначала подошелъ къ благословенію и потомъ спросилъ:

«Куда Вы, Ваше Высокопреосвященство, и что Вамъ нужно?»

Митрополитъ отвѣчалъ: «А вотъ тамъ стоятъ мятежники; мнѣ бы, батюшка, надо было поговорить съ ними» [1]).

---

[1]) Кюхельбекеръ, какъ сказано выше, встрѣтилъ митрополита очень далеко, и тотъ, кажется, не зналъ, съ какой стороны онъ пришелъ. Онъ, казалось, былъ въ недоумѣніи, куда и какъ идти, потому что въ промежуткѣ между нимъ и войсками стояло много народу, и онъ радъ былъ, чтобы кто нибудь проводилъ его.

«Послушайте, Ваше Высокопреосвященство», возразилъ Кюхельбекеръ, «здѣсь идетъ дѣло политическое. Вы сами знаете, что въ эти дѣла нечего вмѣшивать религію. Вы тутъ ничего не сдѣлаете, а только раздразните людей, и пожалуй въ вашемъ лицѣ еще оскорбятъ и религію. Поэтому и совѣтую вамъ дальше не ходить, а идти съ Богомъ домой».

«Покорнѣйше благодарю, батенька, ну такъ я и пойду назадъ», отвѣчалъ митрополитъ, и сейчасъ же и пошелъ обратно, не сдѣлавъ и шагу далѣе того мѣста, гдѣ встрѣтилъ его Кюхельбекеръ.

Разсказъ о томъ, что будто бы офицеръ, стоявшій въ караулѣ у Сената, выстроилъ свой караулъ во фронтъ и сказалъ, что бунтовщики только чрезъ его мертвое тѣло проникнутъ въ Сенатъ, совершенно ложенъ уже потому вопервыхъ, что когда первыя даже войска, изъ участвовавшихъ въ возстаніи, пришли на Сенатскую площадь, то сенаторовъ уже не было въ Сенатѣ, и идти туда было не за чѣмъ. Правда, офицеръ этотъ получилъ за мнимый свой подвигъ Владиміра 4-ой степени съ бантомъ, какъ дается за военную заслугу, но самъ-ли онъ выдумалъ такую исторію, принятую въ попыхахъ безъ всякой провѣрки и при желаніи выказать подвиги вѣрности, или кто другой оказалъ ему въ томъ услугу, но во всякомъ случаѣ это былъ не только самый грубый вымыселъ, но еще дѣло было совершенно напротивъ. Офицеръ этотъ былъ самъ членъ общества и поставилъ караулъ во фронтъ по приказанію Александра Бестужева, котораго самъ спросилъ, что ему слѣдуетъ дѣлать.

Все пространство на площади, кругомъ, почти около возставшихъ войскъ, было наполнено биткомъ народомъ, который шумѣлъ и постоянно требовалъ оружія для содѣйствія возстанію и на всѣ увѣщанія съ правительственной стороны отвѣчалъ насмѣшками, что «теперь, какъ вамъ приспичило, то вы лисите, а послѣ нашего же брата въ бараній рогъ согнете». Посланныхъ съ увѣщаніями онъ стаскивалъ съ лошадей и билъ. Когда замѣтили въ толпѣ, что какой-то полицейскій что-то записывалъ на бумажкѣ (вѣроятно или фамиліи лицъ, если кого зналъ изъ участвовавшихъ въ возстаніи, или примѣты тѣхъ, кого не зналъ лично), то раздался крикъ: «Шпіонъ, братцы, шпіонъ». И его мигомъ смяли—что съ нимъ сдѣлалось окончательно, никто послѣ пояснить не могъ.

Впрочемъ это разсказывали тѣ лица, которыя искали оправдаться предо мною на дѣлаемые имъ упреки, зачѣмъ они не провозгласили открыто настоящей цѣли возстанія, соотвѣтственно тому, какъ было то предположено прежде. Дѣйствительно ли они говорили кому, это лежало внѣ повѣрки; но если они и объясняли это какимъ либо кучкамъ солдатъ или народа, то это не имѣло никакого значенія; надо было заявить цѣль возстанія всенародно и торжественно.

Когда нѣкоторые изъ офицеровъ [1]) объявили народу цѣль возстанія, то онъ от-

[1]) Замѣчательно, что людей, одѣтыхъ въ партикулярное платье, никто не слушалъ. Отъ нихъ или отходили прочь или говорили: «Тебя, братъ, Богъ знаетъ, кто ты такой. А вотъ господина офицера слушаемъ».

вѣчалъ: «Доброе дѣло, господа. Кабы, отцы родные, вы намъ ружья, али какое ни на есть оружіе дали, то мы бы вамъ помогли, духомъ все бы переворотили» и пр. На объясненіе, что при новомъ порядкѣ вещей всѣ безъ изъятія одинаково будутъ нести повинности, и что тогда и солдатамъ можно, не ослабляя арміи, значительно облегчить срокъ службы, въ народѣ отвѣчали: «Такъ какъ же имъ роднымъ (солдатамъ) и не драться, вѣдь значитъ за свое дѣло стоятъ». Когда говорили народу, что вотъ теперь нѣмцы всѣмъ заправляютъ и угнетаютъ народъ, то изъ народа кричали: «Дали бы намъ волю, то мы бы всѣхъ нѣмцевъ переколотили» и пр. и пр.

Итакъ, расположеніе народа было несомнѣнно, и онъ дѣйствительно могъ бы оказать значительную помощь возстанію [1]), но, какъ упомянуто уже было выше, боялись, чтобы онъ не обратился на другое дѣло, тогда какъ вообще всячески избѣгали начинать со стороны возстанія какое то бы ни было кровопролитное столкновеніе.

Вотъ почему, какъ ни старались мы безпристрастно изслѣдовать дѣло смерти Милорадовича, разспрашивая всѣхъ въ такое уже время, когда не было надобности никому ничего таить, и притомъ спрашивая преимущественно тѣхъ лицъ, которыя съ нами были особенно искренни, мы не нашли ни въ чемъ подтвержденія тѣмъ разсказамъ о дѣлѣ, которые до сихъ поръ были обнародованы. Что со стороны возставшихъ нисколько не желали кровопролитія, даже когда на нихъ нападали, лучше всего доказываютъ дѣйствія при аттакѣ конной гвардіи. Когда вслѣдствіе этой неудачной аттаки этотъ полкъ долженъ былъ поворотить фланговымъ оборотомъ и проѣзжать почти вплоть вдоль возставшихъ полковъ пѣхоты, то одинъ залпъ съ ихъ стороны почти въ упоръ могъ бы положить всю конную гвардію на мѣстѣ. Это вполнѣ сознавали конно-гвардейскіе солдаты. Когда случилось имъ содержать караулъ при насъ, они всегда говорили: «Спасибо вамъ, господа, а мы было думали, что ни одинъ изъ насъ и живъ уже не останется».

Извѣстно, что въ смерти Милорадовича обвинили Каховскаго, и разсказывали, что выстрѣлъ былъ направленъ именно противъ него потому, что боялись его вліянія на солдатъ. Но вопервыхъ Милорадовичъ, дѣйствительно когда-то любимый тѣми солдатами, съ которыми былъ въ походахъ, нисколько не былъ извѣстенъ гвардіи съ выгодной стороны, особенно послѣ Семеновской исторіи. Необдуманныя дѣйствія его въ этомъ случаѣ, имѣвшія слѣдствіемъ потерю самаго любимаго и уважаемаго полка въ гвардіи и дурной

---

[1]) Нѣкоторые предлагали для диверсіи вести отдѣльныя толпы народа подъ руководствомъ небольшихъ военныхъ отрядовъ, сначала на оружейныя лавки и на арсеналъ для того, чтобы овладѣть оружіемъ, а потомъ сдѣлать нападеніе на общественныя зданія и овладѣть банкомъ и пр., но другіе удерживали, напоминая, что не должно разстраивать правительственныя средства особенно такія, которыя въ случаѣ удачи переворота прежде всего понадобятся и самому новому правительству.

оборотъ въ мысляхъ Государя по внѣшней политикѣ [1]), произвели самое прискорбное впечатлѣніе и оставили явное нерасположеніе къ Милорадовичу въ гвардіи. Съ другой стороны дѣйстія его, какъ главнокомандующаго въ Петербургѣ, были не такого рода, чтобы заслужить ему уваженіе. Извѣстность его состояла въ томъ, что онъ былъ человѣкъ до крайности расточительный на пустяки, такъ что казна должна была безпрестанно платить за него долги, распутный, дамскій угодникъ, выдававшій дамамъ курьерскія подорожныя, небрежный въ дѣлахъ, занимавшійся болѣе удовольствіями. По всему этому онъ не пользовался никакимъ уваженіемъ въ гвардіи и не имѣлъ особеннаго вліянія на солдатъ, а потому и не могло существовать никакой необходимости въ его смерти, чтобы не допустить ему поколебать солдатъ.

Тѣмъ изъ своихъ товарищей, съ которыми Каховскій могъ имѣть сношеніе, находясь уже въ крѣпости, онъ постоянно разсказывалъ о выстрѣлахъ въ Милорадовича, такъ: когда Милорадовичъ, котораго всѣ считали за пустого фанфарона, оттого-ли, чтобъ загладить свою вину, что ему, главнокомандующему, не было однако извѣстно все, что происходило у него подъ носомъ, и, даже несмотря на доносы, которые потомъ найдены были нераспечатанными у него въ столѣ, или просто по фанфаронству горячился и декламировалъ передъ солдатами, не столько можетъ быть въ надеждѣ произвести на нихъ вліяніе, чего онъ никакъ не могъ ожидать, сколько, чтобъ дать замѣтить свое дѣйствіе Государю, то солдаты смѣялись и сказали начальникамъ: «Позвольте намъ ссадить его», а народъ, браня его позорными именами, намекающими на извѣстныя его дѣйствія, хотѣлъ сдѣлать и съ нимъ то же, что сдѣлаль съ Бибиковымъ, котораго офицеры со стороны возстанія едва могли вырвать изъ его рукъ. Не желая ни допустить солдатъ къ самовольной расправѣ и безполезной только растратѣ зарядовъ, ни такъ сказать разлакомить народъ, который, если дать ему расходиться, то уничтоживъ одну жертву, можетъ потребовать и другихъ, Каховскій и другіе, стоявшіе тутъ съ нимъ, кричали Милорадовичу, чтобъ онъ ѣхалъ прочь; но такъ какъ онъ не слушался, а солдаты начали выказывать нетерпѣніе, а народъ началъ надвигаться на него, то Каховскій съ другими товарищами своими рѣшились взять дѣло на себя, лишь бы не допустить солдатамъ стрѣлять самовольно, а народу самоуправствовать; а потому, запретивъ солдатамъ стрѣлять и сказавъ народу, чтобъ не трогали Милорадовича, и что они сами заставятъ его уѣхать, закричали ему, чтобъ онъ сейчасъ уѣхалъ, а не то будутъ стрѣлять въ него. Когда же и послѣ этого онъ всетаки оставался, явно подъ вліяніемъ стыда, что долженъ воротиться ни съ чѣмъ, а, можетъ быть, и потому, что прямо

---

[1]) Дѣлу въ Семеновскомъ полку безъ всякой необходимости придали значеніе бунта, а извѣстіе, сообщенное въ томъ видѣ Государю, дало поводъ Метерниху, какъ говорятъ, склонить Государя на самыя ретроградныя дѣйствія по внѣшней политикѣ.

искалъ смерти, сознавая, что подлежитъ тяжкой отвѣтственности [1]), что допустилъ заговору образоваться и развиться въ такомъ размѣрѣ, — то и послѣдовало нѣсколько выстрѣловъ, причемъ Каховскій увѣрялъ, что и онъ, какъ и другіе, старались цѣлить въ лошадь, хотя всегда признавалъ себя въ правѣ стрѣлять въ непріятеля, особенно въ человѣка, ищущаго смутить солдатъ. Поэтому-то не отрицая, что онъ стрѣлялъ, какъ и другіе, онъ никогда не могъ сознаваться въ томъ, что будто бы онъ собственно ранилъ Милорадовича, и былъ чрезвычайно изумленъ, когда въ слѣдственномъ комитетѣ сказали ему, что ему ужъ нечего запираться, такъ какъ онъ признался въ томъ лично Государю. Каховскій утверждалъ, что когда Государь просилъ сказать ему правду, поклявшись ему передъ образомъ, что онъ никому не скажетъ о томъ, а что это необходимо Государю для того, чтобы не подозрѣвать въ томъ кого другого, и именно Оболенскаго, на котораго также указывали нѣкоторые, что это онъ ранилъ Милорадовича, то Каховскій сказалъ и Государю то же, что постоянно говорилъ и въ комитетѣ, т. е. что онъ стрѣлялъ, какъ и другіе, а его-ли пуля или чья другая попала въ Милорадовича, этого по совѣсти онъ сказать не можетъ. Надо замѣтить, что Каховскій, который находился какъ-бы въ постоянной пыткѣ, потому что его больного держали въ сырой ямѣ и закованнаго [2]), предупреждалъ своихъ товарищай, съ которыми имѣлъ сношеніе, что если вслѣдствіе мученій, которыя онъ испытывалъ, у него и исторгнутъ какое либо ложное признаніе, то они должны всетаки знать, что только то правда, что онъ имъ сказалъ и что говорилъ въ комитетѣ, пока былъ въ силахъ крѣпиться.

Поэтому, разсматривая дѣло Каховскаго даже съ правительственной точки зрѣнія, не только участники возстанія, но многіе изъ самыхъ приверженныхъ сторонниковъ правительства считали включеніе Каховскаго въ разрядъ главныхъ виновныхъ за нанесеніе раны Милорадовичу также неправильнымъ, какъ и неприсужденіе къ высшему наказанію Трубецкаго, потому только, что онъ по малодушію скрылся. Всякое правительство считаетъ себя въ правѣ наказывать возстающихъ противъ него, и правительство, выходящее изъ революціи и завоеваній, преслѣдуетъ тѣхъ, кто возстаетъ противъ него, опираясь на прежнюю законность. Конечно, тамъ, гдѣ происходило много перемѣнъ, и всѣ партіи, каждая въ свою очередь, считали себя законнымъ правительствомъ, когда господствовали и были революціонерами, и прибѣгали ко всѣмъ революціоннымъ средствамъ, когда добивались власти,—пришли къ убѣжденію, что смертная казнь за политическую вину и безполезна и несправедлива, и что никакъ нельзя одинаково относиться

---

[1]) Вѣдь говорили же послѣ съ правительственной стороны, что для Милорадовича очень хорошо, что онъ умеръ, а иначе его бы слѣдовало судить.

[2]) Содержавшісся въ крѣпости могли имѣть между собою сношенія, потому что все было продажное, и не только сторожа, но и офицера, плацъ-адъютантъ и самъ плацъмайоръ за деньги переносили записки, отправляли письма къ роднымъ и все доставляли.

къ политическимъ преступленіямъ, какъ къ нравственнымъ. Но признавая даже за правительствомъ право на высшую кару, всетаки считаютъ подлежащими ей развѣ зачинщиковъ и руководителей возстанія, какъ представителей самаго принципа, а не тѣхъ, кто былъ исполнителемъ тѣхъ слѣдствій, которыя необходимо истекаютъ уже изъ принятаго принципа и составляютъ такъ сказать механизмъ его проявленія. Поэтому-то и казалось бы, что если и можно было бы подвергнуть кого высшей карѣ, то скорѣе Трубецкаго, нежели Каховскаго. Бездѣйствіе Трубецкаго никакъ не можетъ служить ему оправданіемъ и уменьшить вину. Если бы Трубецкой не хотѣлъ принять участія въ дѣйствіи отъ того, что перемѣнилъ свое убѣжденіе, или, какъ говорятъ, раскаялся, то прежде всего онъ долженъ былъ бы остановить возстаніе, если бы даже за это ему могла грозить самая гибель со стороны возставшихъ. Но, оставя людей идти въ битву на смерть по его же распоряженіямъ, какъ главнаго распорядителя, самому между тѣмъ малодушно скрыться, значило не уменьшить вину, а удвоить. Смертельность же раны, нанесенной Каховскимъ Милорадовичу, очевидно могла быть дѣломъ случая; могъ быть и промахъ, могла и рана быть неопасна, какъ у барона Веліо, иначе надобно было доискиваться и подвергать такой же карѣ и того, кто ранилъ и Веліо. Что же касается до другого умысла, въ которомъ обвиненъ былъ Каховскій, то въ подобномъ умыслѣ было обвинено много и другихъ, помѣщенныхъ однако даже въ низшихъ разрядахъ по виновности; да относительно и этого, болѣе виновными должны считаться тѣ, кто предписывалъ и побуждалъ, нежели тѣ, которыхъ обрекали на исполненіе, если бы даже дѣло и было доказано въ томъ видѣ, въ какомъ хотѣли его выставить. По поводу этого Мухановъ напомнилъ вѣдь Голенищеву-Кутузову [1]), что въ этомъ смыслѣ виновны только участники въ смерти Павла, оставшіеся въ безнаказанности, несмотря на прямое намѣреніе и исполненіе, тогда какъ въ тайномъ обществѣ многимъ приписали умыселъ за такія выраженія, въ которыхъ повиненъ былъ также и самъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Даже изъ всѣхъ разсказовъ, какъ оффиціальныхъ, такъ и вышедшихъ отъ партизановъ правительственной стороны, достаточно уже видно, какъ неохотно дѣйствовали всѣ солдаты вообще противъ возставшихъ. Заряды для орудій были привезены артиллерійскими офицерами, и офицеры же вынудили солдатъ стрѣлять, а тѣ изъ нихъ, которые сами принадлежали къ Южному обществу, не съумѣли воспрепятствовагь тому [2]).

---

[1]) Голенищевъ-Кутузовъ былъ назначенъ петербургскимъ главнокомандующимъ по смерти Милорадовича и членомъ слѣдственной коммиссіи надъ участниками въ тайныхъ обществахъ. Ему приписывали участіе въ смерти Павла, и однажды, когда Государь отказалъ, ему въ деньгахъ, онъ въ присутствіи Муханова позволилъ себѣ сказать, что онъ, если бы могъ, повѣсилъ Александра, прибавя всякія дерзкія выраженія.

[2]) Когда я спросилъ потомъ кн. Александра Голицына, какъ же это онъ допустилъ стрѣлять Бакунина и приводить заряды Философова, надъ которыми имѣлъ неоспоримое вліяніе, если даже и они не были сами еще членами тайнаго общества, то онъ сказалъ

Стоять подъ картечью почти въ упоръ не было никакой возможности, и когда не послушались совѣта броситься на орудія и овладѣть ими, что было бы самымъ благоразумнымъ рѣшеніемъ, то не оставалось ничего болѣе, какъ разбѣжаться по разнымъ направленіямъ, чтобы уменьшить по крайней мѣрѣ число жертвъ, что и было приказано. Нельзя не замѣтить при этомъ, что коль скоро это было сдѣлано, то не было уже никакой нужды продолжать стрѣлять, потому что людямъ, бросившимся частію на Неву, частію въ Галерную и другія улицы, сосредоточиться опять нигдѣ не было уже никакой возможности. Однако же все продолжали стрѣлять и чрезъ то безъ всякой необходимости перебили много народу,—даже и выскочившихъ изъ домовъ при выстрѣлахъ, чтобы запереть ставни и ворота. Какъ велика была потеря людей, никогда съ точностію не было приведено въ извѣстность, такъ какъ всѣ тѣла были сброшены въ проруби на Невѣ. Полки: Московскій и Лейбъ-Гренадерскій были посланы на Кавказъ, гдѣ и оставались до тѣхъ поръ, пока ихъ составъ вполнѣ не возобновился. Начались аресты; захватывали всѣхъ, кого могли замѣтить, или о комъ упоминалось въ доносахъ; только двое изъ участниковъ въ дѣйствіи 14-го декабря могли бы ускользнуть, и если и были впослѣдствіи захвачены, то это по собственной винѣ—это Николай Бестужевъ и Вильгельмъ Кюхельбекеръ. Оба они со многими другими укрылись у меня на квартирѣ въ домѣ графа Остермана-Толстаго, находящемся на Англійской набережной, вблизи Исакіевской или Сенатской площади, и имѣющемъ входъ и съ Галерной улицы, по которой направилась часть возставшихъ. У меня всегда дѣлались распоряженія на подобные случаи, и въ видахъ предусмотрительности имѣлись даже въ запасѣ многія вещи. Поэтому на моей квартирѣ накормили прибѣжавшихъ съ площади и даже переодѣли; только Николай Бестужевъ второпяхъ не послушался управляющаго, который настаивалъ, чтобы онъ именно перемѣнилъ панталоны и сапоги, тѣмъ болѣе, что не только его могли узнать по этому, но и неудобно было идти въ обыкновенныхъ сапогахъ по льду, такъ какъ онъ намѣренъ былъ пробраться въ Финляндію. Вильгельмъ Кюхельбекеръ добрался до границы. Нигдѣ его не остановили, даже можно сказать болѣе, вездѣ давали средство уйти, несмотря на то, что онъ сдѣлалъ еще огромный крюкъ, зайдя къ себѣ въ Смоленскую губернію. Но онъ имѣлъ неблагоразуміе поворотить съ границы на Варшаву, гдѣ онъ прежде жилъ и гдѣ его всѣ знали, чтобы занять денегъ у пріятеля, какъ онъ говорилъ. Одинъ унтеръ-офицеръ, къ которому Кюхельбекеръ адресовался, чтобы узнать, гдѣ живетъ знакомый ему начальникъ, узналъ его и отвелъ на гауптвахту.

Бестужевъ пробрался въ Кронштадтъ [1]) и даже за Кронштадтъ, и нигдѣ его не

мнѣ: «Что же было дѣлать?» и сознался, что, когда Бакунинъ спрашивалъ его, то онъ сказалъ, что надо стрѣлять.

[1]) Но Бестужева захватили и въ Кронштадтѣ посланные отъ военнаго губернатора—генералъ Степовой и адъютантъ губернатора Дохтуровъ. Замѣчательно, что Степовой, имѣвшій право мстить Бестужеву за жену свою, не хотѣлъ воспользоваться случаемъ, который

хотѣли узнавать; но, идя въ обыкновенныхъ сапогахъ не по дорогѣ даже, онъ растеръ себѣ ногу и вынужденъ былъ остановиться въ деревнѣ. Тутъ узнала его одна дѣвчонка и выдала его посланному за нимъ полицейскому, который и видѣлъ его, но уже отпустилъ, потому-ли, что не узналъ его, или тоже не хотѣлъ узнать; а такъ какъ дѣвчонка сдѣлала доносъ гласно, то полицейскому нечего было уже дѣлать, и онъ вынужденъ былъ взять Бестужева.

Наконецъ былъ и еще одинъ членъ тайнаго общества, который имѣлъ случай бѣжать за границу, потому что самъ великій князь Константинъ Павловичъ давалъ ему къ тому возможность,—это Лунинъ, которому Цесаревичъ сначала былъ врагомъ, а потомъ сдѣлался другомъ. Онъ служилъ въ Варшавѣ, и вмѣстѣ съ Новосильцовымъ и другими хотѣлъ вынудить Константина Павловича вступить на престолъ, ручаясь ему за славное царствованіе, если рядомъ искреннихъ либеральныхъ реформъ онъ приготовитъ Россію къ утвержденію въ ней свободныхъ постановленій. Измѣна Викентія Красинскаго, который выдалъ великому князю замыселъ его партизановъ, разрушила предпріятіе, казавшееся возможнымъ, тѣмъ легче, что вся Россія уже присягнула Константину, а съ другой стороны Константинъ, послѣ бурной молодости, утомленный и разочарованный, мало видѣлъ привлекательнаго во власти и скорѣе всякаго согласился бы на свободное правленіе, которое и ему облегчило бы и дѣла и отвѣтственность. Четыре мѣсяца, несмотря на повторяемыя требованія изъ Петербурга, не выдавалъ онъ Лунина и въ частныхъ разговорахъ въ этотъ промежутокъ пояснилъ многое, что совершенно несогласно съ оффиціальными разсказами. Онъ не любилъ брата и всегда жестко и рѣзко отзывался о немъ. Относительно возможности царствовать спокойно и со славою, если онъ дастъ конституцію [1]), онъ постоянно выражалъ опасеніе, что на этомъ дѣло не остановилось бы и что это повело бы и къ дальнѣйшему развитію революціи. Особенно боялся онъ властолюбія Пестеля. «Что ты толкуешь мнѣ, Михайло Сергѣевичъ», говорилъ онъ Лунину, «ты не знаешь Павла Ивановича (Пестеля), онъ не только меня, но и тебя повѣсилъ бы, даромъ, что ты его пріятель».—Константинъ не вѣрилъ нисколько въ расположеніе народа, которое могло бы оградить его, и когда при въѣздахъ его въ

передавалъ врага его въ его руки; тогда какъ Дохтуровъ! самъ членъ общества, упрашивалъ Бестужева дозволить арестовать себя, чтобы не подвергать его, Дохтурова, отвѣтственности.

[1]) Впрочемъ Лунинъ предсказалъ ему, что вслѣдствіе его нерѣшимости, для него дѣло хорошо не кончится, и онъ именно не избѣгнетъ того, чего искалъ избѣгнуть, отрекаясь принять правленіе. «Я выѣзжаю добровольно изъ Варшавы, какъ вы сами знаете», сказалъ Лунинъ ему, когда нельзя уже было болѣе откладывать его отправленіе, а бѣжать онъ не хотѣлъ, «а вотъ вы, помните мое слово, отъ того, что не хотѣли насъ послушать, не выберетесь добромъ изъ Варшавы». Это Лунинъ разсказывалъ задолго до Польской революціи, когда Константинъ долженъ былъ бѣжать въ одной рубашкѣ чрезъ черный ходъ.

Россію, кричали ему «Ура», то у разочарованнаго человѣка вырывались всегда такія или подобныя выраженія: «Знаю васъ, канальи, знаю. Теперь кричите «Ура», а если бы потащили меня на лобное мѣсто и спросили васъ: «Любо-ли?»—то вы также бы заорали: любо, любо, какъ теперь кричите: «Ура».

Такимъ образомъ изъ всѣхъ членовъ общества остались со свободными голосами только двое, случайно бывшіе тогда за границей, а именно Николай Тургеневъ и Яковъ Толстой. Но оба они давно уже были за границею и не могли слѣдить за ходомъ дѣла въ послѣднее время въ Россіи, а потому и не могли много сказать въ поясненіе его.

X.

Всѣхъ привлеченныхъ прямо или косвенно къ дѣлу по тайнымъ обществамъ и событіямъ 14-го декабря и по возстанію въ Черниговскомъ полку считалось 2500 человѣкъ. Не было почти ни одного семейства знатнаго, богатаго, образованнаго, которое не имѣло бы тутъ своего представителя. Не всѣ однако были арестованы. Если въ началѣ слѣдственный комитетъ усиленно доискивался участниковъ, то въ послѣднее время, когда дѣло начало касаться значительныхъ лицъ, онъ въ свою очередь боялся слишкомъ далеко простирать свои изслѣдованія. Ни въ арестахъ, ни въ изслѣдованіяхъ, ни въ присужденіи наказаній или освобожденій отъ нихъ не было справедливости, а руководтвовались все второстепенными соображеніями. Суворова не только не подвергли отвѣтственности, но еще произвели въ офицеры; Витгенштейна не тронули; о князѣ Лопухинѣ, генералъ-лейтенантѣ и дивизіонномъ командирѣ, сказали, что онъ прощенъ по молодости лѣтъ, тогда какъ 16-лѣтняго Дивова присудили на вѣчно въ работу. Къ Михайлѣ Орлову ѣздилъ всегда братъ его, Алексѣй Орловъ, и напередъ сказывалъ ему, о чемъ его будутъ спрашивать въ комитетѣ, и что онъ долженъ отвѣчать и пр. и пр.

Главными дѣйствовавшими лицами въ комитетѣ были Чернышевъ [1]) и Бенкендорфъ, которые дѣйствовали совершенно недобросовѣстно и обращались вообще грубо. Лучше другихъ былъ Левашевъ и добродушный Татищевъ, военный министръ. Голицынъ былъ у комитета ораторомъ, когда заводились теоретическіе пренія. Въ изслѣдованіяхъ своихъ комитетъ часто увлекался личными предубѣжденіями и старался не о томъ, чтобъ открыть и обсудить безпристрастно дѣйствія, а чтобъ непремѣнно во что бы то ни стало завинить нѣкоторыя личности; точно такъ, какъ съ другой стороны, кому хотѣли помочь, относительно тѣхъ даже вовсе не принимали показаній. Употреблены

---

[1]) Чтобы судить о дѣйствіяхъ Чернышева, достаточно сказать, что графа Захара Чернышева, личность ничтожную, и который былъ только номинально членомъ общества, отъ того, что былъ зять Никиты Муравьева, осудили въ работу для того, чтобы лишить его маіората, который генералъ Чернышевъ надѣялся было присвоить себѣ.

были всѣ возможныя уловки, обманы, угрозы и льстивыя обѣщанія, вслѣдствіе чего многіе сами на себя взвели разныя небылицы, по увѣреніямъ, что чѣмъ болѣе покажутъ искренности, тѣмъ скорѣе заслужатъ прощеніе. Увѣряли постоянно (и даже чрезъ подсылаемыхъ священниковъ), что Государь хочетъ только все знать, а затѣмъ «удивитъ Европу», и что вѣроятно всѣхъ проститъ и даже самъ дастъ конституцію. Обвиняемые, видя, какую тактику противъ нихъ употребляютъ, и сами искали сбить съ толку слѣдователей. Системы для этого употреблялись различныя. Одни думали, что необходимо запутать какъ можно болѣе людей, другіе же, что необходимо даже жертвовать своимъ самолюбіемъ, чтобы спасти другихъ. Впрочемъ, и та и другая система употреблялися вмѣстѣ: первая въ приложеніи къ тѣмъ личностямъ, которыя играли двусмысленную роль и, подстрекая другихъ, сами старались остаться въ сторонѣ, вторая—относительно тѣхъ, которые были искренни, но не могли принять участія въ дѣлѣ по причинамъ, вполнѣ независѣвшимъ отъ нихъ.

Были-ли пытки въ комитетѣ? Если разумѣть это въ прямомъ смыслѣ, то я по совѣсти не могу этого утверждать. Говорили о какомъ-то рубцѣ на лбу Пестеля и предполагали, что ему сдавливали голову. Я однако-же этого не замѣтилъ, встрѣтившись однажды съ нимъ, когда я шелъ изъ комитета, а его вели въ комитетъ. Но общее положеніе содержавшихся въ крѣпости стоило пытки, особенно для тѣхъ, кто и безъ того былъ нездоровъ, или страдалъ отъ ранъ, какъ напр. Василій Норовъ. Надо сказать, что за годъ передъ тѣмъ, во время извѣстнаго наводненія въ Петербургѣ 7-го ноября 1824 г. крѣпость была залита водою, которою пропитались валъ и стѣны крѣпости, такъ что и въ 1825 г. была страшная сырость. Въ добавокъ къ тому въ каждой амбразурѣ построены были клѣтки изъ сыраго лѣса и въ этихъ-то клѣткахъ и содержали обвиненныхъ. Эти клѣтки были такъ тѣсны, что едва доставало мѣста для кровати, столика и чугунной печи. Когда печь топилась, то клѣтка наполнялась непроницаемымъ туманомъ, такъ что, сидя на кровати, нельзя было видѣть двери на разстояніи двухъ аршинъ. Но лишь только закрывали печь, то дѣлался отъ нея удушливый смрадъ, а паръ, охлаждаясь, буквально лилъ потокомъ со стѣнъ, такъ что въ день выносили по двадцати и болѣе тазовъ воды. Флюсы, ревматизмы, страшныя головныя болѣзни и пр. были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого положенія, и въ этомъ смыслѣ пытка была непрерывная. Кормили скверно, потому что было страшное воровство. Основаніе, па которомъ судили, было чисто произвольное [1]), и судьи увидѣли осужденныхъ только тогда, когда читали приговоръ. Все основывалось на томъ, какъ представилъ

---

[1]) Сначала хотѣли судить по существующимъ законамъ, но тутъ смертной казни подлежали только взятые съ оружіемъ въ рукахъ; тогда хотѣли судить по регламенту Петра I-го, но въ такомъ случаѣ смертной казни подлежали бы всѣ, даже и тѣ, кто зналъ, но не донесъ. Поэтому, сочинили какой-то произвольный mezzo Termine.

дѣло слѣдственный комитетъ, несмотря на то, что въ немъ постоянно твердили, что «вы можете пояснять свое дѣло предъ судомъ». Судъ раздѣлился только на коммиссіи для пріема дѣлъ, но когда передъ этими коммиссіями заявляли, что дѣло не полно, что не достаетъ нѣкоторыхъ бумагъ, то отвѣчали: «Васъ объ этомъ не спрашиваютъ, а о томъ только, что тѣ бумаги, которыя вамъ показываютъ, вашею-ли рукою писаны?» И когда нѣкоторые, видя неполноту дѣла, отказывались подписать, что показанныя бумаги принадлежатъ имъ, то имъ говорили: «Ну, такъ и безъ вашей подписи обойдутся.» И этотъ отказъ подписать дѣйствительно не произвелъ никакого вліянія на ходъ суда. Вслѣдствіе этого вышли непростительныя ошибки, которыя передъ судомъ неминуемо были бы разъяснены. Такъ напр., когда мы соединены были впослѣдствіи въ казематѣ въ Сибири, то открылось, что нѣкоторые члены (Сутгофъ и др.) дѣлали показанія на Михаила Кюхельбекера, смѣшавши его съ Арбузовымъ, вслѣдствіе чего Кюхельбекеръ безвинно былъ присужденъ на нѣсколько лѣтъ въ работу.

Теперь остается разсказать о дѣйствіяхъ Южнаго общества, выразившихся въ двухъ эпизодахъ—въ арестованіи Пестеля и другихъ членовъ въ Тульчинѣ (главной квартирѣ второй арміи) и въ возстаніи Черниговскаго полка.

Южное общество было чрезвычайно сильно во второй дѣйствующей арміи и въ третьемъ пѣхотномъ корпусѣ первой арміи. Не говоря уже о той поддержкѣ, которую оно всегда могло найти въ южныхъ военныхъ поселеніяхъ, не потому, что главный начальникъ ихъ, графъ Виттъ, былъ также и самъ членъ общества, но потому, что раздраженіе въ южныхъ поселеніяхъ было еще сильнѣе, нежели въ сѣверныхъ, и кровавыя сцены въ Чугуевѣ при устройствѣ поселеній были еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. Чтобъ судить о силѣ Южнаго общества, достаточно сказать, что членами его были почти вся главная квартира второй арміи, офицеры генеральнаго штаба, семь адъютантовъ главнокомандующаго графа Витгенштейна, два сына его, всѣ безъ изъятія полковые командиры, почти всѣ бригадные, которыхъ только «удостоивали» принять въ члены общества [1]). Дивизіонные командиры явно благопріятствовали движенію идей, и самъ начальникъ штаба, Киселевъ, игралъ двусмысленную роль, потому что въ его кабинетѣ обсуждались многіе отдѣлы «Русской правды [2]), особенно военный». Вся артиллерія 3-го пѣхотнаго корпуса наполнена была членами общества соединенныхъ славянъ, присоединившихся къ Южному обществу. Въ нѣкоторыхъ кавалерійскихъ полкахъ, какъ напр. въ Ахтырскомъ гусарскомъ, всѣ офицеры поголовно были членами Южнаго общества, И вотъ несмотря на всю эту огромную силу, ее не попытались даже нигдѣ, кромѣ Черниговскаго полка, привести въ дѣйствіе, и все по той же причинѣ, которая исказила дѣйствія и на сѣверѣ, по политической неспособности главнаго распорядителя. Пестель

---

[1]) Этого дѣйствительно добивались уже, какъ особенной чести.

[2]) Такъ назывался проектъ законодательства, составленный подъ редакціей Пестеля.

былъ безспорно человѣкъ большого ума, но ума чисто кабинетнаго, въ практическихъ же дѣйствіяхъ обнаруживалъ всегда большую безтактность и радикальную неспособность. Всѣ соображенія его въ этихъ случаяхъ были до нельзя ошибочны. Такъ, будучи уже самъ полковымъ командиромъ, онъ не умѣлъ привязать къ себѣ солдатъ, и его суровость къ нимъ, которую онъ объяснялъ намѣреніемъ, будто-бы, нарочно раздражать солдатъ противъ правительства, чтобъ тѣмъ легче побудить ихъ послѣ къ возстанію, лучше всего выказала, какимъ фальшивымъ разсчетамъ онъ способенъ былъ поддаваться. Возстаніе Черниговскаго полка ясно доказало, что солдаты гораздо скорѣе пойдутъ за начальниками, которые умѣютъ защищать ихъ отъ несправедливыхъ требованій и безполезнаго мученья, нежели за тѣми, которые показали свое безсиліе, какъ бы хитро и искусно ни старались объяснить имъ его.

Пестель допустилъ арестовать себя самымъ постыднымъ образомъ; и бездѣйствіе его въ рѣшительную минуту тѣмъ неизвинительнѣе, что онъ былъ предувѣдомленъ сыномъ Витгенштейна, что Чернышевъ пріѣхалъ именно затѣмъ, чтобъ начать аресты по доносамъ Майбороды, Бошняка и графа Витта, имѣя уже и еще прежде того предостереженіе въ арестованіи Вадковскаго по доносу Шервуда. Необходимо было немедленно арестовать Чернышева и даже самого главнокомандующаго, такъ какъ и сами сыновья признавали неизбѣжность этой мѣры. Повидимому, сначала на это и рѣшались, такъ какъ всѣ распоряженія находились уже въ рукахъ общества, и въ главную квартиру были приведены не въ очередь самые надежные полки. Но Пестель все колебался приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ—и попалъ въ ловушку, такъ плохо даже поставленную, что, кажется, самый малосмысленный ребенокъ сейчасъ бы догадался, что ему тутъ насторожили западню. Его не рѣшились арестовать въ главной квартирѣ, а старались выманить изъ нея. И вотъ онъ принялъ отъ Витгенштейна порученіе ѣхать къ корпусному командиру Сабанееву съ важными бумагами, относящимися будто бы до пограничныхъ дѣлъ съ Турціею, а что выборъ палъ именно на него, то это объяснили ему такъ, что онъ можетъ и самъ быть полезенъ совѣтами, такъ какъ его прежде посылали въ Молдавію и онъ изучилъ тамошнія дѣла. Между тѣмъ та самая важная бумага, которую онъ везъ, и заключала въ себѣ предписаніе объ арестованія его, а корпусная квартира Сабанеева была единственнымъ мѣстомъ, гдѣ не было членовъ общества и преданныхъ Пестелю людей, потому что Сабанеевъ любилъ окружать себя единственно такъ называемыми «хамами», т. е. или выслужившимися изъ простыхъ людей или низкопоклонниками; разумѣется Пестель немедленно по врученіи бумаги и былъ арестованъ.

Что же касается до Черниговскаго полка, то главнымъ виновникомъ неудачи возстанія его былъ командиръ Ахтырскаго полка, Артамонъ Муравьевъ, человѣкъ очень энергичный на словахъ, но на дѣлѣ всегда оказывавшійся ничтожнымъ. Онъ со своимъ полкомъ долженъ былъ идти на прикрытіе артиллеріи, и вмѣстѣ съ нею соединиться съ Черниговскимъ полкомъ. Но когда артиллерійскій офицеръ Андріевичъ при-

везъ ему о томъ приказаніе, то онъ отговаривался тѣмъ, что «жена его теперь въ ваннѣ», а по отъѣздѣ Андріевича вмѣсто того, чтобъ вести тотчасъ же полкъ, у котораго и лошади были уже осѣдланы, поѣхалъ къ дивизіонному командиру Ридигеру, чтобъ узнать, какъ говорилъ онъ, нельзя-ли и его преклонить на сторону возстанія. Разумѣется тамъ онъ былъ арестованъ. Между тѣмъ Черниговскій полкъ, оставленный безъ артиллеріи и кавалеріи, мужественно боролся и держался три дня противъ цѣлой дивизіи, но, наконецъ, долженъ былъ уступить, показавши только на опытѣ, что можно было бы сдѣлать, если бы всѣ члены общества съумѣли пріобрѣсти такое довѣріе отъ солдатъ, какъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ.

Въ слѣдственномъ комитетѣ были поражены съ одной стороны знаніемъ всѣхъ, такъ называемыхъ государственныхъ тайнъ, и вообще настоящаго положенія государства, которое обнаружили многіе члены тайныхъ обществъ, а съ другой, силою аргументовъ, которые извлекались изъ этого знанія. Все это, конечно, было скрыто въ донесеніи слѣдственной коммиссіи, но производило тѣмъ не менѣе до того сильное впечатлѣніе на членовъ ея, что нерѣдко, не зная, чѣмъ опровергать допрашиваемаго, его выводили изъ присутствія на нѣкоторое время, чтобы приготовить возраженіе и дальнѣйшіе вопросы. Болѣе всего мучило ихъ желаніе дознаться, чрезъ кого могли мы получить такія свѣдѣнія, и не было-ли между нашими соучастниками важныхъ лицъ; особенно добивались показаній на счетъ Филарета, бывшаго тогда уже архіепископомъ Московскимъ, и Сперанскаго. Извѣстно, что подозрѣніе о соучастіи Филарета, доходило до того, что покойный императоръ дважды отдавалъ приказаніе Закревскому ѣхать въ Москву и привезти Филарета, и что тотъ дважды ослушался, что и составило впослѣдствіи главную заслугу его въ глазахъ Государя. Что Филаретъ зналъ о существованіи либеральной «партіи», и къ чему стремились ея желанія, это несомнѣнно, потому что это знали даже люди гораздо менѣе его любознательные и проницательные; въ Москвѣ, въ кругу главнокомандующаго князя Дмитрія Владиміровича Голицына, окруженнаго членами тайнаго общества, даже открыто разсуждали обо всемъ этомъ; несомнѣнно также и то, что у Филарета были и прямыя разсужденія съ членами тайныхъ обществъ, и что онъ симпатизировалъ со многими желаніями и стремленіями либеральной партіи, но чтобъ онъ зналъ о существованіи собственно тайныхъ обществъ, объ организаціи ихъ и предположенныхъ средствахъ для достиженія цѣли, на это я не имѣлъ никакихъ указаній ни отъ кого изъ членовъ тайныхъ обществъ, которые были въ прямыхъ сношеніяхъ съ Филаретомъ. Косвенно, конечно, онъ могъ знать о томъ, какъ зналъ и самъ Государь еще въ 1821 г. при Семеновской исторіи, когда самое происшествіе въ Семеновскомъ полку онъ отнесъ было къ дѣйствію тайныхъ обществъ, какъ и сказалъ о томъ Чаадаеву [1]); Филаретъ могъ даже слышать и прямо, но смѣшивать тайныя политическія

[1]) Чаадаеву доказывали въ слѣдственномъ комитетѣ, что онъ зналъ о существованіи тайныхъ обществъ, а слѣдовательно, вѣроятно, былъ и членомъ котораго нибудь изъ нихъ.

общества со множествомъ другихъ филантропическихъ, мистическихъ и пр., тѣмъ болѣе, что получалъ даже прямыя предложенія о принятіи участія въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. отъ Лабзина, издателя Сіонскаго Вѣстника, но это еще не означало ни соучастія, ни знанія въ томъ смыслѣ, какъ добивался слѣдственный комитетъ.

Что Филаретъ не могъ не видѣть и не признавать относительной справедливости стремленій и требованій либеральной партіи, это онъ прямо высказалъ лично мнѣ, при свиданіи со мною по возвращеніи моемъ въ Москву. Полагая, что и онъ, какъ членъ Синода, былъ въ числѣ Верховнаго Уголовнаго суда, осудившаго насъ заочно, я писалъ къ нему еще изъ Читы по поводу прямого противорѣчія между осужденіемъ тѣхъ правилъ, которыя нами руководили, и поощреніемъ и проповѣданіемъ этихъ самыхъ правилъ правительствомъ. Поэтому, Филаретъ и сказалъ мнѣ при свиданіи, что я ошибался въ томъ, что считалъ и его въ числѣ судей нашихъ. «Богъ избавилъ меня отъ этого несчастія», твердо сказалъ онъ мнѣ, и въ дальнѣйшей бесѣдѣ сознался мнѣ, что для человѣка вполнѣ совѣстливаго быть безпристрастнымъ судьею въ этомъ дѣлѣ было крайне затруднительно. Спора между нами быть уже не могло. Я признавалъ уже христіанскія начала единственнымъ надежнымъ руководителемъ, не только для частной, но и для общественной жизни, а онъ долженъ былъ сознаться, что наше уклоненіе отъ этихъ началъ было прямымъ слѣдствіемъ уклоненія отъ нихъ самого правительства, получившаго крайнее выраженіе въ союзѣ безсмысленнаго политическаго и общественнаго деспотизма Аракчеева съ изувѣрствомъ Фотія [1]), такъ что революціонныя правила и дѣйствія были прямымъ логическимъ выводомъ ученій, проповѣдуемыхъ и поощряемыхъ самимъ правительствомъ, и соблазна примѣра, который оно само давало, чему я и представилъ Филарету фактическія доказательства.

Здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ о Фотіи. Осуждая его дѣйствія, нѣкоторые думали однако-же, что онъ былъ искренній изувѣръ. Этому противорѣчатъ показанія учениковъ того заведенія, гдѣ онъ въ началѣ своей карьеры былъ законоучителемъ. Онъ плутовалъ заодно съ учениками, чтобы поддѣлать вопросы и отвѣты такъ, чтобъ ученики всегда отвѣчали на экзаменахъ блестящимъ образомъ. О томъ-же, до какой степени повиновенія онъ могъ довести слабый умъ и боязливую совѣсть, лучше всего свидѣтельствуетъ слѣдующій разсказъ Петра Федоровича Желтухина, сообщенный мнѣ имъ самимъ въ довѣренной бесѣдѣ [2]): «Разъ, говорилъ онъ мнѣ, былъ я съ ви-

---

«Это правда», отвѣчалъ онъ, «что я зналъ о существованіи тайныхъ обществъ, но я узналъ о томъ отъ самого Государя, который разсказалъ мнѣ о томъ въ присутствіи князя Волконскаго, когда я былъ посланъ къ Государю курьеромъ въ Лайбахъ съ донесеніемъ о происшествіи въ Семеновскомъ полку»,—и князь Волконскій подтвердилъ это.

[1]) Послѣдствія этого союза Филаретъ испыталъ и на самомъ себѣ.

[2]) Я зналъ его, когда онъ былъ еще командиромъ Лейбъ-Гренадерскаго полка. Впослѣдствіи онъ былъ правителемъ Молдавіи и Валахіи.

зитомъ у графини Анны Алексѣевны (Орловой-Чесменской) и столкнулся тамъ съ Фотіемъ.—«Ты думаешь», сказалъ мнѣ Фотій, «что она (указывая пальцемъ на графиню) праведница? А вотъ я хочу показать тебѣ, какъ не слѣдуетъ полагаться на внѣшнее благочестіе. Анна, принеси мнѣ двѣ тетрадки, гдѣ написана твоя исповѣдь».—Та принесла и подала ему. «Возьми вотъ и прочти», сказалъ мнѣ Фотій, подавая тетрадки. Я былъ въ большомъ смущеніи, но видѣлъ, что графиня глазами умоляла меня, чтобы я взялъ. Когда же я отклонялся, и она пошла провожать меня, то въ аванзалѣ я сказалъ ей, подавая ей тетрадки: «Неужели вы думаете, что я способенъ употребить во зло подобный случай»?—«Что вы, что вы», сказала съ ужасомъ. «Какъ вы могли думать, чтобъ я обманула его. Непремѣнно прочтите внимательно все, я сама удостовѣрюсь въ томъ, точно-ли вы все прочитали».

Совсѣмъ въ иномъ видѣ представляется дѣло относительно Сперанскаго.

Зналъ ли онъ прежде о стремленіяхъ и цѣли либеральной партіи, съ достовѣрностію утверждать не могу, хотя по близкимъ его сношеніямъ съ Батеньковымъ, это очень вѣроятно, но что въ самый день 14-го декабря онъ былъ предувѣдомленъ о предстоящемъ переворотѣ, это кажется несомнѣннымъ; по крайней мѣрѣ нѣтъ никакой причины не довѣрять показаніямъ Корниловича. Онъ былъ человѣкъ [1]) очень скромный и правдивый, настоящій типъ кропотливаго нѣмецкаго ученаго, всегда самъ хлопотавшій о разъясненіи каждаго факта до мелочности. Вотъ его показаніе относительно Сперанскаго; утромъ, прежде еще, нежели началось движеніе, Корниловичъ былъ посланъ къ Сперанскому объявить ему о предстоящемъ переворотѣ и испросить его согласіе на назначеніе его въ число членовъ регенства.

«Съ ума вы сошли», отвѣчалъ Сперанскій, «развѣ дѣлаютъ такія предложенія преждевременно? Одержите сначала верхъ, тогда всѣ будутъ на вашей сторонѣ».

Если припомнить, какъ легко подчинялись всегда въ Петербургѣ всѣ самые значительные люди всякому перевороту, то отвѣтъ Сперанскаго представится очень естественнымъ и понятнымъ, и вся эта сцена не покажется невѣроятною. И такъ какъ Батеньковъ и Корниловичъ были именно изъ числа тѣхъ людей, чрезъ которыхъ тайное общество узнавало такъ называемыя государственныя тайны, то здѣсь и будетъ кстати отвѣчать на упомянутый выше вопросъ, какимъ образомъ тайное общество могло все знать, какъ спрашивали о томъ въ слѣдственномъ комитетѣ.

Если припомнить, что въ тайномъ обществѣ были члены изъ всѣхъ знатныхъ и важныхъ фамилій, связанные близкимъ знакомствомъ и родствомъ со всѣми людьми, занимавшими высшія государственныя должности, то и не представится ничего удивительнаго въ общемъ знаніи государственныхъ дѣлъ, если бы даже не было для того и осо-

---

[1]) Въ литературѣ Корниловичъ былъ извѣстенъ какъ издатель альманаха «Русская старина».

бенныхъ случаевъ и средствъ. Но общество, конечно, не могло довольствоваться однимъ этимъ, и у него были лица, поставленныя обстоятельствами въ особенно благопріятныя условія, чтобъ знать всѣ государственныя дѣла. Инымъ членамъ его это знаніе было доступно уже самой по значительности ихъ положенія, другимъ по особеннымъ случаямъ. Батеньковъ, какъ правитель дѣлъ сибирскаго комитета, былъ близокъ къ Аракчееву, въ которомъ сосредоточивались тогда всѣ государственныя тайны, все знаніе настоящаго и всѣ замыслы относительно будущаго; и этотъ же самый Батеньковъ былъ близокъ къ Сперанскому, при которомъ служилъ въ Сибири, и отъ котораго узнавалъ многое относительно прошедшаго, что только одинъ Сперанскій и могъ разъяснить.

Корниловичъ же былъ помощникомъ Бутурлина, которому было поручено писать военную исторію, и, поэтому, былъ допущенъ въ секретный дворцовый архивъ, чтобъ дѣлать выписки и извлеченія изъ разныхъ дѣлъ и бумагъ. Всякій разъ, когда ему нужно было заниматься, онъ бралъ ключъ отъ архива у начальника штаба, жившаго также во дворцѣ, и, по окончаніи занятій, лично относилъ къ нему ключъ; и хотя, повидимому, приняты были мѣры, чтобъ онъ не могъ ничего списать для себя, и листы бумаги выдавались ему перенумерованные, но тогдашняя форма съ ботфортами способствовала тому, что можно было приносить и уносить много бумаги, которая легко могла бы быть замѣченною, если бы держать ее въ боковомъ карманѣ. Изъ этого видно, какъ нелѣпъ разсказъ, что будто бы Корниловичъ унесъ цѣлое дѣло и дорогою потерялъ его.

Такимъ образомъ, независимо отъ разныхъ отрывочныхъ выписокъ, Корниловичъ могъ списать все дѣло фрейлины Лопухиной при Елисаветѣ Петровнѣ.

Обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ узнали или вспомнили въ Петербургѣ уже тогда только, когда Корниловичъ былъ въ ссылкѣ въ Читѣ. Вслѣдствіе этого прискакалъ фельдъ-егерь изъ Петербурга и увезъ Корниловича обратно въ крѣпость. Открылъ ли онъ, или нѣтъ, гдѣ находились списанные имъ документы,—неизвѣстно, но только въ Сибирь возвращенъ онъ не былъ, а посланъ на Кавказъ, гдѣ и былъ убитъ или умеръ отъ раны.

Былъ и еще одинъ членъ тайнаго общества, чрезъ котораго узнавалось многое и притомъ изъ самаго надежнаго источника: это Краснокутскій. Онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ и, кажется, даже въ родствѣ съ Кочубеемъ, другомъ и наперсникомъ Государя, принадлежавшимъ къ числу тѣхъ, которые составляли, по выраженію самого Государя, русскій „*Comité du salut public*", потому что онъ представлялъ относительно Россіи дѣйствительно революціонное правленіе, не задумывавшееся надъ какою бы то ни было ломкою. Впрочемъ сообщенія Кочубея Краснокутскому были не совсѣмъ безкорыстны. Если онъ и сообщалъ ему многое, то въ замѣну и самъ хотѣлъ знать кое-что отъ него, по крайней мѣрѣ, въ важныхъ случаяхъ. Кочубей зналъ о существованіи тайныхъ обществъ, но не очень пугался этого, такъ какъ въ своей молодости самъ прошелъ періодъ революціоннаго броженія. Онъ, кажется смотрѣлъ на дѣло такъ, что подобное возбуж-

деніе молодыхъ умовъ не безполезно даже, такъ какъ оно подвигаетъ вообще развитіе общества и предупреждаетъ застой, еще болѣе опасный, нежели возможность революціи, до чего, онъ думалъ, дѣло потому никогда не дойдетъ, что люди, подвигаясь въ возрастѣ, будутъ дѣлаться терпѣливѣе, а управленіе обществомъ всячески будетъ оставаться въ ихъ рукахъ, и они будутъ въ состояніи обуздывать горячихъ молодыхъ членовъ.

Кочубей поэтому заботился только о томъ, чтобъ знать ближайшія намѣренія и дѣйствія общества, когда это знаніе могло быть прямо приложено къ какому нибудь практическому случаю. Такъ напр., когда въ 1823 г. Государь колебался ѣхать во вторую армію, опасаясь какого нибудь покушенія, то Кочубей прямо спросилъ Краснокутскаго: «Есть ли причины чего нибудь опасаться?» И когда Краснокутскій честнымъ словомъ завѣрилъ его, что ничего не будетъ еще предпринято, то Кочубей въ свою очередь завѣрялъ Государя, что ему нечего бояться и что «республиканская» армія приметъ его отлично. И когда это оправдалось на дѣлѣ, то разумѣется послужило къ усиленію довѣрія Государя къ Кочубею.

Мы имѣли уже нѣсколько разъ случай упоминать, что правительство знало не только о стремленіяхъ вообще либеральной партіи, но даже и о существованіи тайныхъ обществъ и цѣли ихъ, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, разумѣя подъ этимъ достиженіе такого преобразованія общественнаго быта, къ какому и само правительство стремилось въ началѣ царствованія Александра I-го. Нѣтъ сомнѣнія, что если и доходили до свѣдѣнія правительства общія указанія о существованіи какихъ то обществъ съ либеральными цѣлями, то было много причинъ, которыя удерживали его отъ преслѣдованія. Прежде всего, конечно, многимъ государственнымъ лицамъ изъ числа самыхъ приближенныхъ къ Государю, неловко было бы преслѣдовать людей за тѣ самыя идеи и стремленія, которыя и они нѣкогда раздѣляли; во вторыхъ, при существованіи многихъ другихъ обществъ филантропическихъ, мистическихъ, масонскихъ и пр., трудно было уловить какой нибудь опредѣленный оттѣнокъ, особенно, пока тайныя общества занимались преимущественно распространеніемъ идей; наконецъ могли считать благоразумнымъ не трогать людей, чтобъ именно не произвести или не ускорить взрыва, котораго опасались, а считали за лучшее предоставить броженію успокоиться самому собою, стараясь только отвлекать людей приманками выгоды. Много способствовало такой, повидимому, умѣренности правительства и то обстоятельство, что до послѣдняго времени не было положительныхъ доносовъ, а всѣ свѣдѣнія правительства о тайныхъ обществахъ основывались на слухахъ и на неопредѣленныхъ указаніяхъ, почерпаемыхъ преимущественно изъ открытыхъ либеральныхъ сужденій. Но когда начали поступать доносы о томъ, что готовиться попытка непосредственно измѣнить форму правленія, то правительство рѣшилось развѣдать дѣло поближе. Еще въ ноябрѣ 1825 г. былъ арестованъ Вадковскій по доносу Шервуда.

Вадковкій былъ кавалергардскій офицеръ и въ родствѣ съ графами Чернышевыми

по матери. Его не взлюбили за то, что онъ разстроилъ свадьбу Шереметева съ побочною дочерью государя отъ извѣстной Марьи Антоновны Нарышкиной. Придравшись къ какому то пустому случаю, Вадковскаго перевели изъ гвардіи въ Сѣверскій конно-егерскій полкъ. Тамъ пашелъ онъ въ полку бѣднаго юнкера Шервуда, котораго и пріютилъ у себя. Чтобы понравится своему милостивцу, Шервудъ вторилъ Вадковскому во всѣхъ либеральныхъ изъявленіяхъ и ослѣпилъ своею пылкостью Вадковскаго до того, что тотъ считалъ его за чистаго, восторженнаго юношу и не довольствовался сообщеніемъ ему идей, но имѣлъ неосторожность говоритъ ему и о фактахъ, относившихся къ обществу. Шервудъ же, когда подумалъ, что ужъ зналъ довольно, рѣшился сдѣлать себѣ изъ этого средство выслуги и донесъ на Вадковскаго.

Впрочемъ, арестованіе Вадковскаго немного открыло правительству. Шервудъ могъ сообщить только то, что слышалъ отъ Вадковскаго и не могъ назвать никого другого, а Вадковскій не открывалъ ничего. Такъ дѣло тянулось почти мѣсяцъ, когда наконецъ поступили доносы гораздо болѣе обстоятельные отъ Бошняка, графа Витта и, въ особенности, отъ Майбороды.

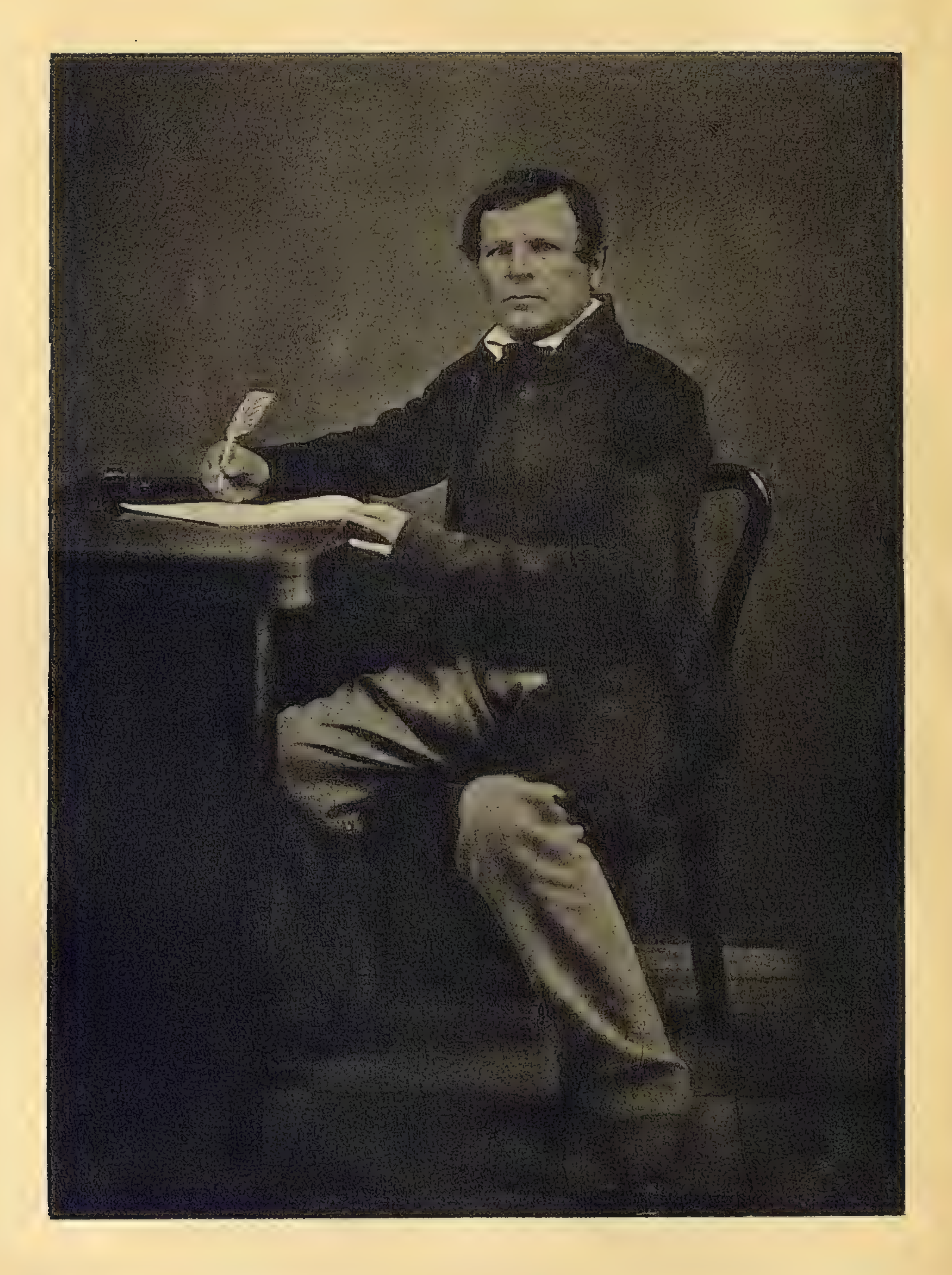
Бошнякъ былъ принятъ въ члены общества Лихаревымъ, и въ свою очередь принялъ графа Витта. Но и тотъ и другой не могли узнать много членовъ по самому подчиненному положенію въ обществѣ самого Лихарева. Притомъ графъ Виттъ игралъ до конца очень двусмысленную роль. Онъ пріѣхалъ въ Таганрогъ, кажется, съ цѣлію вывѣдать сначала, извѣстно-ли уже что нибудь Государю, и только тогда показалъ имѣвшійся у него списокъ нѣкоторыхъ членовъ, какъ самъ Государь сказалъ ему объ открытіи по доносу Майбороды сильнаго тайнаго общества. Доносъ графа Витта имѣлъ только то слѣдствіе, что подтвердилъ показаніе Майбороды.

Доносъ этого послѣдняго имѣлъ совершенно особенный характеръ. Если другіе доносы основывались на томъ, что было слышано только отъ другихъ, то доносъ Майбороды былъ точный журналъ въ теченіи долгаго времени, день за день, обо всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, живя у Пестеля, у котораго въ полку служилъ, и который приблизилъ его къ себѣ и довѣрился ему во всемъ, несмотря на неоднократныя предостереженія многихъ членовъ общества. Такимъ образомъ въ доносѣ Майбороды находились не только мысли и намѣренія тайныхъ обществъ, но что всего важнѣе было для правительства и что чрезвычайно облегчило ему дѣло—почти всѣ имена членовъ, по крайней мѣрѣ, самыхъ значительныхъ.

До сихъ поръ достаточно не разъяснено, кто рѣшился приступить къ арестамъ по доносу Майбороды, самъ-ли умирающій Государь, или Дибичъ, который взялъ на себя послать Чернышева въ главную квартиру 2-ой арміи производить аресты по приказанію, отданному будто бы Государемъ. Такъ какъ Дибичъ, по званію своему начальника главнаго штаба, имѣлъ право объявлять словесныя приказанія государя, то обстоятельство, кто именно рѣшился производить аресты, и могло бы остаться навсегда тайною, если

бы самъ Дибичъ не представилъ, какъ говорятъ доказательствъ, что рѣшеніе принадлежало ему, даже какъ бы вопреки волѣ покойнаго Государя, что и составило главную заслугу Дибича въ глазахъ новаго Государя.

Всѣ доносчики кончили свою карьеру худо, несмотря на награды правительства и на титулъ «Вѣрнаго», данный Шервуду. Что же касается до доноса Ростовцева, то хотя онъ утверждалъ, что, донеся о дѣлѣ онъ не донесъ объ именахъ членовъ, однако быстрое арестованіе многихъ членовъ и не бывшихъ въ дѣйствіи 14-го декабря едва—ли позволятъ вполнѣ довѣрять показанію Ростовцева о сценѣ, будто бы происходившей между нимъ и Государемъ наканунѣ 14-го декабря.

Дмитрій Завалишинъ

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Здѣсь я приступаю къ изложенію тѣхъ событій, которыя служили какъ-бы продолженіемъ политическаго движенія въ Россіи и во многомъ послужили къ разъясненію. Я разумѣю подъ этимъ все, что произошло и выказалось въ казематѣ въ Сибири, гдѣ мы всѣ были соединены на все время, пока считался намъ срокъ работы. Впрочемъ, для связи съ предшествовавшими событіями я долженъ нѣсколько возвратиться назадъ и дополнить разсказанное о содержаніи насъ въ Петропавловской крѣпости и обо всемъ, происходившемъ съ нами въ комитетѣ, изложеніемъ какъ всего, что происходило лично со мною, такъ и того, чего я снова былъ уже личнымъ свидѣтелемъ.

Новый Государь былъ сильно предрасположенъ въ мою пользу, вѣроятно, потому, что по блестящей рекомендаціи со всѣхъ сторонъ, считалъ меня необходимымъ для дѣла обновленія флота и нужнымъ для содѣйствія къ воспитанію единственнаго еще въ то время своего сына и наслѣдника, которому считалось поэтому тогда необходимымъ сообщить достаточныя свѣдѣнія и по морской части. Говорили, что впослѣдствіи Государь очень сердился на меня за то, что будто бы я обманулъ его при первомъ нашемъ свиданіи. Совершенно несправедливо. Я не сказалъ ему ни одного слова неправды: и если онъ чѣмъ былъ обманутъ, такъ развѣ собственнымъ желаніемъ видѣть меня непремѣнно на его сторонѣ, что и заставило его въ разговорѣ со мною совсѣмъ даже не касаться дѣла тайныхъ обществъ и стараться ослѣпить меня блестящею будущностью и возможностью быть полезнымъ отечеству, чтобъ тѣмъ привязать меня къ себѣ. Дѣло было такъ: Государь зналъ меня лично, еще бывши великимъ княземъ, и съ первой минуты, какъ узналъ, всегда слышалъ обо мнѣ самые блестящіе отзывы во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ зналъ, что я уже занималъ мѣста не по лѣтамъ и не по званію, и самъ видѣлъ меня на подобномъ мѣстѣ, когда пріѣзжалъ съ покойнымъ братомъ своимъ провожать насъ въ походъ вокругъ свѣта. Вслѣдъ затѣмъ къ нему поступилъ въ адъютанты млад-

шій братъ Лазарева, когда Николай Павловичъ былъ еще великимъ княземъ. Отъ него то зналъ Государь обо мнѣ все, что передавалъ Лазареву братъ его Михаилъ Петровичъ, съ которымъ я былъ въ походѣ вокругъ свѣта, и слышалъ также о моемъ предложеніи о присоединеніи Калифорніи и пр.—Все это въ высшей степени интересовало его. Кромѣ того, въ то время въ бумагахъ, привезенныхъ изъ Таганрога, найдено было и письмо мое къ покойному Императору, гдѣ я убѣждалъ его возвратиться на прежній либеральный путь, предсказывая ему въ противномъ случаѣ неминуемую опасность. Наконецъ, важно для объясненія нашего перваго свиданія и то обстоятельство, что показаніе, по которому я былъ арестованъ, было сдѣлано однимъ только Александромъ Бестужевымъ въ валовомъ, такъ сказать, спискѣ или гуртомъ и ничего болѣе не содержало, какъ только простое упоминаніе, что и былъ въ числѣ членовъ Сѣвернаго общества.

Меня привезли изъ Симбирска прямо въ Зимній дворецъ къ дворцовому коменданту. Здѣсь произошелъ одинъ случай, имѣвшій забавное окончаніе на другой день. Когда фельдъ-егерь подалъ мою саблю дежурному плацъ-адъютанту, то этотъ, взявъ ее, сталъ тянуться изо всѣхъ силъ, чтобы поставить ее подальше въ кучу другихъ сабель и шпагъ, стоявшихъ за перегородкой. Надо сказать, что этотъ плацъ-адъютантъ былъ что называется «изъ хамовъ», т. е. выслужившихся изъ простого званія не заслугами, а разными низкими дѣлами. Я зналъ его притомъ, какъ порядочнаго негодяя. Когда его произвели въ офицеры, онъ женился на дѣвкѣ коменданта Башуцкаго и сдѣланъ былъ дворцовымъ плацъ-адъютантомъ. Видя его усилія запрятать мою саблю подальше, я сказалъ ему смѣясь, что напрасно онъ это дѣлаетъ, что тѣмъ приготовляетъ себѣ только новый трудъ, такъ какъ ему скоро придется опять тянуться, чтобы доставать ее.

«Нѣтъ, ужъ извините», сказалъ онъ мнѣ, смотря на меня съ какимъ-то торжествомъ, «чья сабля или шпага разъ попалась сюда, уже не возвращается: не было еще примѣра».

«Ну такъ будетъ», возразилъ я, и на вопросъ: «Не нужно ли видѣть коменданта»? сказалъ, что нѣтъ, а отправился въ отдѣльную комнату въ ожиданіи, пока позовутъ къ допросу. Я былъ сильно утомленъ быстрою ѣздою, и, находясь въ совершенномъ спокойствіи духа, какъ готовый на все, очень былъ расположенъ заснуть, но, видя большое желаніе охранявшаго меня конно-гвардейца вступить со мною въ разговоръ, сталъ охотно съ нимъ разговаривать: «Вѣдь вотъ, Ваше Высокородіе», сказалъ онъ мнѣ, «кажись вы меня и не помните, а я васъ часто видалъ у Александра Ивановича (князя Одоевскаго). Въ одномъ эскадронѣ съ нимъ былъ, хаживалъ къ нимъ часто и въ домъ. Добрый былъ баринъ, да и всѣ вы были, должно быть, добрые. Пожалѣли и насъ, да и во всѣхъ то полкахъ говорятъ о васъ, сожалѣючи».

«Такъ отчего же вы къ намъ не пристали? Вѣдь мы не столько за свое, сколько

за ваше дѣло шли. Сами знаете: у насъ все было, хоть бы у Александра Ивановича,— себѣ искать нечего. Хотѣли добра вамъ и народу».

«То-то и есть, баринъ. Не даромъ говорятъ, локоть и близко, да не укусишь. Раскусили, да поздно. Теперь солдаты и говорятъ, кабы стали всѣ на одну сторону, то разомъ со всѣми нѣмцами бы покончили; и воля бы была, и службу бы уменьшили. Да что тутъ толковать», сказалъ онъ, махнувъ рукою, «прошлаго не воротишь. А вы бы, баринъ себѣ кушать спросили, а то иной разъ и за полночь къ допросу водятъ—долго будетъ ждать. Тутъ можно спрашивать, коли кто спроситъ, подадутъ закусить».

Я сказалъ, что мнѣ ѣсть не хочется, а хочется спать.

«Ну, такъ прилягте маленько», и пока я устраивалъ себѣ на диванѣ, какъ бы лечь поспокойнѣе, онъ продолжалъ: «А вѣдь, баринъ, не въ укоръ будь сказано Александру Ивановичу, и все же вѣдь не мы виноваты, что дѣла вашего не знали. У насъ въ полку не то, что въ морской гвардіи, или примѣрно въ Московскомъ полку—офицеры наши мало толковали съ нами».

Затѣмъ я задремалъ, но ровно въ полночь меня разбудили и потребовали къ Государю.

Въ комнатѣ передъ кабинетомъ Государя снималъ первые допросы Левашевъ. Онъ былъ человѣкъ мнѣ знакомый и ко мнѣ расположенный. Для меня, разумѣется, важнѣе всего было знать, отъ кого сдѣланы были на меня показанія. Если это было отъ офицеровъ Гвардейскаго экипажа, то ясно было, что спасеніе для меня невозможно: если же отъ кого либо другого, то дѣло поправить еще было можно. Умышленно или нѣтъ, но только Левашевъ посадилъ меня такъ, что мнѣ очень удобно было прочесть лежавшую на столѣ бумагу, гдѣ довольно крупно было написано: «Показаніе Александра Бестужева о принадлежаніи къ сѣверному обществу лейтенанта Завалишина».

«Ну вотъ», сказалъ мнѣ Левашевъ, «давно-ли мы разстались, а сколько событій, и какихъ важныхъ. Я не могъ скрыть отъ графа (Остермана), что и за вами послано; онъ очень огорченъ, даже, кажется, сильнѣе, чѣмъ былъ арестомъ Голицыныхъ. Жаль, жаль. Испортили дѣло. А, кажется, самъ Государь расположенъ былъ дать конституцію въ свое 25-лѣтіе».

Я улыбнулся.

«Что, не вѣрите?» сказалъ онъ, также улыбаясь.

«И вѣрно Аракчеевъ былъ бы конституціоннымъ министромъ?» замѣтилъ я.

«Тс», сказалъ онъ, указывая пальцемъ на дверь кабинета. «Однако, займемся дѣломъ. Вы арестованы на основаніи показанія, что и вы были членомъ Сѣвернаго общества».

«Никогда имъ не былъ», сказалъ я твердо.

«Вы можете это доказать»?

«Не мое дѣло это доказывать», отвѣчалъ я, «а пусть тѣ, кто говоритъ, что я былъ членомъ Сѣвернаго общества, докажутъ это».

Левашевъ пошелъ къ Государю, и минуты черезъ двѣ пріотворивъ дверь кабинета, далъ мнѣ знакъ, чтобы я вошелъ въ кабинетъ. Я былъ въ дорожномъ костюмѣ, какъ былъ привезенъ. Войдя, я подошелъ къ столу, у котораго сидѣлъ Государь, и просто поклонился. Онъ всталъ и, отвѣтивъ на поклонъ, сдѣлалъ два шага навстрѣчу мнѣ.

«Я очень много слышалъ о васъ хорошаго. Надѣюсь, что не будетъ недостатка въ случаяхъ употребить съ пользою ваши способности. «Вы писали къ покойному императору»?

«Да. Послѣ того, что я писалъ къ нему изъ Лондона, я считалъ своею обязанностью не скрывать отъ него опасности, къ которой вело послѣднее направленіе Арак . . . . .»

«Не будемъ поминать прошедшаго», прервалъ меня Государь на половинѣ слова, сдѣлавъ знакъ рукою, чтобъ я не договаривалъ ненавистной ему фамиліи бывшаго временщика. «Поговоримъ лучше о настоящемъ и будущемъ. Я вѣрю вашему патріотизму, слышалъ о вашемъ поступкѣ въ Бразиліи и надѣюсь, что вы будете изъ числа тѣхъ, которые не будутъ раздѣлять въ мысляхъ своихъ Государя отъ отечества».

Я рѣшился было смѣло сказать ему, что это будетъ отъ него зависѣть, но онъ не далъ мнѣ говорить и продолжалъ:

«Теперь уже поздно. Изложите ваши идеи о флотѣ и по другимъ предметамъ, о чемъ найдете нужнымъ, и завтра представьте мнѣ лично вашу записку въ 6 часовъ вечера. А вы», сказалъ онъ, обращаясь къ Левашеву, «дайте знать адмиралу Сенявину, чтобы и онъ въ этотъ же часъ былъ у меня. Вы свободны», сказалъ онъ опять мнѣ. «Я сейчасъ отдамъ приказаніе. Стало быть до свиданія», заключилъ онъ, кивнувъ головою. Онъ впрочемъ, кажется, дожидался, что я буду благодарить его, но я поклонился также просто, какъ и при входѣ и направился изъ кабинета. *„Beaucoup de franchise et d'assurance"*, сказалъ Государь Левашову. Что я не ослышался, это подтвердилъ мнѣ Левашовъ, выйдя вслѣдъ за мною изъ кабинета.

Вотъ, все, что происходило въ этотъ день между мною и государемъ, и изъ этого совершенно вѣрнаго разсказа видно, что никакого обмана тутъ быть не могло. Не могъ же я выступить самъ собою съ непрошенными разсказами о томъ, о чемъ меня вовсе не спрашивали, а что я не былъ членомъ Сѣвернаго общества—это я сказалъ справедливо.

Левашевъ передалъ мнѣ, что Государь мною очень доволенъ и что намѣренъ извлечь всю возможную пользу изъ моихъ знаній и способностей.

«Но что мы будемъ дѣлать теперь», сказалъ онъ, «и безъ того ужъ очень поздно, а еще надобно исполнить кое-какія формальности. Вамъ надобно отправиться съ повелѣніемъ объ освобожденіи васъ къ начальнику главнаго штаба и поэтому придется потомъ переночевать гдѣ нибудь здѣсь».

«Мнѣ все равно», сказалъ я, «гдѣ бы ни ночевать, только бы поскорѣ лечь».

Онъ ту же минуту написалъ бумагу и, даже не запечатавъ ее, отдалъ фельдъегерю, и мы отправились къ Дибичу. На бѣду Дибичъ еще не пріѣзжалъ изъ слѣдственнаго комитета; въ ожиданіи его, я сѣлъ у него въ гостиной на диванъ и крѣпко заснулъ. Въ просонкахъ слышу, что кто-то держитъ меня за руку. Открываю глаза, предо мной стоитъ Дибичъ.

«Извините, генералъ», сказалъ я ему, «я очень усталъ съ дороги, и, ожидая васъ, заснулъ».

«Ничего, ничего», сказалъ онъ по обыкновенію своему скороговоркой. «Я очень радъ, очень радъ. Поздравляю васъ. Государь велѣлъ васъ освободить.»

«Очень благодаренъ», сказалъ я ему, «да куда я теперь пойду? Нельзя ли переночевать здѣсь гдѣ нибудь»?

«Радъ бы помѣстить васъ у себя», отвѣчалъ онъ, «да знаете, я живу очень тѣсно. Ахъ, да. Я напишу дежурному генералу; только перейти черезъ площадь, у него найдется мѣсто».

Отправились къ дежурному генералу,—опять бѣда. И того нѣтъ дома. Тутъ ужъ я просто улегся на диванѣ, а фельдъ-егерь присѣлъ на стулѣ. Вдругъ слышно, подкатила какая-то легкая повозка, и вслѣдъ затѣмъ вбѣжалъ фельдъ-егерь съ портфелемъ подъ мышкою.

«Что это?» сказалъ онъ, увидя меня, лежащаго на диванѣ. «Нынче ужъ позволяютъ себѣ ложиться у дежурнаго генерала. Вотъ до чего дожили», продолжалъ онъ, глядя на меня и полагая, вѣроятно, что меня привезли къ дежурному генералу для отправленія въ крѣпость.

«Что вы, что вы», закричалъ ему провожавшій меня фельдъ-егерь. «Вѣдь ихъ велѣно освободить».

«Ахъ, извините», сказалъ тогда тотъ, обращаясь ко мнѣ. Въ эту минуту вошелъ и Потаповъ и, выслушавъ отъ меня въ чемъ дѣло, сказалъ своему фельдъ-егерю дурака, и самъ проводилъ меня въ боковую комнату, приказавъ постлать мнѣ постель. Я заснулъ сію же минуту, и, вставъ въ 6 часовъ, тотчасъ отправился на свою квартиру въ домъ Остермана.

Я зашелъ къ Остерману, который притворился очень на меня сердитымъ, но я видѣлъ, что внутренне онъ былъ очень радъ, и потому не выдержалъ долго своего тона и сталъ разсуждать со мною по прежнему. Вообще вѣсть о моемъ освобожденіи произвела непритворную радость и между начальниками, которые очень мною дорожили, и между родными и знакомыми, которые всѣ меня любили. Такія важныя дамы, какъ Катерина Александровна Архарова и Катерина Ларіоновна Васильчикова, никуда ужъ почти не выѣзжавшія, не выдержали, и пустились разъѣзжать по городу и развозить вѣсть о моемъ освобожденіи и, не будучи въ состояніи всходить на лѣстницу, подъѣзжали только

къ знакомымъ домамъ и посылали сказать о томъ. К. А. Архарова была еще въ постели, когда ей принесли мою записку. Она тотчасъ встала и побѣжала къ дочери своей графинѣ Соллогубъ, жившей съ ней въ одномъ домѣ. Въ Москвѣ происходило то же: и Иванъ Николаевичъ Тютчевъ, подъѣзжая съ радостнымъ извѣщеніемъ къ дому Михаила Львовича Толстого и завидя хозяина въ окошкѣ, до того увлекся, что, закричавъ: «Нашъ Дмитрій свободенъ», бросилъ шапку свою вверхъ, но вмѣстѣ съ шапкой сорвалъ съ головы своей и парикъ.

Воротясь отъ Остермана въ свою комнату, я написалъ только нѣсколько коротенькихъ записокъ, и, отправя своего деньщика развести ихъ, самъ сѣлъ за составленіе записки для государя, что разумѣется было для меня главнымъ дѣломъ въ этотъ день. Всѣ мѣры, которыя я хотѣлъ предложить, были слишкомъ давно мною обдуманы и тверды въ моемъ убѣжденіи, и потому составленіе записки не представило мнѣ особеннаго труда. Я написалъ ее прямо на бѣло и очень скоро, поставивъ эпиграфомъ: «*Le trident du Neptune est le sceptre du monde*». Главная идея, которую я проводилъ, состояла въ томъ, что при извѣстныхъ денежныхъ пожертвованіяхъ матеріальную часть можно завести всегда скоро,—но что необходимо позаботиться своевременно о такихъ вещахъ, которыхъ развитіе зависитъ отъ времени, а именно объ образованіи офицеровъ и моряковъ вообще и объ основательности въ наукѣ; что кромѣ того надо помнить, что каждый народъ имѣетъ свои собственные элементы, и потому необходимо изучить ихъ и въ настоящемъ ихъ положеніи и въ историческомъ развитіи, а не бросаться въ одно только подражаніе хотя бы и очень хорошему чему либо, но чужому, въ чемъ, какъ извѣстно было всѣмъ, я всегда расходился съ Михаиломъ Петровичемъ Лазаревымъ, подражавшимъ англичанамъ даже и въ томъ, что у нихъ было достойнымъ осужденія Присоединеніе Калифорніи я считалъ также дѣломъ необходимости для того, чтобы развить морскую силу на Великомъ океанѣ, и тогда же еще предсказалъ, что безъ этого намъ невозможно будетъ удержать и Сѣверо-Американскія наши колоніи и пр.

Въ пять часовъ, одѣвшись въ мундиръ, я отправился во дворецъ, но только тутъ и хватился, что забылъ поутру зайти въ комендантскую и взять мою саблю. И такъ надобно было исполнить это теперь, и вотъ при этомъ-то произошла та забавная сцена, которая послужила окончаніемъ упомянутой выше. Вхожу въ пріемную коменданта и нахожу тамъ того-же плацъ-адъютанта, который такъ усердно запрятывалъ мою саблю подальше. Увидѣвъ меня въ полномъ мундирѣ и свободнаго, онъ остолбенѣлъ, «Говорилъ вѣдь вотъ я вамъ», сказалъ я ему, «что только себѣ же надѣлаете лишнихъ хлопотъ. Вотъ и придется вамъ тянуться опять доставать мою саблю. Пожалуйте мнѣ ее».

«Я безъ приказанія его Превосходительства не могу».

«Ну такъ подите доложите коменданту».

«Нельзя-съ. Его Превосходительство почиваютъ».

«Такъ разбудите его».

«Помилуйте, какъ это можно. Извольте дожидаться, пока встанутъ, а лучше еще приходите завтра поутру».

«А я вамъ говорю, подите и сейчасъ же разбудите коменданта. Государь приказалъ мнѣ быть у него въ 6 часовъ, а теперь ужъ четверть шестого. Если вы сію минуту не пойдете, то я самъ пойду будить его».

Услышавъ это, онъ бросился опрометью черезъ корридоръ къ камердинеру. Комендантъ Башуцкій вскочилъ съ постели, накинулъ, какъ видно было, наскоро сюртукъ и выбѣжалъ ко мнѣ. «Какъ я радъ, какъ я радъ. Вы знаете, какъ мы всѣ уважали покойнаго Иринарха Ивановича. Ей, саблю. Да пойдемте, выпьемте по чашкѣ чаю и побесѣдуемте. Еще рано. Мои часы ставятъ по часамъ государева кабинета».—Мы пошли въ гостиную; подали чай. Я выпилъ чашку и, разговаривая, держалъ ее въ рукахъ. Въ это время вошелъ опять тотъ-же плацъ-адъютантъ съ какимъ-то докладомъ. Башуцкій далъ отвѣтъ и онъ было пошелъ, какъ Башуцкій закричалъ на него: «Ей, ты. Слѣпъ что-ли? Прими чашку».—Плацъ-адъютантъ покраснѣлъ, какъ ракъ, но долженъ былъ исполнить приказаніе; а Башуцкому все это показалось такъ естественно, что онъ даже не замѣтилъ моего удивленія.

Я пошелъ наверхъ, но и тамъ меня ожидала другая не менѣе забавная сцена. Наканунѣ Левашевъ сказалъ мнѣ, что когда я привезу записку, то сказалъ бы дежурному генералъ-адъютанту, чтобы онъ доложилъ обо мнѣ Государю. Въ этотъ день дежурнымъ былъ Воропоновъ, командиръ Финляндскаго полка, сдѣланный генералъ-адъютантомъ 14-го декабря въ гуртовомъ назначеніи генералъ-адъютантами всѣхъ полковыхъ командировъ. Это былъ типъ солдатчины, никого не знавшій въ высшемъ кругу, гдѣ также, разумѣется, и его не знали. Онъ всего боялся, всѣмъ смущался.

«Доложите Государю», сказалъ я ему, «что пришелъ такой-то».

«Да что это вы? Съ ума что-ли сошли, чтобъ я пошелъ. Пришелъ человѣкъ, да такъ таки просто и говоритъ, идите, скажите обо мнѣ Государю».

«Да такъ таки просто и говорю, потому что самъ Государь приказалъ мнѣ доложить черезъ васъ, когда приду».

«Самъ Государь. Ну ужъ извините. Да что это у васъ за бумага?»

«Это до васъ не касается. Послушайте, генералъ. Сейчасъ будетъ бить 6 часовъ и если вы сейчасъ не доложите, то я такъ и скажу Государю».

Онъ поколебался, подошелъ къ двери, взялся за ручку, но тотчасъ же отскочилъ и, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «Нѣтъ, это невозможно. Статочное-ли это дѣло»?

Я не знаю, чѣмъ бы кончилась эта сцена, если бы въ эту самую минуту не вошелъ Левашевъ съ Сенявинымъ. Я имъ разсказалъ, что тутъ происходило; они вдоволь нахохотались. Воропоновъ волею или неволею долженъ былъ доложить Государю, и мы всѣ трое вошли въ кабинетъ.

Всѣ были чрезвычайно довольны моей запиской. Государь сказалъ, что я ему подалъ совершенно новыя и совершенно справедливыя идеи; Сенявинъ просилъ позволенія прикомандировать меня къ комитету образованія флота, гдѣ онъ былъ председателемъ. Затѣмъ послѣдовали разныя мои назначенія. Кромѣ комитета образованія флота я былъ причисленъ къ ученому комитету морского вѣдомства, что впрочемъ давно уже имѣлось въ виду, когда я былъ еще преподавателемъ астрономіи и другихъ высшихъ математическихъ наукъ въ Морскомъ корпусѣ, и чему помѣшало только мое отправленіе въ походъ вокругъ свѣта. Я былъ назначенъ сверхъ того начальникомъ морского музея и модельной мастерской и исторіографомъ флота. Жалованіе мнѣ по всѣмъ этимъ мѣстамъ составляло болѣе генеральскаго оклада. Быстро принялся я за приведеніе въ образцовый порядокъ всѣхъ подвѣдомственныхъ мнѣ частей. Я положилъ основаніе устройству этнографическаго музея и вскорѣ привелъ все въ такой видъ, что когда открыли публикѣ доступъ въ управляемыя мною заведенія, то ихъ стала посѣщать не только высшая петербургская публика, но посѣщенія ихъ стали включать во всѣ программы осмотра достопримѣчательностей Петербурга всѣми иностранными принцами и послами. Такимъ образомъ я принималъ у себя эрцгерцога австрійскаго Фердинанда, принцевъ Прусскихъ Мекленбургскихъ, Вюртембергскихъ и пр., герцога Веллингтона и другихъ чрезвычайныхъ пословъ. Всѣхъ сопровождавшихъ ихъ русскихъ особенно поражало мое свободное и непринужденное обращеніе съ этими посѣтителями, которымъ какъ это, такъ и объясненія мои чрезвычайно нравились, и они никогда не забывали говорить Государю, какое «чудо» они нашли. Особенно былъ пораженъ австрійскій эрцгерцогъ, когда увидѣлъ до какой степени мнѣ хорошо было извѣстно состояніе приморскихъ мѣстъ и мореходства въ Австріи. Кромѣ того, Государь былъ очень доволенъ, что я отказался принять назначенный мнѣ эрцгерцогомъ подарокъ. Результатомъ всего этого было, что Государь два раза посылалъ ко мнѣ наслѣдника, что меня приглашали во дворецъ присутствовать при морскихъ упражненіяхъ наслѣдника на построенномъ въ залѣ кораблѣ, и что наконецъ Государь сообщилъ Лазареву о намѣреніи своемъ назначить меня для преподаванія морскихъ наукъ наслѣднику.

По поводу вышеупомянутаго корабля встрѣтился одинъ случай, который высказалъ меня Государю и въ другихъ отношеніяхъ. Я былъ всегда очень заботливъ о положеніи подчиненныхъ мнѣ людей. Найдя, что мастеровые изъ модельной мастерской живутъ очень далеко и много теряютъ времени на ходьбу или часто не приходятъ по дѣйствительной или мнимой болѣзни и черезъ это останавливаютъ работу, а сами теряютъ заработную плату, я отыскалъ и устроилъ имъ въ самомъ адмиралтействѣ удобное помѣщеніе, но зато требовалъ, чтобъ безъ дозволенія моего они не пропускали рабочихъ часовъ, чтобы всегда можно было знать, на какое число рабочихъ можно разсчитывать и когда кого можно было увольнять. Я всегда и требованіе быть на лицо и увольненіе разсчитывалъ по строгой справедливости; всѣ были очень довольны, и никто безъ спроса

не оставался дома и не уходилъ на другую работу. Но одинъ унтеръ-офицеръ, котораго потребовали для работы на корабль во дворцѣ, два дня отлучался туда безъ спроса. Я потребовалъ его къ себѣ на третій день рано поутру.

«Почему ты не явился на работу въ мастерскую, вотъ уже два дня»? спросилъ я его.

«Я былъ во дворцѣ».

«А у кого ты спрашивался»?

«Помилуйте», отвѣчалъ онъ мнѣ какъ-бы свысока, «Государь самъ мнѣ приказалъ приходить».

«Государь приказалъ тебѣ приходить, но, конечно, уже не приказывалъ нарушать порядка. Ты уходилъ два дня безъ спроса, за это два дня высидишь подъ арестомъ».

Когда потомъ онъ явился во дворецъ уже съ моего позволенія, то Государь въ свою очередь, замѣтивъ, что онъ два дня не приходилъ, спросилъ его, отчего онъ не былъ? Разумѣется, онъ разсказалъ дѣло иначе и сказалъ, что я будто бы посадилъ его подъ арестъ за то, что онъ ходитъ работать въ дворецъ, и что де въ мастерской работа нужнѣе, чѣмъ во дворцѣ. Государь спросилъ о томъ Лазарева, который сію же минуту прибѣжалъ ко мнѣ и разспросивъ, какъ было дѣло, передалъ все Государю, разсказавъ ему и все, что я сдѣлалъ для улучшенія положенія мастеровыхъ. Тогда Государь сказалъ унтеръ-офицеру, что вполнѣ одобряетъ мое распоряженіе и что если онъ впередъ уйдетъ безъ спроса, то не худо будетъ, если я накажу его и построже.

Но, несмотря на всѣ похвалы и почести, которыми окружали меня, мое настроеніе духа въ это время было самое грустное. Другой на моемъ мѣстѣ объяснилъ бы, можетъ быть, это впослѣдствіи предчувствіемъ того, что противъ меня собиралась уже тогда гроза въ слѣдственномъ комитетѣ, но я слишкомъ ясно видѣлъ многія явныя причины грустнаго моего расположенія, чтобы имѣть нужду пріискивать тайныя. Во первыхъ лесть, которою окружили меня, выказала мнѣ людей съ очень дурной стороны и дала чувствовать, чего я долженъ еще ожидать при дальнѣйшемъ моемъ возвышеніи. Надо сказать, что не задолго до отпуска у меня было столкновеніе съ морскимъ министромъ, и хотя я былъ совершенно правъ, и сама адмиралтействъ-коллегія признала это, но, несмотря на то, рѣшила сдѣлать мнѣ замѣчаніе на томъ основаніи, что подчиненный не можетъ будто бы такъ писать къ начальнику. Я аппелировалъ къ покойному императору, но онъ уже не успѣлъ разсмотрѣть моей аппеляціи, и она попала въ руки новаго Государя. Онъ призвалъ морского министра и сказалъ, что я совершенно правъ, а министръ и адмиралтействъ-коллегія неправы. И вотъ, когда послѣдовало мое возвышеніе, ко мнѣ, къ юношѣ, потянулся съ поздравленіемъ цѣлый рядъ генераловъ, а въ томъ числѣ и тѣ, которые такъ недавно утверждали, что подчиненный не можетъ быть правъ передъ начальникомъ, а теперь каждый сваливалъ вину на другого и увѣрялъ меня, что онъ именно былъ на моей сторонѣ. Во вторыхъ, такъ какъ за исключеніемъ

Аркачеева остались въ управленіи не только прежніе люди, но даже и самыя худшія изъ орудій Аркачеева, какъ напримѣръ Клейнмихель и Муравьевъ (Николай Назаровичъ), то нечего было и ожидать благотворныхъ преобразованій. Все это были люди, понимавшіе жизнь механически, и которымъ были совершенно чужды идеи живаго органическаго развитія государства. Скоро представился и особенный случай, подтвердившій мое заключеніе. Подвѣдомственныя мнѣ учрежденія были расположены въ томъ крылѣ адмиралтейства, которое находится противъ зимняго дворца, и рабочій кабинетъ мой выходилъ окнами одной стороной на Неву, а другой противъ кабинета покойнаго Государя. Чтобы дойти до моего кабинета, надо было пройти цѣлую анфиладу комнатъ. Однажды слышу, что кто-то не то что уже быстро идетъ, а какъ бы бѣжитъ. Вбѣгаетъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, сильно взволнованный.

«Ну, Дмитрій Иринарховичъ, рѣшено», сказалъ онъ мнѣ, «подаю въ отставку. Тутъ нечего дѣлать».

«Да что же такое случилось»?

«Вообразите, первый вопросъ, какой они задали комитету образованія флота,— это, какіе дать кивера морякамъ».

Я старался его успокоить и увезъ его къ Сенявину, который убѣждалъ его также не бросать изъ-за этого службы, и намъ насилу удалось отговорить его и заставить изорвать просьбу объ отставкѣ.

Между тѣмъ лица, которыя возлагали на меня много надеждъ относительно флота, какъ напр. Сенявинъ и Лазаревъ, не совсѣмъ были довольны моимъ, хотя и лестнымъ, какъ говорится, назначеніемъ. Особенно Лазаревъ очень опасался, чтобы ученая дѣятельность не поглотила меня совсѣмъ. Онъ считалъ всегда боевую и практическую службу несравненно выше и желалъ, чтобы я готовился занять высшія мѣста именно по дѣятельности этого рода. Извѣстно, что мнѣніе свое на этотъ счетъ онъ имѣлъ уже случай выразить оффиціально. Когда онъ предложилъ адмиралтействъ-коллегіи назначить меня ревизоромъ кругосвѣтной экспедиціи, то произвелъ такое изумленіе и недоумѣніе, что ему на этотъ счетъ былъ сдѣланъ даже формальный запросъ. Мнѣ былъ только еще 18-й годъ, и не бывало еще примѣра назначенія въ такихъ лѣтахъ и въ такомъ чинѣ на такую важную должность. Лазаревъ отвѣчалъ, что предвидя во мнѣ будущаго начальника флота, онъ счелъ обязанностью для пользы службы ознакомить меня со всѣми частями управленія, и что именно поэтому независимо отъ общихъ всѣмъ занятій при вооруженіи фрегата, поручилъ уже мнѣ всѣ усовершенствованія по артиллерійской части, постройку гребныхъ судовъ и надзоръ за всѣми работами въ адмиралтействѣ, для экспедиціи. При такихъ мысляхъ и при такомъ расположеніи Лазарева вообще, очень понятно, какъ обрадовался онъ случаю въ 1826 году, когда представилась возможность обратить меня къ практической дѣятельности, и притомъ съ назначеніемъ еще болѣе лестнымъ, нежели даже то, какое мнѣ было дано. Дѣло шло о назначеніи меня въ начальники

учено-политически-торговой экспедиціи въ Антильское море и преимущественно въ Гаити. Президентъ негритянской республики въ Гаити, мулатъ Бойе, чрезъ родственника своего, французскаго генерала Бойе, хорошаго моего знакомаго, предложилъ русскому правительству войти въ прямыя политическія и торговыя сношенія съ республикою; и такъ какъ и сама Франція признала уже ея независимость, то не было никакихъ препятствій для прямыхъ сношенія съ нею и Россіи. Для этого должны были: 1-ое, составиться торговая компанія, которая отправитъ грузъ на русскомъ кораблѣ, и 2-ое, быть посланъ политическій агентъ для предварительныхъ переговоровъ. Этимъ же случаемъ хотѣли воспользоваться и для ученыхъ изслѣдованій и нашли, что я соединяю всѣ условія для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей. Я поведу корабль, генералъ Бойе поѣдетъ со мною, я же изложу главныя основанія для сношеній республики съ Россіей, чтобы посылкою спеціальнаго агента не выказать слишкомъ большой торопливости; а пока предложенныя мною основанія будутъ обсуждаться, а грузъ будетъ распродаваться, я займусь учеными изслѣдованіями въ Антильскомъ морѣ и посѣщу разные порта какъ на островахъ, такъ и на материкѣ, собирая въ то же время свѣдѣнія и по предметамъ прямой торговли между Россіею и посѣщаемыми мѣстами. Экспедиція должна была отправиться въ Сентябрѣ 1826 г.

II.

Но пока такъ много разсуждали и такъ много хлопотали о томъ, какъ бы извлечь наибольшую пользу изъ моей дѣятельности, пользу для государства въ томъ смыслѣ, разумѣется, какъ они ее понимали, я очень мало уже сочувствовалъ всему этому, и слѣдственный комитетъ въ величайшей тайнѣ собиралъ противъ меня обвиненія.

Я твердо рѣшился исполнять всякое дѣло, исправлялъ всякую должность со всевозможнымъ стараніемъ, но я уже ясно видѣлъ, что всѣ эти механическія частныя усовершенствованія не имѣютъ никакого значенія безъ живаго органическаго развитія государства, немыслимаго безъ свободы. Но если я ничего уже не ожидалъ отъ новаго царствованія, то въ то же время ясно сознавалъ, что и тайныя политическія общества впадали въ тѣ же ошибки, что и правительство, давая слишкомъ большое значеніе механическимъ средствамъ и построеннымъ на отвлеченныхъ началахъ учрежденіямъ. Для меня ясно было, что самая удача 14-го декабря могла дать только отрицательный результатъ, т. е. уничтожить одинъ видъ зла. Я начиналъ уже ясно усматривать то, что хотя давно уже представлялось моему уму и чувству, но представлялось не достаточно выясненнымъ, а именно, что три условія необходимы для преобразованія общества; точное знаніе настоящаго его положенія, ясное сознаніе цѣли, къ которой его ведутъ, и принятіе тѣхъ средствъ для приведенія его изъ одного положенія въ другое, которыя одни въ дѣйствительности могутъ къ этому служить. Ни одна изъ этихъ задачъ

не была вполнѣ разрѣшена тайными обществами, и ясно было, что люди, которые искренне безъ всякихъ личныхъ эгоистическихъ цѣлей ищутъ улучшить положеніе государственнаго и общественнаго быта, прежде всего должны были заняться разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ, свидѣтельствуя въ то же время свои убѣжденія и дѣйствіями. А такъ какъ правильное изученіе государственнаго и общественнаго быта можетъ совершаться только чрезъ непосредственное, живое наблюденіе, а авторитетъ слова и дѣла немыслимъ безъ личной отвѣтственности, то отсюда и вытекаетъ для общественнаго дѣятеля обязанность жить и дѣйствовать среди того общества, улучшенію котораго онъ себя посвящаетъ. Вотъ почему величайшая тайна, съ которою слѣдственный комитетъ подготовлялъ противъ меня обвиненія, была, могу сказать, вовсе не нужна. Я зналъ существованіе для меня опасности, зналъ, что каждую минуту можетъ открыться, особенно черезъ офицеровъ Гвардейскаго экипажа, мое дѣятельное участіе въ приготовленіи переворота, и несмотря на это сознательно рѣшился остаться въ Россіи, имѣя всѣ средства и достаточно времени къ побѣгу за границу. Отсрочкою, которую дали мнѣ обстоятельства, я хотѣлъ воспользоваться только для двухъ вещей: во первыхъ, чтобы оградить тѣхъ, кто не былъ еще арестованъ, а во вторыхъ, чтобы прислушаться къ мнѣнію общества о неудавшейся попыткѣ, что могло мнѣ способствовать къ уясненію какъ сдѣланныхъ ошибокъ, такъ и лучшихъ мѣръ, которыя должны быть приняты впередъ для дѣйствительнаго достиженія цѣли—свободнаго, органическаго развитія государства.

И такъ я ожидалъ уже каждую минуту, что буду привлеченъ къ слѣдствію. Обнимая мыслію всѣ возможныя послѣдствія того, я представлялъ себѣ три случайности и хотѣлъ быть готовымъ для каждой изъ нихъ. Я могъ, какъ говорится, отдѣлаться и остаться на свободѣ; могъ быть сосланъ въ ссылку или въ заточеніе, могъ подвергнуться смертной казни. Разумѣется, тогда казалось, что для того, чтобъ имѣть возможность дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ въ сферѣ общественной дѣятельности, лучше было бы остаться на свободѣ въ Россіи, и что я долженъ всѣми средствами добиваться этого и стараться отдѣлаться въ слѣдственномъ комитетѣ; но и тогда я уже не унывалъ нисколько, предвидя даже ссылку или заточеніе. При подобномъ исходѣ дѣла, когда внѣшняя дѣятельность становилась невозможною, оставалась всегда возможною умственная работа,—основательное изученіе и искреннее разрѣшеніе всѣхъ недостаточно уясненныхъ вопросовъ, отъ правильнаго разрѣшенія которыхъ зависѣла возможность достиженія той цѣли, которой я отдалъ всю свою жизнь. Наконецъ, относительно послѣдней случайности, какъ и относительно возможности, чтобы трудъ мой не пропалъ, не взирая на ссылку и заточеніе, я былъ исполненъ глубокой покорности и довѣрія къ Провидѣнію. Лишь-бы добиться мнѣ, думалъ я, правильнаго разрѣшенія вопросовъ, то Провидѣніе, если то будетъ нужно, и сохранитъ мнѣ жизнь и дастъ мнѣ средства приложить добытые результаты къ дѣлу. Мы увидимъ ниже, какимъ страннымъ ходомъ обстоятельствъ мнѣ были предоставлены для достиженія предположенной цѣли такія сред-

ства, о которыхъ никто и мечтать не могъ, и лучше которыхъ никто не могъ-бы и придумать, а осуществить ихъ, казалось, не было во власти и самаго могущественнаго человѣка, если бы онъ даже сознательно о томъ старался.

Между тѣмъ ходъ дѣла въ слѣдственномъ комитетѣ былъ слѣдующій:

Сначала ничего не могли добиться отъ офицеровъ Гвардейскаго экипажа, они твердо стояли на одномъ, что, не вѣря правильности новой присяги, они оставались вѣрными той, которая была произнесена ими уже Константину; въ твердой увѣренности, что пока Цесаревичъ былъ самъ подданнымъ, то его отреченіе не могло считаться добровольнымъ, а могло быть вынужденнымъ, и что только тогда, когда бы онъ пріѣхалъ и принялъ самъ управленіе, его отреченіе отъ престола и передача управленія Николаю Павловичу могли быть признаны правильными. Конечно, подобное утвержденіе, хотя и устраняло отъ нихъ обвиненіе въ умыслѣ переворота, однако не избавило бы ихъ отъ наказанія, но къ счастію ихъ какому то придворному софисту вздумалось разыграть фантазію на тему законности. Нашлись люди, которые старались извлекать изъ всего пользу и вздумали дать такой оборотъ дѣлу, что дѣйствіе офицеровъ Гвардейскаго экипажа доказываетъ, какъ глубоко чувство законности въ русскомъ народѣ, т. е. въ томъ самомъ народѣ, который такъ легко пассивно покорялся всякому перевороту въ Петербургѣ. Какъ бы то ни было, не только это приготовляло счастливый исходъ для офицеровъ Гвардейскаго экипажа. Рѣшено было ихъ освободить. Ихъ уже свели въ одну комнату и на другой день должны были выпустить ихъ изъ крѣпости, какъ вдругъ въ слѣдственномъ комитетѣ вздумали сдѣлать еще одну попытку особеннаго рода, съ цѣлію, нельзя-ли узнать отъ нихъ что-нибудь, побудивъ ихъ обѣщаніемъ награды открыть то, чего не могли добиться при прямыхъ допросахъ. Подослали къ нимъ священника Павскаго, который, объявивъ имъ объ освобожденіи на другой день, сталъ уговаривать ихъ что изъ благодарности за дарованное имъ прощеніе, они обязаны сказать все, что знаютъ, и о чемъ комитетъ быть можетъ и забылъ ихъ спросить; и что въ случаѣ, если чье показаніе будетъ признано полезнымъ для разъясненія дѣла, тотъ можетъ быть увѣреннымъ, что не останется безъ награды; что, наконецъ, имъ нечего опасаться никакихъ послѣдствій для кого бы то ни было отъ ихъ показаній, потому что Государь не хочетъ никого преслѣдовать, а только хочетъ все знать, чтобы изо всего извлечь полезныя указанія о причинахъ законнаго неудовольствія и о средствахъ удовлетворить потребностямъ государства.

Такъ какъ разсужденія подобнаго рода повторялись и въ комитетѣ и сбили многихъ съ толку до того, что они, желая доказать свою откровенность и содѣйствовать Государю узнать все будто-бы для «пользы государства», наболтали разныя небылицы не только на себя (какъ напр. Фаленбергъ, Раевскіе и др.), но и на другихъ и запутали ихъ, то и не будетъ здѣсь излишнимъ сказать о нихъ нѣсколько пространнѣе.

«Неужели думаете вы», говорили какъ въ комитетѣ, такъ и священникъ (вѣро-

ятно по наставленію комитета; самъ онъ едва-ли бы рѣшился на такія отважныя сужденія, какъ сейчасъ увидимъ), «неужели думаете вы, что для Государя важно наказать нѣсколько человѣкъ? Вотъ онъ не только простилъ Суворова, но и произвелъ его въ офицеры за его откровенность, потому что онъ объяснилъ ему, почему его образъ мыслей былъ республиканскій. На той высотѣ, на которой стоитъ Государь, нельзя ему не видѣть того, что признаетъ и всякій умный и образованный человѣкъ, что если отдѣльныя лица и могутъ быть виноваты, то были же общія законныя причины неудовольствія, если онѣ могли увлечь такую массу людей вопреки ихъ личнымъ интересамъ. Поэтому ясно, что для Государя важнѣе знать эти общія причины, нежели виновность того или другого лица. Вы знаете, что у высоко поставленныхъ людей въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ политическія соображенія стоятъ выше всего. Вы знаете, что послѣ этихъ соображеній даже прямые участники въ смерти Петра III и Павла не только не подверглись отвѣтственности, но и были возведены на высшія государственныя званія. Мы увѣрены, что по раскрытіи всего дѣла будетъ объявлена всеобщая амнистія. Говорятъ уже, что Государь даже выразился, что удивитъ и Россію и Европу».

Подъ вліяніемъ подобныхъ-то убѣжденій и нашелся въ средѣ офицеровъ гвардейскаго экипажа несчастный предатель, который погубилъ и другихъ, а вмѣстѣ съ ними погубилъ болѣе всѣхъ и самого себя.

Между офицерами гвардейскаго экипажа былъ молодой мичманъ Дивовъ, которому я, несмотря на всю его предупредительность ко мнѣ, очень не довѣрялъ и не принималъ его у себя. Онъ былъ изъ числа тѣхъ, которыхъ на тогдашнемъ языкѣ звали «нечистыми». Онъ былъ очень скрытенъ, нравственное поведеніе его не было никому извѣстно, и даже товарищи его, которые жили съ нимъ на одной квартирѣ, не знали никогда, куда онъ ходилъ и съ кѣмъ былъ знакомъ и имѣлъ сношенія. Я строго запрещалъ сообщать ему что бы то ни было относительно опредѣленныхъ фактовъ по дѣламъ общества. Но, къ сожалѣнію, жившіе съ нимъ офицеры и не рѣшались удалить его отъ себя и не соблюдали въ присутствіи его достаточной осторожности. Увлекаясь иногда въ разговорахъ, они кое о чемъ проговаривались, другое онъ, вѣроятно, подслушивалъ, [1]) объ иномъ догадывался, такъ что если и не могъ сообщить всего подробно и опредѣленно, то всетаки могъ сказать довольно, а главное, назвать много людей

---

[1]) Самъ Александръ Бѣляевъ оправдывалъ себя въ предательствѣ тѣмъ, что Дивовъ не только умышленно подслушивалъ, но и записывалъ, но этимъ Бѣляевъ, сваливая вину на Дивова, не только не уменьшилъ своей отвѣтственности, но еще увеличилъ ее, такъ какъ призналъ самъ, что допустилъ Дивова подслушивать и записывать въ другой комнатѣ тогда какъ самъ-же Бѣляевъ твердилъ мнѣ, что Дивову нельзя довѣрять. Кромѣ того, какъ могъ знать Дивовъ, что творилось у меня на квартирѣ или у Арбузова, и даже въ прогулкахъ, гдѣ Дивовъ не могъ не только записывать, но и подслушивать.

изъ своихъ товарищей и тѣмъ дать комитету достаточно руководящихъ нитей, чтобы добраться и до остального.

Выслушавъ покойно священника, офицеры отвѣчали ему твердо то же самое, что говорили и въ слѣдственномъ комитетѣ. Но по уходѣ его замѣтили, что Дивовымъ овладѣло какое-то безпокойство, почему и сочли себя обязанными предупредить его и спросить, неужели онъ поддался на льстивыя рѣчи и замышляетъ разсказать что-нибудь? Онъ божился и заклинался, что ни о чемъ подобномъ не думаетъ, но вслѣдъ затѣмъ еще больше задумывался, отвѣчалъ разсѣянно и все ходилъ до утомленія по комнатѣ. Когда въ обычный часъ пришелъ плацъ-адъютантъ, то при уходѣ его Дивовъ вышелъ съ нимъ за двери въ коррпдоръ и что-то сказалъ ему. На вопросъ товарищей, о чемъ это онъ говорилъ, онъ отвѣчалъ, что спросилъ, въ которомъ часу ихъ выпустятъ, по затѣмъ обнаружилъ еще большее безпокойство. Вечеромъ его вызвали изъ комнаты, и онъ уже болѣе не возвращался къ товарищамъ. Вслѣдъ затѣмъ офицеровъ потребовали въ комитетъ будто-бы для того, чтобы подписать какія-то бумаги, и, вызывая одного за другимъ, отправляли уже не въ общую комнату, а по отдѣльнымъ комнатамъ крѣпости.

Въ чемъ же могло состоять главное показаніе Дивова въ комитетѣ? Онъ сказалъ, что Гвардейскій экипажъ дѣйствовалъ по моему наставленію.

Чрезъ тѣ средства сообщенія, которыя мы имѣли потомъ въ крѣпости и изъ сказаннаго лично мнѣ Дивовымъ, когда, бросившись къ ногамъ моимъ, онъ просилъ у меня прощенія на очной ставкѣ, Дивовъ старался объяснить и извинить свой образъ дѣйствія такъ: онъ говорилъ, что, не видя меня въ числѣ арестованныхъ, и, не слыхавъ, чтобъ мое имя даже было упомянуто въ какихъ-либо вопросахъ, зная притомъ мои сношенія съ иностранными посольствами, онъ съ чего-то вообразилъ, что я непремѣнно, должно быть, бѣжалъ заграницу, и по малодушію подумалъ, что если онъ и сдѣлаетъ показаніе противъ меня, то мнѣ это уже нисколько не повредитъ. а между тѣмъ ему послужитъ въ пользу, доказавъ его благодарность и откровенность.

Конечно, если бы онъ обдумалъ пооснователънѣе, онъ понялъ бы, что подобное разсужденіе лишено было всякаго правильнаго соображенія, но эгоистическій разсчетъ ослѣпилъ его, и онъ не сообразилъ, что дѣйствіе офицеровъ Гвардейскаго экипажа представится совсѣмъ въ иномъ видѣ, если оно представится слѣдствіемъ не собственнаго внушенія, а посторонняго побужденія. Къ тому же уже по тому самому, что онъ показалъ о сношеніяхъ со мною офицеровъ Гвардейскаго экипажа, ему нельзя было и подумать, чтобъ не стали добираться дальнѣйшихъ подробностей и не захотѣли въ комитетѣ узнать, въ чемъ состояли эти сношенія, какіе были разговоры и пр. Разумѣется, такъ и вышло, а вслѣдъ за человѣкомъ, сдѣлавшимъ показаніе сознательно и добровольно, нашелся изъ многихъ сначала болѣе слабый, который, видя уже кое что открытымъ и вслѣдствіе угрозъ за непризнаніе и упорство, одно подтвердилъ, другое добавилъ, и замѣчательно,

что тоже подъ вліяніемъ убѣжденія, что меня нѣтъ уже въ Россіи. Разумѣется, имѣя теперь показанія уже отъ двухъ лицъ, комитету легко было идти далѣе,—и такимъ образомъ, сбивая съ толку то мнимыми признаніями другихъ, то угрозами и обѣщаніями, сводя наконецъ на очную ставку, комитетъ набралъ настолько показаній, что могъ уже составить и противъ меня обвиненіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и офицеры Гвардейскаго экипажа сами были обвинены въ умышленномъ соучастіи въ переворотѣ.

Я по обыкновенію вставалъ всегда очень рано и въ 9 часовъ всегда уже находился въ своемъ кабинетѣ въ адмиралтействѣ. 2-го марта я приказалъ уже подавать лошадей, какъ пріѣхалъ ко мнѣ Мухановъ, адъютантъ Бенкендорфа, и сказалъ, что генералъ его проситъ меня побывать у него, такъ какъ у него есть до меня дѣло. Подобныя приглашенія были тогда не рѣдкость; меня часто призывали, чтобы спросить о томъ, въ какое время удобнѣе посѣтить музей разнымъ пріѣзжимъ значительнымъ лицамъ, или насчетъ моделей, которыя давались и разсылались въ подарокъ. Я отвѣчалъ Муханову, что вотъ заѣду въ адмиралтейство и, разпорядясь дѣлами, проѣду къ Бенкендорфу.

«Да генералъ проситъ васъ, нельзя-ли сейчасъ же; онъ только что пріѣхалъ изъ Царскаго Села и сейчасъ обратно туда ѣдетъ. Поѣдемте со мной».

Какъ ни старался Мухановъ скрыть свое смущеніе, я сейчасъ это замѣтилъ и понялъ, въ чемъ дѣло.

«Хорошо, поѣдемте», сказалъ я ему и, надѣвая шинель, далъ издавна условленный знакъ моему деньщику, который зналъ уже, кого въ этомъ случаѣ слѣдовало увѣдомить. Мы пріѣхали къ Бенкендорфу, который сказалъ мнѣ, что на меня сдѣланы новыя показанія, и, пока я буду отвѣчать на нихъ, мнѣ нужно будетъ провести это время въ зданіи главнаго генеральнаго штаба (отправить меня прямо въ крѣпость они не рѣшились), а на квартирѣ у меня будетъ сказано, что я командированъ въ Кронштадтъ. Бенкендорфъ передалъ мнѣ разные вопросные пункты, и мы отправились съ Мухановымъ въ главный штабъ, гдѣ онъ и оставилъ меня.

Меня помѣстили сначала въ комнатѣ, которая назначена была общею пріемною комнатою. Около полудня привезли князя Михаила Петровича Баратаева, симбирскаго губернскаго предводителя дворянства. Грустно сказать, что онъ вздумалъ лицемѣрить. Это было время великаго поста. Когда спросили насъ, что намъ подавать къ обѣду, постное или скоромное, онъ началъ разсуждать со сторожемъ, которому до этого не было ровно никакого дѣла, что онъ не безбожникъ какой, чтобы ѣсть скоромное въ великій постъ. Его увели въ 4 часа. Отъ нечего дѣлать, я началъ осматривать свою комнату; она была въ нижнемъ этажѣ и имѣла выходъ на тротуаръ чрезъ двойную стеклянную дверь. Внутренняя дверь не была заперта, а наружная казалось была задѣлана наглухо, но, посмотрѣвъ внимательно, я увидѣлъ, что она была просто заклеена по щелямъ, и бумага почти вездѣ отстала. Потянувъ немного дверь къ себѣ, я увидѣлъ,

что не было даже и замка. Впрочемъ, тутъ не было ничего удивительнаго, потому что эта комната вовсе не назначалась для помѣщенія арестантовъ, и если кого и помѣщали въ ней, то развѣ на самое короткое время; да и меня оставили ночевать только потому, что приготовляемыя комнаты въ квартирѣ Толя (графа) не были еще готовы въ тотъ день. Поужинавъ, я сказалъ, чтобы меня разбудили завтра въ 7 часовъ и приготовили самоваръ. Скоро услышалъ я, что сторожа, бывшіе въ передней комнатѣ, улеглись и захрапѣли. Я одѣлся; на дворѣ была почти мятель, и на улицѣ не было никого видно. Дверь отворилась безъ скрипа, только отклеившаяся бумага, задѣвая за полъ, производила легкій шумъ. Я повернулъ направо подъ арку генеральнаго штаба, такъ какъ тутъ я надѣялся встрѣтить менѣе людей. Я отправился къ нѣкоторымъ надежнымъ знакомымъ. Тамъ всячески убѣждали меня бѣжать и давали немедленно на то средства. Во всякомъ случаѣ обѣщали меня скрыть до весны, когда бы еще легче было уѣхать за-границу на иностранномъ кораблѣ. Но я отклонилъ все это, доказавъ необходимость и твердую рѣшимость мою оставаться въ отечествѣ и дѣлить съ нимъ худое, чтобы имѣть право раздѣлить и доброе. Я возвратился въ свою комнату, никѣмъ незамѣченный; на душѣ у меня было чрезвычайно легко; я легъ спать и крѣпко заснулъ.

Дальнѣйшій разсказъ о нахожденіи въ главномъ штабѣ изложенъ у меня въ статьѣ о Грибоѣдовѣ. (Древ. и Нов. Россія. 1879) [1].

Здѣсь только поясню, что записку Любимовъ давалъ къ графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Коновницыной, дочь которой была замужемъ за Нарышкинымъ, бывшимъ въ полку у Любимова; а офицеръ, встрѣтившійся намъ, когда мы шли съ Грибоѣдовымъ въ кондитерскую Лоредо, былъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ.

Любимовъ сказалъ офицеру: «Вотъ вамъ записка къ графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Коновницыной. Вы получите отъ нея десять тысячъ рублей. Дѣлайте тамъ въ слѣдственномъ комитетѣ, что хотите; давайте кому и сколько хотите, мнѣ до этого дѣла нѣтъ, только представьте мнѣ изъ портфеля письма Пестеля,—что останется отъ расходовъ, все ваше».

Офицеръ былъ озадаченъ, однако же взялъ записку и дѣло устроилъ. Чрезъ аудиторовъ и другихъ канцелярскихъ чиновниковъ, бывшихъ въ слѣдственной коммиссіи, онъ выкупилъ требуемыя бумаги за три тысячи, слѣдовательно остальныя 7 тысячъ остались въ его пользу. Любимовъ отдѣлался тѣмъ, что посидѣлъ въ крѣпости и лишенъ только былъ полка.

Здѣсь кстати замѣтить, что нѣкоторые родные также сочли лучше дѣйствовать подобными же средствами, чѣмъ просить о милости или разсчитывать на нее. Были

---

[1]) Для сокращенія объема этихъ записокъ я рѣшился вырѣзать изъ нихъ все, что для облегченія печатанія ихъ въ будущемъ, могъ печатать отрывками изъ нихъ въ разныхъ журналахъ; въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ «Древней и Новой Россіи», въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и пр.

примѣры, что подкупленные плацъ-адъютанты ходили по казематамъ и уговаривали отказаться на очной ставкѣ отъ сдѣланныхъ показаній на такого-то, вслѣдствіе чего нѣкоторымъ и удалось или совершенно оправдаться или, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшить свою вину.

Когда комнаты на квартирѣ Толя были готовы, насъ собралось тамъ нѣсколько человѣкъ: полковой командиръ Кончіаловъ, Грибоѣдовъ, бригадный генералъ Кальмъ, два брата Раевскіе, Сенявинъ, сынъ адмирала, Машинскій—подольскій предводитель дворянства и кн. Шаховской. Если бы каждый не былъ занятъ серьозными мыслями, то можно даже бы сказать, что намъ было весело. Офицеръ, бывшій при насъ (тотъ самый, который обдѣлалъ дѣло Любимова) сказалъ намъ: «Господа, дайте мнѣ только слово, что вы не уйдете, а то дѣлайте, что хотите».

Онъ самъ водилъ насъ чрезъ ходъ со двора въ кондитерскую Лореда, бывшую рядомъ съ домомъ главнаго штаба. Особенно часто водилъ онъ меня, бывшаго свидѣтелемъ сдѣлки его съ Любимовымъ, и Грибоѣдова, игру котораго на фортепіано любилъ слушать. Мы помѣщались всегда, разумѣется, въ отдѣльной комнаткѣ; офицеръ былъ близкій знакомый въ кондитерской, и намъ все подавали изъ внутреннихъ комнатъ хозяевъ. У нашей квартиры стоялъ снаружи часовой, но когда намъ нужно было посылать или за обѣдомъ или за книгами, то караульный гвардейскій солдатъ безъ церемоніи вносилъ къ намъ ружье, снималъ суму и, надѣвъ шинель, отправлялся съ порученіемъ, а мы запирали дверь на ключъ изнутри.

III.

Задача, которую я себѣ поставилъ въ защитѣ своей въ слѣдственномъ комитетѣ, была такого рода: новыя мысли и новыя цѣли занимали меня до такой степени, что я уже не слишкомъ-то заботился о своемъ спасеніи, какъ выражаются обыкновенно, хотя и считалъ себя обязаннымъ сдѣлать и въ этомъ отношеніи все, что могу. Но главное, что занимало меня—это было спасти другихъ, что вполнѣ и удалось мнѣ, потому что за мною ни одинъ человѣкъ по сношеніямъ со мною не былъ компрометированъ кромѣ тѣхъ, которые сами компрометировали себя. Во вторыхъ, рѣшился даже пожертвовать своимъ самолюбіемъ, чтобы только не дать комитету разгадать настоящихъ своихъ цѣлей, ни своего значенія, и въ этомъ отношеніи какъ нельзя больше были мнѣ на руку дѣйствія самого комитета, который самъ бился изъ всѣхъ силъ, чтобы уменьшить мое нравственное значеніе въ бывшихъ событіяхъ.

Раевскихъ освободили; конечно, это было сдѣлано для ихъ отца, но они были въ полной увѣренности, что это вслѣдствіе ихъ «откровенности», т. е. болтливости, чѣмъ они и ввели въ заблужденіе легковѣрныхъ людей, вздумавшихъ подражать имъ, но попавшихъ въ крѣпость безвыходно. Грибоѣдовъ смѣшилъ насъ разсказами, какъ ему до-

казывали на основаніи «Горе отъ ума», что онъ долженъ быть членомъ тайнаго общества, а онъ доказывалъ противное на томъ же основаніи и пр.

Надо сказать, что я обращался съ членами слѣдственнаго комитета вовсе не такъ, какъ человѣкъ, ищущій своего «спасенія». Я не могъ скрывать своего презрѣнія къ нимъ и высказывалъ имъ такія горькія истины, какихъ конечно, имъ ни прежде, ни послѣ не приходилось слышать. Я говорилъ «грубо и дерзко», какъ выражались они, называлъ вещи и дѣла прямыми своими именами и безпощадно разбивалъ ихъ софизмы. Я доказывалъ имъ прямо, что они-то и есть главные виновники революцій, и что поступаютъ совершенно по тѣмъ же правиламъ, въ которыхъ насъ обвиняютъ, съ тою разницею, что мы допускали эти правила для блага общаго и жертвуя собою и своимъ, а они допускаютъ ихъ для личныхъ цѣлей, жертвуя не собою, а общимъ благомъ; что въ этомъ отношеніи смерть Петра III-го и Павла такія улики противъ нихъ, которыхъ никакими софизмами ни устранить, ни смягчить имъ нельзя, потому что они дѣйствовали тутъ противъ лицъ, признаваемыхъ ими за царей, и съ совѣстію, признающею значеніе царскаго достоинства, тогда какъ тѣ, которыхъ обыкновенно называютъ революціонерами, видятъ въ нихъ простыхъ людей, и хотя, положимъ, по заблужденію, но видѣли притомъ и людей враждебныхъ отечеству. Въ одной изъ подобныхъ сценъ дѣло дошло до того, что многіе вскочили, другіе заткнули свои уши; предсѣдатель комитета военный министръ Татищевъ испугался и схвативъ меня за руку, увлекъ въ другую комнату: «Что ты дѣлаешь, другъ»,—вскричалъ онъ, поднявъ руки кверху. «Зачѣмъ ты такъ раздражаешь ихъ, зачѣмъ ты говоришь съ такою запальчивостью»?—»Напротивъ, вы сами видѣли, что я говорилъ очень хладнокровно и спокойно, и даже не возвышалъ тона противъ обыкновенной рѣчи».

«Да развѣ ты не видишь, что это-то спокойствіе и увѣренность и бѣситъ ихъ. Запальчивость твоя не въ тонѣ, а въ содержаніи твоихъ словъ. Ты вѣдь въ самомъ дѣлѣ говоришь такъ, какъ будто бы ты надъ ними производишь слѣдствіе, а не они надъ тобою; какъ будто бы ты ихъ обвинитель, а не они».

«Можетъ быть, исторія такъ и скажетъ».

«Ну Богъ съ ней, съ исторіей. Ты побереги себя, и мнѣ, и Левашеву сердечно тебя жаль. Мы только вдвоемъ и отстаиваемъ тебя; другіе всѣ изъ себя вонъ выходятъ, страшно раздражены противъ тебя».

У меня была и еще одна цѣль, которая имѣла отчасти вліяніе на то, какъ я располагалъ своими дѣйствіями въ комитетѣ. Я хотѣлъ разъяснить, какъ дѣйствовали относительно меня тѣ лица, которыя нѣкогда изъявляли мнѣ столько преданности, и тѣ въ особенности, противъ излишнихъ увлеченій и натянутой горячности которыхъ я нѣкогда возставалъ, не терпя ничего искусственнаго и поддѣльнаго. При всякомъ, сдѣланномъ на меня показаніи, я требовалъ очной ставки. Я считалъ это тѣмъ болѣе необходимымъ, что изъ дѣлаемыхъ мнѣ письменныхъ вопросовъ изъ комитета я видѣлъ

ясно, что комитетъ вымышленными показаніями, идущими будто бы отъ меня, до того сбилъ съ толку нѣкоторыхъ легковѣрныхъ, что не только подвинулъ ихъ дѣлать показанія на меня, но и довелъ до какого то раздраженія противъ меня. Это былъ впрочемъ обычный пріемъ и уловка комитета, имѣвшіе къ несчастію успѣхъ въ приложеніи ко многимъ.

Рылѣевъ велъ себя въ комитетѣ дурно. На очной ставкѣ со мною онъ вздумалъ было такъ увѣщевать меня: «Теперь ужъ нечего скрывать. Напротивъ, совѣтую вамъ раскрыть сердце ваше комитету вполнѣ такъ, какъ я это сдѣлалъ, и возложить всю надежду только на милость царскую къ раскаянію».—И тутъ же при мнѣ началъ спрашивать въ комитетѣ, обратили-ли они вниманіе на такое-то и такое-то обстоятельство, изслѣдовали-ли то-то, и началъ путать всѣхъ, о комъ только слышалъ, что они были знакомы со мною.—«Послушайте,—сказалъ я ему, «вѣдь это гнусно. Вы ищете теперь выслужиться, запутывая другихъ и даже тѣхъ, которыхъ вы сами старались всячески увлечь. И это вы такъ поступаете, вы, который старались увлечь даже софизмами и возбужденіемъ самыхъ дурныхъ страстей, вмѣсто того, чтобы привлекать къ соучастію въ предпріятіи яснымъ разумѣніемъ дѣла и возбужденіемъ благородныхъ чувствъ, какъ я всегда того требовалъ. Вспомните нашу стычку по поводу Якубовича. И теперь вы же проповѣдуете объ откровенности, вы, который прежде проповѣдывали, что надо дать изрѣзать себя въ куски, и всетаки не открывать ничего». Я отвернулся. Рылѣевъ былъ въ большомъ смущеніи.

«Прикажите ему удалиться»,—мнѣ надо сообщить вамъ еще кое-что, чего ему не надобно слышать». Я вышелъ; но вслѣдъ за тѣмъ цѣлый рядъ письменныхъ вопросовъ изъ комитета, въ которыхъ было запутано множество людей, показалъ мнѣ, какъ усердно старался Рылѣевъ доказать свою откровенность комитету.

Совершенно противоположнаго свойства была сцена на очной ставкѣ съ Дивовымъ. Этотъ несчастный молодой человѣкъ, увидавъ, какія послѣдствія имѣлъ его ложный разсчетъ выслуживаться откровенностію, глубоко раскаялся, и когда я ему сказалъ: «Такъ это правда, Василій Абрамовичъ, что это вы сдѣлали на меня такія показанія?», то онъ зарыдалъ и, бросившись къ ногамъ моимъ, просилъ прощенія. Вслѣдъ затѣмъ онъ объявилъ комитету, что отступается отъ своихъ показаній, и что все, что онъ говорилъ противъ меня и другихъ, была выдумка изъ тщеславнаго желанія показать, что и онъ многое зналъ, и въ надеждѣ заслужить благоволеніе откровенностью. Но, разумѣется, это уже было поздно. Ни мнѣ, ни другимъ, на кого онъ сдѣлалъ показаніе, онъ не могъ уже помочь своимъ отреченіемъ отъ сдѣланныхъ показаній, а себѣ повредилъ. Противъ него чрезвычайно озлобились и, при распредѣленіи степени виновности, включили его въ первый разрядъ, хотя ему было только 16 лѣтъ, и онъ не игралъ никакой, даже и второстепенной роли въ приготовленіи къ возстанію, а участникомъ въ какомъ либо тайномъ обществѣ или членомъ его и вовсе не былъ.

Изъ числа содержавшихся со мною въ зданіи главнаго штаба, Копчіаловъ, заболѣлъ и былъ отправленъ въ больницу, гдѣ и умеръ; Грибоѣдова выпустили, а меня и Шаховскаго перевели въ крѣпость и сначала помѣстили меня въ такъ называемомъ бастіонѣ Трубецкаго. Напротивъ меня былъ помѣщенъ Норовъ, рядомъ со мною Кривцовъ. Отъ страшной сырости и дурной пищи почти всѣ были больны, кромѣ меня. Хотя и я подвергся въ первый разъ въ жизни флюсу, по сравнительно съ другими могъ считать себя совершенно здоровымъ. Гвардейскіе солдаты, стоявшіе въ корридорѣ на часахъ, были къ намъ необыкновенно внимательны и почтительны. Они иногда оставляли двери нашихъ каморокъ отпертыми, чтобы намъ можно было разговаривать. Денегъ на столъ отпускалось довольно, но было страшное воровство, и только въ тѣ дни, когда знали, что пріѣдетъ генералъ-адъютантъ для опроса, кушанье и чай были получше. Столомъ завѣдывалъ плацъ-майоръ Подушкинъ; онъ-то насъ и обворовывалъ; и только тѣмъ, за кого родные платили особливо, онъ поставлялъ кушанье лучше, со своей, какъ говорилъ, кухни. Впрочемъ, въ противоположность подобнымъ безчестнымъ дѣйствіямъ начальствующихъ, были со стороны простыхъ людей трогательные примѣры совсѣмъ другого рода. Бывшіе при насъ сторожа и гвардейскіе солдаты приносили то свѣжій огурчикъ, то яблоко или апельсинъ. Однажды сторожъ принесъ намъ цѣлую корзину фруктовъ. «Это откуда ты взялъ»? спросили мы его. «А вотъ видите ли, господа», разсказывалъ онъ, «пошелъ я въ Милютины лавки, хотѣлъ купить вамъ по яблочку ну и спросилъ, что стоитъ. Прикащикъ и говоритъ: столько-то. А я ему и говорю: Что ты, Богъ съ тобой. Такъ дорого?—Нельзя, говоритъ, теперь такое время.—А я ему говорю: эхъ братъ, кабы ты зналъ для кого я покупаю, то не сталъ бы такъ дорожиться.—Тутъ хозяинъ услыхалъ и говоритъ мнѣ: Подька сюда, служивый. Да ты откуда?—Я ему и говорю: изъ крѣпости, молъ, и вотъ какимъ господамъ служу. Онъ и сталъ меня разспрашивать, а самъ, той порой, взялъ корзину и все накладываетъ, а «На,—говоритъ,—отнеси».—«Да что вы, почтенный, говорю, гдѣ мнѣ взять за столько денегъ»?—«Что ты, служивый, Богъ съ тобой. Какія деньги. Кланяйся господамъ, отнеси имъ это отъ меня и, за чѣмъ надо, и впередъ приходи».

Больше всѣхъ жаль было Норова. Онъ былъ израненъ и сильно страдалъ отъ ранъ. Но какъ ни тяжелы были физическія условія для всѣхъ, какъ ни сильны страданія многихъ, но не было и тѣни того, что называется унынiемъ. Норовъ безпрестанно напѣвалъ какіе-то стихи, то русскіе, то французскіе. Вотъ нѣсколько отрывковъ, сохранившихся въ памяти:

Сгибнутъ герои
Въ дальнихъ странахъ;
Земля чужая
Скроетъ ихъ прахъ.
Не озарятся

Солнцемъ роднымъ,
Не примѣстятся
Къ предкамъ своимъ.
Но не чужіе
Будутъ и тамъ.
Тамъ имъ родные
Всѣ по душамъ.

Изъ французскихъ помню одинъ только стихъ, имѣвшій отношеніе къ нашему положенію:

Trahis par le sort, gardant leur gloire entière!

Въ Свѣтлое Воскресеніе, при звукѣ пушечной пальбы, въ полночь, Одоевскій импровизировалъ стихи, кончавшіеся такъ:

И мой, мой также гласъ къ Всевышнему взывалъ,
Изъ гроба пѣлъ я Воскресенье.

Вообще надобно замѣтить, что именно еще въ крѣпости началась такъ называемая «казематская литература», о которой придется поговорить впослѣдствіи. Стихи Кривцова были въ иномъ родѣ. Вотъ его импровизація, когда пришли ему объявить, что и онъ въ числѣ идущихъ подъ судъ:

Насъ въ крѣпость посадили.
И право по дѣламъ,
Впередъ, чтобъ не шутили,
Не вѣрили людямъ.
Ахъ, скоро-ль окончанье
Науки сей придетъ?
И скоро-ли зѣванье
Учащихся пройдетъ?
Хоть курсъ я и окончилъ,
Но въ выпускъ не гожусь;
Профессоръ мнѣ отстрочилъ,
Сказалъ: пусть поучусь.

Но его любимая пѣсня, которою онъ намъ порядкомъ таки надоѣдалъ, была какая-то смѣшная французская:

Pourquoi pleurez-vous, hôtesse?
Je pleure la mort de mon mari:
Il y a longtemps, qu'il est parti.

Il m'a écrit une fausse lettre,
Qu'il était mort et enterré;
Moi, je me suis remariée... etc.

Василій Сергѣевичъ Норовъ, братъ Норова (Абрама), бывшаго впослѣдствіи министромъ просвѣщенія, былъ извѣстенъ, какъ храбрѣйшій офицеръ. У него была непріятная исторія съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, когда онъ былъ еще въ полку, а великій князь командовалъ бригадою. Разъ великій князь, разгорячась забылся до того, что взялъ Норова за пуговицу. Норовъ оттолкнулъ руку, сказавъ: «Не трогайте, Ваше Высочество. Я очень щекотливъ». Поэтому, когда Норова послѣ 14-го декабря арестовали и привезли во дворецъ, то Николай Павловичъ до того разгорячился, что сказалъ: «Я зналъ напередъ, что ты разбойникъ, тутъ будешь», и началъ его осыпать бранью. Норовъ сложилъ руки и слушалъ хладнокровно. Бывшій тутъ свидѣтелемъ командиръ гвардейскаго корпуса Воиновъ старался успокоить Государя, у котораго отъ сильнаго раздраженія наконецъ пересѣкся голосъ. Воспользовавшись этимъ, Норовъ, и самъ внутренно взбѣшенный, перешелъ, какъ разсказывалъ, въ наступательное положеніе и сказалъ: «Ну-ка еще. Прекрасно. Что-же вы стали? Ну-ка еще. Ну-ка».

Государь вышелъ изъ себя и закричалъ: «Веревокъ. Связать его».

Воиновъ, видя, что сцена дошла до неприличія, забылся и самъ и, вскричавъ; «Помилуйте. Да вѣдь здѣсь не съѣзжая», схватилъ Норова за руку и утащилъ изъ кабинета.

Кажется, было въ разсчетѣ слѣдственнаго комитета не давать намъ долго оставаться на однихъ мѣстахъ, вѣроятно, изъ опасенія, что мы сблизимся или между собою или со сторожами. Поэтому, собственно въ крѣпости насъ часто переводили съ одного мѣста на другое. Такъ и меня перевели изъ Трубецкаго бастіона въ Кронверкскую куртину; оттуда къ главнымъ воротамъ и, наконецъ, когда больше ознакомились съ моимъ значеніемъ,—въ Алексѣевскій равелинъ, составлявшій крѣпость въ крѣпости, или, по простонародному выраженію, каменный мѣшокъ, который поэтому и заслуживаетъ, чтобы описать его поподробнѣе.

Зданіе, находящееся въ Алексѣевскомъ равелинѣ, и составляло собственно государственную тюрьму; всѣ другія помѣщенія въ крѣпости были, такъ сказать, случайныя и временныя. Алексѣевскій равелинъ имѣлъ своего отдѣльнаго коменданта и свою постоянную инвалидную роту, которая пользовалась большими льготами, но не имѣла зато права выхода изъ крѣпости, исключая одного ея фельдфебеля, который посылался съ необходимыми бумагами въ городскую думу, такъ какъ содержаніе зданія было отнесено на счетъ думы по одной изъ тѣхъ странныхъ аномалій, какихъ въ то время оставалось еще множество отъ старины. Комендантъ равелина во время нашего заключенія былъ высокій бодрый старикъ, шведъ Лиліенанкеръ, какъ называли его инвалиды; гово-

рили, что ему было уже около 90 лѣтъ. Небольшой мостикъ соединялъ равелинъ съ крѣпостью; со стороны равелина на немъ стояли два инвалида, а со стороны крѣпости два гвардейскихъ часовыхъ изъ смѣнявшагося ежедневно гвардейскаго караула въ крѣпости. Заключенные въ равелинѣ извѣстны были уже не подъ своими именами, а подъ номерами комнаты, въ которой содержались. Когда требовали кого въ слѣдственный комитетъ, то посылался плацъ-адъютантъ крѣпости съ бумагою о присылкѣ № такого-то. Посланный останавливался на мостикѣ и передавалъ бумагу начальнику инвалидной команды, выходившему ему навстрѣчу. Это было всегда позднимъ вечеромъ или почью. Арестанту надѣвали на голову черный капоръ и такъ вели въ слѣдственный комитетъ, и снимали капоръ уже въ самой комнатѣ засѣданія комитета. Можетъ быть, это было разчитано для произведенія эффекта. Но такъ какъ воровство въ Россіи вкрадется вездѣ, то и капоры были сшиты изъ такого рѣдкаго миткаля, что сквозь него можно было видѣть все, какъ чрезъ сѣтку.

Тюремное зданіе равелина, по треугольной формѣ этого рода укрѣпленій, было также треугольное. Внутренній дворикъ имѣвшій въ каждой сторонѣ треугольникъ по двадцати съ небольшимъ шаговъ, былъ обращенъ въ садикъ, и, кромѣ дорожекъ вдоль стѣнъ, имѣлъ посрединѣ одну только дорожку противъ дверей. На правой рукѣ этой дорожки была видна еще въ мое время въ видѣ небольшой грядки могила княжны Таракановой, что и сдѣлалось извѣстно черезъ меня. Я сообщилъ о томъ Михаилу Николаевичу Лонгинову, а онъ напечаталъ въ «Русскомъ Архивѣ».

Комнаты въ тюремномъ зданіи были обыкновенныя, окна большія и четвероугольныя, не такъ, какъ нарисовано на извѣстной картинѣ Флавицкаго «Смерть княжны Таракановой», гдѣ окна представлены вверху овальныя. Зданіе само одноэтажное, и, слѣдовательно, также ошибочно показано двухъ-этажнымъ у Мельникова въ его изслѣдованіи о княжнѣ Таракановой. Окна имѣли, разумѣется, снаружи желѣзныя рѣшетки и были закрашены известкою. Замки у дверей были обыкновенные, и, потому, не было слышно никогда того шума, который происходилъ въ крѣпости отъ отодвиганья и задвиганья запоровъ, и какъ притомъ въ корридорахъ были постланы толстые маты, то не было даже слышно и шаговъ часовыхъ. Въ дверяхъ было маленькое отверстіе со стекломъ, чрезъ которое можно было наблюдать все, что дѣлаетъ арестантъ въ комнатѣ. Отверстіе это закрывалось снаружи клеенкою, которая приподнималась, когда надобно было часовому или коменданту заглянуть въ комнату. Всѣ печи топились и закрывались изъ корридора.

Порядокъ въ равелинѣ былъ слѣдующій: время для вставанья не опредѣлялось. Каждый вставалъ, когда хотѣлъ, но за этимъ наблюдали. Лишь только арестантъ встанетъ, не пройдетъ и десяти минутъ, какъ является комендантъ съ большимъ числомъ сторожей. Пока одинъ подаетъ умываться, другіе убираютъ комнату и приносятъ чай, если кому онъ полагается. Горячую воду, впрочемъ, приносятъ въ чайникѣ, а само-

вара не подаютъ. Въ это время комендантъ спрашиваетъ о здоровьи и ведетъ иногда и посторонній разговоръ, но только или объ очень отвлеченныхъ предметахъ или объ очень давней старинѣ. О настоящемъ же времени, даже о погодѣ, ничего не скажетъ. Разъ палили изъ пушекъ, и я спросилъ о причинѣ пальбы. «Вы ошиблись, это былъ вѣрно громъ», отвѣчалъ онъ мнѣ, хотя инвалидъ и сказалъ мнѣ послѣ, [1]) что дѣйствительно была пальба по случаю коронаціи. Обѣдъ, вечерній чай и ужинъ подавала, когда спросимъ; только послѣдній не позже 9 часовъ. Ночью горѣлъ всегда ночникъ. Книги давали духовнаго содержанія; только впослѣдствіи, по ходатайству Левашева, мнѣ давали книги изъ моей библіотеки. По предписанію доктора водили гулять въ садикъ въ сопровожденіи инвалида. Въ садикѣ было одно хилое деревцо и нѣсколько кусточковъ. Разумѣется, кромѣ стѣнъ и неба ничего не было видно, и, только отойдя во внѣшній уголъ и ставши на рундукъ, прикрывающій стокъ воды, мы могли видѣть архангела съ трубою на шпицѣ Петропавловской крѣпости, какъ бы символомъ того, что только въ общее воскресеніе мертвыхъ можетъ надѣяться возвратиться къ жизни тотъ, кто разъ попалъ въ эту живую могилу.

Мебель составляли кровать, столъ и стулъ. Компаньонами заточеннаго были маленькіе красные муравьи, черные тараканы, сверчки, мокрицы и мыши, и наблюденія надъ всѣми этими животными составляли одно изъ обычныхъ развлеченій узниковъ. Впрочемъ скоро нашлось и другое развлеченіе: это разговоръ съ сосѣдями сквозь стѣну. Разумѣется, голоса чрезъ толстую каменную стѣну не могло быть слышно; но если ударяли въ стѣну чѣмъ-нибудь, хотя бы гвоздемъ, карандашемъ и т. п., то звукъ легко передавался, и это подавало мысль составить условную азбуку, въ родѣ употребляемыхъ въ сигналахъ, телеграфахъ и пр. Трудно было только сначала понять основаніе азбуки или систему; но разъ, что сосѣдъ догадался, въ чемъ дѣло, то разумѣніе остального развивалось уже очень быстро. Чтобы избѣжать большаго числа ударовъ, производились различныя сочетанія. Иное напримѣръ значило два раздѣльные удара, иное—сплошные. Одинъ ударъ означалъ букву А, два сплошные звукъ I и пр. Впрочемъ системы были разнообразныя, болѣе или менѣе удобныя, но такъ какъ было много свободнаго времени, то онѣ достигали своей цѣли, служа средствомъ сообщенія не только съ сосѣдями, но чрезъ нихъ съ самыми отдаленными номерами и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляли занятіе и развлеченіе.

Нельзя сказать, чтобъ не было и другихъ средствъ сообщенія, особенно у тѣхъ, которые могли щедро платить чрезъ родныхъ. Говорятъ же, что въ Россіи деньги все

---

[1]) Замѣчательно добродушіе простыхъ людей: вдругъ въ дверь кто-то легонько стукнулъ. Это было такъ необыкновенно, что я тотчасъ подошелъ. Вижу, инвалидъ приподнялъ клеенку: «Баринъ,—сказалъ онъ мнѣ,—будь, что будетъ, а не вытерпѣлъ, чтобъ не сказать вамъ, что это палили отъ того, что была коронація, и вышла, говорятъ, и вамъ милость». Это была перемѣна вѣчной работы на 20 лѣтъ, что впрочемъ тогда означало одно и тоже.

портятъ, но отчасти могутъ и исправлять многое. Выше сказано было, что фельдфебель инвалидной роты носилъ бумаги въ городскую думу. Онъ рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы предложить арестантамъ и роднымъ ихъ служить посредникомъ для сношенія за извѣстную плату. Между тѣмъ относительно инвалидовъ, служившихъ сторожами при арестантахъ, онъ выказывалъ себя чрезвычайно строгимъ. Онъ не только не позволялъ имъ входить безъ себя въ комнаты арестантовъ, но не позволялъ имъ даже ни минуты оставаться и при немъ, коль скоро они напр. подали обѣдъ или чай, и даже кричалъ на нихъ, если ему покажется, что кто-нибудь засмотрится на арестанта, такъ что иногда, когда это имъ удавалось, они изъ-за спины его знаками показывали, что и хотѣли бы остаться и что-нибудь сказать, но что страшно его боятся. И вотъ разъ вечеромъ онъ вошелъ ко мнѣ, какъ будто бы для того, чтобы поправить постель къ ночи, и я видѣлъ, что онъ что-то положилъ подъ тюфякъ въ томъ углу кровати, который не былъ видѣнъ часовому. Я нашелъ подъ тюфякомъ письмо отъ сестры одного изъ моихъ товарищей, кн. Волконской, которая писала мнѣ, что я могу вполнѣ положиться на фельдфебеля, что онъ служитъ и другимъ моимъ товарищемъ и чтобы я увѣдомилъ о доставленіи ея письма. Съ тѣхъ поръ я велъ переписку со многими въ городѣ, и, благодаря этому обстоятельству, успѣлъ предостеречь многихъ, особенно въ томъ, чтобы они уже не попадались въ ловушку, на обычную уловку комитета выдумывать показанія отъ лицъ, которыя вовсе ихъ не дѣлали.

Былъ одинъ изъ моихъ пріятелей, которому особенно настойчиво комитетъ старался доказать его участіе въ тайномъ обществѣ. Это былъ Өеопемптъ Лутковскій, бывшій впослѣдствіи при великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ. Онъ былъ зять адмиралу Головнину, извѣстному по плѣну у японцевъ,—и жилъ у него въ домѣ; при сдѣланномъ у Лутковскаго обыскѣ найденъ былъ у него на стѣнѣ мой портретъ, работы академика Теребенева. На вопросъ, почему у него мой портретъ, онъ прямо отвѣчалъ, что онъ глубоко меня уважалъ и былъ моимъ пріятелемъ; а такъ какъ онъ былъ мною предупрежденъ, то его не могли уже сбить съ толку вымышленными показаніями, и онъ на все твердо отвѣчалъ, что не можетъ быть, чтобы я дѣлалъ какія-нибудь показанія, и требовалъ очной ставки. Обо всемъ этомъ онъ увѣдомилъ меня въ крѣпость. Поэтому, не имѣя возможности доказать участіе его въ тайномъ обществѣ, его сослали однако въ Черное море, бывшее тогда морскою Сибирью. Ему объявили, что это для того, «чтобы онъ научился впередъ лучше выбирать друзей». Тамъ оставался онъ до тѣхъ поръ, пока не понадобилось назначить при Константинѣ Николаевичѣ хорошаго морского офицера, но и послѣ, когда онъ уже состоялъ при немъ, его долго держали, какъ говорится, въ черномъ тѣлѣ, и только при свадьбѣ великаго князя сдѣлали флигель-адъютантомъ и затѣмъ произвели въ адмиралы. Онъ умеръ въ 1853 г. послѣ того, какъ вошелъ снова въ сношенія со мною и утѣшался тѣмъ, «что и въ самомъ отчаянномъ положеніи я нашелъ средства сдѣлать болѣе, нежели кто-нибудь, и для края, въ ко-

торомъ я находился, и въ государственномъ смыслѣ». Онъ разумѣлъ тѣ преобразованія, которыя я произвелъ въ Восточной Сибири.

Тесть его, адмиралъ Головнинъ, былъ также изъ числа тѣхъ, которые ускользнули отъ изслѣдованій комитета, хотя и принадлежалъ къ числу членовъ тайнаго общества, готовыхъ на самыя рѣшительныя мѣры. По показанію Лунина, это именно Головнинъ предлагалъ пожертвовать собою, чтобы потопить или взорвать на воздухъ Государя и его свиту при посѣщеніи какого нибудь корабля.

Слѣдствіе продолжалось непрерывно до іюня мѣсяца, и рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы меня или не требовали лично въ комитетъ или не присылали письменныхъ допросовъ. Я старался только спасти непривлеченныхъ къ слѣдствію, все же остальное, а особенно личная судьба моя, очень мало меня уже занимало. Мои мысли и усилія были уже направлены въ совсѣмъ другую сферу.

Предавшись вполнѣ волѣ Божіей относительно своей жизни, сохранитъ-ли она ее мнѣ, или я буду казненъ, я не хотѣлъ терять ни минуты и энергически принялся за дѣло разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, отъ изслѣдованія которыхъ я былъ отвлеченъ въ послѣднее время практическою дѣятельностью. Я вытребовалъ книги изъ своей библіотеки и до такой степени углубился въ изученіе, что, могу сказать, совершенно забылъ внѣшній міръ. Чтобы ничѣмъ не отвлекаться и быть всегда способнымъ къ умственнымъ занятіямъ, я еще въ крѣпости установилъ себѣ ту діету и расположеніе времени, которыя сохранилъ потомъ и въ казематѣ. Я велѣлъ подавать себѣ одну постную овощную похлебку и опредѣлилъ 18 часовъ на занятія, а 6 на все остальное, на сонъ, ѣду, гулянье и отдыхъ.

Какъ начальники въ крѣпости, такъ и члены комитета смотрѣли на все это съ изумленіемъ и, можетъ быть, принимали меня даже за помѣшаннаго. Они никакъ не могли понять, какимъ образомъ человѣкъ, которому угрожаетъ смерная казнь и во всякомъ случаѣ вполнѣ безнадежная будущность, можетъ возиться съ греческими и латинскими книгами и можетъ добровольно ухудшать, по ихъ мнѣнію, свое положеніе, отказывая себѣ въ томъ, чего не лишала его даже крѣпость и чѣмъ (какъ напр. хорошей ѣдой и сномъ) многіе старались вознаградить себя за другія лишенія.

Между тѣмъ наступило время суда и приговора. Во второй части записокъ сказано уже, что суда собственно не было. Не было ни преній, ни защиты, и всѣ ошибки слѣдственнаго комитета остались безъ должнаго разъясненія.

Верховный уголовный судъ подраздѣлился только на коммиссіи, которыя приняли слѣдственныя дѣла, и ограничился вопросомъ, нашею-ли рукою писаны бумаги, не принимая даже протестовъ о неполнотѣ дѣла и о ненахожденіи въ дѣлахъ нѣкоторыхъ документовъ. Только тутъ и видѣли насъ судьи до самаго произнесенія и чтенія приговора, основывая виновность исключительно на заключеніяхъ слѣдственной коммиссіи. Кромѣ неправильности и ошибокъ, сильно дѣйствовала, разумѣется, и протекція. Напр., помѣ-

стивъ въ высшій разрядъ иныхъ армейскихъ офицеровъ, игравшихъ въ обществѣ ничтожную роль, помѣстили въ низшій разрядъ старика Тизенгаузена отъ того, что онъ былъ родственникъ Дибича.

Впрочемъ не всѣ равнодушно переносили неправильности и произволъ въ веденіи процесса. Говорятъ, что адмиралъ Шишковъ, министръ народнаго просвѣщенія, протестовалъ и вышелъ изъ суда, за что и подвергся замѣчанію свыше, что «старикъ выжилъ изъ ума». Тринадцать человѣкъ изъ числа судей отказались подписать смертную казнь, а члены Синода прибѣгли къ обычной уловкѣ, что хотя и признаютъ подсудимыхъ достойными смертной казни, но подписать смертнаго приговора не могутъ, потому-де, что ихъ санъ воспрещаетъ имъ одобрять пролитіе крови.

Приговоръ читали въ залѣ коменданта крѣпости, гдѣ былъ собранъ верховный уголовный судъ. Вводили по частямъ, по разрядамъ. Такъ какъ мы думали, что немедленно могутъ насъ отправить или на казнь или въ Сибирь, то Иванъ Пущинъ хотѣлъ просить позволенія видѣться съ отцомъ; но едва онъ началъ говорить, какъ судьи, испугавшись, что онъ будетъ протестовать противъ неправильности судопроизводства, закричали, чтобъ насъ скорѣй выводили изъ залы. Между тѣмъ многіе изъ судей, въ томъ числѣ и духовные, вели себя неприлично и тянулись изо всѣхъ силъ, чтобы разсмотрѣть осужденныхъ, которыхъ отказывались выслушать.

Наконецъ, 10-го іюля 1826 года, насъ разбудили въ полночь. Мы одѣлись и вышли на внутренній дворъ крѣпости. Мы всѣ были очень рады, что увидѣлись другъ съ другомъ, и грозныя приготовленія не имѣли ни малѣйшаго вліянія на расположеніе духа, который былъ напротивъ настроенъ какъ-то торжественно, такъ что на нашихъ лицахъ выражалось торжество, тогда какъ офицеры и начальники войскъ, окружавшихъ насъ, были глубоко смущены и не выдерживали нашего взгляда. Начались шумные разговоры и распросы, но скоро моряковъ отдѣлили, и, посадивъ на пароходъ, повезли въ Кронштадтъ на флотъ, такъ какъ исполненіе приговора надъ моряками должно было произойти на адмиральскомъ кораблѣ. Вся дорога прошла въ оживленныхъ разговорахъ и намъ было очень весело. Въ шесть часовъ утра мы прибыли въ Кронштадтъ, но прошли его и направились къ стоявшему на большомъ рейдѣ флоту подъ командою адмирала Кроуна, англичанина. Всѣ люди на иностранныхъ военныхъ и купеческихъ корабляхъ находились на мачтахъ, чтобы удобнѣе разсмотрѣть, что будетъ происходить на адмиральскомъ кораблѣ.

Пароходъ присталъ къ парадному всходу флагманскаго корабля. Мы стали всходить на палубу, и тутъ ожидало насъ новое торжество. Командиръ корабля и офицеры встрѣчали насъ пожатіемъ руки, а стоявшіе вдали привѣтствовали знаками. Началось чтеніе приговора. Старикъ адмиралъ не выдержалъ и зарыдалъ. Плакали навзрыдъ матросы и офицеры; многіе изъ послѣднихъ не могли перенести сцены и, замахавъ руками, бросались внизъ. Въ числѣ осужденныхъ видѣли они многихъ, которые принадлежали къ такъ называемому цвѣту и надеждамъ флота.

Одни мы сохраняли торжественное спокойствіе. Вдругъ вижу я, что лейтенантъ Бодиско, который былъ приговоренъ только къ разжалованію въ матросы, къ меньшей степени наказанія, заплакалъ.

«Что это значитъ, Борисъ»? спросилъ я его. Онъ бросился къ моимъ ногамъ и сказалъ: «Неужели думаете вы, Дмитрій Иринарховичъ, что я по малодушію плачу о своемъ приговорѣ? Напротивъ я плачу оттого, что мнѣ стыдно и досадно, что приговоръ мнѣ такой ничтожный и я буду лишенъ чести раздѣлить съ вами ссылку и заточеніе».

Эта сцена произвела потрясающее дѣйствіе. Многіе изъ матросовъ, державшіе ружья на караулъ, какъ слѣдуетъ по положенію при чтеніи указовъ, взяли ружья подъ курокъ и утирали кулаками слезы, буквально потокомъ лившіяся по ихъ мужественнымъ лицамъ,—и начальники не рѣшались взыскать съ нихъ за такое нарушеніе военныхъ правилъ. Когда отобрали у насъ мундиры и принесли солдатскія шинели, положа ихъ въ груду, то я началъ раздавать ихъ товарищамъ и сказалъ имъ: «Господа, будетъ время, когда вы будете гордиться этою одеждою больше, нежели какими-бы то ни было знаками отличія».

Мунциры велѣно было потопить, такъ какъ на караблѣ нельзя было жечь ихъ, что дѣлали съ мундирами тѣхъ, надъ которыми исполняли приговоръ въ крѣпости. Но я не далъ бросать мундировъ въ море, а роздалъ все матросамъ, и никто изъ начальниковъ не рѣшился тому препятствовать. Затѣмъ мы сошли снова на пароходъ, но, пока происходила вышеописанная церемонія, офицеры съ корабля позаботились отправить на пароходъ вкусный завтракъ, чай и кофе, такъ что возвращеніе наше совершились еще веселѣе, нежели передній путь.

Когда мы пристали къ крѣпости, то какой-то артиллеристъ, стоявшій на пристани, шепнулъ намъ, что пятерыхъ повѣсили. Вдругъ общее веселое настроеніе замѣнилось грустью. Мы стали упрекать плацъ-майора Подушкина, зачѣмъ онъ увѣрялъ насъ, что смертной казни не будетъ. Мы еще до приговора знали, что привезены были палачи изъ Финляндіи и что построены уже эшафоты. Но насъ увѣряли потомъ, что все было отмѣнено.

«Что вы, батеньки. Что вы, Господь съ вами», говорилъ въ отвѣтъ на упрекъ Подушкинъ. «Я вамъ скажу по секрету,—это повѣсили чучелъ, чтобы знаете попугать народъ, а ваши товарищи живы и сидятъ у меня. Завтра ихъ будутъ отправлять, только не знаю: въ Шлиссельбургъ или въ Соловки».

Между тѣмъ ихъ дѣйствительно повѣсили и совершенно справедливо, что двое сорвались. Въ другихъ мѣстахъ при подобномъ случаѣ слѣдуетъ обыкновенно помилованіе, но тутъ сорвавшихся снова повѣсили. Правда и то, что Пестель сказалъ, что и это порядкомъ не умѣютъ сдѣлать. Это сказывали намъ впослѣдствіи сторожа, бывшіе при казни.

По возвращеніи моемъ нынѣ въ Москву, Дмитрій Сергѣевичъ Левшинъ сказалъ мнѣ, что, проходя случайно рано поутру черезъ мѣсто казни, онъ видѣлъ самъ, какъ клали всѣ пять труповъ на телѣгу, и узналъ тѣла Пестеля и Сергѣя Муравьева-Апостола, которыхъ прежде зналъ лично. Трупы были нагіе. Вѣроятно, рабочіе поживились саванами и колпаками. Тѣла были зарыты на островѣ Голодаѣ.

При исполненіи приговора публики вовсе не было. Народъ обманули, сказавши, что все будетъ происходить на Волковомъ полѣ, куда онъ и потянулся на разсвѣтѣ. А между тѣмъ еще ночью собрали около крѣпости всю гвардію и исполненіе приговора произвели на гласисѣ крѣпости. Надъ Михаиломъ Пущинымъ ошибкою сломали шпагу, а такъ какъ онъ не былъ лишенъ дворянства, то и закричалъ: «Какъ смѣете вы это дѣлать».

Но генералъ Головинъ, извѣстный святоша, сталъ нагло увѣрять его, что этого не было, и что «если Пущинъ вздумаетъ жаловаться, то не найдетъ свидѣтелей въ подтвержденіе, что это дѣйствительно было».

Кромѣ 121-го человѣка, подпавшихъ верховному уголовному суду, было огромное количество подверженныхъ разнымъ наказаніямъ безъ всякаго суда.—Изъ этихъ наказаній нѣкотрыя были очень суровы. Мы не говоримъ уже о переводѣ тѣми же чинами изъ гвардіи въ армію, ссылкѣ въ отдаленные гарнизоны, отнятіи команды ввѣренными частями, заточеніи въ деревню и отдаленные города подъ надзоръ полиціи и пр., которымъ подверглись почти всѣ арестованные, но нѣкоторые были произвольно присуждены и къ такимъ наказаніямъ, которымъ едва-ли бы подверглись, если бы судились верховнымъ уголовнымъ судомъ, какъ напр. заточенію на четыре года въ крѣпость сверхъ того времени, которое уже провели въ Петропавловской крѣпости. Кромѣ того, нѣкоторымъ изъ осужденныхъ даже судомъ произвольно перемѣняли приговоръ такъ напр. Норова, Батенькова, Вильгельма Кюхельбекера и Дивова заточили въ крѣпости вмѣсто ссылки въ Сибирь, гдѣ имъ съ товарищами было бы несравненно легче. Норовъ, Василій Сергѣевичъ, такъ и умеръ въ заточеніи; Дивовъ умеръ, кажется, на Кавказѣ; Батеньковъ впослѣдствіи посланъ въ Сибирь-же послѣ 15-ти лѣтняго заточенія въ крѣпости, гдѣ и сдѣлался, по его собственному выраженію, вполнѣ «одичалымъ». В. Кюхельбекеръ былъ сосланъ въ Сибирь, пробывъ въ крѣпости 8 лѣтъ.

IV.

Извѣстно, что если уже люди вступятъ на путь произвола, то нѣтъ ничего труднѣе, какъ возвратиться на законный путь. Руководствуясь произволомъ въ производствѣ слѣдствія и суда, подъ предлогомъ необходимости, правительство сдѣлало двѣ ошибки, создавшія ему не малыя затрудненія впослѣдствіи. Во первыхъ, оправдывая свое отступленіе отъ закона государственною пользою и необходимостью, оно оправды-

вало тѣмъ самымъ и тѣхъ, которыхъ наказывало, такъ какъ и они основывали свои дѣйствія на той же необходимости и государственной пользѣ.

Во вторыхъ, начавъ съ произвола, оно было вынуждено и продолжать свои дѣйствія на основаніи того же произвола, а сознаніе это,—чего не можетъ избѣжать никакая совѣсть,—лишало его дѣйствія всякой твердости, и можно сказать, что оно во всѣхъ послѣдующихъ мѣрахъ противъ насъ не только не достигало своей цѣли, но приводило совершенно къ противоположнымъ послѣдствіямъ и, замышляя многое противъ насъ, никогда не могло добиться и того, чему подверглись бы мы при соблюденіи обычнаго порядка.

Доведя дѣло до осужденія насъ и исполненія приговора, правительство рѣшительно стало въ тупикъ, что съ нами дѣлать. Оно не только не отважилось отправити насъ обычнымъ путемъ съ партіей арестантовъ, идущихъ въ Сибирь, но боялось вести насъ цѣлою массою даже отдѣльно. Поэтому, оно рѣшилось отправить насъ съ фельдъегерями по четыре человѣка и притомъ чрезъ извѣстный промежутокъ времени, а такъ какъ такая отправка необходимо должна была затянуться на очень долгое время, то въ ожиданіи отправленія въ Сибирь придумали насъ развести по другимъ крѣпостямъ, въ Шлиссельбургъ и въ разныя крѣпости въ Финляндіи.

Между тѣмъ послѣ отсылки еще только двухъ первыхъ партій, правительство натолкнулось уже на непредвидѣнное затрудненіе. Для отсылки въ Нерчинскіе рудники требовалось особливое упоминаніе о томъ въ приговорѣ. Такъ какъ въ нашемъ приговорѣ этого не было сдѣлано, то иркутское губернское правленіе на основаніи точнаго смысла закона и назначило первыхъ 8 человѣкъ, привезенныхъ въ Иркутскъ, хотя и въ работу, но не въ нерчинскіе рудники, а половину на винокуренный, а другую на солеваренный казенные заводы; прибывъ туда, они и поступили на общее положеніе ссыльныхъ рабочихъ, т. е. имъ назначили уроки работы, а предоставили, какъ и въ обычаѣ тамъ, жить, какъ хотятъ. Такимъ образомъ они обзавелись домами и жили на свободѣ. Но въ это время прибывшій на коронацію генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Лавинскій, получивъ о томъ донесеніе и вообразивши себѣ, что подобное распоряженіе было сдѣлано замѣнявшимъ его въ его отсутствіе иркутскимъ губернаторомъ Горловымъ, съ которымъ онъ былъ во враждѣ, вздумалъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы повредить ему, и сдѣлалъ на него доносъ, замѣчательный своею нелѣпостью. Въ немъ говорилось, что такъ какъ извѣстно, что Горловъ, былъ масонъ, «то по всей вѣроятности онъ долженъ былъ быть и членомъ тайнаго общества», и что вслѣдствіи этого-то онъ и оказалъ будто-бы такое потворство государственнымъ преступникамъ, не пославъ ихъ въ рудники, а водворивъ ихъ на лежащихъ близь Иркутска заводахъ; и что онъ, Лавинскій, вслѣдствіе такого распоряженія не отвѣчаетъ за безопасность Восточной Сибири, опасаясь вліянія нашего на простыхъ ссыльныхъ, если мы будемъ жить на волѣ въ заводахъ, какъ живутъ простые ссыльно-каторжные. Тотчасъ

было наряжено слѣдствіе, но, разумѣется, оказалось, что Горловъ вовсе даже не былъ причастенъ этому распоряженію, а что оно сдѣлано было губернскимъ правленіемъ, какъ и слѣдовало на основаніи и буквы и точнаго смысла законовъ. Вслѣдствіе этого и положена была по этому дѣлу резолюція, еще болѣе замѣчательная, чѣмъ самый доносъ. Сказано было, что «генералъ-губернатору Лавинскому, за ложный доносъ на губернатора Горлова въ видахъ личнаго мщенія, сдѣлать строжайшій выговоръ съ занесеніемъ въ формуляръ».

И послѣ этого оставили его всетаки генералъ-губернаторомъ.

Между тѣмъ это событіе имѣло для насъ два неблагопріятныя слѣдствія.—Нашихъ бѣдныхъ товарищей, которые жили уже спокойно въ заводахъ схватили внезапно, заковали въ желѣза и увезли въ Благодатскій рудникъ на берегахъ Аргуни; а наше отправленіе остановили, чрезъ что для низшихъ разрядовъ, приговоренныхъ въ работу на краткій срокъ, произошла та невыгода, что такъ какъ срокъ работы инымъ кончился бы, а другимъ значительно сократился бы еще во время нахожденія въ крѣпости, если бы считали его со дня приговора, то задерживая ихъ произвольно въ крѣпости, велѣли считать также произвольно работы со дня дѣйствительнаго поступленія въ нее и такимъ образомъ увеличили для нихъ срокъ заточенія, такъ что тѣ, которымъ былъ назначенъ только годовой срокъ, отправлены были на поселеніе, гдѣ избавились по крайней мѣрѣ отъ тюремнаго заключенія, только черезъ три года послѣ приговора. Такъ-то наводили, какъ говорится, не мытьемъ, такъ катаньемъ. Въ то-же время, вслѣдствіе этого-же самаго событія, возникла мысль и о постройкѣ каземата и содержаніе насъ въ тюремномъ заключеніи.

Вначалѣ намѣреніе правительства было разослать насъ по рудникамъ, поручивъ только спеціальный надзоръ надъ нами особому управленію. Для этого учредили должность коменданта Нерчинскихъ рудниковъ, который долженъ былъ непосредственно завѣдывать нами. Но когда Лавинскій испугалъ правительство возможностію опаснаго вліянія нашего на простыхъ ссыльныхъ, то рѣшились построить родъ крѣпости подъ болѣе извѣстнымъ названіемъ каземата и содержать насъ тамъ въ заключеніи и только водить оттуда на работу. Затруднялись только въ выборѣ мѣста. Сначала думали было построить казематъ на островѣ Ольхинѣ, находящемся на Байкалѣ, но это предположеніе было оставлено, какъ по затрудненію доставлять туда матеріалы, такъ и по недостатку тамъ воды. Тогда рѣшились построить тюремный замокъ при Акатуевскомъ серебряномъ рудникѣ въ самомъ мрачномъ и нездоровомъ мѣстѣ. Мы увидимъ ниже, по какимъ причинамъ не удалось правительству заточить насъ тамъ, вслѣдствіе чего Акатуевская тюрьма получила другое назначеніе, а для насъ выстроили казематъ въ Петровскомъ заводѣ. Въ ожиданіи же, пока постройка окончится, предположено было собрать насъ въ Читѣ или въ Читинскомъ острогѣ, какъ онъ тогда назывался. Между тѣмъ, пока продолжалось такое колебаніе правительства и, въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія

его, насъ продолжали держать въ крѣпости, случился одинъ изъ самыхъ грустныхъ эпизодовъ моей жизни. Въ то время, когда я радовался, что по случаю произнесенія приговора и окончанія слѣдствія, меня не отвлекаютъ уже отъ избранныхъ мною занятій ни требованіемъ въ комитетъ, ни письменными запросами, вдругъ получаю я бумагу, гдѣ говорилось, что на меня сдѣланы новыя показанія, обвиняющія меня въ государственной измѣнѣ, и что если я не сознаюсь во всемъ немедленно и не раскрою всего, то неминуемо буду преданъ смертной казни. Показаніе состояло въ томъ, что я былъ будто-бы въ сношеніяхъ съ иностранными правительствами и получалъ отъ нихъ огромныя суммы для произведенія смутъ въ Россіи. Нелѣпость подобнаго показанія была очевидна, и я никакъ не могъ понять ни кто могъ его сдѣлать, ни того, какъ могли ему повѣрить въ комитетѣ. Впослѣдствіи на упрекъ мой въ томъ Левашеву, онъ оправдывался тѣмъ, что, кромѣ близости ко мнѣ лица, сдѣлавшаго показаніе, оно, повидимому, потверждало коварные намеки, сдѣланные уже и Рылѣевымъ чрезвычайно озлобившимся на меня, по словамъ Левашова, за презрѣніе, выказанное мною Рылѣеву за его поведеніе въ комитетѣ. Разумѣется, я немедленно потребовалъ представить положительные документы въ улику и очной ставки съ доносчикомъ, который оказался способнымъ на такія лживыя показанія, которыя прямо вели меня на эшафотъ и наводили сомнѣніе на патріотизмъ человѣка, незадолго еще предъ тѣмъ отвергшаго самыя блестящія предложенія бразильскаго императора. Комитетъ вынужденъ былъ уступить моему требованію, и вотъ на очной ставкѣ оказалось, что ложнымъ доносчикомъ, который велъ меня на висѣлицу, былъ облагодѣтельствованный мною мой младшій братъ Ипполитъ.

Избалованный мачихою, для которой онъ служилъ какъ бы вывѣскою тщеславнаго желанія доказать, что она будетъ не хуже родной матери и которая по смерти нашего отца измѣнила назначеніе младшаго брата, отдавъ его не въ Морской корпусъ, какъ того хотѣлъ отецъ, а въ артиллерійское училище, чтобы онъ могъ поступить потомъ въ гвардію, Ипполитъ не только дурно учился, но и вовлекся въ разныя дурныя дѣла. Его долго продержали дома, а въ училищѣ, только что устроенномъ вновь, не было ни порядка, ни дисциплины; поэтому, дурныя наклонности, развившіяся съ особенной силой дома по смерти отца, не могли уже быть исправлены въ училищѣ, и когда я прибылъ въ Петербургъ изъ Америки въ 1824 г., то нашелъ его запутаннымъ въ одно изъ такихъ дурныхъ дѣлъ, которое грозило ему позорнымъ наказаніемъ и выключкою изъ училища въ томъ случаѣ, если не будетъ уплачена довольно значительная сумма, какъ объявилъ мнѣ объ этомъ и самъ директоръ училища.

Ипполитъ притворился глубоко раскаявающимся, обѣщалъ бросить всѣ дурныя знакомства и дѣла и исключительно впередъ заниматься ученьемъ, не посѣщая уже никого, кромѣ меня. Я простилъ его, заплатилъ за него все и позволилъ ходить къ себѣ, продолжая постоянно помогать ему въ его нуждахъ, такъ какъ мачиха отказалась уже платить за него долги. Никакихъ секретныхъ бумагъ онъ не могъ, разумѣется, ви-

дѣтъ у меня, но по управленію моему хозяйственной частью въ кругосвѣтной экспедиціи, у меня было множество бумагъ оффиціальныхъ, не составляющихъ никакого секрета и потому лежавшихъ открыто на столѣ, такъ какъ въ нихъ, при составленіи отчетовъ въ контроль, безпрестанно случалась надобность. Вотъ въ этихъ-то бумагахъ онъ, какъ оказалось впослѣдствіи, и рылся. Тутъ было много бумагъ на иностранныхъ языкахъ и консульскихъ денежныхъ счетовъ за разныя вещи, поставляемыя для экспедиціи и по переводу векселей. Не зная никакого другого языка, кромѣ французскаго, Ипполитъ не могъ узнать содержаніе этихъ бумагъ. Видя же впослѣдствіи раздраженіе правительства противъ насъ и даже явную несправедливость относительно насъ, онъ по легкомыслію вообразилъ себѣ, что противъ насъ при такомъ расположеніи правительства всякое показаніе будетъ принято безъ изслѣдованія, и потому, зная, что при дурномъ его ученьи онъ не можетъ разсчитывать на повышеніе законнымъ путемъ, онъ вздумалъ составить себѣ выслугу изъ ложнаго доноса на брата, столько для него сдѣлавшаго, и воспользовался для этого тѣмъ случаемъ, что видѣлъ у меня иностранныя бумаги и счеты, приплетя ихъ въ подтвержденіе сочиненной имъ басни. Надо сказать, что и въ комитетѣ были настолько неосновательны, что долго мучили меня косвенными распросами вмѣсто того, чтобы или прямо показать мнѣ бумаги, или сейчасъ же велѣть перевести ихъ въ иностранной коллегіи, какъ и вынуждены были сдѣлать наконецъ по моему требованію. Я даже однажды очень пристыдилъ ихъ, когда они показали мнѣ съ какимъ-то торжествомъ одну бумагу «съ символическими знаками», какъ выражались они въ запросѣ, «содержащую огромныя цифры и на неизвѣстномъ никому языкѣ».

«Это просто трактирный счетъ», отвѣчалъ я смѣясь, «за провизію, поставляемую для офицерскаго стола, символическіе знаки—вывѣска трактира, невѣдомый языкъ—португальскій, а цифры огромны отъ того, что въ Бразиліи счетъ идетъ на мариведисы, которыхъ въ піастрѣ считается около тысячи, немного болѣе или менѣе, смотря по текущему курсу».

Ипполита приговорили было за ложный доносъ на роднаго брата къ очень строгому наказанію, но я чрезъ Левашева писалъ къ Государю и просилъ его, чтобы послѣ удара, нанесеннаго моимъ роднымъ моимъ приговоромъ, не усиливать чрезъ мѣру ихъ горесть строгимъ приговоромъ меньшому брату. По этому его только разжаловали въ солдаты, но безъ лишенія дворянства, и послали на службу въ Оренбургъ. Къ несчастію онъ употребилъ во зло и это снисхожденіе, и какъ онъ вслѣдствіе новыхъ своихъ дурныхъ дѣлъ навсегда сталъ потомъ злою моею тѣнью, то я къ сожалѣнію и долженъ здѣсь разсказать и его дальнѣйшую судьбу.

Вслѣдствіе того обстоятельства, что мы оба были въ Сибири, оба содержались въ казематѣ, оба писали въ Сибири и о ней, хотя, какъ извѣстно, въ противоположномъ смыслѣ, насъ часто смѣшивали, иногда, конечно, неумышленно, но иногда и умышленно, причемъ онъ извлекалъ всегда себѣ изъ этого смѣшиванья выгоду, между тѣмъ, какъ

на меня отбрасывалъ постоянно тѣнь своихъ дурныхъ дѣйствій. Много для него дѣлали, чего онъ вовсе не заслуживалъ, единственно потому, что смѣшивали его со мною или ради уваженія и расположенія ко мнѣ; а мнѣ, напротивъ, много вредили или также смѣшивая меня съ нимъ, или по раздраженію противъ него и даже умышленно употребляя это смѣшиванье въ орудіе клеветы противъ меня.

Такъ какъ по дорогѣ, по которой Ипполитъ слѣдовалъ съ партіей, вездѣ были у насъ родные и знакомые начальники, а дѣла его не знали, то онъ и воспользовался этимъ, чтобы сочинить новую исторію, что онъ «пострадалъ будто бы за то, что, по любви къ брату, пожертвовалъ собою, чтобы освободить брата изъ крѣпости». Этимъ возбудилъ онъ къ себѣ повсемѣстно и у всѣхъ участіе и заслужилъ благоволеніе. Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, главнокомандующій въ Москвѣ, позволилъ ему отдѣлиться отъ партіи и остаться въ Москвѣ съ тѣмъ, чтобы послѣ догнать партію на почтовыхъ. Гр. Апраксинъ, губернаторъ во Владимірѣ, сдѣлалъ то-же; и точно такъ же поступили въ Нижнемъ Новгородѣ и Казани. А такъ какъ онъ ѣхалъ на почтовыхъ, то всетаки, хотя онъ и оставался по нѣскольку дней въ городахъ, успѣлъ однако опередить партію. Но прибывъ въ Оренбургъ, онъ сейчасъ-же попался въ какой-то глупой ссорѣ, о которой донесено было однако въ Петербургъ, гдѣ вслѣдствіе этого и узнали, что онъ прибылъ въ Оренбургъ до прихода партіи. Началось изслѣдованіе, и онъ по малодушію выдалъ всѣхъ, кто оказалъ ему снисхожденіе. За исключеніемъ Голицына всѣмъ былъ сдѣланъ Высочайшій выговоръ. Между тѣмъ онъ и въ Оренбургѣ выдалъ себя за политическаго ссыльнаго и сталъ завлекать въ неосторожные разговоры разныхъ мелкихъ офицеровъ и юнкеровъ; а затѣмъ рѣшился повторить прежній свой пріемъ и самъ же донесъ на нихъ. Но на этотъ разъ, когда все дѣло открылось, онъ былъ уже присужденъ на вѣчно въ каторжную работу въ Нерчинскіе рудники. Тутъ онъ выдалъ себя за одного изъ насъ и добился также участія къ себѣ, но скоро попался въ глупой исторіи, гдѣ вся пьяная компанія, и онъ въ томъ числѣ, высѣкли пьянаго же попа. Тогда бывшій при насъ комендантъ, получившій уже между тѣмъ глубокое уваженіе ко мнѣ, и желая спасти его ради меня, взялъ его къ намъ въ казематъ.

Къ сожалѣнію, и въ казематѣ онъ дѣйствовалъ по прежнему все интригами, и даже дѣлалъ на насъ доносы коменданту, такъ что комендантъ одно время долженъ былъ запереть его въ номерѣ. Но для него пребываніе въ казематѣ было очень выгодно, потому что никто не зналъ его дѣлъ, и, впослѣдствіи, когда онъ находился на поселеніи, его принимали за политическаго изгнанника уже по одному тому только, что и онъ былъ въ казематѣ. Состоя на поселеніи, онъ запутывался въ разныя дѣла: то подслуживался лестью генералъ-губернатору и шефу жандармовъ. Въ послѣднее время, по ходатайству родныхъ, ему дозволено было записаться въ купцы, а наконецъ возвратили и дворянство, и въ то же время по ходатайству сестры чрезъ протекцію Сушковыхъ и Погодина ему удалось, съ помощію Общества распространенія полезныхъ книгъ

напечатать свою компиляцію о Сибири. Тутъ опять послужило ему то обстоятельство, что многіе раскупили эту книгу, считая ее моимъ произведеніемъ, но скоро разочаровывались, иные даже прочтя только нѣсколько страницъ.

Между тѣмъ доносъ Ипполита запуталъ много людей, которые вовсе не были участниками ни въ какихъ политическихъ тайнахъ, и сверхъ того навелъ слѣдственную коммиссію на мысль, что у мачихи и сестры могутъ быть спрятаны нѣкоторыя мои бумаги и вещи. Слѣдственный комитетъ потребовалъ отъ меня, чтобъ я написалъ имъ письмо о выдачѣ всего, и когда я рѣшительно отъ того отказался, то написали подложное письмо якобы отъ меня, подписавшись подъ мою руку. Впослѣдствіи, по возвращеніи моемъ уже въ Москву, сестра увѣряла меня, что она будто бы сей же часъ увидѣла подлогъ и убѣждала мачиху ничего не выдавать, но мачиха перепугалась и выдала тотъ ящикъ, который я оставилъ въ деревнѣ, но въ которомъ къ счастію не было особенно важныхъ бумагъ [1]), а были символическія одежды и знаки Общества или Ордена Возстановленія, сообразно тогдашнимъ понятіямъ и обычаямъ въ тайныхъ обществахъ—бѣлая атласная туника съ краснымъ крестомъ на наплечникахъ, обоюдуострый мечъ съ крестообразною рукояткою, желѣзный скипетръ, наперсный крестъ съ греческою надписью «Симъ побѣдиши», одежды и пр. Ничего другого, чего доискивался комитетъ, тутъ не нашли. Все, что могло компрометировать лицо, было истреблено мною еще при первомъ моемъ арестѣ, и когда потомъ я находился на свободѣ.

Мы будемъ имѣть еще не разъ случай встрѣтиться со странными дѣйствіями нашихъ родныхъ въ разныхъ обстоятельствахъ и потому считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ ихъ дѣйствіяхъ вообще. Неоспоримо, что въ совокупности они имѣли тогда большую силу и по вліянію при дворѣ и на общественное мнѣніе, и по тѣмъ средствамъ, которыми располагали, и могли бы много сдѣлать для насъ, если бы взялись за дѣло разумно. Во первыхъ, въ слѣдственномъ комитетѣ собственно члены его ничего не понимали въ дѣлѣ; всѣ дѣла находились въ рукахъ аудиторовъ и другихъ чиновниковъ, и мы видѣли изъ того обстоятельства, что Любимову удалось выкупить свои бумаги, что то же самое могли сдѣлать и для другихъ; во вторыхъ, если бы вмѣсто того, чтобы заботиться только о томъ, какъ говорилъ Лунинъ, чтобы кормить насъ и плакать о насъ, да признавая насъ виноватыми, ожидать всего отъ милости, они энергически бы возстали въ нашу защиту и доказывали бы, что если бы мы были виновны въ томъ, что искали насильственными средствами поправить положеніе государства, то тѣ, кто довелъ государство до такого гибельнаго положенія, еще болѣе виноваты и

---

[1]) Портфель съ важными бумагами и другой ящикъ небольшого размѣра взятые съ собою въ Симбирскъ, были отданы мною высланному мнѣ навстрѣчу на проселочную дорогу Аржевитинову, такъ какъ я зналъ, что изъ Казанской деревни я поѣзду проселочною дорогою въ свое симбирское имѣніе Жедаевку, между тѣмъ, какъ меня искали и караулили на почтовомъ трактѣ отъ Казани до Симбирска.

должны, поэтому, подлежать еще большей отвѣтственности, тогда по всей вѣроятности и приговоръ былъ бы мягче и справедливѣе, и во всякомъ случаѣ не отважились бы ухудшать нашу участь произвольно свыше приговора. Что же мы видѣли напротивъ? Какая нибудь княгиня Волконская, которой никогда не отважились бы отказать ни въ чемъ, какъ первой гофмейстеринѣ двора и воспитательницѣ государя, допустила хладнокровно отправить сына въ каторжную работу и даже танцовала съ самимъ государемъ на другой день послѣ приговора, а въ то же время требовала, чтобъ ея Сергѣю отправляли серебряную посуду. Не возставая противъ заковки въ желѣза, чего съ осужденными изъ дворянъ никогда не дѣлалось, наши родные стали кричать, зачѣмъ заклепываютъ желѣза, а не запираютъ замками и т. п. Это именно и случилось, когда, рѣшивъ кое-какъ вопросъ, какъ содержать насъ въ Сибири, правительство снова приступило къ отправленію насъ въ Сибирь, прежнимъ порядкомъ по четыре человѣка, и тутъ вышла презабавная сцена. Когда почти передъ самымъ отправленіемъ нашей партіи прислано было отъ Государя приказаніе не заклепывать желѣза, а запирать замками, то разумѣется, такъ какъ никакихъ замковъ припасено не было, бросились искать ихъ въ ближайшія лавочки, потому что это было уже поздно вечеромъ и въ городъ посылать было далеко. И вотъ въ мелочныхъ лавочкахъ набрали маленькихъ висячихъ замковъ, которыми запираютъ жестянки и пр., и на которыхъ обыкновенно бываютъ вставки изъ желтой латуни съ разными надписями. Когда надѣвали на насъ желѣза, я полюбопытствовалъ посмотрѣть, какая надпись на моихъ замкахъ и нашелъ на одномъ изъ нихъ слѣдующее: «Кого люблю, тому дарю», а Николаю Бестужеву достался замочекъ надписью: «Мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь» и пр.

Наконецъ 19-го января, 1827 г., въ два часа ночи, нашу партію вывезли изъ Петербурга и отправили въ Сибирь сѣвернымъ трактомъ на Шлиссельбургъ, Ярославль и Вятку. Товарищами моими были два брата Крюковы, старшій, бывшій адъютантъ Витгенштейна, а младшій — офицеръ генеральнаго штаба, и Свистуновъ, офицеръ кавалергардскаго полка. Каждый изъ насъ сидѣлъ въ особой повозкѣ съ жандармомъ; всю эту партію препровождалъ фельдъегерь Гейнрихсъ.

Въ Шлиссельбургѣ на станціи встрѣтили насъ офицеры лейбъ-гвардіи кирасирскаго полка очень радушно. Желали, разумѣется, счастливой дороги и скораго возвращенія, обѣщая продолжать наше дѣло, чего однако не исполнили.

Здѣсь будетъ у мѣста разсказать о пріемѣ, который намъ вездѣ дѣлали, какъ вообще относились къ намъ и наши провожатые, и начальники, и частные люди въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы проѣзжали, и какое впечатлѣніе мы производили.

Такъ какъ родные моихъ товарищей успѣли передать деньги не только имъ, но и фельдъегерю, и мы ему сказали, что сверхъ того кормовые наши деньги онъ можетъ взять себѣ, то со второй же станціи всѣ провожатые очень довѣрились намъ, и фельдъегерь, если и капризничалъ иногда, то всетаки былъ больше нашимъ поваромъ, нежели

надсмотрщикомъ, и скорѣе заботился о кухнѣ, нежели о наблюденіи за нами. Положась на наше слово, онъ насъ ни въ чемъ не стѣснялъ, и если и являлись у него капризы, то изъ боязни только, чтобы не замѣтили посторонніе настоящихъ отношеній, установившихся между нами и имъ. Гдѣ же онъ этого не опасался, тамъ дѣйствовалъ даже отважно. Такъ напр. въ Вятской губерніи онъ завезъ насъ даже въ сторону отъ тракта къ знакомому своему помѣщику. О жандармахъ нечего и говоритъ, они обратилися вполнѣ въ нашу прислугу.

Мы вездѣ слыли подъ общимъ названіемъ князей и генераловъ. Если напр. говорили намъ, что вотъ и прошлаго года въ этой же избѣ останавливались князья (фельдъегеря не любили останавливаться на станціяхъ, гдѣ могли быть и другіе проѣзжіе, и всегда требовали, чтобъ отвели особую квартиру, особенно для обѣда и ночлега), то это значило, что провозили нашихъ товарищей. Многіе, желая согласить требованіе настоящаго положенія съ желаніемъ показать намъ учтивость, говорили, адресуясь къ намъ: «Ваше бывшее Сіятельство, ваше бывшее Превосходительство» и пр. На одной станціи меня узналъ одинъ молодой крестьянинъ, которому я помогъ, проѣзжая изъ Калифоніи два года тому назадъ. Онъ убѣдительно просилъ меня крестить у него перворожденнаго сына, со слезами доказывая фельдъегерю, что, видимо, тутъ воля Божія, которая другой разъ посылаетъ ему такой случай [1]). Фельдъегерь согласился. Я отдалъ крестнику свой собственный золотой крестъ въ три червонца, товарищи надѣлили родителей деньгами и вещами.

Вообще, вездѣ намъ оказывали большое участіе и уваженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли какое то суевѣрное убѣжденіе, что каждое наше слово исполнено глубокаго таинственнаго смысла, и это тѣмъ болѣе, что часто ничего не понимали изъ русскаго (политическаго) нашего разговора, и не разъ намъ случалось слышать выраженія, подобныя слѣдующему: «Кажись, и по русски говорятъ, а ничего не поймешь», и пр. Иногда это убѣжденіе въ существованіи таинственнаго смысла въ самыхъ простыхъ словахъ обычнаго даже разговора и что мы ничего и не можемъ сказать спроста, вело къ пресмѣшнымъ истолкованіямъ. Такъ напр., когда товарищей моихъ привезли въ Шлиссельбургъ, то старикъ комендантъ, Плуталовъ, изъ гатчинскихъ, послѣ обыкновеннаго спроса

---

[1]) Въ бурную ночь я переправлялся на паромѣ черезъ рѣку. Слышу чей-то молодой олосъ, умоляющій человѣка, который, какъ оказалось изъ разговора, былъ повѣреннымъ откупщика, не разорять ихъ семьи и подождать долгъ, тѣмъ болѣе, что онъ недавно женился. Тотъ сурово отвѣчаетъ, что если онъ сейчасъ не заплатитъ, то, прибывъ въ деревню, онъ отберетъ у нихъ обѣ лошади. Перевозчики всѣ жалѣютъ молодого парня. Трезвый, говорятъ, и работающій, а теперь хоть въ воду. Я подзываю его и даю 25 рублей. Онъ не вѣритъ глазамъ своимъ и, пріѣхавъ за мною на станцію, узнаетъ у писаря, кто я. Прочитавъ потомъ, что и я въ числѣ осужденныхъ, онъ караулилъ проѣздъ нашъ со второй партіи, лишь только узналъ, что насъ начали возить въ Сибирь.

спросилъ ихъ, не нужно-ли имъ чего? Юшневскій, бывшій генералъ-интендантъ второй арміи, отвѣчалъ ему: «Покорно благодаримъ, кажется ничего; развѣ только прикажете подать чайникъ горячей воды».—Юшневскій отвѣчалъ такъ просто потому, что зналъ, что въ номерахъ въ крѣпости самоваровъ не полагается. Между тѣмъ. комендантъ, подумавъ, сказалъ: «Не глупо сказано».—Разумѣется, ровно никто ничего не понялъ, что онъ подъ этимъ разумѣлъ, но когда потомъ сблизились, и комендантъ сталъ ходить въ гости къ моимъ товарищамъ и приглашать ихъ къ себѣ, то Юшневскій, вспомнивъ его слова, спросилъ объясненія: «Да, вы думаете, что я не понялъ, какъ тонко вы тогда сообразили все,—отвѣчалъ Плуталовъ; «вы подумали вѣрно, что вотъ-де комендантъ изъ солдатъ, неучъ и грубіянъ, и если вы скажете, что нуженъ самоваръ, то онъ пожалуй скажетъ, что вамъ по вашему положенію чаю не полагается. Ну вотъ вы и сказали чайникъ. Ты-де тамъ про себя понимай, какъ знаешь, на что, а отказать нельзя, можетъ быть и для того, чтобы съ дороги помыться до бани».

Съ одной стороны желаніе видѣть насъ, а съ другой боязнь быть замѣченными правительствомъ, заставляли людей прибѣгать къ разнымъ уловкамъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приходилось намъ останавливаться. Въ Ярославлѣ, напр., гдѣ мы остановились, въ гостинницѣ, многіе чиновники и другія значительныя лица въ городѣ переодѣлись прислугою; а вице-губернаторъ, надѣвъ чей-то тулупъ, свѣтилъ намъ съ лѣстницы, когда мы шли садиться въ повозки. Во многихъ мѣстахъ выѣзжали родные, и нѣкоторымъ удавалось даже помѣщаться въ тѣхъ зданіяхъ, гдѣ мы останавливались, и передавать своимъ деньги и вещи. Въ Тобольскѣ мы остановились въ домѣ полицмейстера. Мы пожелали отправиться въ баню. Губернаторъ прислалъ свою карету, въ которой мы и поѣхали; фельдъ-егерь сидѣлъ съ нами, на козлахъ сидѣлъ казачій офицеръ, а на запяткахъ стоялъ квартальный надзиратель.

Въ Тобольскѣ произошла смѣна провожатаго. Фельдъегеря замѣнилъ чиновникъ, жандармовъ—казаки. Такъ доѣхали мы до Томска, гдѣ остановились такъ же, какъ и въ Тобольскѣ, въ домѣ полицмейстера. Вдругъ входитъ фельдъегерь Воробьевъ изъ числа тѣхъ, которые сопровождали всегда самого Государя. Мѣня отдѣляютъ отъ товарищей и передаютъ ему. Дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ вспомнили, что, незадолго передъ тѣмъ, возвращаясь изъ Калифорніи, я проѣзжалъ чрезъ Сибирь и произвелъ тамъ въ проѣздъ мой сильное впечатлѣніе. Поэтому, опасаясь моего вліянія и моихъ сношеній въ Сибири, послали за мной въ догонку самаго надежнаго и самаго быстраго фельдъегеря для того, чтобы провезти меня отдѣльно и какъ можно скорѣе. Но этотъ фельдъегерь оказался очень внимательнымъ и услужливымъ чоловѣкомъ. Такъ какъ мои родные не позаботились снабдить меня ничѣмъ при отправленіи въ Сибирь, а я не хотѣлъ надѣвать казенныхъ ни тулупа, ни шапки, ни сапоговъ, то и ѣхалъ въ томъ, въ чемъ былъ арестованъ: въ восточной офицерской шинели (только плацъ-майоръ поживился висячимъ воротникомъ, который отпороли въ крѣпости, польстившись на отличное сукно),

фуражкѣ и обыкновенныхъ сапогахъ, такъ какъ я никогда прежде галошъ не носилъ. Фельдъегерь никакъ не могъ понять, какъ я могу такъ переносить холодъ, и старался, чтобы всегда въ повозкѣ было теплое одѣяло или тулупъ, чтобы укутать мнѣ ноги.

Занятый серьезными мыслями, я и съ товарищами былъ всегда серьезенъ, но Воробьевъ, приписывая серьезность грустному настроенію, старался всячески меня развеселить. Онъ разсказывалъ разные анекдоты и случаи изъ поѣздокъ своихъ съ Государемъ, пѣлъ пѣсни и даже, съѣхавшись на одной станціи съ однимъ молодымъ докторомъ, слѣдовавшимъ въ Сибирь же на службу, условился съ нимъ ѣхать вмѣстѣ, чтобы мнѣ не было скучно, какъ говорилъ, и видя, что жена его отъ скуки вяжетъ на станціяхъ какой-то шарфикъ уговорилъ поскорѣй довязать и подарить мнѣ, чтобы заставить меня что-нибудь надѣть на шею, такъ какъ всѣ трое они присудили, что нельзя обидѣть даму, отказавшись отъ подарка. Въ Иркутскѣ, гдѣ мы остановились на два дня, всѣ пріѣхали ко мнѣ въ острогъ съ визитомъ. Петръ Лутковскій, братъ Ѳеопемпта, начальникъ иркутскаго адмиралтейства, былъ у меня безвыходно; архіерей прислалъ мнѣ книги; губернаторъ прислалъ обѣдъ, чай и кофе. На дорогу наслали всѣ премножество провизіи и пр.

Надо сказать, что за Нижнеудинскомъ сказали на одной станціи, что «недавно пробѣжали въ Читу Муравьиха» [1], и тутъ только Воробьевъ рѣшился сообщить мнѣ, что и меня везетъ онъ не въ Нерчинскіе рудники, а въ Читу, гдѣ будутъ собраны и всѣ другіе мои товарищи.

V.

Странно прозвучало для слуха моего слово: Чита. Оно воскресило въ памяти моей два случая; одинъ—изъ самыхъ раннихъ воспоминаній моего дѣтства, другой—изъ весьма недавняго прошедшаго, когда именно Чита или Читинскій острогъ по особеннымъ, хотя совершенно равнымъ обстоятельствамъ, обратила на себя мое вниманіе.

Я былъ очень любознателенъ и никогда не игралъ. Поэтому мнѣ никогда не дарили игрушекъ, а всегда какія нибудь вещи относящіяся къ ученью, книги, картины, инструменты и пр. Въ день рожденья моего, когда мнѣ исполнилось 7 лѣтъ, отецъ подарилъ мнѣ стѣнную карту Россіи [2], гдѣ Европейская Россія и Сибирь были изображены въ одномъ масштабѣ. Карта эта огромнаго размѣра, наклеенная на холстѣ, была повѣшена мною на стѣнѣ, и естественно, что Сибирь занимала всю карту, а Европей-

---

[1]) Въ Сибири о почтовой ѣздѣ вездѣ говорятъ: пробѣжалъ, пробѣжала, а женъ всегда называютъ или по фамиліямъ или по званіямъ съ окончаніемъ «иха»: Трубечиха, исправничиха и пр.

[2]) Карта эта и донынѣ находится у меня въ Читѣ.

ская Россія небольшое только мѣсто слѣва. Всякій разъ, что я становился противъ средины карты, я замѣчалъ, что средній на картѣ меридіанъ проходитъ въ Забайкальскомъ краѣ чрезъ какое то мѣсто, называемое Читинскій острогъ. Я, поэтому, и полюбопытствовалъ узнать, что это за мѣсто, и отыскалъ въ географическомъ словарѣ тогдашняго времени (Щекотова), что это «плотбищѣ» на рѣкѣ Ингодѣ. И вотъ съ того еще времени запала у меня мысль, что стало быть Чита чрезъ Ингоду, Шилку и Амуръ можетъ имѣть сообщеніе съ Восточнымъ Океаномъ. Впослѣдствіи я распрашивалъ о Забайкальскомъ краѣ бывшихъ иркутскихъ губернаторовъ Трескина и Корнилова. Они сообщили мнѣ много любопытнаго; но о Читѣ ничего особеннаго сказать не могли.

При возвращеніи моемъ изъ Калифорніи, когда нерѣшительность Охотскаго начальника и наводненіе, бывшее въ то время въ краѣ, воспрепятствовали мнѣ проникнуть въ Забайкалье чрезъ Амуръ, или по крайней мѣрѣ чрезъ Удской острогъ, нанятые было уже мною проводники мои тунгусы предложили мнѣ провести меня въ Забайкалье по рѣкѣ Витиму и вывести на Читу. Но плаваніе мое съ губернаторомъ по рѣкѣ Ленѣ было очень медленно, и я достигъ устья Витима слишкомъ уже поздно (въ началѣ сентября), такъ что рисковалъ бы зазимовать гдѣ-нибудь, если бы рѣшился на такое путешествіе по Витиму.

Можно себѣ представить, какъ странно должно было мнѣ казаться стеченіе обстоятельствъ, приводившее меня невольно въ ту самую Читу, куда не удалось мнѣ проникнуть тогда, когда я хотѣлъ это сдѣлать добровольно. Комендантъ былъ въ отсутствіи, и меня принялъ горный начальникъ округа, бергмейстеръ, Семенъ Ивановичъ Смольяниновъ. Могли ли мы оба тогда подумать, что я буду женатъ на его дочери...

Меня отвели въ казематъ, наскоро устроенный изъ частнаго дома, который обнесли только частоколомъ. Я нашелъ въ немъ четырехъ своихъ товарищей, увезенныхъ ранѣе нашей партіи. Это были: знакомый мнѣ морякъ, бывшій штабъ-офицеръ флота и адъютантъ морского министра Торсонъ; бывшій поручикъ Кавалергардскаго полка Анненковъ и два брата Муравьевы,—старшій, служившій капитаномъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, а младшій корнетомъ въ кавалергардахъ. Чрезъ четыре дня прибыли и тѣ мои товарищи, которые ѣхали со мною и которыхъ я оставилъ въ Томскѣ.

По мѣрѣ того, какъ начали подвозить другія партіи, помѣщеніе въ домикѣ, обращенномъ въ тюрьму, становилось очень тѣснымъ. Отвели другой домикъ для больныхъ куда однако же начали ходить по очереди и здоровые для облегченія ужасной тѣсноты. Насъ напр. жило 16 человѣкъ въ одной небольшой комнатѣ, такъ, что когда между нарами, на которыхъ мы спали одинъ вплоть возлѣ другого, поставили столъ, то между столомъ и нарами нельзя уже было свободно проходить, а надо было ходить по постелямъ. Вслѣдствіе-ли увѣдомленія коменданта, что некуда помѣщать, или отъ случайной причины, но послѣ того, какъ насъ набралось 25 человѣкъ, дальнѣйшій подвозъ нашихъ товарищей прекратился, а между тѣмъ стали строить нарочно для помѣщенія

насъ домъ или казарму по-обширнѣе, такъ какъ ясно было, что затѣянная постройка государственной тюрьмы состоится нескоро. Вотъ что случилось: наши родные въ Петербургѣ какъ-то узнали, что Акатуй, гдѣ начата была постройка этой тюрьмы, мѣсто очень нездоровое, и начали кричать, что нарочно выбрали такое мѣсто, чтобы всѣхъ насъ переморить. Особенно шумѣла жена министра финансовъ Канкрина, которой родной братъ Артамонъ Муравьевъ былъ въ числѣ первыхъ восьми, посланныхъ въ Сибирь. Правительство вынуждено было отступиться отъ своего намѣренія, и Государь послалъ Бенкендорфа къ Канкриной съ увѣреніемъ, что Акатуевская тюрьма строится вовсе не для насъ. Въ то же время велѣно было коменданту выбрать другое мѣсто и выборъ палъ на Петропавловскій желѣзный заводъ. Впослѣдствіи увидимъ, что выборъ этотъ и по климату и по свойству мѣстности былъ дуренъ, а для цѣли правительства былъ безполезенъ, потому что не было никакой надобности строить государственную тюрьму собственно въ какомъ нибудь заводѣ, такъ какъ правительство никогда не могло рѣшиться соединить насъ съ простыми ссыльными, опасаясь вліянія на нихъ. Какъ бы то ни было, но только все это слишкомъ затянуло постройку зданія, спеціально предназначеннаго для государственной тюрьмы, и сдѣлало необходимымъ постройку временнаго помѣщенія въ Читѣ, такъ какъ ясно было, что намъ придется прожить въ ней долго, что дѣйствительно и случилось. Мы оставались въ ней три года и восемь мѣсяцевъ, отъ начала привоза первой партіи до выхода изъ Читы послѣдней, и не смотря на то казематъ въ Петровскомъ заводѣ всетаки не былъ вполнѣ еще оконченъ, когда насъ перевели въ него.

Въ началѣ октября мы перешли въ новый домъ, и вскорѣ привезли тѣхъ восьмерыхъ нашихъ товарищей, которые были, какъ упомянуто выше, посланы въ Нерчинскіе рудники вслѣдствіе доноса Лавинскаго. Въ то же время стали привозить опять нашихъ товарищей изъ Россіи, такъ что и въ новомъ домѣ стало тѣсно. Опять заняли и прежній домъ, а затѣмъ и еще одинъ частный домъ и наконецъ построили новый лазаретъ. Но такъ какъ и при этомъ тѣснота все еще была велика, то и разрѣшили внутри ограды, окружающей каждую тюрьму, строить на свои деньги домики, которыхъ и построили семь. Пріѣзжающія супруги нѣкоторыхъ нашихъ товарищей вынуждены были также, за недостаткомъ помѣщенія въ Читѣ, строить свои собственные дома. По той же причинѣ строили ихъ какъ комендантъ, такъ и другія лица, состоявшія при насъ, а наконецъ и купцы, поселившіеся въ Читѣ по по поводу нашего пребыванія тамъ.

Такимъ образомъ, когда все дошло до полнаго развитія, собственно наше тюремное помѣщеніе заключалось съ слѣдующемъ: 1) Большой казематъ, или новопостроенный домъ; 2) Малый казематъ, или тотъ домъ, который мы занимали первоначально съ пріѣзда; 3) Дьячковскій казематъ или домъ мѣщанина Дьячкова и 4) лазаретъ. Эти названія употреблялись не только въ разговорѣ, но и въ оффиціально перепискѣ.

Большой казематъ, гдѣ помѣщалось самое большое число изъ насъ, былъ не что

иное, какъ грубо и плохо срубленная казарма съ узкими горизонтальными окнами, заколоченными рѣшетками. Онъ раздѣлялся на пять горницъ и сѣни, гдѣ стояли часовые. Одна горница служила столовою, въ четырехъ мы жили. По какому-то странному случаю самую большую горницу, гдѣ жилъ я, заняли люди и по характеру и по положенію самые независимые. Она поэтому и получила названіе Великаго-Новгорода; другую небольшую горницу на той же половинѣ заняли люди, къ намъ подходившіе по характеру и всегда стоявшіе съ нами за одно; поэтому эту горницу назвали Псковомъ. На другой половинѣ ту горницу, которая была меньше, заняли люди богатые и съ барскими замашками; эта горница получила названіе Москвы и барской; наконецъ послѣднюю горницу прозвали Вологда или мужичье, а иногда звали и холопскою, потому что многіе изъ живущихъ въ ней, почти все изъ армейскихъ офицеровъ и разночинцевъ, было на послугахъ у Москвы и служили Москвѣ орудіемъ противъ нашихъ комнатъ. Нельзя объяснить, какъ возникли эти названія, но они до того укоренились и вошли въ обычай, что другихъ въ разговорахъ уже не употребляли.

Вначалѣ положеніе наше было очень тяжело и въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніи, особенно пока мы находились въ первомъ домѣ, обращенномъ въ тюрьму. Домъ былъ холодный, печи страшно дымили, часовые стояли въ той самой горницѣ, гдѣ и насъ держали; окна были заколочены не только рѣшетками, но и досками, кромѣ верхнихъ двухъ стеклышекъ, да и тѣ были замазаны известью. Вечеромъ огня не давали кромѣ только какъ во время ужина. Хотя обѣдъ и ужинъ мы готовили на свои деньги, и завѣдывавшій нашимъ хозяйствомъ горный начальникъ прилагалъ все свое стараніе, чтобы все было хорошо, и даже многое присоединялъ даромъ изъ своихъ запасовъ, чего нельзя было тогда достать въ Читѣ, но все это, проходя чрезъ руки офицеровъ и солдатъ, бывшихъ при насъ, страшно искажалось и пачкалось. Хлѣбъ и пироги ломали подъ предлогомъ осмотра, нѣтъ-ли въ нихъ записокъ, и при этомъ караульные всегда удѣляли добрую часть себѣ, и мы не разъ видѣли, какъ даже офицеръ (караульный) запускалъ руку въ блюдо и тащилъ котлетку или кусокъ жаркого, такъ какъ намъ ножей и вилокъ не давали, а приносили все разрѣзанное. Подозрительность и боязнь простирались до того, что не позволяли самимъ бриться, вслѣдствіе чего большая часть и отпустили бороды. Не давали иголокъ изъ опасенія, что мы сдѣлаемъ изъ нихъ магнитную стрѣлку и компасъ для предполагаемаго бѣгства; отламывали у щипцовъ кончики, чтобы мы не могли сдѣлать изъ щипцовъ орудія нападенія на караульныхъ и пр. Насъ безпрестанно обыскивали и осматривали наши вещи.

Глупость и грубость офицеровъ, бывшихъ при насъ (въ противо-положность солдатамъ, которые были чрезвычайно учтивы и услужливы) приводила нерѣдко къ сценамъ, которыя иногда были очень смѣшны, но иногда могли вести къ очень прискорбнымъ послѣдствіямъ. Сначала жены моихъ товарищей допускались на свиданіе съ мужьями только на одинъ часъ времени и то при караульномъ офицерѣ. Вотъ одинъ изъ этихъ

офицеровъ и подалъ коменданту рапортъ, что «государственный преступникъ и его «жонка» разговариваютъ на непристойномъ языкѣ, котораго онъ не понимаетъ и потому за послѣдствія не отвѣчаетъ.»—Другой караульный офицеръ, будучи пьянъ, сказалъ грубость женѣ Муравьева, за что Нарышкинъ, свидѣтель сцены, хотя самый кроткій человѣкъ, сбросилъ офицера съ крыльца. Нарышкина намѣрены были судить, но къ счастію горный начальникъ Смольяниновъ засвидѣтельствовалъ предъ комендантомъ, который его особенно уважалъ за его примѣрную честность и добросовѣстность, что офицеръ былъ дѣйствительно пьянъ, и дѣло кончилось переводомъ офицера въ другую команду.

Два обстоятельства перемѣнили однако же совершенно наше положеніе: это разрѣшеніе получать деньги отъ родныхъ и болѣзнь коменданта, котораго могли вылечить только доктора изъ нашихъ товарищей.

Содержаніе намъ давалось то же, что и обыкновеннымъ ссыльнымъ, т. е. два пуда муки и 1 р. 98 к. ассиг, въ мѣсяцъ; но такъ какъ мы находились въ заточеніи, то и не могли подобно простымъ ссыльнымъ, живущимъ обыкновенно на волѣ, дополнять недостаточность содержанія заработками своего труда. И хотя правительство не пожалѣло и огромныхъ расходовъ на постройку каземата и учрежденія при насъ особеннаго управленія, что-бы только стѣснить насъ, но поскупилось прибавить на содержаніе, и потому разрѣшило роднымъ присылать намъ деньги, сначала по 500 руб. ассиг. на одинокаго и по 2000 р. ассиг. дамамъ (съ тѣмъ однако, чтобы не выдавать имъ заразъ больше 200 р.); но когда поставлено было на видъ, что другіе ничего не будутъ получать, или вовсе не имѣя родныхъ, или у кого родные бѣдны, то разрѣшено получать и болѣе, чтобы помогать товарищамъ; и вотъ подъ этимъ предлогомъ и начали иные получать даже десятками тысячъ. Когда потомъ свели общіе счеты за все время, то оказалось, что, кромѣ цѣнности посылокъ, одинъ казематъ получалъ въ годъ около 400 тысячъ ассигнаціями. Что же касается до посылокъ, то каждую недѣлю приходилъ изъ Иркутска цѣлый обозъ въ сопровожденіи казака. Посылали платье, книги, провизію и даже такія вещи, какъ московскіе калачи, сайки и пр. Такъ какъ комендантъ и его штабъ тоже получали огромное содержаніе (одинъ комендантъ 30 т. рублей въ годъ), то при такомъ обиліи денегъ явилось въ Читѣ двѣнадцать хорошихъ лавокъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно было достать все, что только продавалось въ Россіи.

Естественно, что при такихъ огромныхъ средствахъ, которыми мы располагали, все, что насъ окружало и пользовалось всѣмъ отъ насъ, поставило себя въ совершенную отъ насъ зависимость, которая вскорѣ увеличилась еще тѣмъ, что необходимость заставила всѣхъ обращаться къ намъ же, какъ для медицинскаго пособія, такъ и для обученія дѣтей. Между нашими товарищами были люди, хорошо знавшіе медицину, и мы имѣли свою собственную отличную аптеку, медицинскую библіотеку и всѣ отличные инструменты, необходимые какъ хирургу, такъ и акушеру.

Сначала комендантъ ставилъ препятствіе нашимъ медикамъ лечить даже дамъ, женъ нашихъ товарищей, такъ какъ это требовало выхода изъ каземата и снятія желѣзъ. Но когда онъ самъ сильно заболѣлъ, и ему самому понадобились хорошіе доктора и лѣкарства, то волею или неволею, допустивъ изъятіе въ свою пользу, онъ долженъ былъ допустить его и для другихъ, тѣмъ болѣе, что по старости своей и частымъ болѣзненнымъ припадкамъ, видѣлъ, что ему постоянно уже придется прибѣгать къ помощи нашихъ докторовъ. А какъ скоро узнали, что нашимъ докторамъ позволяется лѣчить и постороннихъ, то не только мѣстные жители стали обращаться за пособіемъ, но какъ въ Читу, такъ впослѣдствіи и въ Петровскій заводъ, начали пріѣзжать издалека,— изъ Нерчинскаго края, изъ Кяхты и даже Иркутска. Съ другой стороны это имѣло для насъ то благопріятное вліяніе, что во время болѣзни своей комендантъ, сблизившись съ нашими докторами, успокоился и вообще на нашъ счетъ, и, не опасаясь уже политическихъ покушеній, началъ дѣлать о насъ правительству донесеніе уже въ благопріятномъ смыслѣ, такъ что наконецъ отважился даже написать въ частномъ письмѣ шефу жандармовъ: «Не я ихъ стерегу, а они меня берегутъ», слѣдствіемъ чего было, что чрезъ четыре года сняли съ насъ желѣза.

Еще болѣе, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтилось препятствій для обученія дѣтей, не только по нашему положенію вообще, которое воспрещало занятіе этого рода, но въ особенности по нахожденію нашему въ казематѣ, куда впускать и откуда выпускать никого не дозволялось. Но и тутъ необходимость и пріобрѣтенное уже нами нравственное вліяніе все побѣдили, и мы увидимъ, что въ Петровскомъ заводѣ были устроены уже формальныя учебныя и ремесленныя школы. Конечно, переходъ отъ запрещенія держать иголку и имѣть карандашъ до устройства мастерскихъ со всевозможными инструментами и занятій, требующихъ полной свободы писать, совершился не вдругъ, однако необходимая потребность во всемъ этомъ тѣмъ скорѣе устранила всѣ препятствія, что неосновательность первыхъ запрещеній была слишкомъ очевидна.

Труднѣе всего для правительства было устроить нашу работу. Прямо отказаться отъ нея по неприложимости къ намъ работы на заводахъ и въ рудникахъ оно не хотѣло, и потому придумывали разные пустяки, въ которыхъ собственно никакой работы не было, а только мучили насъ понапрасну. Сначала вздумали въ Читѣ засыпать какой-то песчаный оврагъ, который прозвали «Чортова могила», потому что отъ всякаго дождя его размывало. Разумѣется, о работѣ никто и не думалъ, но чрезвычайно непріятно было ходить два раза въ день на работу и находиться на открытомъ воздухѣ, а особенно въ вѣтреный день, когда несло песокъ, или въ дождливый, хотя мы и устроили послѣ навѣсъ около деревьевъ. Къ зимѣ же вздумали дать намъ другую работу. Поставили въ какой-то избѣ ручные жернова, находящіеся во всеобщемъ употребленіи въ Сибири и назначили намъ молоть по 10 ф. зерноваго хлѣба въ день. Разумѣется, и тутъ никто не работалъ, кромѣ тѣхъ, кто самъ хотѣлъ упражняться въ

этомъ для моціона. Работать же нанимались за насъ сторожа на мельницѣ по 10 к. съ человѣка, т. е. за 10 фунтовъ.

Покойный товарищъ мой, Иванъ Ивановичъ Пущинъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ, назвалъ пребываніе наше въ Читѣ нашею юношескою поэмою. Дѣйствительно, и духъ свободы и общественный духъ были чрезвычайно сильны. Съ одной стороны всѣ неизбѣжныя въ человѣческихъ обществахъ стремленія къ эгоистическимъ цѣлямъ, къ привилегіямъ, притаились предъ сильнымъ проявленіемъ общественнаго духа, чувства свободы и равенства (хотя и въ тѣсномъ кругу казематской жизни), и, если и пытались дѣйствовать, то развѣ тайною интригою; а съ другой стороны ничто такъ не выказывало ненормальности положенія Россіи, безсилія правительства, какъ наше положеніе въ такъ называемой работѣ. Вотъ правительство не только нарушило всѣ собственные законы и сдѣлало огромныя пожертвованія, чтобы ухудшить наше положеніе свыше того, что налагалось его закономъ. И что-же? Стоитъ только описать отправленіе наше на работу, чтобы видѣть, до какой степени смѣшного все это дошло, вмѣсто той цѣли, какую предположило себѣ правительство. Передъ тѣмъ, какъ идти на работу, начиналась суета между сторожами въ казематахъ и прислугою въ домахъ нашихъ дамъ. Несутъ на мѣсто работы книги, газеты, шахматы, завтракъ, или самовары, чай и кофе, складные стулья, ковры и пр. Казенные рабочіе въ то же время везутъ носилки, тачки и лопаты, если работа на воздухѣ у «Чортовой могилы». Наконецъ приходитъ офицеръ и говоритъ: «Господа, пора на работу. Кто сегодня идетъ?» (потому что по очереди многіе сказываются больными и объявляютъ, что не могутъ идти). Если уже слишкомъ мало собираются, то офицеръ говоритъ: «Да прибавьтесь же, господа, еще кто-нибудь. А то комендантъ замѣтитъ, что очень мало». На это иной разъ кто-нибудь и отзовется: «Ну, пожалуй, и я пойду». (Больше шли, кому надо повидаться съ кѣмъ нибудь изъ товарищей изъ другихъ казематовъ). Вотъ выходятъ, и кто беретъ лопату для забавы, а кто нѣтъ. Неразобранныя лопаты несутъ сторожа или везутъ на казематскомъ (своемъ собственномъ) быкѣ. Офицеръ идетъ впереди, съ боковъ и сзади идутъ солдаты съ ружьями. Кто нибудь изъ насъ запѣваетъ пѣсню, подъ тактъ которой слышится мѣрное бряцанье цѣпей. Очень часто пѣли итальянскую арію: *„Un pescator del onda, Fidelin...“* Но чаще всего раздавалась революціонная пѣсня: «Отечество наше страдаетъ подъ игомъ твоимъ» и пр. И вотъ и офицеръ, и солдаты спокойно слушаютъ ее и шагаютъ подъ тактъ ей, какъ будто такъ и слѣдуетъ быть. Мѣсто работы превращается въ клубъ; кто читаетъ газеты, кто играетъ въ шахматы; тамъ и сямъ кто-нибудь для забавы насыпаетъ тачку и съ хохотомъ опрокинетъ землю и съ тачкою въ оврагъ, туда же летятъ и носилки вмѣстѣ съ землею; и вотъ присутствующіе при работѣ зрители, чующіе поживу, большею частію мальчишки, а иногда и кто-нибудь изъ караульныхъ, отправляются доставлять изо рва за пятакъ тачку или носилки. Солдаты поставятъ ружья въ козлы кромѣ двухъ трехъ человѣкъ и залягутъ

спать; офицеръ или надзиратель за работой угощаются остатками нашего завтрака или чая, и только завидя издали гдѣ-нибудь начальника, для церемоніи вскакиваетъ со стереотипнымъ возгласомъ: «Да что-жъ это господа, вы не работаете»? Часовые вскакиваютъ и хватаются за ружья; но начальникъ прошелъ (онъ и самъ старается ничего не видѣть), и все возвращается въ обычное нормальное-ненормальное положеніе.

Въ Петровскомъ заводѣ работы на открытомъ воздухѣ не было. Въ заводскія работы посылать не отважились. Поэтому, и тамъ построили мельницу съ ручными жерновами. Но климатъ въ Петровскомъ заводѣ былъ несравненно хуже, чѣмъ въ Читѣ. Начались болѣзни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жалобы нашихъ дамъ въ Петербургъ. Послѣдовали разныя ограниченія работы; не велѣно было посылать въ сильные морозы, потомъ въ сильные дожди, затѣмъ въ сильные вѣтры; а такъ какъ число жернововъ было ограничено, и мелющіе изъ насъ объявили, что не могутъ скоро молоть, чтобъ очистить мѣсто другому, то и стали насъ раздѣлять на очереди, кому поутру, кому послѣ обѣда, кому и на другой день. Наконецъ, присланный по смерти перваго коменданта новый, видя, что это только пустая мука не только для насъ, но и для конвойныхъ солдатъ, которыхъ и безъ того не доставало для караула, если не могъ прямо отмѣнить работы, то, какъ говорится, *il a fait tomber en désuétude.* Такимъ то образомъ изъ всѣхъ усилій сдѣлать намъ всевозможное зло, выказалось только безсильное желаніе добиться этого, хотя бы и самыми незаконными способами.

Упорнѣе всего была борьба за право письменныхъ занятій. Эту борьбу исключительно велъ я. Намъ не давали сначала ни бумаги, ни карандаша, ни даже грифельной доски. Я вынужденъ былъ писать какимъ-то кусочкомъ свинца на бумажкахъ отъ содовыхъ порошковъ и прятать ихъ за корешекъ переплета книгъ. На меня безпрестанно доносили и меня безпрестанно обыскивали; и разъ комендантъ, найдя у меня статистическія свѣдѣнія о краѣ, «какихъ и самъ онъ не имѣлъ», пришелъ въ ужасъ. Но я съ перваго же раза спокойно ему доказалъ, что занятія этого рода до такой степени вошли въ сущность нашей натуры, что препятствовалъ этому и несправедливо и безполезно, и что онъ въ этомъ непремѣнно долженъ будетъ уступить. Такъ и вышло, и онъ же самъ послѣ, когда уже самъ доставлялъ мнѣ и свѣдѣнія статистическія и карты, и когда каждый изъ насъ занимался уже и сочиненіями, говорилъ мнѣ въ видѣ комплимента, что онъ «всегда удивляется той прозорливости, которою я одаренъ и которая дозволяетъ мнѣ во всякомъ дѣлѣ и положеніи сейчасъ замѣтить существенное и справедливое и отдѣлить необходимое отъ случайнаго».

Первый доводъ къ формальному дозволенію писать дало вытребованное нами право завѣдывать самимъ намъ своимъ хозяйствомъ и другими своими дѣлами. Еще въ Читѣ дозволено поэтому было выбрать одного изъ среды насъ, который бы имѣлъ право, выходить изъ каземата и для надзора надъ кухнею и огородомъ, и въ лавки для закупокъ. Его назвали хозяиномъ. Я представилъ необходимость правильной отчетности, и

вслѣдствіе этого разрѣшено было хозяину имѣть бумагу и перья. Когда же, подъ предлогомъ нездоровья дамъ, начали отпускать ихъ мужей сначала просто на свиданіе, а тамъ и на нѣсколько дней на квартиру ихъ, то я представилъ коменданту, что несправедливо лишать людей въ казематѣ того, что дѣлалось уже вполнѣ доступно для живущихъ внѣ каземата, которые и безъ того уже пользуются многими преимуществами. Тогда мало-по-малу отбросили всѣ пустыя церемоніи, и мы начали не только получать отъ дамъ бумагу и перья, но и покупать прямо для себя въ лавкахъ.

Когда занятія хозяина умножились, то комендантъ долженъ былъ допустить учрежденіе должности закупщика для покупокъ по частнымъ надобностямъ, и также и ему предоставить выходъ изъ каземата по лавкамъ сначала два раза въ недѣлю, а тамъ и ежедневно. При увеличеніи же количества высылаемыхъ денегъ, учреждена должность казначея, который также получилъ право выходить изъ каземата по дѣламъ.

Выходъ не должностныхъ лицъ развивался слѣдующимъ образомъ: тѣ изъ нашихъ товарищей, которые занимались медициной, получили право выхода во всякое время. Потомъ стали отпускать мужей къ женамъ подъ предлогомъ болѣзни ихъ; а затѣмъ въ случаѣ сильной или продолжительной болѣзни, отпускали и близкихъ родныхъ и знакомыхъ, чтобы помогать по домашнимъ хлопотамъ. Все это кончилось тѣмъ, что въ послѣднее время, при второмъ комендантѣ, стали отпускать всѣхъ безпрепятственно, такъ что трудно было даже понять, для чего и для кого стоятъ караульные въ казематѣ. Разъ вошелъ ко мнѣ второй комендантъ при насъ, Григорій Максимовичъ Ребиндеръ, и перекрестился: «Ну, слава Богу», сказалъ онъ, «хоть васъ засталъ дома; а то хоть шаромъ покати,—весь казематъ пустой».

Кромѣ выхода въ гости къ женатымъ товарищамъ, ходили и гулять. Дозволеніе ходить на прогулку развилось незамѣтно изъ необходимости ходить купаться лѣтомъ. Подъ предлогомъ отыскиванья болѣе удобнаго мѣста для купанья, ходили въ разныя мѣста все далѣе и далѣе. Скоро стали возить туда и самовары и всѣ принадлежности для чая и пр., и наконецъ и сами начальники пріѣзжали туда и присоединялись къ обществу. Въ Читѣ ходили мы по очереди въ наемную баню при частномъ домѣ, но въ Петровскомъ домѣ построили свою собственную, потому что при казематѣ казенной не было.

Труднѣе всего развивался выходъ въ церковь. Всѣ службы кромѣ обѣдни совершались въ казематѣ священникомъ, особенно назначеннымъ состоять при насъ. Но къ причастію необходимо было выходить въ церковь, и на это время надобно было снимать желѣза. Поэтому желавшіе говѣть расписывались на весь постъ, кромѣ страстной недѣли и притомъ на среды и пятницы, чтобы приходилось по возможности наименьшее число за одинъ разъ отпускаемыхъ въ церковь. Но когда желѣза были сняты, то стали допускать гораздо большее число. Въ послѣднее же время, при новомъ комендантѣ, выходъ въ церковь сталъ безпрепятственнымъ.

Надо сказать однако же, что всегда и всюду сопровождали каждаго изъ насъ конвойный въ шинели, фуражкѣ и тесакѣ. Разумѣется, когда мы были въ гостяхъ у кого-нибудь въ домѣ, то конвойный сидѣлъ въ передней или безъ церемоніи обращался въ прислугу; женатымъ же даны были постоянные конвойные, которые у нихъ также замѣняли прислугу.

Первый комендантъ, послѣ того, какъ установилось уже между нами и имъ взаимное довѣріе, и когда онъ былъ здоровъ, приглашалъ насъ къ себѣ на чай и кофе, присылая обыкновенно свой экипажъ. Онъ самъ также охотно приходилъ въ казематъ бесѣдовать. Что же касается до второго коменданта и бывшаго при немъ плацъ-майора Казимірскаго, то отношенія наши къ нимъ были отношеніями вполнѣ близкаго знакомства. Они у насъ и мы у нихъ бывали, какъ обыкновенные знакомые.

VI.

Переписываться съ родными прямо мы, разумѣется, не могли; посредницами въ перепискѣ служили наши дамы. Впрочемъ, это была только лишняя тягость для нихъ и пустая форма, потому что содержаніе письма переписывалось буквально, начинаясь только извѣстною формулою: «вашъ мужъ, сынъ, братъ и пр. проситъ меня передать вамъ слѣдующее»... и за тѣмъ шло содержаніе письма такъ, какъ бы кто самъ писалъ прямо отъ своего имени.

Письма писались на разныхъ языкахъ. Сначала комендантъ самъ читалъ ихъ, зная отчасти французскій, нѣмецкій и польскій языки. Впрочемъ, французскій языкъ зналъ онъ недостаточно и никогда на немъ не говорилъ. Отъ этого выходили презабавные случаи. Въ то время, когда онъ былъ еще очень подозрителенъ, онъ послалъ однажды спросить Александру Григорьевну Муравьеву, что значитъ выраженіе, найденное въ присланномъ ей альбомѣ: «Намъ кандалы кровопролитія», и что покамѣстъ ему не объяснятъ загадочнаго смысла этихъ словъ, онъ ей выдать альбомъ не можетъ. Муравьева отвѣчала, что такъ какъ она альбома и въ глаза не видала, то и не можетъ знать, что въ немъ есть и какой имѣетъ смыслъ. Послѣ разныхъ изворотовъ комендантъ рѣшился наконецъ показать альбомъ и то мѣсто, которое его такъ смущало. Оказалось, что это была выписка изъ стиховъ, кажется Делавиня, и въ ней стихъ: «*à nous le champ du carnage...*», что комендантъ принялъ за *chaînes* и перевелъ вышеупомянутымъ образомъ, не объяснивъ, что это переводъ. Другой случай, подавшій коменданту поводъ просить себѣ помощника для чтенія писемъ и разсмотрѣнія книгъ на иностранныхъ языкахъ, былъ слѣдующій. Когда надобно было перевезти въ Читу тѣхъ изъ нашихъ товарищей, которые, какъ разсказано было выше, изъ Иркутскихъ заводовъ отвезены были на Нерчинскіе рудники, то комендантъ дѣлалъ изъ этого какую-то важную тайну. Между тѣмъ находившаяся въ Благодатскомъ рудникѣ съ мужемъ своимъ, Марья Николаевна

Волконская воспользовалась пріѣздомъ въ рудники и попросила его доставить письмо (разумѣется открытое) Александрѣ Григорьевнѣ Муравьевой, въ которомъ, желая дать ей знать о скоромъ отправленіи ихъ въ Читу и видя, что комендантъ дѣлаетъ изъ того тайну, сдѣлала это такимъ образомъ: сказавъ, что она часто дѣлаетъ прогулки по берегу Аргуни, она говорила далѣе въ письмѣ, что тамошнія прекрасныя мѣста напоминаютъ ей всегда превосходныя описаніи природы Байрона, особенно тотъ отрывокъ, который начинается стихомъ: «*In the fortnight we leave this dreadful place...*», т. е. черезъ двѣ недѣли мы оставляемъ это ужасное мѣсто. Комендантъ, не зная по англійски, и въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ, что это стихъ Байрона и не обратилъ на это вниманія. Но скоро замѣтилъ онъ у насъ въ казематѣ въ Читѣ приготовленія къ пріему товарищей и изъ подслушанныхъ разговоровъ узналъ, что намъ извѣстно объ ихъ прибытіи. Его ужасно мучило, откуда могли мы это узнать. Онъ перебралъ и всѣхъ служащихъ своихъ и свою канцелярію и этому не было бы конца; тогда мы, видя, что кто нибудь невиноватый можетъ пострадать по пустому подозрѣнію, рѣшились просто разсказать коменданту, какъ было дѣло. «Очень вамъ благодаренъ, господа», сказалъ онъ, «вы сняли у меня съ души большую тягость. Но вотъ видите, что значитъ на моемъ мѣстѣ не знать языковъ и не имѣть переводчика». И сейчасъ-же написалъ рапортъ, прося назначенія лица, знающаго по англійски и по итальянски; и ему назначили чиновника (изъ военныхъ) съ пятью тысячами жалованья.

Не мало странныхъ и забавныхъ вещей происходило и по присылкѣ книгъ. Книги присылались, а впослѣдствіи и выписывались на разныхъ языкахъ. Особенно затрудняли коменданта присылаемыя мнѣ и выписываемыя мною книги, тякъ какъ по занятіямъ моимъ филологіею мнѣ необходимы были сочиненія не только на европейскихъ новѣйшихъ и древнихъ языкахъ, но и на восточныхъ—еврейскомъ, арабскомъ и пр. Сначала комендантъ во всѣхъ книгахъ подписывалъ «читалъ»; но послѣ одного моего вопроса: неужели онъ прочитываетъ даже всѣ мои греческіе, еврейскіе и другіе лексиконы? ему самому стало смѣшно, и съ тѣхъ поръ онъ сталъ подписывать: «свидѣтельствовалъ», или «видалъ» (онъ былъ полякъ и плохо зналъ русскій языкъ).

Цензура коменданта не имѣла никакого твердаго основанія, а зависѣла отъ случайныхъ его соображеній. Такъ напр. онъ долго не пропускалъ сочиненій Ж. Ж. Руссо и дѣлалъ это, какъ говорилъ, «не по политическимъ, а по полицейскимъ соображеніямъ». Что онъ подъ этимъ разумѣлъ, онъ никогда разъяснить не хотѣлъ. Между тѣмъ мы получали въ то же время всѣ запрещенныя книги и даже газеты, и нерѣдко случалось, что онѣ проходили даже чрезъ канцелярію Государя. Для этого употребляли слѣдующій пріемъ: выдирали изъ книги заглавный листъ и на мѣсто его вклеивали заглавіе изъ другой какой-нибудь обыкновенной книги, преимущественно ученой: «*Traité d'archéologie, de botanique*», *etc.* Что же касается до газетъ, то въ запрещенныя книги завертывали вещи въ посылкахъ.

Въ послѣдиее время казематъ выписывалъ на имя дамъ однихъ журналовъ и газетъ на разныхъ языкахъ на нѣсколько тысячъ рублей.

Въ совокупности число всѣхъ книгъ, находившихся въ казематѣ и въ домахъ у дамъ, перешло въ послѣднее время за полмилліона томовъ, такъ какъ многимъ стали наконецъ высылать цѣлыя ихъ прежнія библіотеки, состоявшія у нѣкоторыхъ изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ томовъ. Образовались даже отличныя спеціальныя библіотеки. Такъ напримѣръ одна медицинская библіотека состояла болѣе, нежели изъ 4-хъ тысячъ книгъ и самыхъ дорогихъ атласовъ. У Лунина была огромная библіотека религіозныхъ книгъ, между которыми дорогое изданіе всѣхъ греческихъ и латинскихъ отцовъ церкви въ подлинникахъ и пр. У меня также библіотека, языкахъ на пятнадцати, состояла болѣе, нежели изъ тысячи томовъ.

Въ казематѣ было въ полномъ приложеніи взаимное обученіе. Такъ напр. Лунинъ, Оболенскій и др. учились у меня по гречески; Барятинскій, Басаргинъ, Борисовъ 2-ой и др. высшей математикѣ; Бѣляевы, Одоевскій и др. по англійски; Бестужевъ—по испански; Корниловичъ по итальянски и пр. Я самъ занимался по латыни съ Бриггеномъ и Никитою Муравьевымъ, по нѣмецки съ Александромъ Крюковымъ, Вольфомъ и Фаленбергомъ, по итальянски съ Поджіо, по ново-гречески съ Мозганомъ, по польски съ Люблинскимъ и Сосиновичемъ, по голландски съ Торсономъ и пр. Нѣкоторые даже изъ армейскихъ офицеровъ, получившихъ недостаточное образованіе, пріобрѣли очень достаточныя познанія въ казематѣ и даже изучили иностранные языки до значительной степени совершенства, какъ напр. Бечасновъ во французскомъ языкѣ.

Уже во время нашего воспитанія были очень въ ходу идеи о необходимости каждому образованному человѣку знать какое-нибудь ремесло или мастерство. Впослѣдствіи идеи эти усилились еще и по политическимъ причинамъ. Образованные люди, стремившіеся къ преобразованію государства, сознавая, что трудъ есть исключительное основаніе благосостоянія массы, обязаны были личнымъ примѣромъ доказать свое уваженіе къ труду и изучать ремесла не для того только, чтобы имѣть себѣ, какъ говорится, обезпеченіе на случай превратности судьбы, но еще болѣе для того, чтобы возвысить въ глазахъ народа значеніе труда и, облагородивъ его, доказать, что онъ не только легко совмѣщается съ высшимъ образованіемъ, но что еще одно въ другомъ можетъ находить поддержку и почерпать силу. Всѣ эти идеи дошли въ казематѣ до окончательнаго развитія и получили полное приложеніе. Кто не зналъ до тѣхъ поръ никакого мастерства, тотъ учился или у другихъ или самостоятельно по лучшимъ сочиненіямъ. Выписаны были всѣ лучшія руководства на всѣхъ главныхъ европейскихъ языкахъ чертежи и отличные инструменты. Я и Борисовъ старшій были переплетчиками и занимались картонажемъ; Оболенскій былъ закройщикомъ; портныхъ и сапожниковъ было очень много; Артамонъ Муравьевъ и Арбузовъ были токарями; послѣдній былъ сверхъ того и слесаремъ и превосходно закаливалъ сталь; Громницкій былъ столяромъ; Николай Бесту-

жевъ часовыхъ дѣлъ мастеромъ, Горбачевскій занимался стрижкою волосъ, Швейковскій и Александръ Крюковъ были отличные повара; другіе были плотниками, малярами, кондитерами и пр. и пр. Фаленбергъ самъ сдѣлалъ отличный планшетъ для топографической съемки и пр.

Въ казематѣ учредились разныя мастерскія, гдѣ обучались ремесламъ и мастерствамъ дѣти ссыльныхъ и заводскихъ служителей. Примѣръ, что всѣми этими занятіями «не пренебрегаютъ и князья» сильно дѣйствовалъ на людей, и всѣ самые лучшіе мастеровые и ремесленники въ заводѣ выходили впослѣдствіи изъ казематскихъ мастерскихъ. Сверхъ того и къ нимъ привилось также наше убѣжденіе, что можно быть и образованнымъ человѣкомъ и при этомъ всетаки не покидать своего ремесла [1]).

Между нашими товарищами было много хорошихъ музыкантовъ и знатоковъ пѣнія. У насъ очень часто бывали вокальные и инструментальные концерты. Однихъ фортепіано было восемь, какъ ни дорого стоила въ то время присылка громоздкихъ инструментовъ. Дѣтей также обучали и музыкѣ и пѣнію, и здѣсь должно замѣтить, что обученіе церковному пѣнію именно и подало предлогъ къ учрежденію школы, въ Петровскомъ заводѣ не было пѣвчихъ. По просьбѣ управляющаго заводомъ и священниковъ комендантъ дозволилъ обучить церковному пѣнію нѣсколько мальчиковъ. Сначала ученіе происходило на гауптвахтѣ, но потомъ оказалось неудобство и по тѣснотѣ помѣщенія, и по шуму отъ караульныхъ солдатъ, и по необходимости таскать туда инструменты. Дозволено было учить въ нашей общей залѣ. Но обучать пѣнію нельзя было, не поучивши предварительно грамотѣ. На этомъ основаніи и разрѣшено было учить читать и писать. Вслѣдъ затѣмъ духовныя лица затруднились приготовленіемъ дѣтей своихъ въ семинарію и обратились съ просьбою къ коменданту дозволить дѣтямъ учиться въ казематѣ; поэтому мнѣ и разрѣшили учить ихъ по латыни и по гречески; остальное пришло постепенно само собою.

Когда впослѣдствіи стали обучать въ казематской школѣ и новѣйшимъ языкамъ и высшимъ предметамъ, то развитіе обученія дошло до такой степени, что казематскіе ученики, посылаемые въ Петербургъ въ разныя училища, стали занимать новыя мѣста. Такъ напр. первый посланный въ Горный корпусъ, сынъ доктора Петровскаго завода, занялъ сразу первое мѣсто, которое удержалъ за собою и при окончательномъ выпускѣ въ инженеры. Его развитость и отвѣты тѣмъ болѣе возбудили удивленіе, что въ Петербургѣ существовало до того времени даже предубѣжденіе противъ способностей учениковъ Забайкальскаго края, предубѣжденіе, конечно, несправедливое, потому что малые ихъ успѣхи происходили не отъ недостатка способностей, а отъ недостаточной подго-

[1]) Еще недавно получилъ я уже здѣсь въ Москвѣ письмо отъ одного изъ нашихъ учениковъ, кузнеца, который уже имѣетъ восемь человѣкъ дѣтей, образовываетъ ихъ и, сохранивши на столько данное ему образованіе, что выписываетъ самъ не только книги, но и журналы, продолжаетъ однако же заниматься своимъ тяжелымъ ремесломъ.

товки. Потому очень естественно, что экзаменаторы полюбопытствовали узнать, гдѣ вышеупомянутый ученикъ могъ быть такъ хорошо подготовленъ. Но генералъ Чевкинъ, который былъ тогда начальникомъ Штаба горныхъ инженеровъ, зная секретъ, такъ какъ онъ самъ посѣщалъ Петровскій заводъ, предупредилъ отвѣтъ ученика и сказалъ экзаменаторамъ: «Наше дѣло, господа, знать, что онъ знаетъ, а не допытываться, гдѣ онъ учился».

Пребываніе наше въ Читѣ и въ Петровскомъ заводѣ ознакомило мѣстныхъ жителей также и съ огородничествомъ, а отчасти и съ садоводствомъ и цвѣтоводствомъ. До нашего прибытія число овощей, употреблявшихся въ краѣ, было очень ограничено, хотя и не было недостатка въ примѣрѣ. Жена мѣстнаго горнаго начальника въ Читѣ была дочь военнаго штабъ-офицера Власова, бывшаго адъютанта генералъ-губернатора Якобія и единственнаго человѣка, которому Екатерина II дозволила открыть виды правительства на Амуръ. Власовъ былъ другъ и корреспондентъ знаменитаго Палласа, который и самъ былъ обязанъ Власову за правильность свѣдѣній о Сибири вообще. У Власова былъ отличный ботаническій садъ мѣстныхъ растеній края. Поэтому въ его семействѣ были очень распространены ботаническія свѣдѣнія. Но, разумѣется, недостатокъ средствъ не позволялъ женѣ Читинскаго начальника давать слишкомъ обширное развитіе своему огородничеству и садоводству, а непривычка употреблять иныя овощи и недостатокъ сбыта лишали мѣстныхъ жителей всякаго побужденія разводить ихъ. Поэтому, при невозможности пріобрѣтать многія овощи и растенія покупкою, для каземата необходимо было сначала завести свой собственный огородъ. Къ тому же уходъ за нимъ составляетъ для многихъ пріятное занятіе. Въ Читѣ казематскій огородъ давалъ удивительные результаты и пробудилъ и въ жителяхъ охоту заниматься огородничествомъ, какъ для себя, такъ и потому, что нашли вѣрный и выгодный сбытъ, какъ въ казематъ, такъ и въ дома женатыхъ и бывшему при насъ штабу. Сверхъ огорода, устроеннаго въ отдѣльномъ отъ каземата мѣстѣ, еще при каждомъ казематѣ въ Читѣ въ пригороженномъ къ каждому мѣстѣ, а въ Петровскомъ заводѣ во дворахъ самаго каземата были устроены парники, гряды, насажены деревья и кусты, разведены цвѣтники. Особенно хорошо все это принялось въ Читѣ въ такъ называемомъ большомъ казематѣ, и въ хорошій лѣтній день можно было забыться и воображать себя гдѣ-нибудь въ Россіи на публичномъ гуляньи въ саду. Въ домикахъ, въ бесѣдкахъ, которыя каждый устраивалъ себѣ на лѣто, мерцали огни, раздавались звуки музыки или хорового пѣнія, велись оживленные разговоры; и всѣ жители Читы сбирались, бывало, около каземата слушать музыку и пѣніе.

Въ Петровскомъ заводѣ и огородничество и садоводство не имѣли такихъ выгодныхъ условій, какъ въ Читѣ. Казематъ былъ построенъ въ отдаленномъ отъ селенія мѣстѣ, хотя впослѣдствіи и былъ связанъ съ селеніемъ и заводомъ домами женатыхъ нашихъ товарищей, застроившихъ все промежуточное пространство. Но грунтъ, гдѣ

стоялъ казематъ, былъ болотистый, такъ что для укрѣпленія его мы должны были погрузить въ каждый дворъ болѣе тысячи возовъ шлаку или желѣзной окалины, щебню и песку,—и всетаки тотчасъ по захожденіи солнца выступала ужасная сырость. Кромѣ того, высокіе частоколы, раздѣлявшіе узкіе дворы, давали слишкомъ много тѣни, что было также неблагопріятно для растеній. Въ огородахъ туманы и утренніе морозы очень вредили зелени.

Какъ въ Читѣ, такъ и въ Петровскомъ заводѣ, комендантъ устроилъ большіе сады. Въ Читѣ былъ кромѣ того и паркъ и звѣринецъ на островѣ, гдѣ были, олени, дикія козы и пр. Въ Петровскомъ заводѣ устроены были у него въ саду качели, построены бесѣдки и поставлены на соблазнъ жителямъ миѳологическія статуи, разумѣется изъ дерева, которыя, когда раскололись и истрескались, представляли очень неблагообразный видъ. Въ Петровскомъ заводѣ эта затѣя стоила ему однако же болѣе семи тысячъ рублей. Когда насъ стали уже свободно выпускать изъ каземата, то комендантъ приглашалъ насъ гулять у него въ саду; но мы предпочитали ходить по окрестностямъ, особенно по горамъ и уходили иногда даже и очень далеко.

Пребываніе въ Читѣ развило тамъ; какъ впослѣдствіи и въ Петровскомъ заводѣ, улучшенное скотоводство и птицеводство, вслѣдствіе большой потребности разныхъ молочныхъ произведеній и птицы для каземата. Надобно сказать, что потребность провизіи развилась до большихъ размѣровъ вслѣдствіе несоразмѣрнаго количества прислуги, которую держали, какъ въ казематѣ, такъ и въ домахъ нѣкоторыхъ женатыхъ. У Трубецкаго и Волконскаго было человѣкъ по 25; въ казематѣ болѣе сорока. Кромѣ сторожей и личной прислуги у многихъ, и у каземата, были свои повара, хлѣбники, квасники, огородники, баньщики, свинопасы, такъ какъ свиней казематъ, до моего хозяйства, держалъ своихъ собственныхъ, и только я уничтожилъ все, находя гораздо выгоднѣе имѣть покупную свинину. Кромѣ простой прислуги у Трубецкихъ была акушерка и экономка, у Муравьева—гувернантка, у многихъ швеи и пр. Все это не только питалось на нашъ счетъ, но и страшно воровало. Кромѣ того, и вся школа, человѣкъ до 90, кормилась на счетъ каземата, и много сверхъ того посылалось еще, какъ подаяніе бѣднымъ на острогъ. Караульныхъ, разумѣется, кормили также въ казематѣ. Когда же впослѣдствіи ослаблены были препятствія къ сношенію съ посторонними, то въ Петровскій заводъ стали съѣзжаться, какъ для лѣченья, такъ и для удовольствія. Пошли праздники, пикники въ полѣ, обѣды и балы. Изъ всего этого извлекали выгоду, разумѣется, и жители. Дѣти стали собирать шампиньоны, которыхъ прежде мѣстные жители не ѣли, выкапывали молодой цикорій, собирали щавель и ягоды, и даже ловили бабочекъ, жучковъ и другихъ насѣкомыхъ, отыскивали разныя растенія, ловили и приносили живыхъ птицъ, когда все это стало требоваться въ казематъ для ученыхъ коллекцій, и такимъ образомъ пріобрѣтали себѣ не малую выгоду и множество познаній, такъ что все населеніе какъ въ Читѣ, такъ и въ Петровскомъ заводѣ и ихъ окрест-

ностяхъ, видимо, возвышалось въ благосостоянiи и развивалось умственно во время нашего пребыванiя въ этихъ мѣстахъ. Женская половина подъ руководствомъ дамъ и при множествѣ получаемыхъ образцовъ также очень усовершенствовалась въ рукодѣльи,— въ послѣднее время было много искусныхъ швей и знавшихъ отлично всякаго рода вышиванье и вязанье.

Въ числѣ занятiй нашихъ въ казематѣ не было недостатка и въ настоящихъ ученыхъ трудахъ и въ самостоятельныхъ изысканiяхъ. По части естественной исторiи особенно замѣчательны были братья Борисовы. Старшiй, несмотря на то, что былъ полупомѣшанный, собралъ замѣчательную коллекцiю насѣкомыхъ и придумалъ самъ новую классификацiю, совершенно тождественную съ тою, которая, гораздо спустя уже была предложена и Парижской академiи и принята ею. Меньшой братъ нарисовалъ акварелью виды всѣхъ растенiй Даурской флоры и изображенiе почти всѣхъ породъ птицъ Забайкальскаго края. Вольфъ дѣлалъ разложенiе минеральныхъ водъ, которыми такъ богатъ край. Комендантъ по указанiямъ минералоговъ составилъ замѣчательную коллекцiю минераловъ. Метеорологическiя наблюденiя за десять лѣтъ переданы были въ Берлинскую Академiю и очень цѣнились ею. По части прикладныхъ наукъ Николай Бестужевъ изобрѣлъ новую систему часовъ, Арбузовъ — новый закалъ стали и пр. Литературныя произведенiя были очень многочисленны. Не говоря уже о переводахъ, было много и самостоятельныхъ творенiй. Поэтическiя произведенiя Одоевскаго и басни Бобрищева-Пушкина заняли бы съ честiю мѣсто во всякой литературѣ. Корниловичъ и Мухановъ занимались изысканiями, относившимися къ русской старинѣ и пр. Занятiя политическими, юридическими и экономическими науками были общiя и по этимъ предметамъ написано было много статей. Для обсужденiя всѣхъ новыхъ произведенiй были устроены правильныя собранiя, которыя называли въ шутку академiей. Очень развита была также легкая и сатирическая литература [1]; для нѣкоторыхъ стихотворенiй была сочинена и музыка (напр. для пьесъ: Славянскiя дѣвы, На мосту стояла старица и пр.), чѣмъ преимущественно занимался Вадковскiй.

Что же до меня лично касается, то капитальнымъ трудомъ моимъ былъ переводъ

---

[1] Главнымъ героемъ шуточныхъ стихотворенiй былъ товарищъ нашъ Бечасновъ, съ которымъ случались безпрестанно приключенiя. На его счетъ писались цѣлыя поэмы, напр. «Похожденiя Бечаснова въ царствѣ гномовъ», «Похищенный цикорiй» и пр. Были впрочемъ и политическо-сатирическiя, какъ напр. Ивашева на неудачный походъ Дибича въ Польшѣ, которое начиналось такъ:

«Дибичъ слово царю далъ
Сладить съ поляками;
Свое слово онъ сдержалъ,
И поляковъ откаталъ
Своими боками, боками».

всего Священнаго писанія съ подлинниковъ еврейскаго и греческаго. Сдѣланы были также для образца опыты переводовъ первой пѣсни Иліады, первыхъ главъ Ѳукидида и Тацита и другихъ отрывковъ греческихъ и латинскихъ классиковъ; написанъ трактатъ о древнемъ греческомъ произношеніи, составлена новая грамматика польскаго языка; и кромѣ множества филологическихъ изысканій, проходя нѣсколько разъ постепенно весь циклъ наукъ, я дѣлалъ множество замѣчаній по разнымъ частямъ, такъ что число написаннаго мною возросло наконецъ до пятнадцати тысячъ листовъ, исписанныхъ моимъ мелкимъ почеркомъ. Въ то же время занимался я и собираніемъ свѣдѣній о краѣ, гдѣ мы находились, и приготовлялъ основанія для разрѣшенія Амурскаго вопроса, такъ что еще изъ Читы посылалъ удачную экспедицію на Амуръ. Я составилъ также лучшую карту Забайкальскаго края, служившую впослѣдстіи основаніемъ для всѣхъ административныхъ распоряженій, до производства настоящей съемки. Чтобы судить о затрудненіяхъ, которыя я долженъ былъ преодолѣть въ этомъ дѣлѣ, достаточно сказать, что для правильнаго нанесенія на картѣ теченія рѣки Чикоя я долженъ былъ распросить 168 человѣкъ жителей разныхъ мѣстностей по ней. Что же касается до тѣхъ занятій которыя должны были доставлять удовольствіе или развлеченіе, или, какъ обыковенно выражаются, препровожденіе времени, то нельзя отрицать, что въ началѣ они были гораздо свойственнѣе и приличнѣе нашему положенію, нежели впослѣдствіи, когда по случаю ослабленія строгости отдѣленія нашего отъ внѣшней обычной жизни, она стала вторгаться снова и къ намъ со всею своею пустотою и суетою, Вначалѣ были общія чтенія, концерты, пѣніе, общія сужденія о полученныхъ политическихъ новостяхъ, изслѣдованія прошедшихъ событій и много что шахматы. Единственный праздникъ въ Читѣ это былъ для общества Соединенныхъ Славянъ, и не столько для развлеченія, какъ по соображеніямъ чисто нравственнымъ, по доброму желанію сблизиться съ членами этого общества, которыя состоя большею частію изъ людей менѣе образованныхъ, какъ-то дичились, и, считая себя оттертыми на задній планъ, были очень обидчивы. Совсѣмъ иное было уже въ послѣднее время. Въ самомъ казематѣ вошли въ употребленіе карты, особенно съ тѣхъ поръ, какъ сблизился съ посторонними лицами, не принадлежавшими къ нашему кругу. При свободѣ выхода изъ каземата и посѣщеній не всѣ удержались даже въ приличномъ кругу. Кромѣ того, пошли шумныя увеселенія — пикники, обѣды, балы. Нѣкоторые изъ нашихъ товарищей сдѣлали было попытку обратить все на старый ладъ и ввести весь свѣтскій церемоніалъ. Разумѣется, что все это было такъ несвойственно нашему положенію и представляло такія несогласимыя несообразности, что удержаться не могло, и на первой же попыткѣ и оборвалось. Люди, сговорившіеся возобновить аристократическія замашки, назначили для почина званный вечеръ у Нарышкина. Разсчетъ былъ основанъ на томъ, что онъ былъ человѣкъ добродушный, и какъ самъ, такъ и жена его (урожденная графиня Коновницына) были въ ладахъ со всѣми, и поэтому надѣялись, что критика пощадитъ ихъ; а если имъ удастся первый шагъ,

то другимъ будетъ легче. Но я, проникнувъ ихъ замыслы, увидѣлъ, что именно надобно сдѣлать такъ, чтобъ первый же опытъ никакъ не удался, и при всемъ моемъ дружескомъ расположеніи къ Нарышкину рѣшился остановить все на первомъ шагѣ, тѣмъ болѣе, что самыя наши отношенія исключали всякую мысль о томъ, что дѣйствіе мое могло истекать изъ личности. Отлично послужилъ мнѣ одинъ пустой случай, пришедшійся тутъ очень кстати. Я и безъ того твердо намѣренъ былъ разразиться филиппикою противъ такихъ смѣшныхъ и жалкихъ попытокъ возвратиться къ пустотѣ свѣтской жизни, а тутъ вхожу въ прихожую къ Нарышкину и вижу, что стоятъ огромные сапоги въ свѣжей грязи. Между тѣмъ человѣкъ встрѣчаетъ въ ливреѣ.

«Что это такое»? спросилъ я, указывая на сапоги.

«Это, сударь, Катерина Ивановна (Трубецкая) пріѣхала въ сапогахъ Сергѣя Петровича». отвѣчалъ онъ, смѣясь. Надо сказать, что сначала наши дамы экипажей не держали, да и не было особенной надобности, такъ какъ всѣ дома женатыхъ были сплошь и близко къ каземату, но такъ называемая «Дамская улица» по свойству грунта была всегда грязна, я въ этотъ вечеръ по случаю дождя грязь была болѣе обыкновеннаго, — и вотъ Трубецкая, видя, что галоши не спасутъ ее, безъ церемоніи надѣла сапоги мужа и такъ перешла черезъ улицу. Вхожу въ залу, встрѣчаетъ Нарышкинъ во фракѣ; вхожу въ гостиную,—сидятъ дамы, разряженныя до-нельзя. Товарищи наши во фракахъ въ бѣлыхъ жилетахъ, по обычаю того времени, и галстукахъ. Я пришелъ въ обычномъ своемъ костюмѣ. Неестественность положенія вызвала необычныя нашему кругу натянутость и принужденность. Для меня ясно было, что всѣ внутренно осуждали подобную попытку, но никто не смѣлъ высказаться,

Поздоровавшись со всѣми, я сказалъ Нарышкину: «Что жъ это, Михаилъ Михаиловичъ, я и не зналъ, что у васъ маскарадъ; въ пригласительномъ билетѣ сказано было на вечеръ, а тутъ маскарадъ, и какой еще замысловатый. Катерина Ивановна вмѣсто того, чтобы пріѣхать въ каретѣ, пріѣхала въ сапогахъ Сергѣя Петровича, а у васъ вашъ палаццо поддѣланъ подъ простую избу. Все какъ слѣдуетъ быть въ избѣ, не только полъ, да и стѣны деревянныя. Вамъ, я думаю, не дешево стало. Знаю по опыту: у дяди Остермана тоже одна комната была поддѣлана подъ русскую избу. Вотъ что значитъ великосвѣтская прихоть. Желалъ-бы я знать, кто затѣялъ подобные маскарады»?

Муравьева, затѣявшая все это, закрылась кипсекомъ; Нарышкинъ сконфузился; всѣ расхохотались при разсказѣ о сапогахъ вмѣсто экипажа; принужденность исчезла; всѣ рѣшили, что это глупость, и подобные маскарады затѣмъ уже не возобновлялись.

Хотя польза нашихъ занятій, описанныхъ выше, была неоспорима, и вліяніе наше отразилось благотворно въ Сибири во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мы жили, не только массою, какъ напримѣръ въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ, но и тамъ, гдѣ проживали впослѣдствіи отдѣльно наши товарищи по выходѣ изъ каземата, но всетаки главное зна-

ченіе каземата состояло не въ томъ. То, что было важнѣе всего для мыслящаго наблюдателя, заключалось въ развитіи внутренней жизни казематскаго общества, прообразовавшаго хотя и въ сжатомъ видѣ, но полный кругъ и неизбѣжныя условія и законы развитія и всякаго общества вообще, и которое поэтому, для умѣющаго наблюдать явленія и понимать смыслъ и причины ихъ, не только освѣтило общее историческое прошедшее, представляя правильное разъясненіе его по аналогіи съ явленіями, подлежавшими тутъ наблюденію, но и дало много, можно сказать, пророческихъ указаній для будущаго. Но прежде, нежели приступлю къ изложенію этого, я считаю не лишнимъ сдѣлать очеркъ внѣшней, такъ сказать, исторіи каземата, и сказать нѣсколько словъ о личностяхъ, которымъ было дано завѣдываніе нами.

VII.

Когда рѣшено было учредить особое начальство, которое завѣдывало бы нами и построить для насъ особое помѣщеніе, то Государь призвалъ въ Москву [1]) командира Сѣверскаго Конно-Егерскаго полка Лепарскаго, очень стараго человѣка, поляка въ душѣ, но подчинявшаго все разсчету своей выгоды. Онъ уже и прежде былъ употребляемъ на порученія, схожія съ тѣмъ, которое ему теперь назначалось, Ему поручали препровождать нѣкогда партіи конфедератовъ, и онъ самъ разсказывалъ, какіе обманы употреблялъ онъ, чтобы удерживать ихъ въ спокойствіи, пока не завелъ въ глубь Россіи. Отецъ его былъ повѣшенъ заочно въ Варшавѣ, какъ шпіонъ русскаго правительства. Онъ казался способнымъ исполнять всякое приказаніе и разстрѣлялъ въ Нерчинскомъ заводѣ, не осмѣлясь высказать своего мнѣнія, 18 человѣкъ, въ числѣ которыхъ были солдаты стараго Семеновскаго полка, по довольно темному дѣлу, не вполнѣ доказанному даже, намѣренію ихъ бѣжать, а не только произвести какое-то возстаніе, которое уже по одному тому было мало правдоподобно, что не представляло никакой цѣли. Во время опасной болѣзни своей, онъ постоянно мучился совѣстью за это дѣло и въ бреду восклицалъ: «Право, это не я, не я. Это Онъ, все Онъ».

Можно предположить, что и относительно насъ онъ ни надъ чѣмъ бы ни задумался, если бы его не останавливали, какъ человѣка, привыкшаго постоянно все разсчитывать, разныя опасенія за будущее, Въ несомнѣнномъ убѣжденіи о силѣ и вліяніи

---

[1]) Эте было во время коронаціи. Столъ коменданту былъ назначенъ отъ двора «для того, какъ объяснялъ онъ, чтобы испытать, много-ли онъ будетъ пить вина». Онъ пресмѣшно разсказывалъ, какіе Государь употреблялъ пріемы, чтобы удостовѣриться, не пахнетъ ли отъ него виномъ. Лепарскій имѣлъ лицо багровое, дѣйствительно могущее возбудить подозрѣніе, что онъ пьяница. Ему было слишкомъ 70 лѣтъ, когда онъ былъ назначенъ комендантомъ. Но онъ всегда скрывалъ свои лѣта, и только по смерти его узнали, что онъ умеръ 86 лѣтъ.

нашихъ родныхъ, онъ больше всего боялся заслужить названіе обыкновеннаго тюремщика, и даже обижался даннымъ ему прозваніемъ «Гудзона Лова». Поэтому, если онъ и былъ готовъ выполнить всякое приказаніе правительства, какъ бы оно ни было несправедливо и жестоко, если не смѣлъ протестовать противъ постройки каземата въ такомъ мѣстѣ, какъ Акатуй, ни противъ того, что и въ Петровскомъ заводѣ казематъ построенъ былъ безъ оконъ, то всетаки старался выгородить себя отъ отвѣтственности предъ общимъ мнѣніемъ и постоянно заботился о томъ, какъ будетъ принятъ въ Россіи, когда возвратится туда. Кромѣ того, по этому же разсчету и по обычному польской шляхтѣ раболѣпству предъ знатными и богатыми, онъ старался угождать тѣмъ изъ насъ, которые имѣли богатыхъ и знатныхъ родныхъ, и тѣ исключенія и послабленія, которыя дѣлалъ въ ихъ пользу, прикрывалъ въ глазахъ противъ остальныхъ, не заботясь даже о самыхъ необходимыхъ вещахъ. Первый отвѣтъ его на всякое самое справедливое и законное требованіе былъ всегда: «Не могу», такъ что его даже прозвали «комендантъ Не могу». Потомъ онъ просилъ времени «поконсультоваться съ самимъ собою», и если и уступалъ, то придумавши всегда какой-нибудь изворотъ или уже видя и самъ явную нелѣпость аргумента, которымъ защищалъ свой отказъ. Такъ напр., когда вышелъ срокъ второму разряду и ему слѣдовало уже отправляться на поселеніе, и отправленіе было замедлено неполученіемъ только росписанія, въ какое мѣсто, кто назначался, то комендантъ не хотѣлъ дозволить второму разряду выходить изъ каземата безпрепятственно, хотя очевидно, что это было всѣмъ необходимо для приготовленія къ дальней дорогѣ. «Если это допустить», говорилъ онъ, «то вы у меня, господа, замучаете конвойныхъ. Вотъ я вамъ разскажу, у меня былъ такой случай съ конфедератами».... «Да намъ совсѣмъ и не нужно конвойныхъ», отвѣчали мы ему, «мы по закону уже имѣемъ право быть на свободѣ».—«А, если безъ конвойныхъ, то это другое дѣло, извольте». И такъ все это получило такой смѣшной видъ, что какъ будто бы сами мои товарищи именно о томъ хлопотали, чтобы ихъ провожали конвойные.

Особенно несчастливъ былъ Лепарскій въ выборѣ своихъ помощниковъ.—Одинъ изъ его родныхъ племянниковъ, той же что и онъ фамиліи, бывшій у него плацъ-майоромъ, былъ человѣкъ ограниченный и почти всегда боленъ дурною болѣзнію, что доводило его изъ опасенія послѣдствій ея даже до намѣренія застрѣлиться. Другой племянникъ Куломзинъ, сынъ сестры его, бывшій плацъ-адъютантомъ, былъ невообразимо глупъ и, не ограничиваясь пьянствомъ и буйствомъ, дошелъ до того, что сталъ дѣлать доносы на своего дядю, вслѣдствіе чего и былъ удаленъ имъ. Второй плацъ-адъютантъ, нѣмецъ Розенбергъ, худо говорившій по русски, былъ отъявленный негодяй. Все это пользовалось всякими предлогами, чтобы обкрадывать и казну, и насъ. Лепарскій ужасно боялся доносовъ и даже платилъ нѣкоторымъ извѣстнымъ кляузникамъ въ заводѣ опредѣленныя суммы, чтобы только тѣ не покушались доносить. Нельзя не замѣтить при этомъ, что большая часть доносовъ отличалась невѣроятною нелѣпостью, чѣмъ и ослаблялось ихъ

дѣйствіе, вслѣдствіе чего не придавали большого значенія въ Петербургѣ и тому, что было въ доносахъ дѣйствительно справедливаго. Такъ напр. доносили, что мы хотѣли учредить «Забайкальскую республику» и т. п. Обыкновенно доносы отсылались изъ Петербурга къ самому коменданту съ общимъ вопросомъ, что могло подать поводъ къ нимъ?— Сочиненіе отвѣтовъ и похвальба ими потомъ передъ нами составляли всегда и главную заботу, и гордость Лепарскаго. Впрочемъ, основаній для доносовъ было не мало, потому вообще надо сказать, что какъ Лепарскій, такъ и всѣ подчиненные его, очень неподатливые, когда надобно было удовлетворить самому справедливому требованію, или тамъ, гдѣ можно было бы охотно принять на себя отвѣтственность по побужденію человѣчнаго чувства, были очень смѣлы въ нарушеніи тѣхъ порядковъ, которыми они прикрывались, когда дѣло шло объ ихъ собственномъ интересѣ.

Но какъ ни притворствовалъ старикъ Лепарскій насчетъ безусловной преданности своей правительству, были однако же два случая, гдѣ истина пробилась наружу, и гдѣ онъ невольно высказалъ, что дѣйствительно чувства его были совсѣмъ иныя, нежели тѣ, какія высказывалъ онъ по расчету своей выгоды. Уже революція во Франціи 1830 г. сильно смутила его, и онъ началъ поговаривать, что все на свѣтѣ возможно, и что можетъ быть и ему придется еще дожить до того, что онъ будетъ у кого нибудь изъ насъ подъ начальствомъ; но польская революція окончательно его озадачила, и онъ высказался какъ полякъ въ томъ смыслѣ, что не порицалъ ея незаконности, а выразилъ только сожалѣніе, что поляки начали дѣло несвоевременно. «Рано, господа, рано они начали», говорилъ онъ тѣмъ изъ насъ, съ кѣмъ не опасался говоритъ съ довѣріемъ; но иногда высказывался, что уже если бы начинать дѣло, то слѣдовало бы это сдѣлать въ 1828 и 29 годахъ, когда войска наши были въ Турціи. Ему пришлось потомъ поплатиться за свои тайныя желанія.

Страхъ, чтобы они не были какъ-нибудь отгаданы, увеличилъ его наружное притворство и заставилъ его потомъ выстаивать на колѣнахъ при молебнахъ о взятіи Варшавы и окончательномъ покореніи Польши.

Другой случай, возмутившій его до глубины души противъ правительства, было вѣроломное желаніе послѣдняго свалить передъ общественнымъ мнѣніемъ на коменданта вину того, что комнаты въ казематѣ, назначенныя для насъ, были безъ оконъ. Изъ писемъ къ нашимъ дамамъ онъ узналъ, что когда въ Петербургѣ поднялся шумъ о томъ, что мы осуждены сидѣть вѣчно въ потьмахъ, то Государь послалъ Бенкендорфа къ знатнымъ и вліятельнымъ изъ родныхъ нашихъ увѣрить ихъ, что это только вышло по ошибкѣ коменданта, который поторопился будто бы перевести насъ изъ Читы, когда казематъ не былъ еще готовъ и окна не успѣли еще прорубить. Лепарскій до такой степени былъ раздраженъ такимъ вѣроломнымъ обвиненіемъ и упреками, которые сыпались на него вслѣдствіе этого отъ нашихъ родныхъ въ Россіи, что вышелъ изъ себя и забылъ привычную ему осторожность. Онъ пригласилъ насъ выбрать два довѣренныхъ

лица, которымъ онъ могъ бы представить доказательство лживости обвиненія. Товарищи наши выбрали меня и Вольфа, лѣчившаго Лепарскаго и слѣдовательно близкаго ему. Комендантъ пригласилъ насъ къ себѣ, и, поставивъ часовыхъ передъ окнами кабинета чтобы никто не могъ подслушать снаружи, заперъ на ключъ всѣ двери не только въ кабинетѣ, но и въ смежныхъ комнатахъ, чтобы нельзя было подслушать и домашнимъ его. Тогда, отперевъ шифоньерку, онъ вынулъ подлинный планъ каземата, утвержденный Государемъ, и, развернувъ его на столѣ, сказалъ намъ: «Извольте смотрѣть, господа.—Быть по сему. Николай».—Вы видите, что на этомъ фасадѣ нѣтъ оконъ. Такъ что-жъ. Онъ сваливаетъ теперь все на меня и выдаетъ меня на вражду вашимъ роднымъ и общественному мнѣнію всей Россіи». Затѣмъ онъ съ особенною горечью сталъ жаловаться на то, что, принудивъ его принять мѣсто и давъ большое жалованье и двѣ звѣзды, съ нимъ уже не церемонятся, и что тамъ дурного ни придумаютъ и ни надѣлаютъ, считаютъ въ правѣ въ случаѣ неудачи сваливать на него, а его, обязаннымъ все сносить, «хоть бы плевали ему въ рожу».

Вначалѣ комендантъ не былъ подчиненъ никому, такъ какъ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири былъ изъ гражданскихъ чиновниковъ. Но, когда послѣ Лавинскаго назначенъ былъ изъ военныхъ генералъ Сулима, тогда подчинили генералъ-губернатору и коменданта, что для него было очень непріятно. Первые два генералъ-губернатора мало вмѣшивались въ дѣла каземата, но послѣдній, Руппертъ, который былъ ,самъ до назначенія своего въ Сибирь, окружнымъ жандармскимъ генераломъ, дѣйствовалъ гораздо смѣлѣе: онъ уничтожилъ пустой призракъ работы и не задумался дѣлать представленія о разрѣшеніи нѣкоторымъ изъ насъ жениться.

По смерти Лепарскаго временно исправлялъ должность коменданта его племянникъ, бывшій плацъ-майоромъ при немъ; но вскорѣ были присланы и новый комендантъ и новый плацъ-майоръ, оба изъ жандармовъ. Впрочемъ это обстоятельство послужило тѣмъ въ пользу, что никому нельзя было прикидываться—ни имъ либералами, ни изъ нашихъ товарищей никому такъ называемыми «раскаявающимися». Независимо отъ того, Григорій Максимовичъ Ребиндеръ былъ дѣйствительно хорошій человѣкъ, доступный человѣчному чувству и старавшійся о справедливости. Но именно поэтому-то его и не взлюбила «аристократическая» партія, такъ какъ онъ, дозволивъ всѣмъ то, что прежде дозволялось только нѣкоторымъ, тѣмъ самымъ уничтожилъ всѣ отличія и привилегіи. Противъ него была даже возбуждена недостойная интрига, о которой будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ, и при которой одинъ только я съумѣлъ противостать увлеченію всего каземата и защитить его, сохранивъ къ нему справедливость, явно нарушенную относительно его другими, одними съ умысломъ, а нѣкоторыми по слабости и уклончивости. Онъ былъ мнѣ глубоко признателенъ, особенно когда я, въ этихъ трудныхъ для него обстоятельствахъ, явился еще къ нему на помощь, тогда какъ онъ заболѣлъ опасно и былъ всѣми оставленъ. Мои дѣйствія тѣмъ болѣе тронули его, что до

сто̀го случая я вовсе не искалъ съ нимъ сближенія и ничѣмъ отъ него не пользовался, даже и тѣмъ, чѣмъ пользовались всѣ другіе. Поэтому, когда мы разъѣзжались изъ Петровскаго завода, онъ не только провожалъ меня самъ до первой станціи, когда я отправился на поселеніе въ Читу, но, едва возвратясь домой, послалъ мнѣ письмо съ нарочнымъ, зная, что я буду ночевать на второй станціи. «Едва я растался съ вами», писалъ онъ мнѣ, «какъ чувствую снова необходимость излить мои чувства и сказать письменно еще разъ то, что не разъ выражалъ словесно. Вы спасли мнѣ жизнь и болѣе нежели жизнь; вы знали, что я все готовъ былъ сдѣлать для васъ, но вы не только ничего не принимали, но запретили мнѣ даже ходатайствовать за васъ. Все это было такъ необычно, такъ несходно съ тѣмъ, что видишь въ жизни, что (простите, ради Бога, слабости человѣческой) какъ-то не вѣрилось до послѣдней минуты; и только теперь, когда мы навсегда разстались, и вы въ минуту разставанья наотрѣзъ отъ всего отказались, я увидѣлъ до какой степени вы составляете исключеніе и въ нравственной сферѣ, такъ же какъ и въ умственной. Я никогда не забуду вашего безпристрастія и человѣколюбія относительно меня, вашей проницательности, съ какой вы распутали такую темную интригу, вашей рѣшимости и мужества вашего, съ какими вы, руководясь только справедливостью, вступились за человѣка чуждаго въ нѣкоторомъ отношеніи, по положенію даже враждебнаго, и стали противъ всѣхъ вашихъ товарищей, навлекая на себя ихъ порицаніе и ненависть. Ваше преимущество надъ ними выказалось еще болѣе тогда, когда уличенные вами въ явной несправедливости, они снова стали заискивать во мнѣ (по разсчету своихъ выгодъ), въ человѣкѣ, котораго оскорбили, между тѣмъ, какъ вы ничего не хотѣли искать, тогда какъ имѣли право требовать всего отъ меня».

Изъ другихъ лицъ, находившихся при насъ или поставленныхъ по мѣсту, ими занимаемому, въ непосредственныя сношенія съ нами, можно отмѣтить только докторовъ, священника и нѣкоторыхъ горныхъ начальниковъ. Что касается до доктора, то несмотря на положеніе, которому позавидовали бы многіе, онъ рѣшительно былъ неспособенъ воспользоваться имъ ни для своей нравственной пользы, ни для насъ, ни для исторіи. Это былъ пустѣйшій человѣкъ, противъ тѣхъ, которыхъ развелось такъ много теперь, незнавшій своего дѣла и пренебрегавшій своею обязанностью, пользовавшійся своими близскими сношеніями съ нами только для того, чтобы усвоить себѣ пустую болтовню отвлеченнаго либерализма, безъ всякой способности проникнуть въ сущность дѣла, безъ всякой охоты къ серьезному занятію и мышленію. Онъ былъ изъ духовнаго званія и былъ взятъ въ медицинскій факультетъ въ то время, когда недостатокъ добровольныхъ учениковъ въ немъ обыкновенно дополнялся рекрутскими наборами изъ семинарій. Такъ какъ онъ плохо учился, то и попалъ въ третій разрядъ, изъ котораго обыкновенно разсылали медиковъ, не спрашивая ихъ желанія въ самыя отдаленныя мѣста, только для того, что тамъ полагался медикъ по штату. Такимъ образомъ попалъ онъ въ Селенгинскъ, гдѣ одна купчиха женила его на своей 13 лѣтней дочери, какъ это было воз-

можно въ то время, пока еще не былъ установленъ для невѣстъ 16 лѣтній возрастъ.— Медицины онъ не разумѣлъ и ею не занимался; и вдругъ этому человѣку выпало на долю нежданное счастіе занять мѣсто съ огромнымъ жалованьемъ (въ четверо противъ оклада), съ возможностію, въ случаѣ, если бы зналъ свое дѣло, получать еще несравненно болѣе отъ насъ, съ перспективою особенныхъ наградъ отъ правительства и въ такомъ положеніи, что былъ въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ нами, не занимая однако должности, которая ставила бы его въ подозрительныя или непріятныя отношенія къ намъ, въ какихъ по неволѣ находились лица, занимавшія другія административныя должности при насъ, какъ напр. тѣ, на которыхъ болѣе или менѣе имѣли право смотрѣть какъ на тюремщиковъ. Можно себѣ представить, сколько бы пользы извлекъ для собственнаго развитія и для исторіи всякій порядочный человѣкъ изъ сношеній и бесѣдъ съ нами, изъ возможности пользоваться нашими средствами. Но ему къ сожалѣнію все это послужило во вредъ и притомъ и не безъ вреда другимъ. Вышло такъ, что когда его радикальная неспособность въ его спеціальномъ занятіи обнаружилась, и комендантъ въ своей болѣзни прибѣгнулъ къ помощи нашихъ докторовъ, то ужъ самъ не захотѣлъ требовать для своего штаба лучшаго доктора изъ опасенія, чтобы тотъ, по соперничеству въ занятіи, не поставилъ препятствія практикѣ нашихъ докторовъ. Разсчетъ, конечно, эгоистическій, потому что если наши доктора лечили коменданта и другихъ лицъ поважнѣе, то солдаты и другіе маленькіе люди все таки оставались преданными въ жертву невѣжественному доктору, который занимался торговлею, картами, пустымъ чтеніемъ и пр., однимъ словомъ, всѣмъ, кромѣ медицины, и которой со склянками и порошками въ карманѣ, зайдя, какъ обыкновенно говорилъ, на минуточку въ казематъ, оставался тамъ на цѣлый день, принося, однако, больному, какъ шутили, только развѣ ту пользу, что не отравлялъ его своими лекарствами. Только меня онъ страхъ боялся, потому что я всегда прогонялъ его, да и товарищамъ моимъ прямо въ его присутствіи выражалъ неудовольствіе, что они такъ легко могутъ относится къ подобному небреженію докторомъ своихъ обязанностей, не думая о больныхъ, ждущихъ цѣлый день доктора, между тѣмъ какъ они имъ забавляются, заставляя его играть роль шута.

Когда товарищъ нашъ Вольфъ, состоявшій во второмъ разрядѣ, отправился на поселеніе, то и тогда комендантъ не рѣшился перемѣнить доктора, состоявшаго при штабѣ, на этотъ разъ уже изъ опасенія, что онъ много уже знаетъ секретовъ нашихъ порядковъ, и чего добраго сдѣлаетъ доносъ по неудовольствію. Дѣло устроили такъ, что будто бы для консультацій разрѣшено было требовать въ важныхъ случаяхъ докторовъ изъ другихъ мѣстъ и преимущественно изъ Кяхты, какъ ближайшаго мѣста. Какія выгоды могъ бы извлечь штабный докторъ, если бы зналъ свое дѣло, можно судить по тому, что въ казематѣ не жалѣли огромныхъ расходовъ, съ какими всегда была сопряжена выписка доктора изъ Кяхты, и какъ онъ оказался свѣдущимъ человѣкомъ, то и

поступилъ потомъ при распущанiи каземата домашнимъ докторомъ къ Трубецкимъ съ жалованьемъ, которое далеко превышало тогдашнее жалованье губернатора.

Относительно священника, то, несмотря на то, что по предписанiю Синода и по тѣмъ указанiямъ, какiя были имъ даны, онъ долженъ былъ имѣть всѣ возможныя совершенства, прислали, однако, человѣка, который былъ совсѣмъ иныхъ статей, какъ говорится. Онъ не имѣлъ никакихъ хорошихъ условiй ни простого добраго человѣка, ни человѣка образованнаго и умственно развитаго. Это былъ въ полномъ смыслѣ то, что въ простонародьи называется «шалыганъ».—Грубый, буйный, корыстолюбивый, онъ два раза подвергался слѣдствiю за неприличное поведенiе въ самой церкви даже, да и не только за площадную брань, но и за драку даже въ алтарѣ. Вѣчно во враждѣ за дѣлежъ доходовъ съ мѣстнымъ священникомъ, у котораго, какъ протоiерей, онъ отбивалъ первенство, онъ былъ уличенъ не разъ въ прямомъ посягательствѣ на чужую собственность. Его идеалъ, приводившiй его въ неописанный восторгъ—это какой нибудь замысловатый крючокъ въ консисторiи и искусство отписаться, когда «дока попадетъ на доку». Кромѣ того, у него была пресмѣшная привычка выпивать у больныхъ остатки лѣкарствъ, причемъ онъ увѣрялъ, что «это всетаки отъ чего нибудь полезно, или впередъ пригодится», и только одно его необычайно крѣпкое сложенiе позволяло ему безнаказанно переносятъ такiя вещи. И съ помощью такого-то человѣка правительство думало, какъ говорилось, обращать насъ къ раскаянiю. Впрочемъ, были и другiя попытки вывѣдать, кто раскаивался, и сдѣлалъ коменданта наблюдателемъ или шпiономъ въ этомъ отношенiи. Были присланы отъ Государя книги духовнаго содержанiя, чтобы роздать ихъ тѣмъ, кто раскаивается, или, по крайней мѣрѣ, замѣтитъ, кто пожелаетъ взять ихъ. Комендантъ посовѣтовался съ нами, какъ ему отвѣчать на это. Я ему сочинилъ такой отвѣтъ, что «на наружные признаки въ этомъ отношенiи и въ нашемъ положенiи полагаться нельзя, а въ душу не влѣзешь, и что у всѣхъ насъ очень много книгъ такого содержанiя, присланныхъ отъ родныхъ, и потому никто не изъявилъ желанiя взять присланныя изъ III-го отдѣленiя; а совѣтуемъ мы раздать ихъ бѣднымъ или въ обыкновенныя тюрьмы».

Въ другой разъ былъ допущенъ въ казематъ начальникъ Забайкальской миссiи, вѣроятно, на основанiи особеннаго предписанiя, потому что иначе комендантъ, не любившiй постороннихъ посѣтителей и не пустившiй въ казематъ даже генералъ-губернатора Лавинскаго, ни за что не допустилъ бы архимандрита до свиданiя съ нами.

Архимандритъ этотъ былъ извѣстный Израиль, окончившiй впослѣдствiи карьеру свою въ Соловецкомъ монастырѣ за то, что самъ же завелъ секту въ Кяхтѣ, гдѣ была у нихъ богородицею одна несовершеннолѣтняя дочь купца (она вышла потомъ замужъ за командира гарнизоннаго баталiона, стоявшаго въ Читѣ, и я видѣлъ ее на балахъ, усердно выплясывающую французскую кадриль), и были и апостолы. Вступивъ съ нами въ бесѣду, онъ увидѣлъ, какъ далеко многiе изъ насъ стояли выше его даже и въ

тѣхъ знаніяхъ, которыя должны были составлять его спеціальность, и былъ до того озадаченъ и сбитъ съ толку новыми для него сужденіями, что совершенно потерялся и поспѣшилъ убраться, прося только позволенія прислать письменное свое разсужденіе, гдѣ какими-то чертежами силился сдѣлать наглядно понятнымъ, «какъ вода можетъ соединяться съ огнемъ».

Въ послѣднее время, уже при второмъ комендантѣ, одинъ архіерей пожелалъ также имѣть доступъ въ казематъ. «Я не желаю отказать вамъ», сказалъ ему комендантъ, «но желалъ бы знать, какую вы имѣете цѣль, чтобы оправдать въ глазахъ заключенныхъ ваше посѣщеніе. Согласитесь, что если они увидятъ въ этомъ простое любопытство, то это покажется имъ оскорбительнымъ».

«Нѣтъ, я дѣлаю это по долгу своего званія», сказалъ архіерей, «чтобы преподавать имъ утѣшеніе и сдѣлать увѣщаніе».

«Послушайте, Ваше Преосвященство», отвѣчалъ комендантъ, «будемъ говорить откровенно. Въ утѣшеніи отъ постороннихъ, я знаю, они не нуждаются, потому что имѣютъ лучшее утѣшеніе и поддержку другъ отъ друга; что же касается до увѣщаній, то повѣрьте, они сами знаютъ все, что только вы имъ можете сказать. Конечно, какъ люди образованные и свѣтскіе, они примутъ васъ учтиво, въ этомъ нельзя сомнѣваться, но вѣдь отъ тонкой насмѣшки и затруднительныхъ вопросовъ я васъ оградить не могу, и очень можетъ быть, что вы поставлены будете въ неловкое положеніе, несвойственное вашему сану».

Послѣ этого архіерей болѣе не настаивалъ, и потому должно полагать, что внутренно согласился съ доводами коменданта.

Отношенія наши къ горнымъ начальникамъ, не будучи прямыми, зависѣли чисто отъ личныхъ свойствъ ихъ. Впрочемъ, должно сдѣлать исключеніе относительно тѣхъ восьми нашихъ товарищей, которые, находясь въ Благодатскомъ рудникѣ, были до пріѣзда коменданта непосредственно подчинены главному горному начальнику Бурнашеву, чрезвычайно грубо и невѣжественно обращавшемуся не только съ ними, но и съ супругами двоихъ изъ нихъ (княг. Трубецкою, Волконскою), за что и былъ смѣненъ впослѣдствіи. Его прозвали Тормоширъ-Ханъ, названіе заимствованное изъ мистической книги «Угрозъ Свѣтовостоковъ», попавшейся какъ-то въ руки заключенныхъ въ числѣ книгъ духовнаго содержанія. Совсѣмъ иного свойства былъ мѣстный горный начальникъ въ Читѣ Семенъ Ивановичъ Смольяниновъ. Это былъ человѣкъ высоко нравственныхъ свойствъ и феноменальной честности, заслужившій глубокое уваженіе, какъ коменданта, такъ и наше. Такъ какъ онъ ничего не искалъ отъ насъ, а напротивъ самъ еще старался оказать всевозможныя услуги намъ, то отношенія его къ намъ всегда оставались неизмѣнны, съ одинаковою отъ начала до конца учтивостью и услужливостью, равно чуждыми той грубости, которую многіе показывали сначала, и того раболѣпства и подличанья, какое эти же самые лица выказывали впослѣдствіи. Вообще

человѣкъ очень кроткій и робкій, онъ умѣлъ однако же быть твердымъ, гдѣ требовала того нравственная обязанность, какъ напр. въ разсказанномъ выше случаѣ дѣйствія Нарышкина противъ караульнаго офицера за грубость противъ жены Муравьева, гдѣ Нарышкинъ былъ избавленъ отъ бѣды, и во всякомъ случаѣ отъ большой непріятности твердостью показанія Смольянинова, что офицеръ былъ пьянъ и вполнѣ виноватъ.

С. И. Смольяниновъ былъ потомственный дворянинъ и единственный человѣкъ за Байкаломъ, имѣвшій крестьянъ. Еще за 25 лѣтъ до всеобщей эмансипаціи, онъ по собственному чувству справедливости и по разрѣшенію, укрѣпленному сверхъ того въ разговорахъ съ нами, дошелъ до заключенія о неестественности и несправедливости того, чтобы человѣкъ владѣлъ другимъ человѣкомъ, какъ вещью. Поэтому онъ освободилъ своихъ крестьянъ безъ всякаго выкупа. Все его семейство оказывало также много услугъ намъ, а особенно нашимъ дамамъ. Жена его, дочь военнаго штабъ-офицера Власова, который былъ нѣкогда адъютантомъ генералъ-губернатора Якобія, была крестная дочь знаменитаго Палласа, котораго отецъ ея былъ другъ и корреспондентъ, какъ сказано было выше. Это была женщина очень опытная и отличная хозяйка, и обладала многими свѣдѣніями по медицинѣ. Она сама имѣла 16 человѣкъ дѣтей. Домъ ихъ былъ прибѣжищемъ больныхъ и нуждающихся; въ домѣ постоянно приготовлялись для даровой раздачи лекарственныя травы, мази, капли и пр. И совѣтомъ и дѣятельною помощью она много помогала дамамъ и въ болѣзняхъ ихъ и въ другихъ случаяхъ. Но она не ограничивалась и этимъ. По Высочайшему повелѣнію она арестована была домашнимъ арестомъ на двѣ недѣли за то, что переслала чрезъ своего сына, отправлявшагося въ корпусъ, письма отъ дамъ къ ихъ роднымъ. Дочери ея постоянно помогали дамамъ въ шитьѣ, не принимая за то никакого вознагражденія. Всѣ заботы по шитью на церковь въ Читѣ семейство также принимало на себя. Немудрено, поэтому, что они заслужили всеобщее расположеніе и уваженіе. Несмотря на огромное семейство, Семену Ивановичу и въ голову не приходило извлекать какую либо выгоду изъ важныхъ казенныхъ порученій, или изъ занимаемой имъ должности. Умирая, онъ не оставилъ семейству ничего, кромѣ пенсіи въ 500 р. ассигнаціями, потерявшей впослѣдствіи всякое значеніе по усилившейся дороговизнѣ въ нѣсколько разъ.

Одинъ изъ управителей Петровскаго завода Арсеньевъ былъ также очень близокъ со многими изъ нашихъ товарищей, но ужъ совсѣмъ по другимъ причинамъ. Онъ не прочь былъ оказывать мелкія услуги, но сблизился больше, какъ товарищъ по препровожденію времени. Онъ почти жилъ безвыходно въ казематѣ, но именно вслѣдствіе этого также неглижировалъ своимъ обязательнымъ занятіемъ. Главная услуга его состояла въ доставкѣ писемъ, но при уменьшеніи въ послѣднее время строгости и при общей уже возможности намъ видѣться со всѣми посторонними, это не было уже такъ опасно, какъ сначала, потому что перевозкою писемъ занимались уже всѣ, особенно купцы, ѣздившіе каждый годъ въ Россію.

VIII.

Когда назначенное для насъ комендатское управленіе достигло полнаго развитія, то оно состояло изъ коменданта, генералъ-лейтенанта (съ окладомъ почти въ 30 тысячъ рублей, что превышало тогда окладъ генералъ-губернатора), изъ плацъ-майора и двухъ плацъ-адъютантовъ, получавшихъ четверное жалованье, или какъ тогда говорилось, заграничный окладъ, т. е. за рубль ассигнаціями рубль серебра, стоившій тогда вчетверо. Сверхъ того, по условію они должны были получать чрезъ каждые три года чинъ, независимо отъ производства за отличіе; пользуясь этимъ, комендантъ и вывелъ своего племянника въ теченіи 12 лѣтъ изъ подпоручиковъ въ полковники. На такихъ-же условіяхъ былъ и прикомандированный для чтенія писемъ штабъ-офицеръ. Священникъ и докторъ получали также четверной окладъ и сверхъ того награды. Въ постоянномъ распоряженіи коменданта находилась инвалидная рота съ тремя офицерами для занятія карауловъ и казачій отрядъ съ офицеромъ; но коменданту предоставлено было право требовать особые наряды отъ войскъ и земства, какъ и было то, когда переходили мы изъ Читы въ Петровскій заводъ. Деньги наши хранились въ мѣстныхъ горныхъ управленіяхъ и выдавались чрезъ коменданта; отъ горнаго же вѣдомства шло жалованье (1 р. 98 к.) и провіантъ (2 пуда муки), которые выдавались помѣсячно; оно назначало также прислугу намъ, въ Читѣ отъ земскаго наряда, а въ Петровскомъ заводѣ изъ ссыльныхъ, причемъ развилось множество злоупотребленій со стороны служащихъ въ штабѣ коменданта, такъ какъ приписывали будто бы для прислуги къ каземату множество такихъ людей (даже прачекъ), которыхъ въ казематѣ никогда и не видали, а которые жили у плацъ-майора и плацъ-адъютантовъ. Прислуга состояла вся на нашемъ жалованьи и содержаніи и ея было очень много. Въ казематѣ было 12 отдѣленій и въ каждомъ по одному сторожу изъ инвалидовъ, да по прислужнику изъ ссыльныхъ, кромѣ того четыре повара, два хлѣбопека, два баньщика, два огородника и работникъ, смотрѣвшій за свинымъ хлѣвомъ. Баня и огороды были устроены на нашъ счетъ; мытьемъ бѣлья занимались преимущественно солдатскія жены. Въ началѣ предположено было содержать въ казематѣ только тѣхъ, кто былъ судимъ верховнымъ уголовнымъ судомъ; но потомъ, вслѣдствіе ложныхъ опасеній возмущенія, горное начальство выслало въ Читу всѣхъ, кто только былъ въ заводахъ сосланъ изъ дворянъ, какъ по политическимъ, такъ и не политическимъ преступленіямъ. Поэтому были присланы офицеры Черниговскаго полка и два саперныхъ офицера съ однимъ полякомъ, какъ члены тайнаго общества, возникшаго въ западномъ краѣ. Тѣ и другіе судились обыкновеннымъ военнымъ судомъ. Присланъ былъ тогда же и братъ мой Ипполитъ и его товарищи по Оренбургской затѣѣ и майоръ Кучевскій, сосланный за намѣреніе поджечь Астрахань, а потому и прозванный въ казематѣ брантъ-майоромъ, личность въ высшей степени отталкивающая отъ себя явнымъ ханжествомъ и послѣ-

дующими своими дѣйствіями вполнѣ оправдавшая недовѣріе къ своему лицемѣрію. Его звали также «шишка», потому что при земныхъ поклонахъ онъ билъ лбомъ въ землю, и набилъ себѣ огромную шишку на лбу; звали также и «пучекъ», потому что онъ связывалъ назади въ пучекъ свои волосы, какъ дѣлали то церковные причетники. Его особенно долго не хотѣлъ комендантъ ни смѣшивать съ нами, ни принимать, но изъ Петербурга рѣшили, что, хотя никого бы не слѣдовало смѣшивать съ нами, но, если они уже присланы въ казематъ, то пусть въ немъ и остаются. Наконецъ въ Петровскій заводъ былъ присланъ слѣпой полякъ Сосиновичъ, сосланный за укрытіе польскаго эмиссара Канарскаго.

Пока не началось отправленіе на поселеніе, то большее число находившихся въ казематѣ доходило до 91-го человѣка. Кромѣ того съ судьбою каземата были связаны и какъ бы причислялись къ нему и жены нѣкоторыхъ товарищей нашихъ. Между послѣдними было много женатыхъ, и почти всѣ жены изъявили желаніе слѣдовать за мужьями, но иныя остались по волѣ мужей для воспитанія дѣтей; другимъ не позволялъ ѣхать недостатокъ средствъ. Впрочемъ, всѣ оставшіяся въ Россіи сохранили вѣрность своимъ мужьямъ, и только впослѣдствіи три изъ нихъ, жены Осипа Поджіо, Лихарева и Фаленберга вышли замужъ, воспользовавшись закономъ, считающимъ бракъ расторженнымъ, въ случаѣ ссылки мужа или жены. Въ Иркутскіе заводы пріѣхала Трубецкая, въ Благодатскій рудникъ Волконская; въ Читу—Муравьева, Янтальцева, Нарышкина, Давыдова, Фонъ-Визинъ и Анненкова; въ Петровскій заводъ Юшневская, Розенъ и Ивашева. Почти всѣ строили себѣ какъ въ Читѣ, такъ и въ Петровскомъ заводѣ собственные дома, и въ Читѣ въ казематъ допускались только на свиданіе съ мужьями очень короткое время и то при караульномъ офицерѣ, дополняя это потомъ свиданіемъ у частокола, что составляло главный источникъ дохода для наружныхъ часовыхъ, которые не дозволяли подходить къ частоколу. Но въ Петровскомъ заводѣ, такъ какъ сначала перестали отпускать мужей къ женамъ на домъ, какъ вошло то уже въ послѣднее время въ обычай въ Читѣ, жены должны были жить въ казематѣ съ мужьями въ ихъ номерахъ, имѣя впрочемъ свободный выходъ, что явно противорѣчило, однако, условіямъ содержанія въ казематѣ, такъ какъ черезъ это не только дѣлалось возможнымъ словесное сообщеніе съ посторонними, но и передача всего въ казематъ и обратно.

Впослѣдствіи наша «колонія» умножилась еще дѣтьми нашихъ товарищей. Въ Читѣ родились двѣ дочери у Анненкова, изъ которыхъ старшая впослѣдствіи умерла; дочь у Волконскаго, также умершая при самомъ рожденіи; дочь у Трубецкого, сынъ у Давыдова и дочь у Муравьева. Вообще же число всѣхъ родившихся въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ было болѣе 20-ти, но многіе тамъ и умерли, такъ что до зрѣлаго возраста дошла только половина. Старшая дочь Трубецкого, превосходная дѣвушка, была за сенаторомъ Ребиндеромъ, и умерла; двѣ другія также замужемъ; дочь Муравьева за-

мужемъ въ Москвѣ; сынъ Волконскаго женатъ, дочь Анненкова также замужемъ; сынъ его пріобрѣлъ похвальную извѣстность въ Нижнемъ-Новгородѣ, какъ честный и энергическій судебный слѣдователь; дочь Давыдода осталась дѣвицею, сынъ Розена женатъ.

Въ заключеніе надо сказать, что въ числѣ другихъ выгодъ, которыя обѣ мѣстности, какъ Чита, такъ и Петровскій заводъ, извлекали отъ нашего пребыванія въ нихъ, было учрежденіе въ нихъ почтовыхъ конторъ, которыхъ до насъ не было и которыя остались тамъ и послѣ насъ.

Казематъ наполнялся такимъ образомъ, что сначала очистили Петропавловскую крѣпость въ Петербургѣ, гдѣ оказалась надобность въ помѣщеніи для членовъ польскаго тайнаго общества, привозимыхъ изъ Варшавы. Затѣмъ стали отправлять изъ Шлиссельбурга; отправленіе же изъ финляндскихъ крѣпостей продолжалась до лѣта 1828 года и такъ, что самую послѣднюю категорію изъ числа осужденныхъ въ работу, ту, которой срокъ былъ только на одинъ годъ, привезли послѣднею и срокъ работы сочли ей со дня привоза въ Читу. Такимъ образомъ, хотя приговоръ произнесенъ былъ 10-го іюля 1826 года, и не по ихъ винѣ они такъ долго не поступали въ работу, а держали ихъ въ крѣпостяхъ, на поселеніе отправились они только лѣтомъ 1828 г. При этомъ надобно замѣтить, что и мѣста для ихъ поселенія были выбраны самыя дурныя, какъ напр. Березовъ; Туруханскъ и т. п. Тѣ изъ нашихъ товарищей, которые находились въ Благодатскомъ рудникѣ, привезены были въ Читу, какъ и упомянуто выше, въ октябрѣ 1827 г.

Между тѣмъ, какъ тѣхъ, которые судились верховнымъ уголовнымъ судомъ и одни исключительно признавались правительствомъ за политическихъ, привозили обыкновенно въ Сибирь съ фельдъегерями и отправляли изъ Тобольска также на подводахъ въ сопровожденіи казачьяго офицера или чиновника,—всѣхъ другихъ, помѣщенныхъ также въ казематъ, но судившихся обыкновеннымъ военнымъ судомъ офицеровъ изъ Брестъ-Литовска, лицъ, замѣшанныхъ по дѣлу брата въ Оренбургѣ и пр.) отправляли, какъ простыхъ ссыльныхъ, съ партіями пѣшкомъ и прямо въ Нерчинскіе заводы.

Побѣги ссыльныхъ изъ заводовъ не рѣдкость,—бѣгутъ и по-одиночкѣ и цѣлыми партіями. Одинъ изъ офицеровъ Черниговскаго полка, Сухиновъ, имѣлъ неосторожность болтать съ простыми ссыльными, не принявъ въ соображеніе, что ничто такъ не развито въ Сибири, какъ доносы и обыкновенно съ примѣсью чисто фантастическихъ предположеній и толкованій, какъ мы это постоянно испытывили въ приложеніи къ себѣ. Вотъ и сдѣланъ былъ доносъ, что будто бы Сухиновъ затѣвалъ всеобщее возмущеніе ссыльныхъ. Не надѣясь на безпристрастіе заводскаго суда и опасаясь, чтобы не подвергли его тѣлесному наказанію, Сухиновъ лишилъ себя жизни; а заводское начальство съ перепугу выслало къ коменданту въ Читу всѣхъ безъ различія, кто только былъ въ числѣ ссыльныхъ изъ дворянъ. Такимъ образомъ, примѣшали къ намъ человѣкъ 12 очень невыгодной примѣси, которая своими дѣйствіями навлекала дурную славу на весь

казематъ, да и во внутренней жизни его была поводомъ ко многимъ смутамъ и орудіемъ многихъ непріятностей. Что же касается до отправленія изъ каземата, то первыми отправленными были Корниловичъ, котораго увезли сначала въ Петербургъ, а оттуда на Кавказъ и Толстой (Владиміръ), который былъ отправленъ прямо на Кавказъ въ видѣ милости.

Мы сказали выше, что тому разряду, который былъ осужденъ въ работу только на годъ, этотъ годовой срокъ сочли со дня привоза въ Читу, но потомъ въ Петербургъ одумались и слѣдующему разряду, который былъ приговоренъ на три года работы, сочли уже срокъ со дня приговора, такъ что и этотъ разрядъ отправился на поселеніе также изъ Читы, и между отправленіями обоихъ разрядовъ, вмѣсто двухлѣтняго промежутка, прошло очень немного времени.

Неизвѣстно, почему такъ торопились перевести насъ изъ Читы въ Петровскій заводъ, коль скоро ясно было, что употреблять насъ въ заводскія работы очень опасаются. Казематъ, строившійся въ Петровскомъ заводѣ, далеко не былъ оконченъ. Онъ не былъ еще ни обшитъ снаружи, и не оштукатуренъ внутри, какъ было получено приказаніе лѣтомъ въ 1830 году перевести насъ туда. Всѣ оставляли Читу съ большимъ сожалѣніемъ. Необходимость смягчила многія суровыя условія нашего содержанія. Женатые изъ нашихъ товарищей построили себѣ дома, и, постепенно улучшая ихъ, сдѣлали уже вполнѣ удобными для житья, и, кромѣ того, обзавелись хозяйствомъ. Не только дамы не имѣли уже надобности ходить въ казематъ на свиданіе или мерзнуть у частокола, но и мужья ихъ постоянно уже жили въ своихъ домахъ, чрезъ что и въ казематахъ стало несравненно просторнѣе, независимо отъ большаго числа казематовъ и частныхъ домиковъ, построенныхъ внутри оградъ при нихъ, владѣльцы которыхъ также постоянно уже въ нихъ жили. Жизнь, вздорожавшая было съ начала нашего прибытія, сдѣлалась потомъ очень дешева и изобильна, такъ что въ Читѣ можно было достать все, и въ этомъ отношеніи она стояла выше многихъ провинціальныхъ городовъ. Года нашего пребыванія въ Читѣ были необычайно благопріятные по урожаю и теплому времени. Въ 1829 г. весна была благопріятная, а осенніе морозы или утренники, обыкновенно начинающіеся еще въ августѣ, начались въ этотъ годъ не прежде половины сентября. Устроенный нами огородъ далъ необычайный урожай исполинскаго размѣра овощей, такъ что, по изготовленіи нужнаго для себя самихъ изобильнаго запаса, мы могли надѣлить овощами все бѣдное населеніе Читы. Огромная масса денегъ, пущенная нами въ оборотъ, привлекла со всѣхъ сторонъ торговцевъ и при свободной конкурренціи произвела изобиліе и дешевизну. Притомъ больные и бѣдные получили всякаго рода вспоможеніе. По всему этому и не мудрено, что въ памяти жителей эпоха нашего пребыванія въ Читѣ сохранилась, какъ особенное благословеніе Божіе. Здѣсь кстати замѣтить, что убѣжденіе, что это именно мы принесли счастье, было такъ глубоко, что когда черезъ 9 лѣтъ я пріѣхалъ на жительство въ Читу, то мой пріѣздъ сочтенъ былъ всѣми за предна-

менованіе, что благословленные года воротятся съ моимъ возвращеніемъ, и какъ нарочно случилось такъ, что вѣра жителей въ это оправдалась, и слѣдующій годъ по моемъ пріѣздѣ напомнилъ благодатные года нашего общаго пребыванія въ Читѣ.

Начались приготовленія къ отправленію, грустныя и для жителей, несмотря на то, что они изъ самыхъ этихъ приготовленій извлекали себѣ немалую выгоду; но особенно грустны были они для насъ; извѣстное уже положеніе и сдѣлавшееся уже сноснымъ, и по дѣйствительному его улучшенію и по привычкѣ къ нему, мы мѣняли на неизвѣстное, которое притомъ во всякомъ случаѣ должно было быть гораздо хуже. Мы знали уже, что Петровскій заводъ—мѣсто вообще невыгодное, и что казематъ расположенъ на болотѣ и дурно построенъ вслѣдствіе воровства инженеровъ. Къ тому же не было уже тайною для насъ и то, что въ комнатахъ, назначенныхъ для насъ, нѣтъ оконъ. Къ довершенію невыгоды, и время отправленія подошло подъ осень; начались уже осенніе дожди, а какъ переходъ былъ расписанъ на основаніи военныхъ маршрутовъ, то и долженъ былъ онъ продолжаться полтора мѣсяца. Все это съ безконечными хлопотами сборовъ, укладыванія, отправленія напередъ обозовъ и всяческой, неизбѣжной въ такихъ случаяхъ, суеты, порождало общее дурное расположеніе.

Но прежде, нежели я приступлю къ описанію нашего необычайно страннаго во всѣхъ отношеніяхъ перехода, я долженъ упомянуть объ одномъ событіи въ Читѣ, которому суждено было имѣть важное вліяніе не только на мою личную участь, но впослѣдствіи и на судьбу цѣлаго края.

Въ 1829 г., когда я былъ совершенно погруженъ въ ученыя занятія, отъ которыхъ отрывался только тогда, когда товарищи призывали меня къ общественной дѣятельности, что случалось только въ важныхъ случаяхъ (ко мнѣ, какъ къ человѣку, не принимавшему никогда участія въ ссорахъ партій или личныхъ, обыкновенно обращались, когда нужно было безпристрастное постороннее посредничество. Кромѣ того, меня всегда выбирали для составленія какихъ нибудь постановленій и какъ судью по общественнымъ дѣламъ) вдругъ стали дѣлать мнѣ какіе-то странные намеки о какомъ-то необычайномъ событіи, въ которомъ будто бы я играю завидную роль. Наконецъ начали говорить яснѣе, что вотъ влюбилась въ меня какая-то прекрасная дѣвушка и хочетъ идти за меня замужъ. Я сначала принималъ это за шутку, и тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ выслушивалъ эту болтовню, что мысли мои въ это время направлены были совсѣмъ къ иному. Но вотъ однажды вечеромъ мнѣ сказали, что одна изъ нашихъ дамъ проситъ меня подойти къ частоколу, потому что ей очень нужно поговорить со мною. Меня это удивило, потому что прежде этого никогда не случалось; и если и бывало, что дамы, служившіе посредницами въ перепискѣ моей съ родными, имѣли надобность спросить меня что нибудь насчетъ письма, то дѣлали это обыкновенно чрезъ своихъ мужей. Подхожу и вижу Прасковью Егоровну Анненкову, которую я зналъ еще менѣе, чѣмъ другихъ. Она извиняется, что потревожила меня и оторвала отъ занятій, но оправдывается

тѣмъ, что должна сообщить мнѣ дѣло величайшей важности и проситъ меня отнестись къ нему и принять ея сообщеніе вполнѣ серьезно. Она говоритъ мнѣ о своей дружбѣ съ семействомъ главнаго мѣстнаго горнаго начальника и о всеобщемъ къ нему расположеніи и уваженіи, котораго оно вполнѣ заслуживаетъ; говоритъ, что семейство это очень, многочисленно, что теперь при нихъ находится старшій сынъ на службѣ и одинъ маленькій, но есть еще одинъ въ корпусѣ; дочерей же шесть, изъ нихъ четыре взрослыя, а двѣ еще небольшія. Затѣмъ Прасковья Егоровна какъ-то заминается. Проходитъ минута молчанія. Я воображаю себѣ, что вѣрно дѣло идетъ объ обученіи меньшихъ дѣтей, и, что зная мои занятія, совѣстятся просить меня о томъ, между тѣмъ какъ для дѣтей дѣйствительно чрезвычайно важно воспользоваться такимъ случаемъ для образованія, какого до сихъ поръ они не имѣли и котораго, съ нашимъ уходомъ изъ Читы, можетъ быть никогда уже не представится впередъ, и потому счелъ своею обязанностію вывести Прасковью Егоровну изъ затрудненія и предупредить просьбу объявленіемъ, что я очень радъ заняться обученіемъ дѣтей горнаго начальника и дѣлаю это тѣмъ съ большею охотою, что давно и самъ желалъ отплатить семейству за услугу ихъ въ томъ, что они заботятся о моей спартанской похлебкѣ [1]).

«Ну нѣтъ, Дмитрій Иринарховичъ, тутъ дѣло идетъ совсѣмъ о другомъ», сказала Прасковья Егоровна. «Вотъ видите-ли: третья изъ дочерей, самая красивая, самая способная и самая одобряемая по характеру, имѣла вотъ уже трехъ жениховъ, очень выгодныхъ по здѣшнимъ понятіямъ и обстоятельствамъ. Причины, по которымъ она отказала первому, найдены уважительными и родителями; насчетъ повода къ отказу второму можно было еще спорить. Что же касается до третьяго, то, по обычнымъ понятіямъ, никакихъ особенныхъ возраженій сдѣлать было нельзя. Родители настаивали; и вотъ при этомъ-то и исторгли ея тайну. Она объявила, что любитъ васъ и кромѣ, какъ за васъ, ни за кого замужъ не пойдетъ, и сказала это съ такимъ спокойствіемъ и твердостію, что родители, зная ея обычную кротость и повиновеніе, поняли, что въ глубинѣ души ея дѣло безвозвратно рѣшено. Вы знаете, какъ велико будетъ въ краѣ предубѣжденіе противъ такого союза, какъ робокъ Семенъ Ивановичъ и какъ тяжело ему будетъ идти противъ этого предубѣжденія, но однако и онъ увидѣлъ, что тутъ

---

[1]) Я только потому и зналъ о существованіи семейства у горнаго начальника, что онъ, видя затрудненіе приготовлять мнѣ постную овощную пищу на нашей кухнѣ, какъ по неумѣнью поваровъ, такъ и по недостатку иногда разнообразія въ овощахъ, предложилъ дѣлать это у себя: и хотя, и со своей стороны старался отблагодарить ихъ, посылая имъ разныя вещи, получаемыя нами, но все же считалъ себя въ долгу за постоянное ихъ вниманіе и хлопоты. Самое затрудненіе въ предполагаемой просьбѣ я истолковалъ ихъ деликатностью и опасеніемъ, чтобы я не подумалъ, что они требуютъ отъ меня услуги въ уплату за оказываемую ими. Кромѣ того, я тѣмъ болѣе былъ увѣренъ, что дѣло идетъ объ ученьи, что слышалъ еще прежде, что горный начальникъ давно желалъ, чтобы кто-нибудь изъ насъ поучилъ его дѣтей, и только комендантъ на это въ Читѣ еще не соглашался.

нечего дѣлать и разрѣшилъ мнѣ сказать это вамъ. Я сама тоже совѣтовала; вы знаете какое всѣ имѣютъ къ вамъ довѣріе; мы увѣрены, что вы одни сумѣете найти, какъ лучше поступить въ этомъ случаѣ».

Я былъ до крайности озадаченъ. Въ первой части записокъ изложено было, какъ я былъ остороженъ во всѣхъ отношеніяхъ своихъ къ женщинамъ, почему очень рано приведенъ былъ къ размышленіямъ о бракѣ, и какъ смотрѣлъ на него. Тамъ же разъяснены были и причины, почему я вопреки стараніямъ многихъ скорѣе женить меня, и несмотря на то, что представлялись превосходныя партіи, не только всячески уклонялся отъ вступленія въ бракъ, но никогда не давалъ воли чувству, которое въ случаѣ усиленія могло бы меня невольно увлечь въ супружество. Какъ по моимъ понятіямъ о супружескомъ союзѣ, о достоинствѣ и равноправности женщины, такъ и потому, что, посвятивъ себя уже общественной дѣятельности и дѣятельности политической съ готовностью на крайнюю жертву, я въ дѣлѣ брака менѣе, нежели въ чемъ нибудь допускалъ эгоистическія побужденія и увлеченіе женщины въ невольную жертву. Мнѣ, какъ человѣку, посвятившему себя на высшее служеніе, казалось уже несвойственнымъ и неприличнымъ руководствоваться обычными побужденіями страсти и разсчета, и потому супружество, если и представлялось мнѣ когда либо возможнымъ, то только въ двухъ случаяхъ, а именно, или когда я найду себѣ достойную помощницу для высшей цѣли, къ которой я стремился и для которой жертвовалъ собою, или когда я могу убѣдиться, что составлю счастіе другого человѣка. Но если эти условія не легко были осуществимы и въ прежнемъ положеніи, то понятно, что я не могъ и думать о чемъ либо подобномъ въ томъ положеніи, въ какомъ находился послѣ приговора.

Ясно было, что ни та, ни другая цѣль, которыя, по моимъ убѣжденіямъ, однѣ могли заставить меня рѣшиться на женитьбу, казались неосуществимы въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ сдѣлано было мнѣ такое неожиданное сообщеніе. Правда, что рѣшимость дѣвицы обнаружила въ ней возвышенный духъ, искавшій условій счастія не во внѣшнихъ выгодахъ; но чтобы быть мнѣ помощницею для высшей цѣли, которой я отдалъ всего себя, ей недоставало образованія, которое могло бы поставить ее въ уровень съ разумѣніемъ этой цѣли. Конечно, я имѣлъ настолько права довѣрять себѣ, что не сомнѣвался въ возможности исправить недостатки ея образованія, но для этого требовались безотлагательный приступъ къ дѣлу и постоянное занятіе и вліяніе, а получить отъ правительства немедленное разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ не представлялось никакой надежды, такъ какъ даже и впослѣдствіи, когда строгость содержанія значительно ослабла, Лепарскій никогда не рѣшался сдѣлать о томъ представленія, опасаясь, чтобы это не повело къ изслѣдованію внутреннихъ порядковъ нашего содержанія. Что же касается до второй цѣли—жениться потому, что я могъ сдѣлать дѣвушку счастливою, какъ она говорила,—то какъ ни увѣренъ я былъ въ себѣ, что, конечно, со своей стороны употреблю всѣ мои усилія къ тому, но положеніе мое представлялось

такимъ безнадежнымъ, что пріобщать къ нему даже и привязаннаго ко мнѣ человѣка, казалось, значило бы подвергать его слишкомъ сильному искушенію. Намъ предстояло еще 17 лѣтъ тюремнаго заключенія: и еще бы это имѣло менѣе значенія, если бы мы оставались, по крайней мѣрѣ, въ Читѣ. Тамъ можно было бы устроить постоянныя свиданія, которыя дали бы возможность, съ одной стороны заняться образованіемъ моей невѣсты, а съ другой нравственно поддерживать ее. Теперь же мы должны были на слѣдующій годъ отправиться въ Петровскій заводъ, а каковы будутъ условія тамошняго положенія, даже для женъ нашихъ товарищей, было совершенно неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ не обѣщало ничего хорошаго. Къ тому же переѣзжать ей туда не представлялось никакой возможности; тамъ надо было бы ей жить въ чужомъ домѣ. И такъ не было другого выбора, какъ или разлука на долгое время, или долгая зависимость отъ чужихъ людей, съ ненадежною, притомъ, перспективою даже на рѣдкія свиданія. Послѣ всего этого будетъ понятно, что, какъ ни тронутъ я былъ сдѣланнымъ мнѣ предложеніемъ, я еще болѣе былъ встревоженъ имъ. Поэтому, я рѣшился изложить ей съ полною откровенностью всѣ возраженія и всѣ препятствія, которыя истекали изъ данныхъ нашихъ обстоятельствъ, чтобы убѣдить ее отказаться отъ своего желанія и рѣшенія; а такъ какъ комендантъ ни за что не рѣшился бы допустить меня до свиданія съ семействомъ горнаго начальника въ его домѣ, то я дождался отъѣзда его на инспекцію въ заводы, и тогда болѣе сговорчивый плацъ-майоръ согласился отпустить меня къ Анненковымъ, откуда я и отправился въ домъ горнаго начальника.

Я не зналъ и никогда не видалъ до того времени дочерей его, исключая самой маленькой, которая была еще ребенкомъ и бѣгала часто на лугу, чрезъ который мы ходили купаться. Но насъ онѣ могли хорошо знать, потому что мы всякій день ходили на мельницу, находившуюся прямо противъ ихъ дома, а въ лѣтнее время даже ходили противъ него на улицѣ или сидѣли на крыльцѣ мельницы. Впрочемъ, конечно, не наружность моя въ то время привлекала мою будущую жену. Такъ какъ намъ не позволяли самимъ бриться въ казематѣ, то я какъ и многіе мои товарищи, предпочиталъ ходить съ бородой, не бывшей тогда въ такой еще модѣ, какъ теперь; къ тому же, не употребляя въ то время никакой другой пищи, кромѣ овощной, я былъ очень худъ и блѣденъ, съ лицомъ, утомленнымъ непрерывными занятіями. О щегольствѣ въ одеждѣ я и всегда очень мало думалъ. Причины, привлекшія ко мнѣ дочь горнаго начальника, были совсѣмъ иного рода; однѣ изъ нихъ были общія, другія относились исключительно ко мнѣ. Изъ числа первыхъ, какъ послѣ объясняла она мнѣ сама, особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на нее пріѣздъ женъ моихъ товарищей, пробудившій въ ней совсѣмъ новыя понятія о семейной жизни. На меня же выборъ ея палъ потому, чта она постоянно слышала, что всѣ ставили меня на первое мѣсто Домъ ихъ, по званію ея отца и по услугамъ, которыя оказывало семейство, постоянно

посѣщался всѣми, отъ высшихъ до низшихъ,—и нашими дамами, и начальниками, какъ и солдатами, содержавшими при насъ караулы, и нашею прислугою, и отъ всѣхъ она слышала постоянныя похвалы мнѣ. Начальники меня очень уважали, хотя и не любили и даже очень боялись, называя меня единственнымъ опаснымъ (разумѣется, для деспотизма) человѣкомъ. Ихъ инстинктъ указалъ имъ во мнѣ непримиримаго противника деспотизму, тогда какъ относительно другихъ они скоро убѣдились, что могутъ сойтись съ такъ называемыми революціонерами болѣе или менѣе на почвѣ интереса, видя, какъ податливы многіе изъ насъ оказались въ этомъ отношеніи. Между товарищами я имѣлъ отъявленныхъ противниковъ, но и жаркихъ партизановъ, и извѣстно было, что всѣ лучшіе люди были въ числѣ послѣднихъ, да и самые ожесточенные противники мои имѣли полное довѣріе къ моему безпристрастію, почему я и выбирался при важныхъ случаяхъ посредникомъ нерѣдко единогласно. Но особенно поражало ее свидѣтельство такъ называемой меньшей братіи нашей, которые также инстинктивно чувствовали, что я былъ искреннимъ и дѣйствительнымъ защитникомъ, не терпѣвшимъ и не допускавшимъ никакой несправедливости относительно ихъ и ограждавшимъ ихъ отъ нравственнаго зла, какое легко могли причинить имъ эгоистическія стремленія другихъ. Уже въ Читѣ извѣстенъ былъ не одинъ примѣръ, съ какою энергіею и неуклончивостью я обуздывалъ дурныя наклонности нѣкоторыхъ нашихъ товарищей, имѣвшія вредное вліяніе на простыхъ людей, которымъ такъ трудно устоять противъ соблазна денежныхъ выгодъ.

Я увидѣлъ дѣвушку замѣчательной красоты. Она усиливалась еще вслѣдствіе усилій подъ наружнымъ спокойствіемъ скрыть душевное волненіе, охватившее ее при свиданіи со мною. Впрочемъ, красота ея не произвела на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія и не красота развила во мнѣ впослѣдствіи сильное, и искреннее чувство, а сознаніе долга и ея нравственныя качества. Надо сказать, что я вообще никогда не поддавался вліянію красоты и принималъ противъ этого всегда большія предосторожности, такъ какъ ничего такъ не опасался, какъ возбужденія чувства, независимо отъ нравственнаго достоинства лица, къ которому оно относилось. Молча, протянула она мнѣ свою дрожащую руку. Я высказалъ ей все, что по моему убѣжденію обязанъ былъ, какъ честный человѣкъ, сказать, чтобы отклонить ее отъ ее намѣренія. Въ отвѣтъ на мои слова она сказала, что проситъ у меня извиненія, если не съумѣетъ хорошо выразить свои чувства и мысли другимъ, особенно постороннимъ, съ которыми не привыкла и просто и разговаривать. Несмотря однако на такую оговорку ея, она находила очень приличныя выраженія для своихъ вполнѣ опредѣленныхъ мыслей, такъ что видно было, что все, что она говорила, было ее давно и зрѣло обдумано и глубоко прочувствовано. Она говорила довольно долго и постепенно одушевляясь въ тонѣ рѣчи, но съ глубокимъ спокойствіемъ, показывавшимъ глубокое убѣжденіе. Сущность сказаннаго ею заключалось въ томъ, что она проситъ меня рѣшить вопросъ болѣе по отно-

шенію не къ ней, но къ себѣ; относительно себя она говорила, что нисколько не сомнѣвается, что будетъ счастлива, въ какомъ бы положеніи мы ни находились, такъ какъ ей хорошо извѣстны всѣ мои достоинства, а къ труду и скромному положенію она съизмала привыкла. Но она боится одного, не слишкомъ-ли бы смѣло съ ея стороны, что она могла подумать, что она для меня можетъ имѣть какое-нибудь значеніе, что своею преданностію, своими заботами она можетъ быть въ чемъ нибудь полезна такому человѣку, который, по общему свидѣтельству, до такой степени жертвуютъ собою для пользы другихъ и для общаго блага. Что же касается до продолжительности срока нашего заключенія, то она готова ждать хоть бы 17 лѣтъ, лишь быть увѣренной въ исполненіи хоть когда нибудь ея желанія, и что это тѣмъ менѣе для нея будетъ въ тягость, что ея положеніе не будетъ отъ этого хуже теперешняго; а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пожалуй и лучше, хоть тѣмъ, что избавитъ ее отъ другихъ искателей. Наконецъ сказала она, что она очень хорошо знаетъ, что она мнѣ не ровня по образованію, но что если я ей дамъ на этотъ счетъ какія либо наставленія, то она примется со всѣмъ усердіемъ за ученіе, чтобы, сколько отъ нея будетъ зависѣть, поправить недостатки ея воспитанія, и сдѣлаетъ это тѣмъ охотнѣе, что она всегда желала учиться, но только не имѣла никогда на то ни случая, ни средствъ, такъ какъ не только невозможно было ихъ имѣть дома, да и въ цѣломъ краѣ не было воспитательныхъ заведеній.

Что мнѣ было отвѣчать на это? Я былъ глубоко тронутъ, но однако не увлекся до забвенія обязанности думать больше объ ея пользѣ и о достиженіи той высшей цѣли, къ которой я непреклонно стремился, нежели о радостяхъ для себя въ жизни, и потому сказалъ ей, что съ этихъ поръ я принимаю на себя заботы о ней во всѣхъ отношеніяхъ, но никакъ не хочу связывать ее безвозвратнымъ рѣшеніемъ, а прошу ее считать себя совершенно свободною, окончательное-же рѣшеніе съ моей стороны будетъ зависѣть отъ того, насколько я буду въ состояніи согласить его съ другими своими обязанностями и убѣжденіемъ, что дѣйствительно могу сдѣлать ее такъ счастливою, какъ она надѣялась.

Послѣ этого мы нѣсколько разъ видѣлись и вели переписку, но я былъ очень остороженъ въ отношеніяхъ моихъ къ ней, чтобы нисколько и ничѣмъ не стѣснить ея свободу въ будущемъ. Но за то я принялъ всѣ возможныя мѣры, чтобы развить ея образованіе и направить его по правильному пути.

IX.

Я сказалъ выше, что мы покидали Читу въ очень дурномъ расположеніи духа и объяснилъ причины тому. Была впрочемъ и еще одна причина, которая много содѣйствовала мрачному настроенію—это разрушеніе иллюзій насчетъ общей амнистіи или по

крайней мѣрѣ сокращенія сроковъ. Правда, всѣ помнили отзывъ Павскаго о царствующемъ Государѣ, что онъ горячъ, какъ Павелъ, и злопамятенъ, какъ Александръ; всѣ видѣли въ примѣрахъ (относительно перемѣны срока при коронаціи, ограничившейся замѣною однихъ словъ другими, относительно тюремнаго заключенія и желѣзъ сверхъ приговора, и особенно въ томъ, какъ разочло правительство, однолѣтній срокъ низшему разряду, прекративъ его въ трехлѣтній), что онъ скорѣе готовъ усилить наказаніе, чѣмъ смягчить его; однако большинство изъ насъ и нашихъ родныхъ охотно предавалось относя неправильныя сначала дѣйствія правительства къ раздраженію, которое было такъ естественно въ то время, когда еще была свѣжа память о событіи, не признавая зависимости политическихъ соображеній отъ личнаго характера Государя. Люди, самые преданные правительству, говорили вслухъ, а особенно нашимъ роднымъ, что амнистія законна и справедлива потому, что мы скорѣе были жертвою безвыходнаго состоянія государства, чѣмъ виновными въ настоящемъ смыслѣ, что Государь, самъ ознакомясь съ дѣлами, увидитъ до какой степени разстройства былъ доведенъ государственный организмъ, и было бы даже неестественно и безотрадно для Россіи, чтобы протестъ не выразился въ какой-нибудь формѣ, и если онъ принялъ дурной видъ, то и въ этомъ виновато все таки само правительство въ томъ, что не заботилось объ искреннемъ и правильномъ образованіи; что наконецъ даже тѣ, которые теперь надѣются, что новый Государь и безъ революціи поправитъ всѣ дѣла, не могутъ вмѣнять въ вину людямъ, что они не могли предвидѣть неожиданной случайности, воцаренія новаго Государя, желающаго улучшеній, потому что лѣта покойнаго Государя дѣлали вѣроятнымъ, что можетъ еще продлиться и даже ухудшиться то состояніе Россіи, въ какое она приведена была въ послѣднее время; а неизвѣстно, къ чему бы привело это всеобщее разстройство если бы оно не было остановлено хотя бы отчаянной какою попыткою.

Искренне-ли, по собственному-ли убѣжденію говорили такъ эти люди, или хотѣли только содѣйствовать видамъ правительства, рѣшить трудно; но несомнѣнно то, что правительство, увидя наклонность нашихъ родныхъ и публики вѣрить подобнымъ рѣчамъ, всячески старалось содѣйствовать тому, какъ для успокоенія общественнаго мнѣнія, такъ и для того, чтобъ удержать насъ въ спокойствіи, и потому безпрестанно распускало слухи, что вотъ при такомъ-то или при такомъ-то случаѣ будетъ амнистія. Все это черезъ письма родныхъ передавалось въ казематъ и отражалось въ немъ у большинства еще большими, можетъ быть, иллюзіями, чѣмъ тѣ, которымъ предавались наши родные въ Россіи. Дошло до того, что невозможно было противорѣчить возбужденнымъ надеждамъ, не вызывая противъ себя бурю неудовольствія. Напрасно я, проникнувши въ основы характера Государя, доказывалъ товарищамъ моимъ, что онъ никогда не сдѣлаетъ ничего, пока ожидаютъ, чтобы не подумали, что онъ уступилъ общественному мнѣнію, а если и сдѣлаетъ что, то развѣ тогда, когда явно будетъ, что это сдѣлано исключительно по его произволу, и что поэтому нечего терять времени въ пустыхъ

ожиданіяхъ, а лучше заниматься дѣломъ, — товарищи мои ничего не хотѣли слушать, и то и дѣло упрекали меня, что я ничему не хочу вѣрить, и полагаюсь будто бы по самолюбію скорѣе на свое собственное сужденіе, нежели на самыя положительныя свидѣтельства изъ Россіи, и въ оправданіе своихъ надеждъ показывали мнѣ кучу писемъ, въ которыхъ приводились будто бы собственныя слова даже самой Государыни: «Пусть молятъ Бога», говорила будто бы она, будучи беременна, «чтобы у меня родился второй сынъ, тогда участь ихъ будетъ непремѣнно облегчена». Но вотъ родился Константинъ Николаевичъ, и однако ничего не было. Потомъ надежды привязались къ окончанію Персидской кампаніи, но и тутъ ничего не воспослѣдовало. Со всѣмъ тѣмъ иллюзіи еще продолжались, несмотря на то, что даже начали строить уже казематъ въ Петровскомъ заводѣ.

«Что-жъ это значитъ», говорили противъ этого аргумента ожидавшіе амнистіи, «развѣ не начали также строить казематъ и въ Акатуѣ и однако же вотъ вотъ, вѣдь, бросили».

Особенно ярко разгорѣлись надежды вслѣдствіе удачнаго исхода Турецкой кампаніи, «Обаяніе славы», писали находящіеся при дворѣ родные, «непремѣнно расположить сердце царское къ великодушію».—Но вотъ и этотъ случай прошелъ безъ всякихъ ожидаемыхъ послѣдствій; вотъ и пять лѣтъ миновало, и раздраженіе, на которое сваливали вину отсрочки, должно бы ужъ успокоиться; вотъ и казематъ построили, и наконецъ получено приказаніе переводить въ него. Чѣмъ сильнѣе были иллюзіи, тѣмъ сильнѣе, какъ естественно и должно быть, послѣдовало всеобщее разочарованіе и тѣмъ сильнѣе уныніе у тѣхъ, которые наиболѣе горячились. Можно даже сказать навѣрное, что такое состояніе духа имѣло бы очень вредное вліяніе на многихъ и дурныя послѣдствія при вступленіи въ такую мрачную жизнь, какова была въ Петровскомъ казематѣ спачала, если бы тутъ не подоспѣло кстати извѣстіе о французской революціи, возбудившее надежды въ другомъ отношеніи, и увлекшее снова всѣ мысли и желанія въ политическую и умственную сферу, чѣмъ и отвлекло ихъ отъ мрачнаго настоящаго положенія и не давало вполнѣ предаваться ощущенію тягости его.

Для перехода въ Петровскій заводъ мы были раздѣлены на два отряда. Первый, въ которомъ находились низшіе разряды, и сопровождаемый плацъ-майоромъ, выступилъ двумя днями впередъ; второй, при которомъ находился самъ комендантъ, заключалъ въ себѣ старшія категоріи. Дамы ѣхали при тѣхъ отрядахъ, гдѣ были ихъ мужья, и только одна Муравьева уѣхала впередъ. Штабъ слѣдовалъ при комендантѣ, при которомъ также находился мѣстный исправникъ и главный Тайша Хоринскихъ родовъ, бурятъ.

Передъ нашимъ выступленіемъ стояло очень дождливое время, такъ что всѣ рѣки страшно разлились. Даже небольшая рѣчка Чита разлилась такъ, что нигдѣ нельзя было отыскать брода и надобно было устроить перевозъ. Въ самый день выступленія 9-го августа шелъ проливной дождь, однако никто изъ насъ не хотѣлъ садиться въ повозку, а всѣ шли по страшной грязи пѣшкомъ до самаго перевоза за четыре версты отъ селе-

нія. Почти всѣ жители провожали насъ, и намъ хотѣлось хоть разъ на прощанье побесѣдовать съ ними свободно. Жена и двѣ дочери горнаго начальника провожали насъ также до перевоза и оставались все время, пока продолжалась переправа, что длилось очень долго, такъ какъ несмотря на отправку главнаго обоза впередъ, и тотъ обозъ, который находился при насъ, былъ еще очень великъ. Каждый изъ насъ имѣлъ свою повозку; нѣсколько повозокъ было занято подъ нашею кухнею и провизіею. Кромѣ того были экипажи дамъ и штаба. Дорога лежала на Верхнеудинскъ чрезъ Бурятскую степь и составляла слишкомъ 600 верстъ.

Такъ какъ Бурятская степь почти безлюдна по главному тракту, а разстояніе между станціями очень большое, и самыя станціи нерѣдко состоятъ изъ одного только почтоваго дома, то для насъ вездѣ были и на половинѣ станціи и нерѣдко и на самыхъ станціяхъ приготовлены для лагеря бурятскія юрты. Въ срединѣ ставились юрты для насъ; по угламъ—для караульныхъ офицеровъ и солдатъ; въ боку большая бѣлая юрта для коменданта, а за нею юрты для его канцеляріи и штаба; кругомъ всего лагеря располагалась цѣпь конныхъ казаковъ и бурятъ. Кухни устраивались, смотря по направленію вѣтра, подъ вѣтромъ у лагеря, но внутри конной цѣпи. Для каждыхъ четырехъ человѣкъ изъ насъ назначалась особенная юрта; прислужники въ ней были изъ бурятъ, кое-что понимавшихъ по-русски; общую прислугу составляли солдаты и поселенцы, бывшіе въ прислугѣ при нашемъ хозяйствѣ, Если же случалось останавливаться въ деревнѣ, то для насъ очищали нѣсколько домовъ, выводя жившихъ въ нихъ и назначая прислугу, или, какъ называли, каморниковъ, изъ крестьянъ по наряду. Для покупки заблаговременно провизіи, одинъ изъ насъ ѣхалъ впереди за день съ офицеромъ, отправляясь всегда немедленно впередъ, коль скоро мы приходили въ лагерь, и онъ сдавалъ закупленную провизію. Впрочемъ, не запрещалось жителямъ приносить и къ лагерю на продажу разныя вещи, большею частію молоко, масло, ягоды, грибы и пр. Черезъ день бывали дневки и дни бани приноравливали къ днямъ, когда дневки случались въ деревнѣ, гдѣ можно было найти баню.

Я, Вольфъ, и Якушкинъ прошли всю дорогу пѣшкомъ и никогда не садились въ повозки, даже для краткаго отдохновенія. Такъ какъ почти всѣ большія станціи были раздѣлены на два перехода, то вообще разстоянія не были велики, и однако, и при этомъ на половинѣ дѣлался еще привалъ, впрочемъ болѣе для сопровождавшихъ насъ солдатъ, нежели для насъ, которые въ этомъ нисколько не нуждались. Въ началѣ путешествія развлекали еще новость положенія, знакомство съ бурятами и разныя смѣшныя приключенія, пока не привыкли къ новымъ порядкамъ, которыхъ требовало такое необычайное положеніе. Напр., на каждомъ ничтожномъ ручьѣ комендантъ приказывалъ наводить мостъ, и самъ на бѣломъ конѣ присутствовалъ при переправѣ. Однажды мы трое, соскучившись, что долго устраивали мостикъ, пошли черезъ рѣчку въ бродъ. Комендантъ страшно испугался, и, подскакавъ къ намъ, закричалъ намъ: «Господа, куда

вы это? Что вы дѣлаете такое? Развѣ вы не знаете, что если вы утонете, то вамъ ничего, а я буду навѣрное отвѣчать».—Но пока онъ кричалъ, мы уже благополучно переправились на другой берегъ, а онъ, во избѣжаніе впредь подобнаго случая, предписалъ исправнику ѣхать впередъ и вездѣ заблаговременно наводить мосты, а своему племяннику плацъ-майору, шедшему впередъ съ первой партіей, послалъ выговоръ, зачѣмъ онъ по крайней мѣрѣ не наводилъ мостовъ, которые въ такомъ случаѣ служили бы и для второй партіи, и тогда не было бы повода къ такому опасному эпизоду, какъ «безразсудная наша отвага» идти въ бродъ черезъ быструю рѣчку. Особенно сердился онъ на меня, что я показалъ примѣръ, а Вольфъ и Якушкинъ пошли за мною уже тогда, когда увидѣли, что я иду безопасно, Много смѣшили насъ каморники буряты, которые въ свою грязную посуду складывали и сливали всѣ остатки кушанья, вмѣстѣ и щи, и кофейную гущу, и пирожное, и говорили, что повезутъ это домой показать своимъ домашнимъ «что» ѣдятъ «князя». Забавенъ былъ и ихъ русскій языкъ. Напримѣръ бурятъ никогда не говорилъ «моя жена», а всегда «наша баба» и т. п,

Особенныхъ занятій, кромѣ чтенія, вообще не было. Только я снималъ виды по дорогѣ, а нѣкоторые, бывшіе офицеры генеральнаго штаба, дѣлали глазомѣрную съемку, и нѣтъ сомнѣнія, что если бы ничто не прерывало монотонности обычнаго препровожденія времени, то при скверной дорогѣ и чрезвычайно непріятномъ, отъ осеннихъ дождей, времени, неудобномъ помѣщеніи, холодѣ и дымѣ въ юртахъ (которыя при томъ иногда при сильныхъ дождяхъ и протекали, что случалось нерѣдко и ночью), большая часть изъ насъ впала бы неминуемо въ хандру. Но вотъ послѣ нѣсколькихъ переходовъ насъ догналъ нарочный съ почтою изъ Читы и привезъ газеты, содержавшія извѣстія о французской революціи и о всеобщемъ волненіи въ Европѣ.

Надо сказать, что тогда, когда не было телеграфовъ, извѣстія доходили очень поздно. Къ тому же, не зная о нашемъ выступленіи изъ Читы, постъ-пакетъ отправленъ былъ въ Читу, и оттуда уже посланъ обратно. Впослѣдствіи, по требованію коменданта, почту къ намъ клали въ Иркутскѣ въ особую сумку, и встрѣчавшаяся намъ по дорогѣ почта отдавала ее уже прямо коменданту.

Полученныя газеты измѣнили разомъ общее настроеніе. Все оживилось интересомъ самихъ извѣстій, независимо даже отъ неосновательныхъ надеждъ, возбужденныхъ у многихъ событіями въ Европѣ. Всѣ занялись чтеніемъ, пошли разговоры, сужденія; даже на самого коменданта явно подѣйствовали нежданныя извѣстія. Онъ впалъ въ раздумье, что и отразилось на смягченіи многихъ безполезныхъ строгостей, и даже до того, что въ деревнѣ Куляхъ онъ позволилъ намъ идти въ баню къ купцамъ Лосевымъ и пить у нихъ послѣ бани чай. На станціи Курбинской насъ догналъ С. И. Смольяниновъ, пріѣхавшій осмотрѣть предполагаемое открытіе мѣдныхъ рудъ; онъ привезъ мнѣ письма отъ всего семейства. Вскорѣ прискакалъ изъ Петербурга навстрѣчу намъ фельдъегерь съ предписаніемъ отнюдь не отсылать насъ ни въ какую заводскую работу, что еще

болѣе ввело въ раздумье коменданта. Въ городѣ Верхнеудинскѣ мы не останавливались, а только прошли чрезъ него и затѣмъ вступили на очень уже населенную дорогу и въ среду очень интереснаго населенія. Это были раскольники, предки которыхъ бѣжали въ Польшу при Петрѣ I и Биронѣ, а по раздѣлѣ Польши посланы Екатериною въ Сибирь на Алтай и Забайкалье. Это было чистокровное русское населеніе, не мѣшавшееся въ Сибири ни съ инородцами, ни съ ссыльными поселенцами. Въ то время, когда мы проходили чрезъ ихъ селенія, они были на высшей степени своего благосостоянія, развитаго ихъ трудомъ и трезвостью. Они принимали насъ чрезвычайно радушно и особенно старались сблизиться со мною, когда узнали отъ первой еще проходившей партіи, что я знаю древніе языки и самъ перевелъ все Св. Писаніе на русскій языкъ. Впослѣдствіи они часто пріѣзжали ко мнѣ бесѣдовать на Петровскій заводъ, привозили свои книги и вообще выказывали величайшее ко мнѣ довѣріе, охотно вступая въ разсужденія о своемъ расколѣ и о православіи, между тѣмъ какъ всячески уклонялись отъ подобныхъ разговоровъ съ другими, а особенно съ мѣстнымъ духовенствомъ и миссіонерами.

Послѣдняя дневка въ деревнѣ Хараузе, за два перехода отъ Петровскаго завода, пришлась 21-го сентября въ день моихъ именинъ. У насъ и обыкновенно именины каждаго товарища употреблялись, какъ поводъ къ развлеченію въ однообразной жизни; а тутъ, хотя я собственно и никогда не принималъ участія въ пирахъ, рѣшили отпраздновать мои именины на славу, въ послѣдній разъ «на свободѣ», какъ говорили. Обыкновенно во время похода мы обѣдали всѣ порознь, по юртамъ или по избамъ, въ которыхъ останавливались; но на этотъ разъ комендантъ согласился сдѣлать исключеніе, и позволено было намъ отобѣдать всѣмъ вмѣстѣ въ нарочно приспособленной къ этому празднеству избѣ. Къ вечеру вся дисциплина такъ ослабла, что въ праздникѣ приняли участіе и всѣ офицеры, докторъ и исправникъ. Вечеръ былъ прекрасный, и, когда у насъ раздалось пѣніе, почти вся деревня сбѣжалась слушать.

23-го сент. вступили мы въ Петровскій казематъ. День былъ дождливый и мрачный; Петровскій заводъ, лежащій въ котловинѣ, окруженный высокими горами, представлялъ очень непривлекательный видъ съ его обветшавшими и почернѣлыми заводскими строеніями; не видно было ни одного порядочнаго дома. Только вдали виденъ былъ казематъ съ красною крышею, безъ оконъ и съ какими-то ящиками внутри, какими представлялись внутренніе дворы, разгороженные высочайшими частоколами. Внутри впечатлѣніе было еще неблагопріятнѣе. Темныя комнаты, грязные болотистые дворы, голыя неотесанныя стѣны,—все напоминало скорѣе подвалы и амбары, нежели обитаемое зданіе. Но все это, все, что въ другое время произвело бы мрачное настроеніе духа, все неблагопріятное скользнуло только, можно сказать, по поверхности и прошло незамѣченнымъ или только подало поводъ къ насмѣшкамъ; до такой степени всѣ мысли были отвлечены въ другую сторону событіями въ Европѣ, и такъ рады были обѣ партіи увидѣться и потолковать послѣ семинедѣльной разлуки.

Вслѣдствіе воровства инженеровъ казематъ былъ построенъ скверно.—Изъ лѣса, который украли, главный инженеръ выстроилъ дома по подряду для Муравьевой и другихъ. Поэтому, въ стѣнахъ каземата было вложено много коротенькихъ обрубковъ, и иные такъ плохо, что ихъ можно было вытаскивать руками. Печи были очень дурно сложены, безпрестанно трескались и къ великому ужасу коменданта безпрестанно производили пожары, которыхъ онъ больше всего боялся, такъ какъ всю службу его съ него производили вычетъ за сгорѣвшій какой-то лазаретъ отъ его самовара, почему онъ съ тѣхъ поръ и не держалъ самовара у себя въ домѣ, а воду для чая грѣли въ чайникѣ. По плану, стѣны, раздѣлявшія комнаты, должны были быть двойныя, а промежутки забиты землею; инженеръ же, строившій казематъ, нашелъ выгоднѣе для себя вмѣсто двойной работы,—вывоза щепы и привоза земли,—свалить щепы и муссоръ въ промежутки между стѣнами, которыя вездѣ примыкали къ печамъ, такъ какъ на двѣ комнаты была одна печь. Вотъ эти-то стружки обыкновенно и загорались, такъ что вынуждены были вездѣ стѣны отрубить и вставить кирпичные столбы, примыкавшіе къ печамъ; вся эта работа производилась, когда мы были уже въ казематѣ, и подвергала насъ большому неудобству. Съ другой стороны, такъ какъ грунтъ былъ болотистый, то высокіе частоколы не могли удерживаться и начали падать, и однажды чуть не убили двухъ изъ нашихъ товарищей. Надобно было подрубать и частоколы, а тамъ укрѣплять дворы, грузя въ болото шлакъ и песокъ. Затѣмъ на слѣдующій годъ началась прорубка оконъ, обшиванье и штукатурка; такимъ образомъ цѣлый годъ со дня вступленія нашего въ казематъ не давали намъ покоя со всѣми этими работами по отдѣлкѣ и передѣлкѣ каземата.

Въ началѣ нашего пребыванія въ Петровскомъ заводѣ дамы жили въ казематѣ. Къ числу жившихъ въ Читѣ прибавились три,—Юшневская, Розенъ и Ивашева. Для нихъ были назначены два отдѣленія, впрочемъ Муравьева и Давыдова жили въ неженатыхъ отдѣленіяхъ, первая тамъ, гдѣ помѣстились всѣ родственники ея и ея мужа; вторая въ томъ отдѣленіи, гдѣ мужъ ея подобралъ всѣхъ своихъ пріятелей. Но по мѣрѣ того, какъ дамы строили себѣ дома, повторялась та же исторія, что и въ Читѣ т. е. сначала стали отпускать мужей къ женамъ на домъ по случаю болѣзни, а тамъ они и совсѣмъ переселились, хотя комнаты въ казематѣ и считались довольно долго за ними. Нѣкоторыя дамы построили себѣ очень хорошіе дома, какъ напр. Муравьева, Трубецкая, Анненкова и Волконская. Другія купили старые дома, но улучшили ихъ пристройками и отдѣлкою; вообще же помѣщались въ Петровскомъ заводѣ лучше, нежели въ Читѣ, только по невыгодности мѣста какъ относительно почвы, такъ и климата, хозяйственная часть не была такъ развита, какъ въ Читѣ, что, впрочемъ, смягчалось отчасти сосѣдствомъ богатыхъ деревень семейскихъ [1]) раскольниковъ, у которыхъ было изобиліе во всемъ, потому

[1]) Семейскими ихъ называли въ отличіе отъ простыхъ ссыльныхъ потому, что они были сосланы семьями, а не по одиночкѣ, какъ ссылаемые за преступленія.

что, несмотря на недальнее разстояніе отъ Петровскаго завода, и климатъ, и почва у нихъ были несравненно лучше. Только нельзя было имѣть въ Петровсокмъ заводѣтакихъ, какъ въ Читѣ, собственныхъ огородовъ и садиковъ; и общественный садъ въ Петровскомъ заводѣ, разведенный комендантомъ, хотя стоилъ несравненно дороже, чѣмъ тотъ, который развелъ онъ въ Читѣ, далеко уступалъ ему однако,—же, какъ по неудобству мѣстности, большею частію болотистой, такъ и относительно растительности.

Казематъ дѣлился на 12 отдѣленій и 7 дворовъ. Впослѣдствіи пригородили къ нему огромное мѣсто, предназначенное сначала для того, чтобы въ случаѣ потребности дополнить зданіе каземата въ полный квадратъ. Теперь же онъ былъ отстроенъ «покоемъ», въ половину только квадрата. Всѣхъ комнатъ было 64. Посрединѣ большого двора стояло особливое зданіе, въ которомъ помѣщались кухня, пекарня, столовая и кладовая. Все было дурно устроено, и мы передѣлали все на свой собственный счетъ, устроивъ въ кухнѣ плиты, каменныя ямы въ кладовыхъ, по случаю болотистаго грунта и пр. Дворы обращены были въ садики; а на пригороженномъ мѣстѣ устроены были для лѣта качели, столы и скамейки, а для зимы горы для катанья и катокъ. Сверхъ того, какъ въ Читѣ, такъ и здѣсь, были устроены солнечные часы.

Для женатыхъ и для состоящихъ въ старшихъ разрядахъ, которымъ приходилось поэтому прожить долѣе въ казематахъ, отведены были особыя комнаты; состоявшихъ же въ низшихъ разрядахъ помѣщали по два человѣка въ горнипѣ или со сторожемъ. Когда же мало по малу стали разъѣзжаться и насъ оставалось уже немного, то можно было занимать и по два номера. Я никогда не мѣнялъ ни отдѣленія, ни номера, а постоянно занималъ 29-й. Когда же остался одинъ нашъ старшій разрядъ, то я занялъ и 28-й подъ свою переплетную мастерскую. Одна комната была, впрочемъ, съ самаго начала отведена подъ нашу аптеку.

Для охраненія каземата снаружи были пристроены три гауптвахты, одна главная посреди главнаго фасада и двѣ на оконечности крыльевъ. На всѣхъ трехъ были устроены ружейныя бойницы (или узкіе прорѣзы для перекрестнаго огня на случай возмущенія внутри или аттаки извнѣ). На главной гауптвахтѣ находился и караульный офицеръ, на боковыхъ посты были унтеръ-офицерскіе. Но съ ослабленіемъ строгости надзора боковыя гауптвахты превратили въ солдатскія швальни; и даже на главной дозволили Артамону Мурувьеву устроить токарную мастерскую, уменьшивъ число караульныхъ. Въ замѣну того, вслѣдствіе покушенія на ограбленіе и убійство Трубецкой и Давыдовой, велѣно было учредить ночной караулъ на дамской улицѣ. Домъ коменданта былъ довольно далеко отъ каземата, и при его домѣ была особливая гауптвахта.

Выборъ такой невыгодной мѣстности, на какой построили казематъ, на болотистой низменности вплоть возлѣ рѣчки, тогда какъ селеніе расположено было на сухомъ и возвышенномъ мѣстѣ, можно было объяснить только страхомъ отъ пожаровъ, который доходилъ у коменданта до смѣшнаго. Онъ вытребовалъ изъ Россіи отличные пожарные

инструменты и команду, которые и располагались въ нарочно выстроенномъ близъ каземата зданіи. На крышѣ каземата вездѣ стояли кадки съ водою, а во время лѣсныхъ пожаровъ, что случается въ Сибири нерѣдко при выжиганіи травы, на крышѣ день и ночь сидѣли люди.

Въ началѣ нашего пребыванія въ Петровскомъ заводѣ было очень много случаевъ воровства, грабежа и убійства, такъ что въ первые семь мѣсяцевъ было совершено девять убійствъ. Но когда въ Патербургѣ встревожились покушеніемъ противъ Трубецкой и Давыдовой, то велѣно было за грабежъ и убійство судить военнымъ судомъ и разстрѣливать, а по заводу учредить конные разъѣзды. Послѣ этого въ теченіе остального восьмилѣтняго пребыванія нашего не было уже ни одного случая убійства. Между тѣмъ пребываніе наше въ Петровскомъ заводѣ обратило вниманіе всѣхъ, какъ правительства, такъ и публики на это мѣсто. Его стали посѣщать и правительственныя лица, и ученые, и путешественники, что и побудило горное начальство преобразовать его. Почти всѣ заводскія постройки были возведены вновь и принаровлены къ улучшеннымъ производствамъ. По нашему вліянію улучшенъ бытъ и горныхъ служителей, и ссыльныхъ. Что же касается до церкви, то такъ какъ бывшая до насъ церковь была уже очень ветха и притомъ колокольню у ней резбило громомъ, то мы построили новую на свой счетъ. Сначала правда рѣшили было построить церковь въ самомъ казематѣ, но я заставилъ отвергнуть это рѣшеніе по причинамъ, которыя будутъ изложены въ своемъ мѣстѣ, и обратить собранный капиталъ (12 т. руб.) на общую церковь для всего завода.

Я упомянулъ еще выше о постепенномъ ослабленіи строгости содержанія.—Только когда присылались время отъ времени изъ Петербурга жандармскіе офицеры, то мнимыя строгости возобновлялись. Женатые должны были почевать въ казематѣ. Все запиралось на замки, и караульные грозно окликали и гнали прочь отъ каземата проходившихъ мимо жандармовъ, угрожая даже стрѣлять въ нихъ, если какой-нибудь изъ любопытства отклонялся отъ дороги, чтобы подойти къ каземату поближе. Вообще комедія разыгралась съ большимъ искусствомъ.

А между тѣмъ время все шло и шло, и однако же никакой амнистіи, ни даже уменьшенія сроковъ не было. Вотъ взятіемъ Варшавы окончилась удачно и Польская кампанія; вотъ родился и третій сынъ у Государя; вотъ и разрядъ осужденныхъ на шесть лѣтъ работы уѣхалъ, отбывъ полный срокъ; истощились всѣ предположенія, но ни одно изъ ожиданій не оправдалось. Впрочемъ, теперь уже стали гораздо спокойнѣе и тѣ, которые предавались прежде самымъ неосновательнымъ обольщеніямъ. Поддержанные въ началѣ одушевившими всѣхъ извѣстіями о событіяхъ въ Европѣ, они успѣли между тѣмъ попривыкнуть къ новому положенію, въ то же время лихорадочная жажда дѣятельности у многихъ нашла достаточную пищу себѣ въ умственныхъ занятіяхъ, въ устройствѣ внутренняго своего быта и въ обученіи дѣтей, какъ научнымъ предметамъ, такъ и мастерствамъ. Такимъ образомъ, когда въ исходѣ 1832 г. по случаю рожденія

у Государя четвертаго сына, последовало, уменьшеніе сроковъ 20-ти лѣтаяго на 5 лѣтъ а 15-ти лѣтняго на 3 года, и отправленіе на посееленіе того разряда, который былъ приговоренъ на 8 лѣтъ, то уже не произвело особеннаго впечатлѣнія, и нѣкоторые изъ послѣдняго разряда, отправлявшагося на поселеніе, сожалѣли даже, что не могутъ остаться до полнаго срока въ казематѣ, т. е. еще на одинъ годъ, такъ какъ ясно было, что на поселеніи и самые богатые изъ нихъ не будутъ уже имѣть того общества и тѣхъ средствъ въ умственномъ значеніи, какія представлялъ уже въ это время казематъ.

Къ числу особенныхъ событій въ этотъ промежутокъ времени относится свадьба Ивашева и смерть, въ первый и единственный разъ появившаяся въ нашихъ рядахъ и собравшая обильную жатву въ 1833 г. Мать Ивашева купила за 50 тысячъ ему невѣсту въ Москвѣ, дѣвицу изъ иностранокъ, Ледантю; но, чтобы получить разрѣшеніе Государя, увѣрили его, что будто бы она была еще прежде невѣстою Ивашева; хотя оказалось, что онъ все путалъ въ разсказѣ о ней товарищамъ и о происхожденіи ея и о наружности, а она, пріѣхавши, бросилась на шею Вольфу, принявъ его за своего жениха, не смотря на то, что между ними не было ни малѣйшаго сходства. Въ 1883 г. умерли: меньшая дочь у Муравьева, перворожденный сынъ у Ивашева, старшая дочь у Анненкова и наконецъ одинъ изъ товарищей нашихъ, Пестовъ, этотъ послѣдній почти скоропостижно, отъ антонова огня, приключившагося отъ чирея и обратившагося внутрь.

Этотъ случай особенно поразилъ и произвелъ грустное впечатлѣніе въ казематѣ по своей неожиданности; до такой степени считалось это невозможнымъ, основываясь па примѣрахъ всегдашняго излеченія самыхъ отчаянныхъ болѣзней, такъ что всѣмъ казалось, что въ казематѣ, можно сказать, буквально не давали умереть. Вообще, надо замѣтить, что заботы о больныхъ и уходъ за ними были необычайные, что при искусствѣ и постоянномъ наблюденіи докторовъ и при особенныхъ средствахъ, которыми мы располагали, дѣлали дурной исходъ почти невѣроятнымъ. Даже отравившійся было сильнымъ ядомъ Вегелинъ[1]) былъ выхваченъ мною, какъ говорится, изъ челюстей смерти. Надо сказать, что я былъ постоянною ночною сидѣлкою при опасно больныхъ, какъ по способности моей не спать ночью, такъ и потому, что Вольфъ никому другому не довѣрялъ наблюдать за важными симптомами и давать въ свое отсутствіе рѣшительныя и сильно дѣйствующія лѣкарства.

Исторія неоднократно показала намъ примѣры, какія отговорки обыкновенно употребляетъ произволъ для оправданія отказа въ такихъ дѣйствіяхъ, къ которымъ

---

[1]) Вегелинъ отравился изъ глупаго тщеславія, надъ которымъ постоянно смѣялись и которое оскорбляли. Принявъ сильный пріемъ яда, онъ измѣнилъ себѣ только тѣмъ, что захотѣлъ проститься со мною, «единственнымъ человѣкомъ, котораго онъ уважалъ», какъ выразился. Странность прощанія возбудили мою догадку о причинѣ. Я заставилъ его сознаться и принять немедленно бывшее подъ рукою противоядіе, но всетаки послѣдствія яда долго еще держали его между жизнью и смертію.

приступаетъ онъ неохотно. Если чего не рѣшаются просить, ожидая всего отъ доброй воли правительства, то обыкновенно говорятъ, что не даютъ потому, что не просятъ, а чего не просятъ, то стало быть и не нужно; если же о чемъ просятъ, то говорятъ, что нельзя сдѣлать этого потому, что это значило бы уступить требованію въ томъ, что должно быть чисто дѣломъ доброй воли. Такъ было и относительно амнистіи или уменьшенія срока для насъ. Зная этотъ обычный пріемъ изъ историческаго изученія и основываясь потомъ на всемъ, что мнѣ было извѣстно отъ самыхъ близкихъ людей о характерѣ Государя, я, какъ видѣли выше, былъ увѣренъ и предсказалъ своимъ товарищамъ напередъ, что если и будетъ какое уменьшеніе сроковъ, то оно будетъ незначительное, потому что сдѣлано будетъ неохотно и сверхъ того будетъ навѣрное сдѣлано по какому нибудь такому поводу, который не будетъ представлять никакой достаточной причины, чтобы явно выказать, что это было сдѣлано чисто по одному произволу. Когда и то, и другое такъ разительно оправдалось на дѣлѣ, когда уменьшеніе сроковъ послѣдовало по случаю рожденія четвертого сына, т. е. безъ всякаго достаточнаго повода, и притомъ старшему разряду только на четвертую долю, а второму на одну пятую вмѣсто того, чтобы уменьшить всѣмъ по крайней мѣрѣ на половину, какъ ожидали, тогда товарищи мои, видя съ какою вѣрностію я все предвидѣлъ, пожелали знать соображенія мои и о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ правительства и чего имъ еще должно ожидать. Я отвѣчалъ имъ, что видя, какъ неохотно дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи правительство и какъ заботится о томъ, чтобъ показать, что на его рѣшеніе не имѣетъ никакого необходимаго вліянія какое либо внѣшнее событіе, и какъ тщательно оно избѣгаетъ всякой связи того, что дѣлается для насъ, съ общественными торжествами, нечего ожидать вновь ничего до истеченія десятилѣтія со времени событія 14-го декабря, и развѣ только при этомъ случаѣ можетъ послѣдовать новое уменьшеніе сроковъ, да и то во всякомъ случаѣ менѣе значительное, нежели воображаютъ.—Какъ увидимъ впослѣдствіи, и этому моему соображенію суждено было вполнѣ оправдаться, но слабость человѣческая, постоянно поддающаяся обольщеніямъ по непривычкѣ смотрѣть трезво на вещи, не была довольна такимъ моимъ объясненіемъ. «Помилуйте», говорили мнѣ, «если это будетъ такъ, то это значитъ все равно, что ничего не дѣлать». И вотъ многіе поддались опять новымъ сообщаемымъ ожиданіямъ амнистіи, что вотъ-де навѣрное знаютъ, что казематъ уничтожатъ, то при постройкѣ Александровской колонны, то при празднествѣ воспоминанія Бородинской битвы, то по случаю маневровъ въ южныхъ поселеніяхъ и пр. Дурное вліяніе этого состояло въ томъ, что многіе, особенно изъ втораго разряда, въ чаяніи скораго отправленія бросили совершенно полезныя занятія.

Я старался всячески удержать и образумить ихъ. «Вы увидите», дополнилъ я къ сказанному выше мною, «что даже въ этомъ уменьшеніи, если какое и послѣдуетъ, постараются сдѣлать такъ, чтобы на дѣлѣ вышло еще меньше, чѣмъ на словахъ».

Тутъ ужъ меня прозвали отчаяннымъ пессимистомъ, зловѣщимъ пророкомъ, но опытъ оправдалъ однако же и это мое предвидѣніе. Поставили и Александровскую колонну, отпраздновали и воспоминаніе Бородинской битвы, удовлетворилось вполнѣ и тщеславіе зрѣлищемъ маневровъ въ южныхъ поселеніяхъ и удачною экспедиціею въ Босфоръ для поддержки султана (были-же вѣдь такіе, которые и на это разсчитывали), а новаго уменьшенія сроковъ все нѣтъ. Предовавшіеся обольщенію совсѣмъ упали духомъ, и къ несчастію нѣкоторые и нравственно упали. Не одинъ изъ нашихъ товарищей началъ, къ сожалѣнію, предаваться пьянству. Почти всѣ сдѣлались уже равнодушны къ выходу на поселеніе, а нѣкоторые изъ второго разряда говорили даже, что сравнивъ все, пожалуй еще и лучше остаться въ Петровскомъ заводѣ до окончательнаго распущенія всѣхъ. Здѣсь уже устроились и имѣютъ всѣ средства, а Богъ знаетъ еще, что будетъ въ новомъ мѣстѣ, пожалуй еще въ какомъ нибудь захолустьѣ. Нѣкоторые женатые такъ дѣйствительно и сдѣлали. Вообще же, никто уже не торопился, и когда приближалось десятилѣтіе 14-го декабря, то ожидали его не столько съ нетерпѣніемъ, сколько изъ любопытства, чтобы видѣть, оправдается-ли и на этотъ разъ мое предположеніе.

Но вотъ наконецъ пришла почти и отъ 14-го декабря 1835 г., а ничего не получено: правительство не торопилось обнародывать и отправлять манифестъ, изданный въ этотъ день. Трудно описать противорѣчащія чувства, волновавшія моихъ товарищей, вслѣдствіе обманутаго ожиданія, какъ думали на основаніи ошибочнаго предположенія, что ничего не было сдѣлано въ день десятилѣтія. Если съ одной стороны люди, враждовавшіе противъ меня, выказывали явно радость, что мое предположеніе хоть на этотъ разъ не сбылось, надѣясь, что черезъ это поколеблется общее довѣріе къ моимъ соображеніямъ и совѣтамъ, то съ другой стороны въ то же время тайно не могли не досадовать при видѣ перспективы еще пятилѣтняго пребыванія въ казематѣ для однихъ и двухлѣтняго для другихъ.

Но вотъ слѣдующая почта принесла манифестъ, которымъ уменьшился срокъ главному разряду на два года, а второй разрядъ велѣно отправить на поселеніе, чрезъ что ему, повидимому, уменьшенъ былъ срокъ на 2 съ половиною года. Я сказалъ «повидимому», потому что на дѣлѣ вышло совсѣмъ иначе, какъ сейчасъ увидимъ.

Цѣлый день мнѣ не было отбоя отъ посѣтителей. Цѣлый день толпились у меня въ комнатѣ, восхваляя необычайную точность моихъ соображеній, не только мои товарищи, но и все начальство. Самъ комендантъ, которому уже успѣли разсказать все, явился ко мнѣ и смотрѣлъ на меня съ какимъ то изумленіемъ, смѣшаннымъ со страхомъ. Онъ и прежде слышалъ о вѣрности моихъ политическихъ соображеній, но то мало интересовало его. А проникнуть основы и предвидѣть дѣйствія своего правительства,—вотъ это казалось ему особенно важнымъ; онъ, какъ и многіе видѣли тутъ что-то загадочное или сверхъ-естественное; и Богъ знаетъ, къ какимъ толкамъ подавало это поводъ, но во всякомъ случаѣ комендантъ, который до тѣхъ поръ показы-

валъ мнѣ и всегда уваженіе, теперь сталъ страшно бояться меня, выказывая даже какой-то суевѣрный страхъ, и при всякомъ уже случаѣ, когда шелъ разговоръ у него о чемъ либо особенномъ или съ моими товарищами или даже со своими подчиненными, то всегда спрашивалъ: «А что не знаете-ли, какъ думаетъ объ этомъ Дмитрій Иринарховичъ?»

Очень естественно было предполагать, что вмѣстѣ съ манифестомъ, вслѣдствіе котораго второй разрядъ должно было отправить на поселеніе, будутъ сдѣланы и всѣ необходимыя распоряженія. Никакъ не ожидая поэтому и никакъ не вѣря, чтобы могло быть какое нибудь замедленіе въ подобномъ распоряженіи, товарищи наши изъ второго разряда не хотѣли слушать совѣта дождаться полученія росписанія, гдѣ кому быть поселену, а поспѣшили заготовить зимнія повозки, надѣясь еще зимнимъ путемъ добраться каждый до своего мѣста. Но вотъ прошло нѣсколько недѣль въ напрасномъ ожиданіи, какъ вдругъ узнали, что генералъ-губернатору въ Иркутскѣ предписано, «сдѣлавъ росписаніе, прислать его на утвержденіе въ Петербургъ, а до утвержденія изъ каземата не отправлять»; а такъ какъ въ Петербургѣ не торопились утвержденіемъ, то и вышло, что второму разряду назначено было дѣйствительное отправленіе позже даже десятилѣтняго срока со дня приговора.

Въ самомъ дѣлѣ прошла зима, прошла и весна, проходило уже и лѣто, какъ получено было наконецъ утвержденное росписаніе, и второй разрядъ могъ оставить Петровскій заводъ, отправясь такимъ образомъ вмѣсто зимы въ осеннюю распутицу слѣдующаго года.

Недоброжелательство правительства выразилось еще и въ другомъ случаѣ. Волконскій былъ очень боленъ ревматизмомъ; и потому доктора настаивали, чтобы прежде чѣмъ предпринять дорогу, можетъ быть и дальнюю куда нибудь, онъ съѣздилъ на горячія Туркинскія воды, находящіяся также за Байкаломъ. Даже и самъ осторожный во всемъ комендантъ не видѣлъ къ тому препятствія, благо послѣ полученія манифеста, Волконскій, какъ принадлежавшій ко второму разряду, считался уже состоящимъ на поселеніи; поэтому комендантъ и отправилъ Волконскаго на воды въ сопровожденіи унтеръ-офицера и казака. Не менѣе того онъ получилъ за это изъ Петербурга замѣчаніе, что не слѣдуетъ отправлять прежде общаго разъѣзда втораго разряда изъ каземата, хотя комендантъ показалъ ясно въ своемъ донесеніи, что отправленіе на воды нельзя было задерживать, потому что полезное дѣйствіе водъ и другія благопріятныя условія для успѣшнаго лѣченія могли быть только весною, если-же бы испрашивать разрѣшеніе изъ Петербурга, то оно никакъ не могло бы быть получено до весны.

X.

Но между тѣмъ какъ правительство поступало относительно насъ такъ недобросовѣстно и придирчиво, оно съ другой стороны само же выказывало, что уже не при-

даетъ прежняго значенія, ни важности своимъ дѣйствіямъ относительно насъ. Это обнаруживалось разными обстоятельствами; чрезъ то его дѣйствія имѣли видъ чисто одного недоброжелательства и личной непріязни, какъ не оправдываемыя уже никакими, даже и ошибочными политическими опасеніями.

Что правительство не придавало уже прежней важности должности или мѣсту коменданта,—это выразилось во первыхъ мнѣніемъ, лично высказаннымъ Государемъ насчетъ Лепарскаго, а во вторыхъ подчиненіемъ коменданта генералъ-губернатору Восточной Сибири.

Въ 1834 г. одинъ изъ плацъ-адъютантовъ отправился въ отпускъ въ Россію, и, находясь въ Петербургѣ, долженъ былъ при разводѣ представляться Государю, который при этомъ спросилъ его о Лепарскомъ въ такихъ выраженіяхъ: «А что старикашка шевелится еще?» Когда Лепарскій узналъ о томъ (а скрыть этого плацъ-адъютантъ никакъ не могъ, потому что это тотчасъ разнеслось по Петербургу, и для многихъ, жадно ловившихъ каждый намекъ, служило добрымъ предзнаменованіемъ), то ужасно обидѣлся и говорилъ намъ: «Вотъ онъ каковъ. Когда я былъ ему нуженъ, то хоть-бы въ тѣхъ же лѣтахъ (не въ три же года я такъ состарился), онъ давалъ мнѣ чины и звѣзды [1]), а теперь смотритъ на меня, какъ на старую тряпку, которую можно и выбросить». Что-же касается до подчиненія коменданта генералъ-губернатору, то оно приведено было особыми обстоятельствами, и обидное для коменданта было только то, что его мѣсто потеряло съ независимостью и прежнее значеніе, и онъ долженъ былъ подчиниться даже младшему его въ чинѣ.

Когда по проекту Сперанскаго Сибирь была раздѣлена на Западную и Восточную, то въ послѣднюю былъ назначенъ генералъ-губернаторъ изъ гражданскихъ Александръ Степановичъ Лавинскій; и это могло быть сдѣлано потому, что военная часть подчинялась корпусному командиру, который въ то же время былъ и генералъ-губернаторомъ Западной Сибири. По дальности разстоянія корпусный командиръ никогда не могъ пріѣзжать въ Восточную Сибирь для инспекціи. Поэтому-то, въ отвращеніе этого неудобства, и составилось предположеніе, что не лучше-ли и въ Восточную Сибирь назначить генералъ-губернатора изъ военныхъ и подчинить ему находящіяся въ ней войска на правахъ корпуснаго командира? А такъ какъ между тѣмъ Лавинскій настаивалъ на необходимости подчинить ему и комендантское управленіе, то и нашли, что съ назначеніемъ генералъ-губернатора изъ военныхъ обѣ цѣли могутъ быть достигнуты разомъ. Впрочемъ, когда послѣ Лавинскаго назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ генералъ-лейтенантъ Сулима съ назначеніемъ его и командующимъ войсками, то ничего еще неизвѣстно было не только о подчиненіи ему коменданта, но и о правѣ генералъ-губерна-

---

[1]) Владиміра 2-й степени со звѣздою Лепарскій получилъ за переводъ насъ изъ Читы въ Петровскій заводъ, какъ будто за какой либо важный походъ.

тора посѣтить казематъ, къ чему не былъ допущенъ Лавинскій, и Лепарскій, когда заслышалъ о намѣреніи Сулимы ѣхать въ Петровскій заводъ, храбро твердилъ, что безъ особаго Высочайшаго повелѣнія онъ и Сулиму не допуститъ въ казематъ. Вслѣдствіе всего этого и разыгралась передъ нашими глазами, по пріѣздѣ Сулимы, слѣдующая забавная сцена: Лепарскій въ полной формѣ и орденахъ, со всѣмъ своимъ штабомъ, помѣстился передъ воротами каземата, наглухо запертыми. Сулима со своимъ штабомъ направляется прямо къ воротамъ. Лепарскій останавливаетъ его вопросомъ: «Что угодно Вашему Превосходительству?»—«Мнѣ надобно осмотрѣть казематъ и опросить государственныхъ преступниковъ».—«По инструкціи моей, безъ именного Высочайшаго повелѣнія, я никого не могу допустить въ казематъ», возражаетъ Лепарскій, показывая инструкцію, подписанную Государемъ. «А я имѣю Высочайшее повелѣніе», отвѣчалъ ему Сулима, подавая бумагу, «по которому казематъ и вы сами подчиняетесь впредь моему управленію».—Лепарскій внимательно прочиталъ указъ, сдѣлалъ словесный рапортъ о благополучіи, подалъ знакъ, ворота растворились, и Сулима вступилъ въ казематъ какъ-бы какимъ-то побѣдителемъ съ явно торжествующимъ видомъ. Лепарскій смиренно слѣдовалъ за нимъ, усиливаясь сдерживать въ себѣ очевидную досаду. Лепарскій чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ, и можно сказать, что съ этихъ поръ онъ рѣшительно перешелъ на нашу сторону въ томъ отношеніи, что, забывъ прежнюю осторожность, охотно и непочтительно разговаривалъ съ нами объ «Его» неблагодарности». Я былъ полковникомъ», говорилъ онъ, «когда «Онъ» довѣрилъ мнѣ, по его собственному выраженію, самый важный постъ въ Россіи. Что-жъ? Развѣ я не разрѣшилъ задачу вполнѣ такъ, какъ онъ хотѣлъ? Восемь лѣтъ я сохранилъ спокойствіе, и не было ни одного непріятнаго для Него и несчастнаго случая, Я терпѣлъ даже, когда на меня сваливали они свои вины, А теперь я генералъ-лейтенантъ и съ такою уже опытностью въ дѣлѣ, а мнѣ не довѣряютъ докончить дѣло, когда уже половина васъ только осталась, а подчиняютъ равному мнѣ по чину, человѣку, притомъ, неопытному, который на первомъ же шагѣ споткнулся и выставилъ себя смѣшнымъ.

Здѣсь Лепарскій намекаетъ на одно дѣйствительно забавное приключеніе при вступленіи Сулимы въ казематъ. Въ самомъ дѣлѣ торжествующій видъ его, съ какимъ онъ вошелъ въ казематъ, продолжался не долго. Надо сказать, что вообще всѣ эти пріѣзжавшіе господа чрезвычайно смущались при видѣ насъ. У иныхъ это, конечно, происходило и отъ похвальныхъ чувствъ только вслѣдствіе ошибочнаго, обычнаго понятія о несчастіи, но у большей части отъ сознанія нашего нравственнаго превосходства и той жалкой роли, какую они сами играли. Какъ бы то ни было, но Сулима увидя насъ на внутреннемъ дворѣ, совсѣмъ потерялся, и, наткнувшись на перила, которыми была огорожена рѣшетка сточной трубы, остановился и занялся ни къ селу, ни къ городу этимъ ничтожнымъ предметомъ, ясно выказывая своимъ замѣшательствомъ, что не знаетъ самъ, что дѣлаетъ, и тѣмъ еще болѣе обнаруживая то смущеніе, которое старался скрыть.

«Это вѣрно у васъ колодезь», сказалъ Сулима, не сообразивъ, что казематъ стоялъ вплоть возлѣ рѣки и на болотѣ.

«Нѣтъ, тутъ рѣшетка для стока воды въ яму», отвѣчалъ комендантъ.

«А, тутъ сточная труба, ну, это хорошо», сказалъ тотъ и видимо не зналъ, что ему дальше говорить и дѣлать. Всѣ очутились въ неловкомъ положеніи при такомъ пустомъ и глупомъ разговорѣ. Сулима стоялъ нѣсколько минутъ, переминаясь съ ноги на ногу, поглядывая во всѣ стороны и все не рѣшаясь подойти къ намъ. Наконецъ, какъ будто вспомнивъ что-то и обратясь къ коменданту, сказалъ: «Вотъ видите-ли, я хочу сдѣлать нѣчто въ родѣ инспекторскаго смотра; а вы знаете, что при этомъ начальникамъ быть не слѣдуетъ».

Комендантъ насупился, приложилъ руку къ шляпѣ и отправился со всѣмъ своимъ штабомъ на гауптвахту. Сулима подошелъ къ намъ и, раскланявшись, спросилъ, какъ спрашиваютъ солдатъ, не имѣемъ-ли мы какой жалобы на начальство и «все ли выдавали намъ, что слѣдуетъ изъ казны?»—Мы засмѣялись и молчали. Сулима еще больше сконфузился и опять повторилъ: «Пожалуйста, господа, если у васъ есть жалобы, то говорите откровенно».—Мы отвѣчали, что мы не дѣти, чтобы жаловаться, что мы понимаемъ, что если есть что непріятнаго для насъ, то оно выходитъ изъ незаконности положенія, въ которомъ насъ держатъ, но что считаемъ недостойнымъ себя замѣчать даже, какъ поступаетъ та или другая личность изъ начальства; что же касается до отпускаемаго казною, то это вовсе не имѣетъ для насъ никакого значенія, такъ какъ прислугѣ мы платимъ въ нѣсколько разъ больше. Затѣмъ послѣдовало опять неловкое молчаніе и натянутое ожиданіе, чѣмъ кончится эта глупая церемонія. Наконецъ, Сулима не выдержалъ.

«Пожалуйста, господа», сказалъ онъ, «отложимъ въ сторону всякую оффиціальность. Я хоть и обязанъ былъ сюда пріѣхать и видѣть васъ, но право желалъ сдѣлать это не какъ начальникъ, а какъ старый знакомый и пріятель многихъ изъ васъ. Здравствуйте, Иванъ Семеновичъ, Михаилъ Фотичъ», сказалъ онъ, кланяясь Швейковскому и Митькову и пожимая имъ руки.

«Вотъ это дѣло другое», сказалъ ему, смѣясь, Швейковскій, «такъ пойдемте же къ намъ въ комнаты, чѣмъ стоять здѣсь на солнцѣ; пошлите за сюртукомъ, да ради Бога отпустите коменданта, велите солдатамъ снять кивера, да прогоните прежде всего этого штатскаго, что при васъ съ бумагой и карандашемъ, вѣрно, чтобъ записывать наши жалобы; онъ мнѣ кажется большимъ плутомъ».

Такимъ образомъ *„la glace était rompue“*, и чрезъ нѣсколько минутъ Сулима сидѣлъ уже въ сюртукѣ въ комнатѣ у Швейковскаго и разсказывалъ, что штатскій при немъ дѣйствительно первый плутъ, но что онъ потому именно и взялъ его, что тотъ самъ знаетъ, что его всѣ считаютъ за плута и не можетъ уже надѣяться обмануть кого-нибудь. Адъютанты Сулимы пошли между тѣмъ къ другимъ изъ нашихъ товари-

щей, съ которыми были знакомы, или отъ родныхъ которыхъ имѣли порученія; комендантъ ушелъ къ себѣ, солдаты надѣли фуражки вмѣсто киверовъ, и ничего уже не стало показывать присутствія въ казематѣ генералъ-губернатора. Всѣ сношенія изъ оффиціальныхъ перешли въ частныя и такими были уже всегда и впослѣдствіи.

Когда я сказалъ выше, что мы не считали приличнымъ приносить какую-либо жалобу, то надобно было бы сдѣлать оговорку, напоминающую одно грустное обстоятельство. Двое изъ нашихъ товарищей впали въ тотъ родъ помѣшательства, который называется *point fixe*. Дѣйствуя по нѣкоторымъ отношеніямъ правильно, и не только съ талантомъ, но даже съ проблесками геніальности, оба они имѣли каждый свой особливый пунктъ помѣшательства. Такъ напр. Андреевичъ (бывшій артиллерійскій офицеръ), очень хорошій живописецъ и даже хорошо рисовавшій масляными красками съ перваго пріема за кисть, выказывавшій притомъ и по прикладной высшей математикѣ замѣчательныя соображенія, вообразилъ себѣ, что будетъ непремѣнно опять потопъ или голодъ, и дѣлалъ запасы сухарей, обирая вездѣ остатки хлѣба. Разумѣется, эти остатки плѣсневѣли у него въ углу и потому выносились сторожами, хотя и увѣряли его, что ихъ складываютъ на храненіе въ магазинъ. Вотъ на это-то дѣйствіе сторожей онъ и обратился съ жалобою къ Сулимѣ. Тотъ, будучи предувѣдомленъ, отвѣчалъ ему, что, вѣдь, это дѣлаютъ къ лучшему же, что въ магазинѣ сухари вопервыхъ лучше сохраняются, а вовторыхъ не будутъ стѣснять его комнату.

«Да», возразилъ Андреевичъ, «но кто же мнѣ поручится, что они тамъ будутъ цѣлы»?

«О, мы сдѣлаемъ это очень просто», отвѣчалъ Сулима, «я прикажу, чтобы у васъ принимали ихъ съ вѣсу и давали бы вамъ росписку».

Съ тѣхъ поръ каждую недѣлю такъ и дѣлалось. Здѣсь кстати будетъ сказать и о другомъ помѣшанномъ. Это былъ старшій Борисовъ, также бывшій артиллерійскій офицеръ. Предметъ его помѣшательства былъ тотъ, что дали будто бы слишкомъ большую власть Трубецкому, и что онъ ищетъ погубить всѣхъ непріятныхъ ему, къ числу которыхъ Борисовъ причислялъ и себя. Однако, это помѣшательство нисколько не отражалось на другихъ его занятіяхъ. Онъ былъ искусный переплетчикъ и, несмотря на помѣшательство, составилъ даже очень хорошую самостоятельную систему по части инсектологіи.

Слѣдующій послѣ Сулимы генералъ-губернаторъ, Броневскій, потому-ли, что былъ благоразумнѣе, или наученный опытомъ своего предшественника, забавное приключеніе съ которымъ сдѣлалссь извѣстнымъ и дало обильную пищу къ насмѣшкамъ, не пытался уже дѣлать инспекторскихъ смотровъ. Онъ пріѣхалъ просто въ казематъ и сказалъ намъ, что желалъ познакомиться съ нами, и вмѣсѣ съ тѣмъ желая узнать, не можетъ-ли быть чѣмъ полезенъ, особенно относительно мѣстъ, гдѣ бы кто желалъ быть поселеннымъ. Для меня-же его пріѣздъ имѣлъ еще особенное значеніе. Чтобы не заставить его обхо-

дить всѣхъ по комнатамъ, мы собрались всѣ въ залу. Войдя и сказавши вышеизложенное привѣтствіе, онъ сейчасъ же спросилъ: «Позвольте узнать, кто здѣсь Дмитрій Иринарховичъ»?

Я сказалъ, что это я. Тогда, подойдя ко мнѣ и поздоровавшись, онъ сказалъ мнѣ: «Вы вѣрно меня не помните»?

Мнѣ было не совсѣмъ ловко, потому что если мы встрѣчались когда-либо въ свѣтѣ, то всячески онъ долженъ былъ уже быть въ такомъ званіи и имѣть настолько значенія, что странно было бы мнѣ его не замѣтить, если уже онъ меня замѣтилъ. Я отвѣчалъ, что прошу его извинить меня, если я не могу никакъ припомнить, гдѣ бы мы могли встрѣтиться, и прошу его приписать это не недостатку вниманія, а скорѣе обилію событій, заслонившихъ многія воспоминанія изъ прошедшаго. На это онъ замѣтилъ, что если бы мы и дѣйствительно встрѣчались гдѣ либо въ обществѣ, и я его все-таки бы не замѣтилъ и не помнилъ, то и тутъ не было бы однако ничего удивительнаго.

«Вы», сказалъ онъ мнѣ, «хоть и молодой лейтенантъ, но были слишкомъ извѣстны; одинъ вашъ проѣздъ изъ Калифорніи по Сибири сколько надѣлалъ шуму; а я, хоть и старый уже въ то время полковникъ, если и былъ извѣстенъ, то развѣ только въ своемъ маленькомъ уголкѣ. Но, кромѣ того, вамъ нечего упрекать себя въ недостаткѣ вниманія и памяти. Я шутя спросилъ, помните-ли вы меня? Пожалуй, можно сказать, что мы видѣлись, и что вы и меня видѣли, но только это было въ такихъ обстоятельствахъ, что вы и не можете помнить. Я былъ у вашего батюшки на ординарцахъ въ тотъ самый день, какъ васъ крестили».

«Ну», отвѣчалъ я смѣясь, «хоть и говорятъ, что у меня память хороша, но такъ далеко не простираются мои воспоминанія».

Затѣмъ Броневскій разсказалъ мнѣ ту особенную торжественность, которая сопровождала мои крестины, не забывъ и о тѣхъ предсказаніяхъ, о которыхъ мнѣ такъ много говорили мнѣ въ моемъ дѣтствѣ.

Здѣсь нельзя не упомянуть, что бесѣды мои съ Броневскимъ имѣли важныя послѣдствія, какъ для Забайкальскаго края, такъ и для всей Восточной Сибири, потому что именно въ этихъ бесѣдахъ и заключалось начало всѣхъ послѣдующихъ преобразованій. Зайдя ко мнѣ въ комнату и, увидавъ, что я занимался составленіемъ карты Забайкальскаго края, припомнивъ притомъ мою дѣятельность въ колоніяхъ и Калифорніи, Броневскій пожелалъ, что-бы я изложилъ основныя мысли о тѣхъ преобразованіяхъ, которыя считаю необходимыми для Сибири въ видахъ подготовленія къ будущему. Въ краткой данной ему запискѣ я обозначилъ ему необходимость, какъ перваго приступа къ дѣлу, преобразованія Забайкальскаго края въ отдѣльную область, съ назначеніемъ Читы губернскимъ городомъ, когда вовсе не зналъ еще и не предполагалъ жить въ ней.

Съ отъѣздомъ второго разряда изъ Петровскаго завода, Лепарскій сталъ часто

хворать. Независимо отъ лѣтъ (ему было за 80), на это имѣло вліяніе и другое еще обстоятельство. Во второмъ разрядѣ былъ товарищъ нашъ, докторъ Вольфъ, лечившій Лепарскаго и умѣвшій заставить его слушаться себя. Лепарскій былъ лакомка и невоздержанъ въ пищѣ, а Вольфъ держалъ его въ послѣднее время на строгой діетѣ и безъ своего разрѣшенія ничего не позволялъ ему ѣсть. Притомъ, и прислуга Лепарскаго привыкла уже слушаться Вольфа. Такимъ образомъ, при крѣпкомъ и здоровомъ сложеніи Лепарскаго, онъ могъ долго его поддерживать. Съ отъѣздомъ же Вольфа никто уже изъ заступившихъ его мѣсто не имѣлъ достаточно авторитета ни у Лепарскаго, ни у его прислуги, и Лепарскій сталъ часто позволять себѣ уклоненія отъ предписанной ему діеты. Послѣдствія этого не преминули обнаружиться. Припадки возобновлялись все чаще и чаще, и хотя и разрѣшено было изъ Петербурга Лепарскому требовать и для себя и для насъ доктора изъ Кяхты, но этотъ уже не могъ ничего сдѣлать. Какъ ни скоро ѣздили курьеры, этотъ докторъ, прибывшій однажды со всею поспѣшностью по случаю одного изъ такихъ припадковъ, засталъ Лепарскаго уже въ смертной агоніи, и лишь настолько могъ поддержать его самыми сильными средствами, что онъ былъ только въ состояніи подписать письмо къ Государю, съ просьбою объ уплатѣ его долговъ, которые онъ умѣлъ надѣлать, получая 30 т. рублей жалованья. Впрочемъ говорили, что это письмо было у него исторгнуто наслѣдниками его, плацъ-майоромъ Лепарскимъ, роднымъ племянникомъ его, и какою-то другою личностью, не имѣвшею при комендантѣ никакого опредѣленнаго занятія, но слывшею за его побочнаго сына.

Смерть Лепарскаго подала было снова надежду, что вмѣстѣ съ этимъ правительство окончитъ и содержаніе насъ въ казематѣ и въ заводѣ, представлявшееся уже безъ всякой цѣли, а скорѣе какимъ то фарсомъ, лишеннымъ уже всякаго смысла. Въ крайнемъ случаѣ ожидали, что оно оставитъ временное управленіе плацъ-майора дотянуть до недалекаго уже термина естественнаго окончанія фарса, съ окончаніемъ срока послѣднему остававшемуся въ казематѣ разряду. Но скоро услышали о новыхъ назначеніяхъ, которыя вызвали было совершенно противоположныя мысли, заставлявшія опасаться прежнихъ стѣсненій, ослабленныхъ если и не прямою отмѣною ихъ, то естественнымъ ходомъ времени и близкимъ знакомствомъ съ нами бывшаго до сихъ поръ начальства, разсѣявшимъ у него всякія опасенія. Новые комендантъ и плацъ-майоръ, а вскорѣ потомъ и генералъ-губернаторъ, всѣ были назначены изъ жандармовъ, имѣвшихъ тогда тѣмъ болѣе грозное значеніе, чѣмъ менѣе понимали сущность ихъ назначенія и что они имѣли возможность сдѣлать, т. е. вообще чего надѣялось правительство достигнуть этимъ новымъ учрежденіемъ жандармовъ. Генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Рупертъ, бывшій окружнымъ жандармскимъ генераломъ въ Полтавѣ и служившій прежде въ инженерахъ; комендантомъ—полковникъ Ребиндеръ; плацъ-майоромъ—подполковникъ Казимірскій, бывшій жандармскимъ штабъ-офицеромъ въ городѣ Томскѣ и такимъ образомъ знакомый уже отчасти съ Сибирью.

О перемѣнахъ, которыя должны были произойти, вслѣдствіе перемѣны начальства, я судилъ совершенно иначе, нежели почти всѣ мои товарищи, Съ одной стороны я не раздѣлялъ ихъ опасеній на счетъ предполагаемаго возобновленія строгостей. Я былъ увѣренъ напротивъ, что люди, не сомнѣвающіеся въ довѣріи къ нимъ правительства, могутъ дѣйствовать всегда гораздо смѣлѣе; съ другой стороны, зная общее предубѣжденіе противъ той служебной среды, изъ которой они вышли, я предвидѣлъ, что если они люди, не совсѣмъ лишенные способности здраво судить о своемъ и нашемъ положеніи, то не будутъ ни сами пытаться притворствовать предъ нами либерализмомъ, ни требовать отъ насъ притворства, и что вслѣдствіе этого наши взаимныя отношенія могутъ быть искреннѣе и яснѣе. Дѣйствительно, такъ и вышло. По докладу новаго коменданта новый генералъ-губернаторъ уничтожилъ и ту пародію работы, которая, какъ напр. хожденіе на мельницу, не достигая уже никакой цѣли, только возбуждала нашу досаду, а начальству навязывало пустую заботу и суету. Въ другомъ отношеніи комендантъ Ребиндеръ также ясно выразился: «Господа», говорилъ онъ намъ, «я представитель правительства, но могу васъ увѣрить, что не принялъ бы настоящей должности, если бы она обязывала меня стѣснять васъ въ чемъ-нибудь, что не существенно для правительства. Вы также съ вашей стороны, конечно, понимаете, что по вашему положенію вы можете и чего не можете требовать отъ меня».

Что же касается до внутреннихъ убѣжденій нашихъ, то я не скрываю своихъ, а до вашихъ, будьте увѣрены, мнѣ нѣтъ дѣла. Будетъ кто изъ васъ настолько имѣть ко мнѣ довѣрія, что захочетъ быть со мною откровеннымъ, тотъ увидитъ, что я не употреблю во зло его откровенности; не захочетъ обнаружить свои убѣжденія, даю вамъ слово, что допытываться ихъ не стану».

Казалось бы, что такое положеніе, искренно принятое обѣими сторонами, облегчило бы до нельзя взаимныя отношенія и устранило всякій поводъ къ неудовольствію. Но, къ сожалѣнію, были между нами партіи или, вѣрнѣе сказать, фракціи, которыя несмотря на то, что большинство было въ началѣ очень довольно такимъ положеніемъ, съумѣли не только замутить всѣ добрыя отношенія, но и увлечь за собою и большинство и сдѣлать его орудіемъ самыхъ несправедливыхъ дѣйствій противъ коменданта.

Такъ называемая барская или аристократическая партія была крайне недовольна тѣми распоряженіями коменданта, которыя, казалось-бы, должны были у «либераловъ» найти наибольшее одобреніе. По чувству справедливости Ребиндеръ уравнялъ въ льготахъ всѣхъ, и тѣмъ сами собою окончились всѣ привилегіи, которыми до сихъ поръ пользовались только нѣкоторые, особенно богатые изъ женатыхъ. «Если женатые изъ своихъ домовъ, а нѣкоторые (какъ напр. Артамонъ Муравьевъ) даже изъ каземата могутъ ходить вездѣ, куда угодно и когда угодно», сказалъ Ребиндеръ, «то пусть ходятъ и всѣ, а мнѣ только пусть подаютъ записку вечеромъ, кто и куда ходилъ». Съ этимъ вмѣстѣ выходъ не ограничивался уже, разумѣется, какъ прежде отпускомъ

въ одни дома женатыхъ товарищей, а всѣ стали ходить свободно и въ церковь и на прогулку и по новымъ знакомствамъ, которыя заводили въ заводѣ.

Но какъ ни досадовали на это люди, пользовавшіеся прежде привиллегіями, однако обнаружить, что досадуютъ именно по этому поводу, никакъ не осмѣливались. Поэтому, скрывъ свое неудовольствіе, они выискивали другой, болѣе благовидный случай отомстить коменданту. Случай, которымъ они не замедлили воспользоваться для этого, представила имъ другая фракція, именно состоявшая изъ людей, которыхъ, какъ мы упомянули выше, вовсе не слѣдовало смѣшивать съ нами, т. е. тѣхъ, которые не были признаваемы за людей политическихъ, не были суждены верховнымъ уголовнымъ судомъ, и попали въ казематъ случайно, вслѣдствіе происшествій въ Нерчинскихъ заводахъ, разсказанныхъ выше. Эти люди, воспользовавшись даннымъ позволеніемъ свободнаго выхода изъ каземата, завели очень грязныя знакомства, вовлекшія ихъ въ самые неприличные поступки. Въ одномъ изъ подобныхъ происшествій, грозившихъ непріятными послѣдствіями для всего каземата, былъ замѣшанъ и Мозалевскій (бывшій офицеръ Черниговскаго полка), принадлежавшій къ разряду тѣхъ лицъ, которыя своимъ присутствіемъ въ казематѣ не приносили чести ему и подавали поводъ къ безпрестаннымъ непріятностямъ и внутри каземата. Комендантъ призвалъ его въ офицерскую комнату, на гауптвахтѣ, не желая именно сдѣлать кого либо изъ насъ свидѣтелемъ начальническихъ замѣчаній о возможныхъ послѣдствіяхъ дурного поведенія, чему до тѣхъ поръ не бывало примѣра въ казематѣ. Онъ сказалъ Мозалевскому очень деликатно, что онъ ставитъ его въ самое тяжелое положеніе, или отказать ему въ выходѣ изъ каземата, что будетъ наказаніемъ, идущимъ отъ него, коменданта, чего онъ и для насъ и для себя старался всячески избѣгать, или рисковать, что при повтореніи подобнаго поступка, можетъ независимо уже отъ воли коменданта возникнуть дѣло, вслѣдствіе котораго Мозалевскій, по положенію своему, можетъ быть присужденъ къ такому наказанію, что если онъ не бережетъ себя, то долженъ подумать о томъ позорѣ, какой навлечетъ это на весь казематъ. Все это было сказано съ большимъ участіемъ и очень деликатно. Но Мозалевскій, который перетрусилъ, когда его позвали къ коменданту, видя, что бѣда миновала, пришелъ съ разсказомъ, что будто бы комендантъ грозилъ ему, что будетъ впредь наказывать тѣлесно. Какъ ни нелѣпо было подобное обвиненіе, какъ ни противорѣчило оно всему поведенію коменданта и его дружескимъ отношеніямъ ко многимъ изъ насъ, но та партія, которая давно искала предлога къ непріязненному дѣйствію противъ коменданта, рѣшилась воспользоваться общею всегдашнею щекотливостью нашею въ отношеніи къ начальству, и, разгласивъ въ подтвержденіе словъ Мозалевскаго, что будто ихъ слышалъ и Сутговъ, одинъ изъ преданныхъ людей этой партіи, успѣла увлечь почти всѣхъ къ необдуманному рѣшенію прервать всѣ частныя сношенія съ комендантомъ и не ходить къ нему даже и тогда, когда онъ приглашаетъ кого нибудь къ обѣду. Такъ и сдѣлали; и первые приглашен-

ные послѣ этого происшествія были такъ слабы, что не рѣшились ни протестовать противъ несправедливаго рѣшенія, какъ не основаннаго ни на какой повѣркѣ, ни откровенно объясниться предварительно съ комендантомъ, и придумали объяснить свой отказъ какими-то второстепенными предлогами, что, разумѣется, оставило все дѣло въ неясности и могло навсегда продлить недоразумѣніе.

Какъ ни сильно было необдуманное общее увлеченіе при этомъ случаѣ, однако же оно всетаки не могло быть иначе, какъ временное. Нашлось изъ нашихъ товарищей нѣсколько человѣкъ, которые вскорѣ немного обдумались. Главною причиною, которая способствовала наиболѣе тому, было то обстоятельство, что они вспомнили, что я не участвовалъ въ этомъ рѣшеніи, а между тѣмъ въ казематѣ издавна уже пріучились не считать никакого дѣла достаточно и правильно обсужденнымъ, пока не узнаютъ моего мнѣнія. Въ мелочахъ меня не тревожили, не рѣшаясь отвлекать меня отъ моихъ занятій, но въ важныхъ случаяхъ никогда до тѣхъ поръ не упускали, чтобы не спросить, какъ я о томъ думаю. Въ настоящемъ же случаѣ тѣмъ болѣе сожалѣли, что не посовѣтовались предварительно со мною, что не было никакого повода предполагать во мнѣ какое-либо пристрастіе къ коменданту, такъ какъ именно я одинъ изъ всего каземата не искалъ прежде сближенія съ нимъ и не принималъ отъ постороннихъ никакихъ приглашеній ни на обѣды, ни на вечера, а потому не бывалъ и у него,—и сверхъ того въ послѣднее время еще болѣе, нежели когда либо, преданъ былъ своимъ ученымъ занятіямъ, а потому никуда уже не ходилъ, даже къ своимъ товарищамъ. Такимъ образомъ, подумавъ, что впрочемъ, лучше поздно, чѣмъ никогда, человѣкъ шесть моихъ товарищей, собравшись вмѣстѣ, пришли ко мнѣ разсказать все дѣло, узнать мое мнѣніе на счетъ его и спросить моего совѣта, какъ теперь поправить дѣло, если была ошибка со стороны каземата. Не принимая никогда участія ни въ какакихъ сплетняхъ, я не имѣлъ понятія и о случившемся. Выслушавъ разсказъ, я спокойно спросилъ ихъ:

«Что подумали бы они о комъ нибудь изъ насъ самихъ, если-бы кто нибудь положился на слова Мозалевскаго, сказанныя насчетъ кого-либо изъ нашихъ товарищей, при томъ мнѣніи, какое всѣ мы имѣемъ о Мозалевскомъ? Не правда-ли, что всѣ закричали бы: да развѣ можно полагаться на слова такого негодяя, да еще безъ провѣрки? Почему же относительно коменданта нарушена была та общая, по крайней мѣрѣ, справедливость не осуждать человѣка, не выслушавъ его предварительно»?

«Да какъ-же спросить его было», отвѣчали мнѣ, «и кто могъ бы рѣшиться спрашивать? И притомъ вѣдь мы не на одни слова Мозалевскаго положились,—Суговъ тоже слышалъ ихъ».

«Стало быть, Сутговъ былъ тамъ въ комнатѣ»?

«Нѣтъ, но онъ слышалъ, стоя у дверей».

«Господа», сказалъ я, «не говоря уже о томъ, что подслушивая и притомъ съ оглядкою и со страхомъ, чтобы кто-нибудь этого не замѣтилъ, всегда легко ослышаться,

я никогда не повѣрю свидѣтельству человѣка, способнаго подслушивать. А что касается до того, что не нашлось никого, кто бы рѣшился откровенно и честно объясниться съ комендантомъ, я на то рѣшаюсь и сейчасъ же иду къ нему».

Какъ я сказалъ, такъ и сдѣлалъ, и, разумѣется, дѣло разъяснилось такъ, какъ изложено было мною выше. Комендантъ не зналъ, какъ и благодарить меня, товарищамъ моимъ было очень стыдно, и они начали складывать вину одинъ на другого; мало по-малу, одинъ за другимъ, начали снова заискивать сближенія съ комендантомъ; но, разумѣется, прежнія отношенія уже не могли быть возобновлены.

Между тѣмъ все это не могло пройти даромъ для коменданта. Онъ былъ человѣкъ необыкновенно полнокровный и впечатлительный. Душевное волненіе вслѣдствіе незаслуженной несправедливости и долгаго напряженія, чтобы разгадать причину внезапной перемѣны отношенія къ нему породили сильное воспаленіе, составившее при чрезвычайномъ полнокровіи смертельную болѣзнь. Между тѣмъ при комендантѣ не было никакого близкаго и надежнаго ему человѣка. Какъ ни дорожилъ я, особенно въ послѣднее время, своими занятіями, но мнѣ казалось совершенно противнымъ долгу человѣколюбія оставить человѣка въ такомъ безпомощномъ положеніи. Было крайне необходимымъ не только наблюдать за точнымъ исполненіемъ докторскихъ предписаній, но и охранять его собственность отъ расхищенія прислуги. Поэтому, я уговорилъ товарища моего Швейковскаго, который, до вышеописаннаго происшествія, былъ ближе всѣхъ знакомъ съ комендантомъ, но по слабости уступилъ всеобщему увлеченію и тоже не пошелъ обѣдать по приглашенію, отбросивъ ложный стыдъ передъ товарищами, отправиться вмѣстѣ со мною въ домъ коменданта и взять въ свои руки и заботы о больномъ и наблюденіе за домомъ. Такимъ образомъ, мы съ нимъ чередовались день и ночь при больномъ, а какъ Швейковскій съ трудомъ переносилъ ночное сидѣнье, то въ самые трудные кризисы мнѣ приходилось проводить и по двѣ ночи сряду.

Впослѣдствіи комендантъ любилъ открыто свидѣтельствовать, что не столько лѣченье, сколько мои заботы спасли ему жизнь. Вслѣдствіе обоихъ этихъ случаевъ—развязки недоразумѣнія съ казематомъ и пособія, оказаннаго ему во время болѣзни, уваженіе и признательность его ко мнѣ не знали границъ и тѣмъ болѣе, что я и слышать не хотѣлъ ни о какомъ знакѣ его благодарности, ни о вещественномъ, ни о ходатайствѣ передъ правительствомъ, чтобы что нибудь сдѣлать для меня, на что онъ не разъ пытался выпросить у меня позволеніе. Не успѣвъ ни въ чемъ, онъ тѣмъ болѣе за то показывалъ мнѣ довѣрія и съ тѣхъ поръ не только у него не было никакой тайны отъ меня, но онъ уже рѣшительно не дѣлалъ ничего, не посовѣтовавшись со мною. Это дало мнѣ возможность сдѣлать кое-что полезное, при чемъ одинъ случай еще болѣе усилилъ его довѣріе ко мнѣ, не только уже по дѣламъ управленія его, но и по отношенію къ правительству. Ни въ одной изъ тѣхъ амнистій, которыя были обнародованы относительно насъ, не упоминалось о тѣхъ лицахъ, которые, какъ показано выше,

попали въ казематъ случайно. Между тѣмъ срокъ нашего разряда приближался, и, по отправленіи его, тѣмъ лицамъ пришлось бы оставаться въ казематѣ однимъ и безъ всякихъ средствъ. Я посовѣтовалъ коменданту сдѣлать о нихъ представленіе и просить, чтобы и ихъ отпустили съ нашимъ разрядомъ.

«Что вы это, Д. И., Богъ съ вами», сказалъ онъ мнѣ даже съ испугомъ, «кто осмѣлится дѣлать такое представленіе Государю? Онъ скажетъ, что я вздумалъ его учить, да еще въ политическомъ дѣлѣ,—и мнѣ Богъ знаетъ какъ достанется за это».

Я доказывалъ ему, напротивъ, что ему будутъ благодарны, что объ этихъ лицахъ, вѣроятно, забыли, и что Государь будетъ, напротивъ, доволенъ, что онъ ему доставитъ случай выказать милость по политическому дѣлу, тогда какъ это ничего не стоитъ, и лица эти вовсе не политическія. Долго впрочемъ не рѣшался онъ на это, но наконецъ уступилъ моимъ настояніямъ и со страхомъ и трепетомъ сдѣлалъ представленіе, ожидая съ крайнимъ безпокойствомъ отвѣта. Наконецъ, отвѣтъ пришелъ и совершенно такой, какой я предвидѣлъ: Государь велѣлъ благодарить коменданта за то, что тотъ доставилъ ему случай выказать его милосердіе. Амнистія для вышесказанныхъ лицъ была подписана въ день причащенія Государя Св. Т.—Комендантъ былъ несказанно радъ и крѣпко благодарилъ меня, а товарищи мои, завидовавшіе моему вліянію на него, увидѣли теперь, на что я употребляю это вліяніе, тогда какъ они искали сближенія съ комендантомъ единственно для своего удовольствія или выгоды.

Самое послѣднее время нашего пребыванія въ казематѣ ознаменовано было сильнымъ стремленіемъ къ женитьбѣ, но почти всѣ предпріятія этого рода рушились, потому что всѣ основаны были на подражаніи и тщеславіи. Надо сказать, что ни родные моей невѣсты, ни я самъ, хоть не имѣли никакой причины таить наше намѣреніе, но не имѣли повода и разглашать о немъ. Однако подъ конецъ нашего пребыванія въ казематѣ оно сдѣлалось извѣстнымъ и возбудило зависть особенно въ людяхъ тщеславныхъ. Двѣ бывшія до тѣхъ поръ свадьбы въ казематѣ,—Анненкова, освятившая только прежнюю связь его, и Ивашева, гдѣ всѣ знали, что невѣста куплена за большія деньги, не представляли, разумѣется, ничего лестнаго для тщеславія. Но очень многимъ хотѣлось имѣть возможность похвастаться, что и для нихъ нашлись невѣсты, рѣшившіяся выдти за нихъ, когда они еще были въ казематѣ. Что разсчетъ былъ чисто изъ одного тщеславія, доказывало лучше всего нетерпѣніе, потому что при выходѣ на поселеніе женитьба не представляла никакого затрудненія (какъ показывалъ опытъ нашихъ же товарищей, которые почти всѣ переженились, вышедши на поселеніе), а до выхода оставался очень небольшой срокъ; и притомъ дѣло на поселеніи могло быть устроено гораздо обдуманнѣе. Поэтому-то всякому благоразумному человѣку ясно было видно, что изъ этого увлеченія къ женитьбѣ ничего путнаго не выйдетъ.

И какъ ни съ той, ни съ другой стороны не было ни искренности въ побужденіяхъ, ни разумной и возвышенной цѣли, то дѣло обыкновенно начиналось торговлею.

Наши товарищи старались увлечь обѣщаніемъ выгодъ, а родители невѣстъ высматривали, которая женитьба представитъ болѣе денежной выгоды. На этомъ основаніи одна дѣвица, дочь заводскаго доктора Янчуковскаго, бывшая формальною уже невѣстою Николая Крюкова (меньшаго брата) перешла къ Сутгову (и это была единственная состоявшаяся свадьба); невѣста Свистунова, дочь заводскаго чиновника Занодворова, отказалась послѣ того, какъ была уже два мѣсяца объявленною невѣстою, потому что родители потребовали еще нѣсколько тысячъ прибавки; свадьба Тютчева также разошлась, потому что онъ не могъ представить того обезпеченія, какого требовала мать невѣсты и пр. и пр.

Все это производило въ послѣднее время въ казематѣ нескончаемыя интриги, въ которыхъ особенное участіе принимали дамы. Жизнь каземата представляла необычайную суматоху и наполнилась скандалами, служившими неисчерпаемымъ источникомъ сплетенъ. Казематъ, представлявшій до сихъ поръ отдѣльный міръ, вносившій нравственнымъ вліяніемъ новыя понятія и чувства въ міръ внѣшній, сталъ видимо сливаться съ нимъ и подчиняться самъ его будничной жизни. Все предвѣщало близкій конецъ, и можно сказать навѣрное, что съ прекращеніемъ вещественной необходимой связи между нами, общимъ пребываніемъ въ одномъ мѣстѣ и въ одномъ казематѣ, послѣдовало бы и нравственное разложеніе того коллективнаго существа, которое обозначалось подъ общимъ именемъ каземата, если бы не тѣ, основанныя мною учрежденія, которыя продлили нравственную жизнь каземата далеко за предѣлы административнаго существованія его, и о которыхъ будетъ сказано въ обозрѣніи развитія внутренней жизни каземата.

Наступило время разъѣзда; но правительство и тутъ замедлило отдать приказаніе во-время. Казалось-бы, что когда существовалъ опредѣленный закономъ срокъ, то нечего было бы ожидать разрѣшенія того, что само собою слѣдовало по закону. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Генералъ-губернаторъ не рѣшился отправить насъ до полученія разрѣшенія изъ Петербурга; а чрезъ то разъѣздъ послѣдовалъ вмѣсто 10-го іюля, какъ слѣдовало по закону, только 27-го, что для многихъ, которымъ слѣдовало ѣхать далеко, составило существенную разницу, потому что протягивало проѣздъ до осенней распутицы; и это задержка всѣхъ вообще тѣмъ была страннѣе, что разрѣшило же само правительство отправить четверыхъ больныхъ изъ нашихъ товарищей на воды, ранѣе даже срока, чтобы не пропустить времени лучшаго дѣйствія водъ. Для меня это тоже было не маловажно, потому что замедлило на цѣлый мѣсяцъ мою свадьбу.

Я одинъ только отправился на востокъ въ Читу; немногіе остались за Байкаломъ въ Верхнеудинскомъ округѣ (одинъ остался въ самомъ Петровскомъ заводѣ); большая же часть отправилась въ сопровожденіи адъютанта генералъ-губернатора въ Иркутскъ, около котораго многіе и были поселены. Нѣсколько человѣкъ отправились въ Енисейскую и Тобольскую губернію. Поселеніе въ послѣдней считалось особенною милостію, по ходатайству извѣстныхъ лицъ.

Въ Иркутскъ отправились всѣ вмѣстѣ цѣлымъ караваномъ, что, разумѣется, очень замедлило путешествіе. Подводы и лошади выставлялись земскимъ нарядомъ. Впрочемъ экипажи у всѣхъ почти были собственные. Переѣздъ черезъ море представилъ также не мало затрудненій, такъ какъ въ то время на Байкалѣ не существовало еще пароходовъ. Я одинъ отправился по подорожной, потому что платилъ самъ прогоны, и, желая взять съ собою всю свою библіотеку, ѣхалъ въ двухъ повозкахъ на почтовыхъ. Въ заключеніе, не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о зданіи каземата и домовъ, которые настроили наши товарищи въ Петровскомъ заводѣ. Дома почти всѣ были скуплены казною за безцѣнокъ для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ и чиновниковъ. Мелкія постройки наши (баня, мастерскія и пр.) розданы были служившимъ при насъ людямъ. Въ казематѣ помѣстили простыхъ ссыльныхъ, а потомъ поляковъ. Въ недавнее время онъ сгорѣлъ; впрочемъ и безъ того онъ не простоялъ бы долго, потому что еще въ наше пребываніе онъ сталъ уже разрушаться вслѣдствіе дурной постройки. Самый же заводъ очень много выигралъ отъ нашего тамъ пребыванія. Не говоря о новой церкви и цѣломъ кварталѣ, построенномъ нами, пребываніе наше заставляло обращать на него постоянное вниманіе и этому обязанъ онъ былъ, что всѣ механическія заведенія были заново отстроены. Наконецъ, тѣ средства, которыя извлекали жители изъ огромныхъ суммъ, пущенныхъ нами въ обращеніе, и изъ улучшенія мастерства обученіемъ въ казематѣ, доставлявшемъ заказы изъ другихъ мѣстъ, дали возможность жителямъ лучше обстроиться и улучшить свой бытъ, хотя, конечно, въ замѣну того ввели много пустой роскоши и моды изъ подражанія. Почтовая контора, учрежденная по случаю нашего пребыванія, осталась и послѣ насъ, а садъ, устроенный Лепарскимъ, также сохранился, потому что поддерживать его взяла на себя казна, т. е. заводское управленіе.

XI.

Чтобы образовать ту общественную жизнь, которая проявилась въ казематѣ, нужно было такое необычайное соединеніе и такихъ притомъ рѣдкихъ, самихъ по себѣ, условій, что подобное явленіе едва-ли и можетъ когда либо повториться; а потому-то казематская общественная жизнь и представляла собою явленіе, вполнѣ заслуживавшее внимательнаго наблюденія и изученія. Это былъ безспорно живой организмъ полнаго, всесторонняго начала, прошедшій всѣ фазисы развитія разумной органической жизни, и который, по тождеству дѣйствующихъ началъ съ общечеловѣческими въ ихъ полнотѣ, представлялъ аналогическія явленія съ развитіемъ всего общечеловѣческаго общества, и давалъ поэтому мыслящему человѣку возможность собственнымъ, единоличнымъ наблюденіемъ надъ живыми явленіями узнавать и провѣрять то, что иначе стараются, по напрасно, добыть или изъ отвлеченнаго мышленія, подверженнаго всѣмъ недостаткамъ, по-

рождаемымъ отсутствіемъ живаго собственнаго наблюденія, или изъ историческаго свидѣтельства разныхъ лицъ, со всѣми неудобствами, которыя представляютъ разрозненныя наблюденія, т. е. отсутствіемъ общаго взгляда, неполнотою, односторонностію и неизбѣжнымъ вліяніемъ разныхъ личныхъ понятій и способностей разныхъ историковъ въ разныя эпохи.

Здѣсь же, чрезъ самое сосредоточеніе явленій, какъ бы въ фокусѣ, чрезъ самую сжатость ихъ въ пространствѣ и времени, доступныхъ наблюденію одного лица, сжатость, неизмѣнявшую однако же нисколько ихъ качественности,—давалась полная возможность и одному лицу и обнимать вполнѣ всѣ одновременныя явленія и совершить наблюденіе за всѣмъ ходомъ постепеннаго историческаго развитія всѣхъ началъ и идей, отъ самаго зарожденія и появленія ихъ до конца, съ тѣмъ единствомъ взгляда и общею связью, которыя возможны только при наблюденіи явленія однимъ лицомъ.

Насильственно устраненное отъ внѣшней дѣятельности казематское общество имѣло въ замѣну того полную свободу для внутренняго развитія, и, кромѣ того, имѣло еще и то преимущество надъ всѣми другими человѣческими обществами, что въ немъ по самому отсутствію матеріальной понудительной силы и внѣшнихъ вліяній на внутреннее развитіе, вліяній, преграждающихъ и искажающихъ въ другихъ обществахъ естественный ходъ и правильное развитіе событій, всѣ явленія могли истекать, подобно какъ въ цѣломъ человѣчествѣ, только изъ дѣйствія исключительно нравственныхъ силъ, а потому и могло имѣть ту полноту и правильность, какія представляетъ одна только совокупность всего человѣчества. Поэтому-то казематское общество, завершивъ полный кругъ жизни относительныхъ началъ, что далеко еще не кончено для всеобщей исторіи, и могло дать указаніе для тѣхъ будущихъ явленій, которыя, не будучи еще осуществлены во всеобщихъ событіяхъ, совершились уже между тѣмъ въ законченной казематской жизни; и показавъ на опытѣ естественный и неизбѣжный исходъ всякаго относительнаго начала, показали тѣмъ самымъ въ приложеніи и къ будущимъ общимъ событіямъ, что можно, и чего нельзя ожидать отъ каждаго начала, отъ каждой идеи, отъ каждаго дѣйствія и мѣры, ограждая такимъ образомъ отъ самообольщенія и надеждъ на дѣйствительность, основанныхъ на этомъ самообольщеніи мѣръ, во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни и дѣятельности.

Само собою разумѣется, что кругъ жизни, сжатый, какъ мы сказали выше, въ тѣсномъ объемѣ небольшаго числа лицъ и краткаго времени (какъ ни долгъ казался 13-ти лѣтній срокъ для судебъ личной участи отдѣльнаго лица) могъ представлять всѣ событія и явленія только въ сокращенномъ видѣ; но это, какъ и сказали мы выше, нисколько не измѣняло внутренняго свойства ихъ, и давало поэтому возможность узнавать законы, ими управлявшіе, съ такою же точностію и полнотою, съ какими узнаются общіе законы силъ природы изъ физическихъ явленій, независимо отъ количественнаго ихъ значенія, лишь бы дѣйствія этихъ силъ проявлялись безпрепятственно и поэтому

вполнѣ. Вся задача состоитъ слѣдовательно только въ благопріятныхъ условіяхъ и въ умѣньи выбирать удобныя для наблюденія явленія.

Конечно, вслѣдствіе сокращенности объема и времени, цѣлыя эпохи въ развитіи общей исторіи измѣрялись въ казематскомъ обществѣ только годичною и мѣсячною продолжительностью; цѣлыя религіозныя вѣрованія, умственныя системы и ученія и политическія существованія имѣли иногда представителями одну личность, но преемство и послѣдовательность событій были совершенно правильны и совершались по тѣмъ же непреложнымъ нравственнымъ законамъ, какъ и въ общеисторическихъ событіяхъ, такъ какъ проявленіе всякаго начала было совершенно свободно, и потому было всегда вполнѣ точно, ясно и закончено. А что внѣшній размѣръ не имѣетъ преобладающей важности для качественныхъ проявленій, это доказано и въ исторіи на примѣрѣ Греціи, гдѣ на ничтожномъ сравнительно пространствѣ и въ краткій промежутокъ времени вмѣстилась такая качественная полнота событій, какой не представили въ другихъ мѣстахъ и тысячи лѣтъ существованія и сотни милліоновъ дѣйствующихъ лицъ.

Но можетъ статься, что спросятъ: какое доказательство, какая повѣрка правильности такого взгляда на значеніе казематскаго общества? Отвѣчаемъ, что въ защиту этого взгляда могутъ быть представлены и теоретическое соображеніе и практическая повѣрка. Нѣтъ сомнѣнія, что исторія, въ своемъ развитіи, въ своемъ истинномъ движеніи во времени, должна управляться такими же непреложными законами, какими управляются явленія міра вещественнаго въ своихъ проявленіяхъ въ пространствѣ. Безъ этого всякое изученіе исторіи было бы безплодно, точно такъ, какъ безъ знанія этого закона, безъ открытія его, вся исторія необходимо должна представлять такую же путаницу, такой же хаосъ, какіе представлялъ и міръ видимый, когда, до открытія всеобщихъ законовъ истиннаго движенія, вынуждены были для объясненія путаницы видимыхъ движеній накоплять и усложнять второстепенные законы, для поясненія непостигаемыхъ уклоненій, не подходившихъ подъ законъ, прежде предполагавшійся и служившій до того объясненіемъ. Но если въ мірѣ вещественномъ могутъ существовать въ пространствѣ явленія, дающія возможность открывать законы, общіе для всей необъятности пространства, то почему же и въ мірѣ историческомъ не могутъ случиться во времени такія явленія, которыя, прообразуя собою цѣлое, даютъ возможность изъ наблюденія ихъ раскрывать законы цѣлаго? Вѣдь если законы эти существуютъ, то должны существовать и средства открыть ихъ.

Что-же касается до практической повѣрки, то я могу сказать только то, что съ тѣхъ поръ, какъ общіе законы раскрыты были мною и провѣрены изученіемъ казематской жизни, не было еще ни одного событія общеисторической жизни, которое не было бы разгадано мною въ сущности его начала, и послѣдствія котораго не были бы предвидѣны мною въ ихъ исторической неизбѣжности, какъ и имѣли случай убѣдиться въ томъ всѣ тѣ, которые, когда это было нужно, получали мои указанія, разумѣется, если

того требовала общая польза, а не эгоистическій чей интересъ, потому что, не употребляя знанія своего для своего личнаго интереса, не допуская себя обращать его даже на служеніе тщеславію, выказывая и доказывая справедливость моего предвидѣнія, я не могъ и не хотѣлъ, конечно, служить этимъ знаніемъ и чуждой симфоніи? разумѣя ее въ ея общемъ смыслѣ, въ желаніи пріобрѣсть истину для торговыхъ, такъ сказать цѣлей, личнаго интереса, тщеславіи и наслажденія. Извѣданную и добытую мною истину я передавалъ и могъ передавать только тѣмъ, кто представлялъ ручательство, что не употребитъ ее для личныхъ цѣлей, и только тамъ, гдѣ для возвѣщенія и приложенія къ дѣлу требовалось еще напротивъ отъ человѣка пожертвованіе личными цѣлями.

Такъ какъ въ казематѣ были соединены люди всѣхъ возможныхъ общественныхъ положеній, всѣхъ возможныхъ спеціальностей по образованію, и, слѣдовательно, вполнѣ знакомые со всѣмъ, что исторія человѣчества представляла для знанія; люди сверхъ того, по самому стремленію къ преобразованію общества, привыкшіе думать объ отысканіи правильныхъ основныхъ началъ и стараться приложить ихъ къ жизни и дать преобладаніе тому, что имъ казалось правильнымъ, то понятно, что все, что только было извѣстно въ человѣчествѣ какъ истинное и ложное, какъ хорошее и дурное, имѣло въ казематскомъ обществѣ своихъ представителей и какъ идея, и какъ сила и средства, стремящіяся къ осуществленію идеи. Всѣ начала и системы религіозныя, философскія, политическія, общественныя (соціальныя), экономическія проявлялись и въ законныхъ ихъ требованіяхъ и въ неправильныхъ притязаніяхъ. Черезъ книжное изученіе и журнальное чтеніе въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ всѣ явленія общечеловѣческой жизни, со всѣми ихъ толкованіями съ точки зрѣнія разныхъ понятій, чувствъ, интересовъ, усвоились и входили всецѣло въ кругъ умственной и нравственной жизни каземата; и для защиты своей идеи имѣлись у каждаго такія вспомогательныя умственныя средства, какими не только ни одинъ частный человѣкъ не можетъ лично располагать въ другомъ какомъ либо обществѣ, но какихъ не могутъ представить даже и общественныя учрежденія въ частное пользованіе отдѣльнаго лица [1]) Съ другой стороны, постоянное живое общеніе устраняло невыгоды и опасности кабинетнаго изученія и умствованія, охраняя отъ односторонности мышленія и незамѣчаемой часто самими людьми нелогичности выводовъ изъ ихъ собственныхъ началъ и основаній. При общемъ и ежедневномъ обсужденіи всего всякій шагъ въ развитіи всякаго начала или идеи долженъ былъ быть взятъ, такъ сказать, съ бою; всякое развитіе непремѣнно должно было совершаться логически, иначе всякая непослѣдовательность сейчасъ же была обличаема,

---

[1]) Выше было упомянуто объ огромной библіотекѣ по выпискѣ на чрезвычайно большую сумму не только періодическихъ изданій, но и всѣхъ вновь выходящихъ замѣчательныхъ сочиненій по всѣмъ спеціальностямъ и на всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ языкахъ, что при небольшомъ числѣ пользующихся и при единствѣ помѣщенія представляло такъ сказать подъ рукою у каждаго всю библіотеку, чего, конечно, нельзя надѣяться никому имѣть нигдѣ.

а вслѣдствіе этого всякое начало или идея, въ случаѣ ихъ ложности или предъявленія абсолютнаго требованія, т. е. перехода за предѣлы относительнаго значенія, были вынуждены доходить до крайняго односторонняго вывода, а защитники или представители ихъ или сознавать ложность основаній и отступиться отъ нихъ, или признавать очевидную нелѣпость.

При постоянномъ и разнородномъ наблюденіи всего и всѣми ни одно явленіе общественной жизни, съ самыми тонкими его оттѣнками, не могло укрыться; при постоянномъ обсужденіи всего, и, притомъ, въ такихъ условіяхъ, какія въ другихъ мѣстахъ возможны только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напр. въ судѣ, т. е. съ возможностію повѣрки каждаго факта, каждаго свидѣтельства, весь ходъ и характеръ всякаго предпріятія, всякаго побужденія вполнѣ выяснялся отъ самаго его зарожденія до окончательнаго результата; и судъ этотъ имѣлъ еще и то достоинство, что будучи лишенъ матеріальной силы, дающей возможность поползновенію прилагать насиліе вмѣсто логики и доказательствъ разумнаго убѣжденія, онъ былъ чисто нравственный, и, слѣдовательно, изъятый отъ опасности искаженія неправильными явленіями. Поэтому то въ казематѣ для человѣка умѣющаго и желающаго наблюдать и было такъ легко прослѣдить естественный ходъ всякаго явленія, невозмущаемый никакими внѣшними вліяніями, а потому и обнаруживавшій вполнѣ и ясно дѣйствительные законы, управляющіе явленіями; вслѣдствіе чего и выводы, дѣлаемые изъ этихъ законовъ, могли быть вполнѣ правильными, какими они и оказывались всегда въ дѣйствительности при повѣркѣ ихъ послѣдующими событіями [1]).

---

[1]) Общечеловѣческія относительныя начала, проявленіе и развитіе которыхъ составляетъ истинный, внутренній смыслъ исторіи, опредѣляющій значеніе и внѣшнихъ событій, заключаются, конечно, и проявляются и въ каждомъ человѣкѣ, потому что и въ цѣломъ человѣчествѣ не можетъ быть иныхъ силъ и условій, кромѣ тѣхъ, которыя дѣйствуютъ и и въ отдѣльномъ человѣкѣ. Но въ послѣднемъ они, по вліянію внѣшнихъ условій, не могутъ, однако, проявляться въ полнотѣ, во всесторонности и законченности, хотя и бываютъ иногда такія благопріятныя сочетанія условій, что и отдѣльный человѣкъ служитъ самымъ лучшимъ представителемъ цѣлой идеи, цѣлаго народа, цѣлой эпохи, на чемъ и основывается ученіе о великихъ людяхъ. Съ другой стороны, условія стѣсняющія проявленіе началъ и идей въ отдѣльномъ лицѣ, выравниваются въ существахъ коллективныхъ (собирательныхъ), т. е. въ цѣлой эпохѣ, въ цѣломъ обществѣ, религіозномъ, политическомъ (народѣ) и пр., откуда происходитъ ученіе о такъ называемомъ «среднемъ», отвлеченномъ человѣкѣ, изображающемъ въ себѣ всѣ условія даннаго общества или эпохи. Но и всякое общественное тѣло и всякая эпоха составляютъ только части цѣлаго человѣка, а потому и не могутъ имѣть полноты или по совокупности всѣхъ относительныхъ началъ, что можетъ быть принадлежностью только полнаго человѣчества и такихъ явленій, которыя, какъ казематское общество, имѣли по особеннымъ обстоятельствамъ возможность преобразовать его и по полнотѣ своихъ началъ и по законченности своего развитія, а, слѣдовательно, и развитія этихъ началъ въ немъ.

Въ началѣ соединенія нашего въ Читѣ казематское общество, какъ и всякое зарождающееся только общество, представляло то младенческое состояніе, которое называютъ обыкновенно патріархальнымъ и семейнымъ, и въ которомъ все основывается на непосредственномъ ощущеніи и чувствѣ, служащихъ поэтому преимущественно побудительными причинами или двигателями и общественныхъ явленій. Подъ вліяніемъ условій самаго положенія, подъ вліяніемъ чувства пожертвованія собою для общаго блага, признаваемаго всѣми за обязанность и приведшаго въ это положеніе, естественно, что преобладающими и руководящими началами были съ одной стороны инстинктивное признаніе необходимости смягчить нравственными условіями (уступчивостью, вниманіемъ другъ къ другу) тягость матеріальнаго положенія, безъ чего жизнь была бы невыносимою ни для кого. Съ другой стороны, напряженное чувство благорасположенія къ людямъ, высказавшимъ себя съ хорошей стороны своимъ самопожертвованіемъ, чувствомъ, усиленное еще радостью свиданія и естественнымъ удовольствіемъ сообщества, послѣ одиночнаго заключенія, давшаго людямъ узнать всю цѣну и необходимость сообщества своихъ ближнихъ. Такимъ образомъ, все благопріятствовало преобладанію чувства, и тѣмъ болѣе, что ничто еще изъ того, что обыкновенно подавляетъ его и отвращаетъ отъ людей, никакія эгоистическія цѣли не могли еще проявляться уже и по одному тому, что лишены были всякихъ средствъ для возможности своего осуществленія.

Поэтому-то, въ эту эпоху, все дѣлалось въ казематскомъ обществѣ, всѣ даже общественные вопросы рѣшались порывами, увлеченіемъ чувства, но ни свойство самого чувства, ни основанія его въ побужденіяхъ къ какому либо дѣйствію не были ни изслѣдованы, ни провѣрены. Какъ и вездѣ, гдѣ берется въ основаніе исключительно одно чувство, одно влеченіе, ведущія всегда къ тому ослѣпленію, которое даже вещи самой непостоянной, какъ напр. страсти придаетъ значеніе силы вѣчной и неизмѣняемой, такъ и въ казематѣ слишкомъ полагались на побужденія чувства вообще, отъ того только, что довѣряли благородству и чистотѣ патріотизма, любви къ свободѣ и ко благу человѣчества, запечатлѣннымъ, какъ говорили, такими жертвами [1]), но забывали при этомъ, что чувство вообще, какъ и всякая относительная сила и способность, можетъ искажаться, прилагаясь къ недостойнымъ цѣлямъ, или опираясь на ошибочныя основанія; можетъ легко смѣшиваться при недостаточномъ изслѣдованіи съ чувственными скрытыми эгоистическими побужденіями, можетъ быть основано на самообольщеніи, на предполагаемыхъ только условіяхъ, на воображеніи, принимающемъ мнимое за дѣйствительно существующее.

Вслѣдствіе этого, когда возникали вопросы не только о томъ, какъ должно разумѣть истинный патріотизмъ и истинную свободу, но даже о томъ, какія разумныя слѣдствія должно выводить изъ общаго чувства благорасположенія къ товарищамъ, изъ же-

[1]) «Помилуйте», возражали на мои предостереженія, «неужели могутъ проявиться эгоистическія чувства у людей, которые всѣмъ пожертвовали».

ланія добра имъ и отъ нихъ, въ приложеніи къ каждому лицу, къ своей общинѣ, къ отечеству наконецъ; какіе признаки давали ручательство въ дѣйствительности и правильности чувства; на какихъ основаніяхъ оно можетъ прочно утвердиться и удержаться; какія прочныя мѣры для этого должны быть заблаговременно принимаемы; въ чемъ даже состояли законныя требованія въ вещественномъ отношеніи, что должно было удовлетворять и чего не слѣдовало, для самой прочности обезпеченія, для самаго сохраненія взаимнаго благорасположенія, устраненіемъ причинъ къ раздору; однимъ словомъ, какъ установить сознательно взаимныя отношенія, какъ дать устройство общинѣ, и какъ должны поступать мы для достиженія всѣхъ разумныхъ и обязательныхъ для насъ цѣлей, для личнаго обезпеченія каждаго, для спокойнаго развитія общины и для продолженія служенія отечеству, дѣйствуя примѣромъ на внѣшнихъ, то по всѣмъ этимъ вопросамъ не только не хотѣли давать себѣ отчета, но и сердились на тѣхъ, кто говорилъ о необходимотти этого; сердились, какъ на сомнѣвающихся въ «прочности [1]) чувства и въ

[1]) Ничто такъ часто не слышится, какъ жалобы на отсутствіе чувства въ обществѣ и въ семьѣ, и на непостоянство и непрочность чувства даже въ сильнѣйшемъ его проявленіи — въ любви между мужчиною и женщиною, но удивляться, кажется, тутъ нечему. Все это и должно быть неизбѣжнымъ слѣдствіемъ того, что во первыхъ при воспитаніи чувство въ истинныхъ, искреннихъ, самостоятельныхъ его проявленіяхъ обыкновенно даже подавляется, а стараются возбуждать ложныя чувства, источникомъ которыхъ большею частію бываетъ тщеславіе, лицемѣріе и пр., а во вторыхъ, въ самыхъ понятіяхъ о чувствѣ, въ идеѣ его, не разъясняются истинные признаки истиннаго или дѣйствительнаго чувства, которое можетъ и должно имѣть влеченіе не къ вещественному предмету, не къ внѣшнему виду его, быстро измѣняющемуся, не къ отвлеченному понятію, не осуществляемому никогда дѣйствительностью, и потому неизбѣжно разрушаемому опытомъ, а къ нравственнымъ достоинствамъ и красотѣ. Отъ неуясненія себѣ всего это принимается за чувство постоянно то, что не только есть истинное чувство, но еще несовмѣстимо съ нимъ и даже противоположно ему, а именно во первыхъ, чувственное возбужденіе, разрушаемое неизбѣжно не только измѣненіемъ внѣшнихъ условій (болѣзнію, устареніемъ, тяготою недостатка и пр.), но и самымъ удовлетвореніемъ, если не поддерживается истиннымъ чувствомъ; во вторыхъ, обольщеніе воображенія, также неизбѣжно разрушаемое опытомъ, какъ сказано выше. Истинное же чувство не можетъ не быть прочно, не можетъ даже не усиливаться со временемъ, потому что основывается на неизмѣнныхъ основаніяхъ, и потому что время усиливаетъ само по себѣ всякое правильное отношеніе.

Поэтому-то напр. христіанство, ставя всегда истиннымъ выраженіемъ истиннаго чувства между мужчиною и женщиною только бракъ, ставило главнымъ основаніемъ брака честное исполненіе долга въ обязательствѣ или договорѣ, заключенномъ свободно «на основаніи разумнаго выбора», т. е. въ такихъ условіяхъ, которыя дѣлаютъ истинное чувство возможнымъ, съ несомнѣнною увѣренностью, что гдѣ будутъ условія для возможности истиннаго чувства, тамъ при обоюдномъ исполненіи долга оно непремѣнно явится, какъ необходимое послѣдствіе, составляющее неотъемленную принадлежность всякаго разумнаго рѣшенія и дѣйствія, удовлетворяющихъ нашу совѣсть и тѣмъ подготовляющихъ лучшее основаніе, лучшую почву для истиннаго чувства,—душевное удовлетвореніе и спокойствіе. Надо

возможности идеальнаго устройства, которое, по мнѣнію большинства, считалось осуществившимся будто бы уже въ казематскомъ обществѣ, и не нуждалось ни въ какомъ изслѣдованіи основаній, ни въ какомъ сознательномъ опредѣленіи отношеній.

Во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, независимо отъ знанія, пріобрѣтаемаго каждымъ обществомъ, какъ и каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ, путемъ собственнаго опыта, всегда существовало еще внѣшнее, такъ сказать, знаніе; было ли то въ видѣ откровенія или преданія, которому приписывалось божественное происхожденіе, или являлось оно, какъ плодъ вдохновенія или мудрости отдѣльнаго лица, соединившаго въ себѣ особенныя, благопріятныя для того условія, вслѣдствіе чего это лицо являлось, смотря по обстоятельствамъ, или пророкомъ [1]), обличителемъ, удерживающимъ отъ зла, или законо-

---

сказать, что всѣ эти изслѣдованія не только не излишни при изслѣдованіи общественныхъ основаній, но имѣютъ живую непосредственную связь съ нимъ. Безъ преобразованія человѣкомъ самого себя невозможно правильное устройство и семьи, а безъ правильнаго устройства семьи невозможно и правильное устройство общества.

Въ томъ обществѣ, гдѣ нѣтъ правильнаго понятія о высшемъ проявленіи чувства, не можетъ быть правильнаго понятія о чувствѣ вообще, а слѣдовательно и никакого правильнаго чувства, ни истиннаго патріотизма, ни любви къ свободѣ, ни справедливости и пр. и это по высшему закону единства духа, не допускающаго смѣсь истины съ ложью, поэтому идея о бракѣ и была всегда ликомъ для означенія общественнаго состоянія. И когда мы говорили выше о свободномъ договорѣ для основанія семьи, то разумѣли, какъ разумѣетъ это и христіанство, свободномъ не только отъ внѣшняго насилія, но и отъ ослѣпленія страсти, всегда переходящаго, какъ и все ложное, въ реакцію противоположности и отъ разсчетовъ корысти всегда ненадежныхъ. Къ несчастію, ничто не затемнено до такой степени не только обычаемъ, но и литературою, какъ основаніе семьи. Въ самомъ дѣлѣ, не странно-ли, что въ обычныхъ дѣлахъ люди стараются имѣть дѣло всегда съ честными людьми, которыхъ могутъ уважать потому что на нихъ можно положиться; а съ другой стороны, заключивъ свободно договоръ, считаютъ для себя дѣломъ чести, дѣломъ обязательнымъ исполнить его, хотя бы впослѣдствіи онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и оказался бы невыгоднымъ. Въ дѣлѣ же брака, напротивъ, не видимъ-ли мы постоянно, съ какимъ легкомысліемъ соединяются люди, не только безъ всякихъ основаній для взаимнаго уваженія, безъ котораго никакое истинное чувство немыслимо, но и съ заднею мыслью возможности неисполненія обязанности. Послѣ этого удивляться должно не тѣмъ послѣдствіямъ, какія одни только неизбѣжно изъ этого и могутъ происходить, а тому, что могутъ удивляться такимъ послѣдствіямъ, которыя всегда можно представить напередъ. Къ сожалѣнію, литература запутала вопросъ тѣмъ, что каждая сторона обвиняла противную, противопоставляя ей такія основанія, въ которыхъ именно и заключалось въ сущности то самое, въ чемъ ее въ свою очередь справедливо обвиняла и противная сторона. Такъ одна сторона напр., возставая противъ брака по разсчету и противопоставляя ему любовь, сама разумѣла однако подъ любовью страсть; а та, которая возставала противъ страсти противополагала ей разумъ, сама разумѣла тутъ разсчетъ, тогда какъ истинное чувство всегда разумно, а все, что истинно разумно, приведетъ за собою непремѣнно и истинное чувство.

[1]) Пророкъ, провѣщатель истины, относящейся не только къ будущему, но и къ настоящему и прошедшему.

дателемъ, предупреждающимъ зло и направляющимъ общество къ извѣстной цѣли; однимъ словомъ, имѣющимъ для общества то значеніе, какое родители и наставники имѣютъ относительно отдѣльнаго лица, передавая ему преданіе и знанія, почерпнутыя не изъ его опыта. Очень понятно, что такое знаніе и указаніе для того, чтобы имѣть вліяніе, чтобы представляться авторитетомъ, не можетъ ограничиться однимъ отрицаніемъ и критикою, не можетъ проявляться только, какъ отвлеченіе, но должно указывать и положительныя цѣли, къ чему должно стремиться, и возможныя средства для осуществленія этихъ цѣлей, подтверждая притомъ все это собственнымъ примѣромъ, какъ лучшимъ доказательствомъ возможности требуемаго, проявляя или олицетворяя въ себѣ живую дѣйствующую создающую силу, способную и направить самое себя и устраивать общество, сообразно провозглашаемымъ разумнымъ основаніямъ.

Представителемъ такого знанія и силы въ казематскомъ обществѣ суждено было быть мнѣ; и поэтому то именно во мнѣ и олицетворилось творческое начало всякаго устройства, всякихъ мѣръ въ казематскомъ обществѣ, предназначаемыхъ для законнаго удовлетворенія всего, что было справедливаго и обязательнаго въ требованіяхъ вещественныхъ, какъ для цѣлаго общества, такъ и для каждаго лица,—всего, что относилось къ вещественному и нравственному порядку и устройству, къ умственному и нравственному развитію.

Такое мое значеніе и назначеніе опредѣлялось во превыхъ, личными моими способностями, признаваемыми и другами, и недругами, и свойствами, выработанными среди тѣхъ особенныхъ условій, въ которыхъ проходила и до этого моя жизнь, какъ видно было изъ первой части записокъ, гдѣ и было показано, какъ и почему я былъ преобразователемъ во всѣхъ сферахъ, въ которыхъ дѣйствовалъ, задолго до того еще, какъ выступилъ преобразователемъ политическимъ и общестеннымъ; во вторыхъ, наблюденіемъ надъ собою и другими дѣятелями, въ стремленіи нашемъ къ свободѣ и преобразованію общества, даже во время самаго сильнаго увлеченія чувства, такъ что во мнѣ былъ всегда одновременно человѣкъ и дѣйствующій, и наблюдающій, что доставляло мнѣ знаніе и побужденій и способовъ исполненія; и, наконецъ, свойствомъ самыхъ занятій и дѣйствій моихъ въ казематѣ, поставившихъ себѣ задачею не только провѣрку всѣхъ основаній знанія и изслѣдованій истинныхъ законовъ существованія и развитія человѣческихъ обществъ, но и преобразованіе себя самого, соотвѣтственно выработаннымъ убѣжденіямъ, относясь всегда къ себѣ несравненно строже чѣмъ къ другимъ и дѣлая несравненно больше того, нежели сколько я требовалъ отъ другихъ. Это и впослѣдствіи составляло непреодолимую мою нравственную силу въ отчаянной борьбѣ съ силою, несоразмѣрною по внѣшнимъ условіямъ, такъ что мнѣ никогда никто изъ противниковъ моихъ не смѣлъ сказать, что я одно говорю, а иное дѣлаю, что я все только критикую, а не могу указать, какъ дѣлать, такъ какъ я всегда доказывалъ на дѣлѣ, что съ меньшими средствами и въ худшихъ условіяхъ я всегда и больше и лучше дѣлалъ, нежели то, что требовалъ отъ другихъ.

XII.

Я съ самаго начала сразу замѣтилъ непрочность основъ и устройства, принимаемыхъ казематскимъ обществомъ, и нравственную опасность, какъ для цѣлаго общества, такъ и для каждаго лица отдѣльно, отъ того, что, основавъ все на увлеченіи чувства, не анализировали его свойствъ, и не заботились упрочить его разумнымъ сознаніемъ и соотвѣтственными мѣрами. Вслѣдствіе этого случайное принимали какъ бы за возможное навсегда; дѣло, истекавшее изъ вещественной необходимости, за сознательно-добровольное; отвлеченное понятіе принимали за чувство отъ того только, что въ данномъ случаѣ оно прилагалось къ личностямъ, къ которымъ чувство могло относиться независимо даже отъ того, имѣютъ-ли его вообще ко всѣмъ, къ кому оно должно по долгу относиться; и наконецъ, что въ самомъ стремленіи къ свободѣ не сознавали еще тѣхъ единственныхъ основаній, на которыхъ стремленіе это бываетъ истинно и прочно.

Вслѣдствіе этого и были предложены мною съ самаго же начала многія мѣры, необходимыя вопервыхъ, для упроченія правильныхъ основаній, какъ вещественнаго быта, такъ и взаимныхъ отношеній; вовторыхъ, для обезпеченія, насколько возможно, каждаго лица и въ будущемъ, а чрезъ то обезпеченія всѣмъ душевнаго спокойствія, которое дозволило бы намъ всецѣло устремиться къ нравственнымъ цѣлямъ; и наконецъ для общаго нравственнаго вліянія нашего на внѣшнихъ,—проявленіемъ примѣра и образца плодовъ разумной свободы. Мѣры эти, сначала непонятныя, возбуждавшія иногда, даже вражду, были не менѣе того всѣ осуществлены послѣ трехлѣтней упорной борьбы моей, благодаря строгой ихъ справедливости, соотвѣтствію дѣйствительнымъ потребностямъ и настойчивости, съ какою я дѣйствовалъ, убѣждая всѣхъ не только словомъ, но еще болѣе собственнымъ примѣромъ.

И вотъ для этого-то, для нашей мрачной будущности, вѣроятности недостотка и лишеній, возможныхъ для насъ, я противопоставилъ привычку къ строгому воздержанію, къ добровольному лишенію себя и того даже, чего не лишало насъ наше тяжелое положеніе. Чрезъ это я возвратилъ себѣ не только нравственную свободу, но и отнялъ въ будущемъ всякую власть надъ собою у всякихъ попытокъ искушать меня выгодою и удовольствіями и угрожать какими-бы то ни было лишеніями. Шаткость чувства, неопредѣленность и неясность стремленій я старался устранить основательнымъ изученіемъ, не отступая отъ провѣрки всѣхъ основаній, отъ переучиванья каждой науки съ самаго начала; а чтобы отвлеченное ученіе не привело къ равнодушію и привычкѣ смотрѣть на все и на всѣхъ съ отвлеченной точки зрѣнія, безъ всякаго сердечнаго участія, и не пріучило бы довольствоваться холоднымъ созерцаніемъ и знаніемъ, оставаясь въ эгоистическомъ бездѣйствіи, я поставилъ себѣ правиломъ, что какъ бы ни дорожилъ я своими занятіями, покидать даже самое занимательное для меня, хоть бы въ самомъ интерес-

номъ мѣстѣ, если только являлясь необходимость моего непосредственнаго содѣйствія кому нибудь въ болѣзни, въ ученіи и пр., или обществу для обсужденія и устройства его дѣлъ. Вслѣдствіе этого почти 14 лѣтъ я не зналъ другой пищи, кромѣ овощной, занимался науками 18 часовъ въ сутки, но былъ также при каждомъ трудно больномъ, училъ каждаго желающаго, чему могъ только учить, былъ непремѣннымъ участникомъ во всѣхъ совѣщаніяхъ, коммиссіяхъ, обсужденіяхъ, касавшихся общественныхъ дѣлъ, и кромѣ того по выбору былъ и хозяиномъ, и казначеемъ, и распорядителемъ чтеній.

Всѣ мѣры, имѣющія цѣлію устройство казематскаго общества, обезпеченіе каждаго въ будущемъ, умственное и нравственное развитіе всѣхъ, были предложены и проведены мною и осуществились въ трехъ главныхъ учрежденіяхъ: большой или казематской артели, малой или поселенческой и книжной артели для выписки и чтенія книгъ.

Относительно вещественнаго быта надо сказать, что вначалѣ въ казематѣ все было общее, что и принималось всѣми за идеалъ взаимныхъ отношеній, а людьми религіозными даже будто бы за возобновленіе христіанской общины. Но эта общность, если и была слѣдствіемъ отчасти и хорошаго побужденія чувства, взаимнаго благорасположенія другъ къ другу, то вмѣстѣ съ тѣмъ была также дѣломъ и необходимости, пока всѣ жили въ одномъ казематѣ, даже въ одной горницѣ. Въ такомъ положеніи естественно, что нельзя было получить ничего никому, чтобы оно не было извѣстно всѣмъ и не служило бы для всѣхъ, такъ что если кто чѣмъ не пользовался, то развѣ только потому, что самъ ужъ не хотѣлъ. Поэтому, не говоря уже о томъ, что вещи, которыя и не могли иначе заказываться, какъ для всѣхъ (какъ напр. столъ, чай, мытье бѣлья, половъ, баня, церковныя требы, прислуга и др.) по необходимости уже были общими, но даже въ случаѣ, если присылали напр. кому нибудь изъ товарищей нашихъ жены ихъ что нибудь съѣстное (кушанье, чай, сахаръ, кофе и пр.), все это ставилось на общій столъ, потому что другого стола не было, да и прятать было некуда. Поэтому тотъ, кому это присылалось, не имѣя возможности пользоваться этимъ отдѣльно, спѣшилъ всегда самъ предлагать это на общее употребленіе, какъ бы совѣстясь выказать, что имѣетъ какое нибудь преимущество надъ другими, что хочетъ пользоваться какими-нибудь привиллегіями, нарушающими общее равенство. Присылались ли какія нибудь другія вещи, посылки изъ Россіи, ихъ и выдавали открыто для всѣхъ, да и негдѣ также было держать отдѣльно, такъ что по неволѣ все лежало вмѣстѣ, а какъ притомъ нужда каждаго была открыта же для всѣхъ, то и было бы странно и неестественно, чтобы хозяинъ вещей не предложилъ изъ нихъ то, въ чемъ видѣлъ, что нуждались другіе, когда всѣ знали, что у него это есть, а беречь вещи, ненужныя себѣ въ настоящемъ для какого-то неизвѣстнаго будущаго, представлявшагося такимъ темнымъ и безнадежнымъ, показалось бы не только крайне эгоистическимъ, но и глубоко-смѣшнымъ. Доставлялись ли кому книги и газеты, и ихъ клали тоже на общій столъ, на общее употребленіе потому что

и читаться онѣ могли большею частію только вмѣстѣ, вслухъ, такъ какъ отдѣльное чтеніе и по тѣснотѣ и по шуму было почти невозможно, и можетъ быть только я одинъ и могъ заниматься, потому что вставалъ въ четыре часа утромъ и могъ пользоваться такимъ образомъ общею тишиною для отдѣльнаго занятія. Наконецъ, если и получались на чье имя деньги, то и онѣ также поступали въ началѣ въ общую кассу, какъ потому, что самое полученіе денегъ свыше опредѣленной мѣры обусловливалось цѣлію вспоможенія товарищамъ, такъ и потому, что въ томъ положеніи общежитія, въ какомъ мы тогда находились, всякій расходъ могъ дѣлаться только на такія вещи, которыя почти всѣ поступали на общее же употребленіе; а накоплять деньги на свое имя было даже невыгодно, такъ какъ значительныя суммы отсылались на храненіе въ Иркутскъ, и, слѣдовательно, почти что терялись и для того лица, которому присылались, потому что даже независимо отъ злоупотребленій, отъ прямой кражи нашихъ денегъ чиновниками въ Иркутскѣ, чему были засвидѣтельствованные оффиціальные примѣры, деньги въ значительномъ количествѣ не могли быть выданы и при выходѣ на поселеніе, и въ случаѣ смерти должны были прямо поступать въ поселенческій капиталъ, какъ и случилось напр. со всею собственностью М. Ф. Митькова и др.

Совершенство, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и человѣческихъ обществъ, сила и правильность ихъ дѣйствій обусловливается совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ силъ и способностей ихъ. Поэтому то необходимо, чтобы въ постепенномъ развитіи и естественномъ преемствѣ этихъ силъ и способностей, развитіе каждой послѣдующей не совершалось насчетъ утраты предшествующихъ, не сопровождалось разрушеніемъ ихъ, а совершенно напротивъ само почерпало еще силу, равно какъ и усиліе и обезпеченіе правильности своего собственнаго дѣйствія, въ сохраненіи полноты и свѣжести всего предшествовавшаго. Это требовалось всегда и инстинктивно и сознательно, выражаясь какъ въ желаніяхъ, такъ и въ опредѣленныхъ требованіяхъ, чтобы сила и чистота чувства соединились съ мудростію разума.

Я всегда дорожилъ чувствомъ, и какъ силою и какъ способностію, дорожилъ имъ и въ себѣ самомъ и поэтому никогда не расточалъ и не истощалъ его на предметы недостойные и не обращалъ его въ орудіе эгоистическихъ наслажденій, и дорожилъ имъ и въ себѣ и въ другихъ и въ общественномъ смыслѣ.

Я всегда признавалъ, что истинное чувство, какъ сила одушевленія, есть двигатель самыхъ возвышенныхъ дѣйствій, что оно, какъ способность, возноситъ (при добромъ направленіи своемъ) человѣка выше эгоистическихъ стремленіемъ, и, устраняя одну изъ причинъ заблужденій ума, есть такое же орудіе познанія истины, какъ и самый умъ, съ которымъ и должно всегда дѣйствовать нераздѣльно. Вотъ почему, не отрицая у своихъ товарищей благороднаго порыва чувства, самопожертвованія изъ любви къ свободѣ и ко благу людей, я и дорожилъ такъ тѣмъ, чтобы это чувство сохранилось и не исказилось, а это могло быть достигнуто только отысканіемъ для него прочной под-

держки и устраненіемъ искажающихъ вліяній. Если у васъ истинная любовь къ свободѣ и къ людямъ, говорилъ я имъ, то докажите это не однимъ порывомъ, которымъ вы хвалитесь. Помните, что истинная любовь всегда внимательна, всегда предусмотрительна; это вѣрнѣйшій признакъ истинности чувства. Если вы любите свободу, поступайте такъ, чтобы заставить и другихъ любить и уважать ее, видя, какое благотворное вліяніе она производитъ на любящихъ и разумѣющихъ ее; если вы желаете добра людямъ и прежде всего, и ближе всего своимъ товарищамъ, то именно поэтому-то вы и должны принять разумныя мѣры, пока при одушевляющемъ васъ добромъ чувствѣ это будутъ мѣры предусмотрительности, истекающія изъ побужденія самого чувства, и которыя въ свою очередь поддержатъ и его, а не мѣры недовѣрія, какими онѣ будутъ послѣ, вслѣдствіе неизбѣжнаго горькаго опыта, порождающаго огорченіе, разочарованіе, раздраженіе, а, слѣдовательно, и разрушеніе всякаго добраго чувства, возбуждая вмѣсто его страсти или повергая въ уныніе апатіи составляющія какъ то, такъ и другое, могилу истиннаго чувства.

Исчисливъ затѣмъ моимъ товарищамъ и разсмотрѣвъ все, что и какъ дѣлалось въ казематѣ въ начальное время нашего соединенія, я старался разъяснить и доказать имъ, что такое положеніе, основанное на минутныхъ внушеніяхъ, безъ сознательнаго устройства, не можетъ привести ни къ чему доброму.

Сопротивленіе предложеннымъ мною мѣрамъ явилось какъ со стороны затаеннаго эгоизма, видѣвшаго, какія выгоды онъ можетъ извлечь впослѣдствіи изъ подобнаго положенія, несмотря на то, что въ началѣ не было пока благопріятныхъ условій для его проявленія, такъ и со стороны тѣхъ благодушествующихъ людей, которые по нелюбви или неспособности къ размышленію и труду, требуемымъ всякимъ устройствомъ, думаютъ, что можно все основывать на непосредственномъ чувствѣ, не разумѣя и не изучивъ въ исторіи, къ какимъ грустнымъ и гибельнымъ послѣдствіямъ приводитъ руководство одинокимъ чувствомъ, не опирающимся на другія способности и знанія. Первые вооружались преимущественно насмѣшкою, что я затѣваю «игру въ конституцію»; вторые упрекали меня, что я хочу замѣнить личныя отношенія, истекающія изъ благорасположенія, формальными отношеніями къ отвлеченному существу, т. е. къ общинѣ, и добровольное даяніе (возбуждающее, какъ говорили, благія чувства и въ дающемъ и въ принимающемъ)—обязательствомъ, и тѣмъ самымъ хочу замѣнить живую связь дружбы формализмомъ условныхъ отношеній по какому-то договору.

Я отвѣчалъ имъ, что все ихъ недоразумѣніе вертится на томъ, что они принимаютъ за несомнѣнное и доказанное то, что только еще надо испытать, разъяснить и доказать, что именно, какъ замѣчено мною, многія понятія и сужденія, наконецъ, самыя даже явленія обнаруживаютъ, что не всѣ и не во всемъ имѣютъ правильныя понятія объ условіяхъ и основаніяхъ истинной свободы, истинной пользы, а, слѣдовательно, неизбѣжно, что и въ побужденіяхъ чувства не все можетъ быть правильно, а потому не

все надежно, какъ источникъ дѣйствія, не все безопасно относительно могущихъ возникнуть послѣдствій; что относительно «игры въ конституцію» подобное обвиненіе можетъ прилагаться только тамъ, гдѣ дѣло дѣлается безъ нужды, или для того, чтобы прикрыть формою отсутствіе сущности, но что у насъ требованіе опредѣленнаго устройства очевидно выходитъ изъ существенной потребности; наконецъ людямъ, отстаивавшимъ съ религіозной точки зрѣнія исключительно нравственныя отношенія, я напоминалъ, что именно по понятіямъ христіанства Богъ не есть Богъ безпорядка, а порядка во всемъ, и указывалъ на примѣръ той же первобытной церкви, на которую они вздумали было ссылаться, что въ ней правильное устройство вводилось съ самаго начала людьми, которые были не менѣе высшими представителями и чистѣйшаго чувства, какъ и полнаго разумѣнія.—Вотъ почему я и настаивалъ, что именно, если кто дорожитъ сохраненіемъ добрыхъ чувствъ, тотъ необходимо долженъ вопервыхъ, начать съ серьезнаго изученія всѣхъ общественныхъ началъ и основаній, такъ какъ никто не могъ отвергнуть, что наука наша вообще была еще недостасочна, вовторыхъ, что лучше предупредить общественныя болѣзни благоразумными и своевременными мѣрами, нежели лѣчить ихъ тогда, когда допущено будетъ проявленіе ихъ; что если окажется, что чувства наши—любовь къ свободѣ, желаніе общаго блага и пр.—были чисты и дѣйствительны, то правильное устройство не стѣснитъ ихъ, а напротивъ послужитъ имъ еще опорою и обезпечитъ ихъ, такъ какъ безъ убѣжденія въ непреложности міровыхъ законовъ и самая свобода немыслима, лишена условій своей возможности. Наконецъ, я старался всячески и нравственными и историческими примѣрами доказать, до какой степени бываетъ иногда гибельна самонадѣянность, порождаемая самообольщеніемъ, непринятіе законныхъ огражденій по благодушному, но неразумному довѣрію къ лицу къ массѣ всегда производитъ къ деспотизму и къ анархіи и пр. и пр.

Но между тѣмъ, какъ неохотно слушали и оспаривали мои предостереженія, какъ досадовали на меня, что будто бы я нахожу удовольствіе играть роль зловѣщаго пророка, что разочарованіемъ возмущаю нѣгу общественнаго квіетизма, опасность дурныхъ послѣдствій и прискорбныхъ явленій, незамѣчаемая другими, но мнѣ ясно видимая, быстро надвигалась со всѣхъ сторонъ, и опытъ не замедлилъ оправдать мою предусмотрительность и мои предостереженія. Безпорядочность, непредусмотрительность, тщеславіе, нашедшее средство проявиться въ соперничествѣ дамъ, кто больше и лучше пришлетъ что въ казематъ, повели къ неразсчетливому потребленію всего и стали многихъ втравлять въ такія привычки, поддержаніе которыхъ никакъ не обезпечивала имъ вѣроятная ихъ будущность, а стремленіе къ удовлетворенію которыхъ во что бы то ни стало поставило ихъ впослѣдствіи въ жалкую зависимость отъ другихъ, заставивъ ихъ продать именно ту самую свободу, которою они, какъ говорили, такъ дорожили, что не согласились даже на тѣ ограниченія разумнымъ устройствомъ, на то подчиненіе необходимому порядку, которыя именно одни то и могли оградить ее.

Съ другой стороны эгоистическія стремленія нашли себѣ и основаніе и пищу и удобную почву для своего развитія, коль скоро ясно стало возможнымъ отдѣльное помѣщеніе. Въ благовидныхъ предлогахъ не было недостатка. Строившіе отдѣльные домики увѣряли, что это было и для общаго облегченія отъ тѣсноты. Но на дѣлѣ было не такъ. Ясно было, что подобная цѣль могла быть достигнута иначе. Отдѣльное же помѣщеніе для нѣкоторыхъ только, и возможность женатымъ жить въ домахъ женъ своихъ и водить туда своихъ родныхъ и знакомыхъ, разомъ произвели нѣсколько вредныхъ послѣдствій; разрушая равенство, освобождая нѣкоторыя личности отъ контроля общественнаго наблюденія, оно давало возможность и способствовало созданію не только привилегій для богатыхъ, но и холопства изъ среды неизбѣжно возникшаго пролетаріата, котораго, при общности жизни, разумѣется, быть не могло, и образованіе котораго я всячески старался предупредить обезпеченіемъ напередъ законнаго и достаточнаго удовлетворенія потребности каждаго.

При возможности отдѣльнаго удовлетворенія личной потребности прекратилось не только бывшее до того соперничество объ избыточномъ снабженіи всѣхъ, но и всякая забота о чемъ либо общемъ; и между тѣмъ какъ люди деликатные изъ неимѣющихъ терпѣли отъ недостатка въ существенномъ, другіе, имѣвшіе достаточно и своего, но менѣе деликатные, поспѣшили примкнуть къ привилегированнымъ лицамъ, чтобы лично отъ нихъ пользоваться чѣмъ можно, и такимъ образомъ являлись патроны и партизаны и образовались личныя партіи. А разъ, что утратилась, такъ сказать, дѣвственность стыда, иные дошли до того, что, кричавши прежде противъ всякаго подчиненія порядку, какъ противъ стѣсненія будто бы свободы, обратились чисто въ лакеевъ у другихъ, лишь бы пользоваться выгодою отъ нихъ. Кромѣ того, нѣкоторыя порочныя наклонности, которыя одиночно никто не смѣлъ до того обнаруживать, стали выказываться, опираясь на поддержку своей партіи, тѣмъ болѣе, что отдѣльныя помѣщенія давали къ тому возможность и удобства. Все, что прежде было немыслимо—пьянство, карты и пр. стали проникать въ казематъ и тѣмъ ронять нравственное наше значеніе и впутывать въ неприличныя связи со внѣшними, доставлявшими удобный случай для дурныхъ дѣлъ, а въ замѣну того пользовавшимися и денежными средствами изъ каземата. И въ то время, когда многіе стали издерживать значительныя средства къ удовлетворенію самыхъ незаконныхъ прихотей, то, что доставлялось на общее употребленіе, стало быстро оскудѣвать, и недостатокъ проявился тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше была прежняя расточительность, истреблявшая все безъ нужды, потому только, что все было въ избыткѣ, и сдѣлался тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ больше развилась прежде привычка къ излишнему.

Наконецъ безпорядки и недостатки [1]) достигли такой степени, что для устране-

[1]) Не разъ случалось уже, что и обѣдъ былъ недостаточенъ и не хватало ни чаю, ни сахару, что иные дошли до того, что не было перемѣннаго бѣлья и сапоговъ и пр.

нія ежедневно повторявшихся непріятностей необходимо было принять какія нибудь мѣры если не хотѣли, чтобы дошло до такихъ происшествій, которыя неминуемо повлекли бы вмѣшательство начальства, и, разрушивъ всякую связь между нами и солидарность, поставили бы всѣхъ и каждаго въ полную отъ него зависимость. Отъ попрековъ дѣло перешло уже къ фактическимъ оскорбленіямъ; а это повлекло къ вызову на дуэль, къ раздорамъ цѣлыхъ партій заступничествомъ за того или другого, и пр.

Но къ сожалѣнію и тутъ вмѣсто того, чтобы принять предложенное мною съ самаго начала предусмотрительное устройство, которое, ограждая независимость каждаго и давая ему возможность самостоятельнаго дѣйствія, устранило бы незаконное вліяніе и причины къ неудовольствіямъ и служило бы ручательствомъ правильности общихъ рѣшеній, удовольствовались полумѣрами; рѣшили выбирать каждые три мѣсяца одного человѣка, которому поручать сборъ денегъ, наблюденіе за хозяйствомъ и удовлетвореніе особенныхъ нуждъ каждаго, не заботясь и не соглашаясь установить опредѣленныя правила, ни для выбора, ни для обозначенія обязанностей и правъ выбраннаго. Разумѣется, что послѣдствія такой неопредѣленности не заставили себя ждать, и въ казематскомъ обществѣ не могло не произойти того же, что, какъ свидѣтельствуетъ исторія, происходило всегда и вездѣ при подобныхъ условіяхъ, когда все основывается только на личности человѣка, а личность избирается увлеченіемъ безъ обдуманности, чѣмъ всегда пользуются для невидимаго вліянія эгоистическіе интересы.

Въ казематскомъ обществѣ легко было наблюдать, какимъ образомъ, при отсутствіи опредѣленныхъ правилъ и дѣятельнаго живого вниманія общества, порученія незамѣтно переходятъ въ должность или званіе, а эти въ право на власть и въ превращеніе обязанности въ право; какъ съ одной стороны власть дается неразумными требованіями вмѣшательства и наложеніемъ неподлежащихъ обязанностей, а съ другой стороны, при противоположномъ направленіи, какъ формы права и власти, безъ существенныхъ условій ихъ, обращаются въ рабочую, невольническую повинность и пр.

Что требованія отъ человѣка, выбираемаго только на три мѣсяца, не всегда были разумны и справедливы, это несомнѣнно. Не обнимая своими распоряженіями полнаго годоваго періода, онъ не былъ въ состояніи распоряжаться средствами экономически; а кромѣ этого, сколько было вещей, о которыхъ необходимо было подумать и не за одинъ годъ впередъ; во-вторыхъ, денежное обезпеченіе и назначеніе лица дѣлались слишкомъ на короткій срокъ и не могли доставлять необходимаго спокойствія; наконецъ, и относительно удовлетворенія личныхъ нуждъ каждаго все же оставалось то же самое основаніе, какъ и прежде, т. е. личныя отношенія, потому что не всякій хотѣлъ и даже могъ говорить выбранному лицу откровенно о своихъ дѣлахъ, а между тѣмъ вмѣшательство въ нихъ давалось другому лицу какъ бы по праву.—Все это, разумѣется, содѣйствовало къ поддержанію постояннаго безпокойства, раздраженія и неудовольствія; скоро убѣдились, что дѣла не въ лучшемъ положеніи, какъ и прежде; однако взрывъ

послѣдовалъ совсѣмъ по другому поводу, и притомъ по пустому, какъ и всегда бываетъ, когда не хотятъ устранить главную причину зла, а ищутъ выместить свою досаду и свои собственныя ошибки, хватаясь за первый какой нибудь ничтожный предметъ.

Комендантъ сдѣлалъ относительно уплаты денегъ по частнымъ запискамъ въ казематъ какое-то распоряженіе, въ сущности ничего не значащее и даже правильное, но не понравившееся по чему то большинству. Когда это дошло до коменданта, то онъ очень тому удивился, и такъ какъ онъ былъ уже въ то время въ хорошихъ отношеніяхъ съ нами, то и прислалъ въ казематъ офицера объявить, что это было сдѣлано съ согласія хозяина, какъ называли тогда выборнаго изъ каземата. Хозяиномъ былъ тогда Аврамовъ (бывшій командиръ Казанскаго пѣхотнаго полка). Отъ него потребовали объясненія; онъ отвѣчалъ, что не видѣлъ тутъ ничего важнаго, что, впрочемъ, говорилъ съ такимъ и такимъ то, и что у насъ нѣтъ ни постановленія, чтобы совѣщаться со всѣми, ни установленнаго для этого порядка, да врядъ-ли есть возможность къ тому. Несмотря на это, поднялась ужасная буря, и кричали о самоуправствѣ и деспотизмѣ, о посягательствѣ на права общины, сильнѣе всѣхъ именно тѣ, которые, подобно Исаеву, такъ легко и давно продали всѣ свои права, свою независимость за чечевичную похлебку, сдѣлавшись подслужниками у женатыхъ и богатыхъ. Пошли забавныя признанія; одинъ за другимъ отпирался, что онъ не выбиралъ Аврамова, такъ что оказалось, что выкликнули его имя при выборѣ всего только три или четыре человѣка, а остальные только просто согласились, не осмѣлясь гласно противорѣчить предложившимъ и пр. Наконецъ, все это формулировалось рѣшеніемъ выбрать коммиссію изъ семи человѣкъ, по числу пяти отдѣленій и двухъ малыхъ казематовъ и поручить ей разсмотрѣть дѣло Аврамова и постановить окончательное рѣшеніе, передавая такимъ образомъ коммиссіи и судебную, и законодательную, и исполнительную власть.

При этомъ оказалось, какъ часто дѣйствія людей, истекающія изъ ихъ страстей и интересовъ, не служатъ еще выраженіемъ истиннаго ихъ мнѣнія о человѣкѣ, противъ котораго между тѣмъ враждуютъ нерѣдко, даже постоянно. Это рѣзко обнаружилось при выборѣ членовъ въ коммиссію: всѣ три главныя отдѣленія выбрали меня и не хотѣли замѣнить никѣмъ другимъ, такъ что я имѣлъ три голоса изъ семи, а, слѣдовательно, въ сущности вся власть коммиссіи заключалась во мнѣ. Я самъ уже настоялъ, чтобы хоть одинъ голосъ передали другому. И это несмотря на то, что большинство высказывалось до того времени враждебно настроеннымъ противъ меня за постоянное и безпощадное обличеніе безпорядковъ и ошибокъ и требованія изслѣдованія и прекращенія самыхъ причинъ ихъ.

Безпристрастное изслѣдованіе показало, что въ дѣйствіяхъ Аврамова не было ни умысла, ни посягательства на присвоеніе будто бы власти надъ общиною, а одна неосторожность, не предвидѣвшая послѣдствій, которыя могутъ всегда возникнуть изъ неопредѣленности порученія и отсутствія правильнаго способа совѣщанія. Поэтому

я отклонилъ смѣну Аврамова, какъ того требовало было сначала большинство, какъ ничѣмъ не заслуживаемое и не оправдываемое оскорбленіе, а показалъ только изъ случившагося примѣра, какъ опасно отсутствіе твердыхъ и опредѣленныхъ постановленій и постоянной повѣрки ихъ для принаровленія къ измѣняющимся обстоятельствамъ. Но, несмотря и на этотъ урокъ, вся энергія общества истощилась въ искусственной вспышкѣ, и я опять не могъ добиться и на этотъ разъ еще обсужденія общихъ правилъ, а только по поводу послѣдняго происшествія рѣшили, что хозяинъ вовсе не есть представитель общины предъ начальствомъ, и что отвѣтъ на всякое сообщеніе послѣдняго, чрезъ кого бы оно ни шло, долженъ предлагаться на общее обсужденіе и рѣшеніе.

Таившееся въ глубинѣ сознанія довѣріе ко мнѣ у большинства, выказавшееся такимъ неожиданнымъ для многихъ образомъ въ дѣлѣ Аврамова, не осталось безъ послѣдствій для будущаго, несмотря на то, что мнѣ и не удалось еще и при настоящемъ случаѣ добиться полнаго принятія предложенныхъ мною мѣръ. Оно всетаки предъуготовило мнѣ окончательную побѣду, показавъ съ одной стороны всю тщетность усилій и происковъ привилегированныхъ лицъ и ихъ холоповъ въ борьбѣ противъ нравственной силы, а меня еще болѣе утвердило на избранномъ пути, оправдавъ вѣру мою въ непреложность окончательнаго торжества ея, и заставило меня еще болѣе обратить вниманія на то, чтобы побужденія мои во всякомъ дѣйствіи были вполнѣ чисты и свободны отъ всякой эгоистической примѣси. Ясно было, что довѣріе къ моему безпристрастію проистекало главнымъ образомъ отъ того, что всѣ признали, что я, устранивъ себя отъ всякихъ интересовъ, сталъ поэтому выше всѣхъ обычныхъ вліяній и не имѣлъ уже никакого личнаго побужденія склоняться къ тому или другому рѣшенію.

Вскорѣ представился другой случай доказать, что ошибутся и тѣ, кто, видя, что человѣкъ защищалъ одну сторону дѣла, думаютъ, что онъ обязанъ отстаивать ее до того даже, чтобъ пожертвовать сущностью дѣла внѣшнему призраку, мертвому формализму. Дѣло Аврамова, хоть и возбужденное по неосновательному предлогу и кончившееся не совсѣмъ согласно съ видами тѣхъ, кто возбудилъ его, разохотило однако казематское общество къ общественнымъ движеніямъ.

Мы перешли между тѣмъ въ Петровскій заводъ, и вотъ именно въ то время когда каждый имѣлъ уже отдѣльное помѣщеніе, когда тѣсное общежитіе было уничтожено уже вещественными условіями, а одушевлявшее прежнее чувство, находившее удовольствіе въ постоянномъ общеніи, исчезло, вздумали было снова возвратиться къ первобытной патріархальности и установить ее уже насильственнымъ образомъ, по отвлеченному уже понятію, какъ и всегда бываетъ, когда изсякаетъ живое чувство. Во имя братства и дружества стали требовать, чтобы люди, жившіе въ Читѣ уже въ послѣднее время врозь, по разнымъ казематамъ и комнатамъ и привыкшіе уже жить, если не отдѣльно еще каждый, то уже небольшими кучками; стали снова сходиться въ общую залу для обѣда, чая и пр. Одинъ изъ главныхъ аргументовъ при этомъ состоялъ также

въ томъ, что это необходимо нужно для порядка; и какъ я всегда настаивалъ на необходимости введенія порядка, то и не сомнѣвались, что и я присоединяюсь къ требующимъ, и такимъ образомъ увлечено будетъ большинство. Къ изумленію ихъ, я выразилъ противоположное мнѣніе. «Какъ, закричали агитаторы, узнавъ его, вы, защитникъ порядка, возстаете противъ него»? и пошли съ радостью разсказывать о непостоянствѣ моихъ мнѣній. Разумѣется, такое заблужденіе не могло долго продолжаться даже у тѣхъ, которые громче всѣхъ кричали. Всѣ поняли скоро, что внѣшнее насиліе не есть тотъ порядокъ который, будучи внѣшнимъ проявленіемъ живой силы, одинъ не стѣсняетъ свободы именно потому, что самъ есть свободное дѣйствіе этой силы. Община явно пережила уже періодъ чувства и вступала въ періодъ господства идей. Можно было сожалѣть, что переходъ этотъ совершился съ потерею, или во всякомъ случаѣ съ ослабленіемъ чувства, но не признать его было уже нельзя.

По моему убѣжденію, надо всегда умѣть извлекать изъ перемѣны обстоятельства тотъ видъ пользы, для которой настоящія обстоятельства представляютъ наилучшія условія. Новое положеніе наше представляло всѣ удобства для спокойной уединенной жизни, а, поэтому, и для умственныхъ занятій; а то и другое составляли уже именно главную современную потребность для нашего общества. Давно уже всѣми замѣчалось, что недовольство своимъ положеніемъ, усиленное еще внутреннимъ неустройствомъ, порождало скрытное раздраженіе, для обнаруженія котораго все служило предлогомъ, что, поэтому, и всякое незначительное сборище приводило часто къ непріятнымъ сценамъ, а, слѣдовательно, всякое обязательное насильственное соединеніе, какъ того требовали предлагавшіе возобновленіе общаго стола и чая, увеличивая недовольство отъ принужденнаго дѣйствія, повело бы еще къ большимъ столкновеніямъ. Кромѣ того, когда жили въ одной комнатѣ, вставать и ложиться вмѣстѣ было дѣломъ необходимости; теперь же, при отдѣльномъ житьѣ каждаго лица, естественно было ожидать, что возьмутъ верхъ у каждаго тѣ привычки, къ которымъ онъ наиболѣе предрасположенъ, установится то распредѣленіе времени, которое онъ будетъ считать для себя наиболѣе удобнымъ и свойственнымъ, и тогда стѣснять все это значило бы безъ нужды размножать источники неудовольствія и поводы къ спорамъ о томъ, что и какъ требовать для всѣхъ. Что-же касается до занятій, то, когда прошла пора взаимныхъ уступокъ, когда безпрестанно стали возникать столкновенія, шумъ, споры—заниматься въ общихъ комнатахъ буквально не стало возможности. Между тѣмъ, умственныя занятія становились все болѣе и болѣе безотлагательною потребностью какъ для общаго нравственнаго значенія нашего, такъ и для обезпеченія въ будущемъ каждаго. Итакъ, отдѣльное помѣщеніе, удовлетворяя насущной потребности въ этомъ отношеніи, отклоняло въ то же время и случаи столкновенія и должно было способствовать къ успокоенію раздражительности. Необходимо только было добиться такого устройства взаимныхъ отношеній, которое, не препятствуя добровольнымъ соединеніямъ для какихъ либо общихъ цѣлей,

въ то же время достаточно обезпечивало бы каждому законную и нужную долю самостоятельности и независимости.

Прежде всего необходимо было достигнуть личнаго справедливаго обезпеченія каждаго, обязательнаго для общины; вслѣдъ за тѣмъ можно было подумать объ устройствѣ уже изъ добровольныхъ соглашеній такихъ учрежденій, которыя способствовали бы умственному развитію и обезпечивали будущность лицъ по выходѣ изъ каземата. И вотъ, именно для этого-то, видя, что общее неустройство и недовольство поддерживается, а между тѣмъ ничего для устраненія ихъ не принимается, а только хватаются за мѣры, которыя не ведутъ ни къ чему, я и выступилъ съ требованіемъ, «чтобы опредѣленный взносъ въ общую кассу былъ обязателенъ для каждаго въ соразмѣрности съ получаемыми имъ средствами, а выдача изъ кассы всѣмъ одинаковая, достаточная для удовлетворенія личныхъ необходимыхъ нуждъ каждаго, какъ-то: стола, чая, бѣлья, одежды, съ небольшимъ запасомъ на мелочи».—Для удобства и экономіи, завѣдываніе хозяйственною частью должно быть общее: на это ежегодно по текущимъ цѣнамъ опредѣляется часть изъ назначенной постоянной каждому лицу суммы, а остальное предоставляется въ полное его личное распоряженіе. Избранная коммиссія должна выработать постановленія, которыя должны быть утверждены общимъ согласіемъ. Въ числѣ постановленій должны быть указанія на правильные способы измѣненій и самыхъ постановленій соотвѣтственно обстоятельствамъ, могущимъ измѣниться.

Предложеніе это, какъ и слѣдовало ожидать, возбудило страшную бурю со стороны привилегированныхъ, боявшихся потерять партизановъ, а чрезъ то и личное значеніе, коль скоро всѣ будутъ поставлены въ независимость отъ того или другого лица. Меня обвиняли въ демагогическихъ возбужденіяхъ, въ недовѣріи къ благородству товарищей (богатыхъ), въ посягательствѣ на права собственности и пр. [1]). Тогда, видя, что напрасно будетъ убѣждать людей, которыхъ единственными двигателями были страсти и интересы, я выставилъ твердо такое положеніе: «такъ какъ получать деньги сверхъ положенія разрѣшено на томъ основаніи, чтобы помогать неимущимъ товарищамъ, лишеннымъ по самому положенію въ заточеніи возможности къ пріобрѣтенію средствъ личнымъ трудомъ, то помощь отъ богатыхъ обязательна уже товарищамъ, для которыхъ они и получаютъ излишнія деньги; и что если богатые не хотятъ этого признать, то остается одно средство потребовать отъ казны, что если она лишаетъ насъ заточеніемъ

---

[1]) Такъ какъ я самъ лично получалъ достаточно и ни отъ кого ничѣмъ не пользовался, и никакое учрежденіе не могло мнѣ дать больше того, что я уже имѣлъ и что далеко превышало мои нужды, такъ какъ я ихъ ограничилъ, то, разумѣется, ни заподозрить меня въ личныхъ выгодахъ не могли, ни обвинить не смѣли, отъ того и придумали, что я хочу играть роль демагога, какъ ни безсмысленно было и это обвиненіе относительно человѣка, совершенно уединявшагося и отрывавшагося отъ своихъ занятій только по требованію другихъ.

возможности трудиться, то и должна вполнѣ содержать насъ, т. е. давать пищу и одежду, потому что ясно, что при тюремномъ заточеніи, на 2 руб. ассигн. и два пуда муки въ мѣсяцъ существовать нельзя». И вслѣдъ за сдѣланнымъ открыто знявленіемъ, я, не теряя болѣе словъ, потребовалъ къ себѣ камендаита и объявилъ ему, что онъ долженъ непремѣнно сдѣлать представленіе о несовмѣстимости нашего заточенія и лишенія средствъ пріобрѣтать что либо своимъ трудомъ (какъ могутъ дѣлать то и дѣлаютъ живущіе на волѣ ссыльные) съ неимѣніемъ казеннаго содержанія, и что поэтому и необходимо назначить его. Вмѣстѣ съ тѣмъ я сказалъ твердо коменданту, что если онъ на сдѣлаетъ этого, то я принесу жалобу на то первому ревизору, который будетъ присланъ въ казематъ отъ Государя (тогда объ этомъ носились уже слухи).

Комендантъ страшно перепугался моимъ неожиданнымъ требованіемъ и твердостью моего категорическаго объявленія. Онъ поспѣшилъ собрать сію же минуту богатыхъ и объяснилъ имъ, что если сдѣлать представленіе о казенномъ содержаніи, то первымъ послѣдствіемъ будетъ запрещеніе получать имъ деньги сверхъ назначеннаго вначалѣ количества, и что поэтому, отказывая въ обязательномъ обезпеченіи общины извѣстнымъ процентомъ съ получаемой ими суммы, они и сами лишатся всего, и не будутъ получать столько и сотенъ, сколько теперь получаютъ тысячъ, и его подвергаютъ отвѣтственности, что не доносилъ правительству о злоупотребленіяхъ.

Трудно себѣ представить, до какого раздраженія противъ меня дошли богатые и ихъ холопы. Они просто неистовствовали, и съумѣли такъ сбить съ толку людей, не знавшихъ содержанія моего разговора съ комендантомъ, что со мною, который, сдѣлавъ дѣло, снова углубился въ свое уединеніе и не зналъ о всѣхъ проискахъ, клеветахъ и сплетняхъ, вдругъ перестали кланяться, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, безусловно вѣрившихъ въ справедливость моихъ дѣйствій. Разумѣется, когда наконецъ это дошло до меня, я положилъ конецъ всякимъ недоброжелательнымъ разсказамъ, потребовавъ у коменданта, чтобы онъ публично объявилъ содержаніе моего разговора съ нимъ. Хотя волненіе сразу и не улеглось, но тѣмъ не менѣе съ одной стороны твердость, обнаруженная мною и противъ коменданта не могла произвести впечатлѣнія, а съ другой и между партизанами богатыхъ, всѣ тѣ, которые сохраняя еще остатки достоинства, съ трудомъ переносили личную зависимость и тѣ, которые стали сильно чувствовать эту зависимость, вслѣдствіе возрастающей требовательности и невниманія, даже пренебреженія почти, къ нимъ богатыхъ, стали понимать, что и для нихъ выгоднѣе и приличнѣе быть независимыми отъ того или другого лица, и имѣть собственное значеніе по голосу въ общинѣ, чѣмъ заимствовать его отъ покровительства патрона.

XIII.

Такимъ образомъ, послѣ волненія, продолжавшагося слишкомъ двѣ недѣли, составилось наконецъ большинство, которое опредѣлило избрать коммиссію и поручить ей

начертаніе устава для внутренняго управленія общиною. При томъ повторилось опять тоже явленіе, что и при исторіи Аврамова. Всѣ почувствовали, что дѣло идетъ теперь о всей нашей будущности и что страстямъ не должно тутъ быть мѣста. Поэтому, я былъ выбранъ снова отъ нѣсколькихъ отдѣленій, что давало мнѣ опять одному больше голосовъ, чѣмъ остальнымъ въ комиссіи, но я потребовалъ, чтобы каждое отдѣленіе выбрало непремѣннаго члена коммиссіи изъ собственной среды. Образовавшаяся такимъ образомъ коммиссія состояла изъ семи человѣкъ; все дѣлопроизводство было передано мнѣ. Оттого въ моихъ рукахъ и сохранились всѣ документы по составленіи устава. Товарищами моими по коммиссіи были: Оболенскій, Бобрищевъ-Пушкинъ, Мухановъ, Митьковъ, Поджіо и Одоевскій.

Комендантъ ужасно обрадовался мирному исходу дѣла и неоднократно благодарилъ меня. Онъ до такой степени сдѣлался уступчивъ, что только по этому поводу въ первый разъ оффиціально допустилъ имѣть въ казематѣ перья, чернила и бумагу. Кромѣ того, дозволено было оставаться съ огнемъ въ залѣ и послѣ того, какъ запирали уже казематъ. Коммиссія часто работала всю ночь; трудились дѣятельно и засѣданія были публичныя. И вотъ тутъ-то пришлось пересмотрѣть и провѣрить всѣ элементы общественнаго устройства, отъ основныхъ началъ до мельчайшихъ подробностей, механизма, служащаго орудіемъ дѣйствія этихъ началъ.

Все теоретическое знаніе, всѣ практическія замѣчанія опыта нашли при томъ свое приложеніе. Не участвовавшіе въ коммиссіи подавали свое мнѣніе письменно, и оно принималось всегда въ разсмотрѣніе. Явились истинно ораторскія способности, и по истеченіи нѣкотораго времени казематское общество, наблюдая ходъ занятій коммиссіи, до такой степени убѣдилось въ полномъ знаніи ею дѣла и въ рѣдкомъ безпристрастіи, которое она проявила, что рѣшило дать ей неограниченное полномочіе, т. е., что уставъ, составленный ею, долженъ быть прямо принятъ, но подвергая его уже на голосованіе всего общества. Это тѣмъ легче было допустить, что въ самомъ уставѣ были указаны между тѣмъ разумныя средства для измѣненія его положеній по указанію дальнѣйшаго опыта. Данное коммиссіи полномочіе много ускорило окончаніе дѣла, и, такимъ образомъ, 2-го марта 1831 г., чрезъ пять мѣсяцевъ по вступленіи въ казематъ въ Петровскомъ заводѣ, въ общей залѣ, въ которую на этотъ разъ собрались всѣ наши товарищи безъ исключенія, коммиссія прочитала новосоставленный уставъ, и онъ объявленъ былъ вступившимъ въ дѣйствіе. День заключался большимъ празднествомъ въ казематѣ и всеобщимъ примиреніемъ.

На другой день явилась ко мнѣ отъ товарищей депутація (въ числѣ ихъ были и наиболѣе враждовавшіе противъ меня) благодарить меня, какъ говорили въ привѣтствіи, за «нравственное мужество, твердость и настойчивость, съ которыми я добился устройства общины, и за искусство, терпѣніе и неутомимую дѣятельность, обнаруженныя по дѣлу составленія устава»; благодарили за то, что даже всѣми занятіями, ко-

торыми я такъ дорожу, я пожертвовалъ на столько времени, чтобы потрудиться на общую пользу. Дѣйствительно, два мѣсяца сряду я совершенно оторвался отъ всѣхъ своихъ занятій. Что же касается до просьбы принять какую нибудь общественную должность, по собственному моему выбору, то я отъ этого рѣшительно на этотъ годъ отказался. На третій день начались по новому уставу выборы должностныхъ лицъ, которыхъ полагалось трое: казначей, хозяинъ, завѣдывавшій общимъ хозяйствомъ и закупщикъ, завѣдывавшій частными покупками и заказами.

Такъ какъ основаніе нашего устройства было экономическое, хозяйственное, то и названіе его должно было выражать сущность вещи. Мы не могли назвать себя общиною, что предполагаетъ юридическое значеніе, а назвали себя обычнымъ народнымъ именемъ артели, потому что въ сущности въ основаніи нашего соглашенія былъ артельный добровольный договоръ. Чтобы сохранить это значеніе и устранить всякій принудительный характеръ въ новомъ нашемъ соглашеніи, мы оставили на добрую волю каждаго вступить или нѣтъ въ новоучреждаемую артель, какъ оставили на совѣсть каждаго, сколько онъ долженъ вносить въ артель изъ получаемаго имъ сверхъ положенія въ Россіи. Единственными побужденіями оставались, слѣдственно, нравственныя: совѣстливость предъ товарищами въ нарушеніи признанной обществомъ уже нравственной обязанности помогать имъ, пользуясь ихъ именемъ для полученія денегъ въ размѣрѣ большемъ, нежели дозволено, и во вторыхъ, выгода взаимнаго обезпеченія, которую чувствовать и сознавать приходилось потомъ не разъ и самымъ богатымъ.

Основныя положенія устава были слѣдующія: признано было, что необходимые расходы требуютъ, чтобы каждый получалъ не менѣе 500 руб. ассигн. (тогда счетъ послѣ на ассигнаціи). — Для достиженія этого положено было, чтобы всякій, кто получаетъ 500 р. и менѣе, вносилъ деньги свои сполна въ артель: туда же поступало и жалованье и провіантъ; тѣ же, которые получали свыше 500 р., должны были вносить 500 р. также обязательно, а изъ излишняго такую часть, которую они могутъ отдѣлить по совѣсти и по доброй волѣ. Надобно припомнить, что нѣкоторые могли вносить и не по одной тысячѣ, и это всетаки составило бы не болѣе десятой доли получаемаго ими подъ предлогомъ вспоможенія неимущимъ товарищамъ.

Для составленія бюджета общихъ расходовъ выбирались передъ новымъ годомъ на каждый годъ «временная коммиссія», которая, повѣривъ расходы предшествующаго года, составляла на основаніи существующихъ цѣнъ на все примѣрную смѣту, изъ чего было уже видно, какую часть изъ 500 руб. на каждаго человѣка слѣдовало отдѣлить на общіе расходы. Остальное представлялось въ полное личное распоряженіе каждаго. Общіе расходы составляли: столъ, чай, сахаръ, хлѣбъ къ чаю, устройство кухни, огорода и бани, плата общей прислугѣ и за общія церковныя службы. Сумма, назначенная на общіе расходы, поступала въ распоряженіе «постоянной коммиссіи», состоявшей изъ казначея, хозяина и закупщика, которымъ представлялось дѣлать всѣ хозяйствен-

ныя распоряженія и уравнивать денежные отпуски на общія и частныя потребности. Для частныхъ надобностей каждое лицо на причитающуюся ему сумму на каждый мѣсяцъ имѣло открытый кредитъ въ артельныхъ книгахъ и право выдавать записки на уплату. Разумѣется, при изобиліи денегъ въ кассѣ и удовлетвореніи общихъ потребностей, постоянная коммиссія имѣла право дѣлать на частныя издержки кредитъ и болѣе, чѣмъ на мѣсяцъ. По окончаніи года постоянная коммиссія должна была представлять временной коммиссіи для ревизіи и повѣрки всѣ три книги: казначейскую, хозяйственную и частную.

Деньги наши хранились въ мѣстномъ казначействѣ, откуда получались черезъ плацъ-майора. Для уплаты по общимъ расходамъ записки выдавалъ хозяинъ, а для частныхъ расходовъ казначей и закупщикъ, которому передавались всѣ частныя записки. Нужно-ли напр. было кому уплатить за мытье бѣлья, онъ посылалъ къ казначею записку за своею подписью; казначей вносилъ этотъ расходъ на имя подписавшаго лица, а самъ въ свою очередь давалъ записку къ плацъ-майору, что такому-то и такой-то слѣдуетъ получить за мытье бѣлья (но не означая уже чьего) изъ артельскихъ денегъ столько-то; получившій эту записку являлся съ нею на другой день поутру къ плацъ-маіору и получалъ деньги безъ замедленія и т. п.

Такъ какъ артель отвѣчала только за тѣ расходы, которые производились чрезъ нее, то есть чрезъ ея должностныхъ лицъ, то въ заводѣ и объявлялось ежегодно чрезъ плацъ-майора, кто должностныя лица въ казематѣ на хозяйственный годъ, который считался у насъ съ 1-го марта текущаго года до 1-го марта послѣдующаго. Всякія сдѣлки помимо артели дѣлались уже на свой страхъ и вступившіе въ таковыя лишены были всякаго права обращаться съ требованіемъ уплаты въ артель.

Артельное устройство вскорѣ взяло такую силу, получило такое довѣріе, что поставило въ зависимость отъ себя самыхъ богатыхъ изъ нашихъ товарищей, которые, именно по избытку богатства, почти всѣ отличались безалаберностью веденія своего хозяйства. Выдача изъ казначейства денегъ въ большемъ размѣрѣ, нежели опредѣлялось, болѣе выгодныя покупки отъ закупки массою, заемъ денегъ въ случаѣ временнаго недостатка и пр.—все это могло дѣлаться только чрезъ артель; и когда я былъ потомъ хозяиномъ, то не разъ самому богатому изъ насъ, Трубецкому, приходилось обращаться ко мнѣ, какъ къ хозяину, съ просьбою о ссудѣ денегъ, провизіи или о кредитѣ для закупокъ

Временной коммиссіи представлялось также обсуждать измѣненія въ уставѣ. Всѣ сдѣланныя замѣчанія и предложенія по этому поводу отъ одного-ли лица или коллективныя, должны были сообщаться письменно и мотивированныя. По разсмотрѣніи, они съ заключеніемъ коммиссіи представлялись на общее голосованіе. Впрочемъ, въ крайнихъ случаяхъ могла быть избрана временная коммиссія и не въ обычное время; но для этого требовалось, чтобы требованіе о созваніи коммиссіи было подписано не менѣе, какъ третью голосовъ всѣхъ лицъ, составляющихъ артель.

Обезпечивъ удовлетвореніе насущныхъ потребностей и спокойствіе казематскаго общества въ настоящемъ, доставивъ каждому въ собственное его распоряженіе столько средствъ, сколько должно было справедливо требовать, я хотѣлъ, чтобъ дальнѣйшія дѣйствія наши, относящіяся къ обезпеченію будущаго по выходѣ изъ каземата на поселеніе и къ развитію образованія, поставлены были уже въ зависимости отчасти и отъ собственной предусмотрительности и заботы; иначе могла быть открыта дверь тѣмъ же злоупотребленіямъ, которыя я старался изгнать вообще изъ взаимныхъ отношеній нашихъ и, пожалуй еще, даже и большимъ. Пребываніе въ казематѣ во всякомъ случаѣ было для большей части кратковременно въ сравненіи съ предстоящимъ вѣчнымъ поселеніемъ; притомъ, въ казематѣ затруднительное положеніе кого нибудь изъ товарищей всетаки кололо всѣмъ глаза и порождало непріятное чувство для всѣхъ; а потому такъ или иначе вызывало на устраненіе. Но если бы пришлось представить участь положенія или обезпеченія личнымъ отношеніямъ, то зависимость отъ нихъ явилась бы и еще суровѣе, и различіе между положеніемъ деликатнымъ и неделикатнымъ еще рѣзче. Это до такой степени оказалось справедливо, что, даже несмотря на всѣ принятыя мѣры къ предупрежденію этого, всетаки не обошлось безъ злоупотребленій, какъ будетъ показано впослѣдствіи, и поэтому можно судитъ о томъ, что было бы еще, если бы не было противодѣйствія.

Вмѣстѣ съ Пущинымъ и Мухановымъ составилъ я артель взаимнаго вспомоществованія для обезпеченія по выходѣ на поселеніе, основанную на добровольномъ соглашеніи. Артель эта, по сокращенію, называлась малою для отличія отъ общей артели, которую съ тѣхъ поръ начали называть большою. Основаніемъ ея служилъ взносъ десяти процентовъ со всего получаемаго въ личное распоряженіе, изъ какого бы ни было источника. Напр, лица, ничего собственно не имѣвшія, но получавшія изъ большой артели 500 р., изъ которыхѣ за отдѣленіемъ на общіе расходы, оставалось имъ болѣе 250 руб., немного болѣе или менѣе, смотря по дешевизнѣ припасовъ, а слѣдовательно расходовъ на общее содержаніе, вносили около 25 р. въ годъ, но если кто нибудь изъ нихъ получалъ деньги изъ Россіи, или началъ брать за работу на товарищей въ казематѣ, то долженъ былъ вносить десять процентовъ и съ этихъ суммъ. Конечно, такіе случаи были рѣдки, но они успокоивали совѣсть неимущихъ, представляя имъ равенство участія и риска, если не въ дѣйствительности, то въ возможности. Общая сумма, образуемая изъ такихъ взносовъ, увеличивалась, кромѣ того, оборотами, свойственными всѣмъ подобнаго рода, банкамъ или учрежденіямъ вообще. Этотъ банкъ назывался заемный банкъ. Особенно охотно прибѣгало къ нашей кассѣ второстепенное купечество и разнаго рода торговцы. Они охотно давали по два процента въ мѣсяцъ, тогда какъ прежде, занимая у чиновниковъ или капиталистовъ, они платили въ иной мѣсяцъ и десять процентовъ, напр. во время Верхнеудинской ярмарки, когда обязаны были уплатить кредиты, чтобы получить новый кредитъ. Много добра сдѣлала эта касса, давая взаймы

честнымъ ремесленникамъ, и рабочимъ необходимыя суммы на покупку инструментовъ и матеріала и на постройку домовъ, которые отъ отдачи внаймы не рѣдко окупали въ два, въ три года заемный капиталъ и съ процентами.

Но чаще всѣхъ, конечно, прибѣгали къ этой кассѣ самые богатые наши товарищи, у которыхъ, по безпорядочности хозяйства отъ избытка богатства, никогда почти не бывало денегъ, и жили они все въ долгъ.

Результатомъ учрежденія малой артели было то, что такъ какъ многіе, хотя дѣлали взносы, но отказались получать что либо изъ нея, то накопившіяся суммы были достаточны, чтобы не только снабжать отправлявшихся на поселеніе, но и оказывать пособія и въ послѣдствіи; и даже по распущеніи каземата, артель, продолжавшая дѣйствовать, давала пособія и вдовамъ и дѣтямъ нашихъ товарищей. Оставалось, наконецъ, завершить полное удовлетвореніе нашихъ потребностей, выведя изъ подъ личной зависимости и образованіе, какъ выведено было изъ подъ нея обезпеченіе каждаго въ казематѣ и на поселеніи. Выше было сказано, что при совмѣстномъ житьѣ въ общихъ комнатахъ поневолѣ и журналы и книги поступали въ общее распоряженіе, хотя порядка въ пользованіи и не могло быть. Но когда стали жить въ Петровскомъ заводѣ по отдѣльнымъ номерамъ, то и выходило, что одинъ и захватывалъ или выпрашивалъ у получавшихъ много; держалъ долго, а другіе въ это время не могли ничего добиться. Кромѣ того, самая выписка тѣхъ или другихъ книгъ и газетъ зависѣла отъ случая и личнаго вкуса выписывавшаго. Вотъ почему для уничтоженія этого внутренняго и внѣшняго безпорядка въ чтеніи и учредили мы съ Митьковымъ и Волконскимъ артель для выписки и чтенія газетъ и книгъ. Подписная цѣна была по 10 руб. въ годъ, и участники обязывались сверхъ того получаемыя лично ими газеты и книги давать на чтеніе не иначе, какъ чрезъ артель, чтобы ввести правильность, справедливость и равенство очереди въ чтеніи. Весь казематъ захотѣлъ участвовать и въ этой артели, но управленіе ея было независимо отъ хозяйственнаго управленія. Я былъ выбранъ завѣдывать выпискою и чтеніемъ, а такъ какъ это не отклоняло меня отъ моихъ занятій на столько, на сколько бы отклонило занятіе по хозяйству, то я и не отказывался.

Порядокъ установленъ былъ слѣдующій: опредѣленіе выписки дѣлалось по большинству голосовъ. Выписка дѣлалась на имя дамъ. Получаемые журналы присылались нераспечатанными ко мнѣ. Для каждаго журнала и газеты была своя особливая очередь; если напр. одну почту они начинались съ такого-то отдѣленія, то слѣдующую почту посылались въ слѣдующее отдѣленіе по порядку номеровъ ихъ (всѣхъ отдѣленій было въ казематѣ по оффиціальному счету 12). Газеты и журналы пришивались къ папкѣ, къ которой пришивался и списокъ лицъ, обязанныхъ расписываться въ полученіи. Газеты давались на два часа, журналы на двое сутокъ, за продержаніе сверхъ срока платился штрафъ. Если же кто желалъ дѣлать выписки или прочитать вторично, то обозначалъ, что проситъ о вторичной присылкѣ по окончаніи очереди. Такимъ обра-

зомъ, было обезпечено всѣмъ правильное пользованіе чтеніемъ, и самое умственное занятіе сдѣлалось правильнымъ и систематическимъ, а потому и болѣе полезнымъ. Въ самой выпискѣ соблюдались возможная полнота и разумное соображеніе. Слишкомъ спеціальные журналы представлялись уже личной выпискѣ.

Нечего и говорить, что при той свободѣ внутренней жизни и полномъ отсутствіи всякихъ препятствій для проявленія идей и чувствъ, какія были въ казематѣ, и религіозное чувство не только, какъ личная потребность человѣка, но и какъ одинъ изъ общественныхъ элементовъ, неизбѣжно должно было проявиться во всевозможныхъ видахъ, и притомъ такъ же, какъ и вездѣ, не только въ правильномъ и законномъ выраженіи, но и злоупотребляемое для прикрытія личныхъ страстей и выгодъ. Одинъ изъ вопросовъ, относящихся сюда и сильно взволновавшій общество, былъ вопросъ объ умѣстности или нѣтъ постройки церкви въ казематѣ на нашъ собственный счетъ. Выше было сказано, что несмотря на всѣ стѣсненія, которымъ правительство желало насъ подвергнуть, чтобы совершенно отрѣшить насъ отъ сообщенія съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ поставленнаго надъ нами начальства, и оно даже не отважилось воспретить намъ посѣщеніе церкви по крайней мѣрѣ въ день причащенія Св. Таинъ. Постройкою церкви въ казематѣ мы не только разрывали добровольно послѣднюю нашу связь съ живымъ внѣшнимъ обществомъ, но и присвоивали себѣ непринадлежащее намъ право имѣть вліяніе на участь будущихъ узниковъ каземата, и даже, можетъ быть, дали бы поводъ къ поддержанію этого зданія и къ неправильному заключенію въ него, благо оно бы существовало. Кромѣ того, для меня ясно было, что побужденія въ этомъ дѣлѣ далеко были не чисты у всѣхъ. Нѣкоторыя лица, изъ числа наиболѣе хлопотавшихъ о томъ, не могли удержаться, чтобы не высказать заранѣе надеждъ ихъ на привиллегированное положеніе для удобствъ ихъ и тщеславія, и такимъ образомъ готовили изъ самой церкви поприще соперничества и раздоровъ, несвойственныхъ нашему достоинству.

Люди, возстававшіе противъ постройки церкви въ казематѣ, были правы въ существенномъ аргументѣ, что даже большинство не имѣетъ права навязывать такія рѣшенія, которыя не относятся ко внутренному устройству нашего быта, а посягаютъ на нравственную сферу, на свободу совѣсти и на отношенія наши къ правительству. Кромѣ вышеизложеннаго опасенія, многіе еще говорили, что теперь, если кто не ходитъ въ церковь, то это легко объясняется общими всѣмъ затрудненіями; при постройкѣ же церкви въ казематѣ начальство, пожалуй, еще вздумаетъ замѣчать тѣхъ, кто не ходитъ, и это подастъ поводъ къ ханжеству и лицемѣрію; а на то, что настоящее начальство, повидимому, мало о томъ заботится, нельзя еще полагаться, какъ потому, что это можетъ еще быть притворствомъ съ его стороны, такъ и потому, что по престарѣлости коменданта съ часу на часъ можно ожидать его смерти и присылки новаго коменданта; а что правительство склонно къ такому наблюденію, это доказывалось присылкою религіозныхъ книгъ, о чемъ упомянуто было выше. Къ несчастію, правильное рѣшеніе воп-

роса по сущности дѣла, а не по скрытымъ убѣжденіямъ, чрезвычайно затруднилось тѣмъ, что большая часть противниковъ постройки были люди не-религіозные, и ихъ сопротивленіе объяснялось изъ этого источника. Тѣ же, которые выдавали себя всегда за людей религіозныхъ, какъ ни были убѣждены въ справедливости доводовъ противъ постройки церкви, боялись высказаться въ этомъ смыслѣ изъ опасенія, чтобы не заподозрили и ихъ религіозность, и чтобы не усилить чрезъ это анти-религіозную партію. Успѣли уже перессориться, перебраниться, но дѣло ничѣмъ не рѣшалось. Ни та, ни другая партія не отважилась пускать его на голоса; каждая опасалась, чтобы не обнаружилась при этомъ сила противной партія, что могло бы имѣть и другія невыгодныя для нея послѣдствія. Въ такомъ положеніи всѣ снова обратились ко мнѣ. Люди религіозные не сомнѣвались въ моей религіозности, люди анти-религіозные—въ моемъ безпристрастіи и въ такомъ уваженіи къ нравственной свободѣ другого, что были убѣждены, что я не рѣшусь никогда дѣйствовать на убѣжденія другого, ни внѣшнимъ побужденіемъ, ни искусственною уловкою. Согласились, поэтому, предложить мнѣ первому на подписаніе подачу голосовъ въ пользу того или другого предложенія. Каждая партія выбрала депутата, которые носили подписной листъ вмѣстѣ, наблюдая одинъ за другимъ, чтобы не было вліяній на убѣжденіе къ подписи въ томъ или другомъ смыслѣ. Я подписался первый и притомъ противъ постройки и требовалъ собранныя 12 тысячъ употребить на постройку церкви въ заводѣ, какъ въ удовлетвореніе существенной потребности для завода, такъ и въ память нашего въ немъ пребыванія. Мнѣніе мое я мотивировалъ подробно, и оно увлекло за собою огромное большинство. Несогласныхъ оказалось всего человѣкъ десять, изъ которыхъ большая часть, притомъ, добивались постройки церкви въ казематѣ вовсе не изъ религіозныхъ побужденій.

Второй религіозный вопросъ, подлежавшій общественному рѣшенію, былъ о платѣ за говѣнье. Пока не была учреждена артель (большая), и не всѣ имѣли личныя средства, плата за говѣнье производилась за всѣхъ, хотя, конечно, не была обязательная и для всей общины, такъ какъ мы имѣли своего священника, получавшаго за это большое жалованье. Но тогда и говѣнье ограничивалось однимъ разомъ въ годъ, что исполняли почти всѣ. Когда выходъ въ церковь былъ облегченъ, то многіе начали говѣть и во всѣ посты, или не одинъ разъ въ великій постъ. Справедливость требовала, чтобы они не налагали сопряженныхъ съ этимъ расходовъ на все общество.

Здѣсь историческая справедливость не позволяетъ мнѣ умолчать не только о крайностяхъ, до которыхъ достигли въ безпрепятственномъ развитіи ханжество съ одной стороны и безнравственность разврата съ другой, но и объ именахъ лицъ, бывшихъ крайнимъ выраженіемъ этихъ обоихъ направленій, чтобы заслуженное презрѣніе и нареканіе не могло пасть на другихъ и тѣнью подозрѣнія.

Полнѣйшимъ представителемъ ханжества былъ Кучевскій, загадочная личность, примѣшанная къ намъ, какъ разсказано было выше, при высылкѣ изъ заводовъ всѣхъ

ссыльныхъ изъ дворянъ по поводу опасенія возстанія. Говорили, что онъ обвинялся въ намѣреніи поджечь Астрахань съ цѣлію произвести грабежъ, а такъ какъ онъ былъ военный майоръ, то его и прозвали въ шутку брантъ-майоромъ. Попавъ въ среду политическихъ людей, безъ ихъ идей, безъ ихъ заслугъ и стремленій, безъ всякаго образованія, и отчуждаемый недовѣріемъ, онъ, вообще неглупый, сейчасъ сообразилъ, что легче всего сблизится на религіозной почвѣ. Поэтому, онъ началъ утрировать всѣ внѣшнія выраженія, набилъ себѣ земными поклонами шишку на лбу, и тѣмъ умѣлъ вкрасться въ довѣріе людей слабодушныхъ и эксплуатировать ихъ очень искусно. Николай Бестужевъ называлъ его тремя именами: «Лукичъ» (по отчеству) въ обыкновенное время, «Лукичъ» въ посты, когда онъ, изъ опасенія остаться голоднымъ при постной пищѣ, потреблялъ неимовѣрное количество луку, и «Куличъ» на пасхѣ, когда шло такое же потребленіе кулича. Въ казематѣ онъ выдавалъ себя за женатаго и выпрашивалъ все на пособіе женѣ,—но по выходѣ на поселеніе тотчасъ женился, отбросивъ всю напускную религіозность, и поступилъ и въ дѣлѣ женитьбы, какъ негодяй. Онъ купилъ себѣ молоденькую дѣвочку у родителей, насильно побоями принудившихъ ее выдти за него, мучилъ ее до того, что она отъ него бѣгала, и онъ нанималъ ловить ее и возвращать къ нему насильно. Сынъ его былъ взятъ, однако, потомъ отъ него Трубецкими и они впослѣдствіи выхлопотали ему почетное гражданство.

Представителями въ казематскомъ обществѣ тѣхъ крайнихъ дурныхъ послѣдствій, которыя могутъ извлекаться людьми изъ ученія матеріализма, должно по справедливости считать Барятинскаго и Свистунова, именно потому, что они оправдывали свой развратъ матеріалистическими воззрѣніями. Впрочемъ, такъ какъ Барятинскій, по свойству своей болѣзни, жилъ почти всегда отдѣльно, въ особенномъ домѣ, то его дѣйствія и не наводили такого нареканія на казематъ, какъ дѣйствія Свистунова и его сообщниковъ. Надо сказать, что Свистуновъ былъ столько же труслив, какъ и развратенъ, и потому не отважился бы на многія дѣла, если бы не имѣлъ по денежнымъ средствамъ возможности сформировать себѣ шайку изъ той примѣси не политическихъ лицъ, которая во всемъ, всегда и для всѣхъ, была орудіемъ и средствомъ для всякихъ дурныхъ дѣлъ. Въ семействѣ своемъ Свистуновъ видѣлъ дурные примѣры той смѣси католическаго суевѣрія съ развратомъ, которыя обуяли тогда многія русскія семейства; сестры его были за иностранцами, а законность рожденія меньшого брата формально оспаривалась. Можетъ быть, именно сознаніе справедливости этихъ слуховъ и заставило брата Свистунова выказывать для опроверженія ихъ свою заботливость о братѣ. Братъ посылалъ Свистунову много денегъ, но онъ въ артель вносилъ очень мало, употребляя получаемый имъ излишекъ на оргіи и на соблазненіе и на покупку у безчестныхъ родителей по деревнямъ молодыхъ невинныхъ дѣвушекъ, которыхъ потомъ переодѣтыхъ проводили въ казематъ. Дѣло это было тѣмъ безчестнѣе, что при этомъ подвергали страшному уголовному тѣлесному наказанію подкупленную прислугу, а участники въ этомъ развратѣ имѣли

потомъ еще подлость называть себя передъ дѣвками именами самыхъ чистыхъ людей, самыхъ безупречныхъ въ этомъ отношеніи. Чтобы лучше скрыть такого рода дѣйствія, Свистуновъ и его сообщники, размѣниваясь номерами, устроили такъ, что собрались въ одно отдѣленіе, гдѣ, поэтому, и не было посторонняго свидѣтеля тому, что тамъ творилось. Но какъ ничто, разумѣется, вполнѣ укрыться не могло, то открылось и это; и какъ ни снисходительно вообще по свѣтскому легкомыслію судятъ о слабой нравственности въ этомъ отношеніи, однако дѣла были уже такъ подлы, что произвели общій взрывъ негодованія, такъ что и тайные соучастники защищать виновныхъ уже не смѣли. Въ то же время открылось это и начальству. Прислугу смѣнили, и если она не подверглась особенно строгому наказанію, то единственно потому, что само начальство смотрѣло на это легкомысленно, представляя само образецъ не лучшаго поведенія, и потому было, можетъ быть, еще внутренно довольно, что и между либералами нашлись люди, которые поровнялись съ ними.

Главными товарищами Свистунова были Соловьевъ и Мозалевскій. Поведеніе Ивашева было, конечно, также не лучше, по крайней мѣрѣ до женитьбы его; но такъ какъ это дѣлалось съ содѣйствіемъ Барятинскаго, то не такъ бросалось въ глаза и не такъ позорило собственно казематъ. Ивашевъ, впрочемъ, не остался безнаказаннымъ. Какъ старался онъ до женитьбы поддерживать дружбу съ Барятинскимъ, такъ сталъ удаляться отъ него послѣ женитьбы, за что Барятинскій мстилъ ему, разглашая прежнія его продѣлки, а какъ это дѣлано было именно такъ, чтобы доходило до его жены, то и ей служило наказаніемъ, доказавъ, что кто продаетъ себя за деньги, не имѣетъ права ожидать въ покупщикѣ человѣка, котораго можно уважать, а слѣдовательно и любить.

Къ сожалѣнію, надобно сказать, что и нѣкоторыя дамы подавали поводы къ соблазну. Вообще понимаютъ, что святость супружеской жизни требуетъ не меньшаго цѣломудрія помысловъ, какъ и дѣвственная жизнь, и что не чувственное ощущеніе, а нравственная потребность и стремленіе сдѣлаться однимъ существомъ, должно быть побужденіемъ къ супружескому соединенію; та самая потребность и стремленіе, которыя заставляютъ истинныхъ супруговъ желать быть всегда вмѣстѣ, а не искать удовольствій внѣ дома и семьи.

Все это обнаруживало и вмѣстѣ съ тѣмъ служило мнѣ аргументомъ для предостереженія моихъ товарищей, что у многихъ либерализмъ политическихъ идей не истекалъ изъ правильнаго источника и не имѣлъ прочнаго основанія, которыми могутъ быть только нравственныя начала. Истинный либералъ не можетъ не чтить высоко нравственную свободу всякаго человѣка, что составляетъ главное доказательство уваженія къ личности,—и не станетъ поэтому посягать на нравственное его достоинство, а нѣтъ сомнѣнія, что нѣтъ выше посягательства на него, какъ развратъ. Вотъ почему либералы, которыхъ либерализмъ есть слѣдствіе безсознательнаго увлеченія чувствомъ или идеей, а не основанъ на требованіяхъ строгой нравственности и правды, впадаютъ такъ

часто въ противорѣчіе,—что, толкуя о правахъ личности и собственности, ни за что считаютъ посягать на честь дѣвицы и честность женщины, увлекая ихъ въ предосудительное дѣло, особенно, если это прилагается къ низшимъ сословіямъ. Тутъ противорѣчіе иногда доходитъ до того, что лицемѣрно раздваивается нравственность, и самые ханжи, осуждая напр. мужа за невѣрность женѣ, и не думаютъ осуждать его за жертву этой невѣрности, что должно однако же быть еще строже осуждаемо. Считая нарушеніемъ честности всякое посягательстоо на собственность лица, ни во что вмѣняютъ посягательство на высшую собственность—честь, и на собственную его личность въ лицѣ половины его существа.

Всѣ эти прискорбныя явленія заставляли меня все болѣе и болѣе усиливать разысканія истинныхъ основъ истиннаго либерализма, истинныхъ основъ свободы, равенства и порядка, и требовать отъ своихъ товарищей исправленія ихъ идей и очищенія ихъ чувствъ либерализма, утвержденіемъ ихъ на одномъ прочномъ основаніи, на нравственности и справедливости, безъ которой можетъ исказиться понятіе о самой любви и къ человѣку, и къ человѣчеству.

Я тѣмъ болѣе старался поддержать и упрочить нравственное достоинство наше, что оно имѣло огромное значеніе и для всего государства и для будущей участи каждаго изъ насъ на поселеніи. При общей слабости у насъ религіозности и нравственности даже и въ образованномъ классѣ, образованіе представляетъ мало привлекательнаго для массы народа, а между тѣмъ только одно образованіе могло дать разумѣніе справедливости тѣхъ идей и требованій для блага народа, которыхъ мы были представителями, какъ одно только нравственное достоинство наше могло внушить уваженіе и любовь къ намъ. Въ отношеніи же личной участи каждаго очень понятно, что вниманіе и уваженіе, какое могли мы встрѣтить въ мѣстахъ нашего поселенія, во многомъ зависѣло отъ общаго понятія о насъ, отъ значенія, какое будетъ имѣть казематское общество. И такъ все, что роняло общее къ намъ уваженіе, что подрывало нравственное значеніе и вліяніе наше, требовало сильнаго противодѣйствія для меня несомнѣнно было, что если дать развиться дурнымъ побужденіямъ и привычкамъ въ казематѣ, то они могутъ привести многихъ даже къ гибели на поселеніи, гдѣ люди останутся одинокими, предоставленными самимъ себѣ, безъ нравственной поддержки товарищей, безъ обуздывающаго противодѣйствія. Вотъ почему я такъ ревностно и настойчиво надоѣдалъ, какъ говорили, всѣмъ постоянными разсужденіями о томъ, чѣмъ обязаны мы и въ отношеніи къ общему значенію, какъ представители свободы и справедливости, и въ отношеніи къ самимъ себѣ для личнаго своего блага. Вотъ почему и возставалъ я также всѣми силами противъ картъ, гулянокъ, пріучавшихъ къ расточительности и пьянству, противъ празднаго препровожденія времени, справедливо предвидя, что привычки ко всему этому невольно вовлекутъ въ знакомства и товарищества, неприличныя и несвойственныя людямъ образованнымъ и политическимъ. Къ несчастію, это сбылось впослѣдствіи надъ

многими и отъ этого погибли даже такія личности, какъ М. Кюхельбекеръ и Глѣбовъ,— а другіе увлеклись въ неоправдываемыя нашими идеями занятія, не умѣли удержаться въ свойственной намъ сферѣ; и для удовлетворенія искусственныхъ потребностей, кто пустился въ разные обороты, кто пошелъ на службу въ откупъ или въ администранію, и, вступивъ въ связь съ дурными людьми на почвѣ интерьсовъ или удовольствій, устранили и общее и личное значеніе и уваженіе къ дѣлу, котораго были представителями.

Особенно часто предметомъ разсужденія и предупрежденія была женитьба и вообще отношенія къ женщинамъ, такъ какъ съ этой стороны грозила наибольшая опасность. Хотя нѣтъ сомнѣнія, что въ наше время либеральная партія заключала въ себѣ лучшихъ современныхъ людей, болѣе честныхъ, болѣе справедливыхъ, болѣе образованныхъ и готовыхъ на самопожертвованіе, но по общей слабости вѣры и науки, отражавшейся и на нихъ, и религіозныя и нравственныя понятія были неясны; не признавалось отъ того, что не понималась необходимая связь какъ между всякимъ добрымъ стремленіемъ и справедливою идеею и нравственностью и истинною религіей. Вслѣдствіе этого многіе люди и религіозные не смотрѣли на бракъ съ истинно-христіанскими понятіями и не понимали значенія правильнаго супружества и семьи для общества; многіе люди считавшіеся въ другихъ отношеніяхъ за нравственныхъ, легкомысленно смотрѣли на отношенія къ женитьбѣ.

На опытѣ моихъ товарищей, считавшихся лучшими людьми современнаго общества, на опытѣ казематскаго общества, имѣвшаго, конечно, въ отвлеченномъ смыслѣ образцовое устройство, ясно обнаружилось, что если религіозность и нравственность, всѣ относительныя хорошія идеи и побужденія, не поставлены на должное основаніе, т. е. на такое, изъ котораго онѣ вытекали бы по логической необходимости, то онѣ всегда будутъ, такъ сказать, искусственны, шатки, и не устоятъ при испытаніи. Люди увлекутся въ противорѣчіе съ признаваемыми началами, а общество утратитъ внутреннюю связь, и люди, потерявъ вѣру въ значеніе своихъ стремленій, отрекутся отъ общественной дѣятельности и замкнутся въ личномъ кругѣ дѣйствія (это еще лучшіе изъ нихъ) или вполнѣ предадутся эгоистическимъ цѣлямъ.

Отсутствіе правильныхъ понятій о достоинствѣ брака и о нравственности не замедлило выказаться впослѣдствіи и было причиною, что большая часть нашихъ товарищей вступали на поселеніи въ несвойственное супружество или вошли въ непозволительныя связи. Не то важно еще, что многіе переженились на простыхъ необразованныхъ женщинахъ, но что они не сумѣли возвысить ихъ до себя и создать себѣ достойныхъ подругъ, разумѣющихъ ихъ, а черезъ то обнаружили, какого рода побужденія влекли ихъ къ самой женитьбѣ. Коль скоро жена не могла понять нравственнаго значенія своего мужа, какъ человѣка и политическаго дѣятеля, а смотрѣла на него, какъ на поселенца, то, конечно, послѣдствія могли быть только самыя плачевныя. Жена мучила мужа домашними дрязгами, и образованные люди впадали часто въ такое поло-

женіе, что забывали и свои идеи и свое достоинство. Такъ жена несчастнаго В. К. Кюхельбекера бранила его за всякій листъ бумаги для его сочиненій, какъ за лишній расходъ, и ссоры мужа съ женою доходили до того, что они ходили на судъ къ какому нибудь засѣдателю или казачьему сотнику. Съ другой стороры Штейнгель, очень пожилой человѣкъ, имѣвшій въ Россіи жену и много дѣтей и въ томъ числѣ уже женатыхъ сыновей н замужнихъ дочерей, прижилъ дѣтей и въ Сибири, какъ оглашено было оффиціально; и хотя имъ, по возвращеніи Штейнгеля въ Россію къ женѣ своей, и выхлопотали потомственное почетное гражданство, но этимъ нравственное зло не было уже, разумѣется, исправлено, и мать дѣтей его навсегда осталась жертвою неясныхъ понятій о нравственности и противорѣчія съ великими началами свободы и равенства, которыхъ онъ былъ обязательнымъ представителемъ. Даже такой уважаемый человѣкъ, какъ Иванъ Пущинъ, имѣлъ побочныхъ дѣтей въ Сибири и пр.

Не менѣе вреда принесло отсутствіе яснаго понятія о томъ, какія обязанности налагало на насъ наше политическое значеніе. Не уяснивъ себѣ истинныхъ основаній своихъ идей и побужденій и не закрѣпивъ ихъ сознаніемъ, не возведя ихъ на степень живой силы, не могли защитить себя отъ вторженія дурныхъ привычекъ и пустого препровожденія времени, которыя, овладѣвая людьми, все болѣе и болѣе пріучали ихъ отклоняться отъ политическаго изученія и дѣятельности, даже тамъ, гдѣ, какъ напр. въ казематѣ, были для того наилучшія условія, и подготовили то явленіе, что, по выходѣ на поселеніе, никто уже, за исключеніемъ меня и Лунина [1]) не продолжалъ ни политической, ни общественной дѣятельности. Одни по безсилію ума, другіе по лѣности, не съумѣвши разъяснить истинныхъ основъ своихъ прежнихъ стремленій, не съумѣли совладать съ противорѣчіями, и, утративъ вѣру въ свои начала, погрузились въ апатію или занялись исключительно своими личными дѣлами, а нашлись и такіе, которые, прикрывая свои интересы будто бы перемѣною убѣжденій, стали выслуживаться поклоненіемъ тому, что прежде осуждали и противъ чего возставали, жертвуя даже собою.

Общій результатъ казематскаго опыта и относительно людей, и относительно убѣжденій былъ таковъ: что касается до лицъ, составлявшихъ казематское общество, то грустныя явленія, которыя представила большая часть изъ нихъ, произошли вовсе не отъ того, чтобы эти люди были сами по себѣ и съ самаго начала такъ дурны, какъ хотѣли представить ихъ противники. Совсѣмъ напротивъ, они были во многомъ несравненно лучше своихъ клеветниковъ, что свидѣтельствовалось уже и тѣмъ, что они, хотя большею частію и по увлеченію, но все же были способны возвыситься до пожертвованія всѣми выгодами своего положенія, и на столько искренни, что не отступили предъ логическими выводами тѣхъ самыхъ началъ, которыя прилагали къ дѣлу и про-

---

[1]) Лунинъ былъ заточенъ въ Акатуй за статьи, напечатанныя въ одной англійской газетѣ, когда былъ уже на поселеніи. Онъ въ Акатуѣ и умеръ.

тивники ихъ, только въ пользу своихъ выгодъ, а не для общаго блага, такъ что даже и въ томъ, въ чемъ идеи и дѣйствія такъ называемыхъ декабристовъ были ошибочны, они были сами жертвою ложныхъ понятій и правилъ общества, внушенныхъ имъ воспитаніемъ и примѣромъ, и извлекали только логическія послѣдствія и приложенія, какъ и объяснилъ я это митрополиту Филарету. Главное же несчастіе моихъ товарищей впослѣдствіи заключалось въ томъ, что они слишкомъ самонадѣянно положились на превосходство своихъ идей и побужденій и не съумѣли воспользоваться тѣми превосходными условіями, какія представлялъ казематъ для провѣрки своихъ идей и побужденій и очищенія ихъ отъ тѣхъ искажающихъ вліяній, какія производила на нихъ неразвитость современнаго русскаго общества, ни шаткость его религіозныхъ и нравственныхъ понятій, запутывающая людей въ неисходныя противорѣчія. Не укрѣпясь ни яснымъ сознаніемъ, ни нравственною силою, они не выдержали гнета тяжелыхъ обстоятельствъ; отступили назадъ отъ того, что не умѣли идти впередъ, что не искали выхода въ томъ, въ чемъ одномъ только его и можно было найти, и съ потерею главнаго своего достоянія—нравственнаго къ себѣ уваженія и значенія,—заимствованныхъ отъ идей, которыхъ они были представителями, они естественно должны были казаться павшими нравственно еще ниже, нежели люди противной партіи, которые при отсутствіи даже всякаго внутренняго достоинства имѣли внѣшнія преимущества, которыя ихъ ограждали и прикрывали нравственные недостатки.

Что же касается до учрежденій, то казематскій опытъ ясно свидѣтельствовалъ, что наилучшія учрежденія тогда только прочны, когда они составляютъ естественное проявленіе живой, разумной и потому правильно дѣйствующей силы, которую не могутъ замѣнить ни отвлеченныя идеи, ни условные договоры; что утвержденіе власти и свободы не можетъ быть достигнуто независимо отъ нравственности, однимъ установленіемъ формъ и признаніемъ правъ; что свобода немыслима для тѣхъ, кто не умѣетъ противостоять порабощающимъ вліяніямъ страха угрозъ, обольщенія выгоды, приманки и привычки наслажденій: что нравственность не можетъ раздѣляться и имѣть одни правила для одной сферы и другія для другой; что истина не можетъ быть найдена не только въ какомъ нибудь одностороннемъ видѣ или проявленіи, но и въ механическомъ смѣшеніи формъ, ни въ электрической срединѣ между крайностями; а потому всякое подражаніе внѣшнимъ видамъ безплодно и безполезно, и для проявленія дѣйствительной жизни въ обществѣ требуется органическое ея порожденіе; что власть и свобода составляютъ нравственное единство, и потому съ отрѣшеніемъ нравственнаго начала, никакими искусственными сочетаніями и устройствомъ, никакимъ насиліемъ и хитростью нельзя добиться, чтобы злоупотребленіе одной стороны не вызывало злоупотребленія другой, такъ же, какъ нельзя сдѣлать, чтобы, нажимая одну половинку коромысла у вѣсовъ, не заставить въ то же время подниматься другую. Что поэтому ни одна сторона не должна ставить своихъ дѣйствій въ нравственную зависимость отъ дѣйствій

другой, и что человѣкъ, искренне желающій добра, будь онъ имѣющій власть или ищущій свободы, только тогда можетъ достигнуть уваженія и признанія власти и свободы, когда будетъ искать того или другого внѣ всякихъ эгоистическихъ разсчетовъ, съ яснымъ сознаніемъ и съ твердымъ убѣжденіемъ нераздѣльности законныхъ требованій одного и другого; что не выставляемая цѣль, а духъ, побуждающій къ дѣйствію, опредѣляетъ послѣдствія, такъ что если въ побужденіяхъ власти кроется произволъ, то дѣйствія ея ведутъ неминуемо къ анархіи, а если стремленіе къ свободѣ истекаетъ изъ желанія своеволія, то оно приведетъ неизбѣжно къ деспотизму, подъ какою бы обманчивою формою онъ ни скрывался. Что въ окончательномъ выводѣ существенная отвѣтственность есть нравственная, и никакія формальныя права не составятъ дѣйствительнаго огражденія при отрѣшеніи понятій и дѣйствій отъ началъ нравственности, что нравственность находится въ неразрывной связи съ религіознымъ чувствомъ, а религіозное чувство съ истинностію религіи. Что для всякаго дѣйствія нужны сила и правильное разумѣніе приложенія ея; и что потому если люди и спасаются иногда непослѣдовательностью, то всетаки ошибочныя понятія окончательно всегда подрываютъ силу, а отсутствіе силы дѣлаетъ безплодными даже и правильныя понятія. Что основою и общественнаго устройства должны быть общечеловѣческія условія, и что поэтому безъ правильнаго разрѣшенія вопросовъ о положеніи женщины, о взаимной зависимости, о бракѣ (искаженныхъ въ ложно понятной эмансипаціи), о правахъ и обязанностяхъ родителей, о воспитаніи, о взаимной солидарности, основанной на томъ премудромъ устройствѣ, что истинное счастье можетъ только быть наградою за содѣйствіе счастію другихъ, всякое измѣненіе внѣшнихъ условій въ одной только сферѣ не улучшитъ общественнаго положенія, а будетъ только перемѣщеніемъ выгодъ внѣшнихъ, увеличеніемъ ихъ однихъ на счетъ другихъ, не доставляя и первымъ истиннаго удовлетворенія.

Каждое изъ этихъ положеній можетъ составить предметъ обширнаго разсужденія; и смѣло можно сказать, что никакое книжное изученіе, никакое собственное наблюденіе въ другихъ мѣстахъ не могли доставить такихъ полныхъ и такихъ точныхъ доказательствъ, какія представилъ казематскій опытъ для уясненія и разрѣшенія общественныхъ вопросовъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Начала, выработанныя мною въ казематѣ, выдержали съ успѣхомъ испытаніе казематскаго опыта и оказались вполнѣ вѣрными въ приложеніи къ казематскому обществу. Но могли однако сказать, что само это общество находилось въ исключительномъ положеніи; и потому, чтобъ утвердить несомнѣнно общую приложимость и значеніе этихъ началъ, надобно было желать того, что называютъ *contre épreuve*, предпринять провѣрку ихъ въ приложеніи къ обычнымъ сферамъ жизни семейной, общественной и политической, но съ такими однако же опять условіями, которыя вызывали-бы чисто нравственную силу этихъ началъ, не затемняемую содѣйствіемъ никакихъ другихъ средствъ. Поэтому-то и было чрезвычайно важно, что для полноты опыта, какъ бы нарочно, таково и было мое положеніе во время нахожденія моего на поселеніи въ Читѣ.

Чтобы охарактеризировать въ краткихъ чертахъ дѣятельность мою въ Читѣ я, не боясь ни въ чемъ опроверженія, смѣло могу сказать, что результатъ моей жизни въ Читѣ былъ слѣдующій:

Въ семейной жизни я далъ примѣръ истинныхъ условій благоустройства и счастія независимо отъ внѣшняго положенія и средствъ. Умирающая жена моя дала мнѣ свидѣтельство, что была такъ счастлива, какъ и не воображала, что можно быть счастливымъ на землѣ, и если сожалѣла о чемъ, такъ о томъ только, что сознавала, что не могла сдѣлать и меня такъ счастливымъ, какъ была сама счастлива. Семейство ея, оставшееся при мнѣ и по смерти ея, прониклось безграничною ко мнѣ приверженностью и безусловною преданностію, и теперь, когда разлучено невольно со мною, считаетъ идеаломъ счастія то время, которое провело подъ моимъ покровительствомъ и моею защитою. Прислуга жила у меня безотходно до тѣхъ поръ, пока какія нибудь независящія отъ воли обстоятельства не удаляли ее. Совершенно наоборотъ противъ обычныхъ мнѣній и поговорокъ, я имѣлъ то счастіе, что только не знавшіе меня, или

судившіе по слухамъ враждовали противъ меня: всѣ же, кто приближался ко мнѣ, тѣмъ сильнѣе привязывались ко мнѣ, чѣмъ ближе были свидѣтелями моей жизни.

Народъ питалъ ко мнѣ безусловное довѣріе. Я былъ не только безвозмезднымъ, но и жертвующимъ за него собою врачемъ, учителемъ, совѣтникомъ, утѣшителемъ, помощникомъ и заступникомъ; и когда вліяніемъ моимъ на начальниковъ я былъ дѣйствительнымъ правителемъ области, то оставилъ объ этомъ времени такое воспоминаніе, что одинъ изъ лучшихъ нашихъ товарищей, самъ личный свидѣтель всего, М. К. Кюхельбекеръ, писалъ ко мнѣ по поводу первой еще попытки Муравьева вѣроломнымъ образомъ удалить меня изъ Читы: «А что будетъ съ бѣднымъ народомъ, который въ твое управленіе и въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ было, что справедливость можетъ жить и на землѣ»?

Но не одинъ народъ прибѣгалъ ко мнѣ. Всѣ начальники отъ низшихъ до самыхъ высшихъ генералъ-губернаторовъ, ревизующихъ сенаторовъ, архіереевъ и пр. всѣ искали моего совѣта и содѣйствія, такъ что послѣднее средство во всякомъ затруднительномъ дѣлѣ у всѣхъ было: «Надо спросить объ этомъ Дмитрія Иринарховича».

Устройство дома и хозяйства было у меня образцовое. Всѣ отрасли земледѣлія, огородничества, садоводства, скотоводства были доведены у меня до высокой степень совершенства. Между тѣмъ я не получилъ ничего готоваго, но долженъ былъ все создать самъ, начиная отъ образованія семьи до образцовыхъ постройки дома и устройства хозяйства.

Вотъ почему во время возникшей потомъ борьбы у меня съ мѣстнымъ начальствомъ, никто не могъ, во первыхъ, противопоставить мнѣ извѣстнаго аргумента, что легко критиковать, а трудно сдѣлать, такъ какъ я съ меньшими средствами всегда дѣлалъ и больше, и лучше, чѣмъ противники мои съ огромными средствами; во вторыхъ, я могъ такъ смѣло призывать правительство къ подробнѣйшему изслѣдованію моихъ дѣйствій, и съ увѣренностью сказалъ ему, что хотя и не называюсь графомъ Читинскимъ, но что если Чита будетъ когда либо извѣстна, то именно потому, что я въ ней жилъ и дѣйствовалъ.

Но дѣйствія мои въ Читѣ имѣли не одно только мѣстное значеніе. Они обнимали всѣ сферы государственной и общественной жизни, и немногимъ даже изъ имѣвшихъ большую власть и средства удалось совершить то, что сдѣлалъ я безъ всякой власти и средствъ. Надо было бы занять слишкомъ много мѣста, если бы я хотѣлъ приводить одни только письменныя свидѣтельства людей всѣхъ званій и положеній.

«Сознаемся, что не имѣемъ ни вашего мужества, ни вашего самоотверженія», писалъ мнѣ изъ Спб. одинъ изъ высокопоставленныхъ людей. «Сравнивать себя съ вами не смѣю», писалъ мнѣ одинъ товарищъ, «вы человѣкъ истинно европейской учености; во мнѣ нѣтъ вашей всепобѣждающей стойкости».—«Надо быть вовсе лишену политическаго разумѣнія», писалъ мнѣ глава соціалистовъ, «чтобы не понять, что напечатан-

ное вами выше всего, что произвела русская печать».—«Дѣйствія ваши», писалъ мнѣ одинъ человѣкъ, исправляющій самъ должность военнаго губернатора, «заставили бы еще больше уважать васъ, если бы это было возможно, если бы наше уваженіе къ вамъ и безъ того не было безпредѣльно».—«Не могу не отдать полной справедливости, ясности и высотѣ видовъ вашихъ», писалъ мнѣ отъ имени сенатора старшій совѣтникъ ревизіи.—«Слава вашей доблести, вашему слову, вашему геройству», такъ оканчивался адресъ, посланный изъ Москвы, и умирающій Ермоловъ посылалъ мнѣ заочно радостный привѣтъ и благословеніе. Поэтому-то, имѣя подтвержденіе тысячи свидѣтельствъ, я съ полнымъ сознаніемъ правоты утверждаемаго мною и могъ смѣло написать правительству, что хотя я не добивался титула какого-нибудь свѣтлѣйшаго князя Забайкальскаго и Амурскаго, но буду всегда жить въ памяти этого края, какъ твердый защитникъ его и лучшій устроитель; что хотя я и не предъявлялъ притязанія на ордена Св. Андрея и Владиміра, но лучше исполнилъ ихъ девизы, нежели люди, носящіе видимые знаки этихъ орденовъ, потому что лучше ихъ сохранилъ вѣру и вѣрность отечеству и болѣе радѣлъ о чести, славѣ и пользѣ его.

Надо помнить, что я прибылъ на поселеніе, лишенный всѣхъ политическихъ и даже гражданскихъ правъ, и не имѣя другихъ внѣшнихъ средствъ въ замѣну ихъ, ни богатства, ни связей, чтобы понять, что все, что удалось мнѣ совершить, было, стало быть, исключительно созданіемъ нравственной силы тѣхъ началъ, которыя руководили мною. Положеніе мое, по пріѣздѣ въ Читу, было самое затруднительное во всѣхъ отношеніяхъ. Я отказался взять какое либо пособіе изъ учрежденной мною артели для пособія живущимъ на поселеніи, имѣя полное право ожидать себѣ содѣйствія отъ родныхъ, постоянно твердившихъ мнѣ объ ихъ заботахъ обо мнѣ, ожидать тѣмъ скорѣе, что въ послѣднее время нахожденія моего въ казематѣ мнѣ присылали очень мало, и я, не зная домашнихъ обстоятельствъ, не подозрѣвая, куда и на кого истощались средства моихъ родныхъ, но зная, что они были достаточны, могъ думать, что уменьшеніе присылки мнѣ въ казематъ имѣло именно цѣлію собрать побольше средствъ ко времени отправленія моего на поселеніе, зная, какіе большіе расходы предстоятъ при первоначальномъ устройствѣ, особенно имѣя въ виду немедленную женитьбу по прибытіи въ Читу. Къ удивленію, я не получилъ сполна и той умѣренной суммы, которую назначалъ, какъ предѣлъ крайней необходимости. Изъ этого я долженъ былъ еще уплатить долги брата, который никогда не деликатничалъ ни относительно родныхъ, ни относительно чужихъ, и, мотая всегда свыше средствъ своихъ, надѣлалъ долговъ въ лавкахъ, увѣривъ купцовъ разсказами о богатыхъ средствахъ нашихъ родныхъ. Вслѣдствіе такого неожиданнаго сокращенія оставшихся у меня средствъ, я никакъ не могъ приступить съ самаго начала ни къ покупкѣ своего дома, ни къ постройкѣ новаго сразу, а долженъ былъ издерживать часть средствъ своихъ на временныя пристройки и передѣлки въ домѣ моей тещи, оставаясь въ немъ жить по необходимости,

что имѣло другого рода неудобства, о которыхъ будетъ сказано ниже. А такихъ временныхъ расходовъ оказалось очень много, такъ какъ домъ моей тещи былъ очень древній и ветхій. Это былъ самый старинный домъ въ Читѣ, построенный еще при Биронѣ для мѣстныхъ начальниковъ и купленный у казны моимъ тестемъ при выходѣ его въ отставку и упраздненіи горнаго окружнаго управленія въ Читѣ.

Другое весьма важное неудобство состояло въ томъ, что, живя въ Читѣ въ селеніи, а не въ большомъ какомъ городѣ или около него, какъ напримѣръ товарищи мои, поселенные возлѣ Иркутска, я долженъ былъ имѣть дѣло съ мелкими, невѣжественнымя начальниками и другими вліятельными въ селеніи лицами; горный управитель былъ безпробудный пьяница, казачій офицеръ — пьяница и буянъ, священникъ человѣкъ въ высшей степени завистливый и корыстолюбивый, любившій кромѣ того подъискиваться подъ всѣхъ доносами, для чего мое исключительное положеніе могло особенно давать пищу. Наконецъ, мелкое купечество особенно заносчивое, потому что купечество вообще привыкло въ Сибири разыгрывать роль аристократіи даже относительно чиновниковъ. А между тѣмъ, кромѣ столкновеній обыденной жизни, мнѣ неизбѣжно приходилось имѣть и съ ними частыя сношенія уже по самому предстоявшему мнѣ устройству и по всѣмъ занятіямъ, какого-бы рода я не избралъ ихъ. Затрудненіе усиливалось еще тѣмъ, что я зналъ, до какой степени у этихъ дикихъ людей возбуждается вражда противъ тѣхъ, кто чуждается пріятельскихъ отношеній съ ихъ кругомъ, не хочетъ быть съ ними за панибрата, а между тѣмъ по всѣмъ моимъ понятіямъ и привычкамъ я никакъ не могъ согласиться быть въ ихъ обществѣ, даже независимо отъ предостереженія, представляемаго примѣромъ нѣкоторыхъ очень хорошихъ людей изъ моихъ товарищей, погибшихъ отъ того именно, что они не съумѣли отстранить себя отъ участія въ компаніи и оргіяхъ подобнаго общества. А такъ какъ я жилъ въ Читѣ одинъ изъ нашихъ, то и не имѣлъ своего круга, какъ имѣли мои товарищи въ Иркутскѣ, Красноярскѣ, Тобольскѣ, Курганѣ и Ялуторовскѣ, гдѣ было вездѣ по нѣскольку человѣкъ ихъ, составлявшихъ свое собственное общество. Наконецъ, огромнѣйшее затрудненіе представляло сверхъ того отсутствіе у меня практическаго искусства и точнаго знанія мѣстныхъ условій, что особенно важно было при необходимости хозяйственнаго устройства и безошибочнаго выбора занятій. Правда, въ видахъ благоразумной предусмотрительности будущаго, я не ограничивался въ казематѣ изученіемъ однихъ нравственныхъ и политическихъ наукъ, но занимался и хозяйственными. Предвидя возможность и даже необходимость хозяйственныхъ занятій, я, кромѣ чтенія русскихъ сочиненій и журналовъ о хозяйствѣ, что не приносило впрочемъ большой пользы, прочелъ всѣ извѣстныя по этому предмету сочиненія на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ и, слѣдовательно, теоретически былъ хорошо подготовленъ, но мнѣ недоставало практическихъ познаній, и для меня ясно было, какія ошибки надѣлали русскіе хозяева отъ неразумнаго приложенія правилъ раціональнаго (разум-

наго) хозяйства, принявъ за самую сущность его одни только извѣстные виды проявленія его въ условіяхъ совершенно иныхъ, чѣмъ тѣ, которыя существовали въ мѣстностяхъ, къ которымъ они безъ разбора ихъ прилагали. Относительно же мѣстныхъ условій края, хотя я изучалъ ихъ въ казематѣ, но ясно, что тамъ изученіе не могло быть полнымъ, потому что не могло основываться на собственныхъ наблюденіяхъ и повѣркѣ, а заимствовать было не у кого, такъ какъ никому изъ мѣстныхъ жителей и въ голову не приходило наблюдать ихъ съ общей точки зрѣнія, да они и не подозрѣвали самаго существованія подобныхъ взглядовъ. И такъ затрудненіе представлялось въ томъ видѣ, что надобно было вмѣстѣ и учиться и дѣйствовать.

Изъ этого уже видно, какъ много было дѣла у меня на рукахъ, и какъ разнообразна была предстоявшая дѣятельность, а между тѣмъ было и еще одно дѣло, которое я по справедливости считалъ даже важнѣе всѣхъ другихъ—это образованіе своего семейства, т. е. жены моей и сестеръ ея.

Воспитаніе семейства этого представляло то превосходное условіе, что въ немъ не было ничего дурного въ нравственномъ смыслѣ. Въ этомъ отношеніи оно стояло даже несравненно выше обычнаго уровня такъ называемаго образованнаго круга. Домъ ихъ называли монастыремъ, а жену мою даже «святою»; но это было только отсутствіе и отрицаніе зла чрезъ внѣшное огражденіе отъ него. Надобно было дать всему доброму сознательное основаніе въ правильномъ знаніи. Правда, у нихъ въ семействѣ было много свѣдѣній по преданію; отецъ ихъ былъ человѣкъ по своему времени любознательный; дѣдъ со стороны матери—человѣкъ даже ученый, другъ и корреспондентъ знаменитаго Палласа, но всетаки общаго систематическаго образованія онѣ не имѣли, и это было первое дѣло, безотлагательно заняться которымъ я вмѣнилъ себѣ въ обязаннность, считая всегда, какъ для себя, такъ и для всякаго внутреннее развитіе человѣка лучшимъ огражденіемъ и обезпеченіемъ. Въ этомъ отношеніи, можно сказать, не было потеряно ни одного дня. Именно въ самый первый день вступленія моего въ семейство я изложилъ мои мысли о необходимости искать въ правильномъ образованіи сознательную опору всѣмъ добрымъ началамъ и удовлетворенія сродной человѣку потребности удовольствія во внутреннемъ мірѣ, который одинъ даетъ цѣну и всему внѣшнему. Онѣ начали изученіе латинскаго и французскаго языка, не потому, чтобы предстояла вѣроятность практическаго ихъ приложенія, но потому, что я всегда считалъ изученіе чужаго языка необходимымъ для уразумѣнія того, что человѣческая мысль независима отъ внѣшнихъ средствъ выраженія. Исторію и географію писалъ я имъ самъ; въ математикѣ одна изъ свояченицъ моихъ, выказавшая большую способность, прошла даже всю геометрію, тригонометрію и алгебру. Другая, имѣвшая расположеніе къ музыкѣ и рисованью, выучилась у меня игрѣ на гитарѣ (единственный инструментъ доступный нашимъ средствамъ и знакомый мнѣ, какъ единственный почти изъ струнныхъ, употребленіе которыхъ совмѣстимо съ морскою службою) и рисованью цвѣтовъ, кото-

рыхъ она была большая любительница. Даже съ танцами, совершенно имъ до того времени незнакомыми, онѣ ознакомились настолько, что никто впослѣдствіи не замѣчалъ, что онѣ не учились имъ съ дѣтства. У нихъ въ семействѣ было много свѣдѣній относительно растительнаго царства, наслѣдованныхъ отъ дѣда; я привелъ все это въ систему и порядокъ, и теоретически правильнымъ изученіемъ ботаники, и практически-систематическимъ устройствомъ земледѣлія, огорода и цвѣтоводства. Если не было систематическаго преподаванія наукъ нравственныхъ, политическихъ, философіи, то постоянныя бесѣды и толкованія при чтеніи сообщили имъ такія правильныя основы для сужденія, что когда домъ мой наполнился посѣтителями изъ круга, считавшагося въ Россіи высшимъ по званію и образованію, то семейство мое могло вести бесѣды такъ непринужденно и основательно, что никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы онѣ начали свое образованіе въ такихъ позднихъ лѣтахъ и могли все это заимствовать отъ одного только человѣка. Я имѣлъ удовольствіе доставить всѣмъ такое полное удовлетвореніе въ семейномъ быту, что всякія внѣшнія удовольствія и развлеченія потеряли для нихъ всякую цѣну и обольстительность, не отъ пресыщенія, какъ обыкновенно бываетъ, а отъ полнаго сознанія превосходства внутренняго счастія надъ внѣшнимъ. Для моихъ свояченицъ самыя блестящія предложенія замужества потеряли всякое значеніе, такъ были онѣ убѣждены, что никакія выгодныя внѣшнія условія не замѣнятъ имъ того наслажденія, которое доставлялъ имъ глубокій душевный миръ и ясное понятіе, въ чемъ должно искать условій истиннаго счастія. Здѣсь надо замѣтить одно важное обстоятельство, на которое мало обращаютъ вниманія, но пренебреженіе къ которому бываетъ всегда почти началомъ домашняго разлада и соблазна. Люди почти всегда позволяютъ себѣ многое неприличное дома и заставляютъ своихъ домашнихъ быть свидѣтелями того, чего никакъ не рѣшатся выказать въ обществѣ, отчего и происходитъ тотъ соблазнъ увлекающій въ неправильныя чувства, что чужимъ они кажутся лучшими, нежели своимъ домашнимъ. Кромѣ того, сносимые снисходительно въ обществѣ личные недостатки и дурныя, во всякомъ случаѣ, безполезныя привычки, куренье, обжорство, пьянство, карты, гулянки, развратъ, неприличная брань, тѣмъ сильнѣе заставляютъ себя чувствовать другимъ, чѣмъ ближе и тѣснѣе связываютъ ихъ условія ежедневной домашней жизни.

Нельзя себѣ представить ничего несчастнѣе того семейства, которое находится въ неизбѣжномъ постоянномъ соприкосновеніи съ человѣкомъ, истратившимъ тѣлесныя и душевныя силы и получившимъ грубыя привычки отъ преждевременнаго разврата, сопряженнаго всегда съ утратою деликатности и внимательности, съ человѣкомъ вещественно отвратительнымъ отъ постаяннаго запаху табаку и вина, отъ опухлаго, искаженнаго вида вслѣдствіе пьянства, обжорства, гулянокъ и картежной игры, разстраивающихъ порядокъ домашней жизни. Сколько несчастныхъ женщинъ впало въ соблазнъ отъ того, что онѣ видѣли самаго близкаго человѣка въ самомъ отвратительномъ видѣ, тогда какъ другіе, не лучшіе его во внутреннемъ быту своемъ, казались лучшими и пріятными

единственно потому, что являлись имъ не въ обычномъ своемъ, а въ искусственно подготовленномъ видѣ.

И тѣни ничего подобнаго не видѣлось и не допускалось у меня въ домѣ. Я самъ никогда не курилъ, не пилъ, не игралъ въ карты, не бранился, не наказывалъ никого тѣлесно, былъ строго воздержанъ во всемъ и постоянно трудился, и поэтому имѣлъ полное право требовать этого и отъ другихъ. Я не держалъ въ домѣ своемъ ненадежныхъ поселенцевъ, но всегда испытанныхъ старожиловъ, платилъ поэтому работникамъ и вообще прислугѣ дороже, кормилъ лучше, оберегалъ ихъ интересы, защищалъ отъ начальства, менѣе налагалъ работы, но строго требовалъ, чтобы и помину не было о пьянствѣ, брани, картахъ, гулянкахъ и пр., и могу сказать, что, пока жилъ въ Читѣ, семейство мое не видало унизительнаго зрѣлища пьянаго человѣка въ домѣ. Что же касается попытки постороннихъ посѣтителей курить, выпить лишнюю рюмку, поиграть въ карты, то какое бы ни было званіе посѣтителя, я отклонялъ все это спокойнымъ, но твердымъ объявленіемъ, что ничто подобное въ домѣ у меня не допускается.

Всѣ мы трудились даже вещественно, но никогда не показывались другъ другу въ безпорядочномъ видѣ. Я имѣлъ и прежде всегда привычку одѣваться вполнѣ, лишь только встану, и никогда не терпѣлъ ни халатовъ, ни туфель, ни колпаковъ и ничего подобнаго. У меня въ домѣ была устроена отдѣльная комната, замѣнявшая намъ баню, и каждый изъ семейства послѣ занятія какимъ-нибудь тѣлеснымъ трудомъ по хозяйству не прежде являлся къ другимъ, какъ въ освѣженномъ видѣ. Мы собирались обыкновенно къ чаю и столу, не заставляя никогда другихъ дожидаться себя. Послѣ ужина всѣ занимались ручными работами, и кто нибудь читалъ, соединяя чтеніе съ бесѣдою. Я выписывалъ газеты, журналы и книги, и все семейство у меня было посвящено въ ходъ современныхъ событій и вопросовъ. Устройство дома было у меня образцовое. Домъ былъ самый теплый, самый сухой и съ чистымъ воздухомъ, комнаты очень большія, украшенныя цвѣтами и растеніями всѣхъ родовъ. Несмотря на страшный сибирскій климатъ, у меня въ домѣ даже на сѣверной сторонѣ не было надобности въ двойныхъ рамахъ. Въ комнатахъ стояло до 600 растеній, отъ огромныхъ лимонныхъ деревьевъ, розъ, кипарисовъ и пр. въ кадкахъ до горшечковъ самаго мелкаго разбора на этажеркахъ. Такимъ образомъ, смѣло могу сказать, что мой домъ и по внѣшнему виду и по внутреннему быту представлялъ образецъ благоустроенной жизни образованнаго человѣка; и впечатлѣніе, производимое на внѣшнихъ, было чрезвычайное. Мнѣ безпрестанно говорили: «Въ другихъ мѣстахъ мы могли видѣть все, что можно купить за деньги, а у васъ видимъ то, чего ни за какія деньги купить нельзя».

Относительно обученія чужихъ я принялъ ту же самую систему, что и въ своей собственной семьѣ. Я училъ всякаго независимо отъ его званія и положенія всему, что онъ только могъ изучать по способностямъ и по охотѣ. Платы я не назначалъ никакой, и, разумѣется, не только училъ даромъ большую часть, но и давалъ еще самъ имъ

учебныя пособія. Кто имѣлъ средства, платилъ, что могъ. Впрочемъ, плата началась только тогда, когда начали переселяться въ Читу зажиточные купцы и чиновники съ достаточными окладами—не прежде пятаго года пребыванія моего въ Читѣ. Я училъ мальчиковъ и дѣвочекъ малыхъ и взрослыхъ, и крестьянскихъ дѣтей и дѣтей чиновниковъ.

Немудрено было предвидѣть, что это занятіе возбудить болѣе всего зависти и подастъ поводъ къ доносамъ, на которые имѣется столько охотниковъ въ Сибири. Чиновники завидовали, что и крестьянскія дѣти учатся языкамъ и высшимъ предметамъ. Духовенство и учителя завидовали, что у нихъ отбивается доходъ даровымъ обученіемъ. Но такъ какъ доносы были вообще крайне безсмысленны и слишкомъ явно выказывали свои побужденія, то и не имѣли послѣдствій, кромѣ безпокойства отъ пустой переписки. Къ тому же, и отношенія ко мнѣ старшихъ лицъ въ управленіи были таковы, что всѣ они болѣе или менѣе нуждались во мнѣ. Громкая извѣстность, пріобрѣтенная мною въ казематѣ, и довѣріе, утвердившееся образомъ дѣйствій моихъ въ Читѣ, наконецъ посѣщеніе меня всѣми значительными проѣзжими были причиною, что не было ни въ какой отрасли управленія никакого важнаго и затруднительнаго дѣла, чтобы не обращались ко мнѣ за совѣтомъ и содѣйствіемъ. Я не отказывалъ никому, но требовалъ, чтобы со мною говорили откровенно и сообщали всѣ факты, необходимые для правильнаго обсужденія дѣла. Поэтому для собственной своей пользы всѣ должны были показывать мнѣ всѣ правительственные и другіе документы и раскрывать свои настоящія побужденія. Замѣтимъ здѣсь кстати, что это-то именно и создало для меня такое исключительное и безпримѣрное положеніе, что, получая по собственной необходимости начальниковъ всѣ имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія и въ то же время пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ народа, открывавшаго мнѣ безбоязненно все, я всегда зналъ и сущность каждаго дѣла и настоящія цѣли людей и могъ прослѣдить весь ходъ всякаго дѣла отъ мысли, зарождающейся въ головѣ начальника, до послѣдней стадіи исполненія, и обратно, отъ всякаго факта, какъ онъ былъ въ дѣйствительности, до того вида или представленія, въ какомъ онъ доходилъ до высшаго правительства. Все это дало мнѣ впослѣдствіи непреоборимую силу въ борьбѣ съ кѣмъ бы то ни было, такъ какъ я одинъ всегда зналъ всякое дѣло и въ сущности его и въ полнотѣ.

Я могъ бы привести множество фактовъ и доказательствъ, до какой степени подобострастія и лести доходили ко мнѣ отношенія начальниковъ, но ограничусь примѣромъ полковника Родственнаго, главнаго начальника Нерчинскихъ заводовъ. Вынужденный въ свою очередь обратиться ко мнѣ за совѣтомъ и содѣйствіемъ, вотъ какую рѣчь держалъ онъ при этомъ случаѣ: «Обращаясь съ подобною просьбою ко всякому другому человѣку, я началъ бы съ извиненія, что безпокою и обременяю своею просьбою; но относительно васъ другое дѣло: вы намъ поставлены свѣтильникомъ просвѣщать насъ, свѣтомъ котораго мы обязаны пользоваться, и потому обращаемся къ вамъ уже какъ бы по праву», и пр.

Романовъ гдѣ-то напечаталъ, что всѣ проѣзжающіе въ Читѣ считаютъ своею обязанностью являться ко мнѣ на поклоненіе, какъ Магомету въ Меккѣ и Мединѣ, но онъ не понялъ, что этимъ онъ самъ выставилъ только значеніе нравственной силы, потому-что, что же, какъ не эта сила могла создать такое положеніе человѣку, не располагавшему никакими внѣшними средствами, не только не имѣвшему ни власти, ни богатства, но который еще самъ находился въ безправномъ положеніи.

Что же касается до занятія моего обученіемъ, то открытое сопротивленіе духовенства прекратилось съ тѣхъ поръ, какъ самъ иркутскій архіерей, объѣзжая Забайкалье и прибывъ въ Читу, обратился ко мнѣ съ просьбою оказать ему содѣйствіе для утвержденія приходскихъ школъ по деревнямъ. По моему убѣжденію и вслѣдствіе довѣрія ко мнѣ, крестьяне 18-ти большихъ селеній, выбранныхъ мною центральными пунктами, составили приговоры объ учрежденіи школъ съ очень достаточнымъ содержаніемъ, но съ условіемъ, чтобы былъ особый учитель не изъ духовенства. Одна изъ этихъ школъ пріобрѣла такое довѣріе, что въ нее посылали дѣтей даже мѣщане изъ городовъ.

Устройство хозяйства и постройки дома представляли мнѣ величайшія затрудненія. Независимо отъ недостатка у меня практическихъ занятій я сейчасъ замѣтилъ, что изъ занятія земледѣліемъ нельзя сдѣлать выгоднаго занятія въ торговомъ смыслѣ. Вся выгода въ этомъ смыслѣ выпадаетъ на долю тѣхъ, кто, какъ напр. чиновники и купцы, могли пользоваться даровою работою людей и имѣть вѣрный сбытъ произведеній по выгоднымъ подрядамъ въ казну. Но подобныя вещи и были мнѣ недоступны и главное противны моимъ правиламъ. Кромѣ того это сдѣлалось уже какъ бы сущностью моей природы, что я не могъ ничего, даже того, на что имѣлъ личное право, что относилось къ дѣйствіямъ людей лично для себя, отдѣлять отъ общихъ цѣлей, до такой степени всѣ мои мысли, стремленія, дѣйствія, проникнуты были единствомъ во всемъ. Поэтому, вступая на поприще практическихъ дѣйствій, я хотѣлъ и поставилъ себѣ цѣлію дѣлать всевозможные опыты, чтобы раскрыть, что край въ состояніи производить, если приложатъ къ нему раціональную систему изслѣдованій и дѣйствій; и вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ своихъ занятіяхъ я старался подвигать впередъ науку и полезныя приложенія ея. И при этомъ то я на опытѣ убѣдился, до какой степени неосновательно мнѣніе, что будто бы высшія соображенія отвлекаютъ отъ вещественнаго труда, а этотъ трудъ подавляетъ до такой степени, что не остается возможности для высшихъ соображеній. Я, напротивъ, извѣдалъ, что у кого духъ есть живая сила, а не отвлеченное понятіе, кто разъ сталъ твердо въ духовной сферѣ, то никакой самый тяжелый вещественный трудъ не подавитъ дѣятельности (человѣка) духа, точно также, какъ жизнь духа не только не препятствуетъ нисходить въ самыя мелкія занятія, но еще улучшаетъ и облагораживаетъ ихъ, осмысливая и одухотворяя и вещественный трудъ. Честію свидѣтельствую, что никогда мысль не восходила у меня такъ легко къ самымъ выс-

шимъ соображеніямъ, какъ—когда я изнемогалъ, повидимому, подъ тягостью вещественнаго труда; и никогда вещественный трудъ не былъ такъ искусенъ и такъ плодотворенъ, какъ когда я находилъ средства дѣлать приложенія къ нему самыхъ высшихъ соображеній, когда ничто самое мелкое и самое высшее не были въ противорѣчіи, а во всемъ господствовало полное и строгое единство. А трудъ вещественный былъ такъ тяжелъ, что человѣкъ непремѣнно изнемогъ бы, если бы духъ, какъ живительная сила, не поддерживалъ его. Чтобы все узнать по собственному опыту, я прошелъ всѣ работы, исполняя ихъ очень серьезно и всегда настолько, чтобы быть въ состояніи составить себѣ о всякой работѣ правильное понятіе. Я рубилъ лѣсъ, пилилъ его, расчищалъ землю, пахалъ, боронилъ, сѣялъ, жалъ, косилъ сѣно, копалъ гряды, сажалъ деревья, объѣзжалъ дикихъ лошадей, былъ плотникомъ, столяромъ, каменьщикомъ, слесаремъ, стекольщикомъ, маляромъ и пр., во всякое время и при всякой погодѣ, въ жаръ и вѣтеръ, на песчаной почвѣ, въ лѣсу съ оводами и комарами, въ ненастье и вьюгу, я зналъ во всемъ точный разсчетъ работы и что по справедливости могу требовать отъ работниковъ.

Довѣріе народа ко мнѣ было вполнѣ сознательное и основывалось на почерпнутомъ имъ изъ опыта убѣжденіи, что я во всѣхъ дѣйствіяхъ относительно его искалъ дѣйствительно его блага, а не своихъ какихъ либо цѣлей. Я никогда не употреблялъ тѣхъ средствъ, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ для пріобрѣтенія, мнимой популярности. Я не потворствовалъ никакимъ его слабостямъ, не заискивалъ его расположенія, не льстилъ ему и не поддѣлывался подъ его языкъ. Всѣ подобныя уловки ведутъ къ совершенно противоположнымъ послѣдствіямъ, нежели тѣ, которыхъ добиваются ищущіе популярности. Если народъ, пріученный угнетеніемъ и обманомъ къ притворству, и вынужденъ иногда по необходимости выражать не то, что думаетъ, чувствуетъ и желаетъ, то въ дѣйствительности ужъ, конечно, никогда не будетъ имѣть истиннаго довѣрія, какъ только къ такому человѣку, о которомъ сознаетъ, что тотъ стоитъ выше его и, слѣдовательно, можетъ дать ему разумный совѣтъ, и который говоритъ ему правду, не боясь возбудить къ себѣ неудовольствія, и, слѣдовательно, не ищетъ себѣ ничего.

Приведу нѣсколько дѣйствительныхъ случаевъ, какъ характеристическихъ примѣровъ, какъ судитъ народъ:

«Вѣдь вотъ, Ваше Высокородіе,» говорили мнѣ крестьяне или казаки почти всегда такими или подобными выраженіями, «посмотрѣли мы на нашихъ генераловъ, ну, право слово, тошно стало. Глупуютъ хуже всякаго глупаго мужика; чему тутъ доброму отъ нихъ научишься»?

«Пріѣхалъ къ намъ, сударь, новый начальникъ и говоритъ по нашему, словно мужикъ какой. Ну на что намъ это? Да мы мужичьи рѣчи и безъ того все слышимъ; а ты намъ скажи вотъ что-нибудь толковое и разумное».

«А что, Ваше Высокородіе, не слыхать ли чего новаго, а мы таки крѣпко напу-

жались, такъ и ждемъ какой новой бѣды», говорили мнѣ казаки деревни Титовой, недалеко отъ Читы.

«Отчего такъ»?

«Да вотъ, Ваше Высокородіе, пріѣхали къ намъ на дняхъ Корсаковъ и Сеславинъ, вошли въ одну избу: Нѣтъ ли у васъ водки? спросили. Вотъ мы и подумали, что за притча такая? Кабы съ охоты или съ дороги, дѣло понятное, а то прямо изъ города, изъ атаманскаго дома, почитай и версты прямикомъ не будетъ. Какъ не быть водки, подали по рюмкѣ. Пошли въ другую избу: Хозяйка, давай чаю! Съ дѣвками дурачатся, ребятамъ бросаютъ гривенники. На что это? думаемъ; ну какая имъ съ нами компанія? Вотъ мы и толкуемъ, что значитъ это не къ добру. Одному — другому бросятъ гривенникъ, а послѣ со всѣхъ, сколько ни есть, десятки рублей и выжмутъ».

Я никогда не входилъ въ домъ простаго человѣка безъ особенной нужды, а тѣмъ менѣе ради популярности; никогда не участвовалъ нигдѣ для этого въ празднествахъ или гулянкахъ ихъ, а являлся всегда по призыву ихъ посмотрѣть больного, принести ему лекарство или другое какое пособіе; но мой домъ былъ открытъ каждому и днемъ и ночью, и я никогда не имѣлъ обычая запирать свой кабинетъ, когда былъ дома, или свою спальню. Если кому было необходимое до меня дѣло, хоть бы ночью, то прислуга не имѣла права отказывать въ доступѣ ко мнѣ изъ опасенія обезпокоить меня. Она обязана была сейчасъ же доложить мнѣ, и я могу теперь же привести примѣръ, какъ я дѣйствовалъ иногда въ подобныхъ случаяхъ.

Это было, когда Чита была сдѣлана уже городомъ. Полицмейстеръ, желая сорвать взятку съ новопріѣзжаго съ семействомъ купца, схватилъ его и посадилъ въ острогъ. Бѣдная жена его, не успѣвшая еще осмотрѣться на квартирѣ, по совѣту хозяина дома, прибѣжала ко мнѣ ночью, разсказать все дѣло. Убѣдясь въ законности его, я велѣлъ заложить сани и безотлагательно отправился съ нею къ губернатору. Разбудивъ его, я до тѣхъ поръ не вышелъ изъ его спальни, пока не вынесъ съ собою два письменныхъ приказанія: одно о немедленномъ освобожденіи купца, другое о смѣнѣ полицмейстера.

Но не отступая никогда ни предъ какою непріятностью, ни предъ какимъ пожертвованіемъ для дѣйствія въ защиту народа, стараясь всячески объ его образованіи и объ улучшеніи его быта, я нисколько не скрывалъ отъ себя его недостатковъ, и такъ же рѣшительно обличалъ ихъ и противодѣйствовалъ имъ, какъ рѣшительно боролся противъ его угнетателей. Доброе мнѣніе его обо мнѣ было нужно мнѣ для его пользы, а не для моего тщеславія. Довѣріе его ко мнѣ должно было быть дѣломъ справедливости, но для пріобрѣтенія его я не заискивалъ никогда расположенія народа, потворствуя его слабостямъ; и, напротивъ, всегда строго говорилъ съ нимъ объ его недостаткахъ, которыми онъ усиливаетъ и безъ того уже тяжелое положеніе свое, о пьянствѣ, лѣности, непредусмотрительности и пустыхъ сѣтованіяхъ.

Вотъ напр. образецъ одного изъ обычныхъ разговоровъ: Является казакъ изъ

станицы, сообщаетъ о разныхъ незаконныхъ продѣлкахъ начальниковъ, представляя и точныя доказательства въ потвержденіе разсказываемаго (иногда и письменные документы), зная, что я голословныхъ показаній и сплетень не принимаю. Вижу, что незаконные поборы и наряды становятся выше силъ. Начинаются съ его стороны сѣтованія, да разныя причитанья. Я останавливаю его замѣчаніемъ, это этимъ ничего не поможешь.

«А вотъ ты лучше скажи мнѣ, зачѣмъ ты въ городѣ»?

Всегда оказывается, что или соли, или кирпичнаго чаю взять; но для меня ясно, что это только предлогъ для пустого шатанья.

«Ну вотъ видишь», говорю я ему тогда «все это худо, и я, какъ вы и сами знаете, сколько могу, противлюсь этому, да теперь дѣло не въ томъ, а какъ бы самому тебѣ дѣлать такъ, чтобы уменьшить тягость, это вотъ отъ насъ зависитъ, а до чужихъ дѣлъ если и доберемся, то еще не скоро. Зачѣмъ-же ты теряешь время, а не работаешь»?

«Да что, батюшка, никакой работы нѣтъ».

»Какъ нѣтъ? Вотъ бы ты вырубилъ лѣсу, да очистилъ его, чѣмъ мотаться въ городѣ; зимою по маленьку бы вывезъ, или хоть и теперь, чѣмъ морить лошадь — ѣздить по городу по пусту. А тамъ, если весною будетъ опять нарядъ, то у тебя лѣсъ готовъ, и ты не станешь отрываться отъ пахоты или метаться, какъ угорѣлый, гдѣ бы купить лѣсу, да еще за дорогую цѣну. У тебя теперь идетъ время даромъ, а работай ты теперь, вотъ лѣсъ у тебя былъ бы готовъ, деньги въ карманѣ. Если же не будетъ наряда на выставку лѣса; ты продашь его; въ городѣ теперь постройка, всякій охотно купитъ за наличныя; у тебя будетъ чѣмъ уплатить повинности, и ты не станешь продавать за безцѣнокъ для этого лошадь или корову—выгода двойная» и т. д.

Общественная моя дѣятельность въ Читѣ начала развиваться слѣдующимъ образомъ: не теряя нисколько времени, даже прежде, нежели устроилъ я свой собственный домашній бытъ, я обратилъ полное вниманіе на улучшеніе хозяйства у народа, на устройство правильнаго медицинскаго ему пособія и на его образованіе. Для перваго я выписалъ много различныхъ хорошихъ сѣмянъ для даровой раздачи на опыты и доступныхъ разумѣнію простыхъ людей руководствъ, а также и чертежей простыхъ машинъ, и такимъ образомъ ввелъ напр. со втораго же года употребленіе молотильныхъ катковъ. Относительно медицинскаго пособія надо сказать, что домъ моей тещи съ давнихъ поръ былъ уже прибѣжищемъ для всѣхъ, кто желалъ получить безплатно совѣтъ и лѣкарство. Я привелъ все это въ правильную по возможности систему, выписавъ хорошія популярныя руководдства, наиболѣе необходимыя лѣкарства и устроивъ огородъ лѣкарственныхъ травъ. Наконецъ, относительно образованія я настоялъ на возобновленіи крестьянской и казачьей школы, закрывшихся было отъ недостатка учебныхъ пособій, снабдивъ школы всѣмъ необходимымъ; и какъ только немного удосужился отъ домашнихъ заботъ и устроилъ удобное для школы помѣщеніе въ своемъ домѣ, то сейчасъ же занялся и самъ обученіемъ.

Надо, впрочемъ, сказать, что первыя столкновенія мои съ мѣстными властями начались именно по поводу обученія. Начались тайные доносы отъ мѣстнаго священника, несмотря на то, что онъ облагодѣтельствованъ былъ и мною и покойнымъ тестемъ. Разумѣется, главнымъ побужденіемъ была зависть. До открытія школъ, нѣсколько человѣкъ преимущественно изъ выгнаннаго и даже разстриженнаго духовенства промышляли безтолковымъ обученіемъ, платя, разумѣется, за это и священнику и мѣстнымъ начальникамъ, такъ какъ не имѣли права обучать. Доносы эти не имѣли, конечно, никакихъ послѣдствій, кромѣ непріятной переписки. Дѣло въ томъ, что главные начальники разныхъ управленій сами уже нуждались во мнѣ. Вскорѣ Чита стала центромъ, куда начали обращаться всѣ за совѣтомъ и указаніемъ. Одни за другими начали являться ко мнѣ и искать у меня, кто нужныхъ свѣдѣній, кто совѣта, начальники гражданскаго и горнаго управленія, коммиссія министерства государственныхъ имуществъ. Кяхтинское купечество, игравшее роль аристократіи въ краѣ, юрисъ-консультъ министерства юстиціи, посланный для изысканій, необходимымъ для составленія уложенія о наказаніяхъ (которое я все прочелъ прежде, нежели оно было обнародовано) ученые путешественники, начальники учебной части по Иркутской губерніи, наконецъ губернаторы, генералъ-губернаторы, архіереи и коммиссія сенаторской ревизіи съ самимъ сенаторомъ во главѣ. Такимъ образомъ, требуя отъ меня мнѣнія и совѣта, они сами были поставлены въ необходимость открывать мнѣ все и сообщать подлинные (иногда самые секретные) документы,—и я мало по малу былъ введенъ во всѣ правительственныя и начальственныя предначертанія и распоряженія и могъ своими мнѣніями и совѣтами измѣнять и направлять ихъ.

У меня всегда было правиломъ приниматься прежде за тѣ предметы, которые болѣе другихъ представляютъ условія для возможности вполнѣ ознакомиться съ ними и непосредственно дѣйствовать на нихъ. Находясь въ Забайкальскомъ краѣ, гдѣ главными предметами была горная промышленность и торговля съ Китаемъ, который соприкасался съ Амуромъ, я и сдѣлалъ все это предметами подробнаго изученія, какъ по отношенію къ собственному ихъ значенію, такъ и къ видахъ государственныхъ и общечеловѣческихъ.

Анализъ горнаго дѣла доказалъ невыгодность ни для казны, ни для народа серебрянаго производтства, гдѣ подъ мнимою выгодою скрывался тяжелый скрытый налогъ и источникъ величайшихъ безпорядковъ и злоупотребленій. Добытыя мною данныя и мнѣніе послужили основаніемъ и повели впослѣдствіи къ полному преобразованію горнаго вѣдомства. Записка, составленная мною по просьбѣ Кяхтинскихъ купцовъ, сохраняетъ ихъ и теперь полное значеніе, и все, что было предвидѣно мною и изложено въ ней, оправдалось въ точности. Наконецъ, изученіе Амурскаго вопроса повело къ полному преобразованію Забайкальскаго края, и указанія мои относительно средствъ пріобрѣтенія и развитія Амура оказались до такой степени предусмотрительными и пра-

вильными, что нынѣ и другами и недругами и даже наконецъ самимъ правительствомъ признано, что вся послѣдующая въ Амурскомъ дѣлѣ неурядица и зло произошли именно отъ тѣхъ уклоненій отъ моихъ указаній, которыя дозволили себѣ исполнители по видамъ личнаго интереса и тщеславія. Особенными случайными эпизодами въ началѣ пребыванія моего въ Читѣ были дѣла: Лунина и фотографическихъ портретовъ.

Лунинъ особенно уважалъ меня. Онъ называлъ меня прирожденнымъ по праву *(par droit et naissance)* будущимъ предсѣдателемъ русскаго учредительнаго собранія, и въ знакъ этого подарилъ мнѣ бронзовый колокольчикъ *(le clochet du président)*. Однажды въ Читѣ, когда я сидѣлъ съ семействомъ своимъ еще за утреннимъ чаемъ, мнѣ доложили, что пришелъ какой-то солдатъ и убѣдительно проситъ сію же минуту допустить его ко мнѣ. Я вышелъ въ прихожую и позвалъ его въ свой кабинетъ.

«Что тебѣ надо»?

«Михайло Сергѣичъ (Лунинъ) приказалъ долго жить».

«Какъ, развѣ онъ умеръ»?

«Нѣтъ, но все равно—его провезли въ Акатуй, и онъ такъ и наказалъ, чтобы именно сказать, что приказалъ долго жить. Онъ просилъ отдать вамъ это», сказалъ солдатъ, подавая мнѣ перстень, «и сказать вамъ, что только на васъ и надѣется, что вы одни будете въ состояніи исполнить всѣ его завѣтныя думы и желанія».

При этихъ словахъ я взглянулъ на говорившаго: такія выраженія были несвойственны простому солдату. Вижу подъ солдатскою шинелью тонкіе панталоны и на ногахъ не солдатскіе сапоги, на что прежде я не обратилъ вниманіе.

«Зачѣмъ вы выдали себя за солдата»?

«Извините, я надѣлъ солдатскую шинель, что-бы не возбудить подозрѣнія, чтобы не замѣтили, что я у васъ былъ. Я—чиновникъ, отвозившій Михаила Сергѣевича въ Акатуй».

Лунинъ былъ поселенъ недалеко отъ Иркутска. Онъ напечаталъ въ одномъ англійскомъ журналѣ статьи, тѣмъ болѣе непріятныя правительству, что оно не могло отвергнуть справедливости ихъ содержанія. Англійскій журналистъ былъ настолько безчестенъ, что, не назвавши лица (котораго, впрочемъ, онъ можетъ быть и не зналъ), выдалъ за деньги то обстоятельство, что статьи были присланы изъ Восточной Сибири. Этого достаточно было, чтобы навести правительство на слѣдъ. Прежде всего ясно было, что статьи такого рода могли быть только отъ кого нибудь изъ насъ. Начали перебирать всѣхъ, о комъ знали, что онъ знаетъ англійскій языкъ. Дѣлали запросъ и мнѣ; но, разумѣется, юридическихъ доказательствъ ни противъ кого не могли найти. Только Лунинъ имѣлъ неосторожность написать сестрѣ своей, чтобы ему высылали этотъ самый журналъ. Это дало уже ближайшее указаніе. Когда пріѣхали къ нему съ обыскомъ, онъ объявилъ самъ себя авторомъ статей, не желая уже, чтобы тревожили всѣхъ по неосновательному подозрѣнію. Носились слухи, что Государь приказалъ было разстрѣ-

лять Лунина, но что ему объяснили, что нельзя же сдѣлать этого безъ суда, а судъ принужденъ будетъ подтвердить содержаніе статей. Вслѣдствіе этого и приказано было его запереть въ Акатуй, гдѣ онъ и умеръ.

Исторія съ фотографическими портретами глупо-смѣшна, и я привожу ее только для того, чтобы показать, съ какими людьми намъ приходилось иногда имѣть дѣло. Вдругъ получаю я запросъ: Не снималъ-ли я помощію дагеротипа портрета Государя въ карикатурномъ видѣ?—Для меня ясно было, что подобная чепуха могла быть только слѣдствіемъ совершеннаго неразумѣнія дѣла писавшихъ подобный запросъ, которые, какъ я зналъ по опыту частныхъ обращеній ихъ ко мнѣ, совершенно теряются всегда, когда дѣло идетъ объ обсужденіи чего нибудь, выходящаго за предѣлы обычныхъ канцелярскихъ дѣлъ. Я ничего не отвѣчалъ, а дождался очередняго пріѣзда въ Читу исправника и послалъ за нимъ.

«Что это вы такое напутали въ бумагѣ ко мнѣ»? спросилъ я его, «покажите мнѣ, что вы сами-то получили по этому дѣлу».

«Помилуйте, этого никакъ нельзя: вѣдь это государственный секретъ».

«Да поймите вы, что я васъ спрашиваю не для любопытства, а оберегая васъ самихъ. Если я буду отвѣчать на вашъ запросъ, и изъ моего отвѣта увидятъ, какую чепуху вы нагородили, то вамъ, повѣрьте, очень достанется».

Послѣ нѣкоторыхъ еще отнѣкиваній онъ согласился, наконецъ, показать мнѣ подлинныя предписанія. Что же вышло? Получивъ въ одномъ пакетѣ двѣ бумаги по совершенно разнымъ дѣламъ, Нерчинское мѣстное начальство, не зная ни дѣла, ни названій, тогда еще новыхъ, приняло обѣ бумаги за относящіяся къ одному дѣлу и неудачно слило ихъ въ одномъ общемъ запросѣ. Дѣло въ томъ, что въ это время разъѣзжало по Сибири много иностранцевъ по разнаго рода промышленностямъ. Одинъ французъ, ѣздившій съ новымъ тогда еще инструментомъ, дагеротипомъ, вздумалъ сдѣлать спекуляцію изъ нашихъ портретовъ и составилъ цѣлую коллекцію; а итальянцы, развозившіе картины для продажи, продавали (впрочемъ и сами можетъ быть того не зная) нѣкоторые портреты Государя, составленные такъ, что черты гравировки, разсматриваемыя въ микроскопъ, представляли разныя неприличныя вещи, на подобіе того, какъ нѣкогда гравированъ былъ портретъ Бонапарта. Когда французъ, снявши портретъ съ нашихъ товарищей (исключая меня, потому что въ Нерчинскомъ краѣ онъ не былъ), пріѣхалъ обратно въ Петербургъ, то какъ-то поссорился со своимъ помощникомъ, и тотъ сдѣлалъ на него доносъ. Его обыскали и отобрали у него портреты. Въ то же время какіе-то другіе продавцы картинъ изъ соперничества сдѣлали доносъ и на итальянцевъ, продававшихъ портреты Государя. И вотъ вслѣдствіе этого и предписано было тайно отбирать какъ тѣ, такъ и другіе портреты у всѣхъ, у кого они найдутся. Не зная еще ничего о дагеротипѣ, который былъ тогда нововведеніемъ, не зная и того, что онъ былъ изобрѣтенъ недавно, Нерчинскіе начальники вообразили себѣ, что дѣло идетъ о какихъ

нибудь портретахъ, которые декабристы снимали прежде и распространяли посредствомъ тайныхъ обществъ, какъ и покаялся мнѣ въ томъ чистосердечно исправникъ.

II.

Немного времени прожилъ я въ Читѣ, какъ уже начало выступать мое личное значеніе, вполнѣ независимое отъ нашего общаго значенія. Надо сказать, что въ началѣ каждый изъ насъ пользовался извѣстною долею того значенія и той репутаціи, которыя пріобрѣлъ казематъ вообще. Отъ каждаго изъ насъ ожидали всего хорошаго уже потому, что мы пріѣзжали изъ каземата. Но къ несчастію вскорѣ поступки нѣкоторыхъ изъ нашихъ товарищей стали обнаруживать, что и нахожденіе въ казематѣ не представляло еще безусловнаго ручательства. Я не говорю уже о дѣйствіяхъ тѣхъ людей, которые и для каземата составляли невыгодную примѣсь, вредившую нашей репутаціи во время нахожденія нашего еще въ казематѣ, но къ сожалѣнію многіе изъ тѣхъ даже, которые держали себя хорошо, пока жили въ кругу товарищей, не умѣли выдержать одиночества и вдались во многое неприличное, когда остались одни безъ поддержки.

Здѣсь надобно впрочемъ замѣтить, что не столько вредили людямъ ихъ личные недостатки, обычные и другимъ (напр. разгулъ, пьянство и пр.), сколько то обстоятельство, что многіе впали въ противорѣчіе съ главнымъ нравственнымъ своимъ принципамъ. Иные, чтобы добиться возвращенія въ Россію, вступили въ службу и сдѣлались орудіями того самого управленія, которое осуждали. Другіе поступили на службу въ винный откупъ, и вообще пустились ради интереса въ такія занятія и обороты дѣлавшіе ихъ товарищами людей, которыхъ правила были совершенно противоположны нашимъ, и не менѣе того усвоились и нашими товарищами, подчинявшимися имъ по необходимости, коль скоро они вступили на тотъ путь, гдѣ выгода могла быть извлекаема единственно чрезъ приложенія этихъ правилъ, т. е. всяческими злоупотребленіями. Благодаря Бога, я удержалъ себя отъ всего этого, и потому-то въ то время, какъ мои товарищи начали уже сердиться на меня за постоянное обличеніе противорѣчій, въ которые они впали, общее довѣріе ко мнѣ возрастало именно по поводу сравненія моихъ дѣйствій съ ихъ дѣйствіями.

«Отчего это иркутскіе товарищи Дм. Ир. что-то не жалуютъ его?» спросилъ одинъ изъ новопріѣзжихъ Забайкальскаго губернатора.

«Оттого, что онъ вовсе не похожъ на нихъ», отвѣчалъ тотъ.

На наше нравственное значеніе я никогда не смотрѣлъ, какъ на нашу личную собственность, которою мы могли располагать по произволу; я считалъ ее ужъ тѣмъ достояніемъ государства, на которое никто, ни мы сами даже, посягать не имѣли уже права. Уже выше гдѣ-то я сказалъ, что законное дѣйствіе партій для меня заключалось до тѣхъ поръ, пока онѣ смотрѣли на себя какъ на относительное орудіе для

служенія отечеству, и потому никогда не ставилъ партіи выше отечества. Поэтому-то я никогда и не былъ человѣкомъ партіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ выгодно имъ быть, т. е. никогда не могъ извинятъ, скрывать и оправдывать непохвальныхъ дѣлъ только потому, что они совершаются лицами своей партіи. Либерализмъ не былъ для меня дѣломъ партіи, и дурныя дѣла, совершаемыя тѣми, кто выдавалъ себя и считался за представителей его, подпадали тѣмъ сильнѣйшему моему осужденію, что у нихъ не было извиненія въ безсознательности дѣйствій, какъ у людей, никогда не разсуждавшихъ объ истинныхъ основахъ благосостоянія государственнаго и общественнаго. Относясь строго къ своимъ товарищамъ, я тѣмъ строже еще долженъ былъ отнестись къ полякамъ не только за ихъ противорѣчіе съ либеральными идеями, которыхъ они также выдавали себя партизанами, но и за право, которое они присвоивали себѣ вредить Россіи, подъ предлогомъ вражды къ правительству. Привлекая сочувствіе русскихъ либеральными идеями, они пустились извлекать себѣ выгоду даже изъ всѣхъ возможныхъ административныхъ злоупотребленій и сдѣлались сознательными орудіями людей, наиболѣе угнетавшихъ народъ. Въ тѣхъ-же дѣйствіяхъ, которыя позволяли они себѣ подъ предлогомъ дѣйствій противъ правительства, они дошли до того, что одинъ изъ нихъ (Хлопицкій [1]), сталъ дѣлать и сбывать фальшивыя ассигнаціи. Когда я сталъ упрекать за это его товарищей, они пытались оправдывать это обязанностію вредить правительству и излагали то ученіе, которое потомъ сдѣлалось извѣстнымъ подъ названіемъ польскаго катехизиса. Я обличалъ ихъ тѣмъ, что люди и въ величайшихъ заблужденіяхъ могутъ доказывать свою искренность тѣмъ, что жертвуютъ собою и своею собственностью за свои убѣжденія, какъ бы они ни были ошибочны. Но кто извлекаетъ изъ этого выгоду себѣ, тотъ уже не имѣетъ права ссылаться на убѣжденія, иначе всякій воръ будетъ въ правѣ это дѣлать. Вотъ почему относительно политическихъ ссыльныхъ поляковъ я поступалъ всегда такъ, что, дѣлая для каждой личности, какъ человѣкъ, все, что могъ, для облегченія его участи и удовлетворенія законныхъ просьбъ, я въ то же время энергически сопротивлялся всякому ихъ дѣйствію, вредному для народа и Россіи. Поэтому они возненавидѣли мѣня не хуже обличаемыхъ начальниковъ, и тѣхъ изъ нашихъ товарищей, которые ради выгоды отступили отъ своихъ правилъ. И вотъ, мало по малу на общей почвѣ интереса сомкнулись въ общій кружокъ всѣ люди, вредившіе народу, и потому заочно враждовавшіе противъ меня, какъ противъ главнаго обличителя ихъ и помѣхи. Къ этому присоединилось и самолюбіе, оскорбляемое тѣмъ, что приписывали моей гордости: «Онъ не хочетъ знать своихъ теварищей», жаловались мои товарищи, забывая, что никто для нихъ столько не сдѣлалъ и не продолжалъ дѣлать [2]), какъ я,

---

[1]) Хлопицкій былъ высѣченъ за это кнутомъ, но по недосмотру ему было возвращено дворянство при коронаціи, въ числѣ прочихъ поляковъ, которые были изъ дворянъ.

[2]) Все, что было законнаго и правильнаго въ ихъ просьбахъ, я исполнялъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ письма Бестужевыхъ, Горбачевскаго, обоихъ Кюхельбекеровъ

«Мы такіе-же либералы и за то же пострадали, товарищи его считаютъ насъ за своихъ; одинъ только онъ стоитъ какимъ-то недоступнымъ», кричали поляки. «Отчего-же его товарищи ведутъ съ нами компанію», говорили чиновники, «только онъ одинъ смотритъ на насъ свысока? И что ему за дѣло до нашихъ дѣлъ: вѣдь вотъ его товарищи не мѣшаются же ни во что, и также пользуются всѣмъ, что случится, какъ и мы грѣшные».

Мудрено ли послѣ этого, что эти люди прибѣгали ко всѣмъ непозволительнымъ средствамъ, чтобы вредить мнѣ; но самая сила этой вражды, самая эта исключительность, въ какой я стоялъ, только укрѣпила довѣріе ко мнѣ народа и служила къ моему возвышенію. Опытъ постоянно доказывалъ, что самая клевета этихъ людей была неискренняя, искусственная, потому что не было примѣра, чтобы кто нибудь изъ наиболѣе враждовавшихъ ко мнѣ людей задумался бы обратиться ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ, коль скоро ему самому приходилось имѣть нужду ко мнѣ, и тѣмъ самымъ не доказывалъ бы, что самъ нисколько не вѣрилъ той клеветѣ, которую распространялъ, а вполнѣ зналъ, напротивъ, что все это выдумано и сочинено по враждѣ. Здѣсь кстати сказать, что и въ Сибири произошло то же явленіе, которое такъ повсемѣстно замѣчается у поляковъ въ Польшѣ и въ Западномъ краѣ, населенномъ поляками и евреями. Ссыльные политическіе поляки сейчасъ сошлись въ Сибири съ жидами, сосланными за нравственныя преступленія: за воровство, дѣланіе и сбытъ фальшивыхъ ассигнацій и пр., и стали за одно съ ними участвовать во всѣхъ нечистыхъ дѣлахъ, употребляя ихъ въ свою очередь своими орудіями, какъ сами служили орудіями для злоупотребленій администраціи. Если поляку удалося втереться въ писаря къ исправнику, къ засѣдателю или тѣмъ болѣе въ волостные писаря, то по всѣмъ нечистымъ дѣламъ у него факторами были жиды. Вслѣдствіе всего вышесказаннаго создалось въ Восточной Сибири такое общее положеніе: если начальники искренно или неискренно говорили о пользѣ, о правдѣ, о благѣ народа, объ улучшеніяхъ и пр., они обращались ко мнѣ. Я никогда и никому не отказывалъ ни въ совѣтѣ, ни въ содѣйствіи. Но такъ какъ никто не имѣлъ личнаго права на мои услуги, и я могъ дѣйствовать только, служа безкорыстно общему благу, то я и не могъ допускать, чтобы кто нибудь осмѣливался дѣйствія мои на общую пользу обращать на свою исключительную. Поэтому я всегда зорко смотрѣлъ на дѣйствія начальниковъ, и при первой попыткѣ ихъ употребить мой трудъ на ихъ выгоду ко вреду народа, они немедленно встрѣчали меня съ моимъ энергическимъ обличеніемъ и противодѣйствіемъ. Тогда они, безуспѣшно попытавшись остановить меня обольщеніемъ выгоды или угрозами, переходили къ тому, что искали себѣ союзниковъ въ людяхъ, враждующихъ

и пр. Кто проѣзжалъ чрезъ Читу, не искалъ гостепріимства въ другомъ домѣ кромѣ моего. Дочь Трубецкаго, кн. Волконская, В. Кюхельбекеръ съ семействомъ были вполнѣ въ моей заботѣ. М.Б естужевъ жилъ у меня цѣлый мѣсяцъ, и когда онъ «плавалъ на Амурѣ» извлекая себѣ всѣ выгоды, я съ собственными расходами хлопоталъ о его дѣлахъ.

противъ меня, и начинали заискивать у нихъ популярность, кокетничая съ тѣми изъ декабристовъ и изъ соціалистовъ, (а въ особенности съ поляками), которымъ не только не противны были дурныя дѣла начальниковъ, но которые и сами извлекали еще изъ нихъ свою выгоду.

Значеніе мое выказалось уже въ полномъ свѣтѣ, когда прибыла въ Сибирь сенаторская ревизія. Уже и до тѣхъ поръ, когда кто пріѣзжалъ въ Сибирь для ученыхъ-ли или для правительственныхъ цѣлей, и желалъ знать, гдѣ и отъ кого можетъ лучше узнать положеніе вещей и получить точныя свѣдѣнія и болѣе правильный совѣтъ, то указывали уже всегда на меня, иногда даже и люди, враждовавшіе противъ меня, но вынуждаемые отношеніями своими къ спрашивающему лицу дать искренній совѣтъ. Такъ обращаемы были ко мнѣ и коммиссія государственныхъ имуществъ, и архіерей и члены ученыхъ экспедицій и разные вновь пріѣзжавшіе начальники. Такъ Иванъ Ивановичъ Пущинъ, мой товарищъ, самъ юристъ и бывшій предсѣдатель надворнаго суда въ Москвѣ, сказалъ откровенно брату своему, юрисконсульту, посланному министромъ юстиціи, что я могу быть ему гораздо полезнѣе и по этой части, нежели онъ или кто нибудь въ Сибири.

Еще я долженъ упомянуть здѣсь объ одномъ обстоятельствѣ. Я часто получалъ правильныя свѣдѣнія изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ, изъ которыхъ администраціи доставлялись самыя неправильныя. Писаря всѣхъ центровъ управленія въ краѣ были у меня на жалованьѣ и доставляли мнѣ не только точныя свѣдѣнія, которыя я требовалъ, но иногда и такія которыхъ я не ожидалъ отъ нихъ,—а, разумѣется, жалованья я не могъ же еще давать слишкомъ большаго. Вотъ и спросилъ я однажды волостнаго писаря Татауровской волости, отчего это они мнѣ доставляютъ очень удовлетворительныя свѣдѣнія, а въ окружное управленіе посылаютъ какую-то безсмыслицу. «Извѣстное дѣло, сударь», отвѣтилъ онъ, «вы деньги платите, и всѣ мы знаемъ, что не отъ богатства какого, стало быть, это вамъ дѣйствительно нужно. Къ тому же вы и за народъ стоите, ну и поусердствуешь иногда и не для денегъ только. Да вы и растолковать умѣете хорошо, какъ что и зачѣмъ,—и самому станетъ интересно; и подумаешь иной часъ вѣдь вотъ сколько лѣтъ писали и писали цифры только и ничего въ нихъ не видѣли, а вы вотъ растолковали, какъ тутъ вывести изъ нихъ и то и другое. А управленіе наше что? Знаемое дѣло: велятъ писать «статистику». Ну вотъ примешься иногда за дѣло, какъ и слѣдуетъ, посадишь толковаго человѣка. А тутъ бумаги; то дѣло немедленно другое немедленно, все немедленно и все съ угрозою, что если не скоро, то пришлютъ нарочнаго на прогонахъ на твой счетъ. И иной разъ въ самомъ дѣлѣ кабы что нужное было, а то требуютъ свѣдѣній, которыя давнымъ давно у нихъ есть, только бы порыться въ шкафу. А то нѣтъ: валяй приказъ въ волостное правленіе; пусть снова пришлютъ. Ну такъ и оторвешь отъ «статистики» всѣхъ дѣльныхъ людей и посадишь какого мальчишку: знаешь, все съ рукъ сойдетъ. Вѣдь тамъ не повѣряютъ, не то что другое дѣло, гдѣ наврешь, такъ и отвѣтишь, пожалуй».

Такъ-то и вышло, что однажды въ высшей только инстанціи замѣтили въ таблицахъ, что въ числѣ народонаселенія стоитъ—ревизскихъ души. Никакъ не могли понять, какъ это случилось. Надо было добраться до самыхъ низшихъ инстанцій, даже до черновыхъ бумагъ. А случилось очень просто: перепутали столбцы и число населенія поставили въ столбецъ засѣянныхъ десятинъ, а число засѣянныхъ десятинъ въ столбецъ о населеніи, и въ каждой дальнѣйшей верхней инстанціи все переписывали и переписывали, да отсылая далѣе подписывали безъ провѣрки; кому и когда досугъ повѣрять?

Этотъ опытъ мой съ волостными писарями доказалъ однако-же, что есть средства извлекать пользу и изъ такихъ орудій, какъ упомянутыя выше, если только дать имъ должное разумѣніе дѣла и заинтересовать ихъ въ хорошемъ исполненіи дѣла собственною ихъ выгодою.

Я выше уже сказалъ, что даже наиболѣе враждовавшіе противъ меня начальники всетаки всѣми средствами хоть косвенно старались однако вызнать мое мнѣніе о всякомъ важномъ для нихъ дѣлѣ и очень дорожили моимъ одобреніемъ, очень бывали рады, если къ числу аргументовъ могли прибавить такой, считавшійся непреодолимымъ: «Самъ Завалишинъ такъ думаетъ». Тѣмъ охотнѣе должна была обратиться ко мнѣ сенаторская ревизія, которая не была солидарна съ дурными дѣлами администраціи и пріѣхала повѣрять ихъ, но совершенно терялась въ хаосѣ показаній, противорѣчащихъ по различію интересовъ, а сама не имѣла нужныхъ свѣдѣній ни о краѣ, ни безпристрастныхъ отзывовъ о людяхъ, которые могли бы служить ей руководною нитью. Необходимость обратиться ко мнѣ представилась имъ еще тѣмъ сильнѣе, что прежде, чѣмъ они добрались до Забайкалья, они успѣли уже надѣлать не мало ошибокъ и хотя лесть по невѣжеству и разсчету и успѣла уже отуманить ихъ воскуряемымъ имъ ѳиміамомъ, однако же ничтожность добываемыхъ результатовъ явно показывала имъ, что если они будутъ все идти только тѣмъ путемъ, какъ шли, то ревизію прямо можно назвать безуспѣшною, о чемъ уже доходили до нихъ голоса и изъ Петербурга.

По такимъ-то соображеніямъ сенаторъ Иванъ Николаевичъ Толстой и рѣшился вступить въ сношенія со мною и для этого воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что старшій чиновникъ ревизіи, статскій совѣтникъ Тиле, инспекторъ врачебной управы въ Казани, былъ сосѣдъ по имѣнію моей мачихи и человѣкъ, знакомый нашему дому; а другой его чиновникъ, отставной майоръ, по фамиліи также Толстой, считалъ себя даже какъ-то въ родствѣ съ нашею мачихою, урожденною Толстою. И вотъ въ 1844 г. лѣтомъ явился ко мнѣ въ домъ г-нъ Тиле въ сопровожденіи своего сына и другого сенаторскаго чиновника Варендта, сына моего учителя англійскаго языка, и послѣ пышныхъ комлиментовъ, объяснивъ затрудненіе, въ которомъ находится ревизія, обратился ко мнѣ съ прямой просьбою отъ имени сенатора пособить имъ во имя общаго блага, «которому я такъ ревностно и безкорыстно служу». Онъ присовокупилъ, что

сенаторъ вполнѣ понимаетъ затруднительность своей просьбы, и какъ тяжело для его деликатности просить человѣка, который уже по самому положенію не только не можетъ разсчитывать на какую нибудь награду, но даже на то, что будетъ извѣстенъ его трудъ на пользу общую; но что онъ не менѣе того смѣло обращается ко мнѣ, зная, до какой степени я жертвую собой для блага общаго.

Какъ въ проѣздъ свой въ Нерчинскъ, такъ и на обратномъ пути, Тиле проводилъ по нѣскольку дней въ Читѣ въ постоянной почти бесѣдѣ со мною. Я показалъ ему, что все, что они до тѣхъ поръ дѣлали, ни къ чему не ведетъ, кромѣ безплодныхъ расходовъ казны на ревизію, что дѣло вовсе не въ томъ, чтобы подловить во взяткѣ какого-нибудь мелкаго чиновника, или въ контрабандѣ купца, что гораздо достойнѣе будетъ ревизіи взглянуть на общія причины зла и найти средства устранить ихъ; что нечего еще толковать о честности мелкихъ людей, когда сами генералъ-губернаторы еще воруютъ; что съ другой стороны надо принять во вниманіе совершенно измѣнившіяся уже обстоятельства Сибири и пріискать для нея такое устройство, которое не только бы соотвѣтствовало потребностямъ настоящаго, но содѣйствовало и видамъ будущаго, напр., средство пріобрѣтенія Амура и Татарскаго берега, что дѣлается уже неотлагательною потребностью. Когда я окончилъ полное изложеніе своихъ идей и доказательствъ, Тиле сказалъ: «Мы были слѣпые и ходили во тьмѣ. Вы открыли намъ глаза и только при свѣтѣ вашихъ идей мы можемъ видѣть, въ чемъ дѣло; убѣдительно прошу васъ изложить все это на письмѣ. Я отдамъ приказаніе, чтобы это было немедленно переслано въ коммиссію».

Тогда-то и была написана та меморія, которая нерѣдко потомъ упоминалася даже и въ печати, но которой нельзя было мнѣ напечатать, потому что два единственные экземпляра находились одинъ въ рукахъ сенатора, а другой въ рукахъ Муравьева. Со всѣмъ тѣмъ достовѣрность содержанія ея, на которое я впослѣдствіи ссылался, никогда не могла быть подвержена сомнѣнію, и опровергнута, потому что и Муравьевъ никогда не осмѣлился ее напечатать, что онъ непремѣнно сдѣлалъ бы, если, бы мои указанія были въ чемъ несогласны съ содержаніемъ меморіи, хотя я и принужденъ былъ писать по памяти. Этою меморію были опредѣлены всѣ послѣдующія дѣйствія во всемъ, что было въ нихъ разумнаго: показаны значеніе и новыя потребности Сибири и опредѣлено новое устройство Забайкальскаго края, какъ для его благосостоянія, такъ и въ видахъ приготовленія къ раціональному занятію и устройству Амура.

Здѣсь кстати будетъ разсказать, какъ трудно вводить новыя идеи, и какое недоразумѣніе можетъ порождаться при незнаніи историческаго хода дѣла. Тиле просилъ меня изложить мои идеи, что можно сдѣлать немедленно для улучшенія администраціи и быта народа въ ожиданіи коренныхъ преобразованій. Въ запискѣ, составленной мною, въ числѣ прочихъ мѣръ (учрежденія школъ, освобожденія хозяйства отъ стѣсненій, строгаго опредѣленія повинностей и пр.) я предложилъ отнять у администраціи право телес-

ныхъ наказаній, которымъ она злоупотребляла до крайности, доводя ихъ до степени пытки относительно мужчинъ и до наглаго безстыдства относительно женщинъ.

«Что вы, какъ, это можно, Дмитрій Иринарховичъ», сказалъ мнѣ Тиле, прочитавъ записку, «да эдакъ насъ примутъ за революціонеровъ».

«Въ такомъ случаѣ, надѣюсь, вы согласитесь по крайней мѣрѣ на ограниченіе».

«Ну, это пожалуй».

Тогда записка была передѣлана въ этомъ смыслѣ; и нашлись же люди, которые увѣряли, что я одобряю тѣлесное наказаніе, такъ же, какъ старались найти безчеловѣчіе въ предложенномъ мною впослѣдствіи уничтоженіи ссылки въ Сибирь.

Въ мартѣ 1845 г. пріѣхало въ Читу проѣздомъ цѣлое отдѣленіе сенаторской ревизіи, назначенное для ревизіи Забайкальскаго края. Въ два часа ночи меня разбудили. Земскій управитель пришелъ отъ нихъ съ порученіемъ. Они просили позволенія придти ко мнѣ и извинялись напередъ въ своемъ поступкѣ, что рѣшились безпокоить меня въ такой часъ, но что желаніе ихъ видѣть меня и познакомиться со мною такъ велико, что они рѣшились скорѣй подвергнуться упреку въ невежествѣ, нежели проѣхать Читу, не видавши меня; а что имъ останавливаться до слѣдующаго дня нельзя, такъ какъ они къ опредѣленному дню должны быть въ Нерчинскомъ главномъ заводѣ и приготовить все къ открытію ревизіи горнаго вѣдомства до пріѣзда сенатора. Жена моя была въ это время не совсѣмъ здорова, и вообще я ни для чего не хотѣлъ нарушать спокойствія семейства. Поэтому я отвѣчалъ, что принять ихъ у себя никакъ не могу, а чтобы удовлетворить ихъ желанію познакомиться со мною, приду къ нимъ самъ. Я нашелъ Владиміра Дмитріевича Философова (впослѣдствіи генералъ-аудитора арміи, что соотвѣтствуетъ министру юстиціи для войска), графа Александра Карловича Сиверса (впослѣдствіи Харьковскаго и Московскаго губернатора), барона Ферзена, бывшаго потомъ губернаторомъ въ царствѣ Польскомъ, и Бартенева, котораго всѣ четыре сестры фрейлины. Когда они стали разсказывать мнѣ свои подвиги, какъ они ловили въ злоупотребленіяхъ мелкихъ чиновниковъ, я, выслушавъ ихъ, окатилъ ихъ, какъ говорится, ушатомъ холодной воды, сказавъ имъ, что это не стоитъ и вниманія, и вслѣдъ затѣмъ объяснилъ имъ всѣмъ то же, что сказалъ и Тиле.

Наконецъ, пріѣхали и самъ сенаторъ. Свиданіе между нами устроено было такимъ образомъ, что ко мнѣ пришелъ съ визитомъ, какъ будто бы къ родственнику, сопровождавшій сенатора отставной военный Толстой; а я пошелъ потомъ отдать ему визитъ, и въ это время зашелъ въ его комнату и сенаторъ, какъ бы случайно, отдать ему какія-то бумаги. Мнѣ смѣшны были всѣ эти мелочныя предосторожности, но сенаторъ извинялся тѣмъ, что и вообще, и особенно по враждебному его отношенію къ генералъ-губернатору Руперту, за нимъ самимъ наблюдаютъ и, конечно, воспользуются малѣйшею его неосторожностью, чтобы заподозрить его въ глазахъ такого подозрительнаго чело-

вѣка, какъ Государь, во всемъ, что относится до насъ, и тѣмъ болѣе, что слухи о необычайномъ моемъ нравственномъ вліяніи дошли уже и до Петербурга.

Чего же боялось однако правительство отъ моего нравственнаго вліянія, хотя оно и не могло доказать, что оно вредно? Опытъ снова доказалъ, что никакія внѣшнія стѣсненія не могутъ остановить вліянія нравственной силы. Когда впослѣдствія я читалъ разсужденія комитета министровъ, государственнаго совѣта и наконецъ резолюцію самого Государя, выраженныя буквально моими словами, взятыми изъ составленныхъ мною для сенатора записокъ, то понятно, какія думы должно было это возбуждать во мнѣ, а болѣе всего рѣзко выдающееся изъ этого новое свидѣтельство о тщетности всѣхъ усилій внѣшней силы бороться съ дѣйствительною нравственною силою, и, разумѣется, это не могло не ободрить меня и не поддерживать на избранномъ мною пути.

Одинъ за другимъ являлись потомъ ко мнѣ знакомится князь Голицынъ, князь Шаховской, Безобразовъ, Таскинъ и др. Отношенія мои къ чиновникамъ сенаторской ревизіи были самыя дружественныя. Они по словамъ ихъ, отдыхали душою въ моемъ домѣ, находя величайшую отраду въ этомъ, какъ они выражались, оазисѣ, высшей цивилизаціи, среди безотрадной степи въ нравственномъ отношеніи. Они не только останавливались всегда нарочно для меня,—проѣзжая чрезъ Читу по дѣламъ, но даже пріѣзжали часто издалека хоть на короткое время собственно для того, чтобы повидаться со мною. Ихъ привлекало даже самое семейство мое, въ которомъ, какъ говорили опи, они нашли такое рѣдкое соединеніе простоты жизни, естественности отношеній съ дѣйствительно высокою образованностью. Не было конца и словеснымъ и письменнымъ поздравленіямъ ихъ, что я такъ удачно разрѣшилъ такую трудную задачу, которая всѣмъ мыслящимъ людямъ является, какъ идеалъ самаго отдаленнаго будущаго. Мое семейство также очень привыкло къ нимъ и считало ихъ какъ-бы за своихъ; я былъ тѣмъ болѣе радъ, что до тѣхъ поръ, кромѣ прогулокъ, оно почти не имѣло никакого развлеченія. Составъ Читинскаго общества былъ таковъ, что не только сближеніе, но даже знакомство ни съ кѣмъ почти не было возможно. Если у насъ и бывалъ еще кто-нибудь, то изъ нашей семьи, кромѣ меня и тещи, никто никуда не ходилъ, и жена моя и ея сестры не могли находить общества равнаго себѣ по образованію и по приличію.

Но въ то время, какъ домъ мой такъ оживился и труды мои по устройству домашней жизни и образованію семейства обнаружили такіе блестящіе плоды, мнѣ готовилось тяжелое испытаніе, которое разомъ уничтожило наше домашнее счастіе, какъ бы показывая мнѣ, что оно не для меня на землѣ, и что ничто земное не должно связывать меня, что-бы тѣмъ безпрепятственнѣе я могъ служить общественному дѣлу. Я говорю о продолжительной болѣзни и смерти моей жены.

Стремленіе чувства покойной жены ко мнѣ искало себѣ высшаго удовлетворенія въ томъ, чтобы дать мнѣ всевозможныя, самыя несомнѣнныя доказательства такой любви,

которая не страшится никакихъ испытаній, не отступитъ ни предъ какими препятствіями, а тѣмъ болѣе предъ ложнымъ мнѣніемъ своего круга. И вотъ въ то время, когда даже изъ простаго званія не рѣшались ни отдавать, ни выходить замужъ за людей опальныхъ или по меньшей мѣрѣ требовали въ замѣну того большаго денежнаго обезпеченія, когда въ обычаѣ страны было, что дочь не знала, бывало, что ее выдаютъ и за кого выдаютъ, до того времени, пока не приступятъ родители къ свадебнымъ обрядамъ, въ это время нашлась дѣвица, стоявшая сравнительно въ самомъ высшемъ положеніи, которая рѣшилась выдти за политическаго ссыльнаго, отвергнувъ всѣ другія партіи, завидныя по обычному мнѣнію, и хотѣла выдти именно въ то время, когда этотъ ссыльный находился еще въ тюремномъ заключеніи, чтобы ей и самой раздѣлять его съ нимъ. Но для этого, какъ мы видѣли, было такое препятствіе, которое казалось неодолимымъ. Можно-же себѣ представить, какъ должна она была обрадоваться, когда мнѣ удалось преодолѣть всѣ эти препятствія, и ей явилась возможность дать мнѣ такое желанное и открытое доказательство своей любви, чтобы пріѣхать ко мнѣ издалека и вступить въ супружество въ казематѣ.

Къ несчастію ея, она встрѣтила препятствіе къ исполненію своего желанія оттуда, откуда она совсѣмъ и не могла ожидать. Ея матери хотѣлось, чтобы я жилъ при ней и занимался ея дѣлами. Собственно въ этомъ желаніи не было ничего неестественнаго, такъ какъ она была несчастлива въ сыновьяхъ, мало думавшихъ о родныхъ и совершенно почти отдалившихся отъ семейства. Ошиблась она и въ богатыхъ зятьяхъ своихъ, которые не только не думали помогать ей, но еще старались извлечь всевозможную выгоду изъ своихъ отношеній къ ней. Съ моей стороны и жена моя, и я готовы были, конечно, исполнить ея желаніе; и я самъ не хотѣлъ бы отрывать жены отъ ея семейства, пока оставался въ Сибири и не могъ увезти ее въ Россію въ соотвѣтственное ей общество. Конечно, лично для меня было бы и пріятнѣе и выгоднѣе быть въ другомъ мѣстѣ, гдѣ я могъ бы найти и товарищей своихъ, и умственныя средства, и болѣе выгодныя занятія. Но я сказалъ женѣ своей, что за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда отъ меня потребуетъ того высшее служеніе, всѣ мои дѣйствія будутъ посвящены на ея благо, съ полнымъ устраненіемъ всего, что относится собственно къ моей личности. Итакъ, ни въ моихъ намѣреніяхъ, ни въ желаніяхъ жены моей не было препятствій къ исполненію желаній ея матери. Но вмѣсто того, чтобы дождаться, что мы сдѣлаемъ это сами добровольно, мать ея вздумала достигнуть этого уловкою, которою поставила свою дочь въ ту трагическую коллизію между мужемъ и матерью, которая, при ея рѣдкой чувствительности и совѣстливости, нравственно изнуривъ ее, подорвала основы внутренней жизни, разстроила ея здоровье слѣдствіемъ нравственной истомы и хотя медленнымъ, но неотвратнымъ путемъ привела ее къ кончинѣ въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ и умственнаго и нравственнаго развитія, возвышавшихъ ея духъ до яснаго созерцанія истины вещей и въ настоящемъ и въ будущемъ.

Опасаясь, что если она сама привезетъ свою дочь въ Петровскій заводъ и тамъ выдастъ ее замужъ, то мы, пожалуй, при выходѣ моемъ на поселеніе и не пріѣдемъ въ Читу, мать моей жены на извѣщеніе мое о разрѣшеніи женитьбы, посланное съ курьеромъ, который долженъ былъ и проводить ее и мою невѣсту изъ Читы въ Петровскій заводъ, отвѣчала, что невѣста моя очень больна и отправиться въ дорогу не можетъ.

Между тѣмъ я сдѣлалъ уже всѣ распоряженія къ пріему невѣсты и къ свадьбѣ. Домъ былъ нанятъ и меблированъ; всѣ необходимыя для нея вещи были выписаны; расходы были по моимъ средствамъ очень значительные и взяты изъ тѣхъ средствъ, которыя будутъ очень нужны при устройствѣ на поселеніи, и вдругъ все это оказывается ненужнымъ, а требуются расходы совсѣмъ другого рода. Повѣривъ извѣстію о болѣзни моей невѣсты, я, разумѣется, и не подумалъ о напрасныхъ приготовленіяхъ, но устремилъ всѣ свои усилія на то, какъ бы доставить ей своевременную помощь. И вотъ снова поскакалъ курьеръ съ медицинскими пособіями, какія только можно было придумать при общихъ неопредѣленныхъ указаніяхъ, что невѣста моя больна отъ простуды. Между тѣмъ, какъ время проходило въ такомъ безпокойствѣ для меня, въ хлопотахъ и напрасныхъ ожиданіяхъ, наступалъ срокъ отправленію нашему на поселеніе. Я ускакалъ, сломя голову, прежде всѣхъ и по ближайшему же почтовому тракту въ Читу. Я нашелъ невѣсту мою очень измѣнившеюся по наружности, что и приписалъ ея недавной болѣзни. Поэтому, несмотря на всѣ ея настоянія, хотѣлъ дать ей оправиться и для этого отложилъ свадьбу на мѣсяцъ.

Вскорѣ послѣ свадьбы жена моя видимо стала поправляться. Радость отъ исполненія, наконецъ, ея желанія, спокойствіе домашней жизни и внѣшнее и внутреннее улучшеніе ея подѣйствовали на нее благотворно. Она какъ-бы снова разцвѣла и явилась на нѣкоторое время въ прежнемъ видѣ, въ полномъ блескѣ молодости и красоты, и ревностно принялась за ученіе; но скоро потомъ она стала впадать въ какую-то задумчивость. Бывало долго смотритъ на меня, видимо ей хочется что-то сказать, но слова такъ и замрутъ на ея устахъ; иногда старается бывало приласкаться ко мнѣ, глядитъ на меня съ невыразимою нѣжностью, но вдругъ глаза наполнятся слезами и руки, обнимающія меня, опустятся какъ-бы невольно. Во всѣхъ моихъ отношеніяхъ къ ней я слѣдовалъ всегда ея желанію; безъ ея собственной просьбы я не позволялъ себѣ вмѣшиваться въ ея дѣла, даже коснуться какихъ-нибудь ея вещей; тѣмъ менѣе позволялъ я себѣ допытываться чего нибудь у ней. Я никогда даже не спрашивалъ о содержаніи получаемыхъ ею писемъ; и не разъ случалось, что, замѣтивъ какъ нибудь въ разговорѣ, что я не зналъ чего нибудь, она вспоминала, что забыла показать мнѣ письма. Я всегда старался, чтобы всѣ дѣйствія ея и слова были вполнѣ свободны, и если и спрашивалъ о причинѣ ея нездоровья и часто печальнаго расположенія, то по участію слишкомъ понятному и естественному, а отнюдь не по любопытству, и никогда при этомъ не настаивалъ и не требовалъ другихъ объясненій кромѣ тѣхъ, которыя она сама давала.

Между тѣмъ, она видимо угасала, какъ свѣтильня безъ масла. Вначалѣ не было видно никакой опредѣленной болѣзни, но съ начала 1845 года стали проявляться нервныя истерики, повлекшія разстройство пищеваренія, затѣмъ нѣкоторые женскіе припадки, перешедшіе въ водяную. Я хотѣлъ было везти ее туда, гдѣ могъ найти хорошаго доктора, но надо было испрашивать Высочайшаго повелѣнія на мою отлучку изъ Читы, а безъ меня она не хотѣла ѣхать. Пришлось лечить заочно, пока не добудешь хоть сноснаго доктора. Я не жалѣлъ никакихъ расходовъ; но напрасно скакали нарочные за 500 верстъ съ бюллетенями о ея состояніи и обратно съ лѣкарствами; напрасно, наконецъ, пріѣхалъ на мой счетъ и докторъ—спасти ее не было возможности: самый источникъ жизни организма былъ подорванъ.

Умирая, завѣщала она мнѣ не покидать ея матери и сестеръ, но въ то же время требовала, чтобы я опять женился.

«Ты молодъ», говорила она, «въ эти лѣта большая часть только въ первый разъ думаютъ о супружествѣ. Тебѣ легко будетъ найти невѣсту; тебя всѣ такъ уважаютъ и любятъ; мнѣ всѣ такъ завидовали,—я знаю. Я была счастлива такъ, какъ и не воображала, что можно быть счастливою, но чувствую, что тебя счастливымъ сдѣлать не могла. Можетъ быть, Богъ въ награду тебѣ пошлетъ такую жену, которая съумѣетъ сдѣлать то, чего я сдѣлать не могла».

Бѣдная, она и не замѣчала, что въ двухъ просьбахъ ея заключалось несогласимое противорѣчіе. Я и по собственному чувству былъ неспособенъ покинуть людей, у которыхъ не было, кромѣ меня, другой опоры въ мірѣ. Но это-то самое и налагало на меня тяжелое условіе невозможности второй женитьбы, пока при мнѣ живетъ ея мать, по невозможности ввести новую жену въ чужое семейство, при извѣстномъ характерѣ матери, и послѣ всего того, что она вынуждена была открыть мнѣ предъ смертью. Между тѣмъ предвидѣніе ея дѣйствительно сбывалось. Не прошло и года послѣ ея смерти, какъ многія семейства стали заискивать, какъ бы породниться со мною. Дошло до того, что одинъ слишкомъ извѣстный въ краѣ полковникъ привезъ самъ ко мнѣ въ домъ невѣсту, свою внучку (дочь племянника; своихъ дѣтей у него не было), красивую образованную молодую дѣвушку, которую везъ онъ по выпускѣ изъ института. Онъ заказывалъ мнѣ черезъ другихъ, что отдастъ все свое состояніе ей въ приданое, если только я на ней женюсь. Пріискавъ какой-то предлогъ съѣздить въ сторону, онъ, чтобы сблизить насъ, оставилъ дѣвицу на это время у насъ въ домѣ, а она вовсе не двусмысленно прямо сказала мнѣ, что была бы счастлива, если бы могла навсегда остаться жить въ этомъ домѣ.

Что же измучило такъ бѣдную жену мою?

«Богъ наказываетъ меня», говорила она мнѣ, «за то, что хоть въ одномъ дѣлѣ усомнилась въ твоемъ великодушіи, въ одномъ дѣлѣ не имѣла безусловнаго довѣрія къ тебѣ, одно дѣло утаила отъ тебя». (Она разумѣла здѣсь обманъ ея матери насчетъ ея

болѣзни, которая будто бы помѣшала ей пріѣхать въ Петровскій заводъ). «Мнѣ казалось неестественно, чтобы, узнавъ это, ты остался жить вмѣстѣ, когда и безъ того приходилось тебѣ терпѣть столько непріятностей отъ ея тяжелаго характера. А что сталось бы съ бѣдными сестрами моими, для которыхъ ты былъ не только опорою, но и огражденіемъ въ самомъ семействѣ. Наконецъ, жаль было и ее: безъ тебя кто-бы ее поддержалъ? кто бы исправлялъ всѣ послѣдствія ея недостатковъ, вредныя для нея самой? И вотъ я молчала, а между тѣмъ совѣсть мучила меня. Душа бывало такъ и рвется приласкаться къ тебѣ, и вдругъ подумаю: вѣдь это лицемѣріе, когда у меня есть хоть одна тайна отъ тебя, когда меня сдѣлали хоть невольною соучастницею обмана. Сколько разъ я порывалась сказать тебѣ все, свалить съ себя гнетущую ужасную тяжесть, но всякій разъ слова замирали на языкѣ. Какъ обвинить было мать? Я любила тебя всею душою, считала грѣхомъ даже что нибудь таить отъ тебя, но считала грѣхомъ обвинить и мать. Такъ вотъ все и мучилась: все думала и думала, подавляла насильно всякое выраженіе чувства къ тебѣ, и Богу извѣстно, какихъ нечеловѣческихъ усилій это требовало. Упрекала себя, считала себя недостойною, упрекала себя, что недостаточно ласкова къ тебѣ, а ласкаться не смѣла; и въ послѣднее время все просила Бога о смерти. Я такъ бы и умерла съ этою тайною; но должна была открыть все на исповѣди священнику, а онъ велѣлъ все открыть тебѣ и положась на милость Божію, довѣрить все твоей извѣстной добротѣ и справедливости. Я умираю, а хотѣлось бы пожить, когда не было уже раздѣляющей насъ тайны, когда бы я могла выказывать всѣ мои чувства къ тебѣ, когда мы пережили и самое тяжелое время; а теперь въ новомъ домѣ и при устройствѣ всего хозяйства тобою, наша жизнь была бы спокойнѣе».

Ужасное время переживалъ я тогда. Въ теченіе долгой семимѣсячной ея болѣзни я не отходилъ отъ нея; я служилъ ей во всемъ своими собственными руками, и она не терпѣла возлѣ себя никого, кромѣ меня; я и спалъ на полу возлѣ ея постели. Но когда я говорю, что я спалъ, то это только извѣстная форма выраженія. Въ дѣйствительности я только ложился, чтобы часто немедленно вставать и проводить ночь съ нею въ долгихъ разговорахъ. Она страдала безсонницею. Плоть ея изнемогала, но духъ просвѣтлѣлъ необычайно, и не часто случалось мнѣ вести такія возвышенныя бесѣды, какъ съ ней. Съ необычайною ясностью постигла она задачу моей жизни и горько жалѣла, что не ей суждено во всемъ содѣйствовать; жалѣла, что по крайней мѣрѣ не было у насъ дѣтей, которымъ я могъ бы передать все богатство моего умственнаго и нравственнаго наслѣдства.

Опытомъ моей семейной жизни разрѣшился и еще одинъ вопросъ. Я всегда имѣлъ живую вѣру (т. е. не одно отвлеченное, умственное признаніе истинности его) въ христіанство, и потому всегда былъ убѣжденъ, что оно не предписываетъ никогда ничего невозможнаго, а слѣдовательно, что оно не предписало бы и чувства по обязанности если бы въ дѣйствительности это было неосуществимо; но до женитьбы я не могъ про-

вѣрить этого на опытѣ. Я любилъ своихъ родителей, любилъ отечество не потому только, что это было сообразно съ предписываемымъ долгомъ, но къ первымъ, т. е. родителямъ, чувство возбуждалось и личными ихъ качествами, а относительно послѣдняго я выросъ съ этими идеями и укрѣпился въ нихъ примѣромъ отца. Стало быть, провѣрить возможность правильности христіанскаго предписанія возможно было только въ такомъ чувствѣ, которое могло возникнуть независимо отъ какихъ либо прежнихъ условій, объясняющихъ происхожденіе чувства изъ другихъ источниковъ. И вотъ именно такого рода чувство и проявилось во мнѣ къ покойной женѣ моей. Что до знакомства съ нею оно не могло существовать, это естественно потому уже, что я не видалъ ее прежде. ни даже не былъ предрасположенъ къ ней никакими слухами о ней. Но и этого мало еще,—даже при знакомствѣ съ нею, ея красота не произвела на меня, да и впослѣдствіи не производила никакого впечатлѣнія. Лучшее доказательство, что никогда чувство мое къ ней не было такъ сильно, какъ когда въ ней и слѣда уже не осталось первоначальной ея красоты; и истинно говорю, что какъ ни изнурительно было для меня служеніе ей во время тяжкой ея болѣзни, когда на ея страдальческомъ лицѣ не осталось, можно сказать, и тѣни человѣческаго образа, я готовъ былъ продлить это служеніе на неопредѣленное время, лишь бы сохранить ее въ живыхъ, хотя и ясно было, что въ ней уже ничего не останется во всякомъ случаѣ, что могло бы льстить чувственности или обманывать воображеніе. Кромѣ того, надо припомнить, что когда я женился на ней, въ ней не было никакихъ и другихъ условій, которыя обыкновенно привлекаютъ людей: ни блестящихъ талантовъ, ни соотвѣтственнаго мнѣ образованія, которое я только самъ долженъ былъ дать ей, ни даже молодости; ей было уже за 25 лѣтъ. И однако же, несмотря на все это, во мнѣ возникло истинное и сильное чувство. Истинность его для меня доказана была не только чистотою его, какъ бывшаго всегда чуждымъ чувственности страсти и свободнаго отъ самообольщенія воображенія, но и тѣмъ, что оно не только не ослабѣвало при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, но еще постоянно возрастало вопреки имъ. Отрицательный опытъ давно уже извѣстенъ и и сдѣлался такъ сказать аксіомою; но опытъ положительный недостаточно еще извѣстенъ и недостаточно еще поэтому вошелъ въ сознаніе. Вотъ почему я и счелъ не лишнимъ нѣсколько распространиться и о личномъ опытѣ въ этомъ отношеніи.

Всѣ знаютъ, что истинное чувство не зависитъ отъ внѣшнихъ условій; иначе было бы непонятно, почему оно не поддерживается при сохраненіи однако же всѣхъ этихъ условій, почему люди, увѣрявшіе незадолго, что жить не могутъ другъ безъ друга, не только охладѣваютъ одинъ къ другому, но даже получаютъ взаимное отвращеніе; всѣ знаютъ что страсть не есть истинное чувство, а основывается или на чувственномъ возбужденіи, которое кончается съ удовлетвореніемъ, или на воображеніи, обольщающемъ себя мнимыми качествами и подлежащемъ неминуемому разочарованію, коль скоро оно столкнется съ дѣйствительностью; всѣ знаютъ, наконецъ, что истинное чувство не

можетъ относиться къ личности, которую нельзя уважать въ то же время, и что неопредѣленную, общую потребность чувства часто принимаютъ за чувство опредѣленное, относящееся къ извѣстному лицу, какъ бываетъ съ дѣвицами въ закрытыхъ заведеніяхъ, обожающими учителей или одна другую, или съ мальчиками, влюбляющимися въ каждую юбку; но не всѣ достаточно обсуждаютъ положительныя условія для истиннаго чувства и еще менѣе понимаютъ чувство по долгу, несмотря на то, что даже существуетъ историческій примѣръ у Моравскихъ братьевъ, гдѣ супружество опредѣляется жребіемъ, и не смотря на то чувство долга обращаетъ связь его въ такую привязанность, что жены всюду слѣдуютъ за своими мужьями-миссіонерами, даже когда они идутъ туда, гдѣ ихъ ожидаетъ вѣрное гоненіе или мученическая смерть.

Конечно, это крайность, вышедшая даже за предѣлы христіанскаго предписанія, требующаго свободнаго выбора—чтобы тѣмъ святѣе соблюдать обязательство, помня, что добровольно заключенное обязательство должно быть соблюдаемо, хотя бы впослѣдствіи исполненіе его было и невыгодно и непріятно (въ англиканской литургіи супруги клянутся не оставлять другъ друга ни въ болѣзни, ни въ искалѣченіи, ни въ бѣдности, ни въ несчастіи). Однако-же крайность эта даетъ историческое свидѣтельство, что супружество, основанное даже исключительно на чувствѣ долга, все же несравненно прочнѣе и по своимъ слѣдствіямъ благотворнѣе для общества, нежели супружество по страсти или по свѣтскому разсчету, вполнѣ зависящія отъ измѣненій прихоти и выгоды.

Не должно только забывать, что истинное чувство можетъ возникнуть вслѣдствіе долга только у такихъ людей, которые не растратили ни душевныхъ силъ или общей силы чувства на мимолетныя прихоти возбужденія, ни силъ тѣлесныхъ. Въ противномъ случаѣ отъ подобнымъ людей нечего ожидать истиннаго чувства, свидѣтельствуемаго постоянствомъ, какъ неспособныхъ къ чувству вообще. Изъ этого можно видѣть, какъ неосновательно мнѣніе, что будто бы человѣку для того, что бы сдѣлаться постояннымъ, остепениться, нужно будто бы перебѣситься.

Былъ еще и другой вопросъ, который во многомъ пояснился для меня въ моей семейной жизни, а что еще лучше, пояснился и для жены моей. Это великій вопросъ, колеблящій все современное общество, вопросъ о равенствѣ правъ, на которомъ основаны всѣ планы такъ называемой эмансипаціи женщинъ. Здѣсь я могу говорить даже словами покойной жены моей. Она часто смѣялась мнѣ, что только тогда будетъ считать себя эмансипированною, какъ женщина, если можно будетъ утверждать и доказать, что я и самъ не эмансипированъ, какъ мужчина, по безпрестанной нашей зависимости отъ женщинъ. Она глубоко понимала двойственность условій въ каждомъ человѣкѣ, однихъ общечеловѣческихъ, другихъ свойственныхъ каждому полу, неразрывную связь правъ съ обязанностями, равенство правъ въ нравственномъ, а не внѣшнемъ равенствѣ значенія и назначенія; въ самостоятельности дѣйствій каждому въ свойственной ему сферѣ; въ одинаковой необходимости для семьи и общества великихъ силъ произведенія и сохра-

ненія, одна безъ другихъ немыслимыхъ и безполезныхъ; въ необходимости взаимной зависимости и ограниченія, какъ точекъ опоры, безъ которыхъ невозможно и никакое дѣйствіе силы; наконецъ, ничтожность исключеній, вслѣдствіе-ли физіологическихъ условій, недостатка или уродливости организаціи, или ложнаго воспитанія, противоестественно влекущихъ мужчину къ женскимъ, а женщину къ мужскимъ вкусамъ, привычкамъ и занятіямъ. Дѣйствительно, какъ я, такъ и жена моя могли считать себя вполнѣ свободными и независимыми каждый въ своей сферѣ дѣйствія, и взаимная наша зависимость другъ отъ друга выражалась только необходимостью содѣйствія, а не вмѣшательствомъ и не подчиненіемъ распоряженіямъ другого.

Я имѣю право считать указанія нашего собственнаго опыта тѣмъ болѣе важными, что извѣстно, что всѣ попытки перестроить условія брака и доставить истинную свободу женщинѣ на новыхъ основаніяхъ не только были до сихъ поръ неудачны, но вели еще къ большему угнетенію женщины и доводили до самыхъ уродливыхъ и безнравственныхъ явленій, именно потому, что не съумѣли отыскать истинныхъ основаній, и все, что почитали за новое, было очень старымъ проявленіемъ той же чувственности какъ и всегда, или того же неразумнаго стремленія требовать безусловнаго въ сферѣ условной и подлежащей ограниченію.

Ударъ, нанесенный мнѣ смертью жены былъ тѣмъ чувствительнѣе, что въ это время я, казалось, достигалъ уже многихъ изъ предположенныхъ мною себѣ цѣлей. Послѣ долгаго и упорнаго труда я такъ устроилъ свой домашній бытъ, что онъ сталъ образцовымъ для всѣхъ и обезпеченіемъ удобства и довольства для моихъ домашнихъ. Относительно семьи я достигъ тѣхъ идеальныхъ семейныхъ отношеній, которыя считалъ необходимымъ условіемъ и для прочнаго общественнаго и государственнаго преобразованія, когда, выступая преобразователемъ въ этомъ смыслѣ, я призналъ, что преобразованіе должно разумно быть начато съ самаго себя и съ устройства семейныхъ отношеній на новыхъ основаніяхъ. Несмотря еще на всѣ препятствія и затрудненія, которыя представлялись и внутри, и внѣ, и отъ своенравнаго характера матери моей жены, и отъ исключительнаго моего положенія, нельзя себѣ и представить, какой глубокій миръ царствовалъ въ нашей семьѣ, какъ притуплялись всѣ огорченія, какъ легко сносились случайныя неудобства, какая явилась ровность расположенія духа, равно свободная какъ отъ иллюзій и неизбѣжнаго за ними разочарованія и унынія, такъ и отъ тревоги душевной, и все это единственно вслѣдствіе умственнаго и нравственнаго возвышенія духа и естественности отношеній, порождаемой правильнымъ разумѣніемъ сущности вещей. Наконецъ, въ общественномъ и государственномъ смыслѣ, я своимъ рѣзкимъ примѣромъ ясно доказалъ, что высшая сила есть всетаки нравственная, такъ какъ чрезъ нее, и чрезъ одну только нее я, человѣкъ опальный, лишенный не только политическихъ, но и гражданскихъ правъ, поставленный подъ исключительный, самый подозрительный надзоръ именно для того, чтобы я не могъ имѣть никакого вліянія, чтобы лишенъ былъ

всякой возможности дѣлать что-нибудь безъ разрѣшенія и для себя лично, несмотря на все это не только принялъ участіе въ дѣлахъ государственныхъ и правительственныхъ, но еще принялъ не самовольнымъ вмѣшательствомъ, не тайною косвенною интригою, а вслѣдствіе прямой и убѣдительной просьбы тѣхъ самыхъ правительственныхъ лицъ, которыхъ назначеніе въ томъ и состояло, чтобъ не допускать меня ни до какого дѣйствія и препятствовать моему вліянію.

Грустно пошли для меня первые годы по смерти жены моей. Съ одной стороны мнѣ надоѣдали и раздражали меня всѣ попытки, дѣлаемыя разными семействами, породниться со мною, что, независимо отъ изложенныхъ выше причинъ, совершенно не соотвѣтствовало и настроенію моего духа, а съ другой не менѣе тяготила и переписка, возникшая по поводу желанія родныхъ и товарищей, чтобы я переселился изъ Восточной Сибири въ Западную.

Узнавъ о смерти моей жены, родные особенно настаивали на этомъ, такъ какъ никакая обязанность не удерживала меня въ Читѣ. Товарищи мои звали меня каждый къ себѣ; особенно настаивали Пущинъ и Оболенскій на переселеніе къ нимъ въ Ялуторовскъ. Но затрудненіе состояло въ томъ, что я не могъ уже покинуть семьи, завѣщанной попеченію моему покойною женою. Конечно, послѣ того, что я узналъ о дѣйствіяхъ матери, я имѣлъ полное право оставить ее, но именно по всему, что я зналъ уже о ней, тѣмъ болѣе жалко было оставить безъ опоры сестеръ моей жены, которыя болѣе всѣхъ сами терпѣли отъ характера матери, хотя и пожертвовали собою для нея. Не въ моихъ правилахъ было допустить, чтобы отъ наказанія, хотя бы и заслуженнаго, виновныхъ, могли пострадать невинные.

Я рѣшился остаться въ Читѣ. Тутъ предстояло поправить все разстройство, которое причинено было болѣзнію и смертію жены не только отъ непредвидѣнныхъ расходовъ, которыхъ все это требовало, но и отъ такой долгой остановки моей дѣятельности за все время, которое я посвящалъ уходу за больною. Дальнѣйшее развитіе хозяйства я остановилъ, такъ какъ со смертію жены оно утратило главное свое значеніе быть со временемъ прочнымъ ей обезпеченіемъ. (Сестры ея могли тогда еще выдти замужъ, и для нихъ и послѣ смерти жены моей представлялись еще не разъ выгодныя партіи). Совсѣмъ уничтожить хозяйство, чтобы избавить себя отъ всякихъ хлопотъ, я однако же не хотѣлъ, желая, чтобы былъ всетаки предъ глазами людей образецъ раціональнаго хозяйства; только сократилъ его нѣсколько, тѣмъ болѣе, что разрѣшеніе около того времени золотопромышленности въ краѣ измѣнило экономическія условія найма прислуги. Но если я уменьшилъ дѣятельность свою по хозяйству, то тѣмъ болѣе усилилъ ее по заботамъ объ образованіи народа, отъ чего я былъ нѣсколько отвлеченъ. Я посвятилъ на обученіе дѣтей и то время, въ которое занимался прежде съ женою, думая, что ничѣмъ не могу лучше почтить память ея. Въ то же время, видя приближающійся кризисъ какъ въ европейскихъ дѣлахъ, такъ и въ состояніи Сибири, я тѣмъ дѣятельнѣе

занялся изысканіями по вопросамъ политическимъ и относящимся къ преобразованію края. До меня уже доходили слухи, что сообщенія сенатора, оффиціальныя и неоффиціальныя, сдѣланныя на основаніи моихъ идей и изысканій, заставили правительство подумать серьезно о новомъ устройствѣ края и объ Амурскомъ вопросѣ, на который я обратилъ вниманіе, поддержанное, притомъ, и свѣдѣніями доставленными Миддендорфомъ. Извѣстно стало, что пріискиваютъ уже исполнителя, что нашли его въ лицѣ Тульскаго губернатора Муравьева, и наконецъ вскорѣ послѣ тревожныхъ европейскихъ событій 1848 года, до такой степени оправдавшихъ мое политическое предвидѣніе, получено было извѣстіе о прибытіи въ Забайкальскій край и въ Читу новаго генералъ-губернатора.

Относительно событій, послѣдовавшихъ затѣмъ, имѣется огромное количество всякаго рода документовъ. Слишкомъ двѣсти моихъ статей и писемъ (хотя только небольшая часть ихъ была напечатана, но всѣ остальныя всетаки находятся въ оффиціальныхъ рукахъ), переписка моя съ разными лицами и вѣдомствами, оффиціальные документы, и, наконецъ, большая рукописная статья моя объ Амурскомъ дѣлѣ, бывшая въ рукахъ издателей Русскаго Вѣстника, но которую они не рѣшились напечатать. Поэтому я намѣренъ изложить здѣсь только вкратцѣ весь ходъ событій, чтобы дать только руководящую нить и связь для этихъ документовъ.

III.

Около половины августа 1848 г. генералъ-губернаторъ Муравьевъ пріѣхалъ въ Читу съ адъютантомъ своимъ Муравьевымъ же (Василіемъ, сыномъ министра государственныхъ имуществъ и впослѣдствіи генералъ-губернатора въ Сѣв.-Зап. краѣ), и совѣтникомъ Стадлеромъ. Надобно сказать, что мать Василія Михайловича Муравьева, урожденная Шереметева, родная племянница И. Н. Тютчева, была совоспитанница моей сестры, которая также воспитывалась въ домѣ Тютчева, такъ какъ жена Ив. Николаевича была родная сестра нашей мачихи. Василій Михайловичъ поэтому немедленно явился ко мнѣ, и между прочими вещами, (о здоровьѣ моихъ родныхъ и пр.) сказалъ, что родился въ той самой комнатѣ, которая служила и мнѣ кабинетомъ, когда я бывалъ въ Москвѣ, такъ какъ и я и Муравьевы всегда останавливались въ домѣ Тютчевыхъ. Затѣмъ, поговоривъ о нашихъ общихъ родныхъ и знакомыхъ и въ общихъ выраженіяхъ о дѣлахъ края и политическихъ, онъ спросилъ меня, намѣренъ-ли я познакомиться съ генералъ-губернаторомъ. Я отвѣчалъ, что у меня это не въ обычаѣ, и что я бываю у пріѣзжихъ начальниковъ только въ такомъ случаѣ, когда есть до нихъ особенное дѣло. «А вѣдь Николаю Николаевичу очень бы желательно было съ вами познакомиться; онъ такъ много слыхалъ о васъ и знаетъ, что никто лучше васъ не можетъ дать ему справедливыхъ указаній о краѣ». Я молчалъ. Василій Михайловичъ, замявшись немного,

продолжалъ: «Кромѣ того, вы знаете, что генералъ-губернатору вмѣнено даже въ обязанность лично знать каждаго изъ васъ». — «Въ такомъ случаѣ», сказалъ я, «пусть онъ оффиціально потребуетъ меня къ себѣ, тогда будетъ другое дѣло, и я явлюсь».— «Что вы это, Дмитрій Иринарховичъ! Николай Николаевичъ никогда этого себѣ не позволитъ. Онъ такъ уважаетъ васъ, и такъ друженъ со всѣми вашими товарищами. Нѣтъ, сдѣлайте одолженіе, не ставьте его въ такое затрудненіе. Если не хотите такъ сдѣлать визита, то нѣтъ-ли у васъ какого дѣла, по которому вамъ нужно было бы его видѣть».—«Ну, это пожалуй. Кстати, надо же чѣмъ нибудь кончить дѣло объ усадьбѣ подъ моимъ домомъ. Ни Рупертъ, ни сенаторъ не могли ничего толкомъ устроить».

Вслѣдъ затѣмъ пришелъ и совѣтникъ Стадлеръ, и всѣ мы пошли вмѣстѣ къ Муравьеву. Онъ принялъ меня очень любезно, выбѣжалъ ко мнѣ навстрѣчу, усадилъ на почетномъ мѣстѣ и сейчасъ кликнулъ свою жену познакомиться со мною.

Въ разпросахъ о краѣ онъ между прочимъ вздумалъ было распрашивать о разныхъ начальственныхъ лицахъ. Я сказалъ ему, что на такіе вопросы я не могу отвѣчать.—«Развѣ вы, Дм. Ир., не довѣряете мнѣ»?—сказалъ онъ съ нѣкоторымъ волненіемъ. «Нѣтъ», отвѣчалъ я, «совсѣмъ не то, я далъ такой отвѣтъ и Ив. Ник., (сенатору), но нечего еще толковать о засѣдателяхъ и квартательныхъ, пока сами генералъ-губернаторы еще воруютъ».—«Какъ»!—сказалъ, вскочивши съ дивана, на которомъ мы сидѣли. «Да такъ таки просто воруютъ» — и привелъ не одинъ примѣръ въ доказательство, какъ иные, начавъ съ преслѣдованія чиновниковъ за взятки, кончили сами тѣмъ, что брали. «Но неужели вы думаете, Дмитрій Иринарховичъ», — сказалъ онъ, стараясь придать своему голосу выраженіе искренняго чувства и какъ бы съ готовыми выступить слезами на глазахъ—«неужели вы думаете, что человѣкъ, который до извѣстныхъ лѣтъ, ну напр. до моихъ (слѣдовательно, онъ говорилъ прямо въ приложеніи къ себѣ), былъ всегда честенъ, можетъ еще совратиться съ пути честности»?— «Это зависитъ отъ того», сказалъ я, «на чемъ эта честность была основана. Я зналъ честныхъ, пока не было имъ надобности быть нечестными, другихъ, потому что не было случая, и хотѣли бы брать, да не могли; иныхъ по безпечности, но около такихъ еще болѣе воруютъ, нежели сколько бы они взяли сами, и пр. Истинная честность только та, которая основана на внутреннемъ убѣжденіи». — «Да вѣдь я и разумѣю точно такую же».—«Ну въ такомъ случаѣ честность должна простираться на все. Истинно честный человѣкъ не сдѣлаетъ несправедливости не только изъ-за денегъ, но и для чиновъ, для крестовъ, для тщеславія и даже для славы».

Относительно идей моихъ о потребности края и государства я сказалъ ему, что идеи мои на этотъ предметъ установились уже издавна и что я не могу сдѣлать ничего лучшаго въ этомъ отношеніи, какъ сообщить ему копію съ меморіи написанной по просьбѣ сенатора. Онъ просилъ сейчасъ дать ему прочесть ее. Я послалъ за нею, и когда онъ ее прочиталъ, то съ обычными ему порывистыми его движеніями и увлече-

ніями вскочилъ со стула и, схвативъ мена за обѣ руки, сказалъ: «*Ne m'en voulez pas, si je vous vole tout cela en entier. C'est si bien, qu'il n'y a rien à y ajouter, ni en retrancher, ni changer*». «Дмитрій Иринарховичъ», сказалъ онъ мнѣ вслѣдъ за этимъ, «я знаю вашу безкорыстную готовность служить общему благу: не откажите мнѣ въ совѣтахъ и содѣйствіи».—«Николай Николаевичъ», отвѣчалъ я ему, «у меня есть идеи, правила, цѣли, для которыхъ я всемъ пожертвовалъ».—«Но вѣдь я вполнѣ все это раздѣляю», сказалъ онъ: «Дмитрій Иринарховичъ, я сознаюсь, что я круглый невѣжда и отдаюсь вполнѣ вашему руководству. Но у меня вы найдете много доброй воли, можетъ быть, нѣсколько энергіи, и я пользуюсь довѣріемъ Государя».—«Хорошо», сказалъ я, «въ самодержавномъ правленіи это значительная сила. Много можно сдѣлать добраго, направя ее къ хорошей цѣли. Съ такими условіями можно трудиться».—Такъ установились съ перваго-же дня и на такихъ основаніяхъ сношенія мои съ Муравьевымъ.

Муравьевъ, какъ выяснилось впослѣдствіи, былъ человѣкъ, вполнѣ преданный корыстнымъ цѣлямъ, и притомъ шарлатанъ большой руки, отчего и его самого такъ легко надували такіе же шарлатаны. До тѣхъ поръ, пока дѣло не доходило до повѣрки словъ дѣйствіями, ему легко было прослыть за либерала, тѣмъ болѣе что либеральничанье было для него совершенно безопасно.

Онъ подмѣтилъ многія слабыя стороны Николая Павловича и доводилъ пользованіе ими до самаго дерзкаго злоупотребленія. Убѣдясь съ одной стороны въ довѣріи Государя къ нему, полученному какъ-бы въ наслѣдіе отъ отца, а съ другой стороны въ безграничномъ самолюбіи Николая Павловича, онъ основалъ на этомъ возможность и безопасность для себя разыгрывать двойную роль. Привожу буквально тѣ его выраженія, какими онъ самъ описывалъ мнѣ Николая Павловича: «*C'est un despote complet par son coeur, par ses inclinations; mais quant à son pouvoir despotique, quant à l'exercice de ce pouvoir, c'est un pauvre sire; chaque ministre le mène, par le bout du nez, pourvu qu'il l'assure qu'il ne fait qu'exècuter sa volonté; car il a tant d'amour propre, qu'il ne croit pas même possible qu'on ose le tromper*». Онъ приводилъ мнѣ примѣры, какъ удачно иные министры добивались того, что имъ было нужно, нагло увѣряя Государя, что онъ самъ это приказалъ, такъ какъ Государь скорѣе соглашался, что онъ, вѣроятно, забылъ о томъ, чѣмъ допускалъ предположеніе, что его кто-нибудь осмѣлится обмануть. «Это превосходное орудіе въ рукахъ ловкаго человѣка», пояснялъ онъ, доказывая свое убѣжденіе самымъ дерзкимъ приложеніемъ своего мнѣнія къ дѣлу, и отчасти обманывая либераловъ тѣмъ, что надобно пользоваться такимъ орудіемъ, чтобъ подвигать дѣло либерализма къ цѣли, и извинялъ лесть и увѣренія въ безусловной преданности Государю, какъ необходимыя для сохраненія довѣрія, а въ то же время для Государя держалъ въ запасѣ другой аргументъ, если бы до Государя дошло его запальчивое либераль-

пичанье,—а именно, что онъ для того сближается съ либеральною партіею, и старается пріобрѣсти ея довѣріе, чтобы лучше наблюдать за нею. Онъ льстилъ Государю и тѣмъ, что увѣрялъ его, что считаетъ его первымъ патріотомъ и либераломъ и что только невѣжество и злонамѣренность не постигаютъ его либерализма.

Такимъ образомъ, удалось ему обморочить тѣхъ людей, которые нейдутъ дальше словъ и не требуютъ повѣрки ихъ дѣйствіями; такъ обморочилъ онъ и моихъ товарищей своимъ мнимымъ либерализмомъ и любезностями. Конечно, впослѣдствіи и многимъ изъ нихъ нельзя было скрывать отъ себя рѣзкаго противорѣчія у Муравьева дѣла со словами, но, къ сожалѣнію, уже интересы многихъ заставили ихъ закрывать глаза и притворяться, что они этого не замѣчаютъ или не убѣждены въ правильности обличаемыхъ фактовъ.

Надобно сказать, что отецъ Муравьева, извѣстный статсъ-секретарь, Николай Назарьевичъ, былъ *fac-tatum* Аракчеева и такое-же его орудіе, какъ и Клейнмихель, съ тою только разницей, что Муравьева называли перомъ Аракчеева, а Клейнмихеля палкою, т. е. что Муравьевъ служилъ Аракчееву для бумагъ, а Клейнмихель для внѣшняго понужденія. Муравьевъ этотъ, вовсе не глупый въ дѣлахъ, печаталъ однако такія глупости, что нельзя было не принятъ этого за умышленное прикидываніе себя дуракомъ. Это объясняли такъ: зная, что Александръ Павловичъ терпѣть не могъ популярныхъ людей, желая одинъ быть исключительно популярнымъ, не любилъ и никакой репутаціи, независимой отъ его благоволенія, Муравьевъ, печатая различныя пошлости, какъ бы говорилъ Государю: «Пусть всѣ считаютъ меня дуракомъ, какая мнѣ нужда?— Лишь бы вы одни изъ негласныхъ дѣлъ видѣли, что я не дуракъ».—Подобная уловка внушала большое довѣріе у Александра Павловича къ тѣмъ людямъ, которые, казалось, ищутъ всего только въ немъ одномъ. Зная такимъ образомъ, что за человѣкъ былъ отецъ Муравьева, меня упрекали впослѣдствіи, какъ я могъ повѣрить, что сынъ такого человѣка могъ быть либераломъ, особенно если еще былъ на службѣ. Нечего и говорить, до какой степени были ошибочны основанія подобныхъ упрековъ. Если и дѣйствительно иногда семейная обстановка поясняетъ многое въ идеяхъ, наклонностяхъ и характерѣ человѣка, то безусловно вмѣнять вину родителей дѣтямъ и невозможно и несправедливо. Весьма часто случается, что тамъ именно, гдѣ ложь и безнравственность доведены въ семействѣ до крайности, дѣти по закону реакціи выходятъ съ противоположными свойствами, и даже именно потому, что зло, дойдя до крайнихъ выводовъ, слишкомъ очевидно и незамаскировано ничѣмъ, что могло бы ввести въ заблужденіе. Что же касается до того, что находящійся на службѣ не можетъ быть либераломъ, то это мнѣніе основано на ошибочномъ понятіи о либерализмѣ, который, какъ я упомянулъ уже выше, противоположенъ эгоизму, а не тому или другому виду государственнаго устройства, такъ какъ эгоизмъ можетъ всякую внѣшнюю форму довести до того, что она выродится въ деспотизмъ или анархію. Я никогда не относился съ предварительнымъ недовѣріемъ

къ человѣку, но въ то же время никогда и не закрывалъ глаза добровольно. Я и для самаго правительства установлялъ необходимостью правило: «Довѣрять—но повѣрять», и потому и самъ поступалъ всегда также. Если не довѣрять, то ничего не сдѣлаешь; если, довѣряя, не повѣрять, можешь сдѣлаться жертвою обмана. Поэтому, принявъ съ довѣріемъ заявленіе Муравьева о желаніи быть полезнымъ краю и государству и о намѣреніи руководствоваться либеральными идеями и правилами, я старался содѣйствовать ему, но именно только въ либеральныхъ и полезныхъ мѣрахъ,—но въ то же время, зорко паблюдая за его дѣйствіями и не допуская ихъ уклонятся отъ того направленія, которое одобрялъ. Коль скоро же я проникъ попытки его обратить все на служеніе своекорыстнымъ личнымъ цѣлямъ, коль скоро онъ думалъ привлечь меня тѣмъ, что сталъ разыгрывать предо мною не либерала уже, а революціонера *(le soleil nous a luit la journée du quatorze)*, тогда онъ сразу потерялъ мое довѣріе, и никакія приманки выгоды, ни угрозы не могли удержать меня, чтобы я не выступилъ противъ него съ самымъ энергическимъ сопротивленіемъ, а именно въ то время, когда онъ находился въ апогеѣ своего могущества и довѣрія къ нему Государя и публики.

Въ меморіи, написанной для сенатора, я обращалъ вниманіе на то, до какой степени имѣетъ вредное вліяніе на благосостояніе края обычай присылать въ Сибирь правителями людей уже очень пожилыхъ и утомленныхъ дѣятельностію, тогда какъ одни разстоянія въ Сибири требовали людей еще въ силахъ, чтобы они могли чаще обозрѣвать край и лично знакомиться съ его положеніемъ и требованіями, не говоря уже о возможности болѣе бдительнаго надзора надъ второстепенными начальниками. Мысль эта поразила вѣрностью своею Перовскаго, тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ. И вотъ онъ предложилъ Государю, не попробовать-ли и въ самомъ дѣлѣ назначить генералъ-губернаторомъ въ Восточную Сибирь человѣка съ болѣе свѣжими силами, чтобы имѣть возможность и требовать отъ него болѣе. Николай Павловичъ тѣмъ охотнѣе на то согласился, что изъ самыхъ сообщеній сенатора уже видѣлъ необходимость приступить къ рѣшенію Амурскаго вопроса, для чего и предположена была еще до этого времени экспедиція Путятина, остановленная только сопротивленіемъ министра финансовъ Канкрина, опасавшагося за доходъ съ Кяхтинской торговли, въ случаѣ возбужденія опасеній китайцевъ. Къ несчастію, Орловъ, которому Государь приказалъ вызвать съ юга Муравьева Карскаго смѣшалъ по сходству имени и отчества послѣдняго съ Тульскимъ, такимъ человѣкомъ, который очень мало понималъ дѣло и заботился объ общемъ благѣ, но не отступалъ, какъ доказалъ опытъ, ни предъ какими средствами для достиженія личныхъ цѣлей. Изъ напечатанныхъ собственныхъ разсказовъ Муравьева ясно видно, что когда дѣло коснулось Амура, то обѣ стороны дѣйствовали съ заднею мыслью: Государю хотѣлось пріобрѣсти Амуръ, но вести дѣло такъ, чтобъ не выставлять себя, и чтобы, въ случаѣ неудачи, можно было отъ всего отпереться, а Муравьевъ смекнулъ, что именно изъ такого двусмысленнаго положенія и можно извлечь наибольшую выгоду для личныхъ

цѣлей, и что тутъ не только открывается прекрасный случай выслужиться, но и полный просторъ и раздолье для произвола, причемъ можно оправдать всякое насиліе мнимою выгодою государства. Но чѣмъ глубже запали въ него такая мысль и надежда, тѣмъ тщательнѣе, разумѣется, старался онъ скрыть ихъ и выказать себя на первыхъ порахъ только человѣкомъ, заботящимся о благѣ края, либеральнымъ, для достиженія чего и выгоднѣе всего было ему сблизиться въ Сибири съ представителями либерализма, съ «декабристами», какъ потому, что общество ихъ было несравненно пріятнѣе, такъ и потому, что только въ средѣ ихъ онъ могъ найти дѣльныя мысли и полезныя свѣдѣнія.

Но была еще и другая причина, дѣлавшая для Муравьева, выгоднымъ сближеніе съ декабристами. Муравьевъ, по связямъ своимъ и по положенію, не принадлежалъ къ высшему кругу, къ хорошему, какъ говорится, обществу. Его кругъ—былъ кругъ выслужившагося чиновничества. «Муравьевы всѣ живутъ службой», повторялъ онъ и самъ не разъ. «Вѣдь я знаю, Дм. Ир.», говорилъ онъ мнѣ, «что настоящіе, вольные новгородцы — это вы, которыхъ Иванъ выселилъ изъ Новгорода, а мы тамъ пришельцы, холопы Царя Московскаго» и пр.

Между тѣмъ многіе родные наши принадлежали именно къ высшему и вліятельному кругу; если они не могли ничего сдѣлать собственно для насъ, то могли дѣлать однако же очень много для такихъ еще малозначащихъ людей, какъ Муравьевъ. Впрочемъ, если мы сказали: «не могли», то надобно сдѣлать еще и тутъ оговорку. Многіе просто не хотѣли, какъ напр. кн. Волконская, для которой не было бы отказа, но которая сама считала это за *point d'honneur* не просить Государя о смягченіи участи сына, а просить только о ничего не стоющихъ пустякахъ, лишенныхъ смысла, которыми рады были ее тѣшить, будучи очень довольны, что она ничего другого не требовала въ отношеніи къ сыну, но тѣмъ болѣе готовы были угождать ей въ другихъ просьбахъ. Итакъ Муравьевъ очень понималъ, что все, что онъ будетъ дѣлать для насъ, родные наши возвратятъ ему съ лихвою. Даже самые осторожные изъ нихъ высказывали это ясно. Такъ напр. министръ Канкринъ, стоя во дворцѣ у окошка и барабаня пальцами по стеклу, сказалъ отправлявшемуся въ Сибирь къ намъ коменданту Лепарскому (употребя тотъ способъ, который употребляютъ дѣти, когда имъ запрещаютъ говорить другъ съ другомъ по-русски, т. е. адресуясь къ печкѣ, къ окну и пр.), что все, что сдѣлано будетъ для его зятя, онъ приметъ, какъ сдѣланное лично для него. Наконецъ, самый примѣръ сенаторской ревизіи дѣлалъ уже невозможными иныя отношенія къ намъ, какъ дружескія, и притомъ Муравьевъ зналъ, что при тогдашнемъ броженіи идей ничѣмъ нельзя было такъ пріобрѣсти популярность, какъ сближеніемъ съ нами, за что дѣйствительно онъ и удостоился похвалы отъ «Колокола».

Такимъ-то образомъ обезпечилъ онъ себѣ значительную поддержку въ нашихъ родныхъ чрезъ сближеніе съ нами. Кромѣ того, его понуждало къ тому и то обстоятель-

ство, что, взявшись быть исполнителемъ присоединенія Амура по видамъ личной выгоды, онъ совершенно не зналъ однако же, какъ ему приняться за дѣло. Въ свидѣтельство этому привожу слѣдующій разговоръ его со мною, въ первый же день нашего свиданія и знакомства, разговоръ, предшествовавшій чтенію меморіи и бывшій поводомъ просьбы Муравьева сообщить ее ему. Ему естественно хотѣлось получить поскорѣе награду, а это желаніе ослѣпляло его на счетъ возможности поскорѣе устроить дѣло до такой степени, что онъ вдругъ сказалъ мнѣ: «*L'année qui suit je viens chez vous et j'établis ici mon quartier général*». — «*Que faire*»?—«*Mais je commence à agir ets...*

Тогда-то я и началъ объяснять и доказывать ему, что нечего и думать о дѣйствіи, когда еще ничто не подготовлено къ нему; что прежде, чѣмъ бросаться въ предпріятіе, надобно приготовить надежную ему опору въ новомъ устройствѣ Забайкальскаго края и пр. Только тогда онъ понялъ, до какой степени онъ дѣйствовалъ на обумъ и въ какое безвыходное положеніе могъ попасть, еслибы не ознакомился съ моими идеями насчетъ дѣла. Однако опытъ доказалъ, что, даже вынуждаемый необходимостью принять ихъ, онъ дѣйствовалъ съ заднею мыслью исказить, что можно, въ видахъ личныхъ, а для того, чтобы оправдывать предо мною подобныя искаженія, онъ пользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что была одна сторона дѣла, лежавшая внѣ возможности мнѣ повѣрить ее, — это непосредственное вліяніе на дѣло самого Государя. Обращаясь ко мнѣ за содѣйствіемъ, Муравьевъ естественно признавалъ за мною право требовать у него отчета; и во всемъ, что относилось къ его собственнымъ распоряженіямъ, я имѣлъ, конечно, средство для повѣрки. Но что было возражать, какъ повѣрять, когда какое-нибудь постановленіе правительства, искажавшее дѣло, оправдывалось тѣмъ, что: «нечего дѣлать, Государь такъ велѣлъ, или сказалъ»?

Признавъ себя обязаннымъ слѣдовать моимъ идеямъ и правиламъ для того, чтобы заручиться моимъ содѣйствіемъ, Муравьевъ вынужденъ былъ по необходимости подчиниться моему контролю до такой степени, что самыя приближенныя къ нему лица обращались ко мнѣ, когда дѣло шло о томъ, чтобы высказывать ему правду или въ порицаніе какихъ-либо его дѣйствій и распоряженій, или чтобъ удержать его отъ чего нибудь дурного и неодобряемаго. «Насъ онъ не слушаетъ, а васъ долженъ будетъ послушать» и пр. было обычнымъ вступленіемъ къ просьбѣ или разговору въ этомъ отношеніи. Подобный случай представился именно на первомъ-же, можно сказать, шагѣ нашего знакомства.

За пять или за шесть дней до возвращенія генералъ-губернатора Муравьева въ Читу изъ Нерчинскаго края, лишь только я всталъ поутру, мнѣ доложили, что присылалъ В. М. Муравьевъ сказать мнѣ, какъ только я встану, что онъ, пріѣхавъ ночью, нарочно остановился до утра, чтобы повидаться со мною, самъ же не можетъ придти ко мнѣ, потому что очень боленъ и не въ состояніи одѣться, а между тѣмъ ему необходимо поговорить со мною о важномъ дѣлѣ. Я въ ту же минуту отправился къ нему и нашелъ его очень больнымъ (это было начало его предсмертной болѣзни); но онъ не

хотѣлъ отдохнуть въ Читѣ, потому что по позднему времени торопился доѣхать по теплу на горячія Туркинскія воды въ Баргузинскомъ краѣ.

«Я непремѣнно хотѣлъ васъ видѣть, Дм. Ир., сказалъ онъ мнѣ, «и попросить объ одномъ важномъ дѣлѣ. Николай Николаевичъ (генералъ-губернаторъ Муравьевъ) не всегда разсудителенъ (онъ не хотѣлъ тогда разсказать о его пьянствѣ), онъ горячъ и увлекается въ необдуманныя дѣйствія, а остановить его, сказать ему правду, никто не посмѣетъ, да онъ ее ни отъ кого и не приметъ. Одни только вы будете въ состояніи удерживать и подъ часъ образумить его; васъ, я увѣренъ, онъ послушаетъ, потому что вы и не можете себѣ представить, какое произвели на него впечатлѣніе ваши идеи и особенно вашъ примѣръ. *A présent il jure même en votre nom.* Вотъ человѣкъ,— говоритъ онъ,—онъ доказалъ, что могутъ сдѣлать умъ, энергія и самопожертвованіе, даже въ такомъ страшномъ положеніи. Поэтому то я на васъ и возлагаю всѣ мои надежды для добра Николая Николаевича. Жаль, что вы не въ Иркутскѣ. Враги его и интересаны непремѣнно воспользуются его слабостями и, конечно, не будутъ удерживать его отъ дурного, а скорѣе подстрекать на него и льстить ему; а кому изъ насъ останавливать его? Мы и пытались было, да онъ насъ не слушаетъ.—Вы ничего не понимаете,—одинъ отвѣтъ. Вотъ хоть бы послѣдній случай: поговорите съ нимъ объ этомъ пожалуйста. Онъ далъ триста ударовъ розгами и посадилъ въ колоды крестьянина за то, что тотъ сдѣлалъ сборы по приказанію правителя на проѣздъ генералъ-губернатора. Я хотѣлъ было объяснить ему, но онъ страшно раскричался и разгорячился и не сталъ слушать, а я увѣренъ, что это произвело дурное впечатлѣніе» и пр. Вслѣдъ затѣмъ, сообщивъ мнѣ еще нѣкоторыя подробности о происшествіи, о которомъ говорилъ, Вас. Мих. пожаловался мнѣ и на жену Муравьева и на нѣкоторыхъ моихъ товарищей, что и они также не всегда хорошо направляютъ Муравьева.

Коль скоро на обратномъ пути изъ Нерчинскаго края Николай Николаевичъ прибылъ въ Читу, онъ сейчасъ же прислалъ ко мнѣ извиниться, что не можетъ придти самъ потому, что курьеръ привезъ пропасть бумагъ, на которыя ему надобно немедленно отвѣчать и отправить курьера обратно, почему и проситъ меня пожаловать обѣдать, а до обѣда почитать газеты, что есть много интереснаго (это было во время самаго разгара политическихъ переворотовъ въ Европѣ). Когда курьера отправили, и Муравьевъ спросилъ меня, что я вычиталъ новаго, пока онъ возился съ бумагами (какъ будто онъ и забылъ, что самъ же отрывалъ меня безпрестанно, давая прочесть почти каждую значительную бумагу и спрашивая моего мнѣнія), то я вмѣсто политическаго разговора прямо спросилъ его о томъ, что разсказалъ мнѣ Вас. Мих. Я сказалъ ему насчетъ крестьянина, котораго онъ наказалъ: *„qu'au bout du compte ce n'était qu'un pauvre instrument, et qu'en tout cas ce n'est pas à lui qu'il fallait s'en prendre“*, что онъ исполнялъ только приказаніе управителя, какъ дѣлалось и всегда прежде, и что управитель точно также бы его высѣкъ, если бы онъ осмѣлился не исполнить

приказанія «начальства», что на первый разъ и съ управителя не слѣдовало взыскивать за то, что всегда именно требовалось при проѣздахъ генералъ-губернаторовъ; а надо было разъяснить дѣло всѣмъ и запретить, чтобы впередъ ни для васъ, ни для кого того-бы не дѣлали. Муравьевъ сталъ оправдываться. Онъ сознался, что онъ, конечно, слишкомъ погорячился, но что будто бы онъ хочетъ довести справедливость въ краѣ до того, чтобы никто и не думалъ быть орудіемъ незаконныхъ приказаній. Мы увидимъ, что впослѣдствіи только тѣ и выслуживались и награждались, кто былъ у него безусловнымъ орудіемъ самыхъ возмутительно-незаконныхъ приказаній.

Впослѣдствіи я не разъ писалъ ему въ Иркутскъ о разныхъ его дѣйствіяхъ, для меня неясныхъ или подпадавшихъ моему неодобренію. Иное онъ отмѣнялъ, въ другомъ оправдывался, но всегда признавалъ мое право дѣлать замѣчанія и постоянно увѣрялъ, что очень дорожитъ моимъ мнѣніемъ и моими совѣтами, которыхъ и спрашивалъ постоянно. Сношенія между нами были безпрерывныя; всякій, посылаемый отъ него чиновникъ, адъютанты его были адресованы ко мнѣ, и по прибытіи немедленно являлись ко мнѣ въ Читѣ, чтобы получить отъ меня нужныя свѣдѣнія и указанія, и случалось даже, что мое письмо давалося чиновнику вмѣсто всякой другой инструкціи.

Но между тѣмъ какъ онъ старался извлекать всю возможную выгоду изъ моего содѣйствія и показывался, повидимому, такимъ искреннимъ въ подчиненіи моимъ указаніямъ, онъ, пользуясь вышесказаннымъ обстоятельствомъ, т. е. лежавшею внѣ моей повѣрки неизвѣстною мнѣ степенью личнаго участія Государя въ ходѣ дѣла, на что онъ при нуждѣ все сваливалъ, началъ направлять самое преобразованіе края къ личнымъ видамъ и исказилъ мой проектъ устройства края введеніемъ въ него безсмысленнаго пѣшаго казачества и созданіемъ Кяхтинскаго градоначальства, ссылаясь въ томъ на непосредственную волю Государя.

Когда Муравьевъ сказалъ мнѣ въ первый разъ о пѣшемъ казачествѣ, которое хотѣлъ ввести въ Забайкальскій край, то мнѣ не трудно было доказать ему всю нелѣпость подобнаго учрежденія, и онъ самъ сознался, что я разбилъ въ прахъ всѣ его аргументы. Я думалъ, что тѣмъ дѣло и покончено. Каково-же было мое удивленіе, когда въ положеніи, утвержденномъ Государемъ, я увидѣлъ, что въ немъ снова помѣщено учрежденіе этого казачества, а чрезъ то искажена вся экономія моего проекта, въ которомъ главнымъ достоинствомъ и признавалось именно не только то, что онъ пролагалъ естественный путь къ постепенному уничтоженію розни сословій, сообразно требованію будущаго. Когда я спросилъ Муравьева, какимъ образомъ могло это случиться, онъ сказалъ мнѣ: «Что же дѣлать. Надобно было польстить вкусу Государя, который пристрастенъ къ казачьему мундиру [1]).

---

[1]) Разсказъ объ этомъ, посланный мною въ печать, Сибирскій комитетъ измѣнилъ такъ, что Муравьевъ употребилъ такой аргументъ, о которомъ я не зналъ, что и думать.

И когда мнѣ не трудно было доказать, что нельзя же на подобныхъ основаніяхъ строить что либо дѣльное и прочное, то онъ старался успокоить меня тѣмъ, что «надо уступить въ этомъ, а что зато послѣ мы наведемъ свое» и т. п. Вѣчно то же пошлое оправданіе, что *„nous reculons pour mieux sauter“*.

Всѣ подобные извороты были тѣмъ болѣе уже неизвинительны съ его стороны, что онъ началъ получать суровые уроки, къ какимъ невыгоднымъ послѣдствіямъ приводило его преслѣдованіе личныхъ цѣлей. Я уже выше гдѣ-то упомянулъ, что горное производство было тщательно мною изучено и что мои изслѣдованія (сообщенныя сенатору) доказали невыгодность серебрянаго производства. Вся мнимая выгода основана была на скрытомъ налогѣ, и было вполнѣ раціонально, ослабляя работы по выплавкѣ серебра, усилить разработку золотыхъ пріисковъ. Но между тѣмъ серебряное производство было существенно ученое и покидать его вовсе не слѣдовало уже потому, чтобы въ случаѣ новыхъ открытій богатыхъ рудъ имѣть людей, готовыхъ и теоретически и практически, подготовка которыхъ для серебрянаго производства не легка, тогда какъ золотыя розсыпи не требовали никакихъ ученыхъ познаній и завѣдывались успѣшно самыми простыми и необразованными людьми при одномъ практическомъ навыкѣ. Кромѣ того, хозяйственное благосостояніе края много зависѣло отъ давности заселеній при заводахъ и рудникахъ, гдѣ не только чиновники и горные служители, но даже почти всѣ ссыльные имѣли свои пашни, огороды и другое хозяйственное устройство. Для того, чтобы не разстроить края, измѣненіе должно было дѣлаться постепенно, какъ и начало его уже дѣлать горное вѣдомство до прибытія Муравьева и, конечно, лѣтъ черезъ пять или шесть преобразованіе могло совершиться естественнымъ путемъ. Но къ несчастію Муравьевъ, желая выказать свою дѣятельность и искусство, захвастался въ Петербургѣ, что дастъ 100 пудовъ золота, если все отдадутъ въ полное его распоряженіе, тогда какъ до того вымывалось около 30 пудовъ, хотя притомъ доставлялось еще также и болѣе 150 пудовъ серебра. Напрасно я старался его образумить и доказывалъ, что нѣтъ никакихъ условій для того, чтобы добыть сто пудовъ, и что онъ разстроитъ только край, а ста пудовъ не добудетъ. Опять тотъ же отвѣтъ, что теперь уже перемѣнять нельзя, что онъ такъ уже обѣщалъ Государю, хотя ясно, что поправить дѣло было еще легко, стоило только пожертвовать своимъ самолюбіемъ и сознаться въ ошибкѣ, и онъ всегда безъ урона даже своего достоинства могъ прямодушно сказать Государю, что, разсмотрѣвъ дѣло на мѣстѣ, онъ пришелъ къ другимъ заключеніямъ, нежели тѣ, которыя онъ вывелъ, когда судилъ только по тѣмъ даннымъ, которыя имѣлись въ Петербургѣ, гдѣ и дано было обѣщаніе насчетъ ста пудовъ золота. Но онъ больше всего боялся насмѣшекъ со стороны министра финансовъ Вронченки, котораго онъ ненавидѣлъ за его презрительные отзывы о себѣ.

Такимъ-то образомъ началась безъ всякой постепенности полная ломка горнаго вѣдомства. Люди были оторваны отъ своего хозяйства и безъ всякихъ предварительныхъ

мѣръ переведены въ мартѣ мѣсяцѣ на новыя мѣста, на Карійскіе золотые пріиски. Мудрено-ли, что при недостаткѣ пищи и помѣщеній, при изнурительныхъ и непривычныхъ работахъ, развились разныя болѣзни, которыя всѣ слились потомъ въ одинъ повальный тифъ, похитившій тысячу человѣкъ, а золота, несмотря на всѣ усилія, натяжки и неправды, всетаки вымыли не болѣе 65 пудовъ при совершенномъ почти уничтоженіи добычи серебра, такъ что въ общемъ результатѣ, при возвысившихся страшно расходахъ, чистой прибыли получено даже менѣе, чѣмъ въ предшествовавшіе года.

Послѣ этого было для всѣхъ ясно, что обращеніе тридцати тысячъ горныхъ крестьянъ, главныхъ хлѣбопашцевъ въ краѣ, въ казаки приведетъ неминуемо еще въ большее разстройство край, особенно въ хозяйственномъ отношеніи, нисколько въ то же время не способствуя никакой политической цѣли, такъ какъ новое войско очевидно могло быть только номинальнымъ. Но бѣда въ томъ, что лично для Муравьева это-то только и было нужно. Пріѣхавъ въ Сибирь съ правами командующаго войсками, т. е. корпуснаго командира, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего только какихъ-то четыре несчастныхъ гарнизонныхъ батальона. При такомъ составѣ нечего было и думать о созданіи какихъ-либо подчиненныхъ должностей, подкомандныхъ генераловъ, льстящихъ суетности и дающихъ средство пріобрѣтать партизановъ раздачею значительныхъ мѣстъ. Умножить число линейныхъ батальоновъ ни за что не согласились бы въ Петербургѣ, и поэтому, вмѣсто настоящаго войска, Муравьеву хотѣлось имѣть хоть бы подобіе войска, при которомъ можно было бы завести всѣ штабныя учрежденія и другія принадлежности. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ заведеніе тяжелой артиллеріи, для которой не только въ Китаѣ, въ случаѣ войны съ нимъ, но даже и въ Забайкальскомъ краѣ не было удобныхъ для прохода дорогъ, вслѣдствіе чего и вышло, что эта дорого стоющая артиллерія простояла 20 слишкомъ лѣтъ безъ всякой пользы въ гор. Верхнеудинскѣ съ тѣмъ, чтобъ содержать тамъ только караулы при острогѣ и быть передвинутою отчасти также безъ пользы потомъ на Амуръ. То же самое случилось и съ мортирами.

Какъ приступъ къ дѣйствіямъ относительно Амура, переведенъ былъ въ 1850 г. въ Читу 14-й линейный батальонъ. Тогда предполагалась сухопутная экспедиція изъ Цурухайтуя, нашей пограничной казачьей станицы, въ Цыцыхаръ, центральное мѣсто управленія Манчжуріи, чтобы вынудить Китай къ уступкѣ Амура. При этомъ случаѣ начали яснѣе обнаруживаться обычныя впослѣдствіи поползновеніе и замашка Муравьева гнаться за эфемерными эффектами и въ то же время упускать то, что, соотвѣтственно даннымъ обстоятельствамъ, одно было и необходимо и разумно. Такъ какъ мнѣ извѣстны были заранѣе и переводъ войска за Байкалъ и цѣль этого движенія, то, предвидя, что пребываніе баталіона въ Читѣ будетъ временное и что Чита должна быть обращена въ городъ, я уже тогда предложилъ ту мѣру, которую только теперь начинаютъ признавать необходимою и именно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она тогда предложена

была мною; я предложилъ построить временныя деревянныя казармы, что до прихода войска могло быть сдѣлано безъ всякой суеты и очень дешево, и притомъ построить ихъ отдѣльными связями, соединенныя только подъ общую крышу, чтобъ, въ случаѣ ненадобности, ихъ при дальнѣйшемъ передвиженіи войска легко было бы распродать по частямъ, что было бы очень выгодно и для вновь строящагося города, такъ какъ каждая отдѣльная часть могла составить очень порядочный помѣстительный домикъ. Но у Муравьева личныя цѣли одержали верхъ надъ общею пользою. Какъ впослѣдствіи онъ предпринялъ разорившую казаковъ постройку штабныхъ строеній, «чтобъ было, что показать Великому Князю Константину Николаевичу» (его собственныя слова), такъ и при переводѣ линейныхъ батальоновъ за Байкалъ въ ожиданіи того, что когда еще придется выставить себя на видъ дѣйствіями относительно Амура, онъ задумалъ воздвигнуть «на память своей дѣятельности въ краѣ» огромныя, дорого-стоющія казармы безъ всякой существенной нужды, кромѣ того, что надобно же показать, что мы что-нибудь дѣлаемъ» и что когда это сдѣлается, то «ужъ всякому легко будетъ продолжать», потому что будто бы «все существенное уже сдѣлано». Все это говорилъ онъ мнѣ еще въ 1852 году, когда въ сущности не только ничего еще не было сдѣлано, но еще то, что было имъ собственно сдѣлано, скорѣе должно было парализировать успѣхъ Амурскаго предпріятія, нежели способствовать ему. И легкомысліе и торопливость Муравьева въ этомъ дѣлѣ простирались до того, что инженеры скакали на курьерскихъ, солдаты рыли канавы подъ фундаменты, расходовались артельныя солдатскія деньги на матеріалы, солдатъ морили на работахъ въ зимнее время въ лѣсу и пр., и все это до полученія утвержденія о постройкѣ казармъ изъ Петербурга. Кончилась эта затѣя тѣмъ, что казармъ не утвердили, всѣ расходы и труды солдатъ пропали, а войска остались всетаки безъ помѣщенія; обременили постоемъ обывателей, а въ концѣ концовъ вынуждены были приняться за постройку тѣхъ же временныхъ казармъ, вслѣдствіе страшныхъ безпорядковъ отъ неимѣнія общаго помѣщенія и въ условіяхъ вполнѣ уже невыгодныхъ.

IV.

Въ 1851 г. въ началѣ сентября Муравьевъ пріѣхалъ въ Читу открывать новоучрежденные городъ и область. Чтобы польстить мнѣ и выказать будто бы свою признательность, онъ, во-первыхъ, сказалъ мнѣ, что ставитъ свою жену мнѣ свидѣтельницею, что первое его слово по возвращеніи его изъ дворца съ утвержденіемъ Государемъ преобразованія края и предположеній относительно Амура, было: «Какъ будетъ радъ Дмитрій Иринарховичъ, что его давнишнія идеи приходятъ, наконецъ, въ исполненіе»; а во-вторыхъ, назначилъ днемъ открытія области день моихъ именинъ 21-ое Сентября, потому что «какъ городъ и область обязаны мнѣ своимъ существованіемъ, то и справедливо, чтобы воспоминаніе объ этомъ событіи совпадало съ воспоминаніемъ о виновникѣ этого событія». Въ ожиданіи же

этого дня Муравьевъ отправился въ Нерчинскіе заводы, прося меня принять на себя, за отсутствіемъ его, всѣ необходимыя распоряженія и, отдавши всѣмъ словесно и письменно соотвѣтственныя приказанія, чтобы распоряженія мои были исполняемы всѣми въ точности. Просьба эта и порученіе ставили меня въ чрезвычайно щекотливое и затруднительное положеніе, и, надобно сказать, были со стороны Муравьева вовсе неделикатны. Онъ не только налагалъ на меня огромный и вещественный и умственный трудъ, но и подвергалъ меня всевозможнымъ столкновеніямъ и непріятностямъ отъ зависти людей и по интересамъ ихъ; и все это безъ всякой возможности какого либо для меня вознагражденія, въ то время какъ самъ онъ извлекалъ всяческія выгоды изъ моей дѣятельности.

Впрочемъ о себѣ я не думалъ, но въ подобномъ порученіи могла кромѣ того скрываться опасность для другихъ, и относительно этого я обязанъ былъ быть предусмотрителенъ. Поэтому, когда Муравьевъ сказалъ мнѣ: «Я надѣюсь, Дмитрій Иринарховичъ, что вы и для Павла Ивановича [1]) будете тѣмъ же, что и для меня, такимъ-же надежнымъ руководителемъ», я отвѣчалъ ему, что я съ Павломъ Ивановичемъ не знакомъ.

«Ахъ, Боже мой, да какъ же это? Вѣдь Павелъ Ивановичъ проѣзжалъ здѣсь прошлаго года»?

«Да, дѣйствительно, и я даже слышалъ, что онъ очень желалъ со мною познакомиться. Но вотъ, видите-ли, Николай Николаевичъ, я и по всегдашнему обычаю, а теперь тѣмъ болѣе потому, что требуетъ мое положеніе, имѣю правиломъ никогда и никому не навязываться на знакомство».

«О, навѣрное Павелъ Ивановичъ самъ будетъ у васъ о томъ просить; вы только передайте ему, о чемъ я васъ просилъ».

«И этого сдѣлать не могу; да тутъ дѣло идетъ вовсе не о томъ, кому первому сдѣлать визитъ, а о томъ, что безъ письменнаго вашего огражденія для Павла Ивановича, я не могу принять никакого участія въ управленіи».

«Что же это, Дм. Ир., развѣ вы мнѣ не довѣряете? Развѣ вы думаете, что я способенъ отпереться отъ своихъ словъ»?

«Нѣтъ, Ник. Ник., зачѣмъ я буду оскорблять васъ недовѣріемъ? Но вѣдь вы человѣкъ смертный. Вотъ видите-ли что: до сихъ поръ дѣло шло о моихъ идеяхъ, о моихъ совѣтахъ. Вы принимали ихъ,—хорошо. Положимъ, что Государь узналъ все это Кромѣ того, что самое важное происходило лично между вами и мною и доказать этого нельзя, вы сами лично говорите съ Государемъ и поэтому съумѣете объяснить ему удовлетворительно наши отношенія. Но умри вы, чѣмъ оправдаетъ П. И. участіе мое въ дѣлахъ, тѣмъ болѣе, что оно сдѣлается уже видимо для всѣхъ прямыми моими распо-

---

[1]) П. И. Запольскій, первый Забайкальскій военный губернаторъ и наказной атаманъ Забайкальскаго казачьяго войска.

ряженіями? Пожертвовавъ собою для блага общаго, я, какъ вы знаете сами уже по опыту, ничѣмъ не дорожу и ничего не боюсь, но обязанъ оградить отвѣтственность другихъ. А вы поставите П. И. въ тяжелое положеніе или не дѣлать того, что полезно, или рисковать отвѣтственностью, тогда какъ вамъ ея уже не прибавится».

Муравьевъ согласился съ справедливостью моего требованія и тогда-то онъ написалъ къ Запольскому то знаменитое письмо, которое впослѣдствіи спасло Запольскаго отъ вѣроломства Муравьева. Въ письмѣ этомъ онъ вмѣнялъ Запольскому въ нравственную обязанность слѣдовать моимъ указаніямъ, объясняя ему, что основанія моихъ указаній всегда на опытѣ оказывались до такой степени вѣрными, что я «пророчески предвидѣлъ даже будущее». Но я не удовольствовался даже и этимъ. Содержаніе письма могъ знать только одинъ Запольскій, но необходимо было еще такое дѣйствіе, которое ясно показывало бы всѣмъ, что мое участіе въ распоряженіяхъ шло не отъ него, а отъ самаго генералъ-губернатора, какъ для того, чтобы предупредить всѣ сплетни насчетъ Запольскаго, такъ и для устраненія той оппозиціи противъ моихъ распоряженій, которая неминуемо должна была возникнуть, какъ отъ зависти второстепенныхъ чиновниковъ, обязанныхъ подчиняться имъ, такъ и отъ эгоистическихъ интересовъ тѣхъ, до кого они будутъ касаться; я говорю эгоистическихъ потому, что истинныхъ и справедливыхъ интересовъ я не только никогда не нарушалъ моими распоряженіями, но еще самъ ограждалъ ихъ всѣми силами и всѣмъ вліяніемъ моимъ даже отъ несправедливыхъ и незаконныхъ рѣшеній самого Муравьева.

Случай для необходимой демонстраціи не замедлилъ представиться. Одинъ чиновникъ, возобновляя свои заборы, началъ ставить новые не только не соотвѣтственно предварительному плану города (Высочайше утвержденный планъ полученъ былъ только чрезъ десять лѣтъ по открытіи города), но еще захватилъ непринадлежавшее ему мѣсто съ одной стороны у бѣдной казачки, а съ другой отъ самой проѣзжей улицы, составлявшей вмѣстѣ и почтовый трактъ. Разумѣется, сдѣлать это онъ могъ только по стачкѣ съ полицмейстеромъ. Я объяснилъ полицмейстеру неправильность дѣйствій чиновника и просилъ, чтобъ тотъ дружески предупредилъ его, когда дѣло еще легко было исправить. Чиновникъ, надѣясь, вѣроятно, на согласіе, хотя и негласное, полицмейстера, не обратилъ никакого вниманія на предупрежденія съ моей стороны и, продолжая постройку, докончилъ вполнѣ новый заборъ именно ко времени возвращенія Муравьева изъ Нерчинскихъ заводовъ. Тогда я потребовалъ отъ Муравьева, чтобы онъ сдѣлалъ самое торжественное заявленіе относительно права моего на распоряженія по устройству города. И вотъ Муравьевъ отправился со мною къ этому чиновнику и, ставши у той части новаго забора, которой была захвачена улица, велѣлъ вызвать хозяина. и, когда тотъ вышелъ то, вынувъ часы, приказалъ ему посмотрѣть, который часъ, а затѣмъ спросилъ его: «Хорошо вы замѣтили часъ и минуту»? и на утвердительный отвѣтъ того продолжалъ: «Завтра именно въ этотъ часъ и минуту я приду опять сюда съ

Дмитріемъ Иринарховичемъ, и если заборъ не будетъ убранъ, то я приведу на вашъ счетъ цѣлый батальонъ убрать его въ одну минуту въ моемъ присутствіи».

Этотъ эпизодъ служилъ впослѣдствіи поводомъ къ тому, что когда Муравьевскіе же чиновники, желая разрознить Запольскаго со мною, старались задѣть его самолюбіе, называя меня въ его присутствіи, если случалось говорить обо мнѣ: «Вашъ начальникъ штаба, вашъ вице-губернаторъ» и пр., то Запольскій, выведенный изъ терпѣнія, сказалъ имъ наконецъ: «Эхъ, господа, что вы это притворяетесь? Для меня слишкомъ много было бы чести и пользы, если бы въ самомъ дѣлѣ Дмитрій Иринарховичъ могъ быть у меня начальникомъ штаба или вице-губернаторомъ. Вы думаете задѣть мое самолюбіе, приписывая ему эту роль и намекая на то, что я подчиняюсь ему. Но если уже приписывать Дм. Ир. какое-нибудь званіе, то зачѣмъ же тогда скрывать правду? Назовите его уже настоящимъ именемъ, намѣстникомъ, потому что и самъ генералъ-губернаторъ подчиняется ему и не только безъ его указаній ни въ чемъ обойтись не можетъ, но даже служитъ ему вмѣсто полицейскаго десятника».—Дѣйствительно, то, что при описанномъ случаѣ исполнялъ самъ Муравьевъ, исполнялъ у меня впослѣдствіи полицейскій десятникъ.

Ужъ, конечно, не самолюбіе побуждало меня быть такъ строго-требовательнымъ относительно точнаго исполненія моихъ распоряженій, а предусмотрительность въ видахъ истинной пользы города, учрежденію котораго я принесъ въ жертву всѣ свои выгоды; а, взявъ на себя устройство его, присоединилъ ко всѣмъ пожертвованіямъ и тяжелый трудъ, сверхъ того и перспективу неизбѣжныхъ непріятностей. Дѣйствительно, основывая городъ въ Читѣ, я долженъ былъ пожертвовать всѣмъ своимъ сельскимъ хозяйствомъ составлявшимъ главное мое обезпеченіе, и даже отдалъ въ пользу города безъ всякаго вознагражденія дорого стоившія мнѣ, расчищенныя мною, изъ-подъ лѣса пашни; а какъ великъ былъ трудъ по устройству города, когда Муравьевъ упросилъ меня взять и это на себя, можно видѣть изъ того, что я долженъ былъ заняться съемкою плана, измѣреніями и предварительною расколоткою, требуемою безотлагательно для немедленнаго начатія построекъ, не имѣя не только никакихъ помощниковъ, но даже и инструментовъ, такъ что астролябію я долженъ былъ замѣнить геометрическими построеніями и вести расколотки чрезъ чащу лѣса, чрезъ топкія мѣста и рыхлыя пашни послѣ жнитва или осенняго паханья, въ самое ненастное притомъ время года, проводя иногда цѣлый день въ полѣ и въ лѣсу безъ обѣда. Но я не щадилъ никакихъ трудовъ, чтобы предохранить городъ отъ той порчи въ началѣ, которая всегда искажала наши города и закрѣпляла, такъ сказать, ихъ неправильность въ будущемъ. Изучая издавна причины неустройства и безпорядка въ русскихъ городахъ, я пришелъ къ убѣжденію, что почти вездѣ главною изъ нихъ была невнимательность и непринятіе необходимыхъ мѣръ вначалѣ, когда рѣшительно все равно было располагать строенія по обдуманному-ли плану, или случайно по произволу каждаго лица. Когда же неправильныя линіи и случайное,

не систематическое распредѣленіе общественныхъ зданій закрѣплялися дорого стоящими постройками, то всякое уже преобразованіе города и исправленіе линій требовали огромныхъ издержекъ, и потому отлагались, а зло продолжало усиливаться.

Отъ подобной-то будущности я и хотѣлъ избавить Читу и успѣлъ до такой степени, что, несмотря на всѣ послѣдующія отступленія отъ моего плана и искаженія его, Чита будетъ одинъ изъ самыхъ правильныхъ городовъ.

Наконецъ, пріѣхалъ и Запольскій, котораго нѣкоторое время задержала въ Иркутскѣ болѣзнь глазъ. Онъ отнесся ко мнѣ еще откровеннѣе Муравьева:

«Дмитрій Иринарховичъ», сказалъ онъ мнѣ, «я столько слышалъ о васъ, что естественно желалъ имѣть честь познакомиться съ вами даже и тогда, когда не могъ предвидѣть назначеніе свое въ новосозданную вами область. Мнѣ очень хотѣлось посѣтить васъ въ прошлый мой проѣздъ черезъ Читу, но не было никакого повода явиться къ вамъ, и я боялся, чтобы вы не приписали это пустому и назойливому любопытству. Но теперь не только знакомство съ вами, но и руководство ваше стали для меня существенною необходимостью, и не скрою отъ васъ, что только несомнѣнная надежда на это, въ чемъ завѣрилъ меня и Ник. Ник., заставили меня принять новое мое званіе. Я человѣкъ простой, солдатъ, знаю хорошо военную часть, но во всемъ остальномъ сознаю себя невѣждою и поэтому охотно отдаюсь въ руководство ваше».

Относительно свойствъ вліянія моего на управленіе края, мнѣ нечего много распространяться. Для этой эпохи слишкомъ много и живыхъ свидѣтелей и достовѣрныхъ документовъ, и даже печатныхъ заграничныхъ свидѣтельствъ [1]). Могу только привести здѣсь то, что было сказано Запольскимъ въ его прощальной рѣчи при торжественномъ собраніи всѣхъ служащихъ и представителей всего городскаго Читинскаго общества. Обозрѣвъ свою дѣятельность, препятствія, которыя онъ встрѣтилъ отъ трудности дѣла, а въ послѣднее время и отъ скрытаго противодѣйствія главнаго лица и явной вражды окружающихъ это лицо людей, онъ продолжалъ: «Теперь мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ для исторической правды въ поясненіе отношеній моихъ къ Д. И. Господа, вы всѣ знаете, что по службѣ здѣсь я ничего не выигралъ такого, чего бы не могъ выиграть и даже въ большей степени, оставаясь въ Россіи; стало быть, имѣю право сказать, что трудъ мой не вознагражденъ по справедливости начальствомъ. Тѣ же непріятности, которыя я здѣсь перенесъ и которыя всѣмъ вамъ извѣстны, разстройство здоровья и домашнихъ дѣлъ своихъ, я могъ считать для себя чистымъ вредомъ и убыткомъ; но я напротивъ считаю себя съ избыткомъ за все вознагражденнымъ, по-

---

[1]) Такъ напр. въ англійскомъ сочиненіи Розенштейна; въ статьѣ возвращеннаго изъ Сибири Поляка въ «Познанскомъ дневникѣ»: W Czycie mieszka Dymitry Zawaliszyn (z rosyskich wygnańców politycznych) jako osiedleniec, ma jednak w pływ na miejscową władzę, która wiele dowierza jego rozumowi i znajomości tutejszej krainy. («Dziennik Poznański» 1866 r., Nr. 6, 10 stycznia) и въ другихъ газетахъ.

тому что это мое пребываніе здѣсь доставило мнѣ случай узнать такого человѣка, какъ Д. И., и имѣть честь пользоваться его знакомствомъ и руководствомъ. Господа, съ большею частію навѣрно, а, можетъ быть, и со всѣми, мнѣ никогда не придется уже увидѣться въ жизни, запомните-же мои слова, которыя я говорю теперь, при такомъ, можно сказать, торжественномъ случаѣ, и засвидѣтельствуйте ихъ въ свое время. Я никогда не имѣлъ случая раскаяваться ни въ чемъ, въ чемъ послѣдовалъ совѣту Д. И., но вѣчно буду раскаяваться за всѣ тѣ случаи, когда не послѣдовалъ его совѣту или что скрылъ отъ него».

Муравьевъ, назначая 21-е сентября днемъ открытія области, разсчитывалъ на то, что указъ Сената послѣдуетъ немедленно за Высочайшимъ утвержденіемъ, но онъ забылъ, что Сенатъ ни для кого и ни для чего не торопится. Муравьевъ увидѣлъ тутъ, что онъ очень ошибался насчетъ важности, которую придавалъ своему лицу и дѣлу. Прождавши поэтому понапрасну въ Читѣ указа Сената, онъ долженъ былъ отправиться въ Иркутскъ, а предоставить открытіе области и города Запольскому, что и совершилось только 23-го октября, такъ какъ указъ Сената былъ полученъ не ранѣе 21-го.

Послѣ обѣдни и молебствія военный губернаторъ со всѣмъ штабомъ отправился для открытія присутственныхъ мѣстъ, а оттуда со всѣми военными и гражданскими начальниками и съ тремя своими адъютантами пріѣхалъ ко мнѣ для поздравленія; вмѣстѣ съ нимъ явилось и духовенство и пропѣло мнѣ многолѣтіе.

Закипѣла въ Читѣ необычайная дѣятельность, «Д. И. дѣлаетъ просто чудеса», писалъ Муравьевъ къ Козакевичу [1]): «Чита растетъ, какъ грибъ; вашъ адмиралъ [2]) умѣетъ какъ-то ставить все сразу на свое мѣсто». И это дѣйствительно была правда, хотя причина тому была очень простая.

Дѣло въ томъ, что имѣя въ виду необходимость обращенія Читы въ городъ, я давно уже изучалъ мѣстность съ этою цѣлью, давно составилъ планъ города и употреблялъ нравственное свое вліяніе на горное начальство, чтобы всѣ новыя постройки, еще задолго до открытія города, соображались съ этимъ планомъ. Такимъ образомъ, не пришлось трогать ни одного изъ лучшихъ домовъ. Что же касается до избъ и лачугъ, изъ которыхъ состояла большею частію Чита, то чтобы не нарушить интересовъ владѣтелей ихъ, а напротивъ еще сдѣлать для нихъ самихъ выгоднымъ сообразованіе съ планомъ, я составилъ, при содѣйствіи военнаго губернатора, небольшой капиталъ по подпискѣ, изъ котораго или покупались старые дома, или давались пособія для перенесенія на указанное мѣсто, если домъ годился еще на переноску. По такой-же причинѣ, что все было обдумано и соображено мною съ давнихъ поръ, всѣ мои распоряженія могли быть такъ ясны и опредѣленны и вполнѣ соотвѣтствовать требованіямъ.

---

[1]) Адмиралъ, впослѣдствіи военный губернаторъ Приморской области.

[2]) Такъ называлъ меня Козакевичъ, отъ того, что такъ звали меня прежде во флотѣ.

Чтобы избѣжать повтореній, я опишу здѣсь разъ навсегда постоянно соблюдавшійся во все время порядокъ сношеній моихъ съ военнымъ губернаторомъ и взаимныхъ нашихъ отношеній.

Запольскій вставалъ поутру такъ же рано, какъ и я, и съ 6 до 12 часовъ у него продолжались доклады. Всякую бумагу, въ которой онъ встрѣчалъ затрудненіе, онъ откладывалъ особо и оставлялъ у себя. Въ 12 часовъ онъ пріѣзжалъ ко мнѣ со всѣми этими бумагами, пилъ у меня чай, иногда оставался и обѣдать, и мы вмѣстѣ разсматривали дѣла. Въ почтовые дни, и когда пріѣзжалъ курьеръ, газеты и особенно важныя свѣдѣнія присылались ко мнѣ немедленно, а въ два часа присылалась коляска или карета (смотря по погодѣ), и я отправлялся къ обѣду къ губернатору, и тамъ послѣ обѣда мы разбирали почту и обсуждали вновь полученныя бумаги. Въ праздничные дни военный губернаторъ пріѣзжалъ ко мнѣ прямо изъ церкви и всегда привозилъ съ собою и проѣзжихъ гостей, если случался кто изъ значительныхъ, напр. военныхъ генераловъ начальниковъ управленій, замѣчательныхъ путешественниковъ и пр. Въ лѣтнее время Запольскій приходилъ иногда рано поутру ко мнѣ пѣшкомъ, и мы ходили вмѣстѣ для осмотра чего-нибудь. Въ случаѣ его отсутствія изъ города, именныя къ нему бумаги имѣлъ право распечатывать только я и опредѣлять, что слѣдовало присылать къ нему съ нарочнымъ и что передавать для исполненія по принадлежности [1]). Меня также просилъ онъ всегда имѣть попеченіе о его домѣ и принимать въ его отсутствіе всѣхъ значительныхъ посѣтителей, которымъ онъ гостепріимно предлагалъ всегда помѣщеніе у у себя. Такъ принималъ я, какъ хозяинъ, Муравьева, свѣтлѣйшую княгиню Волконскую, Кяхтинскаго губернатора Ребиндера (женатаго на дочери товарища моего, Трубецкаго) и другихъ.

Весь 1852 годъ прошелъ у меня въ усиленныхъ заботахъ и трудахъ не только по устройству города, но и для смягченія дурныхъ послѣдствій необдуманныхъ мѣръ Муравьева, а также для приготовленія лучшей будущности народу улучшеніемъ административной и хозяйственной части и прочнымъ основаніемъ и развитіемъ учебныхъ заведеній. Несмотря однако на всѣ усилія мои и военнаго губернатора смягчить зло, гибельныя послѣдствія безразсудной ломки горнаго вѣдомства и введенія казачества должны были неминуемо обнаружиться въ очевидномъ и для Муравьева кризисѣ. И служебныя дѣла, и домашнія обстоятельства требовали отбытія Запольскаго въ Россію. Вмѣсто его былъ назначенъ полковникъ Соллогубъ, человѣкъ мало знающій и мало распорядительный, да притомъ и больной. И вотъ оказывается, что на горныхъ промыслахъ нѣтъ хлѣба нѣтъ его и для линейнаго войска, а у казаковъ, составляющихъ главное населеніе въ краѣ, не только купить нечего, но что они и сами голодаютъ. Въ декабрѣ

[1]) Въ доказательство сего сохранились собственныя письма Запольскаго ко мнѣ съ дороги при обозрѣніи имъ области или поѣздкахъ въ Иркутскъ.

мѣсяцѣ, когда еще не покрылся льдомъ Байкалъ и прямая ѣзда чрезъ него невозможна, Муравьевъ долженъ былъ проскакать по этому случаю вокругъ моря въ Читу. Лишь только онъ вышелъ изъ повозки, то, не войдя еще въ приготовленную для него квартиру, онъ прислалъ ко мнѣ адъютанта просить меня какъ можно скорѣе пожаловать къ нему. Случилось кстати, что я въ это время собирался куда-то ѣхать, и лошади были у меня уже заложены. Я отправился къ Муравьеву; вхожу въ залу и вижу, что онъ расхаживаетъ въ сильномъ волненіи съ какою-то бумагою въ рукѣ. По одну сторону стоитъ областное гражданское управленіе, по другую войсковое казачье, а у оконъ противъ двери, въ которую я вошелъ, земское начальство. Увидя меня, Муравьевъ побѣжалъ ко мнѣ навстрѣчу и, взявъ за обѣ руки, сказалъ: «Помогите, ради Бога, Дм. Ир., мнѣ до зарѣзу нужно 6 тысячъ пудовъ муки для здѣшняго батальона; у нихъ только на десять дней осталось провіанта и кромѣ того надо перевезти 45 т. пудовъ изъ Верхнеудинска на Кару; а вотъ эти злодѣи (указывая на чиновниковъ) доносятъ вотъ тутъ (показывая мнѣ бумагу), что и тысячи пудовъ муки нельзя уже достать и нѣтъ никакой возможности перевезти провіантъ на Кару. Вотъ видите, придется вѣдь прибѣгнуть къ реквизиціямъ и наряду (его уже давно подмывало ухватиться за незаконныя насильственныя мѣры), если вы не поможете».—Я не хотѣлъ стыдить ни его упреками и напоминаніемъ, что вѣдь все это было слѣдствіемъ его-же собственной неосмотрительности и мною напередъ предвидѣно и предсказано ему, ни чиновниковъ, обличая ихъ неспособность и желаніе, чтобъ именно прибѣгли къ незаконнымъ средствамъ, изъ которыхъ они больше всего извлекаютъ всегда себѣ выгоды, и потому сказалъ Муравьеву по французски, чтобъ онъ отпустилъ всѣхъ, я что мы потолкуемъ сей-же часъ о дѣлѣ, и я надѣюсь помочь ему. Когда мы остались одни, я доказалъ ему, что насиліемъ тутъ ничего не сдѣлаешь, а только ухудшишь общее положеніе во всѣхъ отношеніяхъ; но что онъ увидитъ, что значитъ нравственное довѣріе, что именно на основаніи этого довѣрія ко мнѣ народа, я устрою все, что мнѣ нужно, но только непремѣнно съ условіемъ устранить всякое начальственное вмѣшательство.

Я немедленно отправилъ въ извѣстныя мнѣ деревни отъ себя знакомое лицо съ съ назначеніемъ справедливыхъ, безобидныхъ для казны и крестьянъ цѣнъ на хлѣбъ и съ ручательствомъ моимъ, что ни въ пріемѣ хлѣба, ни въ уплатѣ денегъ проволочки не будетъ. Вмѣсѣ съ тѣмъ, такъ какъ отъ перевозки провіанта отказывались по неимѣнію на почтовомъ трактѣ сѣна, то я отправилъ довѣренное лицо къ Агинскимъ бурятамъ, чтобы они выставили на трактъ сѣно, назначивъ также и имъ справедливую цѣну и обезпеченіе въ уплатѣ. Мое имя и ручательство подѣйствовали такъ, что и хлѣба и сѣна доставили даже больше, чѣмъ требовалось.

Муравьевъ сказалъ мнѣ, что я «выручилъ его изъ неминуемой бѣды, и онъ не знаетъ, какъ и выразить мнѣ свою признательность». Мы увидимъ, какъ онъ впослѣдствіи отблагодарилъ меня; а между тѣмъ я буквально спасъ его не въ одномъ только

этомъ случаѣ. Безъ моихъ предусмотрительныхъ заботъ и распоряженій, и самая экспедиція на Амуръ была бы невозможна, а въ такомъ случаѣ въ Петербургѣ явно бы обнаружилось несостоятельность его хвастовства и весь вредъ его неискусныхъ и неблаговременныхъ распоряженій.

Вышеописанный случай открылъ мнѣ всю опасность положенія области, отъ разстройства хлѣбопашества и неимѣнія запасовъ. Поэтому, по возвращеніи изъ отпуска Запольскаго, я принялъ самыя рѣшительныя мѣры для устраненія всего, что разстраивало земледѣліе и хозяйство, и въ то же время началъ заблаговременно составленіе запасовъ въ Читѣ, откуда они легче могли быть направлены на тотъ пунктъ, гдѣ окажется потребность; будетъ-ли предполагаемая экспедиція въ Китай отправлена сухимъ путемъ изъ Цурухая, или водянымъ изъ Читы; и вотъ именно эти-то запасы, составленные въ теченіе всего 1853 г. и дали возможность отправить экспедицію на Амуръ въ 1854 году.

Между тѣмъ, въ 1853 году, Читѣ суждено было испытать тяжкое бѣдствіе отъ тифа, занесеннаго туда и развившагося со страшною силою отъ тѣхъ же скороспѣлыхъ и дурныхъ распоряженій Муравьева, которыя причинили столько гибели и въ другихъ случаяхъ. Торопливость и дурное снабженіе рекрутскихъ партій были причиною, что, несмотря на обнаруженіе уже тифа въ Верхнеудинскѣ, погнали ихъ далѣе въ Читу изнурительными переходами. Въ Читу онѣ пришли уже въ крайнемъ положеніи, а между тѣмъ никакого помѣщенія въ Читѣ не имѣлось даже для здоровыхъ, а не только для необычайнаго числа больныхъ; даже лѣкарствъ оказалось недостаточно для такого числа. Къ довершенію военный губернаторъ былъ въ объѣздѣ по войску, а оставшіеся начальники совершенно растерялись отъ неискусства и трусости. Пришлось мнѣ взять всѣ распоряженія на себя. Между тѣмъ отъ солдатъ стали заражаться и жители. Такимъ образомъ я долженъ былъ все устраивать для помѣщенія больныхъ и посѣщать военные лазареты по пяти и шести разъ въ день и въ то же время оказывать пособіе и жителямъ, особенно предупредительными средствами, и домъ мой буквально осаждался требующими медицинскаго пособія. Достаточно сказать, что одного уксуса для лазарета и жителей роздано было у меня 14 ведеръ; а лѣкарственныхъ травъ издержаны были запасы нѣсколькихъ лѣтъ. При этомъ и домашняя наша забота усилилась еще тѣмъ, что при безпрерывныхъ сношеніяхъ съ тифозными домами старшая моя свояченица также заболѣла тифомъ въ сильнѣйшей степени. Ее однако же удалось спасти; но изъ 500 рекрутовъ умерло 200 и кромѣ того много мѣстныхъ жителей, въ томъ числѣ и нѣсколько чиновниковъ и даже два доктора. Объ этомъ тифѣ было также сообщено въ иностранныхъ газетахъ въ воспоминаніяхъ поляка, въ томъ же Познанскомъ Дневникѣ.

И во внѣшнихъ дѣлахъ, т. е. въ дѣйствіяхъ относительно Китая, Муравьевъ оказался также неискусенъ и недобросовѣстенъ, какъ и во внутреннихъ. Впрочемъ, иначе

и быть не могло. Я не перестану повторять ту истину, на которую къ сожалѣнію обращаютъ мало вниманія, тогда какъ она должна служить аксіомою для всякаго нравственнаго дѣятеля, что только относительныя начала могутъ имѣть два противоположныхъ вида равно качественныхъ, именно потому, что все относительное само по себѣ нравственно-безкачественно, но что въ нравственной сферѣ никакое нравственное начало качественно раздѣляться не можетъ, и поэтому не можетъ имѣть ни видовъ, ни приложеній качественно-противоположныхъ; что поэтому нельзя употреблять насилія и обмана внутри безъ того, чтобы они не выразились и во внѣшнихъ дѣйствіяхъ. И поэтому нѣтъ ничего страннѣе, какъ видѣть людей, считающихъ себя либеральными, которые требуютъ справедливости и законности во внутреннихъ дѣйствіяхъ, и которые въ то же время рукоплещутъ всякому насилію и обману во внѣшнихъ, обольщаясь ложнымъ патріотизмомъ. Между тѣмъ, всѣмъ извѣстно, что всѣ дѣйствія Муравьева относительно Китая были цѣлый рядъ обмановъ, хитрости и насилія, которыми думали исправлять всѣ промахи неискусства и трусости, тогда какъ именно эти-то обманы и насиліе сами и порождали ихъ, обезсиливая всѣ дѣйствія неувѣренностью и нетвердостью отъ сознанія незаконности ихъ. Всѣмъ извѣстно также, что безъ случайностей, Муравьевымъ менѣе нежели кѣмъ предвидѣнныхъ (Крымской войны и войны Китая съ англичанами и французами), всѣ эти обманы и насилія ровно ни къ чему-бы не повели; но не всѣмъ еще достаточно, кажется, извѣстно, что именно вслѣдствіе такого образа дѣйствій даже мнимая внѣшняя удача въ захватѣ Амура не только не послужила въ пользу Россіи, но сдѣлалась для нея «злокачественною язвою», какъ я выразился еще съ самаго начала [1]). Муравьевъ старался всегда обмануть китайцевъ или запугать ихъ, разсчитывая на ихъ трусость; но всякій разъ, когда опасался, что китайцы не струсятъ, самъ въ свою очередь страшно трусилъ. Смѣшнѣе всего это выказалось, когда Маймаченскій заргучей по пустому предлогу прекратилъ на три дня торговлю и сообщеніе съ Кяхтою. Муравьевъ такъ перетрусилъ, что возвелъ этотъ ничтожный случай на степень бѣдствія народнаго. «Заргучей заперъ ворота», писалъ Муравьевъ къ Запольскому, «но Богъ милостивъ къ Россіи» [2]).

Не въ лучшемъ видѣ выказалась вся непредусмотрительность или зависть Муравьева, когда разнесся слухъ, что будто бы китайскіе посланники ѣдутъ въ Кяхту для переговоровъ относительно пересмотра трактата объ Амурѣ.

Надобно сказать, что вопреки увѣреніямъ партизановъ Муравьева, что будто бы онъ предвидѣлъ Восточную войну и съ этою будто цѣлію поѣхалъ въ началѣ 1853 года

---

[1]) Впрочемъ начинаютъ уже сознавать эту истину. См. «Вѣстникъ Европы», «Амуръ-яма, которую и до сихъ поръ завалить не могутъ».

[2]) Муравьевъ струсилъ, опасаясь, что его обвинятъ въ Петербургѣ, что своими затѣями и неискуснымъ образомъ дѣйствій онъ нанесъ вредъ государству прекращеніемъ выгодной торговли.

въ Петербургъ, онъ такъ мало ее предвидѣлъ, что именно въ самое важное для приготовленія время уѣхалъ на цѣлый годъ въ отпускъ заграницу.

Всѣмъ извѣстно, что, такъ сказать, зародышъ этой войны заключался въ разговорѣ Государя съ англійскимъ посланникомъ на балѣ у В. К. Елены Павловны въ день ея рожденія 28 декабря 1852 г.; а между тѣмъ еще въ половинѣ декабря Муравьевъ показывалъ уже мнѣ письмо бывшаго тогда военнымъ министромъ кн. Долгорукова, которымъ разрѣшалось ему прибытіе и отпускъ въ Петербургъ для леченья; и должно быть слишкомъ мало предвидѣлъ онъ возможность дѣйствія по Амурскому вопросу, когда уѣхалъ въ 1853 году въ то время, какъ уже началось столкновеніе съ Турціею, и флоты Франціи и Англіи двинулись къ ея берегамъ, не только въ Маріенбедъ, но даже и въ Испанію, куда уже не было никакого слѣда ѣхать, кромѣ того развѣ, «чтобы удостовѣриться, такъ-ли красивы тамъ женщины, какъ говорятъ.» Какъ бы то ни было, но вотъ что случилось, когда кяхтинскій градоначальникъ получилъ извѣстіе о пріѣздѣ будто бы пословъ. Оказалось, что онъ до такой степени лишенъ былъ всякаго наставленія на подобный случай, что вынужденъ былъ отправить экстреннаго курьера за совѣтомъ въ Читу; а между тѣмъ самъ же Муравьевъ добивался того, чтобы вынудить Китай къ переговорамъ, и даже учрежденіе безполезнаго кяхтинскаго градоначальства оправдывалъ тѣмъ именно, что на случай внезапной потребности переговоровъ надо было находиться въ Кяхтѣ лицу со значеніемъ губернатора, чтобы оно могло знать требованія нашего правительства, и съ которымъ бы и китайскіе уполномоченные согласились вступить въ переговоры. Что-же могло побудить Муравьева къ такому необдуманному поступку? Одно изъ двухъ: или совершенное отсутствіе убѣжденія въ возможности подобнаго случая, или зависть, чтобы помимо его кто нибудь случайно не окончилъ удовлетворительно дѣла объ Амурѣ. Здѣсь кстати сказать, что вообще въ сужденіяхъ своихъ о политическихъ дѣлахъ Муравьевъ обнаруживалъ такое же изумительное невѣжество, какъ и по другимъ предметамъ, и я имѣлъ полное право напечатать, что мнѣ не стоило ни малѣйшаго труда опровергнуть «вздорныя и ребяческія» его сужденія о политикѣ. Это правда, что Сибирскій комитетъ, цензируя мою статью, замѣнилъ слово «вздорныя и ребяческія» словомъ «незрѣлыя», (какъ будто бы незрѣлость не есть вѣрный признакъ ребячества), но уже одно и то, что смыслъ моихъ выраженій пропущенъ такою цензурою, какова была цензура Сибирскаго комитета, доказываетъ, что фактъ, утверждаемый мною, не подлежалъ сомнѣнію и въ общемъ убѣжденіи.

Наконецъ, вѣроломная посылка Ваганова шпіономъ дляислѣдованія сухопутной дороги въ Цыцы-харъ доказываетъ, какъ мало думалъ Муравьевъ о близкой возможности водяной экспедиціи по Амуру. Исторія несчастнаго Ваганова составляетъ одинъ изъ самыхъ мрачныхъ и постыдныхъ періодовъ Муравьевскаго управленія. Вагановъ, офицеръ генеральнаго штаба, посланъ былъ для осмотра и глазомѣрной съемки дороги въ Цы-цы-харъ на случай предполагавшейся сухопутной экспедиціи. Ему приказано

было въ случаѣ, если его захватятъ китайцы, выдать себя за бѣглаго солдата и требовать отправленія его въ Кяхту для выдачи русскому правительству на основаніи трактатовъ. Но, вѣроятно, китайцы пронюхали правду, и несчастный Вагановъ былъ убитъ на первомъ же переходѣ.

Еще болѣе неосмотрительный дипломатическій промахъ сдѣланъ былъ Муравьевымъ, когда рѣшено было плыть по Амуру подъ предлогомъ подать помощь Камчаткѣ. Въ моихъ убѣжденіяхъ относительно Амура представлялась слѣдующая ясная дилемма: или мы имѣемъ право занять Амуръ, въ такомъ случаѣ намъ нѣтъ нужды спрашивать чьего либо дозволенія, и мы должны приступить къ раціональному занятію и заселенію Амура; или мы не имѣемъ права, и тогда уже ничто и никакой даже послѣдующій трактатъ, исторгнутый обстоятельствами у китайцевъ, не освятитъ насилія и вѣроломства. Я всегда утверждалъ, что тотъ плохой патріотъ, кто думаетъ служить отечеству такими дѣйствіями, которыя сдѣлаютъ имя Россіи синонимомъ коварства и насилія. Между тѣмъ, рѣшившись плыть по Амуру, послали просить на то дозволенія китайскаго правительства, и въ то же время, не дождавшись разрѣшенія, поплыли. Такимъ образомъ, въ одномъ и томъ же дѣйствіи съумѣли совмѣстить двѣ ошибки: испрашиваніемъ дозволенія признавали, стало быть, права Китая на Амуръ, а отправясь, не дождавшись разрѣшенія, нарушали въ то же время это право.

V.

Всѣ эти ошибки и были впослѣдствіи зародышами тѣхъ безолаберныхъ дѣйствій, которыя дѣло, предпринятое для пользы Сибири и всего государства, обратили въ дѣло, существенно для нихъ вредное. Муравьевъ не сдержалъ также ни одного изъ своихъ обѣщаній относительно города и не съумѣлъ даже разрѣшить во-время ни одного вопроса, существенно необходимаго для пользы и правильнаго развитія города. Такъ напр., чтобъ не выказать передъ правительствомъ неохоту горныхъ крестьянъ поступить въ казаки, если представятъ бывшимъ жителямъ Читы на выборъ: поступить ли въ казаки или записаться въ мѣщане новаго города,—онъ выселилъ всѣхъ крестьянъ изъ Читы, такъ что Чита представляла единственный примѣръ такого начала города, что изъ него выселяютъ прежнихъ жителей, тогда какъ, наоборотъ, обращая селеніе въ городъ, къ нему обыкновенно приписываютъ для увеличенія низшаго городскаго сословія еще ближайшія деревни; кромѣ того, Чита 15 лѣтъ оставалась безъ городской земли, и т. п.

Что-же касается до обѣщаній, то одно изъ нихъ относилось напр. къ постройкѣ собора. Надо сказать, что, когда я пріѣхалъ жить въ Читу, церковь была уже очень ветха. Разрѣшенный по всей Сибири сборъ не доставалъ даже на исправленіе ея. Тогда я обратился къ своимъ товарищамъ и ихъ роднымъ съ просьбою о содѣйствіи къ поддержанію церкви въ Читѣ въ память нашего пребыванія первоначально къ ней. Соб-

ственныя мои и ихъ пожертвованія составили значительную сумму, вчетверо превышавшую весь сборъ. Со всѣмъ тѣмъ, и этого всего было еще недостаточно на постройку новой церкви; но пріѣхавшій въ Читу преосвященный Нилъ, осмотрѣвъ со мною старую церковь, нашелъ, что стѣны еще крѣпки, и что, оставя ихъ, можно будетъ на собранную сумму перестроить церковь такъ, что она простоитъ еще лѣтъ двадцать. Такъ и было сдѣлано; но когда въ Читѣ открылся городъ, то не только одной церкви было уже недостаточно, но еще ясно было, что вновь приписанные городскіе жители сами по себѣ не будутъ въ состояніи построить новой церкви [1]), а тѣмъ болѣе собора. Итакъ, пособіе казны было необходимо, и тѣмъ справедливѣе, что казна давала пособіе для другихъ мѣстъ даже въ Сибири, гдѣ дѣло не представляло такой крайней необходимости, какъ напримѣръ, въ ничтожномъ городкѣ Селенгинскѣ, гдѣ дѣло шло о перенесеніи только города съ одной стороны рѣки на другую.

Хотя обращеніе горныхъ крестьянъ въ казаки было сдѣлано вопреки дважды выраженному мною мнѣнію, коль скоро дѣло уже совершилось, я употребилъ всѣ усилія, чтобы смягчить зло. Я старался всѣми мѣрами оградить казаковъ отъ всякаго безсмысленнаго вмѣшательства невѣжественнаго начальника [2]) въ ихъ хозяйство и вообще устранялъ всякую безполезную суету, отрывающую ихъ отъ дѣла. Я заботился о прочномъ устройствѣ административнаго порядка и объ образованіи порядочныхъ офицеровъ изъ природныхъ жителей. Разумѣется, я началъ съ устройства центральнаго управленія. Я построилъ самымъ экономическимъ образомъ [3]) хорошее помѣщеніе для войсковаго дежурства и завелъ при нихъ библіотеку. Для наказного атамана и военнаго губернатора я построилъ домъ, служащій и до сихъ поръ образцомъ дешевой постройки и прочности, не смотря на то, что этотъ домъ перешелъ впослѣдствіи подъ гражданское областное правленіе [4]); тогда для атамана построенъ былъ иркутскими архитекторами новый домъ, стоившій неимовѣрно дорого, и построенный такъ дурно, что при 18 печахъ въ немъ зимою въ залѣ было 4 градуса мороза, почему онъ два раза перестраивался съ самаго же начала. Несмотря на истощеніе казачьихъ капиталовъ, на затѣянныя Муравьевымъ постройки бригадныхъ и батальонныхъ штабовъ, я старался положить начало казачьимъ школамъ вездѣ, гдѣ значительность селенія давала къ тому возможность. Здѣсь къ стати сказать, что именно эту то всю мою заботливость смягчить зло, причиненное крестьянамъ обращеніемъ ихъ въ казаки, недобросовѣстные партизаны

---

[1]) На основаніи десятилѣтней льготы въ купцы приписывалися люди безъ уплаты въ гильдію, и потому приписалось много вовсе безъ капиталовъ.

[2]) Самъ наслѣдникъ призналъ всю негодность и неспособность насланныхъ въ казачество офицеровъ.

[3]) Впослѣдствіи на такого рода строенія изводили втрое и вчетверо денегъ.

[4]) Извѣстно, что дома, гдѣ помѣщаются присутственныя мѣста, всегда плохо содержатся.

Муравьева старались было выставить потомъ въ доказательство того, что я будто бы тоже одобрялъ учрежденіе казачества. Впрочемъ, они сами потомъ устыдились пошлости подобнаго извращенія, когда имъ доказали, что это все равно, какъ если бы стали увѣрять, что если докторъ лѣчитъ изувѣченнаго человѣка, то это значитъ, что онъ одобряетъ то, что его изувѣчили.

Замѣчу здѣсь разъ навсегда, что я строго раздѣлялъ самое дѣло отъ исполнителей, искажавшихъ его, и потому каковы бы ни были мои личныя отношенія къ этимъ исполнителямъ, это нисколько не препятствовало мнѣ оказывать самое ревностное и добросовѣстное содѣйствіе дѣлу въ видахъ пользы государственной и обязанностей человѣколюбія. Я никогда не руководствовался правиломъ «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», и всегда заботливо исправлялъ послѣдствія ошибокъ моихъ противниковъ и старался предупредить ихъ, несмотря на то, что для меня лично выгодно было предоставить все безразсудству ихъ, тогда какъ забота моя объ исправленіи дурныхъ дѣлъ ихъ обращалась къ личной ихъ выгодѣ. Но я никогда не допускалъ, чтобы удовлетвореніе суетнаго самолюбія видѣть своихъ противниковъ въ смѣшномъ видѣ и растерявшихся отъ накликанныхъ себѣ затрудненій, взяло перевѣсъ надъ побужденіями человѣколюбія и общей пользы, такъ какъ всякая ошибка ихъ отзывалась непремѣнно людямъ бѣдствіями и страданіями, государству положительнымъ вредомъ, и тѣмъ болѣе, что эти люди не знали другого средства исправленія своей глупости, невѣжества и дурныхъ побужденій, какъ снова хвататься за насиліе, могущее причинить только новыя бѣдствія и вредъ.

Дѣло пароходства было запутано Муравьевымъ точно также, какъ и все остальное и по одной и той же причинѣ, т. е. по своимъ эгоистическимъ видамъ. По соображеніямъ, основаннымъ на знаніи дѣла и мѣстности, и которыя всѣ блистательно оправдались на опытѣ, я, на предварительномъ обсужденіи дѣла, предложилъ завести два парохода: одинъ, самый легкій, для рѣкъ верхней части Амурской системы, другой— для низовья Амура. Здѣсь надобно замѣтить одно обстоятельство, которое всегда потомъ усиливало обвиненіе противъ Муравьева и лишало его обычнаго извиненія, что ошибки свойственны всякому новому дѣлу. Обстоятельство это заключалось именно въ томъ, что никакъ нельзя было отговариваться ни въ чемъ незнаніемъ и невозможностью предвидѣть, такъ какъ всѣ ошибки отъ того именно и происходили, что онъ отклонялся по эгоистическимъ видамъ отъ тѣхъ указаній, которыя даны ему были напередъ, и справедливость которыхъ онъ самъ признавалъ на предварительномъ обсужденіи всякаго дѣла, такъ что то, что впослѣдствіи онъ извинялъ, какъ ошибки только, а не дурной умыселъ, не было ошибками, а прямо умышленно дурными дѣлами.

Мною было предложено заказать небольшой желѣзный пароходъ въ Швеціи или Бельгіи и, доставивши его въ Читу, употребить предварительно на плаваніе до Усть-Стрѣлки по рѣкамъ Ингодѣ, Шилкѣ и Аргуни, гдѣ плаванье, по мелководью, самое затруднительное. Такой пароходъ годился бы потомъ и для верхней части Амура, и былъ

бы тамъ полезенъ, такъ какъ въ случаѣ правильной колонизаціи Амура, само необходимое и самое трудное на первое время было, конечно, установить обезпеченное сообщеніе. Что-же касается до нижней части Амура, то туда можно было доставить моремъ большой пароходъ и, притомъ, вооруженный для того, чтобы онъ не только могъ безопасно плавать на широкомъ и бурномъ заливѣ огромной рѣки, но и быть представителемъ силы. Такъ и было опредѣлено сначала. Но вдругъ вмѣсто всего этого Муравьевъ вздумалъ два парохода, большой и малый, замѣнить однимъ среднимъ, который казался ему способнымъ служить и на верхней и на нижней части Амура, и, притомъ съ тѣмъ, чтобы машины для этого парохода изготовить въ Петровскомъ заводѣ, а корпусъ (деревянный) построить въ Шилкинскомъ. Нелѣпость такой затѣи была очевидна. Петровскій заводъ далеко не удовлетворялъ потребности для края даже и относительно простого желѣза, стало быть, занять его еще изготовленіемъ машинъ, значило наносить новый ударъ земледѣлію, которое и безъ того страдало отъ недостатка и дороговизны желѣза; а развитіе земледѣлія составляло между тѣмъ условіе *sine quo non* успѣха занятія и колонизаціи Амура. Что же касается машинъ, если бы и удалось изготовить ихъ прочно, то по неопытности дѣла, онѣ были бы въ такомъ случкѣ неминуемо очень тяжелы и дали бы корпусу болѣе глубокую осадку, что въ свою очередь могло сдѣлать пароходъ неспособнымъ ходить по мелкимъ мѣстамъ, а, можетъ быть, и подниматься противъ теченія. Все это было высказано напередъ мною Муравьеву и буквально вполнѣ оправдалось на опытѣ. Но его тщеславіе стремилось къ хвастовству всякаго рода; и потому, въ ожиданіи того, когда придетъ невѣрный случай похвастать захватомъ Амура, ему хотѣлось похвалиться, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что онъ далъ будто бы такое развитіе краю, что тотъ производитъ уже все свое, и что строятся даже и пароходы, какъ передъ этимъ надѣялся онъ похвастать постройкою солдатскихъ казармъ и казачьихъ штабовъ, усиленіемъ добычи и пр.

Конечно, Муравьевъ старался оправдаться тѣмъ, что по случаю разбитія Невельскимъ брига «Шелеховъ», онъ долженъ былъ потерять на уплату за этотъ бригъ 16 тысячъ изъ капитала, пожертвованнаго на пароходство. Но во-первыхъ, при тѣхъ средствахъ, которыми онъ располагалъ, такая потеря была ничтожна; во-вторыхъ, устройство механическаго заведенія въ Петровскомъ заводѣ для изготовленія негодныхъ машинъ было несравненно дороже, чѣмъ выписка лучшаго парохода изъ Швеціи, или по крайней мѣрѣ, съ Урала. (Въ это время уже плавали пароходы по Байкалу).

Когда въ 1854 году рѣшено было въ Петербургѣ воспользоваться предлогомъ необходимости будто бы подать помощь Камчаткѣ ближайшимъ путемъ, т. е. плывя по Амуру, и Корсаковъ присланъ былъ для приготовленія экспедиціи, то вся сущность этого приготовленія легла на меня, — а считавшіеся оффиціальными приготовителями только путали все дѣло. Всѣмъ извѣстно, до какой степени выказались ребяческія замашки Корсакова въ объясненіяхъ его съ Козакевичемъ, гдѣ обѣ стороны прибѣгли къ

моему посредничеству. Корсаковъ иной день по два раза прибѣгалъ ко мнѣ спрашивать то о томъ, то о другомъ. Даже при самомъ отправленіи экспедиціи изъ Читы весь городъ былъ свидѣтелемъ, что одно только мое присутствіе спасло Корсакова отъ бѣды, когда онъ своимъ безсмысленнымъ желаніемъ пощеголять въ дѣлѣ, гдѣ ничего не смыслилъ, чуть было не погубилъ экспедиціи въ самомъ началѣ. Видя, какъ онъ усердно добивался, чтобы я былъ при отправленіи (онъ, кромѣ письменнаго приглашенія, три раза былъ у меня, чтобъ упросить быть вмѣстѣ и съ семействомъ), всѣ замѣтили, что вѣрно сердце его предчувствовало, что быть бѣдѣ, если я тутъ не буду.

Съ грустію видѣлъ я все болѣе и болѣе обнаружившееся эгоистическое направленіе Муравьева; неразумность и недобросовѣстность его распоряженій, окруженіе себя людьми мало-смысленными и неблагонамѣренными (годными развѣ только на то, чтобы льстить ему и быть безусловными орудіями), подчиненіе пользы государства и благосостоянія края личнымъ видамъ тщеславія и интереса. Конечно, я не молчалъ, а говорилъ обо всемъ откровенно и не съ противниками Муравьева, а съ людьми близкими ему и съ прямою цѣлью образумить и остановить его; но когда увидѣлъ я, что все это не помогало уже, и что вѣроятно это отъ того, что Муравьевъ думаетъ, что такъ какъ онъ добился уже случая захватить Амуръ, то можетъ обойтись теперь и безъ меня, чтобъ дать полную волю своимъ замашкамъ, я счелъ своею обязанностью выразить открыто неодобреніе его дѣйствій и полное измѣненіе моихъ отношеній къ нему, и имѣлъ на это тѣмъ болѣе права, что самымъ ревностнымъ содѣйствіемъ успѣху экспедиціи на Амуръ и устройству края я такъ ясно и торжественно выказалъ уже, какъ строго я раздѣляю дѣло отъ лица и какъ мало чьи либо дѣйствія и личныя отношенія къ человѣку имѣютъ у меня вліянія на все, что относится для пользы общей. Поэтому-то, когда Муравьевъ, отправляясь въ экспедицію, пріѣхалъ въ Читу, и Запольскій далъ въ честь его обѣдъ, и я былъ первымъ изъ приглашенныхъ, то я отвѣчалъ, что не буду.

«Помилуйте, Дм. Ир.», сказалъ онъ, «что я скажу, если Ник. Ник. спроситъ: что это значитъ»?

«Не безпокойтесь, Пав. Ив.», отвѣчалъ ему я, «онъ не спроситъ, но очень хорошо и безъ объясненій пойметъ, что это значитъ. Я служилъ дѣлу не для Муравьева и теперь долженъ ясно показать, что содѣйствіе, оказанное мною Муравьеву въ дѣлѣ, вовсе не значитъ, что я одобряю его личность и тѣ дѣйствія его, которые прямо истекаютъ изъ личныхъ его видовъ ко вреду дѣла».

Между тѣмъ, какъ мы съ Запольскимъ напрягали всѣ усилія наши, чтобы изгладить или по крайней мѣрѣ смягчить по возможности послѣдствія дурныхъ распоряженій Муравьева, и край видимо сталъ отдыхать и поправляться, самая безсовѣстная интрига, и тайная и явная, усиленно работала и противъ Запольскаго и противъ меня, особенно когда не удалось имъ разрознить меня съ Запольскимъ. Муравьевъ самъ сказалъ

мнѣ: «Мой штабъ Запольскаго не любитъ». Съ давнихъ поръ въ Сибири были пріучены къ тому, чтобъ губернаторы кланялись лицамъ, окружающимъ генералъ-губернатора. Но Запольскій былъ слишкомъ гордъ и не только не заискивалъ въ нихъ, но постоянно обличалъ ихъ невѣжество и противился ихъ интересамъ, если что было ко вреду службы и народа, что они приписывали моему вліянію. Понятно, что они ненавидѣли Запольскаго не менѣе того, какъ и меня, и всячески наушничали на него Муравьеву. Все это наушничанье находило тѣмъ легче доступъ у Муравьева, что онъ и самъ тяготился уже тѣмъ ограниченіемъ своего произвола, и тою критикою своихъ распоряженій, которыя встрѣчалъ у Запольскаго. Но вначалѣ дѣлать было нечего. Съ одной стороны Запольскій былъ ему необходимъ, какъ одинъ, знающій дѣло; а съ другой, несмотря на все скороспѣлое производство, Муравьеву не удалось еще возвысить никого изъ своихъ слугъ до такой степени, чтобы они могли хоть временно занять мѣсто губернатора. Запольскій имѣлъ свои личные недостатки, но они не имѣли вліянія на службу; и я могу это вполнѣ засвидѣтельствовать, потому что онъ напр. не выказалъ мнѣ ни малѣйшаго неудовольствія, когда во-первыхъ удалена была изъ Читы по моему требованію одна его «родственница», задумавшая было вмѣшаться въ дѣла, а въ другой разъ я приказалъ чрезъ полицмейстера объявить «экономкѣ» Запольскаго, что я посажу ее въ полицію до пріѣзда самого Зап., если она въ его присутствіи осмѣлится войти когда нибудь въ кабинетъ. Запольскій, впрочемъ, и самъ сознавался въ «слабости къ женщинамъ», какъ это называютъ; но вотъ что по этому поводу говорилъ онъ мнѣ: «Въ томъ, въ чемъ они меня упрекаютъ, только развѣ вы имѣли бы право упрекать меня, потому что самая жизнь ваша служитъ всѣмъ упрекомъ. А то кричатъ тѣ люди, которыхъ вся жизнь — открытый соблазнъ, тогда какъ у меня, по крайней мѣрѣ, не случалось еще никакого скандала». Что же касается собственно до дѣлъ, то самъ Корсаковъ, назначенный къ исправленію должности губернатора на мѣсто Запольскаго, не разъ говорилъ мнѣ, что чѣмъ болѣе онъ вникаетъ въ распоряженія Запольскаго, тѣмъ болѣе убѣждается въ совершенной правильности его распоряженій и находитъ ихъ до такой степени поучительными для себя, что положилъ себѣ за правило пересмотрѣть всѣ прошлыя дѣла и извлекать для себя наставленія для правильнаго обсужденія и рѣшенія дѣла.

Запольскій былъ старый служивый. Онъ прослужилъ 40 лѣтъ въ военной службѣ, изъ которыхъ послѣднія 12 лѣтъ командовалъ Бутырскимъ пѣхотнымъ полкомъ, приведеннымъ имъ, по свидѣтельству самого Государя, изъ самого разстроеннаго въ самый блестящій видъ, и былъ посланъ въ Сибирь по выбору В. К. Михаила Павловича, какъ лучшій знатокъ военнаго дѣла. Онъ вполнѣ зналъ и военную службу и военную администрацію и военно-судное дѣло, тогда какъ ни Муравьевъ и никто изъ его приближенныхъ ничего тутъ не смыслили. Поэтому очень понятно, что при преобразованіи и устройствѣ военной части въ Восточной Сибири Запольскій былъ человѣкомъ необходимымъ; а

что онъ дѣлалъ все дѣло хорошо, это и Муравьевъ долженъ былъ засвидѣтельствовать, и по его представленію Запольскій получилъ награду даже высшую, чѣмъ самъ Муравьевъ [1]). Можно сказать, что Муравьевъ былъ вполнѣ въ рукахъ Запольскаго, если бы этотъ послѣдній не сдѣлалъ двухъ ошибокъ: одну вначалѣ, другую въ концѣ своей службы въ Сибири, не замѣтивъ, по излишней довѣрчивости къ благородству Муравьева, разставленныхъ ему сѣтей. У Запольскаго былъ сынъ въ гвардіи, имѣвшій поэтому хорошую обезпеченную карьеру. Муравьевъ упросилъ Запольскаго дозволить ему взять его сына къ себѣ въ адъютанты, обѣщая ему всевозможныя выгоды по службѣ и подъ предлогомъ, что отецъ будетъ скучать, такъ какъ вынужденъ жить въ Сибири безъ семейства [2]). Между тѣмъ настоящій разсчетъ Муравьева заключался въ томъ, чтобы связать этимъ Запольскаго, какъ въ дѣйствительности и вышло, потому что впослѣдствіи, во многихъ случаяхъ, Запольскій щадилъ Муравьева единственно изъ опасенія повредить службѣ сына, тогда какъ дѣйствуя съ твердостью, онъ самъ бы напротивъ связалъ Муравьева, если бы вслѣдствіе своей уступчивости не пропускалъ пользоваться многими удобными случаями, которыя доставляли ему опрометчивость и эгоистическія стремленія Муравьева. Подмѣтивъ эту уступчивость, Муравьевъ, который давно уже порывался къ открыто незаконнымъ мѣрамъ, но относительно которыхъ встрѣчалъ противорѣчіе только во мнѣ и въ Запольскомъ, сдѣлался еще болѣе требователенъ относительно Запольскаго (относительно меня, онъ давно уже отчаялся «уломать» меня), и такой ходъ неминуемо велъ къ открытому столкновенію, для чего случай не замедлилъ, конечно, представиться.

Въ то время, какъ Запольскій, сознавая свое достоинство, не хотѣлъ и знать приближенныхъ Муравьева, другіе, второстепенные изъ наѣхавшихъ изъ Россіи начальниковъ, люди, вполнѣ сознававшіе свое ничтожество, очень хорошо понимали, что они не иначе могутъ упрочить свое положеніе, какъ найдя себѣ опору въ комъ нибудь изъ этихъ приближенныхъ; и тѣ, кому удалось найти ее, думали и надѣялись, что могутъ уже позволять себѣ всякое нарушеніе и закона и дисциплины, и это до того, что одинъ бригадный командиръ, во время управленія Соллогуба въ отсутствіе Запольскаго, рѣшился даже прямо написать, что не почитаетъ нужнымъ исполнять приказаніе войскового правленія. У этого-то бригаднаго командира въ угоду адъютанту Муравьева Сеславину, командовавшему своднымъ казачьимъ батальономъ, заведена была неистовая картежная игра; въ которую вовлечены были другіе казачьи начальники, проигравшіе даже казенные деньги. Кромѣ того, у этого же бригаднаго командира были величайшіе безпорядки по постройкамъ казачьихъ штабовъ, и вотъ относительно этого-то бригаднаго

---

[1]) Запольскому дана была Анна съ короною, тогда какъ Муравьеву просто.

[2]) Жена Запольскаго была очень больная женщина и не могла ѣхать въ Сибирь.

командира и произошло непримиримое столкновеніе и формальный разрывъ между Муравьевымъ и Запольскимъ.

Запольскій всегда дѣлалъ инспекторскіе смотры аккуратно и добросовѣстно. Поэтому на смотрахъ 1854 г. не могли не обнаружиться всѣ безпорядки по второй пѣшей бригадѣ. Запольскій, какъ что нашелъ, такъ и помѣстилъ все во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о своемъ осмотрѣ. Муравьевъ страшно встревожился. Онъ зналъ, что если будетъ назначено слѣдствіе, то не миновать бѣды двумъ его любимцамъ, вышеупомянутому Сеславину и поляку Кукелю, который завѣдывалъ постройками и страшно всѣ ихъ запуталъ. Поэтому Муравьевъ, возвратя Запольскому отчетъ, убѣдительно просилъ его перемѣнить; но Запольскій, разумѣется, не могъ на это согласиться, не разрушивъ всѣ основанія службы и не освятивъ полной безнаказанности за противозаконные поступки и безпорядки. Съ тѣхъ поръ стали всячески подкапываться подъ него и стараться всѣми мѣрами выжить его, тѣмъ болѣе, что при дальнѣйшемъ пребываніи Запольскаго въ управленіи, неминуемо должны были открыться и всѣ возмутительныя дѣла, совершаемыя въ угоду Муравьеву и тайкомъ отъ Запольскаго Верхнеудинскимъ исправникомъ Беклемишевымъ.

Если по справедливости можно за что либо обвинять Запольскаго, то это, конечно, за то, что онъ самъ же далъ ходъ по службѣ такому негодяю, какъ Беклемишевъ, единственно по убѣжденію въ личной преданности его къ себѣ, и въ надеждѣ, что по этой преданности онъ его обманывать не будетъ. Впрочемъ, надо прибавить, что это такая слабость, отъ которой свободны немногіе начальники, и я имѣлъ полное право высказать это Козакевичу, когда онъ, оправдываясь предо мною въ разныхъ злоупотребленіяхъ, въ которыхъ обвинялось его управленіе Приморскою областью, вздумалъ было защищать одного своего чиновника слѣдующими словами: «Все это несправедливо: онъ хорошій человѣкъ, а главное лично мнѣ преданный человѣкъ», но, спохватившись, что слишкомъ много проговорился, поспѣшилъ прибавить: «Я это такъ говорю; впрочемъ, это ничего не значитъ».

«Напротивъ», отвѣчалъ я, «это не только много значитъ, но даже объясняетъ и подтверждаетъ все. Знаю я васъ, губернаторовъ,—стоитъ только поддѣть васъ на удочку личной преданности, то человѣкъ у васъ можетъ дѣлать уже, что хочетъ, и вы будете вѣрить, что онъ-то васъ и не можетъ обмануть, и не даете уже себѣ труда повѣрять его дѣйствія, а будете толковать въ хорошую сторону или извинять самыя очевидно дурныя дѣла. Такъ допустилъ вѣдь и Запольскій поддѣть себя Беклемишеву».

Беклемишевъ льстилъ Запольскому, наушничалъ ему, унижался всячески, чтобы угодить ему или позабавить его; разыгрывалъ роль шута, скакалъ чрезъ чубукъ вслѣдъ за собакою и пр. и, несмотря на всѣ мои предостереженія, Запольскій видѣлъ въ этомъ только одно ребячество или доказательство преданности. Особенно съ невыгодной стороны выставили Беклемишева два случая. Онъ жилъ вмѣстѣ со Скарятинымъ (тѣмъ

самымъ, который былъ редакторомъ газеты «Вѣсть»), негоднымъ чиновникомъ, незнающимъ дѣла, и картежникомъ. Запольскій однако же, желая пріучить Скарятина къ дѣламъ, приблизя его къ себѣ, поручилъ ему доклады по первому отдѣленію областнаго управленія и предложилъ ему даже постоянный столъ у себя. Но Скарятинъ, не зная никогда дѣлъ, которыя докладывалъ, занимался исключительно картами и интригами и въ благодарность Запольскому за все, что тотъ сдѣлалъ для него, завелъ въ областномъ правленіи тайную интригу противъ него съ цѣлью поссорить его съ Муравьевымъ, причемъ легче было получить значеніе, выслуживаясь сплетнями у того или другого, смотря по тому, гдѣ можно извлечь болѣе выгодъ.

Беклемишевъ же, вмѣсто того, чтобы или остановить Скарятина или воспротивиться интригѣ открыто, предпочелъ предать все на ушко Запольскому со страшными разумѣется заклинаніями, чтобы тотъ не выдавалъ его. Взволнованный Запольскій немедленно пріѣхалъ ко мнѣ и разсказалъ мнѣ все, кромѣ того только, отъ кого онъ это узналъ. Но я прямо и прежде всего спросилъ его объ этомъ. Послѣ нѣкотораго затрудненія, онъ наконецъ сознался, что отъ Беклемишева, но съ условіемъ никому не открывать этого.

«Дурное дѣло, Павелъ Ивановичъ», сказалъ я ему. Запольскій, думая, что эти слова относятся къ Скарятину, отвѣчалъ на это: «Да, представьте себѣ, а вы знаете, что я для него сдѣлалъ, и вотъ какъ онъ отплатилъ мнѣ».

«Да я говорю, Пав. Ив., не о Скарятинѣ, а о Беклемишевѣ», возразилъ я ему. «Онъ и измѣнилъ товарищу и былъ наушникомъ и не исполнилъ обязанности по службѣ».

«Ну вотъ вы, ригористъ, вы все строго судите по себѣ. Ѳединька—ребенокъ и сдѣлалъ это изъ преданности ко мнѣ» и пр.

Вообще надо сказать, что я не допускалъ у Запольскаго ни малѣйшей несправедливости, ни по предубѣжденію, ни по пристрастію. Между тѣмъ Запольскій былъ человѣкъ очень поддававшійся увлеченіямъ въ томъ и другомъ отношеніи, чему я всегда противился самымъ энергичнымъ образомъ и съ полною неуклонностью. Вотъ почему доходило у насъ иногда до такихъ горячихъ и бурныхъ споровъ, что, бывало, мое семейство встревожится и, когда уѣдетъ отъ меня Запольскій, остается въ убѣжденіи, что разрывъ между нами неизбѣженъ. Но, какъ говорится, *la nuit porte conseil*, и нерѣдко случалось, что на другой же день, рано поутру, Запольскій прибѣжитъ съ объясненіемъ, что, обдумавъ дѣло, онъ увидѣлъ, что я былъ правъ, и съ увѣреніемъ, что онъ всякій разъ чрезъ подобные случаи все болѣе и болѣе убѣждается, какъ полезны мои совѣты и руководство, видя до какой степени я ни для кого и ни за что не соглашаюсь отступить отъ справедливости.

Другой случай, выказавшій Беклемишева съ самой дурной стороны, былъ слѣдующій: мужъ родственницы Запольскаго выругалъ Беклемишева подлецомъ и вытолкалъ

его изъ дома Запольскаго въ его отсутствіи; и Беклемишевъ не только не вступился за свою честь и не смѣлъ вызвать его на дуэль, но даже не отважился и пожаловаться Запольскому, который объ этомъ узналъ только отъ постороннихъ. Изъ этого можно видѣть, сколько правды было въ утвержденіи Муравьева, что въ дѣлѣ вѣроломнаго убійства Неклюдова Беклемишевымъ этотъ послѣдній дѣйствовалъ будто бы по побужденію чести. Дѣло въ томъ, что Беклемишевъ прокладывалъ себѣ дорогу всякими средствами и для этого готовъ былъ сносить все.

Впрочемъ, чтобы вполнѣ доказать, что за человѣкъ былъ Беклемишевъ, достаточно сказать, что онъ самъ хвастался тѣмъ, какъ обманывалъ онъ свою мать, приводя въ ея домъ къ себѣ, подъ видомъ гостей, переодѣтыхъ въ мужское платье дѣвокъ, и что онъ искушалъ своего крѣпостнаго человѣка, оставляя перенумерованныя деньги незапертыми, чтобы, если тотъ не устоитъ противъ соблазна и возьметъ какой-нибудь цѣлковый, имѣть удовольствіе «сѣчь его не на животъ, а на смерть» и послѣ хвалиться этимъ.

И вотъ этого-то человѣка Запольскій назначилъ исправникомъ въ томъ уѣздѣ, гдѣ чаще всего проѣзжали Муравьевскіе чиновники, въ полной увѣренности, что Ѳединька, по преданности къ нему, будетъ лучше другихъ наблюдать за ними, да и самъ не будетъ обманывать.

Между тѣмъ Ѳединька тотчасъ смекнулъ, что такъ какъ онъ получилъ все отъ губернатора, что тотъ могъ доставить ему, то ему выгоднѣе будетъ угождать генералъ-губернатору, отъ котораго можно получать еще больше, и потому не задумался дѣйствовать предательски относительно своего благодѣтеля, у котораго такъ недавно еще цѣловалъ руки, называя еще и въ глаза и въ письмахъ своихъ благодѣтелемъ, которому всѣмъ обязанъ. Независимо отъ наушничанья, ему вскорѣ представился случай особенно угодить Муравьеву. Надо сказать, что въ послѣднее время управленіе въ краѣ такъ наладилось и приняло такое направленіе, что о притѣсненіи народа и вообще о чемъ либо противозаконномъ не смѣли и подумать. Между тѣмъ надо было приготовить вторую экспедицію на Амуръ, а ни Муравьевъ, ни его приближенные, расточая деньги на кутежъ, карты и развратъ, вовсе не были расположены тратить на экспедицію ни копѣйки изъ своего огромнаго жалованья. Напротивъ, имъ очень хотѣлось еще изъ назначенныхъ для экспедиціи расходовъ выгадать сколько возможно больше экономіи для денежныхъ наградъ себѣ. Чтобы добиться этого, не было однако же другого средства, какъ грабить народъ для удешевленія расходовъ. Но достигнуть этого чрезъ содѣйствіе Запольскаго не представлялось Муравьеву никакой возможности; и вотъ онъ началъ дѣйствовать тайкомъ отъ губернатора чрезъ Беклемишева. Пошли тайные закупы, реквизиціи, наряды. У людей брали все за безцѣнокъ или даже и даромъ [1]).

[1]) Что, имѣя carte blanche отъ ген.-губерн., на всякаго рода насиліе, Беклемишевъ пользовался этимъ правомъ для своего разврата и корысти, это поставлено внѣ всякаго сомнѣнія безчисленными свидѣтельствами. Еще недавно Н. С. Щукинъ присылалъ мнѣ

Но разумѣется, какъ ни таили все, подобныя вещи не могли однако же укрыться. Кромѣ того, войсковымъ правленіемъ были обнаружены и фальшивыя цѣны по закупкѣ Сеславинымъ сукна и полотна въ Россіи для казаковъ. Все это должно было подпасть формальному слѣдствію, если бы Запольскій остался въ управленіи. Онъ поѣхалъ уже въ Верхнеудинскъ, съ цѣлью посадить Беклемишева на гауптвахту, отъ чего тотъ избавился только, притворившись очень больнымъ. Муравьевъ рѣшился дѣйствовать сначала чрезъ сына Запольскаго, что бы тотъ уговорилъ отца проситься въ отпускъ для лѣченія болѣзни, или по крайней мѣрѣ пріѣхалъ хоть бы для этого въ Иркутскъ, сдавъ временно управленіе Корсакову. Но Запольскій не согласился, и Муравьеву нечего было бы дѣлать, если бы самъ Запольскій не сдѣлалъ ту другую ошибку въ концѣ своего управленія, о которой я упомянулъ выше и сдѣлалъ именно потому, что поступилъ тайкомъ отъ меня, въ чемъ послѣ и раскаялся.

Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать оффиціальнымъ путемъ по имѣющейся у него власти, Запольскій написалъ очень рѣзкое письмо Муравьеву, содержащее упреки, которые, какъ ни были справедливы, не могли однако же въ частномъ письмѣ имѣть никакого значенія, ни произвести какое либо дѣйствіе, кромѣ раздраженія. Муравьевъ радъ былъ ошибкѣ, которую сдѣлалъ Запольскій, и возвратилъ письмо это назадъ. Запольскій написалъ ему другое письмо, гдѣ припомнилъ, что только по убѣдительной просьбѣ Муравьева онъ принялъ мѣсто губернатора, такъ какъ разстроенное здоровье дѣлало для него особенно трудною эту должность. Оба эти письма Запольскій написалъ тайкомъ отъ меня. Конечно, и это второе письмо не повлекло бы за собою никакихъ послѣдствій, если бы не внезапная кончина Государя. Муравьевъ всетаки побаивался Николая Павловича и дѣйствовать противъ Запольскаго при покойномъ Государѣ было тѣмъ труднѣе, что самъ-же Муравьевъ превозносилъ предъ нимъ Запольскаго, какъ отличнаго генерала губернатора.

Но когда вступилъ па престолъ Александръ Николаевичъ, то Муравьевъ рѣшился воспользоваться тѣмъ, что новому Государю многое изъ прошедшаго не было извѣстно, и далъ такой оборотъ дѣлу, что разстроенное здоровье Запольскаго требуетъ непремѣнно его увольненія отъ должности, имъ занимаемой, но что онъ не можетъ никакъ подать формальной о томъ просьбы, такъ какъ по военному времени это запрещено; а въ доказательство справедливости своего утвержденія о болѣзни Запольскаго онъ, Муравьевъ, прилагаетъ собственноручное частное письмо къ нему Запольскаго. Но удалить одного

статью, содержащую цѣлое дѣло о томъ, какія увертки и средства употреблялъ онъ для насилованія дѣвицъ между семейскими крестьянами изъ старовѣровъ. Къ сожалѣнію, эту статью не рѣшился никто напечатать. Что же касается до корысти, то одинъ чиновникъ очень вѣрно замѣтилъ, что тѣми-же розгами, которыми вынуждали людей продавать за половинную цѣну свои произведенія, можно было заставить росписаться и въ полученіи денегъ, которыхъ не получали.

Запольскаго было еще недостаточно. Теперь, когда Муравьевъ приготовлялся дать полную волю своему произволу за Байкаломъ и обманывать самымъ дерзкимъ образомъ и правительство и публику относительно дѣйствій на Амурѣ, ему, конечно, не хотѣлось имѣть другихъ свидѣтелей своихъ дѣлъ и тамъ и здѣсь, кромѣ тѣхъ, которые ради интереса согласны были дѣйствовать съ нимъ заодно. Между тѣмъ сынъ Запольскаго въ качествѣ адъютанта Муравьева неминуемо долженъ былъ сопровождать его на Амуръ, а я всетаки оставался за Байкаломъ неподкупнымъ и грознымъ для Муравьева наблюдателемъ всего происходящаго. Надобно было поэтому во что бы то ни стало удалить насъ обоихъ. Муравьевъ, уже отправясь въ экспедицію въ сопровожденіи сына Запольскаго, придрался къ нему съ помощію самаго безсовѣстно-выдуманнаго предлога, чтобы оставить его въ самомъ началѣ плаванія. Но относительно меня онъ не могъ и не смѣлъ принять самъ никакихъ мѣръ, поэтому и выкинулъ слѣдующую штуку: онъ сдѣлалъ представленіе въ Петербургъ, что здоровье мое требуетъ пребыванія въ болѣе мягкомъ климатѣ, а такъ какъ Минусинскій край считается Италіей Сибири, то онъ и проситъ о переводѣ меня туда изъ Читы. Этимъ надѣялся онъ достигнуть двухъ цѣлей—удалить меня изъ Забайкальскаго края, главнаго поприща его насилій и обмановъ, но въ тоже время оставить меня всетаки въ Восточной Сибири въ его завѣдываніи, чтобы имѣть возможность помощію хотя бы и незаконныхъ мѣръ (напр. распечатанія и перехватыванія писемъ и пр.) воспрепятствовать передачѣ въ Россію свѣдѣній обо всемъ, уже извѣстномъ мнѣ. Устроивъ все такъ искусно по его мнѣнію, Муравьевъ самъ удралъ на Амуръ.

Такимъ образомъ лѣтомъ 1855 г. вдругъ получается одновременно и увольненіе Запольскаго отъ должности въ отпускъ для излѣченія болѣзни и перемѣщеніе меня въ Минусинскій край во вниманіе къ тому, что того требуетъ мое здоровье.

Получивъ оффиціальное о томъ сообщеніе, я немедленно написалъ князю Орлову, что я не могу принять подобнаго распоряженія иначе, какъ за недоразумѣніе или за наказаніе; что такъ какъ я самъ лучшій судья въ томъ, что полезно для моего здоровья, то не признаю необходимости перемѣщенія, и потому ни самъ о томъ не просилъ и не уполномочивалъ никого просить за себя. Если же это наказаніе, то если то правда, что въ русскомъ царствѣ никто безъ суда не наказывается, то я требую суда въ полной увѣренности, что чѣмъ подробнѣе будетъ изслѣдованіе моихъ дѣйствій, тѣмъ явнѣе будетъ мое торжество, такъ какъ по суду несомнѣнно будетъ доказано, что я по своимъ дѣйствіямъ заслуживаю напротивъ не наказанія, а высшей награды, хотя ея никогда не искалъ, да и не прошу.

Между тѣмъ вслѣдствіе отказа полковника Соллогуба (за болѣзнію) принять временно управленіе областью пріѣхалъ въ Читу вмѣсто губернатора полковникъ Баролевскій, командиръ 1-й конной казачьей бригады. Этотъ человѣкъ всячески добивался прежде моего благорасположенія и права на близкое знакомство со мною основывалъ на

пріятельскихъ отношеніяхъ съ нимъ Бестужева. Теперь вдругъ онъ прислалъ брата своего сказать, что будто бы онъ по своему положенію не можетъ бывать у меня и сталъ убѣждать меня, чтобы я подчинился вѣроломной интригѣ Муравьева и выѣхалъ бы изъ Читы въ Минусинскъ, чтобы не подвергать его, Баролевскаго отвѣтственности за неисполненіе. А такъ какъ я не соглашался ѣхать, то Баролевскій не вытерпѣлъ и явился лично убѣждать меня. Замѣчательно при этомъ мнѣніе, какое сами партизаны Муравьева и люди преданные ему высказывали о немъ.

Развѣ вы не знаете, Дм. Ир.» говорилъ мнѣ Баролевскій, убѣждая меня, «что этотъ бѣшеный человѣкъ, Муравьевъ, въ состояніи сдѣлать въ раздраженіи за то, что вы не слушаетесь его приказаній. Для васъ скоро можетъ открыться снова будущность (это говорилъ онъ, намекая на амнистію, о которой уже носились слухи), но теперь вы лишены еще всѣхъ правъ, и Муравьевъ можетъ такъ поступить съ вами, что послѣ вамъ нельзя будетъ показаться въ свѣтѣ».

Ясно, что онъ разумѣлъ подъ этимъ какое нибудь тѣлесное насиліе. Такимъ образомъ самые слуги Муравьева считали его способнымъ на самое гнусное насиліе, даже относительно человѣка, которому онъ всѣмъ былъ обязанъ. Я отвѣчалъ Баролевскому, что я презираю всѣ угрозы, и что позоръ подобнаго дѣйствія падетъ на того, кто осмѣлится покуситься на него, а отнюдь не на меня, котораго, какъ и самъ онъ видѣлъ на опытѣ, не могло унизить никакое положеніе. Что же касается лично до него, Баролевскаго, то мнѣ жалко видѣть, что онъ такъ дѣйствуетъ, и нечего ему убѣждать меня именемъ Н. А. Бестужева не подвергать его непріятности; что для огражденія его я дамъ ему, пожалуй, подписку, что буду готовиться къ выѣзду черезъ мѣсяцъ, а между тѣмъ напишу къ Венцелю, исправлявшему вмѣсто Муравьева должность генералъ-губернатора съ тѣмъ, что онъ, Баролевскій, до полученія отвѣта, не будетъ надоѣдать мнѣ своими требованіями о выѣздѣ. Такъ и устроилось дѣло между мною и Баролевскимъ.

Я написалъ къ Венцелю, что нечего ему принимать участія въ чужихъ грѣхахъ, что ему извѣстны всѣ обстоятельства и все вѣроломство Муравьева, такъ пускай же Муравьевъ, какъ затѣялъ дѣло, такъ самъ и распутываетъ его. Венцель немедленно написалъ Баролевскому, чтобы тотъ не смѣлъ тревожить меня и что я могу оставаться въ Читѣ до возвращенія Муравьева.

Между тѣмъ Корсаковъ, посланный впередъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о второй экспедиціи на Амуръ, былъ назначенъ исправляющимъ должность губернатора въ Читу. Когда же Муравьевъ возвратился, то я настоятельно требовалъ отъ Баролевскаго, чтобы онъ спросилъ отъ моего имени категорически у Муравьева, на какомъ основаніи считаютъ полезнымъ для моего здоровья насильственное перемѣщеніе меня въ Минусинскъ, и кто о томъ просилъ? Писать же самъ къ Муравьеву я не намѣренъ. Муравьевъ, не смѣя самъ дѣйствовать, задумалъ спрятаться за Корсакова и отвѣчалъ, что такъ какъ теперь Корсаковъ назначенъ губернаторомъ, то это уже его дѣло.

По прiѣздѣ Корсакова я не далъ ему перевести духа, можно сказать, и минуту. Онъ прiѣхалъ ночью, а въ 8 часовъ утра должны были собираться у него всѣ служащiе. Я выбралъ нарочно это самое время, чтобъ потребовать объясненiя у него, какъ у ближайшаго наперсника Муравьева. Поэтому, войдя въ залу, гдѣ были собраны всѣ, я прямо подошелъ къ нему, и безъ всякаго привѣтствiя и предисловiя сказалъ ему: «Скажите пожалуйста, Михайло Семеновичъ, что значитъ это вѣроломное дѣйствiе противъ меня Муравьева»?

Корсаковъ страшно сконфузился, схватилъ меня за обѣ руки и, утащивъ въ гостиную и усадивъ на диванъ, сказалъ: «Неужели вы думаете, Дм. Ир., что и я тутъ въ чемъ нибудь виноватъ? Я право ничего не зналъ, и неужели вы считаете меня способнымъ на то, чтобы и я сталъ васъ тревожить? Я вѣдь хорошо помню, сколько мы всѣ вамъ обязаны. Ради Бога, успокойтесь будемъ по-прежнему; теперь, видите, мнѣ некогда, а послѣ потолкуемъ обо всемъ».

Такимъ-то образомъ и осталось безъ исполненiя Высочайшее повелѣнiе о перемѣщенiи меня въ Минусинскъ, потому что даже изъ самыхъ преданныхъ слугъ Муравьева не нашлось никого, кто бы въ угоду ему отважился взять на себя приведенiе дѣла въ исполненiе; и такимъ образомъ Муравьевъ изъ своей попытки не выигралъ ничего, кромѣ позора безплоднаго, неудавшагося покушенiя, т. е., какъ говорится, *„tout l'odieux d'un crime sans en avoir tiré du profit"*.

Трудно себѣ представить, какъ смѣшонъ и жалокъ былъ Корсаковъ въ началѣ своего губернаторства. Онъ терялся во всемъ и какъ будто бы у каждаго искалъ извиненiя себѣ въ томъ, что вдругъ занялъ такое мѣсто. Сознанiе своего недостоинства, при всемъ желанiи скрыть это, мучило его такъ, что ему очевидны казались въ глазахъ всѣхъ и насмѣшка надъ его губернаторствомъ и упрекъ за то.

Но относительно совѣтовъ моихъ и содѣйствiй онъ не смѣлъ дѣйствовать такъ открыто, какъ Запольскiй, старался скрыть то, что у меня ищетъ рѣшенiй, или выспрашивалъ мое мнѣнiе косвенно, а при исполненiи не поступалъ съ искренностью. Ему хотѣлось быть въ ладахъ и со мною, чтобы всѣмъ пользоваться отъ меня, и въ то же время угождать Муравьеву въ его незаконныхъ требованiяхъ, стараясь дѣлать это тайкомъ отъ меня. Разумѣется, это неминуемо и должно было привести къ столкновенiю, такъ какъ по моимъ правиламъ, какъ я всегда и доказывалъ на опытѣ, никакiя личныя отношенiя не должны были имѣть и никогда не имѣли никакого влiянiя на безпристрастное мое отношенiе къ дѣлу; и разрывъ мой съ Корсаковымъ и другими лицами, всячески угождавшими мнѣ, ясно доказалъ всю лживость утвержденiй тѣхъ людей, которые старались объяснить дѣйствiя мои противъ Муравьева измѣненiемъ будто бы нашихъ личныхъ отношенiй, тогда какъ дѣло было именно совсѣмъ наоборотъ.

Я не спускалъ ни Корсакову, ни Буссе и др. никакой ошибки, никакого дурного дѣла, которое доходило до моего свѣдѣнiя. Вначалѣ они лицемѣрили предо мною и вы-

казывали будто бы большую готовность исправлять указываемые имъ ошибки и отмѣнять свои распоряженія, нелѣпость которыхъ была имъ доказана. Но мало по малу стали доходить до меня слухи, что тайкомъ дѣлалось очень много дурного, и въ то же время отдавались строжайшія приказанія, чтобы ничто не доходило до меня. Между тѣмъ, крайняя степень невѣжества главныхъ начальниковъ обнаруживалась все болѣе и болѣе. Можно судить по слѣдующимъ образцамъ. Разъ Корсаковъ присылаетъ коляску и пишетъ ко мнѣ, убѣдительно прося пріѣхать къ нему, потому что ему ни на минуту нельзя отрываться отъ распоряженій по экстренному случаю, и поэтому нельзя пріѣхать самому ко мнѣ. Пріѣзжаю и застаю у него начальника штаба Буссе (вслѣдъ затѣмъ назначеннаго Амурскимъ губернаторомъ). Корсаковъ сообщаетъ мнѣ, что его командируютъ на Амуръ, и проситъ разныхъ указаній относительно предполагаемой экспедиціи. Справившись съ дѣлами и отославши всѣхъ, мы остались одни втроемъ и сѣли пить чай. Разговоръ перешелъ къ политикѣ. Тутъ замѣтилъ я, что Корсаковъ съ Буссе что-то переглядываются, что имъ очевидно хочется что-то сказать, но что ни одинъ не рѣшается высказать того первый. Наконецъ, Буссе, который былъ посмѣлѣе, сказалъ: «Ну что же. Хоть и совѣстно спрашивать о такихъ вещахъ, а нечего дѣлать. Впрочемъ, намъ нечего стыдиться учиться у Дм. Ир.—Вотъ въ чемъ дѣло: тутъ въ газетахъ все толкуютъ о какихъ-то Зундскихъ пошлинахъ, что это такое? «Очень просто, отвѣчалъ я, это пошлины съ кораблей за право прохода черезъ Зундъ».—«А что такое Зундъ»?—Я посмотрѣлъ на него, такой вопросъ можно было бы принять за мистификацію. «Да вы шутите что-ли?» спросилъ я, «можетъ-ли быть, чтобъ вы не знали, что такое Зундъ. Да это знаетъ всякій ученикъ даже уѣзднаго училища».—«Нѣтъ, право не знаемъ. Можетъ быть, и учили когда то, да забыли».

И такъ два губернатора не знали, что такое Зундъ. Не болѣе показалъ знанія въ географіи и Муравьевъ и съ нимъ весь иркутскій отдѣлъ географическаго общества. Когда сказано было въ газетахъ, что взятые въ Охотскомъ морѣ въ плѣнъ англичанами русскіе были отправлены на островъ Ванкуверъ, то посылали нарочно въ Баргузинъ къ М. К. Кюхельбекеру и просили его пріѣхать въ Иркутскъ для поясненія генералъ-губернатору, что это за такой островъ Ванкуверъ и гдѣ онъ находится.

VI.

Между тѣмъ, послѣдовало возвращеніе намъ правъ и вмѣстѣ съ тѣмъ право возвратиться въ Россію. Извѣстіе о томъ было получено въ Читѣ поздно уже вечеромъ, часу въ десятомъ. Несмотря на то, губернскій почтмейстеръ, губернаторъ и атаманъ тотчасъ же прибѣжали ко мнѣ съ поздравленіемъ, и по мѣрѣ того, какъ распространилось извѣстіе, являлись и другіе до самой поздней ночи. На другой день рано поутру

стояла у дома моего огромная уже толпа крестьянъ, казаковъ и бурятъ, ожидая, пока въ домѣ встанутъ, чтобы принести и имъ поздравленіе мнѣ; и въ это утро перебывалъ у меня весь городъ, всѣ служащіе и купечество, мужчины и дамы, и особенно усердными заявителями своей радости являлись именно тѣ, которые перестали было посѣщать меня послѣ моего разрыва съ Муравьевымъ. Въ полдень соборный протоіерей со всѣмъ городскимъ духовенствомъ явился безъ зова отслужить у меня молебенъ.

Въ 1857 году пріѣхалъ въ Читу бывшій мой подкомандный офицеръ, теперь генералъ-адъютантъ, графъ Путятинъ, назначенный чрезвычайнымъ посланникомъ въ Китай. Онъ привезъ мнѣ предложеніе вступить опять на службу, представляя въ перспективѣ всевозможныя выгоды снова. Я отвѣчалъ ему, что я личныхъ побужденій никакихъ не имѣю; да если бы и имѣлъ, то ничто уже не можетъ льстить мнѣ, никакіе чины и награды, когда они, мои бывшіе подчиненные, которые и сами себя никогда не равняли со мною, теперь полные генералы, адмиралы, графы, посланники и пр., то можетъ-ли ужъ прельстить меня какой-нибудь штабъ-офицерскій чинъ, хотя бы и правда была то, что я не замедлю получить его, какъ онъ мнѣ въ томъ ручался. Къ тому же, теперь я дѣйствую независимо, а вступивъ на службу, обязанъ буду быть исполнителемъ чужихъ воззрѣній и приду въ столкновеніе по какому нибудь административному вопросу. Наконецъ, такъ какъ я до сихъ поръ былъ лишенъ права голоса, то и не имѣлъ еще возможности заявить о тѣхъ своихъ убѣжденіяхъ, которыя добыты мною изъ опыта и изученія послѣ 14-го декабря. Слѣдовательно, и правительству, и народу неизвѣстны еще идеи мои и правила. Только тогда, когда я буду имѣть возможность заявить ихъ гласно и словомъ и дѣломъ, вступленіе въ службу будетъ для меня возможно потому, что, зная уже, что отъ меня можно требовать и ожидать, признаютъ за мною, приглашая меня, право и поступать соотвѣтственно моимъ убѣжденіямъ... Что же касается до благонамѣренности правительства, въ которомъ онъ, Путятинъ, представляетъ мнѣ будто бы ручательство, что нѣтъ основанія предвидѣть тѣ столкновенія, о которыхъ я говорилъ, то отъ слова до дѣла, отъ намѣреній до фактическихъ доказательствъ очень далеко; и думаю, что собственный примѣръ Путятина доказываетъ это какъ нельзя лучше; что для меня, кажется, напр. невозможнымъ, чтобы онъ не видѣлъ всѣхъ безпорядковъ и всего зла, которое творится въ Восточной Сибири и на Амурѣ. При этомъ стало быть одно изъ двухъ: или онъ умолчалъ о томъ предъ правительствомъ и тѣмъ доказалъ, что даже самое высокое положеніе налагаетъ у насъ узду на откровенность и обличеніе зла; или онъ говорилъ, но это не произвело никакого дѣйствія. Правда, я знаю, что многіе, сказавъ разъ, думаютъ, что очистили совѣсть и пріобрѣли уже затѣмъ право умыть руки; но что и онъ знаетъ, что я и прежде былъ не таковъ, а теперь и тѣмъ болѣе, и что коль скоро открываю гдѣ зло, то вступаю съ нимъ въ борьбу безъ устали, не давая покоя ни себѣ, ни другимъ, такъ какъ же тутъ избѣжать столкновенія, и пр. и пр. Путятинъ долженъ былъ согласиться съ моими доводами, хотя и сказалъ мнѣ, что

отказъ примутъ за оскорбленіе или за сохраненіе все еще вражды и при случаѣ припомнятъ мнѣ это, что и оправдалось на дѣлѣ.

Здѣсь я долженъ обратиться къ поясненію своихъ личныхъ обстоятельствъ. Если уже слѣдовало мнѣ добровольно возвратиться въ Россію, то, конечно, надо было сдѣлать это немедленно по полученіи извѣщенія о возвращеніи намъ правъ. Этого не только требовала моя личная выгода, но и открывшіяся тогда благопріятныя обстоятельства для общественной дѣятельности въ Россіи. Въ Читѣ собственно меня ничто не удерживало, кромѣ добровольно принятой обязанности относительно завѣщаннаго мнѣ покойною женою семейства ея. Конечно, я и не думалъ его оставлять; но именно только въ то время и была еще возможность перевезти его въ Россію, если бы я имѣлъ на то средства. Это было необходимо по всѣмъ соображеніямъ. Въ Читѣ жизнь становилась съ каждымъ годомъ все труднѣе и дороже, а хозяйство, бывшее до тѣхъ поръ главнымъ источникомъ моего дохода, все невыгоднѣе. Къ тому же, только въ это время я могъ выгоднѣе отдать домъ свой въ наемъ или и совсѣмъ продать его. Только такъ какъ, разумѣется, я не могъ получить всѣхъ денегъ вдругъ, то мнѣ и необходимо было имѣть небольшое содѣйствіе отъ родныхъ, чтобы быть въ состояніи переѣхать не одному только (на что я всегда имѣлъ средства), но перевезти и живущее при мнѣ семейство въ Россію. Поэтому я и написалъ сестрѣ, увѣдомлявшей меня, что она и всѣ родные съ нетерпѣніемъ ожидаютъ возвращенія моего въ Россію, чтобы она прислала мнѣ на дорогу шестьсотъ или семьсотъ рублей и приготовила бы для житья хоть двѣ или три комнаты въ нашемъ домѣ въ деревнѣ. Надо замѣтить, что эти шесть или семь сотъ рублей составляли почти ту же сумму, которую я и безъ того имѣлъ право требовать по завѣщанію мачихи, если принять въ разсчетъ то, что слѣдовало мнѣ получить въ 1857 г. и что было недоплачено за два предшествовавшіе года. И, такъ какъ сестра постоянно въ теченіе 30 лѣтъ только объ одномъ и писала, что живетъ преимущественно для братьевъ и что о перемѣнѣ завѣщанія мачихи (по наущенію ея родныхъ) только потому и жалѣетъ, что не можетъ сдѣлать для меня всего, что бы желала, то я и не могъ себѣ представить, чтобъ было какое затрудненіе въ исполненіи моего требованія, тѣмъ болѣе, что, живя въ Читѣ, я ничего себѣ не требовалъ и, кромѣ нѣкоторыхъ вещей (большею частію даже бездѣлицъ), ничего и не получалъ. Каково же было мое изумленіе, когда сестра написала мнѣ, что ни выслать такой суммы денегъ, ни приготовить комнатъ въ домѣ, по ветхости его, не можетъ. Послѣднее тѣмъ болѣе было для меня удивительно, что домъ сравнительно былъ еще новый и очень прочный, и что сама сестра только что выѣхала изъ него, проживая въ немъ полтора года. Относительно же невозможности выслать требуемую мною сумму, дѣло показалось тѣмъ страннѣе, что я не могъ понять, зачѣмъ же тогда сестра поѣхала опять жить въ Москву, тогда какъ все требовало личнаго присутствія ея въ деревнѣ для приведенія въ порядокъ прекраснаго имѣнія, растроеннаго управляющими именно только вслѣдствіе долгаго отсут-

ствія владѣльцевъ. Одна экономія отъ личнаго управленія по ненадобности въ такомъ случаѣ платить жалованье управляющему и отъ сокращенія расходовъ въ сравненіи съ жизнью въ Москвѣ, гдѣ одна квартира требовала большаго расхода, составила бы въ одинъ годъ вдвое болѣе того, что мнѣ нужно было для возвращенія въ Россію и перевезенія туда жившаго при мнѣ семейства.

Тутъ только въ первый разъ пришлось мнѣ подумать: ужъ и въ самомъ дѣлѣ не справедливы-ли давно доходившіе до меня темные слухи (отчасти черезъ брата Ипполита), но которые я принималъ за сплетни, что мачиха и сестра болѣе заботятся о какихъ-то своихъ воспитанницахъ, да о приживалкахъ, нежели о братьяхъ, и что сестра находится подъ вліяніемъ дурныхъ людей, высасывающихъ изъ нея все, что они могутъ, пользуясь ея слабоуміемъ отъ какого-то рода помѣшательства, въ которомъ она находилась. Впрочемъ, даже и до всего этого мнѣ не было бы никакого дѣла, если бы сестра не составила себѣ даже репутаціи изъ того, что будто бы и живетъ только единственно для братьевъ. Я ни отъ кого никогда ничего не требовалъ кромѣ правды. Сестра доказывала мнѣ впослѣдствіи, что она имѣла право ничего не дѣлать для насъ, такъ какъ мачиха предоставила ей по смерть ея полное распоряженіе завѣщаннымъ ей имѣніемъ; но изъ самаго завѣщанія мачихи, изъ положительнаго огражденія нашихъ правъ отъ произвола родственниковъ, изъ назначенія капитала дѣтямъ старшаго брата очевидно было, что ей и въ голову не приходило, чтобы сестра, увѣрявшая всегда и ее, что живетъ только для насъ, почла себя вправѣ не дѣлать для насъ и того, къ чему мачиха обязывала завѣщаніемъ своихъ родныхъ. Ясно, что мачиха считала всякую оговорку насчетъ обязанности сестры обидною для нея. Если же предположить, что мачиха, всегда обижавшаяся тѣмъ, если кто изъ постороннихъ называлъ ее этимъ именемъ, и всегда выдававшая себя за истинную мать намъ, и въ самомъ дѣлѣ не заботилась объ обезпеченіи насъ, то обязанность сестры была-бы—вовремя предупредить меня о томъ, а не держать меня въ постоянномъ обманѣ насчетъ моего обезпеченія, и тогда бы я могъ, не разсчитывая уже ни на что, принять заблаговременно свои мѣры, ни въ какомъ случаѣ не допускать оставлять будущность свою и своего семейства на произволъ прихоти сестры. Между тѣмъ, всѣ эти обстоятельства поставили меня въ невозможность воспользоваться содѣйствіемъ и товарищей, когда встревоженные тѣмъ, что я не возвращаюсь, они чрезъ Ив. Ив. Пущина требовали, чтобы я написалъ, сколько мнѣ нужно, для возвращенія въ Россію. Но дѣло въ томъ, что если бы мои родные были въ дѣйствительной невозможности оказать мнѣ содѣйствіе, тогда я, конечно, могъ бы по совѣсти принять содѣйствіе отъ товарищей, имѣя на то полное право, такъ какъ и самъ несравненно больше дѣлалъ для нихъ. Но теперь, стараясь всегда показывать примѣръ, я не могъ принять предлагаемаго содѣйствія потому, что не могъ объяснить дѣйствительной надобности въ немъ, не изобличивъ всей несправедливости моихъ родныхъ. Такимъ образомъ я по неволѣ долженъ былъ остаться въ Читѣ, а коль скоро не выѣхалъ въ удоб-

ное время, то разстройство дѣлъ въ Читѣ дѣлало съ каждымъ годомъ труднѣе собрать средства на выѣздъ, не покидая семейства; когда же наконецъ все болѣе и болѣе гибельныя для края и государства дѣйствія Муравьева заставила меня гласно выступить противъ него, тогда уже нравственная обязанность требовала, чтобы я оставался въ Читѣ, такъ какъ я хотѣлъ не только обличить и исправить зло, но и представить ободряющій примѣръ, показать, какъ должна дѣйствовать истинная гласность и совершить нравственный подвигъ, выступивъ противъ противниковъ лицомъ къ лицу на мѣстѣ ихъ дѣйствія и находясь даже въ ихъ власти.

Съ каждымъ днемъ становилось для меня очевиднѣе, что система, принятая Корсаковымъ относительно меня, основывалась именно на той надеждѣ, что вслѣдствіе его ухаживанья и личнаго угожденія мнѣ, они добьются наконецъ того, что я буду снисходительнѣе смотрѣть на ихъ противозаконныя дѣла. Но я не замедлилъ показать имъ, до какой степени они ошибались, потому, что чѣмъ сильнѣе выказывались ихъ угодливость лично мнѣ, тѣмъ строже и безпощаднѣе преслѣдовалъ я всякое зло, и еще болѣе, чѣмъ при Запольскомъ, явился въ глазахъ народа надежнымъ его защитникомъ. Не только ужъ въ Забайкальской области, но и съ Амура и изъ другихъ мѣстъ Восточной Сибири стекались ко мнѣ и жалобы и нужныя свѣдѣнія. Напрасны были всѣ мѣры и всѣ угрозы; люди находили средства сообщать мнѣ все, что нужно. Наконецъ, самъ Корсаковъ почувствовалъ, что всякая борьба со мною на этой почвѣ безуспѣшна, и всякое стараніе остановить меня личными мнѣ угожденіями будетъ напрасно, потому что лучше, нежели кто нибудь, онъ зналъ, до какой степени личныя отношенія мало имѣютъ вліянія на образъ моихъ дѣйствій. Онъ видѣлъ, что, несмотря на все вѣроломство и подлость Муравьева относительно меня, я не смѣшивалъ дѣла съ его личностью и продолжалъ, какъ и прежде, оказывать полное содѣйствіе дѣлу, даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Муравьевъ усвоивалъ себѣ мои труды и извлекалъ себѣ выгоду.

Въ такихъ отношеніяхъ прошелъ весь 1857 г., какъ наконецъ два обстоятельства вынудили меня выступить открыто противъ зла, увеличивающагося все болѣе и болѣе, и попытаться остановить его помимо мѣстныхъ правителей и даже вопреки имъ, коль скоро опытъ вполнѣ доказалъ уже, что нечего надѣяться образумить ихъ. Я тѣмъ болѣе имѣлъ на это права, что и въ этомъ случаѣ не отступилъ отъ обычнаго своего правила обращаться сначала непосредственно къ самимъ творцамъ зла, чтобы вразумить и остановить ихъ, и только тогда дѣйствовать противъ нихъ самихъ, когда увижу, что они дѣйствуютъ вполнѣ сознательно, а не по неразумію или непониманію дѣла. Въ настоящемъ же случаѣ необходимость обличенія была тѣмъ настоятельнѣе, что зло, казавшееся мѣстнымъ и извиняемое, если не оправдываемое, случайными обстоятельствами, грозило сдѣлаться общимъ правиломъ и узакониться. До сихъ поръ можно было думать, что само правительство находится въ сомнѣніи насчетъ характера дѣйствій въ Восточной Сибири (что, казалось, подтверждала присылка Путятина), а публика вовсе не

знаетъ ихъ и потому на неправильности смотритъ, какъ на результатъ не то что умышленнаго дѣйствія, а исключительныхъ обстоятельствъ; но теперь выказалось, что Муравьевъ и его сообщники задумали обмануть самымъ дерзкимъ образомъ не только правительство, но и всю Россію, и то, въ чемъ сами до сихъ поръ извинялись, какъ въ ошибкѣ и случайности, возвели въ положительную систему, на которую имѣютъ будто бы полное право. Поэтому, съ одной стороны стали печатать самую возмутительную ложь насчетъ положенія вещей на Амурѣ и вообще во всей Восточной Сибири, а съ другой всяко насиліе, всѣ реквизиціи, наряды и пр. выдавать за обязательную службу. Правда, когда я въ первый разъ указалъ Корсакову и Буссе на нелѣпость того, что начали печатать объ Амурѣ, то они старались отдѣлаться шуткою («Прихвастнули немножко», отвѣчали они мнѣ), или отрекались отъ всякой солидарности съ авторами вздорныхъ извѣстій; но скоро оффиціальность внушеній, по которымъ писались подобныя статьи, стала для меня несомнѣнна; а съ другой стороны, когда я разъ сказалъ Корсакову объ одномъ изъ тѣхъ дѣйствій, которыя онъ и самъ прежде признавалъ за неправильныя и всегда, бывало, обязывался исправлять. то онъ вдругъ отвѣчалъ мнѣ: «Что-жъ, Дм. Ир., вѣдь это служба.»—«А, вотъ вы какъ начали теперь говорить, сказалъ я ему, «ну, такъ дѣлайте же какъ хотите, но и я буду уже дѣлать то, что обязанъ».—Я честно предупредилъ ихъ, что такъ дѣла не могутъ идти, и что изъ обмана и насилія, кромѣ гибели для самаго Амурскаго дѣла и для края и вреда для государства, ничего не можетъ выдти. Но ясно было, что эти люди, если до сихъ поръ и лицемѣрили и удерживались еще отчасти, то это только отъ страха, пока они не считали своего положенія вполнѣ упроченнымъ, но что, если удастся имъ пріобрѣсти довѣріе, обманувъ правительство и публику, то они сбросятъ и маску, и узду. Кромѣ того, Муравьеву мало было извлекать себѣ выгоду отъ правительства, обманывая его; тщеславіе его искало еще и популярности, и онъ задумывалъ, нельзя ли пробраться хоть незаконнымъ путемъ даже и въ исторію. Вотъ для этого-то удобнѣе всего казалось ему, могли служить печатаемыя партизанами его статьи, въ которыхъ восхвалялись мнимые его подвиги и заслуги предъ Россіей; случай же окончательно надуть правительство и окончательно утвердиться въ довѣріи представилъ такъ называемый Айгунскій трактатъ. Только одного онъ не могъ предвидѣть, что именно то самое время, когда онъ достигнетъ апогея и могущества и довѣрія, когда, повидимому, никакая оппозиція и никакое обличеніе немыслимы, я и выберу, чтобъ не просто только уменьшить значеніе всего, но прямо провозгласить всѣ его подвиги вымысломъ, мыльными пузырями, а всѣ заслуги— положительнымъ вредомъ дѣлу, краю и государству.

Ознакомившись съ моимъ характеромъ, Муравьевъ очень хорошо зналъ, что мои отношенія къ людямъ основывались всегда на внутреннихъ свойствахъ своихъ, и что никакое внѣшнее положеніе человѣка не защититъ его отъ моего презрѣнія, если его дѣла того заслуживаютъ. Онъ зналъ также, что я не только не побоюсь выступить

противъ какой-то бы то ни было силы, будь это человѣкъ во власти или возмутившаяся масса, но что чѣмъ больше противная сила, тѣмъ рѣшительнѣе я выступаю противъ нея. Онъ самъ мнѣ говорилъ объ этомъ не разъ, припоминая и свидѣтельство моихъ товарищей и разсказъ Өеопемпта Лутковскаго объ укрощеніи бунта фрегатской команды въ Австраліи и о борьбѣ съ министромъ и всей адмиралтействъ-коллегіей, и наконецъ слышанное имъ самимъ въ Охотскѣ преданіе, какъ я спасъ капитана корабля изъ подъ ножей возмутившейся команды. Зная это все, онъ зналъ, конечно, что если найдется человѣкъ, который не побоится выступить противъ него, то это буду я, вслѣдствіе чего и старался въ 1855 году удалить меня изъ Читы, но онъ все думалъ, что я могу дѣйствовать только обычными по ихъ понятіями путями—словесною критикою (кричать, какъ это называется), тайными доносами, частными письмами, которыя можно перехватывать. Ему и въ голову не приходило, чтобъ мнѣ возможно было выступить въ печати, и чтобы я рѣшился на это при моемъ политическомъ положеніи, при враждебномъ настроеніи противъ меня правительства. При этомъ дѣйствительно нужно было чтобы случилось какъ-бы два чуда—возвращеніе мнѣ права голоса съ возвращеніемъ правъ потомственнаго дворянства и допущеніе нѣкоторой гласности въ первую эпоху послѣ Крымской кампаніи.

Поэтому ничто не можетъ сравниться съ дѣйствіемъ моей первой статьи, появившейся въ Морскомъ Сборникѣ. Все въ ней поражало своей необычайностью: полное разрушенія обаянія насчетъ Амура, образецъ истинной гласности, такъ какъ каждое лицо и каждая вещь назывались своимъ именемъ, появленіе статьи въ такомъ серьезномъ журналѣ, личная подпись, нахожденіе на мѣстѣ дѣйствія и во власти обличаемыхъ лицъ. Оттого и впечатлѣніе было потрясающее. Одни сравнивали ее съ громомъ при безоблачномъ небѣ, другіе со словами на пирѣ Валтасара. Весь Петербургъ и самый дворъ взволновались. *„Votre frère Dmitry a acquis l'estime et la sympathie générale“* писала воспитательница дѣтей Государя, Анна Федоровна Тютчева къ сестрѣ моей. «Если Дм. Ир. самолюбивъ», говорилъ ей же лично кн. Вас. Анд. Долгоруковъ, «то самое пылкое самолюбіе можетъ удовлетвориться: никому не удавалось надѣлать такого шума и произвести такое впечатлѣніе».

Дѣло было такъ: въ исходѣ Іюня 1858 г. Перовскій, чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, сопровождавшій Муравьева на Амуръ, возвращался изъ Айгуна назадъ, между тѣмъ, какъ Муравьевъ отправился далѣе. Надо сказать, что Муравьевъ не хотѣлъ понять, что ту же систему, какую онъ принялъ относительно правительства, приписывая все себѣ и выдумывая необычайные подвиги, его подчиненные, подражая его примѣру, примутъ непремѣнно и относительно его самого. Такимъ образомъ, Перовскій разсказалъ мнѣ всѣ подробности объ Айгунской продѣлкѣ, обличавшія всю пустоту суетливой дѣятельности Муравьева [1]) и, разумѣется, выставляя только себя въ болѣе

---

[1]) Этотъ Перовскій былъ настолько недобросовѣстенъ, что отрекся впослѣдствіи отъ своихъ словъ, какъ напечаталъ Карповъ въ своей статьѣ противъ меня: но на бѣду Перовскаго онъ забылъ, что были свидѣтели его разсказа мнѣ, которые подтвердили все сказанное мною, и Карповъ вынужденъ былъ передо мною извиниться.

выгодномъ видѣ, а такъ какъ бывшій при нихъ переводчикъ сообщилъ еще новыя и большія подробности объ этомъ же дѣлѣ, то для меня весь ходъ дѣла и сдѣлался вполнѣ извѣстнымъ. Для меня ясно стало, что переговоры ведены были неудачно, и только благодаря тому обстоятельству, что переводчикъ чрезъ одного монгола изъ свиты китайскаго уполномоченнаго узналъ, что уполномоченный получилъ извѣстіе о появленіи англо-французскаго флота въ заливѣ Печели, онъ, переводчикъ, и рѣшился воспользоваться для возобновленія переговоровъ съ большею настойчивостью, пользуясь страхомъ, который навело вышеупомянутое извѣстіе на уполномоченнаго, опасавшагося навлечь теперь войну и съ Сѣвера съ Россіею; не менѣе ясно было и то, что такъ называемый Айгунскій трактатъ былъ не что иное, какъ соглашеніе о демаркаціонной линіи, какое бываетъ обыкновенно для пріостановленія или предупрежденія военныхъ дѣйствій, что ясно уже было и изъ того, что нигдѣ даже слово «граница» не было упомянуто, что китайскіе подданные на лѣвомъ берегу оставались въ подданствѣ Китая и что обозначеніе линіи простиралось только до рѣки Уссури. Договоръ этотъ, какъ извѣстно, не только не былъ ратификованъ китайскимъ правительствомъ, но даже заключившій его уполномоченный былъ приговоренъ къ смертной казни. Поэтому, безъ взятія Пекина англичанами и французами въ 1860 году договоръ этотъ не имѣлъ бы никакихъ послѣдствій. Но Муравьевъ вовсе и не заботился о дѣйствительныхъ послѣдствіяхъ. Ему только нужно было во что бы то ни стало предупредить хоть нѣсколькими днями Путятина, заключавшаго настоящій (Тянь-Дзинскій) трактатъ и увѣрить, что именно сдѣлкѣ въ Айгунѣ обязана Россія пріобрѣтеніемъ Амура, и успѣть получить за это награду. Онъ зналъ, что, пока доберутся до правды, дѣло будетъ сдѣлано и личная цѣль его будетъ достигнута. Но и я тоже, зная, какъ дѣла дѣлаются въ Петербургѣ, не сомнѣвался, что это будетъ такъ, и что тогда Муравьевъ, усилясь еще больше во власти и довѣріи, прибѣгнетъ непремѣнно еще къ большимъ насиліямъ и обманамъ, чтобы прикрывать неминуемые гибельные результаты прежнихъ насилій и обмановъ и неизбѣжную неудачу отъ дурнаго веденія дѣла. Поэтому необходимо было дѣйствовать безотлагательно, да, притомъ, для того, чтобы и нравственное впечатлѣніе было сильнѣе, необходимо было выступить рѣшительно противъ силы во время самаго большаго ея могущества и блеска.

Но какъ же сдѣлать это? Ближе всего было бы послать статью въ «Русскій Вѣстникъ», гдѣ печатались лживыя статьи Романова; но тутъ мало было надежды на успѣхъ. Самолюбіе журнала не допустило бы напечатать опроверженіе на то, что въ немъ же печаталось; и тѣмъ болѣе, что попытка остановить Каткова не печатать вздоръ не привела ни къ чему. Я писалъ къ нему, что для того, чтобы понять нелѣпость статей Романова, не нужно ни быть на мѣстѣ, ни дожидаться чьего либо опроверженія, а достаточно здраваго смысла, чтобъ оцѣнить и физическую и нравственную невозможность небылицъ, въ которыхъ онъ увѣряетъ въ своихъ статьяхъ; но, несмотря нато, Катковъ продолжалъ печатать и слѣдующія статьи Романова.

Далѣе: предположивъ даже, что посланная мною статья и была бы принята въ какомъ нибудь другомъ частномъ журналѣ, всетаки могли встрѣтиться такіе неблагопріятные случаи: или цензура могла исказить статью, или если-бы и пропустила ее, то это могло быть приписано или недосмотру цензора, или вліянію общаго тогда направленія, и статья могла быть замѣшана въ огромномъ числѣ появившихся въ то время псевдо-обличительныхъ статей, тогда какъ я самъ именно и ратовалъ противъ мнимой гласности такого рода статей, съ одной стороны прикрывающихся разными анонимами, а съ другой нападавшихъ на «лежачихъ» или на такую мелочь, на которыхъ и рука не должна бы подниматься. Мнѣ необходимо было, напротивъ, для полнаго впечатлѣнія, чтобы цензоры, просматривавшіе мою статью, пропустили ее по убѣжденію въ справедливости сказаннаго и въ то же время сами представили полное ручательство, что сдѣлали это не по легкомыслію или увлеченію въ чемъ упрекали обыкновенно слишкомъ либеральничавшихъ издателей и цензоровъ. Вотъ почему я и рѣшился отправить статью въ «Морской Сборникъ», такъ какъ для помѣщенія ея въ немъ необходимо было, чтобы она прошла черезъ ученый комитетъ, гдѣ я надѣялся найти болѣе беспристрастія, но который, состоя изъ людей, преданныхъ государству и солидно-ученыхъ, въ то же время и для правительства и для публики представлялъ необходимыя гарантіи основательности своего обсужденія. Вмѣстѣ со статьею я отправилъ и дополненія, заключавшія всѣ необходимыя для редакціи доказательства справедливости всѣхъ моихъ указаній.

Сначала въ Петербургѣ обрадовались всѣ, потому что шарлатанство и хвастовство Муравьева надоѣло всѣмъ; но я не замедлилъ доказать всѣми послѣдующими моими статьями, какъ далекъ я былъ отъ всякой личности; и что въ лицѣ Муравьева я преслѣдовалъ общее зло, а вовсе не отдѣльное какое лицо, чрезъ которое это зло проявляется. «Если бы дѣло шло только собственно о Муравьевѣ», писалъ я министрамъ, «то онъ въ глазахъ моихъ оказался такимъ нравственнымъ ничтожествомъ, что я для борьбы собственно съ нимъ не сдѣлалъ бы движенія и мизинцемъ. Нѣтъ, цѣль моя, которую я всегда открыто и опредѣленно высказывалъ, это борьба противъ того всеобщаго зла, которое творитъ Муравьевыхъ, дѣлаетъ возможными ихъ дѣла и губитъ Россію. Если же я средствомъ раскрытія этого зла взялъ дѣла Восточной Сибири, то это только потому, что здѣсь всѣ виды общаго зла сосредоточились какъ-бы въ фокусѣ и являются въ болѣе грубомъ и чрезъ то въ болѣе осязательномъ, такъ сказать, видѣ; что поэтому-то я и не разсматриваю дѣлъ Муравьева отдѣльно, а въ общей связи ихъ со всѣмъ, что дѣлается и повсюду, вслѣдствіе чего и признаю все высшее управленіе вполнѣ солидарнымъ съ дѣйствіями Муравьева».

Когда увидѣли такимъ образомъ, что борьба у меня идетъ на общей государственной, а не на мѣстной какой почвѣ, что я преслѣдую не частное, личное и мѣстное зло, а общее, когда я выяснилъ тѣ начала, по которымъ всегда дѣйствовалъ, и что борьба противъ Муравьева была только однимъ изъ приложеній общихъ началъ, то съ

одной стороны Сибирскій комитетъ началъ задерживать всѣ мои статьи, что и повлекло мою переписку съ нимъ, съ главнымъ управленіемъ цензуры и съ разными министрами; а съ другой стороны к. Василій Андреевичъ Долгоруковъ написалъ сестрѣ и просилъ ее посовѣтывать мнѣ умѣрить запальчивость моего нападенія. Люди, смѣявшіеся надъ пустотой и безплодностью обличительной гласности въ томъ видѣ, въ какомъ она являлась вслѣдствіе ошибочнаго направленія литературы, увидѣли, что значитъ настоящая гласность. Всѣ почувствовали себя задѣтыми, почему и начали принимать всѣ мѣры, чтобы уменьшить впечатлѣніе, произведенное моими статьями и воспрепятствовать дальнѣйшему появленію ихъ въ печати.

Пытались было заподозрить искренность моихъ дѣйствій и выставить ихъ, какъ слѣдствіе прежней вражды относительно правительства и революціоннаго образа мыслей. На это я отвѣчалъ министрамъ, что революціонеры теперь не мы, а тѣ люди, которые, будучи поставлены блюстителями законности, сами подрываютъ всѣ ея основанія, и что въ томъ и состоитъ ненормальность положенія, что я, человѣкъ опальный, вышедшій изъ рядовъ революціонеровъ и противниковъ правительства, сталъ въ убѣжденіи народа такимъ же представителемъ законности и нравственнаго принципа власти, какимъ былъ въ то же время и законной свободы, а люди, считающіеся и обязанные быть представителями законной власти, являются въ глазахъ народа представителями противозаконнаго насилія и анархіи. Что же касается до упрековъ, что я, сохраняя будто бы вражду къ правительству, не хочу признавать блестящихъ реформъ настоящаго царствованія, то я отвѣчалъ, что для меня не существуетъ иллюзіи бумажныхъ реформъ; что если нѣтъ искренности, свидѣтельствуемой единственно отвѣтственностію всякаго лица за нарушеніе закона, тамъ всѣ реформы безплодны, и что я пережилъ уже эпоху еще важнѣйшихъ для своего времени реформъ, которыя именно по отсутствію отвѣтственности не помѣшали однако же придти къ безсмысленному, мрачному, тупому и дикому деспотизму Аракчеева.

Но высказываясь съ полною, неслыханною до тѣхъ поръ откровенностью и твердостью предъ правительствомъ [1]), я доказывалъ полное свое безпристрастіе, возставая однако въ то же время противъ правителей анархистовъ и противъ ошибокъ и неискренности и журналистовъ, противъ Герцена, какъ и противъ Каткова, противъ соціалистовъ и противъ холоповъ-революціонеровъ, противъ лже-патріотовъ русскихъ, противъ лже-ученыхъ суевѣровъ и противъ религіозныхъ ханжей невѣрующихъ. Я считалъ себя обязаннымъ преслѣдовать зло во всей его общности, а не въ отдѣльномъ какомъ видѣ, и потому скоро всѣ партіи увидѣли, что ни одной изъ нихъ не удастся залучить меня и сдѣлать орудіемъ противъ другой.

---

[1]) «Сознаемся, что не имѣемъ вашего гражданскаго мужества» и прочее. Письмо адмирала и сенатора Матюшкина, предсѣдателя ученаго комитета.

Я отказался посылать статьи для напечатанія за границу. Я сказалъ Герцену, что слово можетъ дѣйствительно быть сильнымъ и великимъ дѣломъ, но только тогда, когда человѣкъ подвергается за него отвѣтственности; а Каткову, который упрекалъ Герцена за то, что онъ говоритъ подъ защитою иностранной власти, написалъ, что не больше достоинства и въ его нападкахъ на Герцена, которыя онъ позволяетъ себѣ подъ защитою русскаго полицейскаго. Я писалъ разнымъ журналистамъ, что, упрекая цензуру, они сами дѣйствуютъ неискренно и относительно авторовъ, не печатая дѣльнаго, и относительно фактовъ, печатая вещи, противныя здравому смыслу. Я обличилъ дѣйствія лже-демократа Бакунина, показавъ, какъ лже-либералы сходятся съ деспотами, и прервалъ всѣ сношенія съ нимъ; и писалъ соціалисту Петрашевскому, что, вступая въ борьбу со зломъ, надо самому быть непричастнымъ ему; что только тогда можетъ существовать нравственная сила, несокрушимая въ борьбѣ при всей несоразмѣрности внѣшнихъ силъ, какъ и подтвердилось это на моемъ собственномъ примѣрѣ, вырвавшимъ у одного изъ сановниковъ восклицаніе: «Его законность тошнѣе намъ всякой незаконности».

Дѣйствительно, очень рады были бы мои противники, если бы имѣли возможность прикрыть покровомъ законнаго обвиненія и осужденія ихъ ненависть и мщеніе. Но я не подавалъ имъ ни малѣйшаго повода къ тому. Какія клеветы они ни разсѣивали, они сами доказывали, что сами не вѣрили имъ, потому что, имѣя въ рукахъ своихъ и судъ и судей, не отважились приступить никогда къ законному преслѣдованію меня въ чемъ бы то ни было, и потому имъ не оставалось ничего болѣе, какъ прибѣгнуть къ средствамъ завѣдомо всѣмъ и сознательно для нихъ самихъ противозаконнымъ. Конечно, они оказались вполнѣ способными на это и не отступили и предъ самыми гнусными.

Между тѣмъ всѣ самые значительные журналы въ Россіи наполнились выписками изъ моихъ статей и заговорили о нихъ; и если таково было впечатлѣніе въ Петербургѣ и въ Россіи, то можно себѣ представить, какое впечатлѣніе мои статьи должны были произвести въ Сибири, на самомъ театрѣ описываемыхъ дѣйствій; въ Сибири, гдѣ никогда еще не раздавалось свободное слово, гдѣ привыкли дѣйствовать тайными доносами и глухою только оппозиціей, гдѣ начальники привыкли сажать въ острогъ безъ суда всякаго осмѣливающагося сказать даже робкое слово,—всякое неугодное имъ лицо.

Надо сказать, что Морской Сборникъ или вовсе до тѣхъ поръ не выписывался въ Сибири, или выписывался только случайно кѣмъ нибудь. Такъ во всемъ Иркутскѣ онъ нашелся только въ одной частной библіотекѣ и читальнѣ. За то эта читальня цѣлую недѣлю была буквально осаждена толпою. Распорядились такъ, что одинъ кто-нибудь долженъ былъ читать мою статью вслухъ, а другіе слушали, и когда чтеніе было окончено, то просили слышавшихъ очистить читальню, чтобъ дать мѣсто другимъ. Такъ продолжалось нѣсколько дней съ ранняго утра до поздняго вечера. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ всѣхъ Сибирскихъ городовъ полетѣли выписки Морского Сборника. Выписана была не

одна сотня, такъ что возбужденъ былъ даже вопросъ о причинѣ такого огромнаго внезапнаго требованія.

Въ Читѣ явились ко мнѣ съ поздравленіемъ не только частныя, но и служащія лица, и даже изъ самыхъ крупныхъ; одни, дѣйствительно неодобрявшія незаконныя мѣры Муравьева и неохотно ихъ исполнявшія, другія, потому что прикидывались либералами. Вслѣдъ затѣмъ началъ я получать и изъ сибирскихъ городовъ и съ Амура и изъ Россіи письменные адресы, восхвалявшіе мое «великое слово, мое геройство» и пр. и пр.

Но для меня важнѣе всего было то слѣдствіе моихъ статей, что всѣ незаконныя мѣры какъ рукой сняло за Байкаломъ. Народъ вздохнулъ свободно. Корсаковъ пытался было опровергнуть мои показанія брошюрою восхвалителя *ex officio* Амурскихъ дѣлъ, Романова, и представилъ ее даже, какъ говорили, Государю, но своей попыткой вызвалъ только усмѣшку. Дѣлать было нечего. Возвратясь въ Читу, онъ тоже оффиціально сталъ толковать о законности и увѣрять, что незаконныя дѣйствія истекали будто бы отъ излишняго усердія низшихъ начальниковъ, выслуживавшихся увѣреніями, что такая-то мѣра не будетъ отяготительна для народа. Брошюра же Романова была для нихъ еще тѣмъ невыгодна, что давала мнѣ поводъ, опровергая ее, войти въ новыя поясненія и представлять новые факты.

Между тѣмъ, когда появились самыя рѣзкія мои статьи въ 1859 году, Муравьевъ былъ въ Японіи, гдѣ безуспѣшно производилъ пустыя демонстраціи, которыми хотѣлъ напугать японцевъ, какъ и китайцевъ, но относительно японцевъ онѣ совершенно не удались. По мѣрѣ того, какъ появились мои статьи въ печати, онѣ немедленно посылались къ Муравьеву въ Японію съ экстренными курьерами. Муравьевъ былъ озадаченъ и растерялся до того, что боялись, чтобы онъ не покусился на свою жизнь. Онъ воображалъ, что воротится съ Амура тріумфаторомъ, что вездѣ будутъ встрѣчать его оваціи, торжественные обѣды и пр. Онъ приготовилъ уже рѣчь, которую скажетъ въ Москвѣ купечеству о пользѣ Амура и пр. Теперь увидѣлъ онъ, что воротится въ Россію, какъ осужденный, поставленный въ необходимость оправдываться и передъ правительствомъ и передъ публикою, какъ обличенный шарлатанъ. Особенно раздражало его, что всѣ подвиги его представлены мыльными пузырями, а Амуръ, великій, будто бы, подарокъ, который, онъ увѣрялъ, что сдѣлалъ Россіи, выставленъ какъ «злокачественная язва».

«Очень понятно», говорилъ мнѣ поэтому наперсникъ его Карповъ, «что Николай Николаевичъ такъ возненавидѣлъ васъ. Онъ выше всѣхъ наградъ ставилъ славу, популярность, а вы ихъ то и убили наповалъ и навсегда».

Я нисколько не сомнѣвался въ томъ, почему и написалъ въ Сибирскій комитетъ, что если Муравьевъ и войдетъ въ исторію, то отнюдь уже не съ тѣми знаками отличія, съ какими онъ красуется въ адресъ-календарѣ, а съ тѣми клеймами, которыя я нало-

жилъ на него; что меня можно погубить, но опровергнуть ни въ одномъ словѣ нельзя, и что нѣтъ власти на землѣ, которая могла бы отнять у меня право нравственнаго суда надъ Муравьевымъ.

При возвращеніи въ 1859 году Амурскимъ путемъ изъ Японіи, Муравьеву пришлось испытать самому всю лживость его хвастовства объ удобствѣ сообщеній по Амуру и устройствѣ края. Онъ засѣлъ въ Благовѣщенскѣ, безъ всякой возможности выѣхать оттуда до установленія зимняго пути, и находилъ утѣшеніе только въ сообществѣ повивальной бабки, причемъ ему пришлось также испытать всю перемѣну, какую мои статьи произвели въ отношеніи къ нему подчиненныхъ. Губернаторъ Буссе въ угоду ему захотѣлъ по причинѣ глубокаго снѣга проложить дорогу отъ его квартиры къ квартирѣ повивальной бабки. Буссе показалось, что проще всего это сдѣлать, заставя вмѣсто расчистки приказать протоптать дорогу солдатамъ, почему и велѣлъ нарядить 60 человѣкъ артиллеристовъ. Но начальникъ артиллеріи объявилъ, что онъ солдатъ не дастъ, если ему не будетъ дано письменное предписаніе съ объясненіемъ, на какую именно работу требуются солдаты и что даже и въ случаѣ письменнаго предписанія онъ можетъ дать людей только на такую работу, которая допускается законами и за указанную плату. Нечего было дѣлать. Разумѣется, Буссе не отважился дать письменнаго предписанія, а тѣмъ болѣе объяснить, на что именно требовались солдаты. Муравьеву пришлось проглотить пилюлю и искать болѣе угодливости къ командирѣ линейнаго батальона.

Видя, какъ все перемѣнилось, Муравьевъ пріѣхалъ въ Читу «тише воды, ниже травы», какъ говорится. Для возвращенія себѣ популярности онъ поѣхалъ съ визитомъ не только къ чиновникамъ, но и къ второстепеннымъ купцамъ, которыхъ привыкъ обзывать мошенниками, а чтобы поскорѣе прибыть въ Петербургъ для поправленія своихъ дѣлъ, рѣшился даже было ѣхать кругомъ Байкала.

Между тѣмъ продолжавшееся печатаніе моихъ статей возбуждало невыразимую ярость моихъ противниковъ. Они попробовали было бороться со мною на литературномъ полѣ, но въ ту же минуту были сбиты съ поля, и я заставилъ ихъ напечатать опроверженіе собственныхъ словъ и выразить уваженіе ко мнѣ. И вотъ они не задумались прибѣгнуть къ самымъ гнуснымъ средствамъ, чтобы выжить меня изъ Читы, или заставить замолчать, или лишить меня средства печатать мои статьи, и для этого одновременно и дѣйствовали: Муравьевъ въ Петербургѣ, Корсаковъ въ Иркутскѣ.

Муравьевъ плакалъ предъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ и, воспользовавшись нѣкоторыми выраженіями, которыя удалось ему вызвать у Государя, когда тотъ не зналъ еще дѣлъ, и у Кон. Ник., когда тотъ былъ еще очень молодъ, старался доказать имъ солидарность ихъ съ его дѣйствіями, объясняя незаконность своихъ дѣйствій недостаткомъ будто бы средствъ и даннымъ ему полномочіемъ. На основаніи такой солидарности онъ выпросилъ у Государя безусловное запрещеніе на мои статьи;

и редакціи журналовъ и газетъ, которыя всѣ добивались сами моихъ статей, увѣдомили меня, что достаточно моей подписи, чтобы получить отказъ отъ цензуры, а анонимныхъ статей печатать я не хотѣлъ. Съ другой стороны Корсаковъ въ Иркутскѣ самовольно отнялъ газету «Амуръ» у основателей ея за отказъ ихъ напечатать ложь объ Амурѣ и клеветы на меня, и сдѣлалъ эту газету своимъ органомъ именно для этихъ цѣлей, навязавъ на два года всѣмъ чиновникамъ и даже частнымъ лицамъ по именному списку, что не предохранило однако газету отъ уничтоженія. Но и этого имъ было мало. Они вздумали было посягнуть прямо на мою свободу въ надеждѣ, что найдутъ неосторожныхъ исполнителей, на которыхъ потомъ можно будетъ все свалить, что будто бы все произошло по недоразумѣнію, а между тѣмъ «дѣло будетъ сдѣлано». Поэтому Корсаковъ прислалъ со своимъ адъютантомъ словесное приказаніе временному губернатору арестовать меня за то, что я возмущаю будто бы идущихъ на Амуръ вольныхъ переселенцевъ и отговариваю ихъ идти туда. Губернаторъ попробовалъ было передать также словесное приказаніе полицмейстеру, но тотъ потребовалъ письменнаго; а губернаторъ въ свою очередь потребовалъ такого же отъ Корсакова, который, разумѣется, дать его не осмѣлился.

Нелѣпость подобнаго обвиненія выказала всю глупость моихъ противниковъ, не съумѣвшихъ придумать ничего умнѣе или, по крайней мѣрѣ, замысловатѣе, а потому это покушеніе, не отважившееся на исполненіе, подало только поводъ приложить къ покусившимся на мою свободу поговорку: «блудливъ, какъ кошка, а труслив, какъ заяцъ».—Однако, хотя затѣя ихъ и кончилась только стыдомъ для нихъ, но я не намѣренъ былъ оставить покушеніе ихъ безнаказанныхъ. Несмотря на то, что все дѣлалось въ величайшей тайнѣ, одинъ преданный мнѣ человѣкъ сообщилъ мнѣ о всей продѣлкѣ однажды очень рано утромъ. Я въ ту же минуту отправился къ губернатору. Мнѣ говорятъ, что онъ спитъ еще, и никто не смѣетъ его будитъ. Тогда я пошелъ самъ въ спальню и разбудилъ его. Онъ страшно перепугался и, вскочивъ на постели, смотрѣлъ на меня съ совершенно растеряннымъ видомъ: «Правда-ли», спросилъ я его, «что Корсаковъ осмѣлился приказать арестовать меня и посадить въ острогъ? и кто тотъ мерзавецъ, кто осмѣлился выдумать такую нелѣпость и игралъ при этомъ роль подлаго наушника или тайнаго доносчика? Прошу отвѣчать мнѣ такъ, чтобъ вамъ не пришлось послѣ отпираться отъ своихъ словъ, потому-что я сообщу вашъ отвѣтъ немедленно въ Петербургъ».

Губернаторъ старался оправдаться, что онъ нисколько не виноватъ во всей этой исторіи.

«Что, конечно, не я дѣлалъ доносъ, въ этомъ вы можете убѣдиться», говорилъ онъ мнѣ; «если не вѣрите моему характеру, то по самому моему положенію. Если бы я могъ вѣрить подобному обвиненію, то моя обязанность была бы не доносить, а самому принять мѣры. Что же касается до приказанія Мих. Сем. то оно было условное. Оно относилось къ случаю, если вы будете дѣлать то, въ чемъ, сказали вамъ, васъ обвиняютъ».

«Вы сами себѣ противорѣчите», отвѣчалъ я, «вы сами обязаны были бы принять мѣры, слѣдовательно приказаніе Корсакова тутъ лишнее. А что касается до предупрежденій, то онъ не имѣлъ никакого права напоминать мнѣ, чего я не долженъ дѣлать. Иначе и я буду имѣть точно такое же право приходить къ нему постоянно и напоминать ему, что если онъ будетъ мошенничать, то подвергнется тому-то и тому-то. Я принадлежу къ тому же высшему сословію въ государствѣ, что и онъ, знаю законъ не хуже его, и никто не имѣетъ права напоминать мнѣ его».

Я немедленно описалъ все дѣло Долгорукову и показалъ ему всю нелѣпость обвиненія. Переселенцы назывались вольные, слѣдовательно вопервыхъ сношенія съ ними не могли быть недозволенными, да и не было нужды ходить къ нимъ тайкомъ. Обнищавши дорогою, они цѣлую зиму кормились нашимъ подаяніемъ и ежедневно наполняли мою кухню; вовторыхъ, если они дѣйствительно вольные, то вольному человѣку всякій можетъ давать совѣтъ по своему разумѣнію, и хотя я на дѣлѣ не отговаривалъ ихъ идти на Амуръ, но признаю за собою право это дѣлать, если переселенцы добровольные.—Долгоруковъ сдѣлалъ запросъ Корсакову и прислалъ мнѣ письменный отвѣтъ его, въ которомъ онъ, какъ школьникъ, отъ всего отрекся.

Тѣмъ это дѣло и кончилось, но не кончились попытки заставить умолкнуть мое слово другимъ образомъ. Разъ, когда я ходилъ по своему двору, вдругъ просвистала вплоть возлѣ меня пуля и смертельно ранила холмогорскую телку, которую я въ эту минуту остановился посмотрѣть. Хотѣли было пояснить это тѣмъ, что будто бы какой-то неосторожный охотникъ стрѣлялъ подъ горой утокъ. Но во первыхъ, утокъ пулею не стрѣляютъ, а во вторыхъ, стрѣляя даже дробью въ болото, никакъ не могутъ, мѣтить въ гору... Мнѣ называли послѣ того негодяя, который это сдѣлалъ, но такъ какъ нельзя было того доказать судомъ, то я и не упоминаю его имени.

Вслѣдъ затѣмъ подожгли мой домъ. Умыселъ былъ соображенъ адски. Въ то время горѣли лѣса, и воздухъ былъ наполненъ гарью, почему и разсчитывали, что запахъ дыма не обратитъ особаго невнниманія, пока огонь сильно не разгорится; а чтобы его не вдругъ замѣтили, то подожгли съ такой стороны, чтобы съ улицы не было видно, отодравъ, притомъ, снизу обшивку дома и подложивъ огонь подъ обшивку. Къ счастію, обоняніе у меня такъ же свѣжо и тонко, какъ и другія чувства. Поэтому я сейчасъ различилъ свѣжій дымъ отъ запаха гари; и какъ ни старались мои домашніе увѣрить меня въ противномъ, опасаясь выхода моего изъ дома ночью, я сейчасъ же пошелъ съ осмотромъ и, не найдя ничего снаружи и на дворѣ, отправился на чердакъ, гдѣ увидѣлъ, что вся стѣна подъ обшивкой уже занялась, и огонь отражался на внутренней сторонѣ крыши. Я затушилъ пожаръ, не требуя полиціи, собственными средствами, безъ всякой тревоги и суеты, и тѣмъ разстроилъ разсчетъ тѣхъ, которые надѣялись не только на уничтоженіе дома, но и на грабежъ вещей въ суетѣ при пожарѣ.

VII.

Между тѣмъ, переписка моя съ высшими правительственными мѣстами, министрами и другими значительными лицами, произвела таки, наконецъ, свое дѣйствіе. Не только было снято запрещеніе съ моихъ статей, но еще само военное министерство чрезъ посредство своего оффиціальнаго органа, Военнаго Сборника, обратилось ко мнѣ съ просьбою познакомить меня съ моимъ трудомъ о казачествѣ, такъ какъ говорили, что мнѣ одному удалось разъяснить наконецъ этотъ запутанный вопросъ. Въ то же время на мѣсто Корсакова, котораго Муравьевъ выпросилъ себѣ въ помощники, назначенъ былъ за Байкалъ новый губернаторъ, Жуковскій. Онъ старался сблизиться со мною, но я отклонилъ домашнее знакомство съ нимъ, зная фальшивое его положеніе и безсиліе поправить зло. Къ тому же, я имѣлъ право предполагать, что самое стараніе о сближеніи имѣло источникомъ только желаніе обезоружить мою критику. Поэтому посредникамъ, которыхъ онъ присылалъ ко мнѣ, я объявилъ наотрѣзъ, что въ личное знакомство вступать не намѣренъ, но что по своимъ правиламъ буду содѣйствовать всему доброму и указывать на все, что можно будетъ сдѣлать полезнаго для края, но въ то же время не намѣренъ однако же щадить нисколько ни одного изъ проявленій зла, изъ какого-бы источника оно ни исходило.

Впрочемъ, доказывая Жуковскому не одними словами, но и самымъ дѣломъ готовность свою содѣйствовать всему полезному и совѣтами и дѣйствіемъ, я указалъ ему на необходимость: 1) проложенія дороги между верховьями рѣкъ Чикоя и Ингоды для облегченія крестьянамъ Чикойской волости сообщенія съ областнымъ городомъ, какъ по частнымъ дѣламъ ихъ, такъ и для провоза хлѣба и другихъ произведеній, чѣмъ избавилъ ихъ отъ лишняго объѣзда въ 600 верстъ; 2) учрежденія сельско-хозяйственной и промышленной выставки въ Читѣ; 3) открытія для образца воскресной школы въ Читѣ.

Жуковскій съ жаромъ принялся за все это; самъ проѣхалъ по направленію прокладываемой дороги, сдѣлалъ представленіе министру о выставкѣ и обратился ко мнѣ съ письменною просьбою оказать ей содѣйствіе и открылъ воскресную школу при стрѣлковой ротѣ въ Читѣ; но скоро обнаружилъ свою неискренность во всемъ этомъ тѣмъ, что не удержался при такихъ дѣйствіяхъ, которыя дѣйствительно были нужны и полезны, а пустился въ разныя затѣи съ тѣми же видами тщеславія, какъ и другія, что, разумѣется, не могло привести ни къ чему, кромѣ отягощенія народа. Такъ вздумалось ему похвастать, что онъ разомъ двинулъ народное образованіе и поэтому приказалъ завести училища въ такихъ деревенькахъ, гдѣ было всего четыре—пять дворовъ. Онъ прислалъ мнѣ пышный отчетъ объ успѣхахъ своей дѣятельности въ этомъ отношеніи; но когда я потребовалъ отъ него списокъ учителей, то оказалось, что большая часть была изъ переведенныхъ изъ Россіи штрафныхъ солдатъ, которые, не говоря уже о томъ, что отягощали ничтожныя деревеньки тягостію своего содержанія и жалованья но

еще только пьянствовали, вымогая у родителей вино угрозами наказывать дѣтей и развращали своихъ учениковъ.

Другія затѣи Жуковскаго были нисколько не дѣльнѣе. Такъ задумалъ онъ построить лѣтній госпиталь, на который нарядомъ нарубили казаки по его указанію лѣсъ въ такой трущобѣ, что вывести его не было никакой возможности, и вся работа пропала даромъ и пр.

Въ это время вздумали приготовленіе къ амурскимъ сплавамъ производить ссыльными каторжными и поселенцами, отправляемыми на Амуръ. Зимою эти люди еще работали, но такъ какъ они были на волѣ (по новой системѣ Муравьева [1]), то къ веснѣ «отваливали» иногда поголовно (однажды бѣжало разомъ 400 человѣкъ), и, гнѣздясь около города въ землянкахъ, а отчасти скрываясь и въ самомъ городѣ, держали городъ и окрестности въ постоянной тревогѣ воровствомъ и грабежами.

Не лучше вели себя и штрафные солдаты, зачисленные въ казаки. Когда ихъ стали наряжать для содержанія караула, то они ходили на воровство заодно съ арестантами, при которыхъ находились на часахъ.

Я забылъ, кажется, сказать, что когда Корсаковъ еще былъ губернаторомъ въ Читѣ, то онъ обращался ко мнѣ съ просьбою присутствовать въ комитетѣ для разсмотрѣнія предложенія американца Коллинса о предложеніи желѣзной дороги отъ Читы къ Байкалу, къ устью рѣки Селенги, гдѣ Коллинсъ обѣщалъ выстроить «Новый Аспинвалъ» [2]). Это тотъ самый Коллинсъ, который сдѣлался извѣстнымъ неудавшимся предпріятіемъ проведенія телеграфа изъ Сибири въ Америку. Его проектъ желѣзной дороги въ техническомъ и комерческомъ отношеніи былъ чистая нелѣпость, а въ политическомъ скрывалъ заднія мысли. Я все это немедленно обнаружилъ и заставилъ передѣлать проектъ, предвидя, впрочемъ, что изъ этой затѣи ничего не выйдетъ; но Корсаковъ былъ такъ наивенъ, что спрашивалъ Коллинса, что «вѣроятно, онъ покроетъ желѣзомъ крышу трехъ этажнаго дома который тотъ обѣщалъ построить въ Читѣ». Несмотря однако же на всю нелѣпость проекта и на все невѣжество Коллинса относительно плаванія по Амуру, въ это время очень льстили иностранцамъ и всячески старались завлекать ихъ на Амуръ, особенно для торговли въ Николаевскъ, гдѣ и обѣщали имъ всевозможныя выгоды. Но, мало по малу, обычныя замашки Муравьевской администраціи взяли свое и дошли до того что даже и иностранцы, не находя нигдѣ и ни у кого управы, обратились съ жалобою ко мнѣ; Людорфъ (представитель германскихъ негоціантовъ) представилъ мнѣ меморію о всѣхъ притѣсненіяхъ, которыя они терпятъ, а

---

1) Изъ подражанія тому, что сдѣлано было въ Севастополѣ во время осады. Вообще эти господа были большіе мастера на подражаніе тому, что было неприложимымъ ни въ какомъ подражаніи. Такъ хотѣли завести за Байкаломъ «черноморскихъ пластуновъ» и пр.

2) Такъ называется городъ, построенный американцами въ починномъ пунктѣ Панамской желѣзной дороги.

Чезъ, американскій вице-консулъ и агентъ богатѣйшаго бостонскаго дома Бордманъ и К°., самъ пріѣхалъ въ Читу для объясненія мнѣ дѣла разбитія его корабля съ грузомъ на полмилліона долларовъ, вслѣдствіе неправильныхъ дѣйствій мѣстной администраціи. Какъ меморію Людорфа, такъ и записку о дѣлѣ Чеза я послалъ въ Петербургъ, что и привело къ объясненію съ Козакевичемъ при проѣздѣ его чрезъ Читу въ Петербургъ и обратно.

Пріѣхавъ въ Читу поздно вечеромъ, Козакевичъ остановился не у меня, какъ бывало прежде, но у губернатора, однако прибѣжалъ ко мнѣ немедленно. Было уже очень поздно, и у насъ все уже было заперто. Слышатъ, что кто-то стучитъ въ калитку. Я сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и что то писалъ. Козакевичъ влетѣлъ и, остановясь на порогѣ, растопырилъ руки и сказалъ: «Ну отдѣлали же вы насъ. Да за что же задѣли тутъ и свое собственное дѣтище—Амуръ? Вѣдь всѣ мы были только исполнителями вашей собственной мысли».

«Я отдѣлалъ не Амуръ», отвѣчалъ я, «а васъ, плохихъ нянекъ, которыя изувѣчили у меня Амуръ».

Тутъ Козакевичъ сталъ мнѣ доказывать, что и иностранцы (которыхъ они сами же завлекали) все мошенники, и что я будто бы сдѣлалъ управленіе невозможнымъ, такъ какъ теперь никому будто и слова нельзя сказать, потому что всякій грозитъ или написать мнѣ или отправиться въ Читу лично съ жалобою ко мнѣ. Наконецъ, измѣряя по ихъ понятіямъ все личными отношеніями, Козакевичъ выразилъ удивленіе, какъ я могъ посылать въ печать статьи и даже противъ него, своего пріятеля. Я отвѣчалъ ему, что относительно жалобъ ко мнѣ я очень радъ, что существуетъ для нихъ, губернаторовъ, по крайней мѣрѣ такая нравственная узда; а что касается до пріятельскихъ моихъ отношеній къ нему, Козакевичу, то «по крайней мѣрѣ не будутъ», сказалъ я смѣясь, «приписывать хоть въ этомъ случаѣ мое преслѣдованіе его злоупотребленій непріятнымъ личнымъ отношеніямъ», какъ хотѣлъ было въ томъ увѣрить Муравьевъ въ отношеніи къ нему.

Вскорѣ послѣ этого Корсаковъ былъ назначенъ исправляющимъ должность генералъ-губернатора и уѣхалъ въ Петербургъ; Жуковскій отправился на мѣсто его въ Иркутскъ, а въ Читу присланъ былъ губернаторомъ начальникъ штаба, Кукель. Этотъ полякъ былъ однимъ изъ самыхъ зловредныхъ орудій Муравьева. Онъ началъ карьеру, будучи посланъ въ мое распоряженіе по устройству Читы, причемъ обнаружилъ вполнѣ свое невѣжество; потомъ запуталъ казачьи постройки, но, льстя, Муравьеву, подслуживаясь его прихотямъ и женясь на дочери одного изъ любимцевъ его, онъ укрѣпился въ его милости и былъ назначенъ сначала начальникомъ казачьяго отдѣленія, а потомъ и начальникомъ штаба. Явясь въ Читу, онъ, какъ орудіе и фаворитъ Муравьева, очутился, разумѣется, въ очень неловкомъ положеніи при видѣ того всеобщаго уваженія, которое окружало меня. Подъ вліяніемъ этого, а равно и того либерализма, который вѣялъ

тогда въ Россіи, онъ вздумалъ разыгрывать роль раскающагося и старался сблизиться со мною, сознаваясь, что будто бы и самъ наконецъ убѣдился въ ошибочности той системы Муравьева, которой и самъ до тѣхъ поръ былъ орудіемъ. Онъ сталъ бѣгать ко мнѣ, тогда какъ я къ нему не хотѣлъ ходить, но самъ своими разсказами только доказалъ, что зло такъ уже укоренилось, что переросло ихъ собственныя силы, и что когда онъ сталъ говорить своимъ подчиненнымъ въ новомъ смыслѣ о томъ, какъ надобно поступить, то они уже чуть не въ глаза смѣялись ему, приписывая его наставленія зависти, не желающей, чтобы и они выслужились тою же системой, что и онъ. Желая однако доказать мнѣ свое усердіе въ новомъ направленіи, онъ упросилъ меня принять на себя административное устройство города, такъ какъ единогласно былъ выбранъ обывателями въ комитетъ, составленный для этой цѣли.

Между тѣмъ зло продолжало приносить свои плоды; и однажды, во время объѣзда Кукеля, случилось одно важное событіе, которое, не возбудя благодарности у тѣхъ, кого я спасъ, вызвало отчасти порицаніе моему великодушію либераловъ-революціонеровъ *quand même;* я говорю о предупрежденіи мною бунта казаковъ за Байкаломъ.

Система произвола, принимаемая главнымъ начальникомъ, имѣетъ всегда тѣ гибельныя слѣдствія, что допускаетъ второстепенныхъ и низшихъ начальниковъ прикрывать ею свои личные виды. Поэтому и казачьи начальники не удовольствовались даже тѣмъ, что требовали напр. для чистки ружей въ батальонную квартиру изъ-за 250 верстъ людей въ рабочее время; или наряжали малолѣтнихъ для свертыванія патроновъ и пр., отъ чего всего, разумѣется, надо было откупаться; они дошли наконецъ до того, что потребовали высылки взрослыхъ дѣвицъ въ батальонную швальню, якобы для работъ по обмундированію казаковъ. На этотъ разъ терпѣніе казаковъ лопнуло, глаза засверкали у самыхъ спокойныхъ, у такихъ, которые съ самымъ неистощимымъ терпѣніемъ удовлетворяли всѣмъ привязчивымъ незаконнымъ требованіямъ начальства, сохраняя, повидимому, невозмутимое спокойствіе или равнодушіе, подъ покровомъ котораго безумные начальники и не подозрѣвали таившагося огня, соображая, что если они переносили уже все, что на нихъ противозаконно налагали до сихъ поръ, то снесутъ еще и большее, — однако вышло иначе: вышло нѣчто такое, чего они не умѣли или не хотѣли предвидѣть. Ко мнѣ явилась депутація стариковъ, самыхъ извѣстныхъ по благоразумію и осторожности, и, высказавъ все, что они вытерпѣли, и что дошло наконецъ дѣло до ихъ дочерей и ихъ чести, прямо объявили: «Ну, теперь, Ваше Высокородіе, батюшка Дм. Ир., не держи насъ больше: пора пришла и за топоры взяться. Больше нечего уже дѣлать. А ты будь покоенъ: тебя и твоихъ мы сбережемъ».

Чтобъ объяснить это обращеніе ко мнѣ, надо сказать, что я никогда не подливалъ масла въ огонь, какъ говорится, а вступаясь за народъ, въ то же время всегда совѣтывалъ ему противодѣйствовать налагаемымъ на людей незаконнымъ тягостямъ усиленіемъ и улучшеніемъ ихъ дѣятельности, воздержностью, трудолюбіемъ, устраненіемъ

пьянства, праздности и пр. Я отвѣчалъ старикамъ-казакамъ, что они никогда не получатъ моего согласія и одобренія ни на какое насиліе; что они могутъ не отпускать дочерей, потому что силой никто не осмѣлится покуситься на такое незаконное дѣло, и что я даю имъ слово, что приказъ будетъ отмѣненъ, но чтобъ и они ничего не смѣли предпринимать, и дали бы въ свою очередь мнѣ въ томъ слово.

Я бросился къ мѣстнымъ начальникамъ и прямо уже, не думая о прiисканiи болѣе мягкихъ выраженій, сказалъ имъ: «Да что вы съ ума что-ли сошли, что позволяете батальоннымъ командирамъ дѣлать такія вещи? Если вы сейчасъ-же не распорядитесь объ отмѣнѣ этихъ требованій, то я прямо напишу на имя Государя, до чего у васъ дѣло дошло».—Разумѣется, пошли недобросовѣстныя оправданія, что они и сами о томъ не знали, а вслѣдъ затѣмъ пришли объясненія отъ батальонныхъ командировъ и еще нелѣпѣе, что будто бы это было для пользы самихъ казаковъ, чтобъ доставить-де заработки женщинамъ, которыхъ упрекали въ праздности и т. п. Вотъ по этому-то поводу и нашлись люди, особенно изъ поляковъ (которые, сказать къ слову, сами же, однако, участвовали во всѣхъ злоупотребленіяхъ начальниковъ, какъ упомянуто выше), которые упрекали меня, зачѣмъ я остановилъ казаковъ, а не превратилъ возстанія ихъ въ революцію (!), какъ будто бы изъ подобной рѣзни могло выдти что-нибудь политическое, что-нибудь, кромѣ общей гибели для всѣхъ.

Въ началѣ 1863 г. Кукель былъ внезапно смѣненъ и отозванъ изъ Читы по подозрѣнію, что находится въ отношеніяхъ съ Бакунинымъ, бѣжавшимъ за-границу. Этотъ Бакунинъ, лже-либералъ и лже-демократъ, говорившій мнѣ, что хотя и нельзя отрицать злоупотребленій и насилій Муравьева относительно народа, но что Муравьеву можно все простить за то, что онъ «революціонеръ»,—этотъ Бакунинъ былъ пріятель Муравьева и Корсакова, и печаталъ въ защиту Муравьева статьи въ «Колоколѣ». Они отпустили его на Амуръ, прельстившись его обѣщаніями восхвалять ихъ дѣйствія и противодѣйствовать моимъ статьямъ. Въ Николаевскѣ приняли его, какъ пріятеля генералъ-губернатора, чѣмъ онъ и воспользовался такъ, что ему даже дали заимообразно нѣкоторую сумму изъ казенныхъ денегъ и вывезли на казенномъ кораблѣ изъ Николаевска; а тамъ поѣхалъ въ гости на одинъ иностранный корабль и отправился на немъ въ Англію.

Между тѣмъ статьи мои, разоблачивъ истину насчетъ дѣйствій въ Восточной Сибири, и разрушивъ обаяніе ореола, которымъ послѣднія до сихъ поръ были окружены, поставили и само правительство въ затруднительное положеніе. Оно не имѣло никакой уже возможности отрицать ни справедливость обнаруженнаго мною, ни установляемую мною полную солидарность его съ его дѣйствіями Муравьева и его клевретовъ, если теперь, когда оно уже не можетъ отговариваться незнаніемъ, оно не приметъ никакихъ мѣръ. Ему оставалось или искренне признать правду и стараться исправить зло единственными средствами, которыми возможно это сдѣлать, или подвергнуть меня суду,

какъ я и самъ того требовалъ, если имѣло какую-нибудь еще возможность оспаривать справедливость обнаруженнаго мною и показывать видъ, что можетъ не знать того, или не вѣрить тому. Сначала, казалось, оно и выбрало первый путь. Прежде всего, разумѣется, надлежало смѣнить Корсакова, который, какъ креатура Муравьева и солидарный съ нимъ во всемъ злѣ, имѣлъ теперь и самъ необходимость прикрывать все. Стали искать новаго генералъ-губернатора, но кому ни предлагали, всѣ отказывались, зная теперь настоящее положеніе края и требуя поэтому, для огражденія себя, предварительной сенаторской ревизіи. Въ то же время для удовлетворенія ропота публики отправили на ревизію по военной части на Амуръ генералъ-адъютанта Лутковскаго, а военное министерство сообщало мнѣ, что бывшему оберъ-квартирмейстеру въ Восточной Сибири, полковнику Будогоскому, предписано составить записку о всей неурядицѣ на Амурѣ, а отъ Корсакова потребованы объясненія, причемъ военное министерство удостовѣряетъ меня, что какой бы ни былъ результатъ всего этого, мой трудъ не пропадетъ безслѣдно, а принесетъ несомнѣнную пользу, не говоря уже о томъ, что все написанное мною составитъ важный историческій матеріалъ.

VIII.

Между тѣмъ Сибирскій комитетъ, дѣлая запросы Корсакову, поступилъ, конечно, совершенно неправильно. Я писалъ для публики, а правительство наравнѣ съ публикою, которую я одну ставилъ окончательнымъ судьею въ дѣлѣ, могло, конечно, извлекать и себѣ наставленія изъ моихъ указаній; но, не печатая моихъ статей, задерживая ихъ у себя, не возвращая ни мнѣ, ни въ редакціи, которыя ихъ представляли, оно, конечно, не имѣло никакого права употреблять ихъ въ дѣло и показывать кому нибудь прежде оглашенія статей въ печати, знакомя съ ними кого-нибудь прежде публики, а тѣмъ болѣе вовсе скрывая отъ нея, тогда какъ для нея то собственно статьи и назначались. Но коль скоро оно избрало подобный путь, то справедливость требовала, чтобы по крайней мѣрѣ мнѣ сообщили отвѣты Корсакова, чтобы я въ свою очередь могъ доказать всю неудовлетворительность и недобросовѣстность ихъ, имѣя въ рукахъ всѣ документы для обличенія дерзости отрицаній его. Но вмѣсто того была назначена коммиссія изъ высшихъ сановниковъ и довѣренныхъ лицъ. Конечно, и при этомъ нельзя было еще знать, чѣмъ бы кончилось дѣло (Корсаковъ такъ былъ уже увѣренъ въ своей смѣнѣ, что приказалъ продавать въ Иркутскѣ свои вещи), если бы не произошло польское возстаніе. Тутъ сказали, что уже не до Восточной Сибири теперь, пусть ѣдетъ старый генералъ-губернаторъ. А такъ какъ при этомъ покровители Корсакова представили, что послѣ того, что произошло, Корсакову нельзя будетъ ѣхать, если я останусь тамъ, потому что если и до этого онъ потерялъ уже значеніе, то что будетъ теперь, когда онъ былъ уже въ родѣ подсудимаго, — то и предписано было Высочай-

шимъ повелѣніемъ выѣхать мнѣ въ Россію, въ Казань, такъ какъ пребываніе мое въ Восточной Сибири оказывается вреднымъ, парализируя всѣ дѣйствія даже высшаго начальства, какъ оно приноситъ о томъ жалобу. Замѣчательно, что Высочайшее повелѣніе о перемѣщеніи меня въ Россію было дано 5-го февраля, а еще наканунѣ, 4-го февраля, военное министерство оффиціальнымъ письмомъ ко мнѣ признавало несомнѣнность моихъ заслугъ. Впрочемъ, правительство и само очевидно сознавало всю несправедливость своего рѣшенія и старалось смягчить его нѣкоторыми распоряженіями. Не говоря уже о томъ, что на вопросъ Императрицы Государь объявилъ, что противъ меня ничего нѣтъ, дозволено мнѣ было выбрать самому время моего отправленія, предоставить дорогу въ мое распоряженіе, купить мнѣ на казенный счетъ удобный экипажъ, и мѣстомъ пребыванія назначена Казань, по тому соображенію, что у меня тамъ родные и имѣніе. Вслѣдъ затѣмъ предписано было остановить даже мой отъѣздъ до устройства моихъ дѣлъ (ниже будетъ показано, что сдѣлалъ Корсаковъ, чтобъ не привести въ исполненіе этого повелѣнія), а наконецъ, вслѣдствіе протеста моего министру юстиціи и Совѣту министровъ, вмѣсто Казани разрѣшено жить въ Москвѣ, несмотря на то, что нашему разряду не дозволено жить въ столицахъ.

Высочайшее повелѣніе о перемѣщеніи меня было получено въ Иркутскѣ, въ исходѣ февраля; но его всячески таили, такъ что я только въ исходѣ апрѣля, да и то секретно, отъ князя Дадешкаліана, узналъ о всей интригѣ. Эта скрытность имѣла прямою цѣлью не дать мнѣ возможности списаться съ Петербургомъ. Однако, лишь только я узналъ обо всемъ, хотя и частнымъ образомъ, какъ въ тотъ же день написалъ министру юстиціи, что неужели только для того мнѣ и возвратили права высшаго сословія въ государствѣ, чтобъ сейчасъ же ихъ нарушить, какъ бы для того, чтобы показать, чего могутъ ожидать низшія сословія, и это въ то время, какъ хвалятся реформами, имѣющими цѣлью лучшее утвержденіе справедливости? Совѣту же министровъ я показалъ всю постыдность признанія, что я, частный человѣкъ, безъ власти, безъ богатства, безъ связей, могъ парализировать значеніе и дѣйствія генералъ-губернатора, да еще притомъ гдѣ же? Въ Сибири,—гдѣ ихъ власть не можетъ парализировать и весь самъ Совѣтъ министровъ. А что если, какъ это очевидно, я могу парализировать только однимъ нравственнымъ своимъ вліяніемъ, то одно уже это и рѣшаетъ вопросъ, на чьей сторонѣ справедливость.

При этомъ надобно сказать, что вся эта недостойная интрига произвела въ Восточной Сибири вовсе не то впечатлѣніе, какого ожидали Муравьевъ, Корсаковъ и *tutti quanti*. Она не только возбудила общее негодованіе, но устыдила даже и тѣхъ, кто былъ до того времени ихъ орудіями; такъ что многіе изъ считавшихся самыми преданными ихъ слугами, испугались того, чтобы и ихъ не сочли соучастниками въ этомъ, и стали являться ко мнѣ съ оправданіями и осужденіями подобнаго покушенія противъ меня.

Что же до меня касается, то только относительно оставляемаго мною семейства я дѣлалъ нѣкоторыя распоряженія для обезпеченія его, во всемъ же остальномъ не измѣнилъ ни въ чемъ своего образа дѣйствій. Я посылалъ по прежнему такія же, какъ и прежде, статьи свои въ печать, обличая продолжающіеся безпорядки, страшную смертность солдатъ, работавшихъ на сплавѣ; и видя всю безалаберность распоряженій, напередъ предсказалъ неминуемую гибель каравана въ тотъ годъ, что и оправдалось на дѣлѣ, такъ какъ весь казенный сплавъ съ милліоннымъ грузомъ потонулъ на Амурѣ, тогда какъ бывшія съ нимъ вмѣстѣ купеческія баржи не потерпѣли никакого поврежденія.

Между тѣмъ домашній мой докторъ сильно встревожился предстоявшимъ мнѣ путешествіемъ. Надо сказать, что отъ быстраго перехода отъ комнатной казематской жизни къ дѣятельности на открытомъ воздухѣ въ суровомъ климатѣ, къ полевымъ работамъ, постройкѣ новаго дома и пр. при необходимости пока жить въ старомъ холодномъ домѣ, я получилъ головной ревматизмъ, которымъ я сначала пренебрегалъ, но который со временемъ до того усилился, что заставилъ меня страдать, особенно во время сырости. По этому поводу дѣлаемы были консультаціи и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, но всѣ предписывали поѣздку въ Ниццу или Палермо, т. е. такія средства, которыя были мнѣ недоступны. Мой докторъ опасался дороги даже по лѣтней, а особенно по осенней сырости. Составлена была консультація и представлена въ Иркутскъ, но этимъ только протянулось дѣло до августа, тогда какъ мнѣ самому не было уже разсчета оставаться въ нерѣшительномъ положеніи, и если нельзя было остаться совсѣмъ, то уже лучше было скорѣе явиться въ Москву, чтобы тамъ съ большимъ успѣхомъ продолжать свою общественную дѣятельность.

Нечего и говорить, какъ глубоко огорчено было семейство покойной жены моей, лишаясь того спокойствія, которымъ оно пользовалось двадцать четыре года, живя при мнѣ вполнѣ всѣмъ обезпеченное и вполнѣ отъ всего огражденное при моемъ личномъ присутствіи. Впрочемъ, я сдѣлалъ все, что возможно не только для матеріальнаго ихъ обезпеченія, но и для огражденія ихъ отъ непріятностей и несвойственныхъ имъ хлопотъ; я условился съ мѣстнымъ начальствомъ, чтобы въ моемъ домѣ въ распоряженіи остающагося въ немъ семейства жилъ бы всегда на моемъ полномъ содержаніи казачій офицеръ или старшій урядникъ, какъ для безопасности семейства, такъ и для исполненія его порученій.

Въ полночь 14-го августа, въ сопровожденіи казачьяго офицера, я выѣхалъ изъ Читы, и тутъ еще разъ представился случай, засвидѣтельствовавшій глубокую преданность мнѣ народа. Передъ этимъ былъ страшный разливъ рѣкъ и наводненіе; ямщикъ въ ночной темнотѣ сбился съ дороги и заѣхалъ въ протокѣ вмѣсто брода въ такое мѣсто, гдѣ повозка попала въ яму, изъ которой лошади никакъ не были въ силахъ ее вытащить. Поэтому приказано было ему выпречь одну лошадь и ѣхать въ ближайшія

деревни и станицы: лишь только оповѣстилъ онъ тамъ о случившемся, какъ отовсюду наѣхали крестьяне и казаки, а вслѣдъ за ними и буряты со своего стойбища съ лошадьми, повозками, веревками и вагами и вынесли, можно сказать на плечахъ мою повозку изъ воды, будучи до нельзя обрадованы нежданному случаю еще разъ проститься со мною и поблагодарить за все, что я сдѣлалъ для нихъ. Въ числѣ пріѣхавшихъ были даже и женщины съ дѣтьми.

Въ г. Верхнеудинскѣ я остановился на три дня, чтобы дождаться своего товарища Горбачевскаго, который долженъ былъ выѣхать ко мнѣ изъ Петровскаго завода. По всегдашнему своему обычаю, я и тутъ прежде всего осмотрѣлъ мужскія и женскія училища, причемъ смотритель уѣзднаго училища представилъ мнѣ доказательства нелѣпыхъ распоряженій Корсакова, повредившихъ развитію училища. Имѣя и отъ губернскаго почтмейстера и отъ исправника открытыя предписанія, а болѣе всего при общемъ усердіи народа, я благополучно доѣхалъ до Байкала, и хотя вѣтеръ и волненіе на морѣ были очень сильны, благополучно переѣхалъ черезъ море на пароходѣ.

Въ Иркутскѣ получена была между тѣмъ бумага объ оставленіи меня въ Читѣ до приведенія въ устройство моихъ дѣлъ. Зналъ-ли Корсаковъ напередъ, что къ тому идетъ дѣло, или просто, по предчувствію, но только, отъѣзжая за Байкалъ, онъ далъ предписаніе не отправлять къ нему дѣлъ по случаю краткой его отлучки. Въ дѣйствительности же, какъ извѣстно было, всѣ бумаги посылались къ нему, а предписаніе дано было для того, чтобы имѣть отговорку, что бумага была получена только тогда, когда я уже уѣхалъ; поэтому же Корсаковъ и оставался на томъ берегу Байкала, пока я не выѣду изъ Иркутска опасаясь, что я вздумаю воротиться изъ Иркутска въ Читу, если онъ, пріѣхавши въ Иркутскъ, вынужденъ будетъ объявить мнѣ содержаніе бумаги. Въ Иркутскѣ посѣтилъ я женскій институтъ, и это посѣщеніе сопровождалось забавнымъ обстоятельствомъ. Говорю исправляющему должность губернатора Шелехову, что я хочу осмотрѣть институтъ, и чтобы онъ, какъ главный членъ совѣта, отдалъ соотвѣтственное приказаніе.

«Помилуйте, я и самъ тамъ ничего не значу, Это *status in stato*. Нѣтъ, ужъ сдѣлайте милость—вѣдайтесь сами съ начальницею, какъ знаете».

Нечего дѣлать, поѣхалъ къ начальницѣ; та перепугалась и сказалась больною. Я требую ея помощницу.

«Ахъ, зачѣмъ вы не пожаловали третьяго дня: это былъ пріемный день».

«Отъ того, что третьяго дня меня не было въ Иркутскѣ».

«Ну такъ пожалуйте завтра».

«Завтра меня не будетъ въ Иркутскѣ».

Между тѣмъ разговаривая такъ съ нею, я продолжаю подниматься на лѣстницу, несмотря на все желаніе классной дамы остановиться для разговора. Такимъ образомъ вошелъ я въ залу, а между тѣмъ вѣсть о моемъ прибытіи разнеслась по институту, и

бѣгомъ прибѣжали не только мои прежнія ученицы (одна изъ нихъ была первая по институту), но и всѣ институтки и успѣли разсказать мнѣ про свое житье-бытье и про всѣ безпорядки къ великому отчаянію классной дамы. «Ну вотъ теперь онъ распишетъ насъ», говорили начальствующіе, долго охая послѣ моего отбытія и все поглядывая въ газеты, какъ сообщили мнѣ потомъ въ письмѣ изъ Иркутска.

Въ Красноярскѣ я остановился въ домѣ губернскаго почтмейстера, который убѣдительно просилъ меня о томъ, писалъ еще въ Читу и сдѣлалъ распоряженіе на послѣдней станціи, чтобъ не только везли меня прямо къ нему, но чтобъ дали знать съ почтою изъ ближайшей почтовой конторы о моемъ прибытіи, а со станціи послали бы впередъ загонщика верхомъ. Этотъ почтмейстеръ въ началѣ своей карьеры былъ въ Читѣ, гдѣ и попалъ было въ дурное общество. Я извлекъ его изъ него, усовѣстилъ, заставилъ заниматься и поддержалъ, и онъ вышелъ скоро на видъ, какъ дѣльный чиновникъ и честный человѣкъ. Хотя я пріѣхалъ поздно вечеромъ, но ужъ въ домѣ ожидали меня многіе, а у воротъ большая толпа. Коль скоро же разнеслась вѣсть о моемъ прибытіи, то стали являться одни за другими и чиновники и купечество, и по дѣламъ и потому, что въ Красноярскѣ было много служившихъ прежде въ Читѣ. На другой день явились ко мнѣ съ визитомъ предсѣдатель суда, прокуроръ, полицмейстеръ, жандармскій штабъ-офицеръ, инспекторъ врачебной управы и пр. Я сдѣлалъ визитъ губернатору и архіерею, но не засталъ перваго дома, а второго въ городѣ; но губернаторъ тотчасъ отплатилъ визитъ, а я между тѣмъ, сопровождаемый цѣлою толпою (въ нѣсколькихъ экипажахъ) людей, желавшихъ показать и объяснить мнѣ все въ подробности, осмотрѣлъ военныя казармы, острогъ, домъ сумасшедшихъ [1]), домъ, назначенный подъ гимназію, стоившій полмилліона и пожертвованный золотопромышленникомъ; соборъ, стоившій милліонъ, обрушившійся недостроеннымъ и снова отстроенный на другой милліонъ; дѣтскій пріютъ (другія учебныя заведенія были пусты по случаю вакаціи), клубъ, общественный садъ, больницы и пр.

Въ г. Маріинскѣ почтмейстеромъ былъ тоже человѣкъ, служившій въ Читѣ и мною облагодѣтельствованный, у котораго, притомъ, теща моя крестила перваго ребенка. Онъ всячески упросилъ меня хоть сутки погостить у него.

Въ Томскѣ меня ожидали губернаторъ и начальникъ учебной части Западной Сибири. Губернаторъ А. Д. Озерскій, проѣзжая за Байкаломъ, останавливался у меня и потому усердно просилъ, чтобы и я въ свою очередь остановился у него; но такъ какъ выѣздъ мой изъ Читы замедлился, то губернаторъ, собираясь и самъ въ Россію и отправивъ напередъ жену, сдалъ свою квартиру, а самъ помѣстился у Асташева, почему

---

[1]) Здѣсь одинъ сумашедшій жаловался мнѣ, что не вѣрятъ, что онъ Богъ-Отецъ, отъ того только, что сомнѣваются, какъ это онъ могъ сотворить міръ. «А мнѣ это плевое дѣло»,—сказалъ онъ, «вотъ что», причемъ плюнулъ въ сторону.

я и не хотѣлъ остановиться у него, а нанялъ хорошую квартиру на три дня, которые долженъ былъ провести въ Томскѣ, чтобы присутствовать при открытіи Томской женской гимназіи, какъ желалъ того Поповъ, начальникъ учебной части, нашъ казанскій. Поповъ принялъ меня въ полномъ мундирѣ и просилъ сказать одобрительную рѣчь, почему я и сказалъ кое-что о пользѣ изученія иностранныхъ языковъ независимо отъ практической цѣли. Кромѣ того, я осмотрѣлъ въ Томскѣ одинъ частный женскій пансіонъ и, по просьбѣ начальницы, проэкзаменовалъ ея ученицъ.

Въ г. Омскѣ вышла забавная сцена съ генералъ-губернаторомъ Дюгамелемъ (пріятелемъ брата Ипполита). Такъ какъ я не ѣхалъ ночью и останавливался по городамъ, то почта, разумѣется, должна была обгонять меня. Поэтому я и распорядился, чтобы домашніе мои писали мнѣ каждую почту, расписавъ имъ, отъ какого числа, куда и на чье имя адресовать. И такъ какъ въ Омскѣ не было у меня близкихъ знакомыхъ, то назначилъ, чтобы адресовать на имя Дюгамеля для передачи при проѣздѣ.

Привыкши въ Сибири къ раболѣпству всѣхъ окружающихъ генералъ-губернаторовъ, Дюгамель очень переконфузился моимъ обращеніемъ съ нимъ и совершенно растерялся, когда я, войдя къ нему запросто, какъ къ бывшему, хотя и не коротко, знакомому нѣкогда, спросилъ о письмѣ. Онъ началъ объясняться, что онъ хорошенько не понялъ, почему письмо адресовано было на его имя, и потому отдалъ его одному совѣтнику. Я отвѣчалъ ему, что это очень просто, что у меня другихъ знакомыхъ, кромѣ его, нѣтъ въ Омскѣ, и что я разсчиталъ, что всякій другой можетъ не знать о моемъ проѣздѣ черезъ Омскъ, а что онъ будетъ знать во всякомъ случаѣ, и поэтому письмо доставлено мнѣ будетъ вѣрнѣе, Затѣмъ онъ немного оправился и сталъ мнѣ говорить о братѣ; и, по пословицѣ: «на ворѣ и шапка горитъ», старался предупредить меня насчетъ дорогъ, чтобы ослабить напередъ впечатлѣніе, какое можетъ произвести на меня дурное ихъ состояніе, и объяснить это дурною погодою.

Въ Омскѣ я осмотрѣлъ кадетскій корпусъ, гдѣ мой бывшій ученикъ былъ также первымъ, и отправилъ телеграмму къ сестрѣ въ Москву, извѣщая ее о моемъ прибытіи, назначивъ въ то же время, чтобы отвѣтъ мнѣ былъ адресованъ въ г. Ишимъ. Въ Омскѣ же явился ко мнѣ сынъ адмирала Станюковича, посланный курьеромъ изъ Николаевска на Амурѣ. Не заставъ меня въ Читѣ, онъ нагналъ меня въ Омскѣ и передалъ поклоны отъ Козакевича и другихъ и разныя свѣдѣнія, которыя долженъ былъ мнѣ сообщить.

Въ г. Тюкалинскѣ случилось забавное происшествіе, которое показало всю ненормальность положенія дѣлъ въ Россіи. Я имѣлъ открытое предписаніе отъ почтъ-инспектора, и потому мнѣ задержки нигдѣ не смѣли дѣлать. Кромѣ того, и Тобольскій губернаторъ старался всячески угодить мнѣ; поэтому мое слово вездѣ имѣло большое значеніе; но не то было съ другими, даже самыми значительными людьми, если не было сдѣлано отъ начальства предварительнаго распоряженія о проѣздѣ ихъ; въ такомъ слу-

чаѣ и курьерская дорожная не помогала. Вотъ что произошло въ Тюкалинскѣ: я остановился въ почтовой конторѣ, такъ какъ не имѣлъ въ виду ничего, кромѣ короткой остановки для обѣда. Пока урядникъ, бывшій со мною, хлопоталъ о закупкѣ провизіи, вижу, что у дома недалеко отъ почты стоятъ большія повозки.

«Кто это»? спросилъ я у письмоводителя.

«Да право не знаю», отвѣчалъ онъ какъ-то нерѣшительно. «Китайскій посланникъ, говорятъ, да что-то сумлительно, не давали знать ничего напередъ. Одначе-жъ и то сказать, подорожная на 12 курьерскихъ, такую даромъ не даютъ».

«Да что-жъ онъ здѣсь дѣлаетъ? Боленъ, что-ли? Вѣдь въ вашемъ городѣ осматривать, кажется, нечего»?

«Какое боленъ», сказалъ онъ съ усмѣшкою, «лошадей просто нѣтъ».

«Какъ нѣтъ? даже и посланнику? Пожалуй эдакъ и меня заставите дожидаться»?

«Сохрани Богъ, В. Выс., для васъ мы и своихъ найдемъ; а тутъ что станешь дѣлать: курьерская пара у насъ одна, и ту не трогаютъ на случай фельдъ-егеря. Разумѣется, даемъ изъ почтовыхъ. А теперь видите, какая дорога. Иной разъ изъ-подъ почты на другой день пріѣдетъ, да и всего-то и почтовыхъ три пары. Ну если экстренно нужно, даютъ отъ земства».

«Такъ отчего же посланнику до сихъ поръ не дали»?

«А вотъ, изволите видѣть», сказалъ онъ съ усмѣшкою: «засѣдатель у насъ въ куражѣ,—какой чортъ, говоритъ, китайскій посланникъ изъ Петербурга. Вѣрно самозванецъ какой. Пусть сидитъ въ Тюкалѣ, пока справлюсь».

«Да что вы съ ума что-ли сошли», сказалъ я, «неужели и вы сомнѣваетесь»?

Онъ посмотрѣлъ на меня нерѣшительно.

«Дайте подорожную его», сказалъ я. Смотрю: подорожная нашему новоназначенному посланнику въ Китаѣ, Влангали. «Ба, ба, вотъ встрѣча», подумалъ я, «да это сынъ бывшаго моего учителя эллинскаго языка».—Иду съ нимъ знакомиться. Объяснились и очень были рады знакомству другъ съ другомъ.

«Да что же тутъ сидите?» спросилъ я.

«Да просто не только лошадей не даютъ, да и не могу дозваться никого; два раза посылалъ за засѣдателемъ—нейдетъ».

«Вотъ видите-ли», сказалъ я ему смѣясь, «вы ѣдете изъ такой страны и въ такую, [1]) которыя обѣ обыкновенно считаютъ образцами безпорядка и безтолковщины, а, конечно, согласитесь, что ни въ одной вы не встрѣчали и не встрѣтите ничего подобнаго съ тѣмъ, что съ вами здѣсь дѣлаютъ. А чтобы еще болѣе доказать вамъ, какъ все у насъ вверхъ дномъ идетъ, вотъ я, человѣкъ опальный, достану вамъ ло-

---

[1]) Предъ назначеніемъ посланникомъ въ Китай, Влангали былъ въ Турціи генеральнымъ консуломъ въ Сербіи.

шадей, которыхъ не могли доставить вамъ ни званіе посланника, ни грозная подорожная».

Я призвалъ письмоводителя почтовой конторы и сказалъ ему, чтобъ онъ самъ отправился къ засѣдателю и передалъ бы ему, что если сію же минуту не явится онъ самъ къ посланнику и не приведетъ лошадей, то онъ останется на своемъ мѣстѣ ровно столько лишь времени, сколько только нужно моему письму дойти до Тобольска; а въ удостовѣненіе его въ какихъ отношеніяхъ я нахожусь съ губернаторомъ, то вотъ письмо губернатора ко мнѣ. Письмоводитель отправился, и менѣе чѣмъ чрезъ двадцать минутъ явился засѣдатель съ мокрыми волосами, какъ вѣрный признакъ того, что онъ вылилъ себѣ на голову не одно ведро воды, чтобъ отрезвиться; онъ сталъ увѣрять, что будто бы лошадей отъ того не было, что крестьяне мошенники, и что онъ самъ ѣздилъ по деревнямъ сгонять лошадей. Вслѣдъ за засѣдателемъ явились, разумѣется, и лошади.

Мы сговорились было съ Озерскимъ ѣхать вмѣстѣ, но какъ онъ не хотѣлъ заѣзжать въ Омскъ, потому что не былъ въ ладахъ съ Дюгамелемъ, то и пришлось намъ съѣхаться за Тюкалинскомъ. На дорогѣ встрѣтила меня жена Красноярскаго губернатора и насказала ужасы про дорогу. Пріѣзжаю на станцію Орлову и вижу, что въ книгѣ для жалобъ она записала карандашемъ, что ей не дали не только лошадей, но и пера, чтобы записать жалобу. Здѣсь съѣхались мы съ Озерскимъ. Дорога дѣйствительно оказалась такова, что подъ мой легкій тарантасъ вмѣсто трехъ запрягли 10 лошадей, а подъ карету Озерскаго 17, хотя еще все съ нея сгрузили на нѣсколько подводъ. Сверхъ того, мы взяли нѣсколько провожатыхъ верхомъ. Вся ѣзда состояла изъ перескакиванья изъ одной ямы въ другую, изъ которой каждый разъ приходилось вынимать экипажъ. Такимъ образомъ, въ цѣлыя сутки мы могли проѣхать только 8 верстъ. Разсмотрѣвъ все обстоятельно, я убѣдился, что такое дурное состояніе дороги происходило не отъ однихъ только дождей, а что тутъ была общая стачка крестьянъ, и земскаго и почтоваго начальства, чтобы брать съ проѣзжихъ какую угодно цѣну за вольныхъ лошадей, и тогда возили объѣздомъ, не заѣзжая на станціи, на которыхъ на улицахъ не было возможности сдѣлать и шагу, такъ какъ и лошади и повозка тонули въ грязи. Поэтому я немедленно изъ перваго же города написалъ къ почтъ-инспектору и губернатору, и они немедленно же выслали своихъ чиновниковъ, и дѣло было тотчасъ же исправлено, какъ увѣрялъ меня потомъ губернаторъ при личномъ свиданіи со мною въ Москвѣ.

Въ Ишимѣ получилъ я телеграмму о разрѣшеніи ѣхать прямо въ Москву. Здѣсь пришлось повѣрить и телеграфные порядки. Прихожу на телеграфную станцію и спрашиваю у дежурнаго телеграмму на мое имя.

«Никакой нѣтъ», отвѣчаетъ онъ.

«Быть не можетъ».

«Извольте, вотъ книга».

Смотрю въ книгѣ, гдѣ записываютъ получаемыя телеграммы, дѣйствительно нѣтъ. Выхожу въ недоумѣніи, какъ слышу, что сторожъ говоритъ дежурному: «Посмотрите-ка въ ящикѣ, тамъ, кажись, есть какіе-то пакеты. Третьяго дня дежурный былъ въ хмѣлю и, кажись, ихъ не записалъ».

Выдвигаютъ ящикъ,—тамъ между другими пакетами оказывается телеграмма на мое имя.

Въ Ялуторовскѣ, гдѣ долго жили многіе изъ моихъ товарищей, сбѣжались всѣ, до кого только дошла вѣсть о моемъ прибытіи, чтобы познакомиться со мною. Несмотря на убѣдительныя просьбы обывателей, я не могъ остановиться хоть на сутки, какъ они ни просили, и только осмотрѣлъ школу, основанную моими товарищами. Я спѣшилъ, чтобы застать въ Перми отправленіе послѣднихъ пароходовъ по Камѣ до Казани.

Въ Тюмени былъ городничимъ одинъ штабъ-офицеръ, служившій въ Читѣ. Тутъ же ожидалъ меня и братъ Ипполитъ. Къ сожалѣнію, свиданіе не обошлось безъ непріятнаго открытія и впечатлѣнія. Городничій, убѣдивъ меня отобѣдать у него, счелъ приличнымъ пригласить и Ипполита, который при этомъ не замедлилъ обнаружить ту слабость, о которой хотя и доходили уже слухи до меня, но я полагалъ ихъ увеличенными, а тутъ пришлось убѣдиться на дѣлѣ.

Въ Екатеринбургѣ я получилъ извѣстіе, что врядъ ли застану уже и послѣдній пароходъ; почему и рѣшился остановиться въ городѣ, который я не успѣлъ осмотрѣть хорошенько въ первый мой проѣздъ по Сибири изъ Америки и, разумѣется, не могъ осматривать во второй проѣздъ, когда везли насъ въ Сибирь.

Между тѣмъ въ Перми ждали меня съ большимъ нетерпѣніемъ, и губернаторъ, насколько его просьбы имѣли вліяніе, всячески старался продлить долѣе плаваніе пароходовъ, чтобы доставить мнѣ возможность удобнѣе проѣхать до Казани. Надо сказать, что въ Перми жила въ это время сестра моей мачихи, Татьяна Львовна, вдова генерала Моллеръ; жила же она тутъ въ гостяхъ у дочери своей, бывшей замужемъ за исправлявшимъ должность Пермскаго губернатора. Было дано знать вездѣ и на почтѣ и въ полиціи о моемъ пріѣздѣ, съ приказаніемъ просить меня, не останавливаясь, проѣхать прямо въ домъ губернатора. Но вышло такъ, что сестра не предувѣдомила меня о томъ въ телеграммѣ, а я со своей стороны предпочелъ ѣхать отъ Екатеринбурга по вольной почтѣ, и такъ какъ не думалъ останавливаться въ Перми, кромѣ какъ на ночлегъ, то, пріѣхавъ на станцію вольной почты поздно вечеромъ, и не счелъ нужнымъ давать куда нибудь знать о своемъ проѣздѣ и рано поутру выѣхалъ по вольной же почтѣ въ Казань, узнавъ, что послѣдній пароходъ ушелъ уже изъ Перми наканунѣ.

Въ Казани меня ожидали пресмѣшныя и престранныя приключенія, все вслѣдствіе необычайности моего положенія и противорѣчія нравственныхъ ко мнѣ отношеній не только публики, но и начальства съ его оффиціальными отношеніями. Старый губерна-

торъ уже уѣхалъ, новый не пріѣзжалъ еще; отъ вице-губернатора ни въ чемъ не могъ добиться толку. Онъ все мнѣ твердилъ, что въ Казани мнѣ почему то остаться нельзя, а выдать подорожной въ Москву не можетъ. «Да куда же мнѣ, наконецъ, можно обратиться»? сказалъ я, потерявъ терпѣніе; «если нѣтъ у васъ губернатора здѣсь, то кто же можетъ рѣшить дѣло»?—«Попробуйте обратиться къ генералу Тимашеву, онъ хоть здѣсь и по спеціальному дѣлу, но на правахъ генералъ-губернатора».—Отправляюсь къ Тимашеву, жившему на императорской квертирѣ. Вхожу къ нему въ кабинетъ и говорю ему полусерьезно, полушутя, смѣясь, что вотъ-де такъ и такъ я сосланъ де изъ Читы въ Казань, а меня здѣсь не принимаютъ и въ Москву не пускаютъ. Надо прибавить къ этому, что я былъ въ костюмѣ, который мы всѣ привыкли носить въ Сибири, нѣчто въ родѣ казачьяго сюртука или казакина. Тимашевъ, озадаченный всѣмъ этимъ, отвѣчалъ мнѣ, какъ будто бы помѣшанному человѣку: «Помилуйте, М. Г., что вы это говорите? Можно изъ Казани въ Читу сослать, а не на оборотъ». „*Mon général*", сказалъ я, „*je ne suis pas pourtant un fantôme, mais, comme vous voyez, un homme de chair et d'os et ma seule présence ici vous prouve que tout est encore possible chez nous en Russie*". Тимашевъ еще болѣе смутился. «Да позвольте же наконецъ узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить»? Я назвалъ себя. Тогда онъ развелъ руками и сказалъ: «Ну батюшка, задали же вы намъ работу, 3-му отдѣленію».—Я отвѣчалъ ему, смѣясь, что я въ томъ не виноватъ, что я вовсе не просилъ ихъ, чтобы они такъ обо мнѣ заботились. Тимашевъ сознался, впрочемъ, что ему совершенно неизвѣстны распоряженія относительно меня и просилъ побывать часа два спустя, пока онъ соберетъ справки. Оказалось, что я дѣйствительно былъ сначала назначенъ въ Казань, но что послѣ была бумага отъ министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы по прибытіи моемъ въ Казань предложить мнѣ на выборъ для жительства одинъ изъ внутреннихъ городовъ имперіи. Я сказалъ Тимашеву, что мнѣ нечего дѣлать выбора, потому что я получилъ уже телеграмму, разрѣшающую мнѣ пребываніе въ Москвѣ. Опять понадобилась справка о телеграммѣ и пришлось ждать до завтра.

Прихожу на другой день; предписанія отъ министра внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи мнѣ ѣхать въ Москву не нашлось. Я показываю полученную мною телеграмму. Онъ отвѣчаетъ мнѣ, что они не могутъ положиться на частный документъ. «Ну, въ такомъ случаѣ», сказалъ я, «дѣло очень просто: или я, или вы пошлемъ телеграмму къ министру внутреннихъ дѣлъ, а въ ожиданіи отвѣта я подожду въ Казани».—«На это я никакъ не могу согласиться».—«Это почему»?—«Потому что пребываніе ваше въ Казани опасно».—«Позвольте спросить, въ какомъ отношеніи»?—«Здѣсь была студенческая исторія, и не велѣно никого присылать сюда на жительство».—«Такъ какъ вы сами разбираете студенческую исторію, то очень хорошо знаете, что она не имѣетъ ничего общаго со мною».—Это такъ, но кромѣ того есть еще важныя причины».—«Да, какія же, смѣю спросить»?—«Помилуйте, весь городъ волнуется, такое впечатлѣніе про-

извелъ вашъ пріѣздъ. Куда ни пріѣдешь, въ частный-ли домъ, въ клубъ-ли, только и рѣчи, что про васъ».—«Вольно же дѣлать такія распоряженія», сказалъ я, смѣясь, «которыя производятъ такое впечатлѣніе».—«Ну, какой же городъ вы выбрали»?—«Никакого; или ѣду въ Москву или остаюсь въ Казани, потому что только въ этихъ двухъ городахъ есть для меня основанія, чтобы проживать въ нихъ».—«Ни то, ни другое невозможно. Выберите, пожалуйста, другой городъ. Вѣдь я это говорю для вашей же пользы; а не то министръ внутреннихъ дѣлъ запрячетъ васъ въ Архангельскъ».—«Я не знаю, что можетъ у васъ дѣлать министръ внутреннихъ дѣлъ, и можетъ-ли онъ поступать вопреки Высочайшему повелѣнію, гдѣ именно сказано, чтобы назначить одинъ изъ внутреннихъ городовъ; да кромѣ того послѣдующимъ повелѣніемъ мнѣ разрѣшено уже ѣхать въ Москву. Телеграмма, полученная мною, не можетъ быть ошибочна. Поэтому я прямо объявляю, что до разрѣшенія недоумѣнія о ней никуда изъ Казани добровольно не выѣду, кромѣ какъ въ Москву, а въ случаѣ насилія буду протестовать». Затѣмъ я раскланялся и вышелъ.

Между тѣмъ въ этотъ же день пріѣхалъ новый губернаторъ Нарышкинъ (племянникъ моего товарища), а Тимашевъ выѣхалъ въ Пермь. Прихожу къ Нарышкину, онъ встрѣтилъ меня слѣдующими словами: «Александръ Егоровичъ передалъ мнѣ, что вы очень несговорчивы, что онъ желалъ все сдѣлать къ лучшему для васъ, потому что дѣйствительно желаетъ вамъ добра, да вы ни на что не соглашаетесь».—Въ отвѣтъ на это я въ свою очередь спросилъ его, не скрывая своего неудовольствія: «А развѣ вамъ кто-нибудь говорилъ, что я добиваюсь добраго мнѣнія о себѣ и расположенія Ал. Ег.? Мнѣ кажется, что дѣло, о которомъ шла рѣчь, не должно зависѣть отъ того, какого мнѣнія онъ обо мнѣ, и какъ расположенъ онъ къ кому, и не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ»?—«Нѣтъ право, будемъ говорить по дружески», сказалъ онъ мнѣ съ заискивающимъ видомъ: «мнѣ больно будетъ, если выйдетъ какое нибудь недоразумѣніе между мною и другомъ моего дяди. Сообразимъ вмѣстѣ, какъ бы лучше устроить дѣло. Нельзя ли вамъ выбрать, напримѣръ, какой нибудь другой городъ по направленію къ Москвѣ, а оттуда вы спишетесь съ министромъ».—«Вотъ это дѣло», сказалъ я, «я выбираю послѣдній городокъ по желѣзной дорогѣ къ Москвѣ».—Да и въ Московскую губернію нельзя».—Ну такъ въ Калугу, я по крайней мѣрѣ проѣду чрезъ Москву».—«И туда нельзя».—«Это отчего? Тамъ вѣдь мои товарищи, кн. Оболенскій, Батеньковъ, Свистуновъ».—«Могу васъ увѣрить, что Свистунова уже тамъ нѣтъ».—Это онъ сказалъ такимъ тономъ, какъ будто бы Свистунову нельзя было остаться тамъ по политическимъ причинамъ, тогда какъ Свистуновъ выѣхалъ оттуда, какъ я узналъ послѣ, единственно потому, что вышелъ въ отставку. Не зная, впрочемъ, что дѣлать въ это время и какія были относительно всѣхъ насъ правительственныя распоряженія, но соображая что все уже возможно было въ это время, такъ какъ началась реакція, и видя примѣръ произвола на себѣ, я не счелъ приличнымъ вдаваться ни въ споры, ни въ по-

ясненія съ Нарышкинымъ, а прервалъ всякіе переговоры и объявилъ ему начисто, что я не ѣду, а пусть они дѣлаютъ, что хотятъ. Я прожилъ цѣлую недѣлю въ Казани, посѣщая не только родныхъ и знакомыхъ, которыхъ у меня въ Казани множество, но и общественныя собранія, возбуждая вездѣ своимъ появленіемъ живѣйшее вниманіе и непритворную радость, выражая своимъ открытымъ дѣйствіемъ живое олицетвореніе протеста противъ произвола, потому что, несмотря на все, что ни говорили Тимашевъ и Нарышкинъ, никто изъ нихъ не смѣлъ меня тревожить, что и производило особенное впечатлѣніе въ томъ какъ бы осадномъ положеніи, въ какомъ находилась Казань по случаю дѣйствій слѣдственной коммиссіи. Между тѣмъ телеграфъ дѣйствовалъ, и такъ какъ Государь находился въ то время въ Крыму, то телеграмма, отправленная къ министру внутреннихъ дѣлъ, пошла въ Крымъ, оттуда обратно въ Петербургъ и снова изъ Петербурга въ Казань. Наконецъ, однажды вечеромъ, когда я собрался было ѣхать къ брату покойной мачихи, Павлу Львовичу Толстому, и садился уже въ экипажъ, я получилъ записку отъ полицмейстера, который просилъ меня пожаловать къ нему. Я догадался, что дѣло шло о полученіи мнѣ разрѣшенія ѣхать въ Москву, и поэтому прямо отправился къ полицмейстеру. Вхожу и вижу, что стоятъ два жандарма, одинъ унтеръ-офицеръ, а другой рядовой. «Я получилъ», говоритъ мнѣ полицмейстеръ, «приказаніе немедленно отправить васъ въ Петербургъ съ двумя жандармами, которымъ ужъ и сдалъ васъ; вотъ частный приставъ, онъ проводитъ васъ».—«Очень сожалѣю», отвѣчалъ я, полусмѣясь, «что не могу выполнить ни одного изъ вашихъ милыхъ распоряженій».—«М. Г.», возразилъ онъ, «я исполняю только свою обязанность».—«М. Г.», отвѣчалъ я, «первая обязанность человѣка состоитъ въ томъ, чтобы хорошенько знать, въ чемъ заключается его обязанность. Во-первыхъ, мнѣ нѣтъ никакой надобности въ вашемъ частномъ приставѣ».—«Онъ поможетъ вамъ уложиться».—«У меня уложатъ все мои люди».—«Можетъ быть, нужно что нибудь уладить съ хозяевами квартиры»?—«Никакихъ затрудненій тутъ быть не можетъ и улаживать нечего, потому что я стою въ домѣ своего родственника. Во-вторыхъ, немедленно выѣзжать я не намѣренъ, потому что дорога предоставлена въ мое распоряженіе, а я по ночамъ не ѣзжу. Въ третьихъ, позвольте-ка мнѣ посмотрѣть бумагу; полно, въ Петербургъ-ли велѣно меня отправить»?—Полицмейстеръ схватился за бумагу и, взглянувъ на нее, сказалъ; «Ахъ, извините: въ Москву»—«Ну вотъ, видите-ли, *cela change la thèse*. Я и въ Петербургъ, бы ѣхать не прочь, но въ Москву ѣду по своему желанію. Теперь вижу изъ этого, что намъ съ вами не столковаться, и что мы только будемъ тратить время попустому. Такъ какъ вы сказали, что ужъ сдали меня жандармскому начальству, то не угодно-ли будетъ отправиться со мною къ жандармскому начальнику.—Кто у васъ здѣсь главный начальникъ»? спросилъ я, обращаясь къ жандармамъ.—«Полковникъ Ларіоновъ», отвѣчали они. «Проводите меня къ нему», сказалъ я, и пошелъ, не обращая вниманія на полицмейстера, который страшно переконфузился и, совершенно растерянный, послѣдовалъ

за мною, бормоча какія-то извиненія. Ларіоновъ, прочитавши бумагу и выслушавши мое объясненіе, сказалъ полицмейстеру: «Какъ вамъ не стыдно. Вы кажется и читать-то не умѣете. Гдѣ вы нашли, что немедленно отправить? Развѣ вы не видите изъ бумаги, что Д. И. не арестантъ какой, и что жандармы назначаются единственно для сопровожденія и охраненія его [1]), по его же собственной просьбѣ; вамъ же предписано только объ отправленіи его донести немедленно, а вовсе никто и не думалъ давать вамъ право отправлять его немедленно».—Такимъ образомъ полицмейстеръ отправился со стыдомъ во-свояси, а я, какъ и намѣревался, поѣхалъ къ Толстому на вечеръ, а на другой день послѣ завтрака выѣхалъ сухимъ путемъ въ Нижній Новгородъ, такъ какъ и изъ Казани уже пароходы прекратили свое плаваніе, пока я дожидался въ Казани рѣшенія.

Между тѣмъ подорожная была написана чрезвычайно замысловато. Ясно было, что всѣ хитрили, но хитрили однако самымъ забавнымъ и неловкимъ образомъ. Такъ напр. въ подорожной было сказано, что она дана такимъ-то унтеръ-офицеру и рядовому жандармамъ «для сопровожденія и охраненія извѣстнаго лица». И вотъ мои жандармы, у которыхъ, какъ и у многихъ людей, инстинктивная сметка, какимъ образомъ изо всего можно извлечь себѣ выгоду, составляетъ какъ бы шестое чувство организма, сейчасъ сообразили, какую пользу могутъ они извлечь для удобства дороги изъ этой неопредѣленности. Съ первой же станціи я былъ уже «его превосходительство», далѣе «его сіятельство», а наконецъ «его свѣтлость»; съ такими титулами, хоть и безъименному лицу, мнѣ подавали и счеты въ трактирахъ [2]).—Ниже увидимъ, къ какимъ забавнымъ мистификаціямъ подавало поводъ мое «инкогнито». Жандармы были отъ меня въ восхищеніи и были неистощимы въ разсказахъ о моей добротѣ и щедрости. Я сажалъ ихъ съ собой за одинъ столъ, и они цѣнили не только то, что кормовыя деньги сохранялись у нихъ, но и мою привѣтливость. Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о сужденіяхъ жандармовъ и объ ихъ отношеніяхъ вообще къ препровождаемымъ. «Вѣдь вотъ, Ваше Сіятельство (они и сами меня всегда такъ называли»), говорили они мнѣ, «мы съ товарищемъ все благодаримъ Бога, что хоть васъ послалъ Онъ намъ горемычнымъ. Вѣдь намъ, казанскимъ жандармамъ, ничего не достается отъ провоза секретныхъ, а вотъ московскіе, да пермскіе, тѣ богатѣютъ; отъ того, что такой порядокъ: отъ Москвы везутъ одни прямо до Перми, а въ Перми смѣняются и пермскіе везутъ до Тобольска».

У поляковъ прислуживали не только рядовые жандармы, но даже и офицеры. Разъ на станціи вижу офицера, который подаетъ умываться препровождаему поляку.

---

[1]) Это была уловка на основаніи того, что когда насъ спрашивали, что намъ нужно для возвращенія въ Россію, то многіе, въ томъ числѣ и я, требовали казака, какъ для безопасности, такъ и потому, что нельзя было найти прислуги.

[2]) Напр. «Его Свѣтлости Н. Н.»; нѣкоторые изъ этихъ счетовъ долго у меня хранились и были показаны многимъ.

«Что это», сказалъ я, смѣясь, «въ прислугу что-ли поступили?»—Но онъ отвѣчалъ мнѣ наивно: «Еще бы не послужить. Что намъ казна даетъ? А вотъ ихъ милость пожаловали теплый тулупчикъ, да деньгами ужъ рублей 20 передавали».

Теперь разскажу о нѣкоторыхъ наиболѣе забавныхъ мистификаціяхъ. Я обыкновенно выѣзжалъ въ 6 часовъ утра; а на ночлегъ останавливался около 10 часовъ вечера. Пріѣзжаю на одну станцію, гдѣ я расположился ночевать, и вижу—весь дворъ уставленъ повозками. Провозили разомъ много поляковъ и при нихъ столько же жандармовъ при двухъ офицерахъ. Вхожу въ переднюю комнату, меня встрѣчаетъ какой-то человѣкъ въ дубленомъ полушубкѣ и говоритъ: «Не угодно-ли ѣхать дальше: здѣсь станція занята».—Я, не отвѣчая ему, иду въ комнату налѣво. «Позвольте, сюда нельзя», сказалъ онъ, «здѣсь политическіе преступники».—Я вхожу въ комнату направо, онъ за мною и говоритъ: «А здѣсь нельзя отъ того, что я уже занялъ эту комнату».—Вижу—комната большая, и на одномъ диванѣ лежитъ подушка и шинель, другой диванъ порожній. Я, не отвѣчая ни слова и не глядя на говорившаго, говорю своимъ жандармамъ: «Вносите сюда мои вещи и прикажите, чтобы къ 6 часамъ утра лошади были готовы».—Услышавъ это, полушубокъ схватилъ подушку и шинель, юркнулъ въ дверь, ведущую въ сѣни, и спрашиваетъ моихъ жандармовъ: «Кто это?» — Они отвѣчаютъ ему, что генералъ и князь, должно быть очень важная особа, но фамилію даже имъ запрещено спрашивать. Чрезъ нѣсколько минутъ полушубокъ является въ полной офицерской формѣ и рапортуетъ о благополучномъ слѣдованіи партіи.

Въ Нижнемъ Новгородѣ я остановился на сутки единственно для того, чтобы предупредить телеграммою сестру и повидаться съ моимъ товарищемъ Анненковымъ. Впрочемъ, я успѣлъ всетаки осмотрѣть и тутъ одинъ частный женскій пансіонъ.

IX.

17-го октября въѣхалъ я въ Москву послѣ 37 лѣтняго отсутствія. Это было очень рано утромъ. Сестра выѣхала мнѣ навстрѣчу. Едва я успѣлъ съ нею поздороваться, какъ она торопливо толкнула меня въ объятія какой-то другой особы, которой присутствія я даже сначала и не замѣтилъ. Я подумалъ было, что это вѣрно одна изъ нашихъ племянницъ, но оказалось, что это была ея воспитанница, дѣвушка 18 лѣтъ, которую она взяла встрѣчать меня, отказавъ въ томъ и кузинамъ нашимъ и племянницамъ, несмотря на убѣдительныя ихъ просьбы, и даже не сказала имъ о днѣ моего пріѣзда, чтобы онѣ не могли выѣхать сами по себѣ ко мнѣ навстрѣчу. Не имѣвши никакихъ положительныхъ свѣдѣній ни о чемъ происходившемъ во время моего отсутствія, я не могъ понять ничего изъ того, что вокругъ меня происходило, и только послѣ отъ своей кузины узналъ, что сестра боялась, чтобы они меня не предупредили

насчетъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ. Между тѣмъ отсутствіе этихъ лицъ произвело на меня не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе.

Пріѣздъ мой въ Москву тоже не обошелся безъ мистификаціи. Я полагалъ, что мнѣ вовсе не было надобности ѣздить къ какимъ нибудь начальствамъ, а что достаточно отвести бумаги въ канцелярію генералъ-губернатора. Поэтому я отправился въ той же каретѣ, которая привезла меня съ желѣзной дороги, и велѣлъ одному жандарму сѣсть на козлы, а другому стать на запятки. Кучеръ не разслышалъ приказанія и привезъ прямо къ подъѣзду самого ген.-губ., откуда я уже, замѣтилъ его ошибку, велѣлъ поворитить въ канцелярію. Этотъ странный поѣздъ кареты съ жандармами обращалъ общее вниманіе. Всѣ останавливались на улицахъ, и такъ какъ польское дѣло было въ полномъ разгарѣ, и такъ называемый *Rzad Narodowy* не былъ еще захваченъ, то и разнесся по городу слухъ, что, наконецъ, его поймали, и многіе мнѣ же лично разсказывали потомъ, что видѣли сами, какъ везли его въ каретѣ съ двумя жандармами.

На другой день сестра отслужила семь молебновъ и представила мнѣ длинный списокъ лицъ, у которыхъ будто бы слѣдовало побывать. Я очень сократилъ его и тѣмъ болѣе, что надобно было сдѣлать нѣсколько визитовъ и по отношенію къ общественной дѣятельности, такъ какъ все, что относилось исключительно къ родству и прежнему знакомству, очень мало занимало меня. По образу того, что я въ одни только сутки видѣлъ и слышалъ у сестры въ домѣ, ясно было, что я не буду въ состояніи сочувствовать ничему уже въ этомъ кругу. Конечно, свѣтская учтивость и семейныя отношенія дѣлали необходимыми нѣкоторые визиты, и вотъ я поѣхалъ къ сестрѣ покойной мачихи, Екат. Льв. Тютчевой, у которой воспитывалась и сестра моя. Тамъ, разумѣется надо было зайти и къ Сушковымъ, съ которыми Е. Л. жила вмѣстѣ. Сушковъ женатъ былъ на ея дочери, Дарьѣ Ивановнѣ, и у нихъ жила ихъ племянница, Екатерина Ѳед. Тютчева, дочь извѣстнаго поэта. Сушковъ отнесся ко мнѣ очень льстиво, но вмѣстѣ съ тѣмъ задумалъ разыгрывать роль какого-то руководителя, почему мнѣ и пришлось осадить его припервомъ же свиданіи. «Вотъ я познакомлю васъ съ Павловымъ; вы можете заработатъ у него не одну тысячу, а онъ очень будетъ радъ такому сотруднику».— «Съ какимъ это Павловымъ», спросилъ я, «не съ тѣмъ-ли, что держитъ любовницу при живой женѣ, которую оскорбляетъ? Не надо мнѣ его тысячей, я и знакомиться съ нимъ не хочу».—Ну, вотъ вы какъ тамъ привыкли строго смотрѣть на все въ Сибири. Да кто-же есть здѣсь «порядочный» человѣкъ, который не имѣлъ бы своего маленькаго домика, чтобы держать любимицу»?—И это говорилъ другъ Филарета, ревнитель православія (какъ отвлеченнаго ученія, разумѣется, и политическаго орудія). Ну, подумалъ я, тутъ уже мнѣ дѣлать нечего: если порядочные люди у васъ таковы, то каковы же должны быть «не порядочные»?—«Ну такъ я познакомлю васъ съ Катковымъ».— «Покорно васъ благодарю. Я привыкъ вступать въ сношенія съ людьми прямо, если нужно, а не чрезъ посредство другихъ».—Тоже самое пришлось мнѣ отвѣчать и кн.

Лизаветѣ Петровнѣ Долгоруковой. Она настойчиво желала познакомиться со мною. Я не могъ отказать ей въ посѣщеніи, такъ какъ она была родная племянница товарища моего по дѣлу, Василья Львовича Давыдова, умершаго въ Сибири, въ Красноярскѣ. Она тоже навязывалась познакомить меня съ Катковымъ, бывшимъ тогда въ славѣ; но я ей далъ такой же отвѣтъ, какъ и Сушкову. Я отыскалъ сына моего товарища Трубецкаго, сдѣлалъ визитъ сенатору Ребиндеру, женатому на его дочери, посѣтилъ сестеръ Бестужева, дочь Анненкова, Теплову, и вдовъ нашихъ товарищей, Нарышкину и Пущину, но не хотѣлъ и видѣть Свистунова, который такъ недостойно велъ себя въ казематѣ, а потомъ вздумалъ разыгрывать роль либерала на чужой счетъ. Онъ горько жаловался, что я не хочу быть съ нимъ «даже и знакомымъ».

Между тѣмъ рѣзкое различіе моего наружнаго вида съ тѣмъ, въ какомъ привыкли видѣть моихъ товарищей, возвратившихся изъ Сибири, подавало поводъ къ забавнымъ *qui-pro-quo*. Мнѣ вообще давали, кто 37, кто даже 35 лѣтъ, и ни въ какомъ случаѣ не болѣе 40. У Аксакова на вечерѣ вызвали разъ, шутя, всѣхъ 40 лѣтнихъ, и всѣ на видъ оказались старше меня. У сестры моей былъ и годовой докторъ и консультантъ. И вотъ этотъ консультантъ, извѣстный Пфель, пріѣзжаетъ знакомиться со мною. Я ходилъ по залѣ; онъ раскланялся со мною и прошелъ въ гостиную; я пошелъ вслѣдъ за нимъ. Зашелъ разговоръ о скверной тогда погодѣ. Наконецъ вижу, что онъ что-то все поглядываетъ на запертую дверь кабинета (ему человѣкъ, не зная, что я вышелъ въ залу, сказалъ, что я въ кабинетѣ), то на часы, и затѣмъ спрашиваетъ меня: «А что позвольте спросить, скоро Д. И. выйдетъ»?—Я отвѣчалъ ему, что я самъ и есть Д. И. Онъ вскочилъ: «Да что же это, батюшка, вы 14 декабря развѣ новорожденнымъ были? Развѣ ползали только? Или на васъ парикъ и вставные зубы у васъ»?—Я позволилъ ему освидѣтельствовать, что и волоса и зубы у меня не заимствованные. «Ну въ жизнь свою ничего подобнаго не видалъ. Ни одного сѣдого волоса, всѣ зубы цѣлы. И это послѣ всѣхъ приключеній по крѣпостямъ, казематамъ, въ Сибири,—ну право бы не повѣрилъ, если бы кто разсказывалъ, а не самъ лично убѣдился».

Само собою разумѣется, что, прибывъ въ Москву, хоть и на невольное жительство, я вовсе не думалъ отрекаться отъ общественной дѣятельности, на которую посвятилъ всю свою жизнь, и не думалъ жить праздно или только для личныхъ цѣлей; но прежде всего необходимо было выяснить свое положеніе и осмотрѣться, чтобы знать, что я могу дѣлать соотвѣтственно тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ буду находиться съ правительствомъ, и что долженъ буду дѣлать сообразно съ тѣмъ положеніемъ и тѣмъ настроеніемъ, въ какихъ найду общество. Нечего и говорить, что ни въ основныхъ началахъ, ни въ нравственныхъ цѣляхъ мнѣ нечего было ни измѣнять той общей программы, которую легко прослѣдить чрезъ всю мою жизнь, какъ путеводную нить, ни составлять новой, а что дѣло шло только о практическихъ приложеніяхъ и объ умѣстности тѣхъ или другихъ видовъ дѣйствія. Образованіе, какъ источникъ разумныхъ учре-

жденій и залогъ прочности ихъ, и благотворительность не только какъ христіански-нравственная обязанность, но и какъ общественная справедливость, изглаживающая недостатки человѣческихъ учрежденій и тѣ вредныя послѣдствія ихъ, которыя причиняютъ незаслуженную гибель и страданія,—должны были, какъ и всегда, быть главными моими стремленіями и цѣлями.

Я началъ съ того, что для выясненія своего положенія относительно правительства, я немедленно по прибытіи въ Москву написалъ, по отношенію къ прошедшему, что я требую быть представленнымъ предъ судъ, хотя бы снова предъ Верховный уголовный, потому что не только не признаю себя виновнымъ, но имѣю всѣ средства доказать несомнѣнность моихъ заслугъ и намѣренъ потребовать предъ тотъ судъ всѣхъ тѣхъ, которые клеветою и ложными извѣтами побудили правительство къ нарушенію справедливости относительно меня, а что касается до будущаго, то напередъ объявляю [1]), что только одна физическая невозможность можетъ воспрепятствовать мнѣ продолжать и словомъ и дѣломъ мою общественную дѣятельность, потому что я считаю ее не только не отъемлемымъ своимъ правомъ, но и священною своею обязанностію.

На это отвѣчали мнѣ, что судить меня не за что, что противъ меня нѣтъ никакого обвиненія, но что Государю угодно, чтобы я жилъ въ Москвѣ [2]), а на Высочайшую волю нѣтъ аппеляціи; что же касается до моей общественной дѣятельности, то, такъ какъ мнѣ возвращены права высшаго сословія въ государствѣ, то никакая дѣятельность не заграждена для меня въ законномъ кругу. Относительно же положенія общества, личныя наблюденія не открыли мнѣ ничего, что не было бы давно уже для меня ясно и въ Читѣ изъ чтенія, размышленія и наблюденія надъ лицами, пріѣзжавшими изъ Россіи. Я нашелъ, что если въ умственной сферѣ специальности подвинулись, зато общія идеи помутились, характеры измельчали, и оказывалось гораздо менѣе искренности, потому что никогда прежде не было такого разлада, такого противорѣчія между словомъ и дѣломъ.

Чтобы судить о состояніи общества, нельзя дѣлать заключеній по однимъ только мнѣніямъ дурныхъ людей. Гораздо вѣрнѣе раскрывается это состояніе, если знаешь идеалы общества, если судишь по тѣмъ мнѣніямъ, которыя открыто выражаютъ, по тѣмъ дѣламъ, которыя позволяютъ себѣ тѣ люди, которыхъ считаютъ хорошими въ

---

[1]) Qu'ils se tiennent pour avertis d'avance qu'a moins que je ne suis enfermé quelque part, etc. Письмо къ кн. В. А. Долгорукову.

[2]) Нѣкоторые изъ государственныхъ лицъ, съ которыми я видѣлся потомъ въ Москвѣ, на упрекъ мой объ указанной мнѣ несправедливости, отвѣчали почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, что неужели я ихъ принимаю за такихъ дураковъ, чтобы они не понимали, что я былъ вполнѣ справедливъ, и что вѣдь надобно было бы перевернуть вверхъ дномъ всю государственную систему, чтобы смѣнить генералъ-губернатора предъ частнымъ лицомъ, да еще и «декабристомъ».

общемъ мнѣніи, а пожалуй, даже и лучшими. Поэтому-то путаница понятій нигдѣ такъ не поражаетъ, какъ у подобныхъ людей, и нигдѣ нельзя лучше паблюдать ее. Я выше сказалъ, что я въ первыя-же сутки моего пребыванія въ Москвѣ въ домѣ сестры моей и увидѣлъ и услышалъ многое, что показало мнѣ образецъ того, какъ далеко, до крайней противоположности, разошлись наши идеи и чувства.

Приведу здѣсь одинъ только примѣръ: разсказывая мнѣ о разныхъ событіяхъ, происшедшихъ въ нашемъ родствѣ, и говоря объ одномъ господинѣ, женившемся на нашей кузинѣ, сестра, превознося его до-нельзя, въ доказательство, какой онъ славный человѣкъ и какъ любитъ свою жену, привела слѣдующее: «Если ему напримѣръ случается впадать въ тѣ небольшія слабости *(commettre un de ces petits pechés)*, которыя такъ свойственны даже и женатымъ людямъ, то онъ со слезами на глазахъ на колѣняхъ проситъ у ней прощенія».—«Такъ вотъ какъ у насъ», сказалъ я. «А у тѣхъ несчастныхъ, кого онъ погубилъ для удовлетворенія своихъ «небольшихъ слабостей», онъ не проситъ на колѣняхъ прощенія, не плачетъ о ихъ гибели? Вотъ это вамъ такъ нипочемъ. А вы еще упрекаете Петербургъ въ нечестіи да въ невѣріи. Человѣкъ погубилъ несчастную, да и думаетъ: съ ней поквитаюсь деньгами, а съ Богомъ—молебномъ, либо неугасаемою лампадкою. Но въ томъ-то и дѣло, что Петербургъ не вѣритъ—худо дѣлаетъ; а Москва дѣлаетъ еще хуже: она вѣритъ, да хочетъ и самого Бога или обмануть или подкупить» [1]).

И такъ, имѣя противъ себя враждебное предубѣжденіе правительства, находясь въ радикальномъ несогласіи съ привычками, мнѣніями, чувствами, образомъ дѣйствій господствующей сферы въ обществѣ,—вотъ въ какомъ положеніи и въ какихъ условіяхъ я долженъ былъ приступить къ общественной дѣятельности въ Москвѣ. Оставалось только изслѣдовать предварительно тѣ круги, которые, изъявляя притязаніе на преобразованіе общества, выдѣлялись тѣмъ самымъ изъ него, какъ бы признавали неудовлетворительность его состоянія и стремились быть его руководителями къ лучшему. Съ этого я началъ.

---

[1]) Въ этомъ кругу въ обычаѣ всѣ вины въ упадкѣ нравственности сваливать на Петербургъ.

СПИСОКЪ

статей Д. И. ЗАВАЛИШИНА, которыя могутъ служить дополненіемъ къ „Запискамъ Декабриста“:

1. Воспоминанія о Калифорніи, Русскій Вѣстникъ 1856 г., кн. 11.
2. По поводу статей объ Амурѣ, Морской Сборникъ 1858 г., кн. 11; 1859 г., кн. 5, 6, 7.
3. Новѣйшія извѣстія о торговлѣ на Амурѣ и замѣчанія о дѣйствіяхъ Амурской компаніи, Вѣстникъ Промышленности 1859 г., кн. 12.
4. Дѣло о колоніи Россъ, Русскій Вѣстникъ 1866 г., кн. 3.
5. Воспоминанія о Морскомъ кадетскомъ корпусѣ 1816—1822 г., Русскій Вѣстникъ 1873 г., кн. 6.
6. Походъ гардемариновъ въ Швецію и Данію, Русскій Вѣстникъ 1874 г., кн. 7.
7. Кругосвѣтное плаваніе фрегата «Крейсеръ» въ 1822—1825 г., Древняя и Новая Россія 1877г., кн. 5—7, 10—11.
8. Адмиралъ С. П. Хрущовъ, В. К. Кюхельбекеръ и С. П. Шиповъ, Древняя и Новая Россія 1878 г., кн. 1 и 5.
9. Сухоруковъ и Корниловичъ, Древняя и Новая Россія 1878 г., кн. 6.
10. Воспоминанія о Грибоѣдовѣ, Древняя и Новая Россія 1879 г., кн. 4.
11. Петербургскія легенды и событія 1825 г., Древняя и Новая Россія 1879 г., кн. 11.
12. Замѣчанія о рукописной литературѣ въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія, Историческій Вѣстникъ 1880 г., кн. 1.

13. Декабристъ М. Лунинъ, Истор. Вѣстникъ 1880 г., кп. 1.
14. Воспоминанія о графѣ А. И. Остерманѣ-Толстомъ, Истор. Вѣстникъ 1880 г., кн. 5.
15. Пребываніе декабристовъ въ тюремномъ заключеніи въ Читѣ и въ Петровскомъ заводѣ, Русск. Старина 1881 у., кн. 10.
16. Амурское дѣло и вліяніе его на восточную Сибирь, Русская Старирна 1881 г. кн. 7 и 9.
17. Вселенскій орденъ Возстановленія и отношенія мои къ Сѣверному тайному обществу, Русская Старина 1882 г., кн. 1.
18. Декабристы, Русскій Вѣстникъ 1884 г., кн. 2.

